

В. И. РЪЗАНОВЪ.

ИЗЪ РАЗЫСКАНИЙ О СОЧИНЕНІЯХЪ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1906.

Павлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1904 — 1907 гг.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Силою обстоятельствъ вынужденный сдѣлать перерывъ въ своей работѣ, рѣшаюсь выпустить предлагаемыя этюды отдѣльною книгой.

Задача моихъ разысканій — анализъ сочиненій Жуковского сравнительно и въ связи съ изученіемъ фактовъ современной ему литературы, какъ той среды, въ которой и подъ воздѣйствіями которой развивалась и протекала его писательская дѣятельность. При извѣстной пассивности натуры Жуковского, который самъ говорилъ: „У меня все чужое, и, однако же, все мое“, — очевидна необходимость выясненія, путемъ такого сравнительнаго изслѣдованія, происхожденія элементовъ и мотивовъ въ его творчествѣ, съ цѣлью освѣтить процессъ, какимъ чужое, заимствованное, навѣянное, претворялось нашимъ поэтомъ въ его поэтическую собственность.

Ближайшее изученіе тѣхъ теченій въ русской литературѣ, къ которымъ примыкалъ и которыя продолжалъ своими произведеніями Жуковский, дастъ возможность опредѣлить историко-литературное значеніе писателя, выяснитъ, что привнесъ онъ дѣйствительно новаго въ нашу литературу.

Любопытно и важно опредѣлить иноземные литературные источники и вліянія. Возможность къ тому представляется, однако, далеко не всегда: для напечатанныхъ въ старыхъ журналахъ конца XVIII—начала XIX вв. переводныхъ отрывковъ, безыменныхъ, обыкновенно коротенькихъ, мало характерныхъ, очень трудно, порою почти прямо невозможно отыскивать оригиналы и источники, тѣмъ болѣе, что

коллекцію нужныхъ сочиненій и изданій крайне трудно имѣть подъ руками.

Предлагаемая часть моихъ разысканій обнимаетъ четыре этюда.

Въ первомъ я пытаюсь освѣтить то, что извѣстно о литературныхъ стремленіяхъ и попыткахъ Жуковского въ годы его дѣтства и ранней юности, до поступленія въ Московскій университетскій благородный пансіонъ, опредѣлить тѣ вліянія, подъ какими началъ развиваться талантъ нашего поэта.

Второй этюдъ (главы II—X) посвященъ изученію пансіонскаго періода жизни и дѣятельности Жуковского. Въ своей капитальной рецензіи на книгу Загарина „В. А. Жуковскій и его произведенія. М. 1883“ (рецензія эта, отмѣтившая цѣлый рядъ существенныхъ недостатковъ, которые лишаютъ работу Загарина всякаго научнаго достоинства, относится еще къ 1885 году; напечатана она только въ послѣднее время—въ 1-й ч. III т. сочиненій Тихонравова. М. 1898) покойный Н. С. Тихонравовъ высказалъ, что время ученія Жуковского въ унив. бл. пансіонѣ составляетъ важнѣйшую эпоху въ его жизни, еще недостаточно оцѣненную; подобно многимъ другимъ работамъ Н. С. Тихонравова, которыя не только даютъ отвѣтъ на поставленный вопросъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляютъ родъ программы для дальнѣйшихъ изслѣдованій, названная рецензія заключаетъ въ себѣ рядъ драгоценныхъ указаній, своего рода путеводную нить для того, кто рѣшится подвергнуть вопросъ самостоятельному пересмотру. Слѣдуя этой нити, а также тѣмъ указаніямъ, какія даетъ академикъ А. Н. Веселовскій въ своей блестящей книгѣ о Жуковскомъ (Спб. 1904), я и предпринялъ такой пересмотръ вопроса и разысканія о пансіонскихъ сочиненіяхъ Жуковского.

Третій мой этюдъ (главы XI—XV) представляетъ обзоръ писательской дѣятельности той группы молодыхъ московскихъ литераторовъ, которые вмѣстѣ съ Жуковскимъ образовали „Дружеское литературное общество“. Послѣ подписанія 12-го января 1801 года устава этого общества Мерзляковымъ, двумя Тургеневыми, двумя Кайсаровыми, Жуковскимъ, Родзянкой, Воейковымъ и Офросимовымъ, Общество вскорѣ перестало существовать, такъ какъ юныхъ членовъ его жизнь разбросала въ разныя стороны; интересъ изученія этого кружка дѣятелей нашей литературы заключается, однако же, въ томъ, что

«образованіе Дружескаго литературнаго общества было не началомъ совмѣстной работы членовъ его, ихъ взаимнаго вліянія другъ на друга, а явилось результатомъ предшествовавшаго взаимовліянія, дружбы, тѣсно связывавшей этихъ лицъ, выросавшихъ и развивавшихся вмѣстѣ. Уставъ общества формулируетъ то, чѣмъ руководились и что считали своимъ литературнымъ идеаломъ эти молодые люди и раньше, почему я и даю обзоръ ихъ литературной дѣятельности съ самаго начала ея до первыхъ годовъ XIX вѣка, когда кружокъ распался, бывшіе члены его поверглись инымъ вліяніямъ, и каждый пошелъ своею дорогою, — Мерзляковъ, напр., тою, которая привела его къ чтенію въ Московскомъ обществѣ любителей російской словесности „Письма изъ Сибири“ противъ балладъ Жуковскаго, и т. д.

Наконецъ, въ четвертомъ этюдѣ (главы XVI—XIX) идетъ рѣчь о первыхъ переводахъ Жуковскаго въ прозѣ. Путемъ анализа существовавшихъ тогда теченій и направленій въ литературѣ, въ ближайшей къ Жуковскому средѣ, и проч., я стремлюсь выяснитъ и установить причины и поводы, по которымъ нашъ поэтъ избиралъ для перевода то или другое сочиненіе, а посредствомъ сличенія съ оригиналами — опредѣлитъ качества и особенности переводовъ, объясняя мотивы отступленій отъ подлинника въ связи съ общей точкой зрѣнія Жуковскаго на задачи и обязанности переводчика.

Предметомъ послѣдующихъ главъ моихъ разысканій будетъ объясненіе сдѣланныхъ въ это же время Жуковскимъ попытокъ оригинальнаго творчества въ прозѣ („Вадимъ Новгородскій“ и др.), затѣмъ — отношеній его къ Карамзину, къ Вѣстнику Европы за первые годы существованія журнала, далѣе — дѣятельности Жуковскаго, какъ редактора Вѣстника Европы и т. д. Нѣсколько главъ надѣюсь представить уже въ ближайшемъ будущемъ.

Долгомъ своимъ считаю выразитъ сердечную благодарность лицамъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе въ работѣ: проф. М. Н. Сперанскому, дружескимъ совѣтамъ и участію котораго я многимъ обязанъ, академику А. А. Шахматову, доставившему мнѣ возможность пользоваться книгами изъ библіотеки Императорской Академіи Наукъ, а также М. В. Аксенову, И. А. Бычкову, Ф. Ф. Гельбке, П. В. Зеберли, Н. К. Козмину, Я. Н. Колубовскому, А. С. Крыловскому, Э. Л.

Радлову, А. И. Станкевичу, проф. Н. О. Сумцову, Н. И. Троицкому, проф. И. Г. Турцевичу, проф. Т. Д. Флоринскому, а равнымъ образомъ — администраціи библиотеки Фрибургскаго (Швейцарія) университета.

Contréxéville (Франція),
іюнь 1906 г.

В. Р.

В. И. РѢЗАНОВЪ.

ИЗЪ РАЗЫСКАНІЙ О СОЧИНЕНІЯХЪ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1906.
lib.pushkinskijdom.ru

I.

Источникомъ свѣдѣній о дѣтствѣ В. А. Жуковскаго служатъ прежде всего воспоминанія его родственницы и почти ровесницы, извѣстной писательницы для дѣтей Анны Петровны Зонтагъ.

Происхожденіе текста этихъ воспоминаній таково ¹⁾: По поводу исполнившагося пятидесятилѣтія писательской дѣятельности Жуковскаго, отпразднованнаго въ домѣ кн. П. А. Вяземскаго, въ Петербургѣ, редакторъ „Москвитянина“ Погодинъ, „желая съ своей стороны принести дань своего уваженія Жуковскому, обратился къ А. П. Елагиной съ просьбой написать о Жуковскомъ въ «Москвитянинѣ»; но Елагина отклонила отъ себя это порученіе“, а сообщила предложеніе своей сестрѣ, А. П. Зонтагъ. Отъ этой послѣдней Погодинъ и получилъ статью, которая была напечатана въ „Москвитянинѣ“ 1849 г. № 9 подъ названіемъ: *Нѣсколько словъ о дѣтствѣ В. А. Жуковскаго*. Въ 1852 г., послѣ кончины Жуковскаго, Погодинъ перепечаталъ статью въ „Москвитянинѣ“ 1852 г., № 5, дополнивъ ее „многими новыми подробностями, сообщенными тогда же (въ 1849 г.) редактору Москвитянина ея авторомъ, но не напечатанными въ то время вслѣдствіе другихъ соображеній“. По случаю столѣтняго юбилея дня рожденія Жуковскаго воспоминанія Зонтагъ были вновь напечатаны въ „Русской Мысли“ 1883 г. № 2, по черновой рукописи А. П. Зонтагъ, составленной въ 1854 г. въ формѣ писемъ къ князю П. А. Вяземскому. Эта послѣдняя, переработанная, редакція воспоминаній значительно превосходитъ полнотой и обстоятельностью статьи „Москвитянина“.

Тихонравовъ ²⁾ отнесся крайне скептически къ рассказамъ А. П. Зон-

¹⁾ Барсуковъ, Жизнь и Труды Погодина X, 182—188; XII, 23—24.

²⁾ Соч. III, ч. 1, стр. 388—389.

тагъ, въ виду того, что по отзыву А. П. Елагиной, сообщившей рукопись Зонтагъ доктору Зейдлицу, „въ нихъ заключается правда и очень много поэзіи“. Въ противовѣсъ однако такому отзыву Елагиной, я приведу слѣдующія строки изъ письма А. П. Зонтагъ, при которомъ воспоминанія были присланы Погодину: „Если вы найдете ихъ (воспоминанія) достойными быть помѣщенными въ „Москвитянинѣ“, то прошу васъ исправить слогъ, выраженія и все, что вамъ покажется нужнымъ, кромѣ *фактовъ, совершенно справедливыхъ; ихъ признаетъ такими и самъ Василій Андреевичъ*“... ¹⁾ Это писалось при жизни самого поэта.

Погодинъ почему-то приписалъ воспоминанія эти А. П. Елагиной; послѣдняя по поводу этого написала ему: „Статью о Жуковскомъ прислала не я, а знаменитая писательница для дѣтей Анна Зонтагъ, которая и обладаетъ Мишенскимъ. Досадно мнѣ, что вы приняли это *за мой слогъ, я писала бы серьезно: Жуковский стоитъ того*“... ²⁾ Вполнѣ понятны эти упреки то въ недостаткѣ серьезности, то въ обилии поэзіи со стороны такой личности, какъ А. П. Елагина ³⁾, обращенные къ сообщеніямъ А. П. Зонтагъ, живымъ, картиннымъ, отличающимся теплою дѣтскихъ воспоминаній, но довольно поверхностнымъ; однако объ искаженіи или присочиненіи фактовъ нигдѣ не упоминается, а если бы со стороны А. П. Зонтагъ такое отступленіе отъ истины послѣдовало, то это непременно отмѣтила бы А. П. Елагина, женщина, о которой Герценъ записалъ въ 1842 г. въ своемъ дневникѣ: „Быль на дняхъ у Елагиной, матери если не Гракховъ, то Кирѣевскихъ. Видѣлъ второго Кирѣевского. Мать чрезвычайно умная женщина, безъ *цитатъ*, проста и свободна. Она груститъ о словенобѣси сыновей“... ⁴⁾, — и которой принадлежатъ слѣдующія характерныя строки въ письмѣ къ Погодину, по поводу неблагоприятнаго отзыва его о драмѣ Константина Аксакова „Освобожденіе Москвы въ 1612 г.“, — отзыва, за который Аксаковы очень обидѣлись: „Жаль мнѣ Аксаковыхъ, — писала Елагина: это щекотливое самолюбіе не простительно... Не хотятъ люди и отъ друга слышать правды, а избави насъ Богъ отъ похвалы! Куда она годится!“ ⁵⁾.

¹⁾ Барсуковъ, Ж. и тр. Погод. X, 187.

²⁾ Тамъ же X, стр. 187. Курсивъ мой.

³⁾ О ней см. Русс. Арх. 1877 г. № 8, Сѣвер. Вѣстникъ 1877 г. №№ 68, 69; Энци. Словарь Брокгауза, т. XI; Барсуковъ, Ж. и тр. Погодина, *passim*.

⁴⁾ Барсуковъ, Ж. и тр. Погод. VI, 287—288.

⁵⁾ Тамъ же, IX, 462.

Нѣкоторая провѣрка сообщеній А. П. Зонтагъ возможна при помощи той программы, которая была набросана въ 1806 г. Жуковскимъ для своей автобіографіи ¹⁾: разнорѣчія нѣтъ; воспоминанія Зонтагъ рассказываетъ о томъ, на что въ программѣ сдѣланы только краткій намекъ. Изъ этой программы видно, что первыя сочиненія нашего поэта относятся еще ко времени пребыванія его въ пансіонѣ Роде; что это были за сочиненія, свѣдѣній не имѣется. Затѣмъ въ пунктѣ пятомъ программы читаемъ: „Отъѣздъ въ Тулу. В(арвара) Афанасьевна (Юшкова). Ученье въ училищѣ... *Сочиненія*. Выходъ изъ училища“... Объ этой эпохѣ молодости Жуковского и сообщаетъ А. П. Зонтагъ въ интересующей насъ въ настоящее время части своихъ воспоминаній. Отсюда мы узнаемъ объ авторской дѣятельности Жуковского, о его сочиненіяхъ за то время, когда онъ посѣщалъ народное училище въ Тулѣ. Увлеченіе сочинительствомъ настолько овладѣло Жуковскимъ—избалованнымъ въ то время мальчикомъ, выросавшимъ среди забавъ дѣтскаго, по преимуществу дѣвическаго кружка,—что серьезныя занятія въ общественной школѣ, руководимой извѣстнымъ въ свое время писателемъ, филантропомъ и педагогомъ Ѳ. Г. Покровскимъ, оказались совершенно не по душѣ Жуковскому, такъ что по настоянію Покровскаго онъ долженъ былъ оставить училище.

Къ такому увлеченію литературой очень располагала вся домашняя обстановка, въ которой жилъ въ это время Жуковскій—въ семьѣ старшей сестры его Варвары Афанасьевны Юшковой; докторъ К. К. Зейдлицъ, человѣкъ хорошо знавшій эту семью, рассказываетъ ²⁾:

„Въ домѣ Юшковыхъ собирались всѣ обыватели города и окрестностей, имѣвшіе притязаніе на высшую образованность. Варвара Афанасьевна была женщина по природѣ очень изящная, съ необыкновеннымъ дарованіемъ къ музыкѣ. Она устроила у себя литературные вечера, гдѣ новѣйшія произведенія школы Карамзина и Дмитріева, тотчасъ же послѣ появленія своего въ свѣтъ, дѣлались предметомъ

¹⁾ Напечатана И. А. Бычковымъ: *Бумаги В. А. Жуковскаго*, стр. 4 (Приложеніе къ отчету Имп. Публич. Биб. за 1884 г.) и вторично въ „*Дневникахъ В. А. Жуковскаго*“ стр. 36—41 (Русс. Стар. 1901 г. май; *Дневники Жуковскаго* изданы съ примѣчаніями И. А. Бычковымъ въ Русс. Старинѣ 1901—1902 г. и отдѣльно. С.-Пб. 1903).

²⁾ Жизнь и поэзія Жуковскаго. С.-Пб. 1883. стр. 14.

чтеній и сужденій ¹⁾). Романами русская словесность не могла въ то время похвалиться; потребность въ произведеніяхъ этого рода удовлетворялась сочиненіями французскими... *Варвара Аванасьевна занималась даже управленіемъ тульскаго театра*“.

Эта литературно-драматическая атмосфера, естественно, оказала свое дѣйствіе на даровитаго ребенка, будущаго поэта; впечатлѣнія окружающаго вызвали съ его стороны откликъ—и онъ принимается самъ сочинять. Наиболѣе сильными оказались впечатлѣнія театра. Ни въ воспомнаніяхъ о дѣтствѣ Жуковскаго, ни въ его программѣ автобіографіи, къ сожалѣнію, нѣтъ ни одного намека на посѣщеніе имъ спектаклей; но, думается, онъ, такой любитель театра впоследствии, не могъ остаться чуждымъ театру, которымъ, по свидѣтельству Зейдлица, руководила В. А. Юшкова. И вотъ зимою 1795 года юный поэтъ, которому шель въ это время двѣнадцатый годъ, затѣваетъ устроить дома спектакль; онъ сочиняетъ для этого и разучиваетъ съ своими подругами трагедію въ прозѣ „*Камилль или освобожденный Римъ*“. А. П. Зонтагъ, сама маленькой дѣвочкой принимавшая участіе въ исполненіи этой трагедіи, сообщаетъ о ней такія подробности ²⁾): Роль Камилла игралъ самъ авторъ; на немъ былъ шлемъ изъ золотой бумаги, въ рукахъ маленькая сабля вмѣсто боевого меча, пика обвитая разноцвѣтной бумагой и лукъ, за плечами—колчанъ со стрѣлами; А. П. Зонтагъ исполняла роль консула Люцій Мнестора; сестра ея была вѣстникъ Лентуль; всѣ прочія дѣти изображали сенаторовъ. „О сюжетѣ трагедіи говорить нечего,—разсказываетъ А. П. Зонтагъ,—и я не очень помню ея ходъ; но памятно мнѣ только, что я сидѣла въ большомъ курульномъ креслѣ, на президентскомъ мѣстѣ, окруженная сенаторами, сидѣвшими на стульяхъ... Сцена была устроена въ залѣ; вмѣсто кулисъ были поставлены ширмы и стулья... Я, консулъ Люцій Мнесторъ, сказала какую-то рѣчь сенаторамъ о жалкомъ состояніи Рима и о необходимости заплатить Бренну дань; но прежде чѣмъ почтенные сенаторы успѣли пролепетать свое мнѣніе, влетѣлъ Камилль съ обнаженнымъ мечомъ и въ гнѣвѣ объявилъ, что не соглашается ни на какія постыдныя условія и сейчасъ идетъ сражаться съ галлами, обѣщая прогнать ихъ... Тотчасъ по его уходѣ явился вѣстникъ Лентуль съ извѣстіемъ, что галлы разбиты и бѣгутъ. Не

¹⁾ Петръ Николаевичъ Юшковъ названъ въ спискѣ лицъ, подписавшихся на Карамзинскій „Московскій Журналъ“ (*Моск. Журн.*, ч. VI, въ концѣ книжки).

²⁾ Русс. Мысль 1883 г. № 2. стр. 282—284.

успѣли мы, отцы Рима, изъяснить своего восторга, какъ вбѣжалъ побѣдитель и краснорѣчиво описалъ намъ свое торжество“... Въ заключеніе является смертельно раненая ардейская царица Олимпія, содѣйствіе которой рѣшило сраженіе въ пользу римлянъ, и умираетъ на сценѣ.

Въ основѣ этой трагедіи мальчика-Жуковского лежитъ легенда о Камиллѣ, которому приписывалось спасеніе Рима во время нашествія галловъ, при помощи жителей Ардеи, древней столицы рутуловъ, лежавшей въ 18 римскихъ миляхъ отъ Рима. Трудно съ достаточной увѣренностью указать источникъ, откуда сдѣлалась извѣстна эта легенда Жуковскому. Не изъ плутарховскаго ли жизнеописанія Камилла? ¹⁾ Самостоятельной обработки избраннаго сюжета въ драматической формѣ, конечно, нельзя предположить со стороны юнаго поэта, такъ какъ долгое время и позднѣе писательство Жуковского находилось въ сильнѣйшей зависимости отъ литературныхъ вліяній. Собственнаго признанія поэта, въ родѣ пушкинской эпиграммы о пьесѣ „Escamoteur“, которую авторъ „escamota de Molière“, отъ Жуковского мы не имѣемъ; свѣдѣнія, какія сохранились о содержаніи его перваго драматическаго опыта, недостаточны для того, чтобы отыскать оригиналь, ближайшій источникъ „Камилла“. Однако то, что мы знаемъ о дѣтскомъ спектаклѣ Жуковского, совершенно опредѣленно указываетъ на ту область литературы, подъ вліяніемъ которой находился въ это время нашъ поэтъ—и съ этой точки зрѣнія этотъ спектакль заслуживаетъ полнаго вниманія. „Камиллъ“, насколько можно о немъ составить представленіе по воспоминаніямъ А. П. Зонтага, носитъ на себѣ типическіе внѣшніе признаки псевдо-классической пьесы: дѣйствующими лицами выведены легендарный герой, героиня-царица, высшіе сановники; играетъ роль вѣстникъ, сообщающій объ исходѣ главнаго событія—битвы, которое совершается за сценою; мѣстомъ дѣйствія избранъ Римъ; въ основу пьесы положено quasi-историческое преданіе, осложненное однако введеніемъ вымышленныхъ лицъ, ходъ событій произвольно видовзмѣненъ; происше-

¹⁾ Жуковский могъ читать біографію Камилла какъ по французски (напр. въ *Oeuvres de Plutarque traduites du grec par Jacques Amyot, Paris 1784, tome I. pp. 451—529*), такъ и въ русскомъ переводѣ: *Глѣбовъ, С. Житія славныхъ въ древности мужей, писанныя Плутархомъ. Пер. съ фр., 2 ч. С.-Пб. 1765 г., во 2-мъ томѣ этого изданія помѣщена между прочими и біографія Камилла. Сочиненія Плутарха пользовались большою популярностію въ концѣ XVIII и нач. XIX вв.*

ствія такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, что нарушенія закона пресловутыхъ единствъ не замѣтно, хотя юный драматургъ едва ли думалъ и о соблюденіи его.

Псевдо-классицизмъ, какъ извѣстно, сохранялъ у насъ господствующее положеніе въ теченіе всего Екатерининскаго времени, и лишь случайно разнообразили общій фонъ единичныя уклоненія отъ кодекса Буало—зачатки новаго литературнаго движенія; псевдо-классицизмъ держался долгое время и послѣ. На сценѣ въ театрахъ долго не переставали занимать видное мѣсто псевдо-классическія трагедіи ¹⁾. Мы не имѣемъ свѣдѣній о репертуарѣ Тульского театра за то время, когда руководила имъ В. А. Юшкова, и когда могъ посѣщать его Жуковский; весьма возможно, что изученіе этого репертуара за 1794—1795 годы ²⁾ указало бы ближе источникъ „Камилла“ Жуковского. Рѣшаюсь высказать предположеніе, не повліяли ли на выборъ Жуковскимъ сюжета и не доставили ли ему отчасти и матеріалъ сцены „*Publius Scipionis postea sраженія при Каннахъ*“, Мейснера, напечатанныя въ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ за 1795 годъ, часть 5-я. Мейснеръ (Августъ Готтлибъ, 1753—1807), какъ извѣстно, былъ авторомъ драмъ, въ которыхъ онъ часто подражаетъ французамъ. Въ его сценахъ „Публий Сципіонъ“ взять моментъ аналогичный „Камиллу“: Римъ послѣ пораженія, нанесеннаго при Каннахъ римскому войску Ганнибаломъ; первая сцена открывается совѣщаніемъ военныхъ трибуновъ и офицеровъ: рѣчь идетъ о тяжелыхъ обстоятельствахъ, постигшихъ Римъ; Лентуль рассказываетъ о подробностяхъ битвы. Военный трибунъ Публий Сципіонъ обра-

¹⁾ Напр. въ Петербургѣ въ 1789 г. изъ 146 спектаклей 24 было посвящено исполненію трагедій; въ 1795 г. трагедій давались 21 разъ (изъ 140 представлений), между этими трагедіями насчитывается цѣлый рядъ такихъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ античной жизни: пли „Цинна“ Корнеля, „Британія“, Расина, „Гипермистра“ Лембера, „Дидона“, „Софонизба“, „Эдипъ“, „Ифигенія въ Авлидѣ“ и др. (Архивъ дирекціи Императорскихъ Театровъ, вып. I, отд. III, стр. 232 и сл.: перечислены названія пьесъ, отмѣчено время ихъ исполненія и пр.). Репертуаръ провинціальныхъ театровъ отстаетъ обыкновенно отъ поступательнаго движенія столичныхъ. Въ Казани въ 1805 г. ставили „Дмитрия Самозванца“ Сумарокова, „Магомета“ Вольтера, „Рослава“, „Титово милосердіе“ Княжнина, „Эдипа въ Афинахъ“ Озерова (Воспоминанія С. Т. Аксакова—Поли. Собр. Соч. Акс., II, 273).

²⁾ Къ сожалѣнію, возможность такого изученія, кажется, исчезла навсегда: Тульскій театръ въ 60-хъ годахъ прошедшаго столѣтія сгорѣлъ, и архива не осталось нигдѣ. Сообщеніемъ этихъ свѣдѣній я обязанъ старшинѣ Тульского Историко-Археологическаго товарищества Н. П. Троицкому, которому и приношу мою благодарность.

щается къ окружающимъ съ горячимъ призывомъ спасать отечество; читаемъ между прочимъ слѣдующее:

Сципіонъ. ...Называйте Канны Алліею ¹⁾, именуите Ганнибала Бренномъ! Пусть онъ свирѣпствуетъ до стѣвъ римскихъ, до гробовъ Гальскихъ; но развѣ нѣтъ у отечества нашего Камилловъ? Развѣ мы не внуки оныхъ героевъ? Не равны съ ними въ мужествѣ, добродѣтели и патриотизмѣ?

Всѣ. Равны, равны!

Одинъ голосъ. Будь ты Камилломъ.

Всѣ. Будь нашимъ Камилломъ! Повелѣвай! Предписывай! Веди насъ куда тебѣ угодно!.. ²⁾.

Это мѣсто и могло обратить вниманіе Жуковскаго на Камилла и побудить обработать легенду о немъ въ подражаніе пьесамъ, видѣннымъ на сценѣ Тульского театра. Пылкія рѣчи Сципіона очень удобно могли быть перефразированы Жуковскимъ и вложены въ уста Камилла.

Рядомъ съ псевдо-классическими вліяніями у Жуковскаго-юноши нашло откликъ и выступившее впередъ новое литературное теченіе: д-ръ Зейдлицъ отмѣчаетъ, что въ домѣ Юшковыхъ, за недостаткомъ оригинальныхъ русскихъ романовъ, читались романы французскіе; какого рода были эти романы, видно между прочимъ изъ сообщенія Зейдлица, что сестра В. А. Юшковой Екатерина Аванасьевна, уѣзжая съ мужемъ и другою сестрой въ Кяхту, взяла съ собой *La Nouvelle Héloïse* Руссо и *Adèle et Théodore*—сентиментальное сочиненіе г-жи Жанлисъ о воспитаніи—книги, которыя и были единственнымъ чтеніемъ Екатерины Аванасьевны въ Кяхтѣ ³⁾. Особенное впечатлѣніе производила увлекавшая тогда читателей сентиментально-идиллическая повѣсть Бернардена де Сень-Пьеръ *Павель и Виргинія* ⁴⁾. А. П. Зонтагъ въ своихъ воспоминаніяхъ ⁵⁾ рассказываетъ, что Жуковский послѣ *Камилла* сочинилъ и разучилъ со своими подругами новую пьесу, подъ названіемъ *Г-жа де-ла-Туръ*, содержаніе которой заимствовалъ изъ названной повѣсти Бернардена де Сень-Пьера; спектакль не удался, и о немъ мы знаемъ только то, что сцена

¹⁾ Рѣчка, при которой галлы разбили римлянъ.

²⁾ Пр. и пол. препр. вр. V, стр. 57—58.

³⁾ *Зейдлицъ*, Жизнь и п. Жук., стр. 13.

⁴⁾ *Paul et Virginie* вышла въ 1788 году; русский переводъ появился уже въ 1793 г. (*Сопиковъ*, Опытъ росс. библіографіи № 6034).

⁵⁾ Москвитянинъ 1848 г. № 9, *ibid.* 1852 г. № 18.

должна была изображать между прочимъ завтракъ дѣйствующихъ лицъ. Можно думать, что повѣсть Бернардена де Сенъ-Пьера не осталась безъ вліянія на развитіе у Жуковскаго самой идеи дѣтскаго театра: Павелъ и Виргинія устраивали нѣчто въ родѣ спектаклей—пантомимы на темы изъ св. писанія,—и увлечся этимъ примѣромъ Жуковскому было тѣмъ легче, что страсть къ театру была, повидимому, природнымъ его свойствомъ. По словамъ Зейдлица, „Жуковскій на всю свою жизнь остался ревностнѣйшимъ любителемъ сценическихъ произведеній ¹⁾); для представленій на домашнемъ театрѣ у Плещеевыхъ Жуковскій сочинялъ комедіи ²⁾); собираясь въ 1820 г. за границу, онъ въ письмѣ въ Бѣлевъ выражалъ удовольствіе по поводу того, что ему предстоитъ „видѣть Шиллеровы и Гётсвы трагедіи“ ³⁾); попавъ въ Берлинъ, онъ писалъ: „Главное мое знакомство—театръ; бываю каждый вечеръ въ театрѣ“ ⁴⁾). Въ своемъ дневникѣ, въ замѣткахъ о путешествіи по Европѣ, Жуковскій очень часто упоминаетъ о театрѣ.

Что касается прочихъ произведеній Жуковскаго, относящихся къ этому періоду, то о нихъ мы имѣемъ еще менѣе опредѣленные извѣстія. А. П. Зонтагъ отмѣчаетъ лишь, что „Жуковскій сочинялъ стихи, которыми восхищались всѣ его товарищи“, и что это сочинительство повлекло наконецъ за собою увольненіе изъ Тульского училища ⁵⁾). Много лѣтъ спустя самъ Жуковскій, повидимому, о своемъ творчествѣ этого времени говоритъ такимъ образомъ въ письмѣ П. И. Дмитріеву отъ 11 декабря 1823 года: „Ваши стихи *Размышленіе по случаю грома* были первые выученные мною наизусть въ русскомъ классѣ, и *первые* же мною написанные стихи (безъ соблюденія стопъ) были ихъ подражаніемъ... Вы мой учитель въ поэзіи. Не

¹⁾ Назв. соч., стр. 15.

²⁾ Тамъ же; срв. Кн. Вяземскій. Выдержалъ изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива (Русс. Арх. 1866 г., стр. 875—6). Упомянутая здѣсь драма о несчастныхъ любовныхъ похожденияхъ влюбленнаго и обманутаго импрессаріо, относящаяся по времени написанія къ 1810—11 гг., напечатана проф. Архангельскимъ въ редактированномъ имъ Полн. Собр. Соч. Жук.—го, изд. Маркса, т. I, стр. 94—97, и носитъ названіе: *Коловоротню-куръезная сцена между господиномъ Леандромъ Пальясомъ и важнымъ господиномъ докторомъ*. Кн. Вяземскій (тамъ же, стр. 876) упоминаетъ и еще объ одномъ, извѣстномъ ему однако только по заглавію, раннемъ драматическомъ сочиненіи Жуковскаго, называвшемся *Скачетъ грудочекъ по ельничку (изъ старинной русской пьесы)*.

³⁾ Зейдлицъ, Ж. и п. Жук.—го, стр. 117.

⁴⁾ Неизд. письма В. А. Жук.—го, Р. Арх. 1900 г., сент., стр. 36—37.

⁵⁾ Москвитянинъ, 1849 г., № 9, стр. 9.

назову себя вашимъ достойнымъ ученикомъ, но имѣю право благодарить васъ за то, что вы способствовали мнѣ познакомиться съ живыми наслажденіями поэзіи, въ которыхъ и высокая цѣль и главная награда поэта“...

Въ 1831 г., въ стихотвореніи „Къ Ив. Ив. Дмитріеву“ Жуковский писалъ то же самое:

Я помню дни—магически мечтою
Быль для меня тогда разубранъ свѣтъ—
Тогда, явась, сорвалъ передо мною
Покровъ съ поэзіи поэта.
Съ задумчивымъ, безмолвнымъ умиленьемъ
Твой голосъ я подслушивалъ тогда,
И вопрошалъ судьбу мою съ волненьемъ:
„Наступить ли и мнѣ чреда?“

Сильнаго вліянія на поэтическіе опыты Жуковского Дмитріевъ оказать, однако, не могъ; по крайней мѣрѣ между сохранившимися стихотвореніями начального (пансіонскаго) періода поэтической дѣятельности Жуковского почти не наблюдается точекъ соприкосновенія съ произведеніями И. И. Дмитріева. Это и понятно: талантъ Дмитріева былъ по преимуществу сатирической; онъ и нашель свое выраженіе въ басняхъ, сказкахъ-сатирахъ, эпиграммахъ и т. под., наконецъ во всѣмъ извѣстной сатирѣ „Чужой толкъ“. Жуковский съ полнымъ основаніемъ отказывается назваться достойнымъ ученикомъ этого своего „учителя“. При господствѣ критическаго, сатирическаго элемента у Дмитріева, понятно, что въ молодыхъ произведеніяхъ Жуковского, чуждыхъ и тѣни сатиры, Дмитріевъ не могъ найти отраженія: ученикъ не могъ слѣдовать по этой дорогѣ за учителемъ. Не могъ быть Дмитріевъ руководителемъ Жуковскому и въ торжественной лирикѣ,—здѣсь передъ нимъ были такіе учителя, какъ Державинъ, Ломоносовъ.

Ближе стоитъ Жуковский къ той сторонѣ писательской дѣятельности Дмитріева, которая выразилась въ его сентиментальныхъ пѣсенкахъ—не совсѣмъ удачныхъ попыткахъ подражать народной лирикѣ. Къ сентиментально-идиллическимъ ноткамъ Жуковский былъ чутокъ и воспримчивъ. И въ одномъ изъ самыхъ раннихъ изъ сохранившихся стихотвореній Жуковского—*Майское утро*—встрѣчаемъ образъ „горлицы нѣжной“, которая

Лѣсъ наполняетъ
Стономъ своимъ.

Ах! знать, любезна,
Сердцу драгова
Съ ней ужъ нѣтъ...
Онъ вѣдь заснулъ
И не страшится
Лука и злобы
Хитра стрѣлка

(Соч. Жук., ред. Арханг., I, 3).

Образъ этотъ видимо навѣянъ пьеской Дмитріева, напечатанной въ „Московскомъ журналѣ“ 1791 г. (ч. IV, стр. 10), а затѣмъ въ сборникѣ „И мои бездѣлки“ М. 1795 г.: *Разговоръ прохожаго съ горлицей.*

Прохожій. Что такъ печально ты ворвешься на кусточкѣ?
Горлица. Тоскою по моемъ дружочкѣ.
Прохожій. Неужель онъ тебѣ, невѣрный, измѣнилъ?
Горлица. Ахъ, нѣтъ! стрѣлокъ его убить.
Прохожій. Несчастливая! страшись и ты его руки!
Горлица. Что нуды! Вѣдь умру жъ съ тоски.

Освѣщеніе стихотворенія у Жуковскаго—иное, чѣмъ у Дмитріева, и стоитъ въ зависимости отъ тѣхъ идей, въ сферу вліянія которыхъ онъ вовлекся въ то время, когда написано это стихотвореніе.

Майское утро и *Разговоръ прохожаго съ горлицей*—единственные пункты видимаго совпаденія твореній Жуковскаго ранняго періода съ мотивами Дмитріева,—насколько мнѣ удалось завѣтить.

Неизвѣстно, на какомъ основаніи Гречъ въ своихъ „Чтеніяхъ о русскомъ языкѣ“ (С.-Пб. 1840 г., часть II, стр. 386) высказываетъ такое замѣчаніе: „Въ 1796 г. И. И. Мартыновъ издавалъ въ С.-Петербургѣ журналъ *Муза*, въ которомъ... между прочимъ напечатаны прекрасные стихи двѣнадцатилѣтняго поэта на рожденіе нынѣ благополучно царствующаго Государя: этотъ отрокъ-поэтъ былъ Жуковский“. Гречъ имѣлъ въ виду, очевидно, четверостишіе подъ названіемъ *Стихи на случай рожденія Его Императорскаго Высочества великаго князя Николая Павловича*:

Грозамъ ли древо всколебать,
Корнями въ Нордѣ укрѣпленно?
Для вѣчныхъ отраслей рожденно—
Дерзнуть ли громы устрашать.

Четверостишіе подписано буквами *В. Р.*; объ авторѣ сдѣлано такое подстрочное примѣчаніе: „Сочинитель сей аллегоріи маленькой,

крошечный стихотворецъ. Какой лучъ надежды блестить на зарѣ его“! ¹⁾).

Н. С. Тихонртвовъ, въ статьѣ по поводу книги М. Дмитріева „Мелочи изъ запаса моей памяти“ ²⁾), высказалъ: „Первымъ изъ напечатанныхъ произведеній Жуковскаго были „Стихи на случай рожденія Его Императорскаго Высочества великаго князя Николая Павловича“, напечатанные въ 1796 г. въ журналѣ „Мартынова Муза“, приведя при этомъ самое четверостишіе *Грозамъ ли древо всколебать* и сдѣлавъ въ примѣчаніи такую ссылку: „сообщено С. Д. Полторацкимъ, который, вѣроятно, представитъ со временемъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ произведеніи нашего знаменитаго поэта“ ³⁾).

Такихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній и до сихъ поръ не имѣется. Неустроевъ ⁴⁾ категорически приписываетъ приведенное четверостишіе В. А. Жуковскому, но П. А. Ефремовъ въ изданіи сочиненій Жуковскаго приводитъ это четверостишіе только въ примѣчаніяхъ, какъ лишь приписываемое поэту, съ такой осторожной замѣткой: „странно все-таки, что онъ (Жуковскій) никогда не вспоминалъ объ этомъ стихотвореніи“ ⁵⁾).

Загадоченъ и путь, какимъ могли попасть стихи Жуковскаго въ изданіе И. И. Мартынова; въ біографіяхъ ни того, ни другого ⁶⁾ нѣтъ ни малѣйшаго намека, который могъ бы разрѣшить эту загадку.

По тону, стилю, по отзвукамъ нашей громкозвучной лирики XVIII в., четверостишіе, о которомъ идетъ рѣчь, пожалуй, похоже на строфы торжественныхъ одъ юноши-Жуковскаго, о которыхъ намъ предстоитъ говорить; но это еще очень слабое основаніе для того, чтобы можно было приписать ему четверостишіе категорически, съ увѣренностью.

II.

Въ началѣ 1797 г. Жуковскій поступилъ въ Московскій университетскій Благородный Пансіонъ. Потому ли, что перенесенный въ

¹⁾ „Муза“ 1796 г., ч. III, стр. 84.

²⁾ „Очеч. Зап.“ 1855 г., № 1, отд. III, стр. 3—22; перепечат. въ Соч. Тихонр., т. III, ч. 1-я, стр. 234 и сл.

³⁾ Соч. Тихонр., III, ч. 1-я. стр. 253, и примѣч., стр. 41.

⁴⁾ Историч. разыск., стр. 797, 800.

⁵⁾ Соч. Жуков., подъ ред. П. А. Ефремова, изд. 8-е, С.-Пб. 1885 г., т. I, стр. 502.

⁶⁾ *Колбасинъ*, И. И. Мартыновъ. Современникъ, т. LVI, отд. II.

иную атмосферу онъ иначе, серьезнѣе, нежели въ Тульскомъ училищѣ, сталъ относиться къ своимъ ученическимъ обязанностямъ,—или потому, что при многопредметности и разнообразіи учебнаго плана пансіона ¹⁾ постановка учебнаго дѣла въ немъ позволила Жуковскому ограничиться занятіями по тѣмъ предметамъ, къ которымъ онъ былъ склоненъ и способенъ,—только въ слѣдующемъ 1798 году нашъ поэтъ былъ признанъ и товарищами и начальствомъ, вмѣстѣ съ другимъ ученикомъ, Костомаровымъ, лучшимъ „въ ученіи и поведеніи“, первымъ „въ благонравіи и прилежаніи“,—и на торжественномъ актѣ пансіона 14-го ноября 1798 г. Жуковскому было поручено читать „сочиненную имъ рѣчь (о добродѣтели), приличную сему случаю“ ²⁾. Успѣхи Жуковского въ русской словесности, въ стихотворствѣ, повидимому, при издавна господствовавшемъ въ пансіонѣ литературномъ направленіи, наиболѣе выдвигали его среди товарищей. Уже въ самый годъ поступления его въ пансіонъ въ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (часть XVI) печатается прозаическая статья его „Мысли при гробницѣ“ и стихотвореніе „Майское утро“; въ этомъ же 1797 г. на публичномъ актѣ 19-го декабря Жуковский читаетъ свою оду „Благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ ея самодержцемъ Павломъ Первымъ“; на актѣ слѣдующаго года (22-го декабря 1798 г.) онъ читаетъ свое стихотвореніе „Добродѣтель“ (Отъ свѣта свѣтовъ лучъ излился) и помѣщаетъ въ Пр. и пол. препровожденіи вр.“ (ч. XVII, XX) другое стихотвореніе „Добродѣтель“ (Подъ звѣзднымъ кровомъ тихой ночи) и прозаическія статьи: „Миръ и война“, „Жизнь и источникъ“. Къ 1799—1800 гг. относятся стихотворенія Жуковского: „М. М. Хераскову“, „Могущество, слава и благоденствіе Россіи“, „Стихи на новый 1800 годъ“, „Къ Тибуллу“, „Миръ“, „Платону“, „Герой“ ³⁾, и прозаическія статьи: „Къ надеждѣ“, „Мысли на кладбищѣ“, „Истинный герой“.

Всѣ эти сочиненія носятъ на себѣ признаки талантливой, но еще ученической пробы пера для выраженія мыслей и настроеній, возникшихъ подъ вліяніемъ условій, среди которыхъ жилъ теперь Жуковский.

Главою университетскаго благороднаго пансіона былъ въ это время

¹⁾ Тихонравовъ, соч. III, ч. I, стр. 410.

²⁾ Актъ. бывшій въ Универс. благородномъ пансіонѣ 14-го ноября 1798 г., *Москвитянинъ*, 1847 г., ч. III, стр. 54 и сл.

³⁾ Впервые извлеч. изъ рукописей въ изданіи Маркса подъ ред. проф. Архангельскаго, т. I, стр. 10—11.

Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій. Питомецъ Кіевской духовной академіи съ 1773 г., онъ въ 1782 г. перешель изъ академіи въ Московскій университетъ, гдѣ и обучался „на иждивеніи Дружескаго ученаго общества“ ¹⁾, основаннаго Новиковымъ и Шварцемъ.

Преслѣдую свою идею о распространеніи истиннаго просвѣщенія, Шварцъ, получивъ профессуру въ Московскомъ университетѣ, задумалъ „учредить обширный разсадникъ воспитателей юношества, и съ тѣмъ вмѣстѣ переводчиковъ-писателей, которые бы принесли пользу Русской словесности“ ²⁾. 13-го ноября 1779 г. трудами Шварца была открыта „педагогическая семинарія“; Шварцъ былъ назначенъ ея инспекторомъ; онъ „повторялъ съ семинаристами публичныя лекціи и показывалъ методы учить и учиться“ ³⁾. Въ концѣ 1779 г. Новиковъ и друзья его, будущіе члены „Дружескаго ученаго общества“, вошли въ надеждѣ на будущее, въ сношенія съ начальствомъ духовныхъ семинарій и академій, предлагая присылать въ Москву своихъ питомцевъ для продолженія ими образованія въ университетѣ на счетъ предполагавашагося общества ⁴⁾. Въ іюнѣ 1782 г. было опубликовано ⁵⁾ объ открытіи при Московскомъ университетѣ филологической „переводческой“ семинаріи „для преложенія лучшихъ авторовъ и правоучительныхъ сочиненій на російскій языкъ“; эта филологическая семинарія должна была „также находящимся уже при семъ же университетѣ семинаристамъ (педагогической семинаріи) способствовать въ ученыхъ ихъ упражненіяхъ всевозможнымъ образомъ“; Дружеское ученое общество давало средства для содержанія при переводческой семинаріи 16 студентовъ университета. Въ объявленіи прибавлено, что объ этомъ „отъ Дружескаго того общества представлено письменно, куда надлежало, съ объясненіемъ, что оно, желая быть полезнымъ и

¹⁾ *Шевыревъ*, Ист. Моск. ун-въ, стр. 223: „Въ печатныхъ спискахъ студентовъ 1782 г. мы встрѣчаемъ 20 человекъ, обучающихся на иждивеніи Дружескаго ученаго общества и въ числѣ ихъ имена двухъ братьевъ Антонскихъ. Михаила и Антона“... Срв. *Біогр. и слов. и профес. и преп. Моск. ун-въ*, М. 1855 г., I, стр. 12 и сл. *Сушковъ*, Московск. университетскій благород. пансіонъ. М. 1858, стр. 54—65.

²⁾ *Исторія Москов. ун-въ*, стр. 220.

³⁾ *Біогр. слов. проф. Моск. ун-верст.* т. II, стр. 584 (статья *Н. С. Тихонравова*).

⁴⁾ Первымъ стипендіатомъ былъ М. И. Невзоровъ, тогда же присланный изъ Рязанской семинаріи и прошедшій юридическій и медицинскій факультеты. (*Безсоновъ*, М. И. Невзоровъ, Русск. Бес. 1856 г., кн. III, Жизнеописанія, стр. 88).

⁵⁾ *Московскія Вѣдомости* 1782 г., № 48, стр. 383, № 52, стр. 415—416.

духовнымъ училищамъ, шесть студентовъ намѣрено принять изъ учрежденныхъ въ различныхъ епархіяхъ семинарій“¹⁾.

Къ этой группѣ питомцевъ Московскаго университета и Дружескаго ученаго общества принадлежалъ и А. А. Прок.-Антонскій, который по словамъ Сушкова²⁾ „въ 1784 году былъ бакалавромъ учительскаго при университетѣ института“, т. е. педагогической семинаріи.

Въ эти годы своей спеціальной подготовки къ педагогическому поприщу Антонскій находился подъ сильнымъ вліяніемъ проф. Шварца. Для семинаристовъ онъ читалъ у себя на дому частныя лекціи философской исторіи, разбирая Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла-Метри и проч., и впослѣдствіи слушатели съ благодарностью вспоминали объ этихъ лекціяхъ³⁾. Направляя воспитаніе молодыхъ людей въ духѣ „Дружескаго ученаго общества“, Шварцъ не ограничивался чтеніемъ лекцій, а вступалъ съ студентами въ личныя сношенія, бесѣдоваль съ ними, давалъ имъ книги и умѣлъ вносить жизнь и симпатію въ сухія отношенія, существующія между слушателями и обыкновенными преподавателями⁴⁾.

Стремясь развить въ слушателяхъ нравственную и умственную самодѣятельность, Шварцъ въ 1781 году организовалъ въ средѣ студентовъ литературный кружокъ, получившій названіе „Собранія университетскихъ питомцевъ“. Члены кружка собирались для чтенія и обсуждения своихъ молодыхъ литературныхъ опытовъ. Цѣль „Собранія“ такъ опредѣлялъ одинъ изъ членовъ его: „Шварцъ вперилъ все

¹⁾ Биографич. словарь Моск. унив., II, 587—588. Срав. *Милуковъ*, Очерки по ист. русск. культ., ч. III, вып. 2-й, стр. 355—356. Во время пожара, истребившаго, въ началѣ XIX в. (въ 1811 г.), большую часть бібліотеки и архива Кіевской дух. академіи, погибла связка дѣлъ въ которыхъ должны были храниться официальные бумаги о вывозѣ питомцевъ академіи въ Московскій университетъ и о перемѣщеніи суда Пр.-Антонскаго. Навести эти справки мнѣ оказалъ любезное содѣйствіе бібліотекарь Кіевской дух. академіи, А. С. Крыловскій, которому долгомъ считаю здѣсь выразить здѣсь благодарность.

²⁾ Москов. унив. благор. пансіонъ, стр. 55; срав. Біогр. словарь Москов. унив., I, стр. 13; „Въ 1784 г. произведенъ (Антонскій) бакалавромъ учительскаго института“. У Сушкова въ рукахъ находился подлинный послужной списокъ Антонскаго (Моск. унив. бл. панс., Предисловіе стр. IX). Статья въ Біогр. Словарѣ Москов. унив., повидимому, судя по стилю даннаго мѣста, восходитъ къ тому же официальному источнику.

³⁾ Біогр. Слов. Москов. унив., II, 591, 592.

⁴⁾ *Лотшиновъ*, *Новиковъ* и москов. мартилисты, стр. 128.

свое вниманіе на доставленіе въ университетъ обучающемуся юношеству такихъ средствъ, по которымъ бы оно не только могло успѣвать въ наукахъ, но и жить по правиламъ благонравія. Почему привязавъ къ себѣ оное своею любовью и непримѣрнымъ снисхожденіемъ, завелъ и сіе нынѣ цвѣтущее и никогда неуывдаемое общество, предписавъ ему два главнѣйшіе закона и двѣ спасительнѣйшія цѣли: первую, до просвѣщенія разума относящуюся, чтобы упражняться въ сочиненіяхъ разнаго рода и переводахъ наилучшихъ мѣстъ изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, и издавать въ свѣтъ годичный журналъ въ пользу бѣдныхъ; а вторую, непосредственно исправляющую наши испорченныя склонности, чтобы при началѣ каждого собранія по очереди говорить членамъ *о какой-либо нравственности рѣчь*; и тѣмъ бы самымъ соединяясь между собою тѣснѣйшимъ узломъ любви и желанія къ достиженію столь величественной для юношества цѣли, могли бы сдѣлаться со временемъ какъ для себя самихъ, такъ и для цѣлаго нашего любезнѣйшаго отечества полезными¹⁾.

Какъ велико было вліяніе Шварца на „университетскихъ питомцевъ“, видно изъ того, что долго послѣ смерти учителя среди нихъ сохранился настоящій культъ его памяти²⁾.

А. А. Прокоповичъ-Антонскій черезъ два года послѣ своего поступленія въ университетъ, въ 1784 г. былъ уже предѣвателемъ въ „Собраніи университетскихъ питомцевъ“³⁾. Изъ трудовъ этихъ „питомцевъ“ составлялись болшею частью издававшіеся Н. И. Новиковымъ журналы: *Московское ежемѣсячное изданіе* (1781 г.), *Вечерняя Заря* (1782 г.), *Поколящійся трудолюбецъ* (1784 г.). „Все они тѣсно связаны между собою и составляютъ одну бібліотеку правоучительныхъ статей,—замѣчаетъ Н. С. Тихонравовъ. Глубоко-религіозный характеръ господствуетъ въ этихъ изданіяхъ,—несомнѣнный слѣдъ вліянія Шварца: прежніе журналы Новикова отличались сатирическимъ направленіемъ“⁴⁾. Шварцъ самъ былъ преданъ ученію Бѣма; по этой же дорогѣ увлекалъ онъ и лицъ, попавшихъ въ сферу его вліянія. „Вселяя въ своихъ слушателей сочувствіе къ переводамъ, онъ доставлялъ Новикову усердныхъ сотрудниковъ, въ то же время воплнѣ проникнутыхъ

¹⁾ Біограф. Словарь Москов. унив., II, стр. 588—589, съ ссылкой на неизданныя рѣчи и стихотворенія на смерть Шварца.

²⁾ *Ломоносовъ*, Новиковъ и московскіе маргиналисты, стр. 211; *Милюковъ*. Очерки по ист. русск. культ., ч. III, вып. 2-й, стр. 356.

³⁾ Біограф. словарь Моск. унив., I, стр. 18.

⁴⁾ Тамъ же, II, 589.

его учениемъ¹⁾. Имя А. А. Антонскаго стоитъ въ числѣ сотрудниковъ „Покоящагося Трудолюбца“, студентовъ Московскаго университета, „пріявшихъ толь благородные труды“, рядомъ съ именами М. А. Антонскаго (братъ Антона), В. С. Подшивалова, П. А. Сохапкаго и др.²⁾. По кончинѣ проф. Шварца (17-го февраля 1784 г.), на устроенномъ въ память его (26-го марта 1784 г.) торжественномъ засѣданіи „Собранія унив. питомцевъ“ Антонскій былъ въ числѣ учениковъ Шварца, читавшихъ въ честь его свои стихи и рѣчи³⁾.

Энергичными учителями проф. Шварца созданъ цѣлый кружокъ „молодыхъ интеллигентовъ, педагоговъ и переводчиковъ“, дѣятельность которыхъ оставила очень замѣтный слѣдъ какъ въ исторіи русской школы, такъ и въ русской печати конца XVIII вѣка. Идеи, въ какихъ воспитались эти питомцы новиковскаго кружка, и какія они и проводили въ „Вечерней Зарѣ“ и „Покоящемся Трудолюбцѣ“, были идеями нравственнаго самосовершенствованія, самопознанія, истиннаго просвѣщенія, дѣятельной филантропіи; идеями тогдашней нѣмецкой популярной философіи⁴⁾.

А. А. Антонскій былъ изъ числа лицъ, принадлежавшихъ къ этому кружку.

Пройдя курсъ университета по медицинскому и философскому факультету, Антонскій занялъ въ 1788 г. въ Московскомъ университетѣ кафедру энциклопедіи и натуральной исторіи, впоследствии былъ членомъ многихъ ученыхъ и литературныхъ обществъ. Съ 1791 г. онъ сдѣлался инспекторомъ, а затѣмъ директоромъ унив. благороднаго пансіона,—это было главное поприще его дѣятельности. Пансіонъ былъ дѣтищемъ Антонскаго: получивъ его въ свое завѣдываніе, онъ начерталъ „новое постановленіе“, выработалъ своеобразный учебный планъ, заботился объ изданіи специально для пансіона учебныхъ книгъ⁵⁾.

Педагогическимъ по преимуществу характеромъ отличалась и литературная дѣятельность Прокоповича-Антонскаго. Изъ сочиненій его

¹⁾ Тамъ же, II, стр. 588.

²⁾ Покоящ. Трудолюбецъ, ч. I. М., 1784, „отъ издателей Вечернія Зари“.

³⁾ *Лонгиновъ*, Новиковъ и моск. марг., стр. 211, съ ссылкой на имѣвшуюся у автора рукопись „въ которой заключается 5 статей въ прозѣ и 5 стихотвореній“.

⁴⁾ Срав. *Милюковъ*, Очерки по ист. русск. культ., ч. III, вып. 2, стр. 356—364. Срв. *Лонгиновъ*, *op. cit.*; стр. 178.

⁵⁾ *Шевыревъ*, Исторія Москов. университета, стр. 215—216; *Тихонравовъ*, соч. III, ч. I, стр. 399.

особой извѣстностью пользовалась его рѣчь „*O воспитаніи*“, произнесенная на университетскомъ актѣ въ 1798 г. ¹⁾; въ ней онъ касается слѣдующихъ вопросовъ:

Худыя и добрыя свойства человѣка зависятъ отъ воспитанія. Судьба цѣлыхъ народовъ зависитъ отъ воспитанія молодыхъ людей. Воспитаніе есть физическое и моральное; предметъ его—образованіе тѣлесныхъ и душевныхъ способностей человѣка. Средствомъ для воспитанія физическаго, укрѣпленія силъ и здоровья, служатъ дѣятельность (физическія упражненія), воздержаніе, простота жизни и умѣренность. Кромѣ этихъ условій, крѣпость, стройность и красота тѣла,—и вообще какъ красота, такъ и безобразіе физическое весьма много зависятъ отъ красоты и безобразія нравственнаго; красота же души приобрѣтается просвѣщеніемъ ума и образованіемъ сердца, воспитаніемъ нравственнымъ. Умъ есть главнѣйшее преимущество человѣка; образованіе, очищеніе его тѣмъ должно быть важнѣе; онъ можетъ расти, укрѣпляться и возвышаться по мѣрѣ стараній, объ немъ прилагаемыхъ. Развитіе душевныхъ способностей человѣка должно начинать на самой зарѣ юности его; но надобно, чтобы оно въ началѣ своемъ сколько можно было легче, почти непримѣтно, и возвышалось постепенно; къ систематическому же образованію ума должно приступать тогда только, когда самое тѣло получить уже извѣстную крѣпость. Безвременное напряженіе истощаетъ естественныя силы и таланты души и дѣлаетъ совсѣмъ неспособными къ важнымъ дѣламъ къ перенесенію трудовъ. Первымъ правиломъ воспитатель долженъ поставить себѣ то, чтобы заблаговременно излѣдовать способности воспитанника, и сообразно силамъ и дарованіямъ молодого человѣка размѣрять труды о немъ и старанія; узпавши способности ума, надлежитъ употреблять средства, споспѣшествующія развитію ихъ и направленію къ доброй и спасительной цѣли.

Изошреніе памяти доставляетъ лучшее богатство уму. Нужно только умѣть изошрить ее. Посредствомъ памяти дѣлаемся мы обладателями сокровищъ всѣхъ странъ, всѣхъ вѣковъ. Но какъ нельзя имѣть ни физической, ни моральной возможности научиться всему, что до насъ открыто, то въ этомъ случаѣ нуженъ благоразумный выборъ; нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ позволить воспитаннику читать

¹⁾ Напечатана въ 1807 г. въ „Утренней Зарѣ“, кн. IV, и въ „Избранныхъ сочиненіяхъ изъ Утр. Зари“, ч. II, М. 1809. Отдѣльно издалъ *Ив. Давыдовъ*, М. 1818, перепечат. у *Сущикова*, Моск. унив. бл. панс., прилож., 90 и сл.

безъ разбору всякую попадающуюся въ руки книгу. Важнѣйшая польза, какую доставляетъ намъ память, состоитъ въ изученіи языковъ; они обогащаютъ насъ многими высокими, тонкими, прекрасными мыслями, кои въ переводахъ или обезображиваются или совсѣмъ пропадаютъ... Преимущественно же должно заниматься отечественнымъ языкомъ и употреблять всѣ старанія и средства для достиженія въ немъ правильнаго, твердаго, основательнаго знанія. Изъ учебныхъ предметовъ, которые болѣе споспѣшествуютъ просвѣщенію и укрѣпленію разсудка, Антонскій на первое мѣсто ставитъ исторію, затѣмъ науки физическія и математическія, однако прибавляетъ: кругъ наукъ безпредѣленъ; какія для кого полезнѣе, нужнѣе—трудно сказать утвердительно. *Выборъ въ семъ предоставляется благоразумію воспитателя*, который долженъ смотрѣть на сложеніе, характеръ и способности своего питомца, а болѣе на то званіе, къ которому порода или другія отношенія его назначаютъ.

„Въ Антонскомъ, какъ педагогъ,—говоритъ Шевыревъ ¹⁾),—былъ одинъ талантъ, рѣдкій, который не всякому дается: это даръ проицанія, даръ умѣнія отгадывать способности. Можно соединить въ себѣ и ученость глубокую и разнообразную, и возвышенныя силы ума, и обширныя познанія въ педагогикѣ, но безъ этого дара Божія не успѣешь на томъ трудномъ поприщѣ, которое проходилъ Антонскій. Да, у него былъ этотъ глазъ, проникавшій въ душу и мѣтко попадавшій въ цѣль свою. Дарованіе открывалъ онъ сразу, тотчасъ же давалъ ему ходъ и ставилъ на видъ“.

Такія качества и пріемы воспитателя дѣлаютъ вполне понятнымъ, почему Жуковскій, уволенный изъ Тульскаго училища, поступивъ въ унив. благородный пансіонъ, быстро былъ признанъ „лучшимъ въ ученіи и поведеніи“, и сразу же могъ начать свое поэтическое поприще.

На разсудокъ, познанія, искусства, на самое счастье и несчастье,—продолжаетъ въ рѣчи Антонскій,—весьма много дѣйствуетъ въ человѣкѣ сила воображенія. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ сильное воображеніе, напитанное нездоровою пищею; нѣтъ ничего неприянтнѣе, какъ человѣкъ, котораго воображеніе мертво. Да будутъ всегда вождемъ ему правила здраваго разсудка и законы природы. Сколько правильное и очищенное воображеніе доставляетъ выгодъ и удовольствій, столько необузданное и развращенное причиняетъ вреда человѣку:

¹⁾ Біогр. слов. Моск. унив., I, 33.

оно пресмыкается въ тинѣ роскоши и сладострастія, въ то время когда должно бы устремляться ко всему высокому, изящному, благородному и направлять пареніе свое ко храму славы и добродѣтели ¹⁾).

Какъ таланты, самые превосходные, такъ и всѣ знанія, самыя обширныя и глубокия, не только не достигаютъ благой своей цѣли, но болѣе зловредны, пагубны, если не освящаетъ ихъ чистота нравовъ, невинность сердца, — продолжаетъ Антонскій въ своей рѣчи. — Просвѣщеніе безъ чистой нравственности и утонченіе ума безъ образования сердца есть злѣйшая язва. Христіанство — вотъ основаніе, на которомъ должно утверждаться все нравственное ученіе, преподаваемое дѣтямъ ²⁾. Должно внушать дѣтямъ чувства благодарности,

¹⁾ Срав. въ лекціяхъ Шварца „О трехъ познаніяхъ: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ“ (Рукопись Импер. Публ. Библ. Q. III. № 40): Разумъ нашъ, будучи изощренъ бесполезными науками и подкрѣпляетъ самолюбіемъ, или падѣляемъ на свои способности, увеличиваетъ воображеніе, которое удобно приводитъ человѣка къ совершенному добру и къ совершенному злу. По навыку ко внѣшности, воображеніе представляетъ человѣку всѣ пріятности сего міра; оно лѣститъ способностямъ человѣческимъ, зарождастъ гордость, самолюбіе, зависть, злобу, сладострастіе и бываетъ источникомъ многихъ пороковъ. Кто привыкнетъ наслаждаться воображеніемъ и даетъ ему власть надъ собою, тотъ уже впадаетъ въ пороки; ибо первый встрѣтившійся случай доканчиваетъ то, что разгоряченное воображеніе начинаетъ. Навыкъ отнимаетъ внутренія способности, и угождая внѣшнему человѣку, погубляетъ внутренняго и пресѣкаетъ дорогу къ будущей вѣчной жизни (листъ 70)... Воображеніе даетъ намъ нѣкоторый лучъ свѣта; подобно какъ засвѣченная свѣча въ закрытомъ фонарѣ показываетъ впередъ намъ дорогу; такъ и воспламененное воображеніе открываетъ илѣ указываетъ намъ путь къ истинѣ, а иногда даетъ намъ еще и въ сей жизни ощутить благо, ожидающее чистыя сердца въ будущей жизни. Но къ сему потребно чистое воображеніе и никакими мірскими сладостями и пороками не замазанное; ибо лучъ ведущій насъ къ блаженству, долженъ быть ясенъ и воспламененъ огнемъ любви къ Богу (листъ 83 об.—84)... Въ прежней передъ сими лекціи говорилъ мы о воображеніи, что оно есть источникъ всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ пороковъ, что оно удобно приводитъ человѣка во свѣтъ, удобно его возвыситъ; но въ противномъ случаѣ, есть ли оно не разчищено, можетъ ввести человѣка во тьму, и его унижить; говорили, что всѣ наши нравственныя совершенства зависятъ отъ употребленія нашего воображенія; говорили о томъ, что сколь нужно возвышать чувство зрѣнія и слуха, и что воображенію должно давать безпрестрастно пищу. Теперь станемъ говорить объ употребленіи воображенія. Оно есть коренная наша сила. Оно есть уста души нашей, черезъ которыя мы слушаемъ познанія духовныя и нравственныя (листъ 85 об.—86)...

²⁾ Срв. въ лекціяхъ Шварца: Проходя исторію жизни человѣческой, можно примѣтить, что преподаваемыя науки безъ христіанства во зло и въ смертный ядъ обращаются. (Тамъ же, листъ 75).

собоузнанія, благотворительности; должно стремиться сдѣлать ихъ правдивыми, честными, безкорыстными и т. д.

Мудрости! Добродѣтели! — восклицаетъ наконецъ ораторъ: — но что онѣ, если религія не озаритъ ихъ, религія, освящающая всѣ наши дѣла, желанія, мысли; религія, преобразующая, обновляющая челоуѣка, возносящая его надъ всѣмъ браннымъ, ничтожнымъ, и отвергающая предъ нимъ врата неба! Ею, сладкимъ и спасительнымъ ея ученіемъ да напоется жаждущее сердце юноши; да внидетъ въ душу его тотъ страхъ Господень, тотъ священный страхъ, который есть начало премудрости, основаніе и утвержденіе всякой добродѣтели; да проникнетъ все существо его благость, могущество, всевѣдніе и правота Существа Высочайшаго! Не фанатизмъ, не суевѣріе и мрачную жесвятость должно внушать ему; но благоговѣніе, сыновнюю преданность и чистѣйшую вѣру къ Зиждителю міровъ ¹⁾).

Такова сущность педагогической системы, изложенной Антонскимъ въ своей рѣчи „О воспитаніи“. Ораторъ излагалъ истины, теперь сдѣлавшіяся общеизвѣстными, намъ могущія показаться азбучными, но въ то время свѣжія, новыя, которыя нужно было еще проводить въ сознаніе общества. Каковы бы ни были источники, положенные Антонскимъ въ основу его трактата, во всякомъ случаѣ здѣсь онѣ выразили принципы, которыми руководился въ своей педагогической дѣятельности.

Сопоставленіе рѣчи „О воспитаніи“ съ лекціями Шварца „О трехъ познаніяхъ, доказывающее связь педагогическихъ принциповъ Антонскаго съ воззрѣніями Шварца, дѣлаетъ очевиднымъ то вліяніе послѣдняго, подъ какимъ находился Антонскій. Это вліяніе, эту связь необходимо имѣть въ виду при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи дѣятельности

¹⁾ Срв. въ лекціяхъ Шварца: Занимаясь упомнпасмыми мною дѣйствіями (т. е. упражняясь въ наукахъ и искусствахъ), челоуѣкъ расширяетъ радіусъ своихъ совершенствъ, чиститъ воображеніе и мысли свои... Стремленіе къ совершенству есть коренное побужденіе всѣхъ челоуѣческихъ дѣній... Исключая гордости, самственности и сладострастія, всѣ другія коренныя побужденія служатъ къ истинному благу рода челоуѣческаго. Но мы пми не пользуемся, заботимся въ воспитаніи нашемъ болѣе о приведеніи въ совершенство организаціи, нежели о совершенствованіи выспихъ и внутреннихъ силъ или чувствъ нашихъ, кои суть: воля, разумъ и вкусъ, оставляемые нами безъ вниманія, которыя однако же потому, что они бывають причиною счастья и несчастья нашего, наипаче воспитывать долженствовало бѣ. Сіе то воспитаніе производитъ нужную стыдливость, лучшее украшеніе челоуѣчества... Оно научаетъ насъ обширному познанію нашихъ должностей и вкореняетъ въ сердце наше сѣмя временнаго и вѣчнаго блага, т. е. религіи. (Рукоп. Импер. Публ. Библ., Q. III № 40, листъ 82—83).

Антонскаго, какъ начальника Университетскаго благороднаго пансіона.

Имѣеть рѣчь Антонскаго точки соприкосновенія и съ педагогическими статьями Новиковскихъ „Прибавленій къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1783 и 1784 гг.; въ одной, напримѣръ, изъ этихъ статей, которыя „въ совокупности своей составляютъ нѣчто въ родѣ цѣлаго курса науки о воспитаніи и образованіи“ ¹⁾, говорится, что воспитатель долженъ изучить способности и силы воспитанника, склонности его, и на основаніи этого возбуждать его любопытство и направлять на истинный путь ²⁾).

Антонскій, предоставляя развиваться умственнымъ способностямъ своихъ пансіонеровъ въ томъ направленіи, куда влекли ихъ природныя склонности, старался дать ихъ воспитанію тотъ складъ и направленіе, которые нѣсколько позднѣе, въ 1804 г., были формулированы перомъ Антонскаго, по свидѣтельству Сушкова ³⁾, въ „Постановленіи Благороднаго Пансіона, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго“ ⁴⁾, такимъ образомъ: „Университетъ, принимая на себя обязанность воспитанія благороднаго юношества, употребить всевозможные способы къ тому, чтобъ сіе заведеніе (унив. благор. пансіонъ) во всѣхъ частяхъ своихъ клонилось совершенно къ предполагаемой цѣли, то есть: къ сохраненію здоровья воспитанниковъ, къ утвержденію ума ихъ и сердца въ священныхъ истинахъ закона Божія и нравственности, къ обогащенію ихъ полезными познаніями и ко внушенію пламенной любви къ Государю и отечеству“. Принципы, положенные въ основу этого „Постановленія“, тождественны съ тѣми педагогическими идеями, какія выражены были Антонскимъ въ его рѣчи „О воспитаніи“ и проводились на практикѣ въ благор. пансіонѣ, какъ это обнаруживается во многихъ случаяхъ проявленія внутренней жизни пансіона: на пансіонскихъ актахъ, подробныя описанія которыхъ печатались, причемъ воспроизводился и текстъ читавшихся рѣчей, стихотвореній и проч.,—въ изданіяхъ литературныхъ трудовъ воспитанниковъ пансіона и т. д.

По отзывамъ современниковъ, учениковъ, Антонскій былъ „превос-

¹⁾ *Незеленовъ*, Н. И. Новиковъ, С.-Пб. 1875, стр. 348. Анализъ этихъ статей см. на стр. 325—348 названной книги.

²⁾ *Op. cit.*, стр. 344.

³⁾ Москов. унив. благор. панс. М. 1858, стр. 60.

⁴⁾ См. „Уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ университетамъ“ въ „Утвердительной грамотѣ Императорскаго Московскаго Университета“, стр. 295.

ходный наставникъ и добрый человѣкъ“¹⁾); руководство его было „благодарно“, пансіонеры были для него „равно дѣти“²⁾). Если не всегда Антонскій относился къ своимъ пансіонерамъ дѣйствительно съ отеческою заботливостью³⁾, то во всякомъ случаѣ все, что мы о немъ знаемъ, заставляетъ видѣть въ немъ энергическаго и вліятельнаго руководителя-педагога, сознательно ведшаго своихъ питомцевъ по той дорогѣ, на какую указывали ему его взгляды, усвоенные имъ въ „педагогической семинаріи“ проф. Шварца.

По указанію Антонскаго, Жуковскій долженъ былъ, въ назиданіе своимъ товарищамъ и себѣ самому, читать, какъ „хорошія нравственныя книги“, „Утреннія и вечернія размышленія о Божьемъ величествѣ на каждый день года и Книгу премудрости и добродѣтели“⁴⁾),—и чтеніе это было однимъ изъ факторовъ, вліявшихъ въ эту пору на нашего поэта.

Называя первое изъ этихъ заглавій, Антонскій имѣлъ въ виду изданіе, вышедшее въ Москвѣ въ 1787—89 гг. подъ названіями: а) „Бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ утренніе часы на каждый день года“. Переводъ съ нѣмецкаго языка. Москва. Въ типографіи Компаніи Типографической. Части I—IV. б) „Бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ вечерніе часы на каждый день года“. Переводъ съ нѣмецкаго языка. Москва. Въ типографіи Компаніи Типографической. Части I—IV. в) „Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ природы и Провидѣнія на каждый день года“. Переводъ съ нѣмецкаго языка. Москва. Въ типографіи Компаніи Типографической. Части I—IV. Всѣ три сочиненія выходили въ качествѣ періодическаго изданія первоначально одновременно—на каждый мѣсяць по книжкѣ; по три первыхъ части каждаго сочиненія появилось въ 1787 г.; затѣмъ въ 1788 г. вышла IV часть „Размысленій о дѣлахъ Божіихъ“, а въ 1789 г.—IV часть „Размысленій въ утренніе часы“ и IV часть „Размысленій въ вечерніе часы“⁵⁾). Это была одна изъ тѣхъ книгъ, какія ставило

¹⁾ Записки С. П. Жихарева, М. 1890 (изданіе „Русс. Архива“), стр. 118—119.

²⁾ Письмо Д. В. Дашкова къ А. А. Пр.-Антонскому. Русс. Арх. 1892 г., № 1, стр. 91.

³⁾ См. Воспоминаніе Сафоновича, Русс. Арх. 1903 г., № 3.

⁴⁾ Москвитянинъ, 1847 г., ч. III, стр. 63.

⁵⁾ Происхожденіе этого изданія до сихъ поръ еще не выяснено (*Ситовскій*. Карамзинъ, прилож., стр. 49—50: сводка всего высказаннаго до сихъ поръ; „мы имѣемъ въ распоряженіи нѣсколько данныхъ, изъ которыхъ нѣтъ ни одного согласнаго“), отношеніе его къ нѣмецкимъ оригиналамъ не установлено. Книга довольно рѣдка: въ

своей цѣлью распространять превратившееся позднѣе въ Типографическую Компанію „Дружеское ученое общество“. „Цѣль сего общества—говорить одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ его, П. В. Лопухинъ—была издавать книги духовныя и наставленія въ нравственности истинно-евангельской, переводя глубочайшихъ о семь писателей

Императорской публичной библиотекѣ полного экземпляра (всѣхъ двѣнадцати томовъ) не имѣется, а есть только „Размышленія о дѣлахъ Божіихъ“ (Списовскій, тамъ же стр. 50). Въ примѣчаніи къ статьѣ о Жуковскомъ Н. С. Тихонравова приводится въ качествѣ „полнаго заглавія“ не существующее названіе: „Размышленіе о дѣлахъ божіихъ въ царствѣ природы и провидѣнія, на каждый день года, и бесѣда съ Богомъ, или размышленіе въ утренніе и вечерніе часы“. (Соч. Тихонр. III, ч. I, примѣч., стр. 64, прим. 55). Въ официальном показаніи Н. П. Новикова сказано, что „помянутое периодическое изданіе (Бесѣды съ Богомъ) есть переводъ съ нѣмецкаго языка одна (sic) сочиненія *Штурма*, другая сочиненія *Тиде*, и третья безъ имени автора“ (Шясьма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 472). О Тиде мнѣ не удалось собрать свѣдѣній. Ему принадлежатъ книга *Unterhaltungen mit Gott in den Abendstunden auf jeden Tag des Jahres*. I—II. Riga 1772. Что же касается Штурма, то извѣстно, что евангелическій проповѣдникъ Христофъ Христианъ Штурмъ, умершій въ 1786 г., открываетъ собой рядъ проповѣдниковъ, которые въ своихъ проповѣдяхъ начали все болѣе удаляться отъ религіознаго въ тѣсномъ смыслѣ содержанія и удѣляли большое мѣсто размышленіямъ о природѣ. Самъ Штурмъ стоитъ на точкѣ зрѣнія разсудочнаго супранатурализма, не сдѣлавъ еще послѣдняго шага къ рационализму, который однако уже сплпно даетъ себя чувствовать у него. Наиболѣе характерное сочиненіе Штурма — „*Betrachtungen uber die Werke Gottes im Reiche der Natur und der Vorsehung auf alle Tage des Jahres*“. Halle 1772. 2 Theile. Книга имѣла большой успѣхъ; 1797 г. вышло уже 4 изданіе ея, въ 1788 г. явился французскій переводъ ея, въ 1791 г.—англійскій и шведскій. Въ ряду другихъ сочиненій Штурма занимаетъ видное мѣсто книга подъ названіемъ „*Unterhaltungen mit Gott in den Morgenstunden auf jeden Tag des Jahres*“, Halle, 1768, — вышедшая въ 1811 г. десятымъ изданіемъ (*Allgemeine Deutsche Biographie*, V. 37. Lpz. 1894, стр. 4—5). Въ библиотекѣ Кіевской духовной академіи имѣется полный экземпляръ (всѣ 12 томовъ) „Бесѣдъ“ и „Размышленій“ (В XVIII ^{3/15}—²⁷), которымъ я и пользовался. Въ I части „Размышленій въ вечерніе часы“ (стр. 86, подъ 24 января) читается: „Коль блаженна та страна, въ которой государь отечески печется о благѣ своихъ подданныхъ! Коль послѣшно шествуетъ она къ совершенству! *Возьмемъ въ примѣръ Россію; обратимъ взоръ на сіе счастливое государство, и мы увѣримся въ истиннѣ сей*“... Благонамѣренно-патріотическій тонъ русскаго перевода этой тирады заставляетъ подозрѣвать возможность вставокъ переводчика или по крайней мѣрѣ видоизмѣненій сравнительно съ нѣмецкимъ оригиналомъ: вѣроятно, въ припеденочіи отрывкѣ „Россія“ стала на мѣсто имени какой-нибудь нѣмецкой страны, а можетъ быть здѣсь прямо сдѣлана вставка. Не имѣя однако подъ руками „*Betrachtungen*“ и „*Unterhaltungen*“ Штурма, какъ и оригинала „*Размышленій въ вечерніе часы*“. *Tide*, я не могу судить объ отношеніи русскаго перевода къ нѣмецкимъ подлинникамъ, и буду говорить только объ изданіи компаніи типографической.

на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію“¹⁾. Члены этого общества были масонами; какъ извѣстно, въ глазахъ масоновъ выше всего на свѣтѣ стояло нравственное совершенствованіе, убѣжденными проповѣдниками котораго они и являлись. Во главѣ „Дружескаго ученаго общества“ стояли проф. Шварцъ, „неугомонный энтузіастъ просвѣщенія“, по выраженію проф. Ключевского²⁾, и Н. И. Новиковъ, у котораго „съ переѣздомъ въ Москву стремленіе къ личному самосовершенствованію и нѣсколько отрѣщенный идеализмъ осложняются убѣжденнымъ служеніемъ русскому обществу съ самыми широкими просвѣтительными планами“³⁾. Мыслью и волею „Дружескаго ученаго общества“, говоритъ Тихонравовъ, перенесены были въ русскую литературу многія произведенія литературъ иностранныхъ и цѣлая отрасль литературы религіозно-нравственной⁴⁾. Благодаря „филологической семинаріи“ проф. Шварца, Общество располагало цѣлой арміей переводчиковъ, которые въ короткое время перевели и выпустили въ свѣтъ массу изданій⁵⁾; въ ряды этой арміи сталъ на нѣкоторое время и Карамзинъ, котораго И. П. Тургеневъ встрѣтилъ въ Симбирскѣ, увлекъ въ масонство, убѣдилъ переѣхать въ Москву и сблизилъ съ новиковскимъ кружкомъ; подъ вліяніемъ Н. И. Новикова и его друзей, Карамзинъ за короткое время такъ измѣнился, что другъ его И. И. Дмитріевъ еле узналъ его: „Это былъ, рассказываетъ Дмитріевъ, уже не тотъ юноша, который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою воина..., но благочестивый ученикъ мудрости, съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка“⁶⁾. И первымъ трудомъ Карамзина въ новиковскомъ кружкѣ было участіе въ переводѣ „Штурмовыхъ размышлений“⁷⁾: по свидѣтельству И. И. Дмитріева, Карамзинъ „перевелъ и выдалъ два или три тома“⁸⁾ этого сочиненія. Такимъ образомъ ясно, что переводъ и изданіе „Бесѣды съ Богомъ“ и „Размышлений въ царствѣ натуры и Провидѣнія“ были дѣломъ того кружка, члены котораго входили въ составъ „Дружескаго

¹⁾ *Допулингъ*, Записки, стр. 16 (Русск. Арх. 1884 г. № 1).

²⁾ Русск. Мысль, 1895 г., кн. I, стр. 52.

³⁾ *Ситовскій*, Карамзинъ, прилож., стр. 15.

⁴⁾ *Тихонравовъ*, Соч., III, ч. I, стр. 146.

⁵⁾ *Ситовскій*, Карамзинъ, стр. 116.

⁶⁾ *Ситовскій*, Тамъ же, стр. 43—45, 110; *Дмитріевъ*, Соч., ред. Флоридова, II, стр. 26.

⁷⁾ *Ситовскій*, Тамъ же, стр. 49.

⁸⁾ „Взглядъ на мою жизнь“, Соч. Дмитр., ред. Флорид., II, стр. 27.

ученаго общества“ Новикова и Шварца, „Типографической компаніи“. и послѣ паденія послѣдней остались вѣрны своимъ принципамъ и въ послѣдующее время; въ ряду этихъ лицъ видное мѣсто занимають И. П. Тургеневъ, И. В. Лопухинъ и др. Во введеніи А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ „Утреннихъ и вечернихъ размышленій“ въ кругъ обязательнаго чтенія воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона нельзя не видѣть отраженія вліянія кружка и направленія созданныхъ Шварцемъ и Новиковымъ.

Восемь частей „Бесѣдъ съ Богомъ“ однородны, довольно однообразны то своему тону; это—піетистическое сочиненіе, представляющее покаянныя размышленія автора о собственныхъ грѣхахъ и несовершенствѣ, выраженіе преданности Богу, особенно І. Христу, стремленія къ благочестію, добродѣтели, желаній исправить свои недостатки, бороться со страстями, совершенствоваться; такое содержаніе и объясняетъ то уваженіе, какимъ данное сочиненіе пользовалось у московскихъ мистиковъ: эти послѣдніе находили здѣсь не мало точекъ соприкосновенія съ духовно-нравственной стороною своихъ воззрѣній и немало страницъ, которыми они могли прямо воспользоваться въ своей борьбѣ противъ легкомысленнаго отношенія тогдашняго русскаго общества къ религіи, знанію, противъ распушенности нравовъ и т. д.,—въ своихъ стремленіяхъ къ глубокому самоанализу, самоусовершенствованію, ссорогой нравственности ¹⁾. Читатель находилъ здѣсь такія размышленія:

„Все достоинство и счастье мое зависитъ отъ религіи. Тщетно ищу я другого источника удовольствія, покоя, величества, славы, добродѣтели и благополучія. Если бы Богъ, мною поклоняемый, и Искупитель, въ котораго я вѣрую, могли быть отняты у меня, я бы уподобился тогда человѣку, сверженному съ царскаго престола во мрачную темницу; жизнь моя была бы для меня мученіе, а смерть—отвращенія достойнѣйшая вещь. Въ истинѣ сихъ помышленій увѣренъ я совершенно. Но поступаю ли по увѣренію сему? люблю ли религію паче всѣхъ богатствъ и счастья земнаго? поставляю ли честь и счастье мое въ поклоненіи Богу и въ вѣрованіи во Иисуса Христа? Если бы на одной странѣ предложены были мнѣ вѣнцы и драгоцѣнности, а на другой крестъ Иисуса моего, избралъ ли бы я сей крестъ, и презрѣлъ ли бы оныя предметы?

¹⁾ Характеристикъ ученія русскаго масонства на основаніи рукописнаго матеріала Императ. Публич. Библ-ки посвящена статья А. В. Семели, „Русские розенкрейцеры и сочиненія императрицы Екатерины противъ масонства“. *Журналъ Министертва Народнаго Просвѣщенія*, 1902 г. № 2.

„Если чистосердечно рассмотрю поступки мои, то съ великимъ стыдомъ долженъ буду отвѣтствовать на сія вопросы. Признаться должно, что хотя я и познаю высокую цѣну вѣры моя, однако жъ живу такъ, какъ бы она была ничего не значащая вещь. Усматриваю высокое достоинство души моя; но живу такъ, какъ бы она была одно пустое воображеніе.—Но, о Христіанинъ! заклинаю тебя при сей только драгой душѣ и вѣрѣ, начини стараться быть мудрѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ. Ты долженъ пещься о спасеніи души своей; ибо и думать того не можно, чтобъ для тебя равно было какъ блаженство, такъ и осужденіе ея. Но въ мірѣ не можешь содѣлать ее блаженной. Человѣческая мудрость, невѣріе и ложныя основанія онаго не возведутъ тебя на путь, ведущій къ небесамъ. Одна токмо религія можетъ тебѣ въ семь помочь; она только имѣетъ право общать тебѣ Высочайшее благо; она едина можетъ и сообщить тебѣ оное. Если познаешь истину сію, будешь взирать на религію, яко на нѣчто превосходнѣйшее въ мірѣ, и будешь ее почитать и уважать, яко величайшую и драгоценнѣйшую вещь. Желай себѣ паче всего счастья быть христіаниномъ, и старайся поступать достойно ему, и исповѣдывать также Искупителя своего предъ цѣлымъ міромъ.

„О достопокланяемый Искупителю мой, исполни меня сими божественными помышленіями, и даруй благодать и въ нынѣшній день оказывать ихъ при всѣхъ случаяхъ. Не дай мнѣ житіемъ моимъ безчестить святого ученія и Божественныя заслуги Твоя, или подавать другимъ случай къ хуленію имени Твоего худыми моими поступками. Дай мнѣ прославлять всѣмъ любовь Твою: званіемъ, богослуженіемъ, обхожденіемъ, жизнію и смертію моею. Если же буду имѣть такое искреннее намѣреніе, Ты подашь мнѣ много случаевъ къ возвышенію чести Твоя и у другихъ. При заключеніи же странствованія сего могу съ удовольствіемъ возрѣть на протекшіе дни мои, и прейти въ онъ міръ, гдѣ религія, бывшая здѣсь утѣшеніемъ моимъ, будетъ вѣчно торжествомъ моимъ“¹⁾.

Подобный же взглядъ на значеніе религіи былъ усвоенъ и Антонскимъ, какъ видно изъ приведеннаго выше отрывка его рѣчи *О воспитаніи*: „Мудрости! Добродѣтели!... Но что онъ, если религія не озаритъ ихъ, религія, освящающая всѣ наши дѣла, желанія, мысли“... и проч.

¹⁾ Размышленія въ утренніе часы. ч. I, стр. 296—299 (подъ 26 марта).

Мотивъ о совершенствованіи челоуѣка, о добродѣтели часто затрогивается на страницахъ „Бесѣдъ“ и „Размышлений“:

„Я непрестанно долженъ стараться быть совершеннѣе,—говорить авторъ.—Въ каждый день, до котораго я доживу, долженъ итти далѣе путемъ благочестія, оставлять большіе пороки, жертвовать новыми желаніями и стремиться къ большимъ добродѣтелямъ“ ¹⁾.

О Боже, даруй мнѣ грѣхами возгнушаться,
Въ служеніи Твоемъ расти и укрѣпляться ²⁾.

„Прежде всего я долженъ стараться о собственномъ улучшеніи“ ³⁾.

„Должность ежедневно возрастать во благѣ велить помогать, сражаться и побѣждать, коль скоро позоветъ насъ къ тому добродѣтель“ ⁴⁾.

„Помоги, о святѣйшій Боже! помоги мнѣ всегда познавать несовершенство мое и никогда не быть довольнымъ настоящими добродѣтелями, но всегда стремиться къ большому совершенству и къ высшему состоянію, къ которому я призванъ Іисусомъ Христомъ“ ⁵⁾.

„Учись всегда лучше познавать самого себя и міръ, и размышляй прилежно о той великой цѣли, для которой ты живешь на землѣ. Помышляй часто о краткости жизни твоея, о достоинствѣ и безсмертіи духа твоего, о награжденіяхъ добродѣтели ⁶⁾ и наказаніи пороковъ... Старайся жить добросовѣстно еще въ юншество твоемъ... Старайся всегда заниматься полезнымъ, и приучайся къ трудамъ: ибо безъ труда не можно имѣть ни добродѣтели, ни заслуги, ни счастья... Такимъ образомъ возрастешь во добродѣтели и благополучіи“ ⁷⁾.

„Безъ добродѣтели ничто утѣхи суть“.

„Итакъ да будетъ первымъ моимъ желаніемъ — стараться быть благочестивымъ и добродѣтельнымъ“ ⁸⁾!

¹⁾ Разсм. въ утренніе часы, ч. I, стр. 72 (подъ 20 января).

²⁾ Тамъ же, ч. III, стр. 25 (подъ 7 юля).

³⁾ Тамъ же, ч. III, стр. 111 (подъ 2 августа).

⁴⁾ Разм. въ вечерніе часы, ч. I, стр. 27 (подъ 8 января).

⁵⁾ Размышл. въ утр. ч. II, 125—6 (подъ 6-е мая).

⁶⁾ Въ другомъ мѣстѣ: „Ты видишь каждое благодѣаніе, оказуемое мной бѣднымъ, видишь каждую слезу, которую отираю страждущимъ моимъ собратіямъ, каждую побѣду, которую одерживаю надъ страстями своими, каждую сокровенную добродѣтель, которую исполняю; Ты видишь, Господи, и награждаешь сіе“. Размышл. въ утр. часы; ч. I, стр. 30 (подъ 8-е января).

⁷⁾ Размышл. въ утр. часы, ч. II, стр. 201—202 (подъ 29-е мая).

⁸⁾ Тамъ же, ч. IV, стр. 234, 235 (подъ 12-е декабря),

„О если бы... чрезъ Божія испытанія содѣлаться мудрѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ“ ¹⁾!

„Итакъ буду стараться быть истиннымъ христіаниномъ. Чрезъ сіе буду еще въ мірѣ семъ *ничто*, то есть человѣкъ, ищущій удовольствія своего въ распространеніи чести Божіей, въ пользѣ ближнихъ своихъ и въ возвышеніи собственнаго своего благосостоянія... Тогда и по смерти своей буду *ничто*. О мнѣ вспоминать будутъ съ благословеніемъ, и я, какъ благодѣтель человѣковъ, буду прославляемъ братьями своими. Наконецъ въ вѣчности буду *все*... тогда я предъ цѣлымъ міромъ явлюся во славу“ ²⁾.

„О, добродѣтель!.. о ты, чадо небесъ!.. каждое состояніе, каждый возрастъ и темпераментъ только посредствомъ тебя получаетъ жизнь и цѣну. Царства суть безъ тебя мыльные пузыри. Благочестивый нищій не завидуетъ порочному монарху: но можетъ придти такое время, въ которое сей будетъ завидовать оному, и охотно бы лишился вѣнца своего, дабы только спасти свою душу къ вѣчности отлетающую“ ³⁾.

Тѣ же мотивы находимъ и въ „Размышленіяхъ въ царствѣ натуры“:

„Не тщетно желаю я всегда возрастать въ добродѣтели и мудрости“ ⁴⁾.

„Я желалъ бы подобнымъ быть дереву, дабы т.-е. и я всегда возрасталъ во всякой добродѣтели, и по мѣрѣ данныхъ мнѣ способностей, приносилъ плоды“ ⁵⁾.

„Сколь достойны суть любви тѣ, въ коихъ, какъ на доброй землѣ, сѣмя добродѣтели созрѣваетъ, и приноситъ обильную жатву добрыхъ плодовъ“ ⁶⁾.

Даруй мнѣ прещедрый Боже!
Сердце добродѣтельное, святое
И любящее единое добро.
Твори другихъ великими;
А я буду мудръ, доволенъ,
Вѣренъ къ моей должности ⁷⁾.

¹⁾ Тамъ же, IV, 221 (подъ 7-е декабря).

²⁾ Тамъ же, I, 155 (подъ 12-е февраля).

³⁾ Размышл. въ вечер. часы, I, 319—320 (подъ 30-е марта).

⁴⁾ Размышл. въ ц. натуры, ч. II, стр. 233 (подъ 4-е июня).

⁵⁾ Тамъ же, ч. III, стр. 249 (подъ 3-е сентября).

⁶⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 38 (подъ 10-е апрѣля).

⁷⁾ Тамъ же, III, 126 (подъ 1-е августа).

„Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ природы и Провидѣнія“, I—IV, представляютъ собой, по выраженію Тихонравова, нѣчто въ родѣ популярной естественно-исторической энциклопедіи, проникнутой отъ начала до конца религіозной мыслью, носятъ на себѣ замѣтный отпечатокъ мистицизма, согрѣты благочестивымъ чувствомъ автора и богаты поэтическими страницами ¹⁾).

Авторъ указываетъ на природу, какъ на живую свидѣтельницу могущества, премудрости и благости Творца; онъ останавливается на многоразличныхъ явленіяхъ въ природѣ, описываетъ предметы царства растительнаго и животнаго, говоритъ о гусеницѣ, муравьяхъ, „обыденной мухѣ“, о жизни моря, о красотѣ луговъ, объ іюльскихъ жарахъ, о градѣ ²⁾ и т. под.

Статейка подъ заглавіемъ *Тишина ночи* начинается:

„Мысль моя вся объемлется удивленіемъ, когда я разсуждаю о тѣхъ мудрыхъ и благихъ распоряженіяхъ, кои Богъ устроилъ къ поспѣшествованію ночного покоя. Съ наступленіемъ ночи во всей природѣ великая дѣлается тишина, которая всѣмъ тварямъ возвѣщаетъ отдохновеніе отъ трудовъ, человѣковъ же зоветъ наслаждаться сномъ. Пока время сна продолжается, престаесть всякій шумъ, сильный свѣтъ прерывается, и всѣ живыя чувствованія нашихъ чувствъ останавливаются. Всѣ звѣри, коихъ дѣятельность могла бы насъ нѣсколько беспокоить, ищутъ тогда покоя, птицы своихъ гнѣздъ, вошь и конь стойла купно съ другими домашними скотами.

„Но сей тишинѣ ночной не всякъ бываетъ радъ. Многіе изъ моей братіи, по причинѣ болѣзни и немощи, или другихъ какихъ-либо случаевъ, проводяя ночи безъ сна, весьма желали бы, чтобъ тишина ихъ, исполненная меланхоліи (задумчивости), могла быть прервана“ ³⁾...

Подъ 4-е апрѣля описывается *Восхожденіе солнца*:

„Никакое явленіе въ природѣ не имѣетъ столько пріятности и великолѣпія, какъ восходящее солнце. Никакое зрѣлище, хотя бъ на украшеніе его человѣческое искусство употребило всѣ свои силы и весь коштъ, не можетъ сравниться съ несравненнымъ великолѣпіемъ восходящаго солнца... Сперва восточная страна неба украшается пурпуромъ утренней зари, и возвѣщаетъ скорое пришествіе солнца.

¹⁾ Соч. Тихонр. т. III, ч. I, стр. 404.

²⁾ Тамъ же, стр. 403.

³⁾ Размышл. въ ц. пат., I, 213—214 (ночь 26-е февраля).

Воздухъ по-малу испещряется розовымъ цвѣтомъ, и наконецъ сіяетъ, какъ бы самое блистательнѣйшее золото. Потомъ выходятъ солнечные лучи, и на всю атмосферу вдругъ простираютъ свѣтъ и теплоту. Наконецъ выступаетъ солнце въ своемъ ослѣпляющемъ величествѣ. Повидимому, восходитъ оно все выше, и земля показывается въ новомъ видѣ. Всѣ творенія кажутся тогда получать новую жизнь и наполняются радости. Птицы радостотворнымъ своимъ гласомъ поздравленіе приносятъ Источнику свѣта и дня. Всѣ животныя встаютъ, и чувствуютъ новыя силы и бодрость“ ¹⁾).

Подъ 5-е мая описана *Утренняя заря*:

„Утренняя заря открываетъ свѣту новое великолѣпное твореніе. Тѣнь ночная отнимала у насъ взоръ и наслажденіе неба и земли. Теперь, при возвращеніи дневного свѣта, око видитъ обновленіе и преукрашенность всея природы. Вдругъ созерцаемъ землю въ великолѣпномъ ея видѣ, горы увѣчанныя лѣсами, холмы покрытые виноградомъ, поля украшенныя зеленымъ сѣяніемъ, луга чистыми потоками орошаемые; атмосфера воспламеняется; облака показываютъ множество цвѣтовъ несравненной живости и пріятной тѣни; поля вокругъ кажутся быть въ златой ясности; легкіе пары превращаются въ золото; а капли росы, лежація на растеніяхъ, въ блистательный жемчугъ. Чѣмъ больше прибываетъ заря, тѣмъ великолѣпнѣе становится зрѣлище природы. Мы изъ одной степени свѣта переступаемъ въ другую, пока наконецъ природа покажетъ прекраснѣйшее изъ своихъ твореній. Восходитъ солнце: уже на горахъ, скрывающихся взоръ нашъ, показывается лучъ, и съ непонятною скоростью проникаетъ всю атмосферу отъ одного конца до другого. Тотчасъ послѣдуютъ множайшіе лучи. Солнце показывается по-малу въ большемъ совершенствѣ. Наконецъ совсѣмъ предстоитъ глазамъ нашимъ, проходя предписанный ему путь съ величествомъ, каковаго человѣческой глазъ понести не можетъ“ ²⁾).

Подъ 9-е августа, въ статейкѣ подъ названіемъ *Трава*, читаемъ:

„Сколь многообразная красота! многія тысячи растеній, миллионы живыхъ тварей летаютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, ползаютъ или бѣгаютъ по травѣ... Сколь пріятно протекаютъ малые источники чрезъ водовороты и потоки, кои синіе свои цвѣты подымая вверхъ и двигаясь отъ малыхъ волнъ, колеблутся! На обоихъ берегахъ стоитъ

¹⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 15—16.

²⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 120—121.

сочная трава, цвѣтами испещренная; цвѣты нагибаясь мещуть пестрый свой видъ на чистую воду.

„Теперь смотрю я сквозь малый лѣсъ колеблющейся травы. Сколь много блестятъ разнovidная зеленость отъ солнца! Нѣжныя травы вьются по былію гибкими своими вѣтвями и разными листьями; или выходя изъ жирной земли, стоятъ выше другихъ на высокихъ сочныхъ стебляхъ, и приносятъ цвѣты безъ всякаго запаха; между тѣмъ малая низкая фіалка въ скромномъ блескѣ стоитъ на сухомъ холму и около простираетъ свое пріятное благовоніе. Подобнымъ образомъ иной добродѣтельный человѣкъ, живучи въ недостаткѣ и низкомъ состояніи, приноситъ многимъ пользу; напротивъ знаменитые и богатые часто пожираютъ тоемо плоды земли, одѣваются великолѣпно, пребывая въ праздности.

„Слышенъ около меня пріятный шумъ, и цвѣты сотрясаются сильно. Толпа малыхъ пчель съ играніемъ вылетѣли изъ дальнихъ своихъ обиталищъ и разсыпались по лугамъ и садамъ. Теперь собираютъ онѣ сладкій сокъ цвѣтовъ, и уносятъ съ собою, въ свои покои, каждая съ равнымъ тщаніемъ. Тутъ нѣтъ жителей праздныхъ; онѣ съ цвѣтка на цвѣтокъ перелетаютъ, скрывая волосистыя свои главы въ чашкахъ цвѣтовъ.

„Тамъ на высокомъ колокольчикѣ сидитъ малая бабочка, помахивая испещренными своими крыльями, и гордяся пучкомъ серебряныхъ перьевъ на главѣ. Прекрасная бабочка! Обрати цвѣтокъ къ прозрачному потоку и посмотри на прелестный твой видъ; ты подобишься благообразному человѣку, который, смотряся въ зеркало, самъ себѣ дивится. Одѣяніе его не столь прелестно, какъ твои крылья; но несмысленъ онъ какъ и ты.

О коль прекрасна ты, Природа!
Трава и цвѣты растутъ,
Дерева имѣютъ листья,
Тихіе вѣтры дуютъ,
Волеы ходять и пасутся.
Младые агнцы испускаютъ тихій гласъ.
О коль прекрасна ты Природа!
Посмотри на сей лугъ:
Тысяча зеленѣющихъ вершинъ,
А на всѣхъ вершинкахъ
Висятъ капли росы;
Посмотри, какъ ключевые цвѣты
Здѣсь вмѣстѣ стоятъ,
Какъ листочки шумять;

А тамъ далеко на холму
Поеть соловей...

„Конечно прекрасна есть Природа въ самыхъ наималѣйшихъ твореніяхъ... Блаженъ тотъ, коего непорочная жизнь протекаетъ въ наслажденіи семи красотами!.. Мысли его чисты, какъ прекрасный лѣтній день; тихи и спокойны его чувства, какъ благоуханія цвѣтовъ, окружающія его. Блаженъ, кто въ красотѣ природы находитъ Творца и любитъ Его отъ всея души!“¹⁾

Другую книгою нравственно-философскаго характера, которую, по указанію А. А. Антонскаго, также обязательно долженъ былъ читать Жуковский съ товарищами, была „Книга Премудрости и Добродѣтели, или состояніе жизни человѣческой“.

Эта книга представляетъ собою переводъ сочиненія англійскаго писателя Роберта Додсли (Dodsley), подъ заглавіемъ „The Economy of human life, translated from an Indian manuscript, written by an ancient Bramin“. Эта небольшая книжка, долгое время приписывавшаяся какъ автору лорду Честерфильду, составляетъ сборникъ нравственныхъ правилъ, будто бы извлеченныхъ изъ какой-то древнеиндѣйской браминской рукописи. Сочиненіе Додсли обратило на себя вниманіе и въ многочисленныхъ переводахъ обходило всю Европу²⁾. На русскій языкъ эта книжка переводилась нѣсколько разъ и многократно издавалась: въ издававшемся въ 1760—1762 гг. *М. М. Херасковымъ* журналѣ „Полезное увеселеніе“, томъ V, М. 1762 г. стр. 57 и сл., 147 и сл., напечатана первая часть книжки Додсли, подъ названіемъ „Устроеніе человѣческой жизни (съ индѣйскаго—на французскій, а потомъ — на русскій языкъ)“³⁾; въ 1765 г. русскій переводъ первой части книжки Додсли вышелъ подъ названіемъ:

Экономія жизни человѣческой, или сокращеніе индѣйскаго правочученія, сочиненное нѣкоторымъ древнимъ браминомъ и обнародованное черезъ одного славнаго бонза пекинскаго на китайскомъ языкѣ, съ котораго во-первыхъ на англійской, а потомъ на французской, а съ сего нынѣ на русскій языкъ переведено преображенскаго полку сержантами князьями Егоромъ и Павломъ *Циціановыми*. М. 1765.

¹⁾ Тамъ же, часть III, стр. 151—154.

²⁾ Съ 1751 по 1815 г. однихъ французскихъ переводовъ явилось 15. *Bibliographie universelle*, t. XI. Типогр., соч. III, ч. I, стр. 406 и примѣч. 64 на стр. 65.

³⁾ *Неустроевъ*, Историч. разысканіе, стр. 89. Я не имѣлъ подъ рукою этого тома „Полез. увеселенія“.

Второе издание: М. 1769; третье издание: М. 1781; четвертое издание: М. 1791 ¹⁾).

Въ 1777 г. явился въ Петербургъ переводъ также только первой части того же произведенія: „*Китайскій мудрецъ*, или наука жить благополучно въ обществѣ, состоящая въ нравоучительныхъ наставленіяхъ; переводъ съ французскаго“. С.-Пб. 1777. Изданіе второе: С.-Пб. 1783 ²⁾). Издалъ В. Г. Рубанъ, перевелъ сенатскій протоколистъ *Голосовъ* ³⁾).

Въ 1786 г. въ Москвѣ явился полный переводъ книги Додсли, подъ названіемъ:

Книга Премудрости и Добродѣтели, или состояніе человѣческой жизни. Индѣйское нравоученіе. Съ англійскаго на нѣмецкой, а съ нѣмецкаго на російской языкъ переведенное В. П. М. 1786. Второе издание: М. 1794 ⁴⁾).

Переводчикъ въ своемъ *Предисловіи* говоритъ: „Вкусъ къ нравственнымъ сочиненіямъ, укореняющійся вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ въ любезномъ отечествѣ нашемъ, побудилъ меня перевести книгу сію на російскій языкъ... Восхищаясь отчасу болѣе великолѣпными картинами и живыми оттѣнками въ семь восточномъ сочиненіи, я поспѣшала тѣмъ скорѣе окончатъ начатый трудъ, чѣмъ болѣе трогали меня краткость и сила выраженій, и чѣмъ болѣе ласкался я надеждою, что переводомъ симъ принесу можетъ быть хотя немного читателю пользы. Но увидѣвъ нечаянно книгу подъ заглавіемъ: *Экономія чело-*

¹⁾ *Сопиковъ*, Опытъ російской библіографіи, V, 12713—12716; у меня подъ рукою было третье издание.

²⁾ *Сопиковъ*, III, 5147—5148, съ примѣчаніемъ: „Это другой переводъ сочиненія подъ заглавіемъ *Экономія жизни человѣческой*“.

³⁾ *Рогожнѣ*, Указатель въ „Библіографіи“ *Сопикова*, стр. 235, со ссылкой на С.-Петербургскія Учен. Вѣдом., 1777 г. изд. Неустроева, стр. 168.

⁴⁾ *Сопиковъ*, III, 5178—5179. У меня подъ рукою было изданіе второе. Позднѣе явилось еще нѣсколько переводовъ той же книжки, подъ заглавіемъ: 1) Энциклопедія (нравственная), содержащая обязанности челоѣка въ обществѣ, или экономія гражданской жизни; перев. съ франц. М., 1804 (*Сопиковъ*, 12738). Перевелъ Иванъ Красовскій; см. *Смирдинъ* 1328; *Геннади*, Словарь, т. II, стр. 176 (*Рогожнѣ*, Указат. къ Библ. *Сопикова*, стр. 279); 2) Мысли индѣйскаго философа, соч. г. *Додсли*, перев. съ франц. Андрей Раевскій. С.-Пб. 1810 (*Сопиковъ*, 6340); 3) Мысли о таинствѣ природы и истинѣ; твореніе Боннета; перев. съ франц. А. Б. С.-Пб. 1811 (*Сопиковъ*, 6375, съ такой замѣткой: „Еще повный переводъ книжки *Экономія жизни человѣческой*, которая совсѣмъ не Боннета сочиненія: кто-то согрѣшилъ не безъ наиѣренія“).

вѣческой жизни, а потомъ и другую, Китайскій философъ называемую, и узнавъ, что подлинникъ оныхъ есть первая часть переводимой мною книги ¹⁾, я охладѣлъ было въ трудѣ моемъ, къ чему немало способствовало и то, что услышалъ о сей же первой части, что она помѣщена въ Полезномъ Увеселеніи... Разсудивъ однако же, что перевожу три части, и что три раза печатанное на нашемъ языкѣ и много разъ на другихъ, заслуживаетъ конечно вниманіе, сталъ я продолжать трудъ свой“...

Переводчикомъ этимъ былъ уже упоминавшійся мной выше сотрудникъ новиковскаго „Покоящагося Трудолюбца“, членъ „Собранія университетскихъ питомцевъ“, *В. С. Подшиваловъ*, а напечатано было первое изданіе его перевода въ университетской типографіи у Новикова.

Сочиненіе Додсли пользовалось уваженіемъ въ новиковскомъ кружкѣ: тремя годами ранѣе подшиваловскаго перевода, нѣ 1783 г., въ университетской же типографіи у Н. И. Новикова была напечатана книга: „Карманная книжка для В... К... (Вольныхъ Каменщиковъ) и для тѣхъ, которые и не принадлежать къ числу оныхъ, съ присовокупленіемъ: 1) изъ высочайшей философіи для размышленія, и 2) поучительныхъ изреченій, раздѣленныхъ на три степени“; цѣлыя страницы въ этой „книжкѣ“ взяты изъ произведенія Додсли ²⁾.

Такимъ образомъ введеніе А. А. Антонскимъ „Книги Премудрости и Добродѣтели“ въ кругъ обязательнаго чтенія въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ объясняется также отраженіемъ вліянія кружка и направленія, созданныхъ Шварцемъ и Новиковымъ.

Читатель встрѣчалъ въ „Книгѣ Премудрости и Добродѣтели“ такія мысли:

„Добродѣль есть путь, по которому Богъ ему тещи установилъ; а благополучіе есть цѣль, которой никто достигнуть не можетъ, не совершивъ своего теченія; и тогда токмо получаетъ онъ вѣнецъ въ селеніяхъ вѣчности“ ³⁾.

¹⁾ Относительно „Китайскаго философа“ здѣсь обмолвка: очевидно, разумѣлась книга „Китайскій мудрецъ“, отмѣченная мной выше; „Китайскій философъ, или ученые разговоры двухъ индѣйцевъ, Калана и Ибрагима о человѣческихъ познаніяхъ“, С.-Пб. 1788 — совершенно другая книга, отмѣченная у Сошкова, III, 5149.

²⁾ *Ешевскій*, Нѣск. доп. замѣчаній къ ст. „Новиковъ и Шварцъ“. Русск. Вѣстн. 1857, ноябрь, кн. 1, стр. 176.

³⁾ Кн. прем. и добр. М. 1794 г. (изд. 2-ое), ч. I, стр. 33.

„Не ропщи на недостатокъ въ свѣдѣнїи: оно перейдетъ съ тобою во гробъ; буди здѣсь честень и добродѣлень, то будешь послѣ мудръ“ ¹⁾).

„Будь добродѣтеленъ во время юности своя, тогда почтится твоя старость“ ²⁾).

„Прямая честь состоитъ токмо въ добродѣтели“ ³⁾).

„Единый духъ приверженный къ добродѣтели дѣлаеть своего обладателя великимъ, и возноситъ его обыкновенно и безъ титлъ превыше простого народа“ ⁴⁾).

„Вѣдай, о сынъ человѣческій! что жизнь добродѣтельная есть единственный путь къ совершенію съ веселіемъ твоего теченія и къ торжественному окончанію дней твоихъ. Приближеніе смерти не устрашитъ тогда души твоей, ни возрѣніе на стрѣлы ся приведетъ тебя въ трепеть“ ⁵⁾).

„Благость состраданія изливаетъ благословеніе и утѣшеніе сыновъ злополучія. Человѣкъ соболѣзнующій о другомъ, прославляетъ чрезъ то себя самага; но не имѣющій къ другому никакого сожалѣнія не достоинъ и самъ никакого... Слезы состраждущаго слаще капель росы, падающей съ розы въ нѣдра земныя. И по сему не уклоняй уха своего отъ вопля бѣдныхъ, и не ожесточай сердца при злочлюченіяхъ неповиннаго“ ⁶⁾).

„Поступай во всѣхъ дѣянїяхъ своихъ чистосердечно, и не омрачай жизни своя несправедливостью“ ⁷⁾).

„Не надѣйся на богатство, ибо оно скоропроходимо; и не возлагай своего упованія на злато... Пекися о богатствѣ непреходимомъ и о сокровищахъ вѣчныхъ“ ⁸⁾).

„Дѣлай добро, знакомое тобою, то благополучіе будетъ твоею частію“ ⁹⁾).

Давая своимъ питомцамъ въ руки книги, содержавшія эти и имъ подобныя наставленія, Антонскій поступалъ въ этомъ случаѣ согласно

¹⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 16.

²⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 19.

³⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 72.

⁴⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 73.

⁵⁾ Тамъ же, ч. III, стр. 30.

⁶⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 45.

⁷⁾ Тамъ же, ч. III, стр. 21.

⁸⁾ Тамъ же, ч. III, стр. 24.

⁹⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 50.

съ такимъ предписаніемъ той же „Книги премудрости и добродѣтели“, касательно воспитанія ребенка:

„Прилежи заблаговременно о его наставленіи, наполни душу его *правилами и основаніями истины*. Примѣчай склонности естества его; руководствуй его въ юности, и не терпи, да злая какая-либо привычка укоренится съ его лѣтами. Такимъ образомъ возрастаетъ оныя кедръ въ горахъ; глава его возникнетъ превыше всѣхъ древесъ дубравы“¹⁾).

Въ цѣляхъ наполненія души правилами и основаніями истины и предписывалось питомцамъ университетскаго благороднаго пансіона читать „Бесѣды съ Богомъ“, „Книгу премудрости и добродѣтели“ и т. под.

Та же цѣль назиданія, воспитанія молодыхъ людей въ извѣстныхъ правилахъ преслѣдовалась и имѣвшими мѣсто въ числѣ „забавъ“ воспитанниковъ пансіона ученическими спектаклями²⁾). Характеръ и направленіе этихъ спектаклей выясняются изъ книжки: „Дѣтской театр, или собраніе піесъ, представленныхъ воспитанниками въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ“. М. 1802. Ч. I—II.

Въ предисловіи издатель этой книжки говоритъ:

„Между многими знаніями и искусствами, входящими въ нынѣшнее воспитаніе юношества, театральныя представленія почтятся могутъ не послѣднимъ средствомъ къ образованію умственныхъ и тѣлесныхъ способностей молодыхъ людей, есть ли токмо при занятіи ихъ въ нѣкоторое время упражненіемъ симъ наблюдаена будетъ вся нравственная строгость въ выборѣ піесъ, какъ по содержанію, такъ и по лицамъ въ нихъ дѣйствующимъ“³⁾. И объясняя цѣль составленія сборника, издатель продолжаетъ:

„А какъ у насъ такихъ сообразныхъ цѣли воспитанія піесъ совсѣмъ почти нѣтъ, то я, находясь нѣсколько времени въ корпусѣ, которому ввѣряется воспитаніе дѣтей дворянскихъ, и въ которомъ прилагаются всевозможныя старанія и средства къ совершеннѣйшему юношества сего образованію, не бесполезнымъ почелъ издать нѣсколько такихъ піесъ, въ которыхъ, сообразуясь понятіямъ дѣтскаго возраста, ста-

¹⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 51.

²⁾ Объявленіе о воспитаніи, ученіи и содержаніи въ благородномъ пансіонѣ. М. 1802, стр. 9, Тихопратовъ. соч., III, ч. I, примѣч. стр. 64 примѣч. 51.

³⁾ Дѣтскій театр, ч. I, стр. III.

рался я соединить пріятность занятія сего съ желасмою отъ всякаго дѣтскаго упражненія пользою“ ¹⁾).

Въ первой части „Дѣтскаго Театра“ издано три пьесы: „Невидимка“, „Благородное дитя“ и „Друзья нынѣшняго вѣка“; во второй части—двѣ пьесы: „Добрыя дѣти“ и „Солдатская школа“.

Отношеніе издателя къ тексту переиздаваемыхъ имъ пьесъ и его оригиналовъ характеризуется слѣдующими его словами.

„Строгий выборъ піесъ для представленія дѣтскаго необходимо нуженъ... Нѣтъ ничего непозволительнаго и безобразнаго, какъ давать играть въ училищѣ дѣтскомъ піесу, которой связь, а нерѣдко и всю красоту составляетъ порокъ, выставленный образомъ самымъ соблазнительнымъ; притомъ въ лицахъ полудѣтей, которыми она играетъ, не соотвѣтственныхъ... Избѣгая сей несообразности, принужденъ я былъ *Друзей нынѣшняго вѣка* передѣлать изъ переведенной на нашъ языкъ съ французскаго; въ оригинальной: мужъ и притомъ пожилыхъ лѣтъ отводитъ молодую жену свою отъ знакомства съ мужчинами, въ піесѣ выведенными не такъ то хорошихъ правилъ; старикъ сей при самомъ лучшемъ и справедливомъ требованіи своемъ подозрѣваемъ быть можетъ въ ревности къ женѣ его; въ передѣланной же мною—отецъ, по чистымъ чувствамъ горячности и доброхотства къ сыну, отвлекаетъ отъ вреднаго знакомства“ ²⁾).

Первая изъ пьесъ „Дѣтскаго Театра“—*Невидимка*—даетъ аллегорическое представленіе, съ участіемъ разныхъ аллегорическихъ фигуръ, какъ Время, Слава, Зависть и т. п.,—въ которомъ юноша Тезбисъ „по наслажденіи блаженствомъ дѣтской невинности, предуготовляется Геніемъ ко изученію человѣческихъ дѣланій“, какъ формулируетъ идею пьесы издатель ³⁾).

Пьеса открывается такою сценой: „Театръ представляетъ прелестнѣйшее мѣстоположеніе, изобилующее всѣми дарами природы... Тезбисъ спитъ на дерновой скамьѣ подъ деревомъ, обвѣшеннымъ гирляндами цвѣточными; подъ пріятною музыкою танцуютъ вокругъ его Геніи, предводительствуемые Флорилломъ (однимъ изъ геніевъ, приставленныхъ къ Тезбису); летящее Время нарушаетъ ихъ танецъ; они опутываютъ его цвѣтами и стараются удержать; суровость его разрываетъ ихъ усилія; оно вырывается, жадно смотреть на Тезбиса,

¹⁾ Тамъ же, стр. III—IV.

²⁾ Тамъ же, стр. VIII—X.

³⁾ Тамъ же, стр. V—VI.

но Геніи его оттаскивають; оно летить, и Геніи мечуть въ него цвѣтки "...¹⁾). Хоръ поеть о томъ, что дѣтство для Тезбиса прошло, и передъ нимъ открывается море житейское. Какая то загадочная фигура—Вѣдонъ,—называющая Тезбиса сыномъ, и представляющая собой, повидимому, олицетвореніе познанія, вѣдѣнія,—тоже говоритъ, что „время его невинности, его дѣтскихъ лѣтъ исполнилось, онъ долженъ оставить сіи мѣста: сей чистый ручей, протекшій поля, усыпанныя цвѣтами, долженъ впасть въ море, обуреваемое волнами страшными, гдѣ высочайшее знаніе лучшаго кормщика примѣчается случайно, гдѣ твердѣйшія суда разбиваются скалами, гдѣ добродѣтели чаще гонимы, нежели награждаемы, и гдѣ обманчивыя пѣсни престланныхъ сиренъ потопляютъ слабоумныхъ пловцовъ; онъ долженъ впасть въ бездну волвъ и быть ими поглощенъ“²⁾... Тезбисъ, уснувшій дитятей, пробуждается безпокойнымъ юношей съ неясными для него самого желаніями, стремленіями, порывами, вопросами; ему скучно; вчерашнія дѣтскія забавы и развлеченія уже не удовлетворяютъ его; пробуждается жажда знанія, жажда общенія съ людьми; онъ хочетъ покинуть уединенную рошу, гдѣ провелъ дѣтство, и стремится туда, гдѣ живутъ люди; его останавливаетъ голосъ невидимаго Вѣдона: „Отваживающійся на пораженіе львовъ посреди ихъ пещеры, вооружаетъ искусную свою руку острымъ мечемъ... не меньшимъ орудіемъ благоразумія долженъ ты вооружить слабый твой умъ, вступая въ общества людей; знаніе сердець ихъ и осторожность должны быть твоими спасителями, безъ которыхъ ты при первомъ шагѣ въ лабиринтъ ихъ потеряться можешь навѣки“³⁾... И вотъ смѣняется рядъ живыхъ картинъ, назидательныхъ для Тезбиса и для юныхъ зрителей—пансіонеровъ; смыслъ и значеніе картинъ комментируются для Тезбиса сопровождающимъ его геніемъ Ефиродемъ: прежде всего является Пандора „въ отчаяніи съ открытымъ ларцемъ“, потомъ выступаютъ Прелесть, Гордость, Зависть, Скупость, Обманъ, Пьянство; Ефиродъ предупреждаетъ Тезбиса противъ любопытства и противъ этихъ пороковъ; затѣмъ показывается красавица Слава съ золотой трубой; она влечетъ въ цѣпяхъ Александра Македонскаго и Герострата; съ ея крыльевъ и платья каплетъ кровь; Ефиродъ поучаетъ Тезбиса: „Прежде нежели ты былъ рожденъ, високомѣрная мать твоя вмѣсто молока

¹⁾ Дѣтскій театръ, ч. I, стр. 3—4.

²⁾ Тамъ же, стр. 5—6.

³⁾ Тамъ же, стр. 30—31.

питала тебя во внутренности своей ядомъ симъ—ты получилъ уже отъ нея зародышъ тщеславія, который подъ видомъ любопытства распускается теперь; но припеди въ всю силу въ мечтахъ просвѣщенія, затмить все доброе въ твоёмъ сердцѣ, если ты не остережешься, если станешь слушать толковъ людскихъ, часто лстящихъ твоему самолюбивому любопытству, а еще не рѣже злословящихъ тебя невинно. Славолюбіе такая язва, отъ пагубы которой и самые мудрѣйшіе изъ твоихъ собратій не избѣгаютъ¹⁾... При видѣ Геркулеса, умирающаго на кострѣ черезъ страсть къ „лукавой красавицѣ“ Деянирѣ, Ефиродъ замѣчаетъ: „Такъ пагубная страсть сія пожираетъ неодолимыя силы и лучшія дарованія величайшихъ героев“²⁾. Рядъ живыхъ картинъ заключается зрѣлищемъ Сократа въ темницѣ, окруженнаго учениками, бесѣдующаго о безсмертіи души и выпивающаго чашу смерти; Время увлекаетъ эту картину за собою. Тезбисъ понимаетъ теперь, какой рядъ испытаній и опасностей предстоитъ ему теперь при выходѣ изъ прекрасной роши его дѣтсва.

Вторая пьеса называется „Благородное дитя“ драма въ двухъ дѣйствіяхъ (стр. 49—138). Бѣдный благородный мальчикъ (фонъ-Эдельдухъ) состоитъ пажемъ при дворѣ короля; чтобы поддерживать мать (г-жу фонъ-Эдельдухъ), онъ за плату дежуритъ по ночамъ вмѣсто другихъ (барона Дурвиль, графа Пфедфергазень); король даритъ ему часы; Эдельдухъ, узнавъ о разореніи отца своего друга (Цартенсерда), посылаетъ ему эти часы, какъ они ни дороги для него,—не имѣя возможности помочь несчастному ничѣмъ инымъ. Случайно король узнаетъ благородную душу юнаго пажа. Въ противоположность Эдельдуху выводятся баронъ Дурвиль и графъ Пфедфергазень, себялюбивые придворные, надменные знатные свѣтскіе люди, все время болтающіе по французски; они пользуются услугами Эдельдуха, но сами выражаютъ готовность выслушать его просьбу о помощи другу только тогда, когда замѣчаютъ особое милостивое вниманіе къ Эдельдуху короля. Это—содержаніе перваго дѣйствія (стр. 51—88). Дѣйствіе происходитъ во дворцѣ. Второе дѣйствіе (стр. 89—138) имѣетъ мѣсто за городомъ. Г-жа Эдельдухъ принимаетъ въ свой домъ разореннаго Цартенсерда-отца, находящагося въ полномъ отчаяніи, такъ какъ ему сообщили, что и сынъ его умеръ. Егеръ приноситъ отъ Эдельдуха его матери письмо и деньги, а Цартенсерду—письмо и часы.

¹⁾ Тамъ же, стр. 36—37.

²⁾ Тамъ же, стр. 38—39.

Неожиданно является Цартенсердъ-сынъ, вѣсть о смерти котораго была ложью; сынъ сообщаетъ отцу, что у него есть другъ, который служить пажемъ при дворѣ (разумѣется Эдельдухъ) и ходатайствовалъ за нихъ передъ королемъ. Разражается буря съ грозой; она застаётъ короля на прогулкѣ съ Эдельдухомъ; послѣдній проситъ короля за отца своего друга, и король обѣщаетъ пересмотрѣть вновь дѣло Цартенсерда. Король входитъ въ жилище матери Эдельдуха, и осыпаетъ милостями Эдельдуховъ и Цартенсердовъ, окончательно убѣдясь въ ихъ благородствѣ и честности.

Третья пьеса — „Друзья нынѣшняго вѣка“, комедія въ одномъ дѣйствіи (стр. 139—230). Легкосердъ, сынъ богатаго купца Старосмысла, пожалованнаго въ дворяне, ежедневно роскошно угощаетъ у себя полковника Наянова, его племянника графа Безразсудова, откупщика Корыстолюбова и поляка пана Страмницкаго; онъ считаетъ ихъ своими искренними друзьями. Для Старосмысла ясно, что этихъ господъ привлекаетъ къ его сыну роскошный столъ, возможность угощаться на чужой счетъ; онъ и открываетъ глаза Легкосерду; каждому изъ пріѣзжающихъ къ обѣду гостей Легкосердъ, чтобы испытать расположеніе ихъ къ себѣ, объявляетъ, что ему съ отцомъ крайне необходимы 2000 рублей; quasi-друзья, хотя и имѣютъ деньги, но рѣшительно отказываются ссудить ими нуждающихся и подъ разными предлогами уѣзжаютъ; только старый настоящій другъ Старосмысла, купецъ Честонъ, котораго Легкосердъ стыдился посадить за одинъ столъ съ своими пріятелями, обѣгалъ весь городъ, не имѣя своихъ денегъ, и занялъ 2000 рублей, которые и приноситъ Старосмыслову ¹⁾).

Четвертая пьеса — „Добрыя дѣти“, драма въ двухъ дѣйствіяхъ („Дѣт. Театръ“, часть II, стр. 1—124). Купца Арнольда — человѣка честнаго, благороднаго, добродѣтельнаго — постигло несчастье: поручившись за друга, который не выполнилъ своего обязательства, онъ оказывается несостоятельнымъ должникомъ, теряетъ все, что имѣлъ, и долженъ идти въ тюрьму; онъ могъ бы погасить главную часть долга брилліантами, оставшимися его дочери Шарлоттѣ послѣ бабушки, но Арнольдъ не

¹⁾ Изложенная пьеса, по приведенному выше собственному сознанию издателя, есть переделка другой пьесы, переведенной съ французскаго. У сопикова (Опытъ русс. библиогр. № 5367) отмѣчена пьеса: „Друзья нынѣшняго вѣка“, ком. въ 1 д., перев. съ франц. (Павла Кашицова). М. 1790. Не имѣя ея подъ руками, не могу рѣшить, была ли она оригиналомъ пьесы „Дѣт. Театра“.

считаетъ себя вправѣ сдѣлать этого, передаетъ брилліанты дочери, а самъ готовится сѣсть въ тюрьму. Дѣти его Шарлотта и Генрихъ и ихъ учитель Германъ въ отчаяніи. Безгранично любя Арнольда, они рѣшаются какъ-нибудь помочь ему. (Содержаніе дѣйствія перваго, стр. 3—44). Они отправляются, порознь, безъ вѣдома другъ друга, къ главному заимодавцу Арнольда—купцу Гартигу, богачу, который всю жизнь преслѣдовалъ исключительно цѣли наживы. Германъ предлагаетъ ему свои услуги въ качествѣ бухгалтера, причѣмъ готовъ контрактомъ прямо закабалить себя Гартигу на много лѣтъ, только бы Гартигъ зачелъ его жалованье въ уплату долга Арнольда и оставилъ послѣдняго на свободѣ; Шарлотта приносить Гартигу, въ уплату долга отца, свои брилліанты; а Генрихъ, ничего не знавшій о брилліантахъ сестры, является и упрасиваетъ Гартига посадить его, Генриха, въ тюрьму вмѣсто отца. Гартигъ пораженъ и тронутъ. Его собственныя дѣти, Луиза и Карлъ, оказываются черствыми, бездушными, себялюбивыми, и Гартигъ раздражается такимъ монологомъ (дѣйствіе II, явл. 8):

„Не могу надивиться! Какія дѣти! Сынъ хочетъ итти въ тюрьму за отца; дочь приходитъ и падаетъ передо мною на колѣни; отдастъ послѣднее, что у нея оставалось. За какого жъ отца? за такого, который привелъ ихъ въ несчастіе, разорился, поручился за обманщика, а мои дѣти живутъ въ изобиліи, ни о чемъ не заботятся, и въ благодарность за всѣ мои объ нихъ попеченія, каждымъ словомъ, какъ ножемъ въ сердце, уязвляютъ. Сынъ вдается въ праздность и думаетъ только о шалостяхъ; а дочь и теперь уже занимается только вздорами. Ахъ! чуть ли не самъ я виною развращенія ихъ. — Я любовался, глядя, какъ при нихъ люди кланяются мнѣ, прося у меня денегъ.—Лучше бы, тысячу разъ лучше бъ сдѣлалъ я, давая имъ видѣть, какъ бѣдный въ трудѣ и потѣ снискиваетъ свое пропитаніе! ¹⁾).

Совсѣмъ иначе вель своихъ дѣтей Арнольдъ; Шарлотта рассказываетъ про отца:

„Онъ училъ насъ бояться Бога, предпочитать добродѣтель всему, довольствоваться малымъ, быть лучше въ бѣдности честными, нежели порочными въ богатствѣ и изобиліи; училъ выше цѣнить скромность и умѣренность, нежели гордость тщеславіе; всему этому училъ онъ насъ своимъ примѣромъ“ ²⁾).

¹⁾ Дѣт. театр., ч. II, стр. 84—85.

²⁾ Тамъ же, стр. 90—91.

Является освобожденный изъ тюрьмы Арнольдъ. До слезъ растроганный благородствомъ его дѣтей Гартигъ отказывается взять брилліанты Шарлотты и даетъ Арнольду отсрочку до тѣхъ поръ, пока онъ не поправитъ своихъ дѣлъ. Между отцами происходитъ такой разговоръ:

Гартигъ. ...Скажите, Г. Арнольдъ! гдѣ вы берете добрыхъ дѣтей? Для чего мои дѣти такъ меня мучать?...

Арнольдъ. Я опасаюсь, не сами ли вы въ томъ виноваты.

Гартигъ. Какъ! Самъ я виноватъ въ томъ, что дѣти меня не слушаются и мнѣ досаждаютъ?—Не получаютъ ли они отъ меня всего, что только имъ надобно? Не пекусь ли я о томъ, чтобъ они и теперь и по смерти моей не терпѣли недостатка? не тружусь ли я для того день и ночь?...

Арнольдъ. Многіе богатые люди поступаютъ такъ же, какъ и вы. Они весьма рано внушаютъ дѣтямъ своимъ неограченное почтеніе къ богатству и слишкомъ возвышаютъ цѣну его, унижая притомъ такія вещи, которыя гораздо важнѣе богатства.

Гартигъ. А чтожь? они дѣло дѣлаютъ. Развѣ нельзя съ деньгами достать всего, что тебѣ угодно?

Арнольдъ. Нѣтъ, сударь! Деньги не доставляютъ намъ ни одной изъ тѣхъ добродѣтелей, которыя дѣлаютъ насъ любви достойными предъ Богомъ и предъ людьми, если мы не употребляемъ ихъ съ добрыми и благородными намѣреніями. Когда всѣ склонности, желанія и старанія дѣтей устремлены будутъ къ богатству, когда вся душа ихъ будетъ занята тою мыслью, что оно все имъ доставить можетъ—останется ли тогда мѣсто для любви къ Богу, къ родителямъ, къ должностямъ, къ добродѣтели, ко всему великому и благородному?

Гартигъ. Такъ, и мнѣ что то кажется, что вы правду говорите,

Арнольдъ. Такія дѣти не будутъ слушаться своихъ родителей; будутъ нечувствительны при благополучіи и несчастіи другихъ людей; и какъ страсти ихъ отъ времени до времени стануть усиливаться, то наконецъ будутъ они желать смерти своимъ родителямъ, для того чтобъ поскорѣе захватить въ свои руки ихъ золото... Какъ скоро получаютъ они волю и средства удовлетворять своимъ пристрастіямъ, то дѣлаются мотами и расточаютъ имѣніе, которое отцы ихъ съ трудомъ и заботами собирали.

Гартигъ. Правда, сударь, правда! Я теперь вижу, какъ сынъ мой и дочь послѣ меня расточатъ мои деньги. Вы открыли мнѣ глаза... Я не знаю, какъ сдѣлать дѣтей своихъ такими жъ, каковы ваши.

Скажите мнѣ, что для этого надобно дѣлать, или что вы дѣлали?...

Арнольдъ. Я старался всегда впечатлѣвать въ нихъ любовь къ Богу и добродѣтели; училъ ихъ, что одна только добродѣтель можетъ ихъ сдѣлать счастливыми и въ здѣшней жизни и въ будущей; увѣрялъ ихъ, что богатство и знатность тогда только заслуживаютъ почтеніе, когда на добро употребляются; старался заблаговременно предохранять ихъ отъ праздности; заставлялъ ихъ учиться всему тому, что можетъ принести имъ пользу или невинное удовольствіе, и что прилично ихъ состоянію; наконецъ старался я учить ихъ всему доброму собственнымъ своимъ примѣромъ, сколько то слабость моя позволяла; при всякомъ случаѣ показывалъ и имъ опыты моей любви, и они платили мнѣ за то взаимною любовью.

Гартигъ. А я почти ничего этого для своихъ дѣтей не дѣлалъ... Однако жъ, сударь, хорошъ ли этотъ примѣръ, который вы показали своимъ поручительствомъ?

Арнольдъ. Поручившись за своего друга, исполнилъ я то, къ чему дружба меня обязывала. Другъ мой или тотъ, кого я почиталъ другомъ, не сдержалъ своего слова или не могъ сдержать, — и такъ онъ остался виноватымъ, а не я.

Гартигъ. Однако не онъ, а вы терпѣли за то наказаніе; вы терпѣли несчастіе.

Арнольдъ. Я почти и не могу назвать несчастіемъ этого приключенія: оно научило дѣтей моихъ не полагаться на людей и на деньги; потому что одно небольшое обстоятельство можетъ разрушить всѣ наши надежды, все наше счастье. Они имѣли случай увѣриться, сколь полезно, собирать сокровище въ самомъ себѣ; они были столько счастливы, что добросердечіемъ своимъ и любовью ко мнѣ возбудили ваше великодушіе и заслужили отъ васъ себѣ любовь; а срокъ, который вы мнѣ дали, послужить вамъ, какъ я надѣюсь, доказательствомъ, что я честный человѣкъ ¹⁾).

Тронутый до слезъ Гартигъ раздираетъ письменное долговое обязательство Арнольда, объясняетъ ему, какого вѣрнаго и благороднаго друга имѣетъ Арнольдъ въ учителѣ своихъ дѣтей Германѣ, и проситъ послѣдняго заняться исправленіемъ и его, Гартига, дѣтей. Въ это время приходитъ письмо отъ того друга, изъ-за котораго Арнольдъ такъ пострадалъ, но который готовъ выплатить немедленно свой долгъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 107—115.

Гартигъ однако отказывается получить эти деньги и дарить ихъ дѣтямъ поручителя—Арнольда.

Гартигъ. Первый разъ въ жизни чувствую я, какое удовольствіе дѣлать добро добрымъ людямъ!... Арнольдъ! Вы несравненно меня богатѣе своими дѣтьми. Теперь я вижу, что благоразумное воспитаніе дѣтей и добрые примѣры устрояютъ счастье всей ихъ жизни; а благословеніе родительское приноситъ имъ сокровища. Будьте всегда моимъ другомъ! (*обнимаются*).

Арнольдъ. Могу ли я позабыть ваше великодушіе?

Шарлотта. И мы никогда, никогда не позабудемъ своего благодѣтеля! ¹⁾

Такъ оканчивается эта мораль въ драматической формѣ, поучительная столько же для родителей, сколько и для дѣтей.

Пятая и послѣдняя пьеса—„Солдатская школа“, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Въ деревнѣ за отсутствіемъ помѣщика, властвуетъ надъ крестьянами, разоряя ихъ, приказчикъ Заноза. Онъ пристаётъ къ дочери одного крестьянина, Бѣдона, Анютѣ, съ требованіями выйти за него замужъ; встрѣчая отказы со стороны Анюты и ея отца, онъ грозитъ разорить окончательно Бѣдона за барскія недоимки и сослать его, основываясь на приказаніи помѣщика, на конскій заводъ. Въ это время въ деревнѣ проходитъ останавливается полкъ солдатъ; въ немъ служить сынъ Бѣдона Іосифъ, женихъ подруги Анюты, Миланы, и Радущичъ, женихъ самой Анюты, другъ Іосифа. Іосифъ и Радущичъ останавливаются на постоя въ избѣ Бѣдона; отецъ встрѣчаетъ сына послѣ десятилѣтней разлуки, съ горестью рассказываетъ бѣдствіе и напасти, какія онъ претерпѣваетъ отъ приказчика, сообщаетъ и о послѣдней бѣдѣ—о грозящемъ за недоимку въ 50 рублей окончательномъ разореніи и ссылкѣ. (Дѣйствіе первое). Іосифъ рѣшается во что бы то ни стало помочь отцу; онъ сговаривается съ крестовымъ братомъ Бѣдона, Стодумомъ, и рѣшается выполнить такой планъ: онъ, Іосифъ, дезертируетъ, а Стодумъ долженъ его яко бы поймать и привести назадъ въ полкъ, за что и получить награду въ 60 рублей, которыми Бѣдонъ и выплатитъ свою недоимку. И вотъ Іосифъ, самый добрый и исправный солдатъ во всемъ полку, какъ аттестуетъ его начальникъ, полковникъ Добросердъ ²⁾, становится дезертиромъ, т. е.

¹⁾ Тамъ же, стр. 123—124.

²⁾ Дѣйствіе I, явл. 17 (Дѣт. т., II, стр. 204).

совершает преступленіе, караемое, согласно послѣднему распоряженію высшаго начальства, смертною казнью. Стодумъ, не подозрѣвавшій, чѣмъ рискуетъ любящій Іосифъ, приводитъ его въ полкъ, получаетъ деньги, которыя и передаетъ Бѣдону, сказавъ, что онѣ были зарыты подъ угломъ его дома. (Дѣйствіе второе). Іосифъ закованъ въ кандалы, подвергнутъ допросу, но не открываетъ, что побудило его къ побѣгу. Тайну раскрываетъ Стодумъ, въ отчаяніи отъ послѣдствій происшедшаго. Тогда Іосифъ, котораго готовились уже разстрѣлять, не только получаетъ помилованіе, ко всеобщей радости, но и награжденъ офицерскимъ чиномъ. Полковникъ говорить ему:

„Поступокъ твой чрезвычайенъ, безпримѣренъ; я не премину донести объ этомъ Государю, и увѣренъ, что ты въ его глазахъ не меньше будешь герой, какъ и въ моихъ; но ты не размышлялъ въ воспаленіи твоей чувствительности, чему подвергаешь ты себя, твоего отца, законъ... Іосифъ! ты видишь здѣсь вооруженныхъ твоихъ товарищей, готовыхъ лишить тебя жизни; одинъ мигъ—и они бы сдѣлались твоими убійцами; одинъ шагъ—и добродѣтель твоя потеряла бы всю цѣну; ты бы сдѣлался злодѣемъ ожесточившимъ противъ себя невинно строгость законовъ: умертвилъ бы своего отца. Неужели ты думалъ, что онъ будетъ совершенно счастливъ малыми деньгами, которыя дала бы ему твоя смерть? Вѣрь мнѣ, если бъ онъ былъ и въ самомъ бѣдственнѣйшемъ состояніи, но имѣя тебя хоть за нѣсколько сотъ верстъ, при этой мысли: можетъ быть Іосифъ мой теперь живетъ благополучнѣе моего! былъ бы онъ уже совершенно счастливъ... Ты поступилъ, какъ совершенно добрый сынъ; но не могъ ли ты притти ко мнѣ? Тогда бы я помогъ тебѣ отъ всего сердца, а теперь я долженъ то сдѣлать по принужденію. Не почитай моего поступка ни великодушнѣмъ, ни щедростію; это долгъ мой! ты принудилъ меня къ нему чрезвычайнымъ образомъ. Съ нынѣшняго дня отецъ твой ежегодно получаетъ отъ меня по 100 рублей... Добродѣтель заслуживаетъ больше, нежели эта малость... Что жъ касается до тебя, молодой человѣкъ! Обойми меня... Чувства твои выше всякой земной награды; чинъ малымъ для тебя и обиднымъ для твоихъ товарищей былъ бы возмездіемъ твоему поступку; за храбрость сдѣлали бы тебя офицеромъ, но за чувства столь нѣжныя этого мало. Всякая выслуга должна имѣть свою награду. Горячность отца твоего и всей родни, благоволеніе монаршее и мое особенное расположеніе будутъ лучшею тебѣ наградою. Собственное чувство при всякой мысли объ твоёмъ отцѣ радовать будетъ тебя въ высочайшей степени. Дай Богъ, чтобъ

многія дѣти радовали родителей своихъ подобною нѣжностью, остерегаясь твоей пылкости“ ¹⁾).

По своему морально-педагогическому характеру пьесы „Дѣтскаго Театра“ близки къ тѣмъ *комедіямъ для дѣтей*, опыты которыхъ часто появлялись въ концѣ XVIII вѣка въ нѣмецкой литературѣ. Имѣютъ также эти пьесы точки соприкосновенія и съ такъ называемыми „мѣщанскими“ драмами, которыя въ то время пользовались такою популярностью, и въ которыхъ отразился вкусъ къ морализаціи сентиментальной „семейной“ поэзій.

Въ мою задачу не входитъ разысканіе объ источникахъ „Дѣтскаго театра“; не могу, однако, не отмѣтить, что пьеса „Благородное дитя“ восходитъ къ одноактной очень нравившейся въ свое время драмѣ Іоганна Якоба Энгеля „Der Edelknabe“, въ основѣ которой лежитъ извѣстный анекдотъ о томъ, какъ Фридрихъ II подарилъ бѣдному пажу часы ²⁾. Драма же „Солдатская школа“ восходитъ къ пьесамъ Мерсье „Déserteur“ и Стефани младшаго (Stephanie der Jüngere) „Déserteur aus kindlicher“ Liebe ³⁾.

Кому принадлежитъ составленіе сборника „Дѣтскій театр“, достоверно неизвѣстно. Сущковъ ⁴⁾ приписываетъ его Н. Н. Сандунову. Нѣкоторое подтвержденіе этому находимъ въ „Запискахъ Стеф. Петр. Жихарева“, который подъ 18 Іюля 1805 г. замѣчаетъ: Н. Н. Сандуновъ подсадилъ меня къ себѣ, чтобы потолковать о литературѣ, стихахъ и прозѣ, о поэтахъ и прозаикахъ. Я всегда полагалъ, что Н. Н. несмотря на свое юридическое призваніе, любитъ литературу и особенно театральную, чему доказательствомъ служатъ *его разныя пьесы, которыя мы разыгрывали на пансіонскомъ театрѣ*, не говоря уже о капитальномъ переводѣ Шиллеровыхъ „Разбойниковъ“ ⁵⁾... Въ „Биографическомъ словарѣ Московскаго университета“ ⁶⁾ въ числѣ трудовъ Н. Н. Сандунова (бывшаго профессоромъ Москов. унив.) „Дѣтскаго театра“ не показано, можетъ быть, потому, что сборникъ анонимный. Свою драму „Отецъ семейства“ (М. 1794) Сундуновъ посвятилъ А. А. Прокоповичу-Антонскому, благодаря послѣдняго за „ве-

¹⁾ Тамъ же, стр. 323—327.

²⁾ А. Eloesser, Das Bürgerliche Drama. Seine Geschichte im 18 u. 19 Jahrhundert. Berl. 1798, стр. 109.

³⁾ Тамъ же, стр. 100—101.

⁴⁾ Московскій унив. благ. пансіонъ, М. 1858, стр. 36.

⁵⁾ Записки Жихарева, изд. Русск. Архива, М. 1890, стр. 61.

⁶⁾ Томъ II, стр. 388—397.

людоушный поступокъ въ годну его (Сандунова) несчастія“; при поминѣ приведенныя выше слова издателя „Дѣтскаго театра“ въ предисловіи: „Находясь нѣкоторое время въ корпусѣ, которому ввѣряется воспитаніе дѣтей дворянскихъ... я не бесполезнымъ почелъ издать нѣсколько такихъ пьесъ“... ¹⁾),—и сопоставляя всѣ эти факты, я не нахожу основаній отвергать сообщеніе Сушкова, что „Дѣтскій театр“ изданъ Н. Н. Сандуновымъ,—который могъ имѣть естественное желаніе сдѣлать пріятное Антонскому, нуждавшемуся въ подходящихъ пьесахъ для пансіонскихъ спектаклей.

Прокоповичъ-Антонскій, стараясь подѣйствовать на нравственное развитіе своихъ питомцевъ путемъ чтенія ими избранныхъ книгъ, путемъ поучительныхъ спектаклей, желалъ вызвать со стороны воспитанниковъ и активную дѣятельность въ томъ же направленіи. Съ этой цѣлью онъ усердно заказывалъ имъ къ пансіонскимъ торжественнымъ актамъ рѣчи и стихи на свои излюбленныя темы въ родѣ: „Геній“, „На благость“, „Гимнъ истинѣ“, „На счастье“, „На невинность“ и т. п. „Все-та предметы-та нравственные“,—говорилъ онъ ²⁾) На актѣ 19-го декабря 1797 года одинъ изъ воспитанниковъ произносилъ рѣчь о полезности и похвальности трудолюбія, трое пансіонеровъ (въ томъ числѣ и Жуковский) вели „Разговоръ о томъ, что всякій членъ общества необходимо обязанъ служить ему, отправляя въ немъ какую-нибудь должность“ ³⁾), Жуковский на актѣ 14-го ноября 1798 г. читаетъ рѣчь о добродѣтели, а на актѣ 22-го декабря того же года произноситъ свое стихотвореніе „Добродѣтель“ (*Отъ свѣта свѣтовъ...*); на этомъ же послѣднемъ актѣ читается „Рѣчь о томъ, каковъ долженъ быть прямо благородной воспитанникъ“ ⁴⁾). На актѣ 22-го декабря 1800 года воспитанникъ Александръ Тургеневъ, товарищъ Жуковского, произноситъ „Рѣчь о томъ, что просвѣщеніе безъ религіи и добродѣтели болѣе вредно, нежели полезно“ ⁵⁾). На актѣ 21-го декабря 1801 г. читалась „Рѣчь о неразрывной связи просвѣщенія, религіи и добродѣтели“ ⁶⁾).

¹⁾ Дѣт. театр, ч. I, стр. III—IV.

²⁾ *Записки*, Жуковский, стр. 26; Записки С. П. Жихарева. М. 1890, стр. 94. относится къ 1805 году.

³⁾ Брошюра „Рѣчь, разговоръ и стихи, читанныя въ публичномъ актѣ, бывшемъ въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, декабря 19-го дня 1797 г.“.

⁴⁾ „Рѣчь, разговоръ и стихи, чит. на публ. актѣ, бывшемъ въ унив. бс. п. декабря 22-го дня 1798 г.“.

⁵⁾ „Рѣчь, разговоръ и проч. декабря 22-го дня 1800 г.“.

⁶⁾ „Рѣчь, разговоръ и проч. декабря 21-го 1801 г.“.

Семень Редзянко, товарищ Жуковскаго, вмѣстѣ съ послѣднимъ переводившій на французскій языкъ оду Державина „Богъ“, печатаетъ въ 1798 г. стихотвореніе „Истина“ и двѣ прозаическія статьи: „Нощное размышленіе о Богѣ“ и „Величество Божіе“ ¹⁾.

III.

Прокоповичъ-Антонскій и руководимое имъ направленіе образованія молодежи въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ были до извѣстной степени проводниками вліянія на пансіонеровъ той нравственной атмосферы, которая создалась въ части московскаго общества вліяніемъ проф. И. Г. Шварца и лицъ, близкихъ къ нему по складу своего умственного и нравственного міросерцація—Н. И. Новикова и прочихъ членовъ „Дружескаго ученаго общества“. Эта атмосфера идеализма еще сильнѣе коснулась своимъ вліяніемъ Жуковскаго непосредственно—не черезъ педагогическую систему Антонскаго, а путемъ непосредственнаго сближанія съ такими людьми, какъ И. П. Тургеневъ, И. В. Лопухинъ и др.

„Юшковы и Бунины были дружны съ семействомъ И. П. Тургенева“, рассказываетъ Зейдлицъ ²⁾. Одинъ изъ сыновей—Александръ Тургеневъ былъ товарищемъ Жуковскаго по пансіону; другой братъ, Андрей, въ 1799 г. былъ уже студентомъ университета и могъ назваться старшимъ товарищемъ Жуковскаго; нашъ поэтъ вошелъ въ эту семью какъ другъ, какъ братъ ³⁾.

И. П. Тургеневъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, нѣкогда ревностный масонъ, одинъ изъ московскихъ розенкрейцеровъ, усердный дѣятель „Дружескаго ученаго общества“ и ревностный адептъ его возвышенныхъ филантропическихъ задачъ и идей истиннаго просвѣщенія и нравственнаго совершенствованія; высланный во время преслѣдованія московскихъ „мартинистовъ“ въ 1792 г. въ свою симбирскую деревню и возвращенный изъ ссылки императоромъ Павломъ, онъ съ 15-го ноября 1794 г. занималъ постъ директора Московскаго университета. М. П. Невзоровъ, питомецъ того же Новиковскаго кружка, даетъ такой отзывъ объ И. П. Тургеневѣ: „Онъ былъ добрый другъ юношества и многимъ молодымъ людямъ,

¹⁾ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, часть XX, стр. 336, 267, 273.

²⁾ Ор. cit. стр. 20.

³⁾ Тихопр., соч. III, ч. 1, стр. 414 и сл. гдѣ выясняется значеніе семейства Тургеневыхъ для Жуковскаго.

особливо въ бытность свою директоромъ Московскаго университета, оказалъ благодѣянiя, открывая возможные способы къ учению, ободряя, награждая и даже по выходѣ изъ училищъ сыскивая разные пути къ должностямъ и благосостоянiю жизни“¹⁾. Въ послѣднiе годы XVIII вѣка И. П. Тургеневъ былъ центромъ, около котораго группировались тогдашнiя литературныя знаменитости, во главѣ со „старостой россiйской литературы“ М. М. Херасковымъ. Тургеневъ былъ горячо преданъ литературѣ, искусствамъ; онъ умѣлъ замѣтить литературный талантъ и привлечь дарованiе къ дѣлу литературы и просвѣщенiя. Это испыталъ на себѣ, напримѣръ, молодой Карамзинъ, котораго Тургеневъ встрѣтилъ въ 1785 г. въ Симбирскѣ и въ эту трудную минуту жизни будущаго историка помогъ ему „обновить въ душѣ свѣтлые идеалы“²⁾ и уйти изъ засасывающей трясины провинциальной пошлости. Въ литературѣ И. П. Тургеневъ извѣстенъ между прочимъ переводами мистическихъ сочиненiй: *I. Масона*, Познанiе самого себя (М. 1783; изд. 2-е М. 1786; изд. 3-е М. 1800), *I. Арида*, О истинномъ христіанствѣ (М. 1784; изд. 2-е М. 1800 — 1801), наконецъ *Аполонiя или защищенiе ордена В. К.* (Вольныхъ каменщиковъ). М. 1784. Назначенiемъ послѣдняго сочиненiя было опроверженiе тѣхъ нареканiй, какимъ подвергалось масонство, которое самъ Тургеневъ „почиталъ очень хорошимъ дѣломъ и желалъ бы, чтобъ всѣ, а особливо великiя особы его защищали и утверждали“³⁾. Съ той же дѣлью разъясненiя истинныхъ задачъ масонства И. В. Лопухинъ написалъ и издалъ, первоначально на французскомъ языкѣ, въ 1790 году, книжку: „Нравоучительный катихизисъ истинныхъ Ф—къ М—въ (Франкъ-Масоновъ)“, а И. П. Тургеневъ выступилъ также съ оригинальнымъ сочиненiемъ; по этому поводу въ „Запискахъ“ Лопухина читаемъ: „Для того же предмета, для котораго издалъ я свой Нравоучительный катихизисъ *заставилъ* я написать извѣстную книжку: „Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ?“, которая также переведена на французскiй языкъ и пущена была въ продажу. Сочинилъ ее *по моему плану* самый ближайшiй другъ мой, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, сей честнѣйшiй человекъ, коего на-

¹⁾ *Другъ юности* 1809 г. янв., стр. 2. *Безсоновъ*, М. П. Невзоровъ (Русск. Бесѣда, 1856 г. ян. III).

²⁾ *Сиповскiй*, Карамзинъ, стр. 43.

³⁾ Вопросы пункты бригадиру, И. П. Тургеневу. *Лопухинъ*, Новиковъ и моск. картинисты, стр. 0142.

мять всегда любезна будетъ всѣмъ его знавшимъ и любящимъ добродѣтель“ ¹⁾).

Приведенная выписка, освѣщающая взаимныя отношенія обоихъ друзей-масоновъ, весьма характерна и для того и для другого ²⁾).

Посланіе Жуковскаго „Ал. И. Тургеневу“ (1813 года) и очень важное примѣчаніе его къ этому стихотворенію ³⁾, посвященному „воспоминаніямъ молодости“, обрисовываетъ отношеніе И. П. Тургенева къ окружавшей его молодежи:

„Любовь его къ дѣтямъ была товариществомъ зрѣлаго опытнаго мужа съ юношами, привязанными къ нему свободою довѣренностью, сходствомъ мыслей и чувствъ и самою нѣжною благодарностью... Онъ былъ живой юноша въ кругу молодыхъ людей, изъ которыхъ каждый готовъ былъ сказать ему все, что имѣлъ на сердцѣ, будучи привлеченъ его прямодушіемъ, отеческимъ участіемъ, веселостью, простотою“...

Онъ былъ милѣйшій намъ собратъ,
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами.
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями ⁴⁾.

Сильно вліялъ на младшихъ братьевъ и на Жуковскаго безвременно скончавшійся Андрей Тургеневъ. Жуковскій въ томъ же посланіи и примѣчаніи къ нему говорить: ⁵⁾).

„Онъ (Андрей Ив. Тургеневъ) умеръ въ полномъ цвѣтѣ жизни. Умъ необыкновенно пронизательный, острый и ясный; чистое, исполненное любви къ прекрасному сердце... Наружность его отвѣчала его характеру: быстрый взоръ, казалось, ясно читалъ въ каждомъ сердцѣ... *...Высокій духъ пылалъ съ семъ быстрымъ взоръ...* Но этотъ взоръ никого не приводилъ въ замѣшательство—въ немъ сіяла кроткая, непритворная, доброжелательная душа... „Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?“ есть самое вѣрное изображеніе той дружбы, которую пи-

¹⁾ „Записки“ Лопухина—Русск. Арх. 1884 г. № 1, стр. 29.

²⁾ Объ И. П. Тургеневѣ, см. *Лонгиновъ*, Новиковъ и Шварцъ (Русск. Вѣстникъ 1857 г. № 19); *его же*, Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867, *passim*; *Безсоновъ*, М. И. Невзоровъ (Русск. Бесѣда, 1856, II); сочиненія *К. П. Батюшкова*, С.-Пб. 1885, т. II, стр. 430—431 (статья В. И. Саитова). Книжка „Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ“ вышла на русск. яз. въ переводѣ Вас. Протопопова въ 1796 г. (Сопикъ, 5831; Рогожинъ, Указатель).

³⁾ Соч. Жуков. подъ ред. Ефремова, т. I, стр. 194—300.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 229.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 298—299.

тали къ нему его товарищи... Жизнь его можно назвать прекрасною не исполнившеюся надеждою: *въ немъ созрѣвало все, что составляетъ прямое достоинство человека*“... Въ лирическомъ вступленіи къ своей повѣсти „Вадимъ Новгородскій“, относящейся къ 1803 году, Жуковскій даетъ понять, чѣмъ былъ для него Андрей Тургеневъ, съ которымъ его соединяла идеальная, страстная дружба: „О ты, незабвенный! — обращается поэтъ къ своему другу, тогда уже умершему: — Ты, увядшій въ цвѣтѣ лѣтъ!.. Гдѣ слѣды твои въ мірѣ?.. Я не зрѣлъ твоей могилы — но тѣнь твоя надо мною; она собесѣдница безмолвныхъ часовъ моихъ, незримый хранитель моего сердца. Въ ея священномъ присутствіи прахомъ твоимъ любезнымъ *клянусь быть другомъ добродѣтели*...“ ¹⁾).

Въ первомъ письмѣ Андрея Тургенева къ Жуковскому читаемъ: „Въ дѣятельности будемъ искать себѣ веселья, счастья, будемъ, сколько можно, дѣлать добро, будемъ полезны, сколько можемъ, и въ тѣ тягостныя минуты холодности и угрюмой нечувствительности, когда мы не видимъ въ добрѣ никакой прелести и не способны ни къ какому доброму дѣлу, станемъ по крайней мѣрѣ, вспоминать, что въ минуту радости и удовольствія, когда сердце наше справедливѣе, оно исполнено было добра и любви“ ²⁾).

Въ некрологѣ другого брата, извѣстнаго Александра Ивановича Тургенева, товарища Жуковскаго, было написано: „Погребеніе было вчера, въ собраніи многочисленной публики... Родныхъ почти никого не было, но лились слезы, слышались рыданія, повторялись имена добраго человѣка, благодѣтеля... Да, онъ точно былъ добрый человѣкъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Дѣлать добро — было пищею его человѣколюбивой души, самымъ лучшимъ наслажденіемъ его нѣжнаго сердца... Всякое воскресенъе, во время пріѣздовъ своихъ въ Москву, посѣщаль онъ пересыльный замокъ, на Воробьевыхъ горахъ, и снабжалъ ссыльныхъ деньгами, одеждою, обувью, дѣтей одѣлялъ лакомствами, разспрашивалъ каждого объ его судьбѣ, и лишь только оказывалась возможность, признаки невинности, склонность къ раскаянію, какъ и начиналъ просить и ходатайствовать объ облегченіи участи или о доставленіи средствъ исправиться“... ³⁾).

¹⁾ Соч. Жуков., ред. проф. Архангельскаго, IX, стр. 14 — 15. Объ отношеніяхъ Жуковскаго и Андрея Тургенева см. А. Веселовскій, В. А. Жуковскій, гл. II, стр. 47—99.

²⁾ А. Веселовскій, назван. соч., стр. 64.

³⁾ Погонинъ, Въ память объ А. И. Тургеневѣ (Москов. Вѣдомости, 1845 г.

Рядомъ съ И. П. Тургеневымъ въ этомъ дружескомъ кружкѣ стоялъ И. В. Лопухинъ ¹⁾.

Горячій адептъ мистико-масонской доктрины, одинъ изъ главныхъ представителей русскаго масонства, въ теченіе всей жизни оставшійся франкъ-масономъ по своему міросозерцанію и убѣжденіямъ,—писатель, положившій не мало труда на то, чтобы разъяснить русскому обществу благонамѣренныя и мирныя задачи масоновъ, высоконравственныя и глубокорелигіозныя основы ихъ міросозерцанія, онъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ „Дружескаго ученаго общества“ и „Типографической компаніи“; человѣкъ, который, по собственнымъ словамъ (въ запискѣ, представленной императору Александру I), „страстно любя полезное просвѣщеніе и ближнихъ, жертвовалъ многимъ иждивеніемъ на воспитаніе юношества въ полезныхъ обществу наукахъ и на изданіе книгъ, утверждающихъ корень чистой нравственности и добродѣтели“ ²⁾, — это былъ гуманный идеалистъ, всю жизнь свою противившійся всему грубому, матеріальному, чѣмъ было заражено современное ему русское общество,—это былъ филантропъ, проникнутый искреннею, глубокою любовью къ человѣчеству, удѣлявшій большую часть своего состоянія бѣднымъ и на благотворительныя дѣла, посѣщавшій самыя темныя трущобы Москвы, отыскивая несчастныхъ бѣдняковъ и облегчая ихъ участь своими пожертвованіями; человѣкъ вѣчно сосредоточенный въ работѣ надъ самимъ собой, упорнымъ упражненіемъ сумѣвшій лучшія и рѣдкія движенія души человѣческой переработать въ простыя привычки или ежедневныя потребности своего сердца ³⁾,—И. В. Лопухинъ естественно оказывалъ своею свѣтлою личностью сильное вліяніе на юныхъ членовъ тургеневскаго кружка; авторъ книги „О внутренней церкви“, стремившійся даже театральныя подмостки обратить въ кафедру для общественной проповѣди „благонравія“ и „добродѣтели“—я имѣю въ

№ 148). Срв. *И. И. Срезневскій*, А. И. Тургеневъ (Рус. Ст. 1875 г. т. XII). *Вяземскій*, Соч. VIII, стр. 273 и слѣд., особенно 280; *Батюшковъ*, Соч., подъ ред. Майкова, т. I, примѣч., стр. 355—372.

¹⁾ О немъ см. *Аванасьевъ*, И. В. Лопухинъ (Архивъ ист. и практ. свѣд. изд. Калачовымъ 1860 г. кн. 1). *Дубицкій*, И. В. Лопухинъ („Вѣстникъ Славянства“ изд. проф. Качановскимъ, кн. I—IV, Казань 1889) и *Суровцовъ*, И. В. Лопухинъ, его масонская и государственная дѣятельность. С.-Пб. 1901.

²⁾ „Записки“ Лопухина, изд. 1884 г. стр. 108.

³⁾ *Ключевскій*, Воспоминаніе о Н. П. Новиковѣ и его времени (Русск. Мысль 1895 г. № 1, стр. 51).

виду его драму: *Торжество правосудія и добродѣтели, или добрый судья*,—Лопухинъ естественно направлялъ своихъ юнныхъ собесѣдниковъ „къ созиданію ихъ внутренняго храма“.

Одинъ изъ такихъ молодыхъ людей, пользовавшихся вниманіемъ Лопухина, Ѳ. П. Лубяновскій, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“¹⁾, рассказываетъ: „Оправясь отъ болѣзни, продолжалъ я обычныя прогулки съ Иваномъ Владимировичемъ. Побывъ съ нимъ часть-другой, мнѣ казалось, я дѣлался умнѣе и сердцемъ лучше. Съ глубокимъ просвѣщеннымъ умомъ, съ высокою евангельскою добродѣтелью соединялъ онъ столько простоты, доброжелательства, пріятства въ общеніи, что не разстался бы съ нимъ, не пересталъ бы его слушать“²⁾. Знакомство съ Лопухинимъ Лубяновскій считалъ для себя благотворной школой духоваго просвѣщенія.

Другой близко стоявшій къ Лопухину человѣкъ—уже упоминавшійся нами М. П. Невзоровъ—въ письмѣ къ О. А. Поздѣеву отъ 23 іюня 1817 г.³⁾, вспоминая объ эпохѣ масонской дѣятельности Лопухина, сообщаетъ:

„Орденъ свободныхъ каменщиковъ, въ которомъ я былъ членомъ, для меня былъ лучшимъ училищемъ христіанскимъ... Когда Иванъ Владиміровичъ сидѣлъ на стулѣ великаго мастера (ложи „Блισταющей звѣзды“) и говорилъ, тогда истинно сама воплощенная любовь, самъ духъ христовъ и христіанское откровеніе евангельское устами его исходили... Отъ незабвеннаго Ивана Владиміровича получилъ (я) все наружное свое состояніе, такъ какъ отъ свободнаго каменщичествова внутреннее, гдѣ также всего главнымъ и для меня можно сказать единственнымъ орудіемъ былъ тотъ же Иванъ Владиміровичъ“⁴⁾.

У Жуковскаго связи съ Лопухинимъ установились прочныя; въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (отъ 21 октября 1816 г.) онъ называетъ И. В. Лопухина „нашимъ добрымъ благодѣтелемъ“⁵⁾. Въ годы ученія Жуковскаго въ пансіонѣ Лопухинъ безвыѣздно жилъ въ Москвѣ, занимая постъ сенатора и присутствуя въ пятомъ департаментѣ.

Близкимъ человѣкомъ въ тургеневскомъ кружкѣ былъ и М. М. Херасковъ, „староста російской литературы“, старый членъ „Дружескаго

¹⁾ Русск. Архивъ 1872 г., стр. 98 и сл., 462 и сл.

²⁾ Русск. Арх. 1872 г. стр. 135.

³⁾ „Библиогр. Записки“ 1858 года. т. 1, стр. 634—659.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 645, 646.

⁵⁾ Соч. Жуковск. изд. 7-ое подъ ред. Ефремова, С.-Пб. 1878 г. т. VI, стр. 401.

учебнаго общества“, другъ и единомышленникъ Новикова и Шварца, одинъ изъ кураторовъ Московскаго университета (съ 1778 по 1802 годъ).

„Имя Хераскова,—говорить Лонгиновъ,—должно быть дорого всякому, кто знаетъ цѣну тому движенію, которое оживило русское просвѣщеніе и нашу литературу во второй половинѣ прошедшаго вѣка. Онъ былъ еще молодъ, когда уже вкусъ его, познанія, столько же какъ и высокое благородство его характера, привлекали къ нему и собирали около него юныхъ писателей и студентовъ, любящихъ литературныя занятія. Онъ поощрялъ и печаталъ ихъ труды, помогалъ имъ находить средства къ образованію, доставлялъ имъ мѣста и знакомства въ обществѣ... Онъ и достойная жена Елизавета Васильевна (которая сама писала стихи, печатавшіеся въ журналахъ) съ молодыхъ лѣтъ до глубокой старости отличались горячею и безкорыстною любовью къ просвѣщенію и литературѣ... Домъ ихъ всегда былъ открытъ для всякаго, кто имѣлъ стремленіе къ предметамъ этого рода, и всѣ молодые люди, преданные этимъ высокимъ интересамъ, составляли какъ бы семейство ихъ. Херасковъ видѣлъ и ободрялъ первыя попытки Богдановича и Фонвизина, потомъ Державина, впоследствии Карамзина и Дмитріева, наконецъ поддерживалъ первые шаги Жуковскаго, Тургеневыхъ и ихъ товарищей“... ¹⁾). Уже въ первомъ своемъ журналѣ, „Полезное увеселеніе“, издававшемся имъ въ 1760—1762 г., Херасковъ, во главѣ своихъ сотрудниковъ, выдвигаетъ на первый планъ общую философско-этическую принципиальную подкладку; на страницахъ журнала высказываются между прочимъ мысли о томъ, что міръ есть тлѣнъ и суета, что нетлѣнна лишь добродѣтель, и что добродѣтель сводится къ любви къ ближнему, къ другу, что цѣль жизни—истребленіе зла въ мірѣ и въ обществѣ посредствомъ подвига любви ²⁾).

Я не имѣю фактовъ, которые бы освѣщали непосредственное вліяніе Хераскова на Жуковскаго; но что послѣдній зналъ Хераскова и его литературныя труды и высоко цѣнилъ его направленіе, это высказалъ самъ молодой поэтъ. Свою рѣчь на пансіонскомъ актѣ 14 ноября 1798 г. Жуковскій заключаетъ такими словами:

„Мы не возмутимъ тишины вашей (умершихъ кураторовъ) уклоненіемъ отъ пути добродѣтели. Херасковъ, добрый чувствительный, незабвенный основатель сего благотворнаго мѣста (Унив. Благ. Пан-

¹⁾ *Лонгиновъ*, Новик. и моск. мартинисты, стр. 119—120.

²⁾ *Миллюкоръ*. Очерки по ист. р. культ., III. вып. 2. С.-Пб. 1903, стр. 244—245.

сіона), воспитанію благородныхъ юношей посвященнаго,—Херасковъ съ досточтимыми своими сотрудниками насъ руководствуетъ... и сѣмена премудрости и добродѣтели, насажденныя во дни юности въ умахъ и сердцахъ нашихъ, возрастуть въ дерево великое, коего плоды будемъ мы собирать и въ самой вѣчности“¹⁾).

Въ 1799 г. Жуковскій привѣтствовалъ Хераскова, отъ имени своихъ товарищей, по случаю полученія ордена, слѣдующими стихами:

Ещё, Херасковъ, другъ Минервы!
Еще вѣнецъ ты получилъ!
Сердца въ восторгѣ пламенѣютъ
Приверженныхъ къ тебѣ дѣтей,
Которыхъ нѣжною рукою
Ведешь ты въ храмъ святой наукъ,—
Въ тотъ храмъ, гдѣ муза озарила
Тебя безсмертія лучомъ.
Дѣла благи—вѣчно живы;
Плоды ихъ зрѣютъ въ небесахъ;
И здѣсь и тамъ ихъ ждетъ награда...²⁾).

Говоря о вліяніи на Жуковского семьи и ближайшихъ знакомыхъ И. П. Тургенева, Тихонравовъ прибавляетъ: „Быть въ кружкѣ Тургенева—значило знать Карамзина, а Дмитріевъ былъ „второю ипостасью“ Карамзина. Такъ поэтическая дѣятельность Жуковского, при самомъ началѣ, подъ кровлею директора Московскаго университета, скрѣплялась тѣсными узами съ Карамзинскимъ періодомъ литературы“³⁾).

Замѣчаніе это подлежитъ однако оговоркѣ. Дѣло въ томъ, что „среди біографическихъ матеріаловъ (о Карамзинѣ) нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какого-нибудь серьезнаго воздѣйствія Тургенева на Карамзина за все время ихъ совмѣстной жизни въ Москвѣ, что конечно очень странно въ виду ихъ прежнихъ очень близкихъ отношеній по Симбирску; объяснить эту странность только и можно *холодностью ихъ взаимныхъ отношеній въ Москвѣ*, холодностью, которая была слѣдствіемъ ихъ временнаго разочарованія другъ другомъ“⁴⁾...

¹⁾ Соч. Жуков., ред. Арханг. IX, стр. 9.

²⁾ Тамъ же, стр. 5.

³⁾ Соч. Тихонр., III, ч. стр. 418.

⁴⁾ *Сиповскій*, Н. М. Карамзинъ, стр. 101.

М. А. Дмитріевъ въ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾ даетъ такое освѣщеніе дѣлу: „Я знаю, что нѣкоторые люди, изъ стариковъ, и люди впрочемъ почтенные, находятъ нѣкоторую выгоду повторять, что Карамзинъ принадлежалъ къ ихъ обществу (Новиковскому), что Карамзинъ былъ многимъ ему обязанъ, и *потомъ его оставилъ, что ставили ему въ вину*. Карамзинъ не скрывалъ, что принадлежалъ къ ихъ обществу въ первыхъ лѣтахъ своей молодости, т.-е. къ масонской ложѣ Новикова, Шварца и другихъ; онъ при мнѣ одинъ разъ рассказывалъ объ этомъ, также и о томъ, что *оставилъ его, не найдя той цѣли, которой ожидалъ*“...

Что же касается П. П. Дмитріева, то онъ въ своихъ воспоминаніяхъ ²⁾ отмѣчаетъ, что „перѣдко посѣщалъ почтеннаго своего земляка Ивана Петровича Тургенева, тогдашняго директора Московскаго университета, равно и патріарха современныхъ поэтовъ М. М. Хераскова“. А въ письмѣ Дмитріева къ А. П. Тургеневу, 1806 года, ститъ такая фраза: „Лпшась по несчастію способа изьясниться съ милымъ Иваномъ Петровичемъ (въ разсужденіи языка) мнѣ отраднo по крайней мѣрѣ вмѣсто него говорить хотя съ милымъ сыномъ его“ ³⁾.

Отношеній Жуковскаго къ П. П. Дмитріеву я уже коснулся выше. Близость его къ Карамзину возникла на иной почвѣ.

Что же касается тѣхъ членовъ тургеневскаго кружка, которые продолжали быть носителями и хранителями идей и направленія „Дружескаго ученаго общества“, то въ произведеніяхъ Жуковскаго, относящихся къ пансіонскому періоду его жпзни, очень ясно выражаются тѣ морально-этическія начала, возбужденіе которыхъ въ воспримчивой душѣ Жуковскаго приходится относить на счетъ вліянія традицій, сохранившихся въ тургеневскомъ кружкѣ.

Близостью къ этому кружку обусловилось знакомство Жуковскаго съ изданіемъ, вліяніе котораго также отразилось на его первоначальныхъ опытахъ: это—„Покоящійся трудолюбець“, издававшійся Н. И. Новиковымъ въ 1784—1785 гг. и заключавшій въ себѣ „богословскія, философическія, правоучительныя, историческія и всякаго рода какъ важныя, такъ и забавныя матерія, къ пользѣ и удовольствію любопытныхъ читателей, состоящія изъ подлинныхъ сочиненій на россій-

¹⁾ „Мелочи изъ запаса моей памяти“. М. 1869 г., стр. 58.

²⁾ „Взглядъ на мою жпзнь“. Соч. Дмитр., ред. Флоридова, т. II, стр. 54—55.

³⁾ Тамъ же, стр. 202.

скомъ языкѣ и переводовъ съ лучшихъ иностранныхъ писателей, въ стихахъ и прозѣ“,—какъ гласить выходной листъ ¹⁾. А. А. Антонскій также не былъ чуждъ этого изданія: онъ названъ въ числѣ его сотрудниковъ ²⁾.

IV.

Въ группѣ пансіонскихъ сочиненій Жуковского сильно выдвинуть мотивъ о нравственномъ самосовершенствованіи, о „добродѣтели“, подъ которою разумѣются и филантропическая дѣятельность, и гуманность, и спокойная честная умѣренность.

О совершенствованіи, о добродѣтели читаль Жуковскій въ „Книгѣ премудрости и добродѣтели“, въ „Бесѣдахъ съ Богомъ“, въ „Размышленіяхъ въ царствѣ природы“ (ср. приведенныя выше выписки); взгляды и ученіе московскихъ „мартинистовъ“ вполне совпадаютъ съ тенденціей этихъ сочиненій: проф. Шварцъ „требовалъ отъ своихъ учениковъ энергичной работы надъ постояннымъ самосовершенствованіемъ“ ³⁾; „духъ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственный источникъ совершенной добродѣтели“, Лопухинъ признаетъ тѣмъ, „что необходимо нужно для вѣчнаго благополучія и для истиннаго блага въ самой здѣшной жизни“ ⁴⁾; „чѣмъ больше лѣтъ и чиновъ имѣеть человѣкъ“—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ— „и чѣмъ важнѣйшею обязаѣдъ должностію, тѣмъ пристойнѣе и нужнѣе упражняться ему въ томъ, что его просвѣщаетъ, учитъ добродѣтели и заставляетъ исполнять ея правила“ ⁵⁾; „нашего общества предметъ былъ добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства“ ⁶⁾... Нравственное самосовершенствованіе было идеаломъ И. П. Тургенева ⁷⁾.

И вотъ на пансіонскомъ актѣ 14-го ноября 1798 г. Жуковскій произноситъ рѣчь, темой которой было выясненіе значенія „добродѣтели“:

¹⁾ О „Покоющ. Трудолюбѣцѣ“ см. *Неустроевъ*, Ист. разыск., стр. 352 и слѣд.; *Незленовъ*, Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ, стр. 366—411.

²⁾ *Неустроевъ*, стр. 353.

³⁾ *Сиповскій*, Карамзинъ, стр. 55, со ссылкою на рукп. Имп. Публ. Библ. Q. III. № 40, 34—34а.

⁴⁾ „Записки“ Лопухина, стр. 17.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 20.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 22.

⁷⁾ Тихоур. Соч. III, ч. I, стр. 415.

„Священная добродѣтель! восклицаетъ юный ораторъ:— Не ты ли *основаніе прямого нашего счастья?* Не ты ли блюститель нашего спокойствія? Не ты ли тотъ чистый неизсякаемый источникъ, изъ коего почерпаемъ мы всѣ истинныя свои наслажденія, всѣ радости, восторги, удовольствія? И блаженъ тотъ, кто исполняетъ священные твои уставы!.. Мы всѣ ищемъ *пути къ счастью: онъ въ добродѣтели*“¹⁾...

И затѣмъ изображаются типы „добродѣтельныхъ“:

„Посмотрите на сего *благодѣтеля челоѣчества*, посмотрите: какъ толпятся вокругъ его несчастные, какъ устремляютъ на него слезящее око благодарности, какъ разцѣвѣваетъ веселіемъ томное чело ихъ! Это бѣдные, не имѣвшіе пристанища и получившіе покровъ отъ добродѣтельной руки его... Чистая, непорочная совѣсть друга челоѣчества будетъ ему щитомъ противъ ударовъ ожесточеннаго рока и украшеніемъ во дни счастья“²⁾...

Не трудно узнать въ этомъ „благодѣтелѣ челоѣчества“ нарисованный Жуковскимъ образъ самого И. В. Лопухина, впадавшего даже въ излишества въ своемъ увлеченіи благотворительностью. Лубяновскій рассказываетъ; „Сомнѣваюсь, было ли въ Москвѣ такое глухое захолустье, куда бы онъ (Лопухинъ) по временамъ не заходилъ и гдѣ жители не сбѣгались бы поклониться и здоровья пожелать батюшкѣ Ивану Владиміровичу. „Не даромъ ты зашелъ къ намъ, московскій нашъ Іоаннъ Милостивый,— говорили,— есть у насъ и круглые сироты, и неизлѣчимо больные, и немощные старцы. Покажемъ тебѣ ихъ, не изволишь ли помочь имъ“? Пріятно ему было желаніе жителей помощи отъ него тѣмъ, кто въ ней подлинно нуждался“³⁾.

Самъ И. В. Лопухинъ высказывается о своей благотворительности такъ: „Я въ себѣ расположеніе къ милостыни никакъ не считаю добродѣтелью: это во мнѣ природная склонность, какъ въ иныхъ бываетъ къ разнымъ охотамъ. Дѣлать удовольствіе людямъ всегда была страсть моя... Но съ того времени, какъ я, по счастью, узналъ, въ чемъ состоитъ истинная добродѣтель, уже я старался склонность оную обращать на исполненіе закона сей добродѣтели, чувствами дѣланія, для угожденія Источнику любви, который повелѣлъ просящему давать“⁴⁾.

¹⁾ Соч. Жуков., ред. Арханг. IX, стр. 7.

²⁾ Тамъ же, стр. 7.

³⁾ Воспоминанія О. П. Лубяновскаго. Р. Арх. 1872 г. № 1, стр. 135.

⁴⁾ „Записки“ Лопухина, стр. 33—34.

Теоретическое освѣщеніе и объясненіе благотворительности Жуковский получалъ и изъ живыхъ устъ (отъ Лопухина) и изъ своего чтенія; на страницахъ „Утреннихъ размышленій“ онъ встрѣчалъ такіа наставленія:

„Да будетъ убо и моимъ ежедневнымъ упражненіемъ любленіе и благотвореніе! Коль много найду къ сему случаевъ, если только имѣю желаніе творить сіе! Никто въ нынѣшній день да не плачетъ отъ жестокости моея! Никто да не жалуется Богу на хладность мою! Никто да не отойдетъ отъ меня съ печалію! Наипаче же каждый бѣдный и убогій да возрадуется о помощи моея и да благословитъ меня каждый несчастный!! И сіе благословеніе Твоею, Боже, благодатію, да послѣдуетъ мнѣ во всю жизнь мою, и да сопровождаетъ меня предъ престоломъ Твоимъ“ ¹⁾.

Въ „Книгѣ премудрости и добродѣтели“ Жуковский читалъ:

„Блаженъ человѣкъ, посѣявшій въ груди своей сѣмена благоволенія; плоды онаго будутъ добродѣяніе и любовь. Изъ ключа его сердца простекутъ рѣки благодати, и выдутъ изъ береговъ своихъ для пользы человѣковъ. Онъ вспомоствуетъ убогому въ его горести, и радъ бы былъ составить благополучіе всѣхъ человѣковъ“ ²⁾.

Что касается чистой совѣсти, служащей „щитомъ противъ ударовъ рока“, то, говоря объ этомъ, Жуковский долженъ былъ имѣть въ виду съ одной стороны опять самого Лопухина во время погрома, постигшаго новиковскій кружокъ ³⁾, съ другой—такую мысль, проводимую въ „Вечернихъ размышленіяхъ“: „Въ самомъ семъ мѣрѣ чистая совѣсть можетъ уже дать намъ силу сносить жестокость враговъ и темницъ“ ⁴⁾...

Далѣе въ своей актовъ рѣчи Жуковский изображаетъ „бѣднаго, лишеннаго одежды, пищи, пристанища, но богатаго добрымъ серд-

¹⁾ Размышл. въ утр. часы, II, стр. 252 (подъ 13-е іюня).

²⁾ Кн. прем. и добр., ч. I, стр. 71 (въ главѣ „Добродѣяніе“).

³⁾ „Записки“ Лопух., стр. 38: „Послѣ очень скорого окончанія въ одно утро допроса Трубецкому, призвалъ для онаго же Прозоровской меня къ себѣ. Я очень спокойно принялъ этотъ призывъ и поѣхалъ съ присланнымъ за мною его генеральсь-адъютантомъ, который, крайне удивляясь моему спокойствію, простодушно говорилъ мнѣ, что онъ видя меня, совершенно увѣренъ въ моея невинности. Спокойство мое не заслуживало удивленія; ибо оно, подлинно, при невинности естественно было, и напрасно многіе думаютъ, что безъ вины страдать тяжело: при чувствахъ совѣсти вина конечно тяжело казни, а невинность въ человѣкѣ немалодушномъ или торжествуетъ или спокойна“.

⁴⁾ Размышл. въ вечер. часы, III, стр. 36 (подъ 10-е іюля).

цемъ": онъ „съ твердостью покоряется опредѣленіямъ судьбы. Подъ соломеннымъ кровомъ своей хижины находитъ онъ то счастье, коего вельможа ищетъ въ своихъ чертогахъ и не обрѣтаетъ. Кусокъ хлѣба, который достаетъ онъ въ потѣ лица своего, сладостнѣе для него роскошной пищи сластолюбца“ и пр. ¹⁾).

Этотъ образъ добродѣтельнаго бѣдняка созданъ Жуковскимъ, по-видимому, также не безъ вліянія его чтенія; въ „Книгѣ премудрости и добродѣтели“ онъ читалъ:

„Да утѣшится убогой, да возрадуется, имѣя довольно къ тому причинъ. Онъ принимается въ мирѣ за крохи свои, не окруженъ льстецами и объѣдалами. Но отягощенъ онъ свитою служителей и подчиненныхъ, ниже бываетъ мучимъ воплемъ покорныхъ докукъ. Будучи лишень сластей богатаго, онъ избѣгаетъ и его болѣзней. Хлѣбъ, который онъ ѣстъ, не сладокъ ли вкусу его? Вода, которую онъ пьетъ, не пріятна ли жаждѣ его? не милѣе ли богатѣйшихъ наптковъ сластолюбца? Работа сохраняетъ его здравіе и доставляетъ ему покой, чуждый мягкихъ постель лѣности. Онъ ограничиваетъ желанія свои смиреніемъ, и тишина удовольствія бываетъ душѣ его сладостнѣе всѣхъ богатствъ и честей“ ²⁾).

Затѣмъ выступаетъ образъ „невинно заключеннаго узника“, у котораго „свѣтильникъ добродѣтели ярко сіяетъ въ глубинѣ души“, и потому „душа его спокойна, и сердце дремлетъ подѣ щитомъ совѣсти“ ³⁾).

Въ основѣ этого образа лежитъ вышеприведенная мной мысль изъ „Вечернихъ размысленій“ о чистой совѣсти, помогающей сносить „жестокость враговъ и темницъ“. Образъ этотъ дополняется другой чертой: добродѣтельный узникъ „радуется, что скоро достигнетъ цѣли жизненнаго своего странствія, что скоро душа его, оставивъ брѣнную скинью тѣла, на легкихъ крыліяхъ будетъ протекать небесныя сферы, будетъ плѣняться восхитительною, невѣдомою для смертнаго слуха, гармоніею блаженныхъ небожителей... Когда же предстанетъ къ нему смерть и благодѣтельною рукой отверзетъ врата вѣчности— тогда, съ восторгомъ праведника, устремится онъ туда,... гдѣ царствуютъ единая присно живая любовь“ ⁴⁾).

¹⁾ Соч. Жук., ред. Архангельскаго, IX, стр. 7.

²⁾ Кн. прем. и добр., ч. 1, стр. 62.

³⁾ Соч. Жуков., ред. Арх., IX, стр. 8.

⁴⁾ Тамъ же.

Съ этимъ мотивомъ о радостномъ ожиданіи смерти, о благодѣтельности ея мы встрѣтимся и въ другихъ произведеніяхъ Жуковскаго; тогда и будутъ представлены соображенія о происхожденіи этого мотива въ творествѣ нашего юнаго поэта.

Наконецъ Жуковскій рисуетъ образъ „героя“, „браннаго витязя“, сердце котораго однако „отверсто сострадаію“, и который, увѣнчанный лаврами побѣды, проливаетъ слезы надъ убитыми, потому что *любитъ добродѣтель* ¹⁾).

Вопроса о геройствѣ, героѣ, Жуковскій касается также въ прозаической статьѣ „Истинный герой“ и въ стихотвореніи „Герой“. Жуковскій выясняетъ здѣсь, что героемъ, истиннымъ героемъ, въ противоположность побѣдителямъ, убійцамъ тысячъ, слѣды которыхъ обагрены кровью, которымъ сопутствуетъ „злоба, потрясая пламенникомъ своимъ“, но которымъ сооружаютъ памятники, „гордыеobeliski“, для того, чтобъ потомство прославляло имена ихъ,—истиннымъ героемъ долженъ быть признанъ „другъ челоѣчества, котораго дѣла въ сердцахъ, котораго слава въ вѣчности; слеза благодарности на могилу—вотъ вѣнецъ славы! Благословенія несчастливца—вотъ пѣснь торжественная!“ ²⁾).

Героемъ тотъ лишь назовется.
Кто добродѣтель красну чтить,
Кто лишь изъ должности бѣется,
Не жаждетъ кровь рѣками лить;
Кто побѣждаетъ—побѣдивши
Врага лобзаетъ своего...
Кто сирымъ нѣжный покровитель;
Кто слезъ потокъ спѣшитъ отереть
Благодѣянія струями;
Кто ближнихъ любить каеъ себя;
Кто благъ въ дѣяньяхъ, непороченъ...
Единымъ словомъ: кто душою
Таеъ чистъ и свѣтлъ, какъ божество... ³⁾

Какими вліяніями обусловленъ этотъ взглядъ Жуковскаго, станетъ ясно изъ слѣдующихъ сопоставленій:

„Размышл. въ вечерніе часы“, ч. III, стр. 137 — 138 (подъ 9-мъ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ „Истинный герой“. Тамъ же, IX, стр. 11.

³⁾ „Герой“. Тамъ же, I, стр. 10—11 и примѣч., на стр. 107; впервые извлечено изъ рукописей проф. Архангельскимъ.

августа): „Память и слава послѣ смерти суть весьма различны. Геростратъ сжегъ великолѣпный Эфесскій храмъ Діанинъ, дабы потомство помнило только имя его.... *Лестная лаврами вънчаемая память... еще ужаснѣе (Геростратовой), ибо основывается на пагубь несчастныхъ чело­вѣковъ. Истинная слава по смерти предполагаетъ, что мы были друзьями чело­вѣковъ, и другихъ старались сдѣлать счастливыми“.*

Александръ Тургеневъ въ „Рѣчи о томъ, что просвѣщеніе безъ религіи и добродѣтели болѣе вредно, нежели полезно“ приводитъ отрицательный примѣръ гордца, чуждаго добродѣтели и мудрости и между прочимъ говорить о немъ,—выражая, конечно, взгляды, усвоенные въ кругу семьи и друзей:

„Изъ честолюбія начинаетъ онъ войну; лавры его созрѣваютъ въ крови; пронзительные стоны и вопли сиротъ и вдовъ составляютъ побѣдныя для него гимны. Онъ готовъ сжечь вселенную, лишь только-бъ осталось мѣсто для его трофеевъ. Ахъ! прольетъ ли онъ слезу надъ трупами людей, падшихъ подъ его ударами! Подобно молніи, зіяющей вдругъ изъ разныхъ краевъ неба, онъ освѣтитъ вселенную, устрашитъ ее,—и погаснетъ—и смерть его оставитъ трепещущему міру отраду и спокойствіе, такъ какъ благотворное солнце доставляетъ новую жизнь природѣ послѣ ужасной бури. И въ самомъ дѣлѣ долго ли онъ торжествуетъ? Скоро богатство, слава, льстецы, заговорятъ предъ нимъ необыкновеннымъ языкомъ, языкомъ смерти. Міръ утомляется служить ему... Имѣлъ ли онъ хотя минуту истиннаго удовольствія? Тщетно воздвигаетъ онъ въ мысляхъ своихъ Пеліонъ на Оссу; творитъ новые планы и надѣется еще наложить тяжкія оковы на вселенную. Цѣлый міръ для него глухая бездонная пропасть, въ которой скитается его воображеніе, такъ какъ блудящій огонь во мракѣ ночи... Въ крайнемъ ожесточеніи проклинаетъ онъ жизнь и себя самого“... ¹⁾).

И. В. Лопухинъ напечаталъ въ 1813 году разсужденіе: „Примѣры истиннаго геройства, или князь Рѣпинъ и Фенелонъ въ своихъ собственныхъ чертахъ“ ²⁾; здѣсь сообщается рядъ разсказовъ о подвигахъ христіанскаго милосердія и благотворительности князя Репина и Фенелона, а въ заключеніе авторъ говоритъ: „Во всѣхъ родахъ

¹⁾ Рѣчь, разговоръ и стихи, чит. на публ. актѣ въ Бл. Ун. Пансіонѣ 22 дек 1800 года, стр. IX—X.

²⁾ „Другъ Юношества“, изд. Невзор., 1813 г., мартъ, стр. 1—102.

и званіяхъ людей *одна истиннаго геройства доблесть—благость и сила души*“¹⁾.

Въ своихъ „Запискахъ“ Лопухинъ пишетъ: „Что касается до кн. Репнина, (котораго въ послѣднія 12 лѣтъ его жизни²⁾ имѣлъ я счастье быть первымъ, смѣю сказать, другомъ), то онъ конечно былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мужей, о которыхъ чувствованія любви къ *высочайшей добродѣтели и почтенія къ истинному героизму* съ восхищеніемъ удивленія читають въ исторіи, и коихъ величію не понимающіе возможности его и совершенства добродѣтели не имѣють силы вѣрить“³⁾.

Въ своей актовой рѣчи Жуковскій патетически восклицаетъ: О священная добродѣтель!

Сіяешь ты въ вертепахъ темныхъ,
И въ самыхъ пропастяхъ подземныхъ,
Всегда свѣтла, мила, чиста.
Тебя вездѣ сопровождаютъ
Надежда, радость и покой и проч.⁴⁾

Тотъ же взглядъ проникаетъ оба стихотворенія подъ названіемъ „Добродѣтель“:

Кто правды, честности уставы
Въ теченьи дней своихъ блюдетъ,
Тотъ къ счастью обрѣтетъ путь правый...
О коль священна, добродѣтель,
Должна ты быть для смертныхъ всѣхъ...⁵⁾

Статейка въ прозѣ „Жизнь и источникъ“⁶⁾ посвящена риторическому развитію мысли, что счастье человѣка заключается въ добродѣтели.

На страницахъ же Штурмовыхъ „Размышлений“ Жуковскій встрѣчалъ такія мысли:

„Таково есть благополучіе міра: все есть суета... Итакъ будемъ мудры, ища спокойства въ непремѣняемыхъ и вѣчныхъ благахъ. *Муд-*

¹⁾ Тамъ же, стр. 72.

²⁾ † 12 мая 1801 г. (*Безсоновъ*, М. П. Невзоровъ — Р. Бес. 1856 г. кн. III, стр. 92).

³⁾ „Записки“ Лопух., стр. 55.

⁴⁾ Соч. Жуков., IX, стр. 8.

⁵⁾ Тамъ же, I, стр. 5, 4.

⁶⁾ Тамъ же, IX, 5—6.

рость, добродѣтель и вѣтра не увядаютъ, но суть приснотекущимъ источникомъ радости“ 1).

У Жуковского:

Когда застонетъ вся земля,
Какъ заревутъ ужасны громы,
Падетъ, разрушится сей міръ.
Тогда останутся петлѣнны
Одни лишь добрыя дѣла,
Ничто не можетъ ихъ разрушить.
Ничто не можетъ ихъ затмить 2).

Въ „Книгѣ премудрости и добродѣтели“: „Богъ снидетъ въ облакахъ судити жителямъ земли... Ужасная труба потрясетъ небо, и поколеблется пространнѣйшій округъ творенія... Вѣтры подвигнутъ основанія горъ, и утесы падутъ отъ ихъ ярости. Тогда князи и благородные лишатся величія своего... Различія тогда исчезнутъ и едина добродѣтель будетъ чтима въ похвалахъ“ 3).

Въ заключеніе своей рѣчи Жуковскій приглашаетъ товарищей слѣдовать пути добродѣтели:

„Да будетъ тронъ ея (добродѣтели) и въ сердцахъ нашихъ, любезные товарищи! *Что просвѣщеніе безъ добродѣтели? Мѣдъ звенящая, кимваль бряцающая, нечистый заразительный источникъ*“... 4).

Александръ Тургеневъ на пансіонскомъ актѣ 22-го декабря 1800 года произноситъ „Рѣчь о томъ, что просвѣщеніе безъ религіи и добродѣтели болѣе вредно нежели полезно“ 5) и высказываетъ такія мысли:

Человѣкъ, хотя бы и щедро одаренный всѣми дарами природы, но возросшій въ гордости своими дарованіями, оставшійся чуждымъ добродѣтели и мудрости, даже и обладая обширными познаніями, явить собой примѣръ лишь злоупотребленія науками; „самое цѣлебное питіе становится отравою въ ядовитомъ сосудѣ. Порочному—просвѣщеніе подаетъ только удобнѣйшія средства къ произведенію въ дѣйство пагубныхъ его предпріятій. Добродѣтельному—оно есть луч-

1) Размышл. въ ц. натуры, III, 30.

2) Соч. Жуков. I, стр. 3—4.

3) Кн. Прем. и добр., ч. III, стр. 15.

4) Соч. Жуков., IX, стр. 9.

5) Рѣчь, разговоръ и стихи. чпт. на публ. актѣ въ Бл. Ун. пансіонѣ дек. 22 дня 1800 г., стр. V—XIII.

шее украшеніе, лучшее орудіе ко всему великому, ко всему изящному.—Наука и искусства то же, что наши органы: безпрестанною дѣятельностію мы приводимъ ихъ въ совершенство; но они только орудія; душа должна дѣйствовать ими, и сія-то душа да будетъ любовь къ добродѣтели; она, повелѣвая сими органами, сливается въ своихъ дѣйствіяхъ съ другими душами; тогда всѣ онѣ дѣйствуютъ совокупно, стремятся къ одной цѣли и составляютъ, такъ сказать, всеобщую душу—любовь къ общему благу, которая оживляетъ, подкрѣпляетъ цѣлое политическое тѣло. Вотъ источникъ главныхъ обязанностей человѣка!“.... (Стр. XI.).

Въ „Рѣчи о неразрывной связи просвѣщенія, религіи и добродѣтели“¹⁾, произнесенной однимъ изъ воспитанниковъ на пансіонскомъ актѣ 22-го декабря 1801 года, между прочимъ ораторъ высказываетъ:

„Сердца наши проникнуты сею великою истиною, что просвѣщеніе, не подкрѣпляемое спасительными уроками добродѣтели, не освящаемое благодатнымъ вліяніемъ религіи, болѣе пагубно, нежели полезно.... Просвѣщеніе конечно доставляетъ человѣку великія, неоцѣненные, безчисленные выгоды. Свидѣтели тому вѣка и народы. Во храмѣ Минервы научаемся мы познавать истинное, благородное, изящное, полезное во всякомъ родѣ—драгоценное познаніе, которое просвѣщая разумъ, образуя сердце, естественно должно служить къ очищенію нравовъ... Науки въ чистотѣ своей суть надежнѣйшая подпора общественнаго и частнаго благоденствія. Но чего человѣкъ не обезобразитъ, не употребитъ во зло? И сей небесный великій даръ, разумъ, часто бываетъ орудіемъ разврата и гибели!... И что же простечетъ изъ сего нечистаго, заразительнаго источника? Не распространяясь, представимъ себѣ только мудреца, коему не отверсть входъ во святилище *добродѣтели* и *религіи*. Какъ онъ надменъ своими познаніями! Какъ много мечтаетъ о своихъ достоинствахъ! И какъ онъ ничтоженъ!.. Часто присвоиваетъ себѣ дерзостно священное имя провозвѣстника истины... Съ nera его быстрымъ потокомъ лѣтятся ядъ разврата и гибели, который отравляетъ милліоны... Зато мудрецъ истинный, мудрецъ, коего сердце посвящено служенію добродѣтели и религіи, есть ангелъ свѣтлый, являющійся на землѣ для руководствованія слабыхъ смертныхъ въ путяхъ истины и правоты, для утѣшенія ихъ въ горестяхъ жизни. Представимъ себѣ только

¹⁾ Утрен. Заря, кн. II, М. 1803, стр. 19—31.

Фенелона: онъ совершеннѣйшій священный образъ мудреца истиннаго“...

Рѣчь заключается обращеніями:

„Товарищи, воспитанники сего училища!... Потщимся·пріобрѣсть нужныя намъ свѣдѣнія; но болѣе всего потщимся укрѣпить сердца свои благодатнымъ ученіемъ религіи и добродѣтели“.

И Жуковский и его товарищи развивались среди вліяній, на которыя указываетъ сопоставленіе приведенныхъ выписокъ.

V.

Антонскій былъ большой патріотъ, горячо преданный державной власти, вѣрнѣйшій исполнитель видовъ и предназначеній правительства; слава отечества была для него дорога,—и онъ не хотѣлъ замѣчать, или не замѣчалъ, темныхъ пятенъ, отрицательныхъ явленій русской жизни. Въ концѣ рѣчи своей „О воспитаніи“, высказываясь противъ посылки русскихъ молодыхъ людей за-границу ¹⁾, онъ прибавляетъ:

„П чего искать намъ въ странахъ чуждыхъ?—Богатства природы?—Россія преизбыточествуетъ ея сокровищами. — Произведеній ума и рукъ человѣческихъ?—Россія въ нѣдрахъ своихъ имѣетъ многочисленные тому памятники, на коихъ рѣзецъ безсмертія въ нетлѣнныхъ чертахъ изобразилъ имена сыновъ ея.

„Чему удивляться намъ за предѣлами своего отечества?—Могущество и слава Россіи поставляютъ ее на ряду съ первыми государствами.—Благоденствію народовъ?—Изъ отдаленныхъ странъ текутъ искать его подъ сѣнію державы Россійской.

„Чему учиться намъ у иноплеменныхъ?—Любви къ отечеству, преданности къ Государямъ, приверженности къ законамъ? Вѣки свидѣтельствуетъ, что сіе всегда было отличительною чертою великодушныхъ Россіянъ.—Средствамъ, руководящимъ къ просвѣщенію ума, къ образованію сердца, къ воспитанію?—Возведемъ окрестъ очи наши—и узримъ повсюду въ отечествѣ своемъ открытые къ тому безчисленные способы.

„Съ тѣхъ временъ, какъ жизнедательный свѣтъ христіанства озарилъ Сѣверъ и мракъ язычества исчезъ, съ тѣхъ временъ Россія

¹⁾ Рѣчь свою Антонскій пропозносилъ на актѣ Московскаго университета въ 1798 г.; именно въ этомъ году императоръ Павелъ „по причинѣ возникшихъ въ иностранныхъ училищахъ зловредныхъ правилъ, отправленіе туда молодыхъ людей соизволяя воспретить“.

зрѣла въ монархахъ своихъ Соломоновъ, къ коимъ изъ чуждыхъ странъ притекали вѣнценосцы внимать ученію мудрости и добродѣтели, зрѣла Августовъ и Авреліевъ, благодѣющихъ своему народу и неусыпно пекущихся о его просвѣщеніи...

„Какихъ успѣховъ въ мудрости и добродѣтели не можете достигнуть вы, юные Россіяне, подѣ сѣнію высокихъ попечителей, содѣйствующихъ образованію умовъ, назиданію сердецъ вашихъ! какихъ отрадъ не можемъ мы ожидать, дражайшіе соотчественники, покоясь подѣ кроткимъ скипетромъ всемилостивѣйшаго нашего Самодержца“¹⁾.

Этотъ проникнутый оптимизмомъ патріотическій взглядъ Антонскій внушалъ и своимъ питомцамъ,—и отсюда произведенія ихъ въ родѣ оды Жуковского „Благоденствіе Россіи, устроенное великимъ ея самодержцемъ Павломъ Первымъ“ или оды Семена Родзянки „Любовь къ отечеству“, въ которой читаемъ:

Любовь къ отечеству священна,
Твердыня царствъ, оплотъ градовъ,
Гдѣ еиміамъ тебѣ курится,
Тамъ доблести прекрасны зримъ;
Тамъ слава истинна сіяеть,
Лучами ливъ твой озаря...
Щастливъ народъ, законы чтущій.
Любящій истинну, царя,
И за отечество святое
Готовый жизни не щадить!..
Россія, славой озаренна,
Ливуща среди оливъ,
Сыновъ коль вѣрныхъ не имѣла бѣ
Давно бѣ покрылась прахомъ, мглой,
Но днесъ гдѣ равное Россіи
Мы царство въ мірѣ обрѣтемъ?
Ее науки озаряютъ,
Орель ея паритъ вездѣ...
Россія есть страна героевъ,
И миромъ славныхъ и мечемъ...²⁾.

или оды Жуковского „Могущество, слава и благоденствіе Россіи“, въ которой между прочимъ высказывается, что въ Россіи

Цвѣтъ обиліе повсюду...
Весельемъ дышущъ земледѣль

¹⁾ Сушковъ, Моск. унив. благ. пансіонъ, приложенія, стр. 112—113.

²⁾ Рѣчь, разговоръ и стихи, чит. на публ. актѣ, бывш. въ благор. унив. пансіонѣ Декабря 22 дни 1798 г.

При полныхъ житницахъ ликуеть...
...Во храмахъ, музамъ посвященныхъ,
Текутъ для юношей струи
Премудрости, правоученья...
Вездѣ блестить лучъ просвѣщенья,
И благотворный свѣтъ его,
Съ лучомъ религій сливаясь,
Все кроткой теплотой живить...
Се Павелъ съ трона славы, правды,
Простерши милосердья длань,
Блаженство миллионъ зиждеть,
Струями радость, счастье льеть ¹⁾...

или такіа произведенія, какъ рѣчь, читанная однимъ изъ воспитанниковъ пансіона на актѣ 21-го декабря 1799 г. ²⁾ *О любви къ отечеству*, имѣющая рядъ общихъ точекъ со одой Жуковского „Могущество, слава“..., восходя къ тому же источнику — внушеніямъ наставника,—и заключающая въ себѣ такіа мѣста:

„О священная любовь къ отечеству! Ты оплотъ и утверженіе царствъ! Тобою народы цвѣтутъ, славятся и благоденствуютъ!.. Дражайшее отечество наше! дражайшая Россія! Что ты была предъ симъ столѣтіемъ? и что ты теперь? Кто жъ? какой Духъ зиждущій воздвигъ тебя изъ праха и вознесъ на сію недосязаемую высоту могущества и славы? — „Любовь ко мнѣ великихъ моихъ самодержцевъ“ — отвѣтствуетъ она,—„любовь вѣрныхъ чадъ моихъ. Ихъ сыновнею къ себѣ преданностью красуюсь я, славлюсь и блаженствую“... Какой Рафаэль напишетъ намъ богоподобный образъ Россіи? Она стоитъ — одѣянная лучезарнымъ сіяніемъ—въ неприступномъ величїи... Геній просвѣщенія носится окрестъ ея, и свѣтильникомъ своимъ озаряетъ самыя мрачныя пропасти.. Среди дивнаго велелѣпія и славы возводитъ Россія свѣтлое око веселія на владычество свое—полвселенну: повсюду щастіе и спокойствіе.. Юные россы! (пансіонеры товарищи) Отечество устремляетъ на насъ вниманіе и ждетъ преуспѣянїя нашего въ добродѣтели и просвѣщенїи. Потщимся—подъ кроткою сѣнію покровя Монаршаго, подѣ благотворнымъ вліяніемъ толь знаменитыхъ Попечителей—потщимся устроить себя на служеніе ему и быть нѣкогда вѣрными его сынами“! ³⁾.

¹⁾ Рѣчи и стихи, читан. на публ. актѣ бывшемъ въ унив. благ. панс. Декабря 21 дня 1799 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Перепечатано въ сборникѣ „Утренняя заря“, кн. I, М. 1800, стр. 204—211.

Александръ Тургеневъ въ своей „Рѣчи о томъ, что просвѣщеніе безъ религіи и добродѣтели болѣе вредно, нежели полезно“ говоритъ:

„Обратите ваше вниманіе, почтенные посѣтители, на любезное свое отечество! Въ нѣдрахъ его найдете вы утѣшительную картину для нѣжныхъ сердецъ вашихъ! Въ немъ съ удивленіемъ видить уже вся Европа быстрые успѣхи истиннаго просвѣщенія. Монархи наши воспитаніе юношества почитали первымъ своимъ долгомъ—и самый отдаленный курилецъ съ благотворнымъ свѣтомъ вѣры, съ мудрыми попечительными законами, съ лучами нужныхъ для жизни своей познаній, вливаетъ въ себя истинную любовь къ отечеству!—Повсюду воздвигнуты храмы наукамъ, надъ коими надзираніе повѣрено добродѣтельнымъ и благоразумнымъ мужамъ, которые чувствуютъ всю важность своего сана.—Обиліе, тишина и спокойствіе наиболѣе способствуютъ къ распространенію просвѣщенія!—Правосудіе отеческою рукою изливаетъ благополучіе на вѣрныхъ чада!—Безъ вѣры, безъ добродѣтели не можетъ быть счастливо и одно семейство, не только цѣлое общество. Воззрите же на торжество благочестія въ Россіи, въ которомъ священный Помазанникъ Божій, Отецъ отечества подаетъ первый блистательнѣйшій примѣръ своимъ подданнымъ!—Дивны ли теперь великіе успѣхи россіянъ въ наукахъ—въ могуществахъ? Дивно ли, что мы такъ непобѣдимы? Россія предписываетъ уже законы другимъ государствамъ на моряхъ и на сушѣ! Ко трону царей ея прибѣгаютъ чуждые Владыки научиться царственнымъ добродѣтелямъ. Непобѣдимые Герои, великіе Министры суть вѣрныя чада ея, которыя живутъ единственно для ея пользы, ея славы;—и грядущее столѣтіе готово уже украсить вѣнчанную главу ея новыми оливами и новыми лаврами.—Поспѣшимъ, любезные товарищи, сдѣлаться достойными мудрыхъ попеченій нашихъ Наставниковъ!.. Намъ ожидаетъ Отечество!.. Да цвѣтетъ оно въ сынахъ своихъ непоколебимо и твердо до позднѣйшихъ временъ!“ ¹⁾

Въ рѣчи „О неразрывной связи просвѣщенія, религіи и добродѣтели“ повторяется почти то же самое:

„Обратите только вниманіе свое на любезное Ваше Отечество: въ нѣдрахъ его представится вамъ утѣшительная для нѣжныхъ сердецъ вашихъ картина. Народы съ изумленіемъ видятъ уже въ немъ быстрые успѣхи истиннаго просвѣщенія. Государи наши священнѣйшимъ дол-

¹⁾ Рѣчь, разговоръ и стихи, чит. въ публ. актѣ бывш. въ благ. унив. пансіонѣ декабря 22 дня 1800 года. стр. XI—XIII.

гомъ своимъ поставляютъ воспитаніе юношества... Повсюду воздвигнуты храмы наукъ, и воспитаніе вѣряется мужамъ, отличившимся добродѣтелями своими, благоразумными заслугами... Престань же удивляться, Европа! что Россія въ теченіе одного только столѣтія вознеслась на сію недосягаемую высоту, гдѣ величественное чело ея увѣнчиваютъ звѣзды... Что блистательнѣе, что великолѣпнѣе въ поднебесной? Россія возвеличена, превознесена! Могущество ея на сушѣ и на моряхъ; слава ея—отъ края земли до другого; держава—половина обитаемаго шара; она блаженствуетъ, она цвѣтетъ, какъ садъ Эдемскій, и будетъ цвѣсти во вѣки. Геній блюститель ея не воздремлетъ“¹⁾.

VI.

Служа выраженіемъ настроеній и идей, въ сферу вліянія которыхъ воспитанники университетскаго благороднаго пансіона вовлекались условіями окружающей ихъ жизни въ пансіонѣ и отчасти внѣ стѣнъ его, пансіонскія сочиненія Жуковскаго и его товарищей, что касается ихъ обработки, обнаруживаютъ сильнѣйшую зависимость отъ указаній преподавателей и рекомендованныхъ ими образцовъ, чѣмъ и объясняются многія точки соприкосновенія, наблюдающіяся въ сочиненіяхъ самихъ пансіонеровъ.

Многія изъ этихъ работъ Жуковскаго, видимо, были просто классными упражненіями въ сочинительствѣ на заданную учителемъ тему, по всѣмъ правиламъ риторики; насколько эти правила выдержаны Жуковскимъ, видно изъ того, что одно изъ его упражненій—„Къ надеждѣ“—разбирается, какъ образцовое, извѣстнымъ Кошанскимъ въ его „Общей риторикѣ“; разсмотрѣвъ „расположеніе“ статьи, выдѣливъ „начало“ сочиненія, подраздѣливъ „середину“ его на восемь „частей“, отмѣтивъ, что „конецъ“ сочиненія „составленъ *первымъ способомъ*“, который Кошанскій формулируетъ въ главѣ XV, пунктъ 8 своей книжки такимъ образомъ: „Обращаться къ предмету, прибавляя собственныя чувствованія, прекрасныя желанія“²⁾, — авторъ „риторики“ заключаетъ свой анализъ такимъ замѣчаніемъ: „Правильность расположенія и ясность мыслей удивительны! Такая заря въ юномъ пѣвцѣ Надежды подавала прекрасную надежду увидѣть въ немъ одного

¹⁾ Утренняя заря, II, стр. 29—30; рѣчь читалась на пансіонскомъ актѣ 22-го декабря 1801 года.

²⁾ Кошанскій, Общая Риторика, стр. 17.

изъ классическихъ писателей—и ожиданіе исполнилось“ ¹⁾. Типичная рецензія педанта-учителя словесности, которому пришлось по душѣ „сочиненіе“ ученика!

Преподавателемъ словесности у Жуковского и его товарищей былъ Михаилъ Никитичъ Баккаревичъ. Въ своей программѣ автобіографіи Жуковский его имя называетъ прежде всѣхъ, обратившись къ пансіонскому періоду своей жизни: „Вступленіе въ пансіонъ. Первые классы. Баккаревичъ. Первый актъ. Выборы“... и т. д. ²⁾.

М. Н. Баккаревичъ, человѣкъ талантливый, въ бытность Жуковского въ пансіонѣ былъ молодымъ преподавателемъ, недавно выступившимъ на свое поприще ³⁾ и горячо относившимся къ своему дѣлу. Онъ заявилъ себя рядомъ печатныхъ работъ: уже къ 1793 г. относится его *Торжество розы, праздникъ въ Саламси*, пер. съ франц.; въ 1798 г. онъ напечаталъ *Русскую Просодію, или правила какъ писать стихи*,—курсъ, выдержавшій три изданія; въ 1799 г.—*Надѣробный памятникъ* (Сопиковъ № 8058), въ 1800 г.—*Разговоры о физическихъ и нравственныхъ предметахъ: изданы для воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона* ⁴⁾. Баккаревичъ былъ восторженнымъ почитателемъ Ломоносова; въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ (ч. III, 1794 г.) онъ напечаталъ статью *Нѣчто о Ломоносовѣ*, въ которой называетъ послѣдняго „безсмертнымъ“, лиру его „златострунною“; „все, что вышло изъ-подъ живописующей его кисти, прекрасно, величественно“, говоритъ Баккаревичъ. Въ отвѣтѣ рецензенту этой статьи ⁵⁾ сообщается, что она явилась потому, что авторъ, „плѣненный красотами сего великаго писателя (Ломоносова), растроганный волшебнымъ языкомъ сего незабвеннаго въ лѣтописяхъ литературы нашей поэта, не могъ удержать своего восторга“. „Сердце мое,—го-

¹⁾ Тамъ же, стр. 47—49. Кошанскій еще въ бытность свою студентомъ Москов. университета (окончилъ курсъ въ 1802 г.) преподавалъ въ ун. благ. пансіонѣ риторикѣ. *Селезневъ*, Историч. очеркъ Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея. С.-Пб. 1861, стр. 97—98.

²⁾ *Бычковъ*, Дневники Жуковского, стр. 38 (Русс. Стар. 1901 г. № 5)

³⁾ Баккаревичъ родился въ 1775 г., блистательно окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 90-хъ годахъ XVIII в.; педагогическою дѣятельностью занимался только до 30 лѣтъ, а затѣмъ перемѣнилъ службу. Подробности см. *Венеровъ*. Критико-біографич. словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. II, стр. 65—66.

⁴⁾ *Сопиковъ*, Опытъ бібліографіи 9118—9120, 9472; указатель *Рогожина*.

⁵⁾ Статья Баккаревича вызвала въ IV кн. того же журнала рецензію нѣкоего „Доброжелателя российской литературы“, отвѣтъ — въ V кн. „Пр. и пол. препровождения времени“, стр. 147 и сл.

ворится далѣе, — было полно и не вмѣщало въ себѣ чувствованій, произведенныхъ чтеніемъ твореній сего безсмертнаго мужа. Я взялъ перо и написалъ, что чувствовалъ“...

Этимъ своими увлеченіями Бакаревичъ, повидимому, обязанъ своимъ учителямъ — проф. А. А. Барсову, ученику и „ревностнѣйшему почитателю“ Ломоносова, и проф. X. А. Чеботареву ¹⁾.

Изученіе старыхъ нашихъ писателей, литературныя достоинства которыхъ еще очень высоко цѣнились въ то переходное время, выдвигалось тогда впередъ и въ университетѣ и въ средней школѣ. Профессоръ краснорѣчія въ Московскомъ университетѣ А. А. Барсовъ, излагая общую теорію словесности, ежегодно посвящалъ значительное число лекцій произведеніямъ Ломоносова, которыя считалъ перлами русской литературы, — именно разбору его похвальныхъ словъ и нѣкоторыхъ изъ его одъ ²⁾. По тогдашнимъ литературнымъ понятіямъ, средоточіемъ словесныхъ наукъ считалась риторика, которую онъ излагалъ постоянно по одному и тому же образцу, именно по руководству Эрнести „Initia rhetorica“ ³⁾. Насколько можно судить по сохранившимся извѣстіямъ, Барсовъ слѣдовалъ, повидимому, и методологическимъ указаніямъ этого писателя; такъ, извѣстно, что Барсовъ „не былъ защитникомъ отвлеченнаго догматизма въ правилахъ и требованіяхъ словесныхъ наукъ, и теорію цѣнилъ настолько, насколько видѣлъ въ ней необходимый философскій выводъ изъ цѣлой массы фактовъ, заключающихся въ разнообразныхъ произведеніяхъ литературы“ ⁴⁾; Эрнести же въ своемъ предисловіи высказывается такимъ образомъ, заговоривъ о способѣ обученія краснорѣчію ⁵⁾: „Все дѣло

¹⁾ О нихъ см. Биографич. словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета т. I, стр. 50 и сл., т. II, стр. 543 и сл. О Барсовѣ см. еще Венгерова, Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. II, стр. 157 и слѣд.; Сухомлинова, Исторія Россійской Академіи, вып. IV, стр. 186 и сл.

²⁾ Сухомлиновъ, назв. соч. IV, 205.

³⁾ Сухомл., тамъ же, стр. 195, 481. Initia doctrinae solidioris auctore Jo. Augusto Ernesti (семь изданій въ теченіе 1736—1783 гг.) заключали въ себѣ прибавленныя въ 1750 г. „Initia rhetorica“—книлку, долгое время бывшую самымъ употребительнымъ учебникомъ въ школахъ и университетахъ (Allgemeine Deutsche Biographie. Lpz. 1877, V, VI, 237).

⁴⁾ Сухомл., тамъ же, стр. 204.

⁵⁾ Не имѣя подъ руками подлинника, пользуюсь переводомъ: Initia rhetorica Эрнести переведены на русскій языкъ Пвашковскимъ, професс. греч. языка и древностей въ Москов. университетѣ и изданы въ 1828 г. въ Москвѣ подъ заглавіемъ: „Начала риторики Юан. Августа Эрнеста на російскій языкъ переложенныя С. Пвашковскимъ“. М. 1828. Предисловіе, стр. XIII.

состоить не въ правилахъ, а въ хорошемъ упражненіи. Итакъ, я желаю (говорить Эрнести), чтобы тѣ, кои выдаютъ себя за руководителей въ краснорѣчіи, правилъ давали немного, а все бы относили къ упомянутому упражненію. Упражненіе двойное: одно состоитъ въ разборѣ, другое какъ бы въ производствѣ, отъ котораго, если не будетъ предшествовать первое, нельзя ожидать успѣха. Должно поставить себѣ обязанностью изъяснять лучшихъ витій, историковъ, стихотворцевъ“...

Манера профессора, конечно, должна была передаться его слушателямъ, и когда послѣдніе выступали на поприще учительской дѣятельности, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Баккаревичъ, — они, разумѣется, слѣдовали урокамъ Барсова. Увлекаясь Ломоносовымъ самъ, Баккаревичъ, въ качествѣ преподавателя, привлекалъ къ этому писателю вниманіе и своихъ учениковъ. Вполнѣ понятно поэтому и естественно, что въ стихотвореніяхъ Жуковского, относящихся къ пансіонскому періоду его жизни, слышатся ломоносовскіе отзвуки.

Другимъ литературнымъ авторитетомъ въ пансіонѣ былъ въ то время Державинъ. Баккаревичъ называетъ его „достойнымъ вѣчной славы философо-поэтомъ нашимъ“ ¹⁾. Взглядъ учителя сказался и на ученикахъ: въ январѣ 1799 г. Жуковский и товарищъ его Семень Родзянка, посылая Державину сдѣланный ими переводъ его оды „Богъ“ на французскій языкъ, писали ему: „Читая съ восхищеніемъ *Феллицу*, *Памятникъ герою*, *Водопадъ* и проч., сколь часто обращаемся мы въ мысляхъ къ безсмертному творцу ихъ... Пльбленные рѣдкими, неподражаемыми красотами вашей оды *Богъ*, мы осмѣлились перевести ее на французскій языкъ“ и проч. ²⁾.

¹⁾ Прият. и пол. препр. вр, ч. V, стр. 153—154.

²⁾ Соч. Державина съ примѣч. Я. Грота, акад. изд., т. VI, стр. 83—84. Письмо помѣчено январемъ 1799 года. Повидному, этотъ именно переводъ Родзянки и Жуковского и напечатанъ въ брошюрѣ „Рѣчь, разговоръ и стихи, чит. на публ. актѣ, бывш. въ Вл. Унив. Панс. декабря 22-го дня 1798 г.“ подъ заглавіемъ: „Dieu, ode traduite librement du russe de monsieur Derjavine dans la classe de style français et recitée à l'assemblée solennelle à la Pension de Nobles en l'Université de Moscou, le jour de la distribution des prix“. Первая строфа перевода:

Etre simple, Esprit pur, immense, indivisible,
Eternel, infini, libre, incompréhensible!
La matière docile obéit à Ta voix.
Le mouvement suivit les loix
Que lui imprima Ta puissance.

Вліяніе Державинской лирики и обнаруживается сильнѣйшимъ образомъ на пансіонскихъ стихотвореніяхъ Жуковскаго.

Отношеніе первыхъ опытовъ писательской дѣятельности Жуковскаго къ его образцамъ было обусловлено съ одной стороны общей литературной манерой того времени, возводившей подражаніе въ принципъ и безцеремонно доводившей его до „неправеднаго присвоенія чужой собственности“ ¹⁾, съ другой стороны—тѣми теоретическими и

Rien ne T'a donné l'être, et de Toi tout provient,
Tout est rempli de Toi, mais rien ne Te contient.
Des siècles Tu fondas l'enchaînement immense,
Renfermé dans Toi même, et présent en tout lieu,
Ton ineffable nom est *Dieu*.

Послѣдняя строфа.

Dieu, dont l'image échappe à l'humaine sagesse.
Mon esprit devant Toi reconnoit sa faiblesse.
Quels traits pourraient offrir à nos débiles yeux
Cet éclat pur et radieux
Qui Te remplit et T'environne?

En Te glorifiant dans nos chants imparfaits,
Nous voulons, s'il se peut, nous peindre Tes bienfaits,
Ta grace qui prévient, Ta bonté qui pardonne;
Nous voulons, sans prétendre atteindre à Tes grandeurs,
T'offrir l'hommage de nos cœurs.

¹⁾ И это наблюдается не только въ области литературы русской. Излюбленный приемъ, напр., Шатобриана былъ такой: желая изобразить любую сцену или картину, онъ подыскиваетъ у древнихъ и новыхъ писателей такія мѣста, гдѣ говорится что либо подходящее къ тому, что онъ хочетъ изобразить; подыскавъ нѣсколько подходящихъ отрывковъ, Шатобрианъ сливаетъ ихъ вмѣстѣ, нѣсколько не стѣсняясь сочетаніемъ самыхъ разнородныхъ элементовъ... Чтобы облечь христіанскій сюжетъ въ художественную форму, поэтъ, по мнѣнію Шатобриана („Gémie du Christianisme“), долженъ черпать и даже *снять*, въ произведеніяхъ древнихъ писателей. Подражаніе и копированіе возводится имъ въ художественный принципъ: „Отмѣтимъ тотъ фактъ, говоритъ Шатобрианъ, что пѣвецъ Потеряннаго Рая, также какъ и пѣвецъ Авзонни стали оригинальными, присвоивъ себѣ чужія богатства“. Возражая нѣкоторымъ критикамъ, упрекавшимъ его въ мозаичности стиля, Шатобрианъ приводитъ статью одного изъ защитниковъ своихъ: послѣдній ссылается на Виргилія, Тассо, Мильтона, Вольтера, эпопеи коихъ, по его словамъ, настоящія мозаики. „Никто, говоритъ онъ („Examen des Martyrs“), за исключеніемъ критиковъ, осуждающихъ „Les Martyrs“, не посягалъ донныи на право поэта переносить въ свои произведенія красоты, созданныя его предшественниками. Всѣмъ извѣстно, замѣчаетъ ла-Гарпъ, что присвоеніе красоты изъ произведеній, написанныхъ на чужомъ языкѣ, всегда считалось завоеваніемъ, достойнымъ гениа“... (Де-ла-Бартъ, О стилѣ Шатобриана и его отношенія къ классической традици. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1902, окт., стр. 341, 340).

практическими указаніями, какія дѣлали ученикамъ руководившіе ихъ первыми опытами преподаватели. Указанія эти сводились приблизительно къ слѣдующему:

Въ названной выше книгѣ Эрнеста, которою пользовался на своихъ лекціяхъ проф. Барсовъ, даются такія указанія относительно метода веденія письменныхъ работъ учениковъ, или, какъ тогда говорилось, упражненія ихъ въ краснорѣчій: „Изъ всякаго рода рѣчи должно предложить лучшія мѣста для выученія наизусть, дабы напечатлѣть въ ихъ (учащихся) умахъ какъ бы живой образецъ ораторскаго искусства, который бы всегда имѣли они передъ глазами и которому бы могли подражать въ мысляхъ и рѣчи. Когда учащіеся такимъ упражненіемъ довольно успѣютъ, тогда мало-по-мало перейдутъ они къ занятіямъ труднѣйшимъ; но сначала руководители не оставятъ ихъ безъ всякаго съ своей стороны пособія. Предложивъ имъ напередъ какую нибудь тему, соотвѣтствующую ихъ силамъ, можно указать имъ на тѣ мѣста, гдѣ должно искать изобрѣтенія и гдѣ источники ораторскаго обилія, заставитъ самихъ выбирать то, что нужно, потомъ иное одобрять, а другого не одобрять, съ показаніемъ причинъ, по которымъ такъ судятъ; далѣе полезно съ учащимся разсуждать о порядкѣ и рѣшить, что должно поставить впереди, и что послѣ; наконецъ, сдѣлавъ начертаніе всему сочиненію, въ присутствіи учащихся, кои слушаютъ и записываютъ, можно приступить къ изложенію, причемъ необходимо означить, почему гдѣ что ставятъ, почему такъ выражаютъ, почему избираютъ ту или иную фигуру, почему изъясняются то просто, то обильно и красиво, гдѣ нужно сдѣлать перемѣну, гдѣ размножить, гдѣ прибавитъ причину или изреченіе и т. п.“¹⁾...

Такими взглядами руководился проф. Барсовъ; взгляды эти усвоивались, конечно, и примѣнялись на практикѣ и его слушателями, попадавшими въ учителя.

Въ 1797 г. вышла „Риторика въ пользу молодыхъ дѣвицъ, которая равнымъ образомъ можетъ служить и для мужчинъ, любящихъ словесныя науки; сочиненія *Гамьяра*; перевелъ *Григорій Глинка*“. С.-Пб. 1797 г. Здѣсь между прочимъ читаются такія строки: „Можно сказать, что подражаніе состоитъ въ искусномъ и непримѣтномъ обкрадываніи древнихъ и новыхъ авторовъ, не будучи однако же гнуснымъ переписчикомъ и не имѣя за собою мерзкаго порока при-

¹⁾ Начала риторики Эрнеста, пер. Ивашковскимъ, стр. XIII и сл.

своивать чужія мысли или мѣста сочиненій“ (стр. 44). Тутъ же однако и прибавлено: „Хорошіе авторы снабжаютъ васъ мыслями и выраженіями“... Въ книгѣ Якова Толмачева „Правила словесности, руководствующія отъ первыхъ началъ до высшихъ совершенствъ краснорѣчія“, С.-Пб. 1818, говорится: „Къ наукамъ, содѣйствующимъ совершенству писателя, отнести можно: а) чтеніе, б) упражненіе въ переводѣ, с) *подражаніе* и д) занятіе сочиненіями“ (ч. III, стр. 259)... и ниже: „Дѣйствіемъ долговременнаго подражанія духъ одного писателя *переливается* въ другаго“ (ч. III, стр. 261).

Такими принципами и руководились учителя, указывая ученикамъ образцы для подражанія. Вотъ что, напримѣръ, рассказываетъ С. Т. Аксаковъ объ одномъ изъ своихъ преподавателей, Н. М. Ибрагимовѣ, поступившемъ въ Казанскую гимназію тоже изъ Московскаго университета, человѣкѣ очень остроумномъ и даровитомъ: Ибрагимовъ преподавалъ русскую словесность; Аксаковымъ было написано классное сочиненіе, въ видѣ письма къ пріятелю „О красотахъ весны“; воспитатель его отозвался объ этомъ сочиненіи, что оно „состоитъ изъ чужихъ фразъ, нахвтаныхъ изъ разныхъ книгъ, а потому даже нельзя судить, имѣетъ ли онъ (Аксаковъ) свое собственное дарованіе“; а между тѣмъ Ибрагимовъ показывалъ воспитателю сочиненіе Аксакова въ подтвержденіе своихъ похвалъ Аксакову, какъ ученику ¹⁾.

Пансіонскія стихотворенія Жуковскаго—почти исключительно оды. Это преобладаніе торжественнаго хвалебнаго тона обуславливалось и вліяніемъ образцовъ (Ломоносовъ, Державинъ) и указаніями руководителей, и наконецъ назначеніемъ этихъ стихотвореній для декламированія на годовыхъ пансіонскихъ публичныхъ актахъ,—словомъ всѣми обстоятельствами той эпохи, среди которыхъ начиналась писательская дѣятельность Жуковскаго.

Панегирическій тонъ господствовалъ въ нашей литературѣ XVIII в. (разумѣю литературу высшихъ слоевъ тогдашняго русскаго общества). Тонъ этотъ обнаруживается не только въ такихъ специально-хвалебныхъ произведеніяхъ, каковы были оды или рѣчи въ родѣ Ломоносовскихъ „Похвальныхъ словъ“ Петру Великому, Елисаветѣ Петровнѣ,—но даже въ простыхъ журнальныхъ статьяхъ, которыя такимъ образомъ превращались тоже въ похвальные слова. Названная выше статья Баккаревича „Нѣчто о Ломоносовѣ“ по своему тому представляетъ собой не болѣе какъ риторическую „похвалу“ по всѣмъ правиламъ

¹⁾ Соч. С. Т. Аксакова. С.-Пб. 1886 г., т. II. стр. 228, 245.

школьной теоріи. Въ отвѣтъ рецензенту этой статьи Баккаревича въ оправданіе такого ея тона дѣлается ссылка на „знатнѣйшихъ нашихъ свѣтскихъ авторовъ, начиная отъ Ломоносова до сего времени“,—и въ самомъ дѣлѣ встрѣчается рядъ статей по вопросамъ науки, искусства, литературы, написанныхъ въ стилѣ „похвальныхъ словъ“, представляющихъ собой не рецензію, критику, а оду въ прозѣ.

Общій вкусъ того времени къ панегирикамъ выдвигалъ на первый планъ изъ среды стихотворныхъ произведеній оду. Теоретическіе взгляды на оду были тогда таковы: „Ода есть одно изъ лучшихъ, изящнѣйшихъ произведеній поэзіи“; въ одѣ должны быть соединены „избранныя выраженія съ величественностью мыслей, пламенное воображеніе съ основательнымъ разсудкомъ, красота и разнообразность предметовъ съ искусствомъ въ изображеніи, наконецъ правильность стиховъ съ плавностью и пріятностью звуковъ“; ода должна начинаться „приступомъ“, который можетъ быть „двоякій: стремительный и тихій“; она должна заключать лирической безпорядокъ, который „состоитъ въ томъ, когда поэтъ показываетъ, что не успѣваетъ располагать мыслями своими по порядку, или когда не соблюдаетъ постепенности въ своихъ соображеніяхъ и такъ сказать отъ однихъ къ другимъ перелетаетъ. Однакожъ таковая стремительность его непременно должна быть ежели не управляема, по крайней мѣрѣ сопровождается разсудкомъ, а безъ того *безпорядокъ* не будетъ дѣйствіемъ искусства и никому не понравится. Сему-то правилу послѣдуя, сказалъ Буало объ одѣ: *Chez elle un beau desordre est un effet de l'art...* Въ безпорядкѣ должна быть сокрыта самая строгая правильность“. Въ одѣ должно быть въ извѣстномъ мѣстѣ „*отступленіе* или *уклоненіе*“, которое „состоитъ въ томъ, когда поэтъ прерываетъ начатую имъ матерію и говоритъ о другой, служащей для первой объясненіемъ или подтвержденіемъ, и потомъ уже возвращается къ прежней“. „*Конецъ* или *окончаніе* оды требуетъ разительныхъ, неожиданныхъ мыслей... Лирической поэтъ при концѣ оды, какъ лебедь при концѣ жизни, напрягаетъ остающіяся силы и старается наиболѣе плѣнить своимъ пѣніемъ“. Что касается типовъ русскихъ одъ, то наши теоретики дѣлили оды „на *Ломоносовскія* и *Державинскія*, причисляя къ первымъ опы торжественныя, а ко вторымъ тѣ, въ которыхъ прославленіе знаменитыхъ происшествій или разсужденіе о какихъ-либо другихъ предметахъ исполнено бываетъ мыслями правоучительныхъ, философическихъ—иногда острыхъ и даже сатирическихъ“ ¹⁾.

¹⁾ Эти выписки сдѣланы изъ извѣстнаго „Словаря древней и новой поэзіи“

Державинъ въ своемъ „Разсужденіи о лирической поэзи или объ одѣ“ (см. соч. Держ. съ прим. Грота, изд. акад. наукъ, т. VII, стр. 516 и слѣд.) высказываетъ такой взглядъ на оду, „почерпнувъ изъ

Н. Остолопова, С.-Пб., 1821. Ч. II, стр. 231—246. Несмотря на то, что словарь этотъ вышелъ въ свѣтъ въ 1821 г., онъ всецѣло выражаетъ воззрѣнія XVIII в., которыя мы встрѣчаемъ, напримѣръ, и у *Ив. Рижскаго*, см. его книжку „Наука стихотворства“ С.-Пб. 1811, стр. 217 и слѣд. А въ основѣ этихъ взглядовъ лежатъ положенія французскихъ теоретиковъ: см., напр., *Poétique française pour l'usage des lycées* par *M. Domairon*, Paris, 1804, стр. 113 и слѣд.; у Остолопова нѣкоторыя страницы прямо совпадаютъ съ французскимъ текстомъ:

Остолоповъ II, стр. 232—233:

Въ одной только одѣ совершенно исполняетъ поэтъ свое званіе, а въ другихъ поэмахъ онъ обязанъ скрывать лицо свое, чего самое искусство отъ него требуетъ, Въ Апологѣ, напр., говорятъ лживотныя такъ, какъ бы говорили они, если бы одарены были понятіемъ и словомъ. Въ пасторальной поэзи пастухи разсуждаютъ между собою о любовныхъ приключеніяхъ или о какихъ-либо дѣлахъ сельскихъ. Въ сатрахъ и посланіяхъ правоучительныхъ виденъ важный или шуточный филозофъ, возстающій противъ пороковъ и странностей. Въ Елегиіи описываетъ скорбь свою и жалуется на жестокость судьбы человѣкъ огорченный. Въ поэмѣ драматической дѣйствуютъ и говорятъ граждане, герои, монархи—и поэтъ нигдѣ не показывается. Въ одной только одѣ мы видимъ его самого, видимъ человѣка, вдохновеннаго музами и говорящаго языкомъ величественнымъ, божественнымъ. Хотя въ Епосѣ также предполагаютъ поэта вдохновеннымъ, но тамъ его вдохновеніе, такъ сказать, ограждено спокойствіемъ: Муза разсказываетъ, а онъ пишетъ, вмѣсто того, что въ одѣ онъ исполняется восторгомъ и даже духомъ пророческимъ; кажется, сами Музы или Богъ внушающій ему пѣнопѣніе, говорятъ его устами. — Посему - то въ описываемомъ здѣсь родѣ поэзи ему необходимо нужно имѣть всѣ тѣ рѣдкія и драгоцѣнныя ка-

Domairon, p. 113—114.

Il n'est point de genre de poésie plus poétique, s'il est permis de s'exprimer ainsi, que l'ode proprement dite. Dans les autres poèmes, l'écrivain ne remplit point le personnage de poète: l'art même consiste à le faire oublier. Dans l'apologue ce sont des animaux qui parlent, comme ils auraient parlé s'ils avoient eu le don de la pensée et de la parole. Dans la poésie pastorale, ce sont des bergers qui s'entretiennent de leurs amours ou d'objets champêtres. Dans la satire et l'épître morale, c'est un philosophe austère ou badin qui censure les mœurs. Dans l'élegie c'est un homme affligé qui se plaint des rigueurs du sort. Dans le dramatique, ce sont des Citoyens, des Héros, des Monarques, qui agissent et qui parlent, sans que le poète paroisse.

Mais dans l'ode, c'est le poète lui même qui s'annonce, et qui va chanter; le poète inspiré par les Muses, et qui doit en parler le plus riche et le plus magnifique langage. Il est vrai que dans l'épopée, on suppose ainsi le poète inspiré. Mais son inspiration est tranquille; la Muse raconte et poète écrit: au lieu que dans l'ode, son inspiration est prophétique; il est tout rempli, possédé de la Muse ou du Dieu qui s'est emparé de ses sens. On dirait même que le Dieu qui l'inspire, parle par sa voix. Aussi a-t-il besoin, pour réussir dans ce genre

лучшихъ писателей и изъ собственныхъ своихъ долговременныхъ въ семь родѣ поэзи опытовъ“:

„Качество или достоинство высокихъ одъ и гимновъ составляютъ: вдохновеніе, смѣлый приступъ, высота, беспорядокъ, единство, разнообразіе, краткость, правдоподобіе, новость чувствъ и выраженій, олицетвореніе и оживленіе, блестящія картины, отступленія или уклоненія, сомнѣнія и вопрошенія, противоположности, сравненія и уподобленія... и прочія витійственныя украшенія, нерѣдко правоученіе“... (стр. 522).

„*Смѣлый приступъ*, или громкое вступленіе, бываетъ отъ накопленія мыслей, которыя, подобно водѣ, стѣснившейся при плотинѣ или скалѣ, вдругъ прорываясь сквозь оныя, съ шумомъ начинаетъ свое стремленіе... Но находятся однако оды, которыя начинаются тихо и отчасу выше восходятъ своимъ пареніемъ“. Примѣромъ „тихаго“ вступленія Державинъ приводитъ начало оды Ломоносова 1748 года¹⁾:

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ слогойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ, и т. д. (стр. 536).

„*Высокость*, или выпренность лирическая, есть не что иное, какъ полетъ пылаго высокаго воображенія, которое возноситъ поэта выше понятія обыкновенныхъ людей и заставляетъ ихъ сильными выраженіями своими то живо чувствовать, чего они не знали и что имъ прежде на мысль не приходило... Лирическое высокое заключается въ быстромъ пареніи мыслей, въ непрерывномъ представленіи множества

чества, которыя, по словамъ Горация (sat. IV.—L. I), составляютъ истиннаго поэта: умъ творческій, дарованія почти божественныя, выраженія всегда благородныя и высокія...

de poésie, de ces qualités si rares et si précieuses, qui, suivant Horace (sat. IV, l. 1), font le vrai poète; d'un génie créateur, d'un talent presque divin, et d'une manière de s'exprimer toujours noble, majestueuse et souvent sublime.

Такое совпаденіе заставляетъ или видѣть въ книжкѣ Domairon'a источникъ Остолопова, или тотъ и другой текстъ возводить къ одному общему источнику. „Poétique“ Domairon'a представляетъ извлеченіе изъ его обширнаго труда: „Principes généraux des belles-lettres“, 1785, I—II, который тогда же переведенъ и на нѣмцкій языкъ: „Allgemeine Grundsätze der Dichtkunst. Nach dem Französischen des Herrn Domairon, durch teutsche Beispiele erläutert und mit Zusätzen vermehrt von Dr. A. C. Stockmann“. Dresd. u. Lpz. 1788.

¹⁾ Соч. Ломоносова съ примѣч. Сухомлинова, изд. ак. наукъ I, стр. 181.

картинъ и чувствъ блестящихъ, громкимъ, высокопарнымъ, цвѣтущимъ слогомъ выраженное, который приводитъ въ восторгъ и удивленіе“ (стр. 537).

„*Безпорядокъ лирической* значитъ то, что восторженный разумъ не успѣваетъ чрезмѣрно быстро текущихъ мыслей расположить логически. Поэтому она плана не терпитъ. Но безпорядокъ сей есть высокій безпорядокъ правильный. Между періодовъ, или строфъ, находится тайная связь... Лриикъ въ пространномъ кругу своего свѣтлаго воображенія видитъ вдругъ тысячи мѣстъ, отъ которыхъ, черезъ которыя и при которыхъ достигъ ему предмета, имъ преслѣдуемаго; но ихъ нарочно пропускаетъ или, такъ сказать, совмѣщаетъ въ одну совокушность, чтобъ скорѣе до него долетѣть. При всемъ томъ, если не предводитъ его разумъ, то хотя препровождать долженъ. Иначе сей мнимый безпорядокъ будетъ въ самомъ дѣлѣ безпорядокъ, горячка, бредъ“ (стр. 539—540).

„*Олицетвореніе и оживленіе* суть главнѣйшія свойства поэзіи. Она всѣ существа моральныя и духовныя, не имѣющія образа, а равно вещественныя, лишеныя видимыхъ нами чувствъ, гласа и движенія, олицетворяетъ и оживляетъ, дабы понятнѣе представить чрезъ то сотворяемый ею, такъ сказать, новый волшебный, очаровательный міръ и имъ удобнѣе удивляя и убѣждая простой умъ, привлечь его на свою сторону. Лирической поэтъ къ возвышенію своего предмета перѣдко пользуется таковыми вымыслами“ (стр. 549).

„*Блестящія живыя картины*, то есть съ природою сходственные виды, которые мгновенно мягкихъ или чувствительныхъ людей поражаютъ воображеніе и производятъ заочно въ нихъ фантазію (мечты), или фантастическія чувства... Здѣсь болѣе всего идутъ иперболы (или увеличиванія)“ (стр. 549—550).

„*Отступленіе или уклоненіе* отъ главнаго предмета дѣлается съ умысломъ, чтобъ сперва болѣе возбудить вниманіе, по какой причинѣ онъ оставленъ, а потомъ, представя его съ вящимъ громомъ, или блескомъ, увеличить чье-либо мужество, добродѣтель, премудрость, невинность и пр., а тѣмъ привестъ въ восторгъ и удивленіе слушателей“ (стр. 552).

„*Сомнѣнія и вопрошенія*. Когда поэтъ, въ упоеніи своего восторга, представляетъ себѣ, будто въ чемъ сомнѣвается и, дѣлая себѣ вопросы, самъ же на нихъ отвѣчаетъ, дабы тѣмъ усугубить красоту, или силу своего предмета, или страсти“ (стр. 560).

„*Противоположности* весьма усиливаютъ и украшаютъ предметы,

когда поэтъ кратко и рѣзко умѣетъ ввести ихъ въ пристойномъ мѣстѣ“ (стр. 561).

„Сравненія и уподобленія суть іероглифы, или нѣмой языкъ поэзіи. Поелику она по подражательной своей способности ничто иное есть, какъ говорящая живопись: то и сравниваетъ два предмета чувственнымъ образомъ между собою, или вдругъ рѣшительно ихъ другъ другу уподобляетъ, дабы чрезъ то, не говоря много, изобразить о нихъ яснѣе свои понятія, или, лучше сказать, чтобы неизвѣстный или невидимый предметъ представить черезъ видимый въявь, или на лицо; и тому изъ нихъ, которому поэтъ желаетъ, придать болѣе совершенствъ, занявъ ихъ отъ другаго“ (стр. 564).

„*Нравоученіе*. Извѣстно, что во всѣхъ народахъ и во всѣхъ вѣкахъ принято было за правило, которое и понынѣ между прямо просвѣщенными мужами сохраняется, что совѣтуютъ они въ словесности всякаго рода проповѣдовать благочестіе, или науки нравовъ. Особливо находятъ болѣе къ тому способною лирическую поэзію, въ разсужденіи ея краткости и союза съ музыкаю, чѣмъ удобнѣе она затверживается въ памяти и, забавляя, такъ сказать, просвѣщаетъ царства“ (стр. 568).

Такія понятія объ одѣ, установившіяся къ этому времени и повторяемыя въ шитикахъ долгое время и послѣ,—были сообщены, по видимому, и Жуковскому на урокахъ русской словесности, съ указаніемъ на высокіе образцы—прежде всего на Ломоносова и Державина,—„которымъ мы только удивляться и, если имѣемъ довольно силы и духу, подражать должны“, какъ выражался Баккаревичъ ¹⁾. И многія слова Державина о качествахъ одѣ, приступахъ, высокости, лирическомъ безпорядкѣ, олицетвореніяхъ, вопрошеніяхъ, сравненіяхъ и т. д., даже о нравоученіи,—почти во всей полнотѣ своего смысла могутъ быть отнесены къ пансіонскимъ одамъ Жуковского,—съ той только оговоркой, что картины, образы у Ломоносова, у Державина были созданиемъ болѣе или менѣе искренняго увлеченія, возбуждавшаго фантазію поэтовъ, тогда какъ подобные же образы у юнаго Жуковского—ученическія попытки подражанія громкозвучнымъ одослагателямъ, дѣлавшіяся подъ руководствомъ преподавателя.

VII.

Подражаніе сказывается очень ярко. Ниже приводимыя сопоставленія покажутъ, какъ относился Жуковскій къ своимъ образцамъ.

¹⁾ Пр. и пол. препр. вр. V, стр. 153.

Ода 1797 года „Благоденствіе Россіи, устроенное великимъ ея самодержцемъ Павломъ Первымъ“, открывается риторической фигурой—вопросомъ, на который отвѣтомъ и служить ода:

Откуда тишина златая
Въ блаженной сѣверной странѣ?
Чьей мощною рукою покрыта
Лигуетъ въ радости она ¹⁾?

Приведенныя выше слова Державина о „вопрошеніяхъ“ достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ стилистическій приемъ былъ узаконенъ въ одахъ теоріей; Державинъ въ своемъ „Разсужденіи о лирической поэзіи“ (I, 560—561) подбираетъ изъ одъ Ломоносова рядъ образчиковъ употребленія этого приема, напримѣръ:

Кто въ громъ радостные влиетъ
И огонь отъ многихъ водъ даетъ?
И кто ведетъ въ перунахъ ливни?—
Великая Елисаветъ! и др.

У самого Державина можно найти еще болѣе такихъ примѣровъ:

Но кто ты, вождь, кѣмъ стѣны пали,
Кѣмъ твердь Очаковска взята?
Чья вѣра, чьи уста взывали
Намъ Бога въ помощь и Христа?.. („Побѣдителя“, I, 235).
Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, багъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горни? („Водопадъ“, I, 473).
Попель—и гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ! („На взятіе Варшавы“, I, 636) и др.

Подъ вліяніемъ подобныхъ образцовъ, тотъ же приемъ находимъ у Жуковского и въ одѣ „Герой“:

Но тамо—что предъ взоръ явилось?
Какія солнца тамъ горять?
То славы храмъ чело вздымаетъ—
Вокругъ его вѣнецъ лучей... (Соч. Жуков., I, 10).

Ода „Благоденствіе Россіи“ начинается образнымъ описаніемъ водворенія мира ²⁾:

¹⁾ Текстъ стих. Жуковского привожу по изданію Маркса подъ ред. проф. Архангельскаго. С.-Пб. 1902, томъ I.

²⁾ Историческая справка. Подъ предлогомъ разстройства во внутреннемъ управленіи, новый императоръ (Павелъ I) объявилъ, что для Россіи необходимо спокой-

Умоляла брань, престаши сѣчи;
Россѣ на трофеяхъ опочилъ...
Съ улыбкой ангельской, прелестной,
Въ вѣнцѣ сплетенномъ изъ оливоу,
Нисшелъ отъ горнихъ странъ эфира
Сынъ неба, животворный миръ. (Соч. Жуков., I, 1).

Тотъ же образъ, основанный на такомъ же приѣмѣ олицетворенія (о которомъ говоритъ Державинъ), встрѣчаемъ въ одѣ Жуковского „Миръ“, читанной имъ въ декабрѣ 1880 года на публичномъ актѣ въ пансионѣ: поэтъ обращается къ лирѣ:

Проснись! и миръ воспой блаженный, благодатный;
Пусть онъ слетитъ съ небесъ, какъ нѣкій богъ крылатый,
Вѣчно-зеленою оливою махнетъ,
Брань страшную съ лица вселенной изженетъ,
И примиритъ земные роды. (Соч. Жуков., I, 8).

Уже у Ломоносова въ его извѣстной одѣ 1747 года выступаетъ олицетворенный миръ:

Царей и царствъ земныхъ отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство сель, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!..
Когда на тронъ она (Елизавета) вступила,
Тебя (тишину, миръ) въ Россію возвратила,
Тебя пріявъ, обლობызала... (Соч. Ломон. съ объясн. Сухомл.
I, 145—146).

Здѣсь образъ мира не рисуется еще опредѣленно, пластически. Въ другомъ мѣстѣ Ломоносовъ снабжаетъ образъ мира нѣкоторыми атрибутами, хотя образъ этотъ далеко не достигаетъ еще отчетливости:

И правда тишину лобзаешь,
Я вижу вѣчну красоту.
Среди разгнанныхъ мрачныхъ буръ
Всего пресвѣтлѣе сіяешь,
Вокругъ и злато и лазурь:

ствѣ извнѣ, и потому онъ отказывается отъ войны съ Франціею. „Россія (объявлено иностраннымъ дворамъ), будучи въ непрерывной войнѣ съ 1756 г., есть потому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи“... С. Соловьевъ. Уч. книга русской исторіи. М. 1880, стр. 361.

Всесильный миръ себя являетъ:
Оливна вѣтвь, лавръ, слава, мечъ! (Соч. Лом. II, 234).

У Державина тотъ же мотивъ (водвореніе мира) выраженъ въ такихъ образахъ:

Летить—и воздухъ озаряетъ,
Какъ вешне утро тихій понтъ!
Летить—и отъ его улыбки
Живая радость по лугамъ,
По рощамъ и полямъ лѣтеть!..
Шумливый, бурный токъ Днѣпровскій
Въ себѣ изображаетъ живо
Прекрасное лицо его..
Пастухъ и земледѣлецъ въ пѣсняхъ
Средь хлѣбныхъ воспѣвають миръ. („На приобрѣтеніе Крыма“
Соч. Держ. I, 181—2).

И Миръ въ порфирѣ приближался
Тогда бѣ къ царевниной рукѣ;
Она бѣ его облобызала
И вѣтвь его къ себѣ взяла („Изображеніе Фелицы“. Сочин.
Держ. I, 293).

Не ты ль, котораго всѣмъ взгляды
Ліуютъ обиліе прохлады,
Прекрасный и колесный миръ?
Приди, о кроткій житель неба,
Эдемскій гражданинъ страны!
Приди и, какъ сопутникъ Феба,
Духъ теплотворный, богъ весны,
Дохни вездѣ твоей душою!
Дохни, да расцвѣтетъ тобою
Рай сладости въ домахъ, въ сердцахъ! („На взятіе Измаила“
Соч. Держ. I, 359—60).

Оливы свѣжи и зелены
Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ („Водопадъ“. Соч. Держ.
I, 481).

Сопоставленіе выписанныхъ отрывковъ, на мой взглядъ, опредѣленно указываетъ источникъ, которому обязанъ своимъ происхожденіемъ пластическій образъ мира у Жуковского, представившаго его какъ крылатаго бога, слетающаго съ неба съ чарующей ангельской улыбкой на лицѣ, съ масличнымъ вѣнкомъ на головѣ, съ зеленой масличной вѣтвью въ рукахъ.

Подобнаго рода образное представленіе отвлеченныхъ понятій, выраженіе идей въ пластическихъ формахъ, восходящихъ по своему происхожденію то къ области классической греко-римской мифологіи,

античнаго искусства и поэзии, то къ области европейской символики, выработанной средними вѣками, то къ замысловатымъ фигурамъ, эмблемамъ и т. под. позднѣйшаго происхожденія, составляетъ особенность „монументальнаго“, какъ выразился *Θ. П. Буслаевъ* ¹⁾, стиля торжественныхъ псевдо-классическихъ одъ. Этотъ стиль мы встрѣчаемъ и у французскихъ и нѣмецкихъ писателей, и у Ломоносова, и у Петрова, и у Державина, и у другихъ одослагателей, при чемъ стремленіе облечь высокопарную мысль въ вычурную, „манерную“ форму олицетвореній, символовъ и эмблемъ часто дѣлало эти образы крайне громоздкими, порою прямо почти нелѣпыми, хотя нерѣдко вліяніе типовъ античнаго искусства вызывало и образы тонкіе, пластически-изящные.

Жуковскій въ раннихъ своихъ произведеніяхъ усваиваетъ „монументальный“ стиль своихъ образцовъ: Ломоносова, Державина.

Кромѣ этого чисто литературнаго вліянія, на этой сторонѣ стиля молодого *Жуковского*, который, какъ извѣстно, обладалъ и талантомъ рисовальщика съ натуры ²⁾, слѣдовательно, отличался воспріимчивостью глаза,—должно было сказаться и вліяніе зрительныхъ ощущеній, впечатлѣній отъ пластическихъ искусствъ—живописи, скульптуры и т. п. Въ тогдашнихъ произведеніяхъ этихъ искусствъ псевдоклассицизмъ отразился ярко; образцы даетъ каждая виньетка, какими украшались изданія того времени; въ сказкѣ *И. П. Дмитріева* подъ названіемъ „Картина“ нѣкій князь *Вѣтровъ*, собираясь жениться, заказываетъ живописцу свой портретъ въ видѣ такой картины псевдоклассическаго стиля XVIII вѣка:

Гимень, то есть богъ брака,
 . . . легкій, милый богъ,
 Который бы привлечь и труженика могъ,
 Гимень и съ нимъ Амуръ, всегда въ восторгѣ новомъ,
 Веселый, миленькій, и живчикъ однимъ словомъ,
 Взявъ за руки меня, подводятъ по цвѣтамъ.
 Разбросаннымъ по всѣмъ мѣстамъ,

¹⁾ Иллюстрація стихотвореній Державина. Мои досуги. М. 1886, т. II, стр. 163.

²⁾ На выставкѣ въ память Гоголя и Жуковскаго въ Москвѣ были выставлены „Собственноручные рисунки В. А. Жуковскаго карандашомъ и акварельными красками (портреты родственниковъ и виды)“. (См. каталогъ выставки. М. 1902, стр. 17 № 190). Срв. *Зейдлицъ*, Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 11, *Н. Θ. Сумцовъ*, Жуковскій и Гоголь, гл. 28: В. А. Жуковскій какъ художникъ; Харьковскій университетскій сборникъ въ память Жуковскаго и Гоголя, Харьковъ 1903), стр. 110—116. *Ровинскій* описываетъ нѣсколько гравюръ Жуковскаго (Словарь русскихъ гравировъ).

Къ прекрасной дѣвушкѣ, боготворимой мною;
 Владычица моя, въ пятнадцатой веснѣ,
 Вручаетъ розу мнѣ;
 Вокругъ нея толпой Забавы, Игры, Смѣхи;
 Вдали жѣ, подъ миртами, престоль Любви, Утѣхи,
 Усыпанъ розами и весь почти въ тѣни
 Деревъ, гдѣ вѣтерокъ заснулъ среди листочковъ...
 Да не забыть притомъ и страстныхъ голубчиковъ... ¹).

По поводу изданія „Наказа“ имп. Екатерины появилась такая аллегорическая гравюра: „Въ центрѣ картины, на возвышеніи, стоитъ Екатерина въ спокойной, увѣренной позѣ; по сторонамъ Екатерины— Минерва и юный Марсъ, попирающій пятой закованнаго въ цѣпи врага. Подъ ногами императрицы копошится народъ: море головъ, жаждущихъ взглянуть на Екатерину, смотрящихъ на нее съ выраженіемъ любви и надежды, спѣшущихъ запечатлѣть въ памяти золотыя строки раскрытаго передъ ними Наказа. Въ сторонѣ, надъ тѣмъ же моремъ головъ, поднимается пирамида, на которой „блаженство каждаго и всѣхъ“ датировано 1766 годомъ, и которая увѣнчивается императорскою короной... Наконецъ вверху, въ облакахъ дыма, крылатая фигура славы уже спѣшитъ разнести по свѣту благую вѣсть“... ²).

Рукопись Наказа хранится „въ залѣ общаго собранія петербургскихъ департаментовъ прав. сената, въ великолѣпномъ ковчегѣ; ковчегъ изображаетъ какъ бы футляръ для книги, составляющій вмѣстѣ съ тѣмъ пьедесталь серебряной ротонды, на куполѣ которой находится слава на своей колесницѣ; въ четырехъ противоположныхъ пунктахъ той же ротонды, по угламъ пьедестала, поставлены крылатыя фигуры, трубящія о подвигѣ Екатерины, которая изображена (изъ золота) стоящею у передней стороны ротонды съ книгою въ рукѣ, которую принимаетъ отъ нея колѣнопреклоненная Россія“ ³).

Эта ротонда—„храмъ славы“, тотъ самый, который представленъ воздвигнутымъ въ лучахъ на высококомъ утесѣ на многихъ виньеткахъ, украшающихъ изданія XVIII в.: см., напр., „Россійскій Театръ“ т. т. XII, XVI и др. (на выходномъ листѣ), рисунки къ одамъ Державина „На умѣренность“, „На тщету земной славы“ ⁴),—и который, во

¹) Соч. И. П. Дмитриева, ред. Флоридова, С.-Пб. 1893, т. I, стр. 1—3.

²) *Милюковъ*, Очерки по истор. культ., ч. III, вып. 2-й, стр. 259.

³) *Безинъ*, Библиографич. примѣчанія къ изданіямъ „Наказа“ съ 1767 по 1893 годъ, при изданіи „Наказа“ С.-Пб. 1893 г., ст. 8, со ссылкой на статью *Щебальскаго*, Екатерина II, какъ писательница (журналъ „Заря“ 1869 г. № 2, стр. 111).

⁴) Соч. Держ. ред. Грота, т. I, стр. 489, 721.

время описаннаго Державинымъ знаменитаго Потемкинскаго праздника по случаю взятія Измаила, былъ воздвигнуть въ зимнемъ саду Потемкина: „Нечувствительно приходишь къ возвышенному на ступеняхъ сквозному алтарю, окруженному еще осмью столпами, кои поддерживаютъ сводъ его... Посреди столповъ на порфировомъ подножii съ златою надписью блистаетъ изсѣченный изъ чистаго мрамора образъ божества (статуя имп. Екатерины)... Единое воззрѣнiе на него рождаетъ благоговѣнiе и воспламеняетъ душу къ дѣламъ безсмертнымъ“ ¹⁾).

Этотъ же „храмъ славы“ описываетъ Жуковский въ своей одѣ „Герой“:

То славы храмъ чело вздымаетъ—
Вокругъ его вѣнецъ лучей;
Утесъ, висящiй надъ валами
Морскихъ безчисленныхъ пучинъ,
Вѣбовъ теченьемъ посѣдѣвшiй,
Его подьметъ на хребтѣ.

а въ храмѣ—„сердцу милый Титъ“, „Антонины, Андрианъ“ ²⁾).

Далѣе въ одѣ „Благоденствiе Россiи“ читаемъ:

Россъ на трофеяхъ опочилъ;
Тамъ щитъ и мечъ, и шлемъ пернатый,
И булава его лежить. (Соч. Жуъ., I, стр. 1).

Псевдоклассицизмъ и въ поэзи и въ пластикѣ, въ живописи, въ скульптурѣ, представлялъ современниковъ отнюдь не въ національных костюмахъ, а непременно въ образѣ то античныхъ героев съ подобающими имъ атрибутами, то въ образахъ воителей отдаленной старины—съ луками, мечами, булавами, въ желѣзныхъ латахъ и т. п.

У Державина:

Я вижу—нѣкій мужъ съдой
Склонился на руку главой;
Кошъ и мечъ и щитъ великой
И шлемъ лежатъ у ногъ его;
Въ бронѣ блистая златорядной,
Сидить... („Водопадъ“, I, 463).

Виньетка къ одѣ „На покоренiе Дербента“ (I, 743) представляетъ молодого витязя, въ шлемѣ, латахъ, со щитомъ и мечомъ, расположившагося отдохнуть на трофеяхъ своихъ побѣдъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 386. Державинское *Описание* праздника было издано отдѣльною брошюрой въ С.-Пб., въ 1792 г.

²⁾ Соч. Жуковского, ред. Архангельскаго, I, стр. 10.

И виньетки и образы въ одахъ восходятъ къ одному источнику: къ тогдашней своеобразной манерѣ видѣть дѣйствительность сквозь призму псевдоклассицизма.

Русское государство Жуковскій представилъ въ такомъ образѣ, напоминающемъ собой пышные монументы въ стилѣ XVIII вѣка:

На тронѣ свѣтломъ, лучезарномъ,
Что полвселенной на столпахъ
Взнесень, неизбежно поставлень,
Россія въ славу возсѣднть—
Златый шоломъ, огнепернатый
Блится на главѣ ея;
Вѣнецъ лавровый осѣняетъ
Ея высокое чело;
Лежитъ на шуйцѣ щитъ алмазный;
Расширивши крыль свои,
У ногъ ея орелъ полночный
Почіеть—громъ его молчить.
Окрестъ блестящаго престола,
Въ безчисленный собравшись сонмъ,
Стоять полночные народы,
Съ почтеньемъ долу преклонясь. („Могущество, слава и благоденствіе Россіи“. Соч. Жук., I, стр. 5).

Образъ величественной фигуры на тронѣ встрѣчаемъ уже у Ломоносова: олицетворенная природа („нагура“),

Сѣдя на блещущемъ престолѣ
Составленномъ изъ твердыхъ горъ,
Въ пространномъ всѣхъ твореній полѣ
Между стихій смирять споръ;
Соснами всяку плоть питаешь,
Отъ чрева рѣки проливаетъ.
Зелену ризу по лугамъ
И по долинамъ расширяя,
Изъ устъ Зефирами дыхая,
Съ веселіемъ вѣщаетъ еъ намъ... (Ода 1746 г. „На день рожденія Имп. Елисаветы“. Соч. Лом. I, 136).

Этимъ образомъ фигуры на престолѣ воспользовался Петровъ, чтобы представить Императрицу Екатерину:

Я чувствую власть новой музы!..
Велить, да сердца страхъ отрину,
Чтобъ созерцать Екатерину,
Судьбы отверзть мнѣ кажетъ храмъ.

Съ высотъ нерукотворна трона,
Кой тверже адамантскихъ горъ,
Та мечеть вѣчности изъ лона,
Единъ на всѣ вдругъ міры взоръ...
Сѣдять съ ней Мудрость сопредостольна;
Вокругъ чела Ея вѣнецъ
Первосозданнымъ блещетъ свѣтомъ;
Зарѣ хитонъ, и поясъ цвѣтомъ
Дугъ подобенъ въ облакахъ;
Порфира вѣчну дню безъ ночи;
Какъ звѣзды бди не дремятъ очи;
Законъ движенія въ рукахъ. („На заключеніе съ Оттоманскою
портою мира“, 1775 года. Соч. В. Петрова, изд.
2-е С.-Пб. 1811. Ч. 1-я, стр. 91—92.)

Образомъ повелительницы, тронъ которой окружаютъ подданные, воспользовался Державинъ въ одѣ 1789 г. „Изображеніе Фелицы“:

Во всей изобрази ты славу
Владычицу души моей:
Одѣнь въ доспѣхи, въ брони златы
И въ мужество ея красы,
Чтобъ шлемъ блисталъ на ней пернатый
Зефиры вѣяли власы...
Престоль ея на Скандинавскихъ,
Камчатскихъ и Златыхъ горахъ,
Отъ странъ Таймурскихъ до Кубанскихъ,
Поставь на сорокъ двухъ столпахъ...
Средь дивнаго сего чертога
И величійной высоты,
Въ величествѣ, въ сіяньи Бога
Ее изобрази мнѣ ты...
Чтобъ дѣи люди, отдаленны,
Сопешися къ ея престолу
И кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
Струили тоби слезъ изъ глазъ... (Соч. Держ. I, 273—275).

Стихи Жуковского, по всей видимости, были навѣяны главнымъ образомъ державинскою одою „Изображеніе Фелицы“; нѣкоторые же детали у Жуковского восходятъ къ другому источнику: лавровый вѣнокъ — который здѣсь собственно лишній, такъ какъ получается нагроможденіе атрибутовъ: на головѣ оказывается и шлемъ и лавровый вѣнокъ — и щитъ суть обычныя принадлежности героя-побѣдителя; что же касается до полночнаго орла—носителя громовъ, то эта подробность можетъ быть возведена къ слѣдующимъ строкамъ Державина изъ его „Видѣнія мурзы“:

Орель полунощный огромный.
Сопутникъ молній торжеству.
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней (Фелицей) на груди книгъ,
Священны блюль ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держаль, какъ будто бы уснувъ. (Соч. Держ. I, 163).

Орель у ногъ Фелицы изображень и на виньеткѣ передъ текстомъ оды (I, 157). Жуковский перенесъ лавры изъ когтей орла на голову фигуры на тронѣ, а самого орла заставилъ не совсѣмъ кстати „расширить крылѣ“, хотя онъ и „почиеть“.

Образъ повелителя на тронѣ выступилъ уже и въ болѣе раннемъ произведеніи Жуковского,—въ одѣ „Благоденствіе Россіи“:

Рекла (Россія)—и перстомъ указываетъ
Одѣявъ славою мирной тронъ:
Тамъ возсѣдять, въ сіяньи солнца,
Великій Павелъ, пудто Богъ.
Престоль его поставленъ твердо
На русскихъ пламенныхъ сердцахъ.
Блестящимъ служить балдахиномъ
Ему святой его законъ;
Его скиптръ—кротость, а держава
Есть благо подданныхъ его.
Вѣнецъ—премудрость составляетъ,
Блестая ярко на главѣ;
Ея лучами освѣщаетъ
Полевѣта Павелъ съ высоты.
Въ его десницѣ зрится чаша,
Изъ коей милости онъ льетъ.
Его чертогъ есть храмъ священный,
Храмъ правосудія, любви. (Соч. Жуков. I, 1).

Этотъ отрывокъ должно сблизить съ слѣдующими строками „Изображенія Фелицы“:

Средь дивнаго сего чертога
И велельшной высоты,
Въ величествѣ, въ сіяньи Бога
Ее (Фелицу) изобрази мнѣ ты..
И зрѣлъ бы я ее на тронѣ
Сѣдяху въ утваряхъ царей,
Въ порфирѣ, бармахъ и коронахъ,
И взглядомъ вдругъ однимъ очей

Объемлющу моря и сушу
 Во всемъ владычествѣ своемъ,
 Всему дающу жизнь и душу
 И управляющему всемъ. (Соч. Держ. I, 274 — 275, 281).

Жуковский видоизмѣняетъ державинскій образъ въ деталяхъ, окружаетъ Павла нѣсколько иными атрибутами (взявъ изъ тѣхъ же „утварей царей“, кромѣ конечно „чаши милостей“), которымъ совершенно произвольно усволяетъ символическое значеніе. Царскія свойства, символы которыхъ юный поэтъ видитъ въ этихъ атрибутахъ, обусловлены въ своемъ подборѣ вліяніемъ оды Державина „На новый 1797 годъ“ (II, 16 и сл.). „Похвалы, воздаваемые въ этой замѣчательной одѣ Павлу I, — замѣчаетъ академикъ Гротъ (Соч. Держ., II, 17), — совершенно оправдываются отзывами другихъ тогдашнихъ писателей, которые, согласно съ *Объясненіями* Державина, свидѣтельствуютъ, что въ началѣ своего царствованія этотъ государь опровергъ своими дѣйствіями все мрачныя ожиданія и многими чертами великодушія, милосердія и справедливости обратилъ общія опасенія въ радостныя надежды (см. особенно *Зап. Болотова. Русск. Арх.* 1864 г., вып. 1)“. Подъ впечатлѣніемъ такого начала царствованія императора Павла тѣмъ популярнѣе должна была быть ода Державина, напечатанная въ Карамзинскихъ *Донудахъ* 1797 года (кн. II, стр. 15), при посредствѣ которыхъ и стала извѣстна Жуковскому, поклоннику и ихъ издателя и автора оды.

Восхвалять императора Павла Жуковский имѣлъ въ это время много основаній. Школьная мораль предписывала чтить государя: „Государя, яко орудія Божія, достойны усерднѣйшаго и глубочайшаго почтенія“—читалъ Жуковский въ *Размышленіяхъ въ вечерніе часы* 1); И. В. Лопухинъ былъ вполне убѣжденнымъ монархистомъ, какимъ и выступаетъ въ своихъ сочиненіяхъ; въ своемъ „Нравоучительномъ катехизисѣ“ онъ предписываетъ „царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому 2); царская власть представляетъ единственный залогъ благополучія народа, по убѣженію Лопухина, высказанному имъ въ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Изображеніе мечты равенства и буйной свободы съ пагубными ихъ послѣдствіями“ 3). Это теоретическія осно-

1) Часть III, стр. 333 (подъ 25-е сентября).

2) „Записки“ Лопух., стр. 26.

3) *Дубицкій*, И. В. Лопухинъ, стр. 47, 48.

ванія Жуковскаго. Кромѣ того, подвергнутые при императрицѣ Екатерины преслѣдованіямъ московскіе „мартинисты“ не только были освобождены Павломъ отъ всякихъ гоненій, но осыпаны знаками вниманія и милости; Павелъ, немедленно по вступленіи на престолъ, приказалъ выпустить Новикова изъ Шлиссельбургской крѣпости и разрѣшилъ ему пользоваться полною свободой—и Новиковъ навсегда сохранилъ чувство признательности къ освободившему и обласкавшему его государю ¹⁾; въ то же время И. В. Лопухинъ былъ освобожденъ отъ полицейскаго надзора, призванъ ко двору, а затѣмъ назначенъ въ Москву сенаторомъ; князю Н. Н. Трубецкому и Ивану Петровичу Тургеневу разрѣшено было выѣхать изъ деревень, куда они были сосланы, и жить гдѣ пожелаютъ ²⁾; И. П. Тургеневъ вскорѣ послѣ этого былъ назначенъ директоромъ Московскаго университета. По ходатайству Новикова Павелъ освободилъ еще восьмерыхъ одновременно съ нимъ заключенныхъ, въ томъ числѣ М. И. Невзорова, который, много лѣтъ спустя, въ письмѣ своемъ къ Поздѣеву (отъ 23-го іюня 1817 г.), вспоминая объ этомъ времени, пишетъ: „За все сіе да будетъ благословенна въ роды родовъ здѣсь и въ царствіи небесномъ память благочестивѣйшаго государя императора Павла I“ ³⁾ И. В. Лопухинъ „съ великою горестью проводилъ въ могилу внезапно скончавшагося императора Павла I“ ⁴⁾. Въ названномъ выше сочиненіи „Изображеніе мечты равенства“ Лопухинъ рисуетъ, между прочимъ, идеаль царской власти: „Божественное единство, вселенною управляющее, освящаетъ свое подобіе въ земныхъ Царяхъ, и величествомъ ихъ вѣнчаетъ.

„Коль красное, коль восхитительное добрый Монархъ являетъ зрѣлице!

„Изображая существо вышнее, списуетъ онъ уставы его въ мудромъ законоданіи своемъ, зиждущемъ блаженство человѣчества, освященному его скипетру вѣреннаго.

„Пожиная лавры, радуется только о плодахъ масличныхъ, въ державѣ его процвѣсти отъ нихъ долженствующихъ.

„Управляя бдительно вѣсы правосудія, орошаетъ ихъ священной слезою нѣжной любви къ человѣчеству.

„Страждущая невинность смѣло течетъ ко чертогамъ его, и—на пути уже срѣтаетъ себѣ щитъ его помощи.

¹⁾ *Лонгиновъ*, Новиковъ и Моск. мартинисты, стр. 363, 366.

²⁾ Тамъ же, стр. 363, съ ссылкой на подлинное дѣло.

³⁾ Библиографическія записки 1858 г., т. I, стр. 655.

⁴⁾ *Дубицкий*, И. В. Лопухинъ, стр. 65.

„Скудость чернаетъ богатство изъ отверзтыхъ его щедротою источниковъ.

„Пороки яко воскъ таютъ отъ лица его добродѣтели.

„Ласкательство, злоухищреніе, клевета—страшатся прикосновенія чистоты, сіяющей надъ его діадимою, и стремглавь бѣгутъ сокрыть себя во тьму Несущія.

„Злоба, дерзость, ковы—исчезаютъ, яко дымъ, отъ свѣтлости престола его, славою мудрости, правды, кротости блистающаго.

„Народы иноплеменные благоговѣютъ ко *златой тишинѣ* его маслячнаго вертограда, и трепещутъ страшныхъ громовъ его.

„Вся страна его обладанія есть изытая искусною рукою изъ нѣдръ натуры обильная трапеза здравія, веселія, сладости.

„Все время его владычества—торжество просвѣщенія, правды, добродѣтели.

„Всѣ его дѣла и намѣренія суть оиміамъ чистой жертвы Царю небесному“ ¹⁾).

Въ „Книгѣ премудрости и добродѣтели“, въ главѣ *Государь и подданные* Жуковскій читалъ: „Ты облеченъ въ порфиру и сидишь на престолѣ, вѣнецъ величества покрываетъ главу твою, скиптръ могущества въ десницѣ твоей, но не для тебя самого даны тебѣ сіи почести, будучи опредѣлены не для твоей, а для государства пользы. Честь государя есть благоденствіе народа его; могущество его и сила основаны въ сердцахъ его подданныхъ ²⁾)... Онъ созываетъ мудрыхъ въ своемъ государствѣ; совѣтуетъ съ ними свободно, и слушаетъ каждаго мнѣніе... Избранные имъ начальныя власти правосудны, высшіе служители его мудры, и величайшій любимецъ его не обольститъ его. Онъ благоволитъ о художествахъ, и сіи цвѣтутъ; науки восходятъ и растутъ подъ его покровительствомъ... Онъ дѣлаетъ распоряженія съ справедливою мудростью; его подданные неслаждаются плодами трудовъ своихъ въ безопасности, и благоденствіе ихъ состоитъ въ наблюденіи законовъ... И потому народъ его почитаетъ его, яко отца, съ благоговѣніемъ и любовью... Безмятежіе и миръ счастли-

¹⁾ „Изображеніе мечты равенства и буйной свободы съ пагубными ихъ плодами“, сочиненіе *Ив. Лопухина*, М. 1794 г., стр. 17—20.

²⁾ У Жуковского (Соч., I, стр. 1):

Престоль его поставленъ твердо
На русскихъ пламенныхъ сердцахъ.

вать жилища его народа, велелѣніе и сила окружаютъ престоль его вѣвѣки“ 1).

Среди всѣхъ этихъ вліяній Жуковский въ своей одѣ и представилъ императора Павла воплощеніемъ этого идеала царской власти 2).

Чаша милосердія попала въ одѣ Жуковского въ руки Павла несомнѣнно изъ того же источника, который повліялъ и на стихотвореніе его „На новый 1800 годъ“ (Соч. Жук. I, 7), гдѣ буквально даже и повторяется тотъ же стихъ:

Въ его (новаго года) десницѣ зрится чаша,
Гдѣ скрыты жребіи судьбы,
Изъ коей вѣчными струями
Блаженство и бѣды текутъ.

Подъ большимъ знакомъ вопроса рѣшаюсь высказать предположеніе, не возникла ли у Жуковского идея этой чаши подѣ вліяніемъ нѣсколькихъ стиховъ Державина въ той же одѣ „На новый 1797 годъ“:

Кто сей, по образу Атланта
На рамена поднявшій свѣтъ,
Шагами твердыми гиганта
Перобко чести въ храмъ идетъ?
Христова церковь Павла въ немъ
Избранный тотъ *сосудъ* встрѣчаетъ,
Который миръ, любовь и свѣтъ,
Всѣ добродѣтели во нравы
И жажду неземныя славы
Въ благочестивы души льетъ. (Соч. Держ. II, 20—22).

Съ другой стороны чашу милости необходимо возводить, какъ къ источнику, къ одному изъ тѣхъ сборниковъ символовъ и эмблемъ, которые появились съ XVI вѣка, въ XVII и XVIII вѣкахъ были особенно распространены во всѣхъ европейскихъ литературахъ, зашли и въ русскую 3) и были между прочимъ источникомъ аллегорическихъ фигуръ, переполняющихъ такъ называемыя „школьныя драмы“: въ одной изъ нихъ выводится *милость Божія* и въ качествѣ символи-

1) Кв. прем. и добр., ч. I, стр. 64—66.

2) Вліяніемъ сочиненія Лопухина я только и могу объяснить себѣ совпаденіе образовъ и даже пѣкоторыхъ выраженій Жуковского съ выраженіями Лопухина. У Жуковского: „Откуда *тишина златая*“... У Лопухина: „Народы благоговѣютъ къ *златой тишинѣ*“ (назв. соч., стр. 20).

3) По повелѣнію императора Петра Великаго въ 1705 г., въ Амстердамѣ была напечатана книга: „Символы и эмблемата указомъ... великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича... напечатаны“. Это изданіе со многими добавленіями и объясненіями, съ подновленіемъ въ языкѣ было напечатано два раза въ

ческих атрибутовъ имѣеть въ рукахъ „сердце горящее стрѣлою пробитое и чашу, на главѣ лавровый вѣнецъ“ ¹⁾. Обыкновенно же чаша—эмблема вѣры ²⁾, такъ и у Державина: I, 71, 76 (рисунокъ и объясненіе къ нему).

Что касается сравненія, употребленнаго Жуковскимъ:

Великій Павелъ, будто Богъ...

то сравненіе это навѣяно было примѣромъ Державина, выразившагося:

Великій Петръ, какъ нѣкій богъ... („Вельможа“. Соч. Держ. I, 628).

и было совершенно во вкусѣ учителя Жуковского Баккаревича; послѣдній въ своемъ отвѣтѣ рецензенту его статьи „Нѣчто о Ломоносовѣ“, упрекнувшему за неумѣренно панегирической тонъ статьи, пишетъ: „Г. рецензентъ первое нападеніе учинилъ на слово полубогъ: можно похвалить человѣка, сколь ни великія имѣлъ бы онъ дарованія, не искажая сего священнаго имени богъ... Удивительно, какъ г. рецензентъ не читалъ ни одного изъ знатнѣйшихъ нашихъ свѣтскихъ авторовъ, начиная отъ Ломоносова до сего времени. Я говорю: не читалъ, иначе онъ нашелъ бы безчисленное множество такихъ мѣстъ, гдѣ слова полубогъ, божественный и самое Богъ, правда всегда кстати, всегда съ оговоркою прилагаются къ человѣку; нашелъ бы, и слѣдовательно, не вздумалъ бы критиковать того, что принято и самими тѣми, которымъ мы только удивляться и, если имѣемъ довольно силы и духу, подражать должны! Сколь часто барды наши, воспѣвая въ гимнахъ своихъ блаженство русскаго народа, виновницу онаго именуютъ богинею, божествомъ, посланницею и наперсницею небесъ? Еще недавно достойный вѣчной славы философо-поэтъ нашъ безсмертнаго преобразователя Россіи представилъ въ слѣдующей картинѣ:

Остава скипетръ, тронъ, чертогъ,
Быть странникомъ въ пыли и потѣ
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Влестѣлъ величествомъ въ работѣ“... ³⁾.

С.-Пб. 1788 и 1811 гг. Н. М. Амбодикомъ. *Пекарскій*, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. II, стр. 112—113. *Буславъ*, Иллюстрація стихотвореній Державина (Мои Досуги, ч. II, стр. 99 и слѣд.).

¹⁾ *Шляпкинъ*, Ужасная измѣна счастоблюбиваго житія съ прискорбнымъ и ничетнымъ (вновь открытая комедія конца XVII вѣка). С.-Пб. 1882 г. стр. 17.

²⁾ Эмблемы и символы, изд. 3-е (1811 г.), стр. XV.

³⁾ Пріят. и под. препр. вр., V, стр. 152—4.

Выписанная цитата, на мой взгляд, съ несомнѣнною указываетъ, что именно Баккаревичъ, вполне раздѣлявшій вкусъ своего времени къ панегирикамъ, навелъ Жуковского на такія темы, какъ обработанныя имъ въ одахъ „Благоденствіе Россіи, устроенное Павломъ I“, или „Могущество, слава и благоденствіе Россіи“, руководилъ и обработкой ихъ, въ качествѣ преподавателя, можетъ быть прямо указывая между сочиненіями авторитетовъ извѣстныхъ мѣста, какъ образцы для подражанія.

Во всякомъ случаѣ, кромѣ стиля, способа выражать идеи, облекая ихъ въ пластическіе образы, у Жуковского замѣтно множество и другого рода подражаній и заимствованій у Ломоносова и Державина. Въ одѣ „Благоденствіе Россіи“, заговоривъ объ оказываемомъ Павломъ покровительствѣ наукамъ и искусствамъ, Жуковский припомнилъ стиль Ломоносова, восхвалявшаго государей за такое покровительство оказываемое или ожидаемое:

Соч. Жуковского I, 2:

И музы Павломъ не забыты:
Онъ имъ отрада и покровъ,
Его порфирой осѣннены,
Онѣ ликують въ тишинѣ.
Ихъ гласы стройны раздаются;
Златыя лиры ихъ звучать:
Онѣ свой жребій ублажаютъ,
Въ восторгъ сладостномъ поютъ:
„О Павелъ! о монархъ любезный!
Подъ сильною твоей рукою
Мы не страшимся бурь ненастья:
Спокойны и блаженны мы“...

Соч. Ломоносова I, 119:

Кастальски музы ликуютъ,
Съ любовью купно торжествуютъ,
И движутъ плесками Парнасъ;
Надежда оныхъ ободряетъ,
Надежда тверда возбуждаетъ
Возвыситъ громко брачный¹⁾ гласъ.
Надежда общаетъ явно;
Онѣ себя съ весельемъ ждуть
Имѣть въ Россіи имя славно
И мздою ободренный трудъ.

Соч. Ломоносова I, 148—149:

Какая свѣтлость обружаетъ
Въ толикой горести Парнасъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь
Щедроты Отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
И къ счастью отверзаетъ дверь...

Музы Жуковского общаютъ Павлу поэтическую награду въ

¹⁾ Ода писалась „на торжественный день брачнаго сочетанія“ Петра III и Екатерины.

тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ Ломоносовъ, Державинъ изъявляли свою готовность воспѣвать своихъ героевъ:

Жуковский:

Ты царствуй—мы дѣла прославимъ
Твой въ грядущи времена;
Изъ лучезарныхъ звѣздъ созиждемъ
Безсмертія тебѣ вѣнецъ.

Ломоносовъ, I, 140:

Парящей Поезіи ревность
Дѣла твои произнесетъ;
Ни гнѣвъ стихій, ни ветха древность
Похвалъ твоихъ не пресѣчетъ...

Державинъ I, 149 („Фелица“):

Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

Держ. I, 168 („Видѣніе Мурзы“):

Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ!

„Вѣнецъ изъ лучезарныхъ звѣздъ“ напоминаетъ эмблематическій рисунокъ Державина къ его одѣ „Побѣдителю“, изображающій „вѣнецъ вѣчности, носящійся на высотѣ“: на темномъ фонѣ облаковъ семь свѣтлыхъ звѣздъ расположены въ видѣ вѣнка (Соч. Держ. I, стр. 232, 235); срв. подобный же рисунокъ къ одѣ „На кончину благотворителя“, изображающій звѣздный „безсмертный вѣнецъ добродѣтели, и самый мракъ освѣщающій“ (ib., стр. 703, 708),—или рисунокъ къ Памятнику“ (ib. стр. 788).

Въ одѣ „Благоденствіе Россіи“ Павелъ уподобленъ Богу; сравненіе это заставило юнаго поэта вспомнить оду Державина „Богъ“, и онъ не задумался. характеризуя благую дѣятельность Павла, вклейте, ради вящей красоты слога, два стиха, выкроенные изъ нѣсколькихъ строчекъ знаменитой оды:

Онъ (Павелъ) все содержитъ, устрояетъ,
Хранитъ все, движитъ и живитъ. (Соч. Жуков. I, стр. 2).

Срв. Державинъ, I, стр. 196—197:

Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ...
Ты цѣль существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь...

Матеріалъ для дальнѣйшей характеристики царствованія Павла дали Жуковскому главнымъ образомъ оды Державина: „На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока“, „Фелица“ и „Изображеніе Фелицы“:

Онъ (Павель) подѣ вѣнцомъ былъ человекъ;
О поданныхъ, какъ чадахъ, пелся,
Для нихъ, для нихъ лишь онъ и жилъ.
Гнушался лести и коварства;
На тронѣ истинѣ внималъ;
Для блага общаго покоемъ
Онъ собственнымъ не дорожилъ. (Соч. Жуков. I. стр. 2).

У Державина („На рожд. порф. отрока“, I, стр. 84) одинъ изъ геніевъ, привѣтствующихъ новорожденнаго будущаго императора Александра Павловича, говорить:

Будь страстей своихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человекъ!..

Въ „Изображеніи Фелицы“ (I, стр. 289) читаются такія строки:

Народъ счастливый и блаженный
Великой бы ее (Фелицу) нарекъ,
Поднесъ бы титла ей священны,
Она-бъ рекла: „Я человекъ“.

Въ „Фелицѣ“ (I, 133):

Не дорожа своимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь.

Тамъ же (Стр. 142):

Еще же говорятъ, не ложно,
Что будто всегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Сообразно съ установившимися понятіями, Жуковский заключаетъ свою оду „Благоденствіе Россіи“ пышнымъ обращеніемъ къ своимъ

товарищамъ—пансіонерамъ, слушавшимъ его декламацію на пансіонскомъ актѣ, и приподаеть имъ „нравоученіе“ (Срв. Державинъ, VII, 568):

А вы, избранныхъ Россюв чада!
Отечества надежда, цвѣты!
Растите, въ силахъ укрѣпляйтесь,
Учитесь сердцемъ Павла чтить, и проч. (Соч. Жуковскаго, I, стр. 2).

Обращеніе это напоминаетъ собой знаменитое воззваніе Ломоносова:

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество изъ нѣдръ своихъ, и проч. (Соч. Ломон. I, 152).

Припоминается подобное же обращеніе Ломоносова къ учащейся молодежи и въ заключеніи его Похвальнаго слова имп. Елисаветѣ Петровнѣ: „О коль вождельнно благополучіе Ваше, Россійскіе юноши, которые толикою милостію щедрыя Государыни питаемы, въ радостныхъ трудахъ упражняйтесь! Со благоговѣніемъ внямайте, что августѣйшая императрица, довольствуя васъ своею казною, матерски повелѣваетъ: обучайтесь прилежно; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣреніе моихъ Родителей, сего мое произволеніе требуетъ“ (Соч. Ломон. IV, 269).

Обращеніе къ молодымъ товарищамъ повторяется у Жуковскаго и въ заключеніи его оды „Добродѣтель“ („Отъ свѣта свѣтовъ лучъ излился“):

О вы, подобье юныхъ кринювъ!
Въ васъ пламень бодрости горить,
Въ васъ зрю я доблесть славяниновъ—
Учитесь добродѣтель чтить!.. (Соч. Жуков., I, стр. 5).

Трудно думать, чтобы эти заключенія одъ Жуковскаго возникли не подъ влияніемъ именно приведенныхъ мѣстъ Ломоносова, такимъ горячимъ почитателемъ котораго былъ Баккаревичъ, учившійся у Барсова и учившій Жуковскаго: стиль, тонъ обращеній одинаковый; сущность же нравоученія у Жуковскаго измѣнена соотвѣтственно обстоятельствамъ.

Такимъ образомъ, первая изъ разсмотрѣнныхъ мной одъ юноши Жуковскаго производитъ приблизительно такое же впечатлѣніе, какое получилъ воспитатель С. Т. Аксакова отъ его „Письма къ пріятелю о красотахъ весны“ (см. выше, стр. 78): *Благоденствіе Россіи* представляеть спайку образовъ и мотивовъ, заимствованныхъ то у Ломоно-

сова, то у Державина. О проявленіи самодѣтельности въ подобнаго рода творчествѣ не можетъ быть и рѣчи: и форма и содержаніе всецѣло зависѣли отъ школьной теоріи и отъ образцовъ.

Однородно съ первой одой по темѣ стихотвореніе Жуковскаго подъ названіемъ „Могущество, слава и благоденствіе Россіи“ (т. I, стр. 5—7), которое декламировалось на пансіонномъ актѣ въ декабрѣ 1799 г., т. е. черезъ два года послѣ „Благоденствія Россіи“.

Вліяніе школьной теоріи и авторитетныхъ образцовъ не дало возможности юному поэту прогрессировать. Стихотвореніе проникнуто холодной, безжизненной риторикой и даетъ рядъ образовъ въ томъ же „монументальномъ“ стилѣ и картинѣ, происхожденіе которыхъ—отнюдь не впечатлѣнія дѣйствительности, а стремленіе „превознести, прославить“; Жуковскій продолжалъ итти вслѣдъ за тѣми поэтами, которые представлялись ему въ традиціонномъ образѣ, нарисованномъ въ этомъ же стихотвореніи:

Въ вроткой, мирной тишинѣ,
Исполнясь духомъ Аполлона,
Поэтъ восторгъ небесный свой
Чертамп пламенными пишетъ. (Соч. Жуков., ред. Арханг. I, 6).

Впослѣдствіи этотъ образъ былъ дополненъ Жуковскимъ присоединеніемъ необходимаго атрибута—лиры: второй стихъ приведеннаго отрывка былъ замѣненъ стихомъ:

На лирѣ золотой бряцая... (Соч. Жуков., ред. Ефремова, изд. 8-е, ч. I, стр. 16).

Получился образъ поэта совершенно въ стилѣ Ломоносова, Державина,—образъ, долгое время державшійся въ нашей поэзіи, дожившій до Пушкина, который воспользовался имъ въ знаменитомъ стихотвореніи „Чернь“:

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой рязсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ, и проч.

Такъ представлялъ себѣ, очевидно, Жуковскій поэта, слагателя торжественныхъ одъ, — образъ очень далекій отъ меланхолическаго пѣвца, который выступить въ „Сельскомъ кладбищѣ“. Жуковскій, по видимому, хотѣлъ и самъ уподобиться вдохновенному служителю Аполлона,—только паоось, такъ сильно чувствующійся въ одахъ Ломоносова, Державина, остался совершенно чуждъ молодому ихъ поклоннику и подражателю.

Россія, возсѣдая на лучезарномъ тронѣ, „что полвселенной на столпахъ“, озираеть и показываетъ своему сыну, „прелестному юношѣ“, области, подвластныя ея скиптру:

Воззри на мощь мою, на славу,
Мои сокровища исчисль;
Смотри: тамъ Бельтъ пространнй воеть,
Тамъ гнѣнится шумящій Понть,
Тамъ льдистый океанъ волнится...
Здѣсь Волга бѣлыми струями
Катится по полямъ, лугамъ...
Тамъ Донъ влубится, Днѣпръ бунтуетъ;
Уральскихъ исполиновъ рядъ
Дѣлитъ тамъ Азію съ Европой...
Сибирь, хранилище сокровищъ,
Здѣсь возвышаетъ свой хребетъ;
Херсонъ гордится тамъ плодами,
Прельщающими взоры, вкусъ.
Цвѣтеть обиліе повсюду!
На тучныхъ пажитяхъ, лугахъ
Стада безчисленны пасутся;
Покрыты власами, поля
Струятся, какъ моря златыя;
Весельемъ дышущъ земледѣль
При полныхъ житницахъ ликуеть.
Тамъ села мирныя мои;
Тамъ грады вѣрные, цвѣтущи;
Москва, Петрополь и Казань
На брегѣ быстрыхъ рѣкъ, гнѣсистыхъ,
Главы подъемлютъ къ облакамъ.
Повсюду, въ ратномъ украшенъи,
Блещаютъ воинства ряды...
На влагѣ бурныхъ океановъ
Летаютъ въ грозныхъ строяхъ флоты...
Отъ всѣхъ вселенныя предѣловъ
Плывутъ съ богатствомъ корабли...
Отъ всѣхъ земли предѣловъ, странъ,
Народы мнѣ приносятъ дани...
Тамъ въ храмахъ, музамъ посвященныхъ,
Текутъ для юношей струи
Премудрости, правоученья...
Вездѣ блеститъ лучъ просвѣщенья!..

Се образъ радостной Россіи! (Соч. Жуков., ред. Арханг. I, 5—6).

Въ основѣ этого изображенія „радостной Россіи“ лежатъ Ломоносовскія картины, которымъ, видимо, подражалъ Жуковский. „Слово

похвальное императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ“ начинается такимъ приступомъ:

„Есть ли бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели. . . . возможно было намъ радостію восхищеннымъ вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго ея (имп. Елисаветы) владычества.—коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ, крѣпче миромъ нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ плодородіемъ благословенныхъ, при моряхъ отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобиліемъ протекающихъ между веселящимися берегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностью украшенныхъ, на горахъ верхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ радостію препоясанныхъ, разные обитатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпіемъ, разные племена разными языками, едина превозносятъ, о единой веселятся, единою всемилостивѣйшею своею самодержицею хвалятся! Тамъ со благоговѣніемъ предстоя алтарю Господню чинъ священный съ куреніемъ благоуханій возвышаетъ молитвенные гласы и сердце свое къ Богу... Индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружія достигаютъ до облаковъ торжественные плески Россійскаго воинства... Тамъ сошедшихъ на праздничное пиршество градоначальники и граждане. . . . Индѣ по прошествіи плодоноснаго лѣта *при полныхъ житницахъ ликуя* ¹⁾ скачутъ земледѣльцы. . . . Тамъ плователи, покоясь въ безопасномъ пристанищѣ, въ радости волненіе воспоминаютъ. . . . Всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами... Ободрить начинающія науки, утвердить ихъ благосостояніе, отворить имъ къ себѣ свободный доступъ—есть толь великое благодѣяніе, которое въ мысляхъ и сердцахъ наши во вѣки неизгладимо пребудетъ“ (Соч. Ломон. т. IV, стр. 250—252).

Въ одѣ Жуковскаго мы видимъ то же самое обозрѣніе Россіи съ высоты, видимо воспроизводящее, даже до буквального повторенія выраженій, отрывокъ изъ панегирика Ломоносова. На разработку Жуковскимъ деталей, видимо, повліяли, слѣдующія мѣста изъ оды Ломоносова:

Возри на горы превысоки,
Возри въ поля твои широки,

¹⁾ Выраженіе буквально повторенное Жуковскимъ.

Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течеть.
Тамъ Лена чистою водою,
Какъ Ниль, народы напоеть...
...Густостью животнымъ тѣсны
Стоять глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не утрапалъ...
Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣбѣ подобенъ океанъ...
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ (Соч. Ломоносова, I, 149—151)
Коль нынѣ радости Россіи!
Она, коснувшись облаковъ,
Конца не зреть своей державы;
Гремящей насыщенной славы,
Поконится среди луговъ;
Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ,
Своими чистыми струями
Шума стадамъ наводятъ сонъ,
Сидитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хипровъ отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ
И вдругъ довольства исчисляеть,
Возлегли локтемъ на Кавказъ.
Се нашею, репла, рукою
Лежитъ поверженный Азовъ...
Се знойные Иранскіе бреги...
Въ моей послушности крутятся
Тамъ Лена, Обь и Енисей...
Здѣсь Днѣпръ хранитъ мои границы...
Въ стѣнахъ Петровыхъ протекаетъ
Полна веселья тамъ Нева...
Сіе Россія восхищена
Въ веселіи своемъ гласить. (Соч. Ломоносова, I, 186—188).

Обратимся къ той части оды Жуковского, гдѣ онъ исчисляеть
„дани“, приносимыя Россіи разными народами:

Богатый Альбіонъ приноситъ
Своихъ избытковъ лучшую часть:
Волнистую шерсть и шелкъ тончайшій
Несетъ съ востока оттоманъ;
Арабъ коней приводитъ быстрыхъ,
Китай фарфоръ и мускъ приноситъ,
Моголецъ шлетъ алмазы, рубины и проч. (Соч. Жуковский, I, 6).

Стихи эти представляютъ собственно перифразъ и распространеніе извѣстной лѣтописной рѣчи Святослава о Переяславцѣ, которая Жуковскому должна была стать извѣстной по „Древней Россійской исторіи“, Ломоносова; здѣсь читаемъ:

„Въ Кіевѣ жить мнѣ не нравно (говорилъ Святославъ), затѣмъ пойду на Дунай въ Переяславецъ, гдѣ середина моего владѣнія, и всякое изобиліе ко мнѣ собирается: изъ Греціи серебро, золото и паволоки, вино и овощи различныя, изъ Богеміи и Венгріи серебро и кони, изъ Россіи мягкая рухлядь, воскъ, меды и люди“. (Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова, С.-Пб. 1794 г., ч. 5-я, стр. 174).

При обработкѣ и развитіи этой темы Жуковский имѣлъ передъ собой образецъ въ стихахъ Державина,—въ „Описаніи Потемкинскаго праздника“:

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато и серебро;
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Тряся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ несли тельцовъ и дичь;
Вѣпчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшись, въ толазны, аматисты
Лилъ губки медъ златый, дровъ искрометный соевъ,
И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфоръ, кристалъ чужія питья, сѣди,
Носила по гостямъ... (Соч. Держ. I, 417).

Отрывокъ „Описанія Праздника“ съ этими стихами былъ напечатанъ въ карамзинскомъ „Московскомъ Журналѣ“ 1792 г., ч. VI, стр. 3 и слѣд.

Представивъ „образъ радостной Россіи“ въ настоящемъ, Жуковский бросаетъ взглядъ на ея прошлыя судьбы:

Но нѣкогда густая тьма
Какъ ночь поверхъ ея (Россія) носилась.

Это были времена язычества; св. Владиміръ

Простеръ свой скиптръ державный, мощный—
И кроткій христіанства лучъ
Блеснулъ во всѣхъ концахъ Россіи...

Припоминаются пережитыя бѣдствія:

Стенала нѣкогда въ оковахъ
Россія подъ пятой враговъ,
Ее Сармать и Скандинавъ
Тягчили скипетромъ желѣзнымъ:
Москва съ понижею главой
Подъ игомъ рабства унывала...

Но—

Явился Петръ—и яго бѣдствій
Престало россовъ отягчать...

Этотъ приемъ—обращаться къ историческимъ воспоминаніямъ—нѣсколько разъ встрѣчается у Ломоносова, напримѣръ, въ „Похвальномъ словѣ Елисаветѣ“, подъ ближайшимъ вліяніемъ котораго, повидимому, и употребленъ Жуковскимъ въ данной одѣ, отразившей и въ большей своей части вліяніе того же „Слова“: Ломоносовъ вспоминаетъ царей Михаила, Алексѣя, Петра Великаго, Екатерину I (соч. Ломон. IV, 254—555); въ одѣ 1741 года Іоанну III онъ вспоминаетъ призваніе Рюрика съ братьями, Игоря, св. Владиміра, который

Кумировъ мерзкихъ мракъ прогналъ,

побѣду Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ (соч. Ломон. т. I, 28); воспоминанія о прошломъ находимъ и въ одѣ 1754 г. на Рожденіе Павла Петровича (т. II, стр. 123—124), во второй пѣсни поэмы „Петръ Великій“ (т. II, стр. 205—206).

Строфа, прославляющая Петра, также носитъ слѣды зависимости отъ Ломоносова; Жуковский:

Явился Петръ—и яго бѣдствій
Престало россовъ отягчать;
Какъ холмъ, одѣтый тѣнью ночи,
Являющійся съ юнымъ днемъ:
Такъ все весельемъ озарилось;
Главу Россія подняла:
Престоль ея, вознесшись къ небу,
Разсыпалъ на вселенну тѣнь;
Ея Албиды загремѣли;
Кичливый врагъ упалъ, исчезъ...

Ломоносовъ, „Похвальное слово Елисаветѣ“ (IV, 255): „...представилъ бы я Петра, именемъ Великаго, дѣлали большаго, вліянною себѣ отъ Бога премудростію просвѣщающаго Россію и мужествомъ вселенную устрашающаго, единою рукою мечъ и скипетръ обращающаго,

къ художествамъ простирающаго другую, — искореняющаго невѣжество и науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю и море новымъ флотомъ покрывающаго, и славу свою со славою отечества до небесъ возносящаго“...

Или въ одѣ 1747 г. (т. I, стр. 147):

Зиждитель міра — —
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Съвозъ всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ погранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ... и др.

Вся ода Жуковского, такимъ образомъ, какъ вытекаетъ изъ сдѣланныхъ сопоставленій, выткана по чужой канвѣ, чужими узорами, изъ чужихъ матеріаловъ.

Для пансіонскаго публичнаго акта, происходившаго въ декабрѣ 1800 года, Жуковский приготовилъ оду „Миръ“ (Соч., I, стр. 8—9).

Тема этого стихотворенія—изображеніе благодѣтельности мирнаго времени—была одною изъ любимыхъ темъ Ломоносова; взявшись за обработку этого мотива, Жуковский долженъ былъ припомнить соотвѣтствующія мѣста у Ломоносова (ему въ этомъ, конечно, помогъ и Баккаревичъ),—и въ стихахъ нашего юнаго поэта, естественно, оказываются отзвуки его образа.

Ломоносовъ:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сель, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Держають въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.

Далѣе въ одѣ восхваляется Елизавета, возстановившая миръ и давшая этимъ возможность развиваться наукамъ:

Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаеть,
Довольство Музы усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь... (Соч. Ломон. I, стр. 145,
149).

Подобныя же мысли высказываются Ломоносовымъ и въ другихъ мѣстахъ: см., напримѣръ, оду 1742 года (I, 98), стихи на фейерверкъ ко дню тезоименитства государыни въ 1753 г. (II, 106—107) и др.

Жуковский:

Гдѣ онъ (миръ)—тамъ вѣчное веселье обитаетъ,
Тамъ челоуѣчество свободно процвѣтаетъ...
Тамъ нивы жатвою покрыты золотою;
Тамъ въ селахъ царствуетъ довольство съ тишиною;
Спокойно грады тамъ въ поля бросаютъ тѣнь;
Тамъ счастье навсегда свою воздвигло сѣнь:
Оно лишь съ миромъ сопряжено.
Тамъ мирно старецъ дней закатомъ веселится...
Тамъ музы чистыя, увѣнчаны оливой,
Веселымъ пѣніемъ возносятъ дни счастливы... (Соч. Жуков., I, 8—9).

Отношеніе Жуковского къ Ломоносову и Державину въ пансіонскій періодъ представляется такимъ: изъ сочиненій того и другого нашъ поэтъ ученически заимствовалъ образы, выраженія, иногда цѣлыя пассажи, и пользовался этими заимствованными матеріалами, какъ элементами для построения и украшенія собственныхъ стихотвореній. При этомъ, такъ какъ эта группа стихотвореній Жуковского носить характеръ парадныхъ одъ, назначавшихся для торжественной декламации на пансіонскихъ актахъ, то тотъ элементъ державинскихъ одъ, который приближалъ ихъ къ дѣйствительной жизни, именно элементъ сатирической, естественно, не могъ найти отраженія въ стихахъ Жуковского; послѣдній заимствовалъ лишь торжественные аккорды и мелодіи громкозвучныхъ лиръ корифеевъ старой нашей поэзіи. Этою стороною и примыкаетъ Жуковский къ старому псевдо-классическому періоду, къ группѣ тѣхъ стихотворцевъ державинской школы, которые, въ родѣ Рубана, даже въ бѣдственный неурожайный 1786 годъ продолжали воспѣвать „безсмертную славу героев“, „цвѣтущее состояніе Россіи“¹⁾.

Въ подобномъ же отношеніи къ Ломоносову и Державину стоятъ,

¹⁾ *Тихомировъ*, Литературныя мелочи неурожайнаго года. Соч. т. III, ч. I, стр. 205, примѣч. 55, 56.

въ силу тѣхъ же причинъ (обязательнаго подражанія образцамъ), и литературные опыты пансіонскаго товарища Жуковскаго Семена Родзянки. Его статейка въ прозѣ *Нощное размышленіе о Боѣ* ¹⁾ во многихъ мѣстахъ перифразируетъ то ломоносовское *Вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ*, то державинскую оду *Боѣ*:

„Лазурный сводъ, усѣянный блестящими звѣздами, служить мнѣ покровомъ; смотрю на безчисленное множество міровъ — смотрю, и око мое теряется въ неизмѣримомъ пространствѣ воздушнаго океана... Во всемъ вижу премудрость Міроправителя, и умъ мой теряется, какъ капля въ безднѣ водъ, когда дерзновенная мысль моя стремится воспарить къ Нему... О Боже! сколь непостижимъ Ты въ своихъ твореніяхъ, сколь Ты великъ, премудръ, благъ! Передъ Тобою вращается безчисленное множество свѣтящихся міровъ; но есть ли бы Ты создалъ еще мириады оныхъ, то всѣ они передъ Тобою, Непостижимый, едва-едва пылинка! Они текутъ исполняя Твои законы... Ты содержишь сіа мириады во всемогущей Твоей десницѣ... Слабыя уста смертныхъ не возмогутъ въ самой вѣчности достойно восхвалять Тебя“...

Срав. у Ломоносова:

Открылась бездна, звѣздъ полна,
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Песчинка какъ въ волнахъ морскихъ—
Такъ я, въ сей безднѣ углублень,
Теряюсь, мыслями утомлень...
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ,
Несчетны солнца тамъ горять...

У Державина:

Свѣтилъ возженныхъ миллионы
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы...
Какъ капля, въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія...
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа миллиономъ
Собравъ другихъ міровъ, и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Все будетъ точкою одною...
Ты цѣль существъ въ себѣ вмѣщаешь
Ее содержишь и живишь...

¹⁾ Пр. и пол. препр. вр., ч. XX, М. 1798, стр. 267 и сл.

Неизяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей...

Отзвуки той же оды Державина слышатся и въ другой статейкѣ Семена Родзянки; *Величество Божіе* ¹⁾:

„Разумъ, сердце, совѣсть вѣщаютъ мнѣ: безконечно премудрый, всемогущій, всеблагій Духъ, Котораго смертные именуютъ Богъ — Тотъ все зиждетъ, живитъ, наполняетъ!... Когда духъ мой на дерзостныхъ крыліяхъ воображенія стремится воспарить къ Его Престолу, — тогда, подобно легкому дымному облаку, теряется, исчезаетъ... Что я передъ Тобою, о Источникъ всей твари? Я атомъ, едва зримый въ семь мірѣ,—а передъ Тобою—ничто“...

У Державина:

Ты еси! — природа чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ...
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ Богъ...
Лишь мысль къ тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ...
И что передъ Тобою я?...
А я передъ Тобой—ничто...

Образы, которыми пользуется Семень Родзянка, восходятъ къ тому же источнику, откуда черпалъ и Жуковский.

Ясно, что данная группа произведеній Жуковского и Семена Родзянки, по литературной манерѣ, принадлежитъ къ одной и той же школѣ, зависитъ отъ традиціи литературнаго стиля нашихъ старыхъ писателей.

VIII.

Литературное направленіе склада учебной жизни въ Благородномъ Пансіонѣ составляло видную черту этого учебнаго заведенія. Уже на школьной скамьѣ воспитанники отдавали свои досуги литературнымъ трудамъ и печатали эти свои опыты.

Явленіе это не было однако чѣмъ-либо исключительнымъ. Уча-

¹⁾ Тамъ же, XX, стр. 273.

щаяся молодежь въ XVIII в. не разъ выступала въ качествѣ литературныхъ дѣятелей: студенты университета при академіи наукъ въ качествѣ обязательныхъ сотрудниковъ принимали участіе въ первомъ русскомъ популярномъ журналѣ, возникшемъ по приказанію гр. Разумовскаго, президента академіи наукъ, подъ редакціей историка Миллера и называвшемся „Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служація“ (1755—1764); группа воспитанниковъ знаменитаго въ исторіи русскаго театра Шляхетскаго кадетскаго корпуса (Сумароковъ, Елагинъ, Нартовъ, Херасковъ, Порошинъ) завела свой еженедѣльный журналъ — „Праздное время, въ пользу употребленное“ (1759—60); одинъ изъ членовъ этого кружка, Херасковъ, переселившись въ Москву, навербовалъ среди воспитанниковъ только что открытаго тогда Московскаго университета сотрудниковъ и при ихъ дѣятельномъ участіи издавалъ одинъ за другимъ два журнала: „Полезное увеселеніе“ (1760—1762) и „Свободные часы“ (1763) ¹⁾.

Воспитанники Благороднаго Пансіона въ 1787 г. выпустили сборникъ подъ названіемъ *Распускающійся Цвѣтокъ, или собраніе разныхъ сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ типоюцами учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Вольнаго Благороднаго Пансіона. Москва. Въ университетской типографіи у Н. Новикова. 1787.* Составлялся этотъ сборникъ подъ наблюденіемъ одного изъ замѣчательныхъ даровитыхъ предшественниковъ карамзинскаго періода В. С. Подшивалова и товарища его по университету М. Снѣгирева ²⁾ и имѣетъ тотъ же характеръ, что и выше названныя изданія.

Образцомъ и въ значительной степени источникомъ первыхъ русскихъ журналовъ была журналистика европейская съ ея прототипомъ—англійскими журналами Адиссона и Стиля („the Tatler“, „the Spectator“, „the Guardian“) во главѣ. По примѣру европейскихъ редакторовъ, и русскіе сочинители стремились служить то „пользѣ“, то „увеселенію“ своихъ читателей, и одни изъ этихъ ученическихъ (въ полномъ смыслѣ этого слова) подражаній, переводовъ и заимствованій проникала всегда нравоучительная тенденція, мораль, другія—отличались характеромъ болѣе легкимъ, сатирическимъ, любовнымъ. Такой типъ періодическихъ изданій упрочился на русской почвѣ; въ 1788—89 гг. въ Петербургѣ издавались, напримѣръ, журналы: „Утренніе

¹⁾ Милоковъ, Очерки по исторіи русск. культуры, ч. III; вып. 2, стр. 238.

²⁾ Неустроевъ, Ист. разыск. о русс. повремен. изд. С.-Пб. 1874, стр. 556.

часы“ (части I—IV), гдѣ между прочимъ сотрудничалъ тотъ же Подшиваловъ ¹⁾, „Бесѣдующій Гражданинъ“ ч. I—III. С.-Пб. 1789 ²⁾, и др. „Утренніе часы“ задавались пѣлью издавать „разныя статьи въ стихахъ и прозѣ, заключающія въ себѣ 1) побужденія къ добродѣтели, 2) нравоученія, 3) пріятныя и забавныя анекдоты, 4) острые и замысловатыя шутки, 5) справедливыя, невредныя, и ни до кого лично не касающіяся критики, 6) черты великодушія и добродѣтельныхъ поступковъ, 7) любопытныя происшествія, изображающія торжество добродѣтели и гнусность пороковъ,—однимъ словомъ все то, что можетъ служить къ поощренію великодушныхъ и челоуѣколюбивыхъ дѣяній“... На страницахъ этого изданія и появились такія статьи, какъ *О благодѣяніи* (ч. I, стр. 23), *Правосудіе* (стр. 27), *Жизнь и смерть челоуѣческая* (стр. 29), *О пользѣ и необходимости нравственной науки* (стр. 33), *Торжественная пѣснь Екатерины II* (стр. 101), *О величествѣ Божіемъ, о ничтожествѣ земныхъ вещей и о челоуѣкѣ* (ч. II, стр. 3), басни, сонетъ: *Любите истину* (стр. 192) и т. под.

„Бесѣдующій Гражданинъ“ предлагалъ своимъ читателямъ „анекдоты, повѣстующіе приключенія съ людьми, оды, воспѣвающія дѣла или качества похвальныя или поносныя, изображенія добродѣтели или порока, дифирамбы, сонеты, мадригалы, идилліи, еклоги, элегіи, сатиры“ и т. под.: *Размышленія челоуѣка при восхожденіи солнца* (ч. I, стр. 95), *Пѣснь Богу* (стр. 98), *Ода пройству* (стр. 71), *Разсужденіе о воспитаніи вообще* (стр. 101), *Элегія на сельское кладбище Грея* (ч. III, стр. 138), и т. п.

Въ этомъ же родѣ и составѣ „Распускающагося Цвѣтка“.

Сборникъ начинается стихотвореніемъ *Утреннее размышленіе перевед. съ нѣмец. изъ соч. Галлера*, въ которомъ воспѣваются чудеса мірозданія — „творенья щедрыя десницы“ Божьей; заключительная строфа:

Нелостижимый Богъ! мой слабый умъ темнѣеть,
Прости, что я Тебя стремиться пѣть дерзалъ;
Тотъ, Кѣмъ дышетъ все, и Кѣмъ все жизнь имѣть,
Отъ малаго червя не требуетъ похвалъ (стр. 3).

Далѣе слѣдуетъ прозаическая статья: *Средства къ приобрѣтенію мира и спокойствія душевнаго* (переводъ съ французскаго); первыя же слова характеризуютъ тонъ и направленіе статьи:

¹⁾ Объ этомъ изданіи см. *Неустроевъ*, назв. соч., стр. 521 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 534 и слѣд.

„Смертный! вручи себя и все, что до тебя касается, во власть Господа Бога твоего. Въ какомъ бы ты состоянїи ни находился: во мракѣ или свѣтѣ, въ гоненїи или благополучїи, въ тоскѣ или удовольствїи душевномъ, избилень ли ты въ утѣшенїи, богатъ или бѣденъ Его благостями и дарамп; но благодари безпрестанно за Его благость. Сноси терпѣливо, съ кротостїю и даже съ веселїемъ всякіе труды и несчастїя, и будь совершенно увѣренъ, что Онъ любитъ насъ, яко чадъ своихъ, и устроилъ все предвѣчно къ нашему благу“ (стр. 4).

Затѣмъ идетъ рѣчь „о христіанской любви и терпѣнїи“ („Не одного токмо Бога должно любить, но и ближняго“ — стр. 16); рисуются примѣры благотворительности (*Жалующійся Тимонъ*, стр. 48—53), правосудїя (*Примѣръ правосудїя Айдеръ-Али-Хана*, стр. 86—90); сыновней любви (*Ацестъ въ тюрьмѣ*, стр. 110—112); примѣры опасныхъ увлеченїй: любовью (*Салли*, которую любовь и ревность довела до самоубійства, стр. 54—61), карточной игрой (*Печальныя слѣдствїя игры*, стр. 91—103) и т. п.

Но рядомъ съ статьями нравоучительнаго характера нашла себѣ мѣсто и *Ода на выздоровленїе Вельфиры* (стр. 146—152), и любовная Эклога *Сильвія* (стр. 153—161), изображающая любовную тоску пастуха и пастушки и наконецъ ихъ соединенїе:

Тутъ кончались ихъ грусть, забавы начались,
Подъ липою пхъ всѣ желанїя сбылись (стр. 161).

Тутъ же сатирическое стихотворенїе *Влюбленный пѣтъ* (стр. 162—164), котораго отвергаютъ всѣ красотки, такъ что онъ наконецъ

Намѣренъ весьма предпринять чудно:
Понеже безъ любви быть стихотворцемъ трудно,
А чтобы не носить оковъ,
Престать пѣтомъ быть и не писать стиховъ (стр. 164).

Тутъ и пѣсенка *Прелестъ*, и проникнутыя любовной страстью и тоскою идилліи *Четыре времени года, переводъ изъ Понїя* (стр. 166—189) и наконецъ пересказъ извѣстной греческой любовной поэмы *Муся Геро и Леандръ* (стр. 190—214). Есть въ сборникѣ и басни, и эпиграммы, и анекдоты, и восточная повѣсть *Пиниренонъ* и проч.

Вслѣдъ за „Распускающимся Цвѣткомъ“ явилось *Полезное упражненїе юношества, состоящее въ разныхъ сочиненїяхъ и переводахъ, изданныхъ титомцами Вольнаго Благороднаго Пансіона, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ*. Москва. 1789.

Изданіе было посвящено П. И. Фонъ-Визину, директору Московскаго университета. Въ посвященіи издатели говорили:

„Юные умы и сердца наши, подъ покровительствомъ Вашего Превосходительства образующіеся, давно уже восхищались желаніемъ хотя частію исполнить долгъ обязанности за бдительное попеченіе о нашемъ воспитаніи. Предубѣжденные сею мыслию осмѣливаемся посвятить Вашему Превосходительству сіи опыты посильныхъ своихъ усѣховъ, какъ вѣрный знакъ нашей признательности“.

Сборникъ открывается нравоучительнымъ стихотвореніемъ: *Златія изреченія Пивагоровы, съ нѣмецкаго перевода г. Глейма на російскій языкъ преложенныя* (стр. 1—7). Здѣсь читатель встрѣчаетъ наставленія: Почитай боговъ; чти героевъ духа и мысли; люби всѣхъ людей, будь другомъ добродѣтельныхъ, разорви союзъ съ недостойнымъ другомъ; борись съ своими страстями, преодолѣвай ихъ; цѣни свое достоинство; будь правдивъ; уясняй для себя понятіе объ истинѣ и о лжи;

Соблазну въ злымъ дѣламъ путь въ сердцѣ заграждай!
И дѣлъ и словъ твоихъ цѣль въ пользѣ полагай!

Учись у мудраго; будь умѣренъ въ наслажденіи, въ забавахъ; избѣгай зависти; не будь мотомъ, но не будь и скрягой; подчиняйся всегда разсудку;

Лишь тотъ ревнительный, кто бодрый юный шагъ
Добромъ знаменовалъ, возчувствуетъ въ годахъ
Божественну въ себѣ и сладку добродѣтель!

Къ подвигу высокому стремись,
И чистъ и живъ въ твоихъ желаніяхъ явись,
Да обнаружится природа освященна
Непроницаема для взора ослѣпленна!

Какъ смотрѣли въ то время на значеніе подобнаго рода сборниковъ моральныхъ наставленій, видно изъ одного разсказа въ „Полезномъ упражненіи“, озаглавленнаго *Хорошій подарокъ* (стр. 243—245): Нѣкій графъ Кларинвиль выдалъ замужъ дочь; но „она поступала во многихъ случаяхъ совсѣмъ противно данному ей отъ него воспитанію и совѣтамъ“; тогда онъ подарилъ ей „записную книжку, въ которую положилъ маленькое собраніе нравоученій касательно женщинъ“; нравоученія эти исправили и графиню и ея пріятельницу.

Такимъ, повидимому, взглядомъ руководились и редакторы того времени, давашіе своимъ читателямъ изданія, проникнутыя нравоучительными тенденціями.

Въ „Полезномъ упражненіи юношества“ вслѣдъ за *Златыми изреченіями* идетъ построенное по школьное схемѣ (введеніе—предложеніе—заключеніе) *Разсужденіе о безсмертіи души* (стр. 8—20) и стихи (стр. 20—21) на ту же тему, приводящіе къ выводу:

Мужайся, бодрствуй, человѣкъ!
И въ правотѣ веди свой вѣкъ!
Се способъ въ прахъ не превратится!
Пари, душа моя, держай,
Къ отверстой вѣчности ступай—
Ты можешь тамо водвориться!

Далѣе встрѣчаемъ статьи: *Гордость* (стр. 48—49), гдѣ проводится взглядъ, что „нѣтъ ничего столь чистаго, чего бы гордость не осквернила“, *Стансы добродѣтели* (стр. 265—267):

Превратно счастье и тѣнь,
Богатство тѣнь и суета,
Достоинство чести прѣмѣнно,
А слава громкая мечта.
Едина только добродѣтель,
Едина въ мірѣ семь не прахъ,
Едина счастья содѣтель...

Старикъ (стр. 268—269), передъ смертію дающій наставленіе сыну и его женѣ:

Живите
Какъ жилъ отецъ вашъ всегда,
И правды по стопамъ ходите,
Не знавъ порока никогда.
Любите Бога, ближнихъ, бѣдныхъ...

Еще болѣе, чѣмъ подобныхъ прямыхъ наставленій, встрѣчается въ „Полезномъ Упражненіи“ тенденціозныхъ нравоучительныхъ рассказовъ, небольшихъ повѣстей; таковы, напримѣръ:

Гахо король лапландской (стр. 91—94): Гахо былъ добродѣтеленъ, воздерженъ, силенъ, отваженъ; но потомъ пристрастился къ меду, впервые отвѣдавъ его на охотѣ, найдя дерево съ пчелинымъ ульемъ, потомъ—къ пиву, роскоши, и „геройскій его духъ въ немъ уснулъ“; онъ былъ побѣжденъ норвежскимъ королемъ, и передъ смертію изрекъ мудрое нравоученіе: „Вы, порочнѣйшіе изъ лапландцевъ, припишите всѣ развращенныя дѣла ваши первому шагу къ пороку! Какъ достойно низвергаюсь я рукою врага моего, жертва праздности и роскоши, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ впервые коснулся симъ злѣйшимъ порокамъ,

которые отвлекли меня от воздержности и невинности! Медь, который я, нашедши въ этомъ деревѣ, отвѣдалъ, полюбилъ и всегда ѣлъ, сей медь, а не король норвежской меня побѣждаетъ“.

Мазардъ или Лионецъ, перев. Н. Хлюстинъ (стр. 235—241): Мазардъ былъ простой булочникъ, отличавшійся благотворительностью; онъ раздавалъ безденежно хлѣбъ бѣднымъ работникамъ и безсильнымъ старикамъ... „Итакъ лице сего честнаго человѣка не бывало никогда покрыто туманомъ печали. Онъ поетъ съ утра до вечера, будучи почитаемъ дѣтьми своимъ, коимъ онъ старается внушить правила благотворительности“... Нѣкто укралъ у него два хлѣба; онъ побѣжалъ за воромъ въ его домъ и увидѣлъ, что украдены хлѣбы для голодныхъ дѣтей; булочникъ отдалъ несчастной семьѣ свой кошелекъ, сталъ доставлять имъ хлѣбы ежедневно... „Честные должники, въ знакъ незабвенной памяти сообщая своимъ дѣтямъ булочниково благотвореніе, положили за непремѣняемый законъ, чтобъ потомки сихъ потомкамъ, при всякомъ способномъ случаѣ, старались вспомошествовать, есть ли нужда сего отъ нихъ потребуетъ“...

Добродѣтель сама себя есть награда, пер. съ франц. И. Капорскій (стр. 255—259): Александръ Великій велѣлъ своему любимцу Евистіону выбрать царя для покоренныхъ сидонцевъ; Евистіонъ предлагалъ двумъ знатнѣйшимъ молодымъ людямъ, братьямъ, корону, но они отказались, такъ какъ не были царскаго происхожденія, и указали на одного царскаго родственника, обѣднѣшаго и занимавшагося земледѣліемъ, но человѣка добродѣтельнаго. Онъ и былъ сдѣланъ царемъ. „О изящная добродѣтель! ты единая и при всѣхъ гоненіяхъ торжествуешь, утѣшаешь, наставляешь и увѣнчиваешь кроткихъ почитателей своихъ“.

Награда доброму сердцу, Ивана Пинзова (стр. 314—315): Юноша помогъ измученному старцу вырыть колодезь; онъ открылъ при этомъ кладъ, который и послужилъ ему наградой.

Добросердечіе, пер. Семень Озеровъ (стр. 317—318): Герцогъ Орлеанскій хотѣлъ угостить Людовика XV; рота солдатъ разграбила мясо, назначенное для обѣда; тогда распорядитель обѣда сказалъ: „Я пошлю имъ довольно хлѣба и вина, чтобы они могли лучше съѣсть тѣ мяса“; заключеніе: „доброесердечіе есть источникъ добродѣтелей, а добродѣтель первое услажденіе въ жизни“.

Рядъ статей назначенъ служить для расширенія познаній читателей, напр.:

Физическія изчисленія (стр. 94—96)—статья, сообщающая бѣглыя

свѣдѣнія о быстротѣ вѣтра, звука, скорости свѣта, о величинѣ поверхности частей свѣта и т. п.

Краткое разсужденіе о знатнѣйшихъ и древнѣйшихъ народахъ и владѣніяхъ въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ (стр. 97—102)—статья историко-географическаго характера.

О обычаяхъ германскихъ, перев. съ франц. Алексѣй Кикинъ (стр. 102—114)—этнографическій очеркъ съ ссылками на Тацита.

Предлагается и матеріалъ вообще для болѣе или менѣе занимательнаго чтенія—стихи и проза:

Норстонъ и Сусанна, или коловратность рока, перев. Осипъ Чарнышъ (стр. 114—159): Чувствительная повѣсть о томъ, какъ Норстонъ, сынъ богатаго, но затѣмъ разорившагося купца, переѣхаль въ Нью-Йоркъ, женился тамъ по любви на добродѣтельной Сусаннѣ, имѣлъ троихъ дѣтей; бѣдственное положеніе ихъ усилилось тѣмъ, что Норстонъ поручился за друга, который обманулъ его, бѣжалъ, и Норстону грозила тюрьма. Офицеръ Ионафанъ предлагаетъ Сусаннѣ 200 гиней цѣной ея чести; добродѣтельная, любящая, вѣрная жена отвергаетъ гнуснаго обольстителя; и мужу и женѣ грозитъ тюрьма, дѣтямъ—голодная смерть. Сусанна идетъ просить о помощи, встрѣчается съ Ионафаномъ, падаетъ въ обморокъ, которымъ тотъ и пользуется, и оставляетъ затѣмъ около нея 200 гиней; въ отчаяніи она уплачиваетъ ими долгъ, но и мужа и жену заковываютъ въ кандалы. бросаютъ въ тюрьму, такъ какъ 200 гиней оказались фальшивыми. Отъ потрясенія Сусанна умираетъ, объявивъ судьямъ, откуда у нея эти деньги; Норстонъ отравился; Ионафанъ—фальшивый монетчикъ—схваченъ и казненъ, хотя чувствовалъ угрызенія совѣсти и раскаивался. Повѣсть начинается такимъ вступленіемъ: „Весьма нужно показать человѣку, до какой степени онъ можетъ унизиться, когда не внимаешь гласу совѣсти и разуму; попираетъ ногами естественный порядокъ любви, разрываетъ обузданіе нравовъ и предается неистовству страстей: тогда то онъ покрывается незагладимымъ стыдомъ, дѣлается самымъ звѣрообразнымъ, дикимъ и страшнымъ чудовищемъ. Съ другой стороны, сколько ужасно несчастіе, показывающееся во всей своей чрезвычайности! Оно лишаетъ и самую добродѣтель прямого достоинства и величія, заставляетъ ее въ угодность себѣ обещаться срамнымъ одѣяніемъ порока. Всѣ вспомошествованія человѣческой мудрости слабы съ противоборствованиемъ отразить таковыя нападенія; подъ тяжкимъ оныхъ бременемъ ослабѣваетъ крѣпость тѣлесныхъ силъ, приходитъ духъ нашъ въ уныніе, и не нахо-

дять никакихъ почти знаковъ къ облегченію своей мучительной участи. Единая только надежда, что всемогущій Богъ, какъ правосудный Судія, въ будущіе вѣки наградить за невинное понесеніе тягостнаго ига, удерживаетъ насъ отъ безумнаго отчаянія“...

Братская любовь, перев. съ франц. А. Данилевскій (стр. 190—203): Два брата-англичанина такъ любили другъ друга, что одинъ, встрѣтивъ во время странствій другого въ оковахъ, невольникомъ въ Алжирѣ, рѣшается, чтобы освободить брата, помѣяться съ нимъ участію, становится невольникомъ, а того отсылаетъ въ Англію. Послѣдній достаетъ въ Англіи денегъ и выкупаетъ брата изъ алжирской неволи.

Благодѣяніе, восточная повѣсть, перев. И Выродовъ (стр. 252—255); Разказчикъ, „углубень будучи мыслию о ничтожествѣ чловѣка“, сидѣлъ утомленный подь кедромъ. Солнце зашло. Вдали показался какой-то свѣтъ. Онъ пошелъ на него и попалъ къ почтенному старцу, жившему въ пещерѣ, который сообщилъ ему, что онъ „предопредѣленъ великимъ Магометомъ къ дѣламъ, превышающимъ и самое естество“. Старецъ на другой день далъ ему броню и мечъ и послалъ сражаться съ великаномъ, терзавшимъ какого-то молодого чловѣка. Разказчикъ побѣдилъ великана, убилъ его, и тѣмъ спасъ молодого чловѣка, который оказался его братомъ. Послѣ этого они всѣ трое вели въ пещерѣ жизнь „подь осѣненіемъ ненарушимой радости“.

Турецкая повесть, пер. Ив. Сипягинъ (стр. 356—363): Европейецъ попалъ въ невольники къ турецкому визирю; онъ полюбилъ дочь визиря; она отвѣтила взаимностью. Визирь, опасаясь враговъ, рѣшается бѣжать къ христіанамъ съ дочерью и невольникомъ и поженить ихъ впослѣдствіи. Все было готово къ бѣгству, но враги предупредили визиря, и бѣгство не состоялось.

Любовь, соч. Д. Баранова (стр. 271):

Что нѣжить слухъ мой и живить?

Чѣмъ въ жилахъ кровь моя пылаеть?

Любовь сіе во мнѣ творить,

Мое любовью сердце таетъ...

Въ любви одной считаю я

Веселье, радость и утѣхи и проч.

Разговоръ объ истинномъ благополучіи, пер. съ франц. М. Трохимовскій (стр. 212—227), *Чувствованія при воззрѣніи на восходящее солнце* (стр. 227—229), *Поединокъ или сраженіе собаки съ придвор-*

нѣмъ короля Карла V, о чемъ повѣствуетъ же Сажъ, пер. съ франц. П. Чарнышъ (стр. 319—325), и т. под., а также басни, эпиграммы, идиліи и т. д. ¹⁾.

Въ теченіе 90-хъ годовъ XVIII вѣка отдѣльныхъ сборниковъ литературныхъ опытовъ пансіонеровъ не появлялось; юные авторы печатали свои произведенія въ общихъ тогдашнихъ журналахъ, какъ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“. На страницахъ этого изданія появились и первыя печатныя пьесы Жуковского.

Но Прокоповичъ-Антонскій рѣшился дать литературной дѣятельности своихъ питомцевъ определенное направленіе, которое бы согласовалось съ педагогическими принципами, руководившими Антонскимъ, какъ начальникомъ Благороднаго Пансіона. И вотъ, по примѣру „Общества университетскихъ питомцевъ“, гдѣ Антонскій самъ предсѣдательствовалъ въ бытность свою студентомъ Московскаго университета, при Благородномъ Пансіонѣ возникаетъ также литературное общество, получившее названіе „Собранія воспитанниковъ университетскаго Благороднаго Пансіона“. Общество это и сдѣлалось расадникомъ того литературнаго образованія, которое было отличительной чертой пансіонскаго ученія. Антонскій, хотя и выдвигавшій впередъ теоретически (см. рѣчь „О воспитаніи“) значеніе исторіи, физики и математики въ кругу учебныхъ предметовъ, тѣмъ не менѣе, отнюдь не противодѣйствовалъ—напротивъ, помогаль—развитію этого литературнаго направленія занятій своихъ пансіонеровъ, такъ какъ оно вполне согласовалось съ его педагогическимъ идеаломъ.

Цѣлью „Собранія“, какъ сказано въ уставѣ его ²⁾, было „исправленіе сердца, очищеніе ума и вообще образованіе вкуса“ (§ 1); занятія пансіонеровъ—членовъ „Собранія“ должны были стоять въ томъ, что они „будутъ читать по очереди рѣчи о разныхъ, большею частію нравственныхъ предметахъ, будутъ разбирать критически собственные свои сочиненія и переводы, будутъ судить о примѣчательнѣйшихъ происшествіяхъ историческихъ, а иногда будутъ читать, также по очереди, образцовыя отечественныя сочиненія въ стихахъ

¹⁾ Полный перечень статей, вошедшихъ въ сборникъ „Полез. упражненіе юном.“ см. у *Неустрова*, Историч. разск., стр. 557—558.

²⁾ *Сущиковъ*, Моск. Унив. Благ. Пансіонъ, прил. стр. 37—52. Отъ общества, руководившагося этимъ уставомъ, нужно отличать „Дружеское литературное Общество“, уставъ котораго („законы“) подписанъ учредителями его 12-го января 1801 г. (изданъ Тихомировымъ въ „Сборникѣ Общ. Люб. Росс. Слов. на 1891 г.“ М. 1891. стр. 1—14; здѣсь указана и литература предмета).

и прозѣ, съ выраженіемъ чувствъ и мыслей авторскихъ и съ критическимъ показаніемъ красотъ ихъ и недостатковъ“ (§ 5). „Собраніе“ имѣло свою бібліотеку, составленную подъ наблюденіемъ самого Антонскаго. Вліянію этого общества на питомцевъ Антонскій придавалъ очень большое значеніе, почему посѣщеніе засѣданій его было обязательно (§ 13).

Жуковскій былъ въ числѣ первыхъ членовъ „Собранія“, и конечно сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ работниковъ. Сохранился одинъ изъ протоколовъ засѣданія общества—отъ 18-го мая 1799 г. № 11: предсѣдателемъ здѣсь названъ Жуковскій; онъ произносилъ рѣчь „О началѣ обществъ, распространеніи просвѣщенія и объ обязанностяхъ каждаго человѣка относительно къ обществу“¹⁾. Изъ этого протокола видно, между прочимъ, что Прокоповичъ-Антонскій былъ „членомъ споспѣшествующимъ Собранію“, на обязанности котораго было „споспѣшествовать похвальнымъ упражненіямъ“, и къ которому членамъ „при встрѣчающихся по дѣламъ Собранія нуждахъ можно было относиться“ (§ 19 устава). М. Н. Баккаревичъ былъ другимъ такимъ „почетнымъ споспѣшествующимъ членомъ“.

М. А. Дмитріевъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ: Въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ „цѣли соединенія литературнаго образованія съ чистою нравственностью служило между прочимъ пансіонское общество словесности, составленное изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ воспитанниковъ... Это общество собиралось одинъ разъ въ недѣлю, по средамъ. Тамъ читались сочиненія и переводы юношей и разбирались критически, со всею строгостью и вѣжливостію. Тамъ очередной ораторъ читалъ рѣчь, по большей части о предметахъ нравственности. Тамъ въ каждомъ засѣданіи одинъ изъ членовъ предлагалъ, на разрѣшеніе другихъ, вопросъ изъ нравственной философіи или изъ литературы, который обсуживался членами въ скромныхъ, но иногда жаркихъ преніяхъ. Тамъ читали вслухъ произведенія извѣстныхъ уже русскихъ поэтовъ и разбирали ихъ по правиламъ здоровой критики: это предоставлено было уже не членамъ, а сотрудникамъ, отчасти какъ испытаніе ихъ взгляда на литературу“...²⁾.

Прочитанныя въ „Собраніи“ и исправленные сочиненія предназначались для напечатанія (уставъ, § 9). Съ этою цѣлью возникло особое изданіе: *Утренняя Заря. Труды воспитанниковъ Университетскаго*

¹⁾ Соч. Жуковскаго подъ ред. Ефремова, изд. 8. т. V, стр. 524—525.

²⁾ М. А. Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти, М. 1869, стр. 180.

Благороднаго Пансіона. Первая книжка вышла въ 1800 году; она имѣетъ слѣдующее предисловіе, помѣченное 31 августа 1800 года:

„Нѣсколько молодыхъ благородныхъ людей, воспитываемыхъ подъ надежнымъ руководствомъ благонамѣренныхъ попечителей, для успѣшнѣйшаго образованія своего вкуса и для большаго усовершенствованія себя въ отечественномъ языкѣ, собираются однажды въ недѣлю читать свои сочиненія и переводы, сообщаютъ другъ другу свои о томъ мысли и замѣчанія, и общими взаимными усиліями исправляютъ свои упражненія.

„Число сихъ упражненій теперь довольно велико, и лучшія изъ нихъ рѣшились трудившіяся издать въ свѣтъ подъ именемъ *Утренней Зари*“, и проч.

Эта первая книжка *Утренней Зари* заключаетъ въ себѣ 35 статей, которыя и характеризуютъ направленіе дѣятельности „Собранія воспитанниковъ У. Бл. Пансіона“ за первые годы его существованія.

Книжка открывается одою Жуковскаго „Могущество, слава и благоденствіе Россіи“.

За этою одою слѣдуетъ въ сдѣланномъ Ал. Тургеневымъ прозаическомъ переводѣ „Пѣснь на случай открытія синагоги, сочиненная В. Бинкомъ, семнадцатилѣтнемъ евреемъ“ (стр. 10—15). „Пѣснь“ проникнута набожнымъ чувствомъ всемогущества и премудрости Божіей и по содержанію однородна со статьею С. Родзянки „Нощное размышленіе о Богѣ“ и „Величество Божіе“. Въ концѣ „Пѣсни“ высказываются тѣ же мысли, что и въ концѣ оды Жуковскаго: „Боже страшный и праведный!.. Ты всегда милуешь насъ, ибо позволяешь намъ жить подъ законами лучшаго изъ царей. Ты удѣлилъ монарху нашему лучъ верховнаго Твоего могущества; Ты вооружилъ руку его перуномъ, а въ сердце положилъ сѣмя всѣхъ добродѣтелей. Мы видѣли ее—сію побѣдоносную руку, возстановляющую миръ объ онъ полъ морей, сокрушающую нго рабства чуждаго народа въ странѣ чуждей и возвращающую ему свободу (срв. у Жуковскаго: И царства падшія подъемлетъ). Щедроты сего великаго монарха ліются и на насъ. Подъ кроткою сѣвню порфиры его мы наслаждаемся тишиною“...

Далѣе слѣдуетъ стих. Жуковскаго *Къ Табуллу, на прошедій вѣкъ*. (Стр. 16—17). На стихотвореніи сказалось сильное вліяніе оды Державина „На смерть князя Мещерскаго“:

Давно ли сей любимецъ славы
Народовъ жребіемъ играть?..

Дохнула смерть—что онъ?—Горсть пыли...
Едва на дневный свѣтъ мы взглянемъ—
Уже въ сырой землѣ лежимъ...

Срв. у Державина:

Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть ссережешеть,
И дни мои какъ злая сбѣчь...
Сегодня богъ, а завтра прахъ... и др.

(Соч. Держ. I, 89, 93).

Но основная мысль стихотворенія Жуковскаго—добродѣтель и мудрость даруютъ человѣку безсмертіе—совпадаетъ съ тѣми идеями, въ какихъ Антонскій стремился воспитывать своихъ пансіонеровъ. Жуковскій говоритъ:

Табуль! все подь луною тѣнно!..

Но—

Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями міру быть—
Мы живы въ самомъ гробѣ будемъ!

Четвертая статья—*Къ надеждѣ*, Жуковскаго (стр. 18—21). Это—стихотвореніе въ прозѣ, выражающее мысль, что надежда всѣхъ утѣшаетъ и поддерживаетъ.

На пятомъ мѣстѣ—переводная работа Семена Родзянки *Бесѣда Марка Аврелія съ самимъ собою*¹⁾. (стр. 22—53). Статья представляетъ размышленія объ обязанностяхъ человѣка, гражданина и государя: человѣкъ долженъ быть добродѣтеленъ, мужественъ и терпѣливъ въ бѣдствіяхъ, долженъ свои дѣйствія направлять ко благу и пользѣ человѣчества; государь долженъ заботиться о благѣ, о счастіи подданныхъ, защищать слабыхъ, усмирять буйныхъ, непрестанно трудиться, имѣть твердую волю, чтобы не подчиниться вліянію приближенныхъ, всегда стремиться къ самосовершенствованію, быть добродѣтельнымъ, чуждымъ предразсудковъ и страстей, имѣть свобод-

¹⁾ Entretien de Marc-Aurèle avec lui-même, отрывокъ изъ Eloge de Marc-Aurèle Томаса, члена Французской академіи (Oeuvres complètes de Thomas, t. II, Paris 1825, p.p. 241 ss.). Въ цѣломъ видѣ Eloge перевелъ Д. Н. Фонъ-Визинъ: *Слово похвальное императору Марку Аврелію*, соч. Г. Томаса. С.-Пб. 1777. См. Сопиковъ № 10827; соч., письма и избр. переводы Д. Н. Фонъ-Визина. ред. П. А. Ефремова. С.-Пб. 1866, стр. 619 и слѣд.; Бесѣда Марка Аврелія съ самимъ собою на стр. 624—633. С. Родзянка переводилъ независимо отъ Фонъ-Визина.

ную душу, презирать смерть, потому что „смерть есть не иное что, какъ дѣйствіе жизни, и можетъ быть самое легчайшее; смерть есть конецъ бореній; она есть минута, въ которую ты можешь сказать: наконецъ добродѣтель моя неотъемлема отъ меня! она освободить тебя отъ величайшей опасности—отъ опасности сдѣлаться злодѣемъ“ („Утр. Заря“, стр. 47).

Далѣе слѣдуетъ *Надѣробная Г. С.*, С. Родзянки, общающаяся безсмертье тому, „дѣлами кто себя великими прославилъ“ (стр. 54).

Седьмое мѣсто занимаетъ переведенное съ нѣмецкаго (ближайшій источникъ не указанъ) Михаиломъ Костогоровымъ стихотвореніе въ прозѣ *Дубъ* (стр. 55—58). Воспѣвается красота величественнаго гигантскаго дуба, вершину котораго фантазія поэта возноситъ за облака: „Когда густой туманъ одѣваетъ влажнымъ сумракомъ своимъ вершины прочихъ деревъ, твоя касающаяся небесъ глава позлащается солнечнымъ сіяніемъ. Простершись на мягкомъ мхѣ у подножія твоего, смѣюсь я произвольнымъ безпокойствамъ глуща. Здѣсь свободный духъ мой воспаряетъ превыше міра и времени, и забываетъ скорбь свою“. Псевдоклассическія прикрасы: Наяды, Нимфы, Фавны, Дріады, Борей, Флора, Юпитеръ.

№ VIII: Басня двѣнадцатилѣтняго Ивана Петина *Осель и Левъ на зѣрновой ловль*: довольно нескладный образъ, для подтвержденія мысли, что глупо гордиться тѣми качествами, какихъ не имѣешь.

№ IX: Переведенный Сергѣемъ Фонъ-Визинымъ изъ *Esprit d'Anacharsis* отрывокъ *Весна*; воспѣвается пришествіе весны, когда „каждая минута прилагаетъ новую черту къ красотамъ натуры, и приближаетъ къ совершенію важное дѣйствіе: раскрытіе и оживленіе существъ“. Псевдоклассическіе орнаменты: хороводы Нимфъ, Амуры.

№ X: *Катонъвъ монологахъ изъ Аддисоноваго трагедіи „Катонъ“*, переводъ С. Родзянки. Основная мысль: „Жизнь наша—сонъ! мечта!—а пробужденіе—смерть“ (стр. 65—67).

№ XI: Статья Жуковскаго *Мысли на кладбищѣ* (стр. 68—70). Картина кладбища въ лунную ночь; мысли поэта: „Спите, сыны тлѣнія! еще не время—наступить утро безсмертія; жизненный лучъ его проникнетъ въ сердце міра—и вы возстанете отъ сна своего“.

№ XII: Изъ Ж. Б. Руссо *Письмъ въ честь зимы*, кн. Григорія Ггарина: прославленіе зимы, какъ времени забавъ и наслажденія; стиль—обычный псевдоклассическій. Точный переводъ большей части (безъ трехъ послѣднихъ строфъ) кантаты Ж. Б. Руссо „*Pour l'hiver*“.

№ XIII: *Письмо де ла Гарпа къ Лакомѣн о Ломоносовѣ*, пере-

водъ съ франц. Степана Порошина (стр. 73—81). Краткія свѣдѣнія о Ломоносовѣ; буквальный переводъ на французскій языкъ оды его „Утреннее размышленіе о Божьемъ величествѣ“ и переложеніе этой оды во французскіе стихи, сдѣланное Г. Мьеромъ; цѣль указать оригиналь французскаго стихотворенія, чтобы доказать мысль, что „литература наша издавна извѣстна въ чужихъ краяхъ“: дань памяти высокопочитаемаго русскаго писателя.

№ XIV: Переводъ изъ Мейснера *Опрокинутой дубъ*, Ал. Тургенева (стр. 82). Басня. Мысль: „И Баконъ и Ломоносовы умираютъ!— По крайней мѣрѣ творенія и слава ихъ весьма отличны отъ произведеній и славы какого-нибудь мелочнаго писателя“.

№ XV: Басня изъ Мейснера въ переводѣ П—ра Л—ва *Рафаэлева кисть*: и кисть Рафаэля и кисть его ученика—равны, но не равны руки, владѣющія ими.

№ XVI: Басня И. Петина *Волкъ и журавль*: свободная обработка извѣстной басни Лафонтена.

№ XVII: *Утро*, переводъ съ французскаго С. Порошина: описаніе красотъ природы лѣтнимъ утромъ.

№ XVIII: Изъ Мейснера, переводъ Ал. Тургенева, *Мальчикъ, луна и солнце*; мысль: не должно „никогда вдругъ презирать чело-вѣка, который, будучи помраченъ сильнѣйшимъ, нѣсколько времени не обращаетъ на себя вниманія; когда придетъ его время, то онъ часто появляется съ большимъ сіяніемъ, и дѣлается свѣтильникомъ своего отечества“. Кромѣ того: „Не подвергайся пороку нѣкоторыхъ людей, кои не могутъ похвалить одного не осуждая другого“ (стр. 88—90).

№ XIX: Басня И. Петина *Солнечные часы*; мысль: „счастливыцы міра“, подобно солнечнымъ часамъ, привлекаютъ къ себѣ вниманіе, пока освѣщены солнцемъ (стр. 91).

№ XX: Драматическія сцены изъ Мейснера, переводъ М. Косторова, *Сцилла и Минотъ* (стр. 92—140): наказаніе за нарушеніе долга любви къ отцу, къ отечеству, ради любви къ врагу.

№ XXI: Стихотвореніе С. Родзянки *Страшный судъ*: картина свѣтопреставленія; второе пришествіе; „врата Едемскія для добрыхъ открылись“ (стр. 141—144).

№ XXII: В. П л к ва *Заходящее солнце*: красота природы на закатѣ солнца; пастухъ и пастушка, стада. Мысль о Богѣ. „Ты погасеешь, прекрасная заря! тихо, кротко. Подобно тебѣ скончается христіанинъ, коего жизнь была примѣромъ мудрости и благочестія;

его послѣдній вздохъ—есть вздохъ добродѣтели. Свѣтъ лишится благотворнаго генія своего; но дѣла праведнаго пребудутъ незабвенны—въ сердцахъ“ (стр. 148). Къ такого рода благочестиво-набожнымъ размышленіямъ вело изображеніе красотъ природы (вліяніе Штурма?)

№ XXIII: *Ода на кончину М****, изъ сочиненій Геллерта, перевелъ Л—а Д—въ: неизвѣстность, быстрота и неожиданность смерти; „блаженъ тотъ... кто всегда единое око устремляетъ ко гробу, а другое къ добродѣтели!“ (стр. 150).

№ XXIV: *Подобіе жизни человѣческой, отрывокъ изъ одного англійскаго сочиненія*, М. Кайсарова (стр. 153—159): Жизнь человѣческая, самая должайшая—мигъ, точка въ вѣчности (стр. 159).

№ XXV: *Жуковский, Истинный герой* (стр. 160—162); „Другъ челоуѣчества—вотъ истинный герой, котораго дѣла въ сердцахъ, а слава въ вѣчности“ (стр. 162).

№ XXVI: С. Родзянка, *Слава* (стр. 163—166):

Ученья чистыми струями
Умъ юный, жаждущій питайте,
Добро питайте Вы въ сердцахъ:
Вамъ слава путь въ свой храмъ укажетъ,—

обращается поэтъ къ товарищамъ-мансіонерамъ.

№ XXVII: Изъ *Esprit d'Anacharsis О воображеніи*, С. Родзянки (стр. 167—170).

№ XXVIII: Оттуда же *Объ Астрономіи*, С. Родзянки: безпредѣльность и величіе міра; челоуѣкъ, созерцающій безпредѣльность, участвуетъ въ величіи (стр. 171—173).

№ XXIX: *Экспромтъ И. П. Тургеневу*:

Тургеневъ! Добрыя дѣла не умирають:
Ихъ Богъ и Государь достойно награждають. (Стр. 176).

№ XXX: Рѣчь Помпея къ войску передъ Фарсальскимъ сраженіемъ, изъ Мармонтеля, перев. кн. Гр. Гагарина (стр. 175—178).

№ XXXI: С. Родзянка, *Къ портретамъ кураторовъ университета* (стр. 179—181).

№ XXXII: С. Родзянка, *Разговоръ между философомъ и натурою*, изъ *Questions sur l'Encyclopédie* (стр. 182—188): стройность и величіе природы, премудрость Творца; цѣли бытія—вопросъ, разрѣшимый только Творцомъ.

№ XXXIII: *Надѣробная П. А. С.* (стр. 189).

№ XXXIV: Басня *Кузнечикъ и Муравей*: нѣсколько распротраненный переводъ известной басни Лафонтена (стр. 190—192).

№ XXXV: Рѣчь на актѣ 21-го декабря 1799 г. *О любви къ отечеству* (стр. 193—211): „Любовь къ отечеству есть любовь къ порядку, къ устройству, къ законамъ, къ добродѣтели, къ общему и собственному благу“ (стр. 197). Объ отношеніи ея къ одѣ Жуковского „Могущество, слава и благоденствіе Россіи“ я говорилъ выше.

За первую книжкой „Утренней Зари“ послѣдовало еще пять. Вторая книжка вышла въ 1803 г.; здѣсь помѣщены, между прочимъ, произведенія Жуковского: *Человѣкъ, Миръ, Сельское кладбище, Стихи сочиненные въ день моего рожденія: къ моей мирѣ и къ друзьямъ моимъ*. Третья книжка „Утренней Зари“ явилась въ 1805 г., четвертая—въ 1806 г., пятая—въ 1807 г. и, наконецъ, шестая—въ 1808 г. Литературные труды воспитанниковъ Благороднаго Пансіона составили также сборники, изданные подъ названіями: „И отдыхъ на пользу, или собраніе сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ“, М. 1804 г., и „Въ удовольствіе и пользу“, М. 1810 г. Книжка I.

Такъ ярко выразившееся литературное направленіе Университетскаго Благороднаго Пансіона было весьма благопріятной атмосферой для развитія литературныхъ талантовъ воспитанниковъ. Жуковскій испыталъ это въ полной мѣрѣ.

IX.

Учитель русской словесности въ пансіонѣ, М. Н. Баккаревичъ, поклонникъ Ломоносова и Державина, не принадлежалъ однако къ той категоріи преподавателей-словесниковъ, которые, застывъ на известномъ періодѣ словесности, не хотятъ знать о дальнѣйшемъ ея развитіи, о явленіяхъ текущей, современной имъ литературы; въ противоположность литературнымъ старовѣрамъ, отрицавшимъ Карамзина и его направленіе, Баккаревичъ называетъ издателя „Московского Журнала“ и „Аглая“ *почтеннымъ и любезнымъ для его сердца*¹⁾; онъ сотрудничалъ самъ въ журналѣ, занимавшемъ въ то время самое видное мѣсто среди московскихъ періодическихъ изданій—„Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“, гдѣ и помѣстилъ, между прочимъ, свой сентиментальный рассказъ „Надгробный памятникъ“²⁾. Въ связи съ такими литературными воззрѣніями Баккаревича стоятъ то

¹⁾ Пр. и пол. препр. времени, ч. V, стр. 173.

²⁾ Тамъ же, ч. XVI, стр. 113 и сл.

обстоятельство, что и „Пр. и пол. препровождение времени“ (части I—XX, М. 1794—1798 гг.) и служившая продолженіемъ этого журнала „Иппокрена, или утѣхи любословія“ (части I—XI, М. 1709—1801 гг.) были приняты въ Университетскомъ Пансіонѣ для внѣкласснаго чтенія ¹⁾; здѣсь же, въ этихъ журналахъ, пансіонеры помѣщали и свои собственные молодые литературные опыты.

Характеръ и направленіе этихъ изданій оказали сильное вліяніе на юныхъ читателей, подчиняя себѣ и ихъ писательскія попытки. Такимъ образомъ, примыкая съ одной стороны къ старому направленію нашей литературы, вслѣдствіе зависимости отъ представителей его, какъ образцовъ для подражанія,—Жуковскій съ другой стороны находился въ самомъ руслѣ новаго течения, потокомъ котораго и увлекался вслѣдъ за самымъ виднымъ и вліятельнымъ представителемъ его, Карамзинымъ.

Вліяніе новаго течения Жуковскій испыталъ на себѣ рано. П. Н. Юшковъ выписывалъ „Московскій Журналъ“; на литературныхъ вечерахъ въ домѣ Юшковой, по словамъ Зейдлица, какъ уже знаемъ, „читались и обсуждались всѣ новѣйшія произведенія школы Карамзина и Дмитріева“. Здѣсь прежде всего приходится думать о сборникѣ „Аглая“, выпущенномъ Карамзинымъ въ двухъ книжкахъ въ 1794—1795 гг., а въ 1796 г. вышедшемъ вторымъ изданіемъ,—а затѣмъ о такихъ изданіяхъ, какъ журналы: „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій“ (1791—1793 гг.), „Приятное и полезное препровождение времени“, гдѣ сотрудничалъ Ѳ. Г. Покровский, человекъ вліятельный въ домѣ Юшковыхъ ²⁾.

И „Пр. и пол. препровождение времени“, издававшееся Подшиваловымъ и Сохацкимъ и бывшее продолженіемъ „Чтенія для вкуса, разума и чувствованій“ ³⁾,—и „Иппокрена, или утѣхи любословія“ продолжали развивать то же новое, такъ называемое „карамзинское“ литературное направленіе, говоритъ Тихонравовъ ⁴⁾. Рядомъ съ сентиментализмомъ здѣсь выступаютъ идиллическія мечтанія, рисуются идиллическія картины пастушескаго быта и „сельской натуры“ ⁵⁾;

¹⁾ Тихонравовъ, Соч. III, ч. I, стр. 425 и сл.

²⁾ Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковского, стр. 14; Тихонравовъ, Соч. III, ч. I, стр. 390.

³⁾ О немъ см. Неустроевъ, назв. книга, 690—698.

⁴⁾ См. характеристику этихъ журналовъ у Тихонравова, Соч. III, ч. I, стр. 425—429.

⁵⁾ Напримѣръ, „Алея или чувство пріятности сельской жизни“, Ѳ. Г. Покров-

тутъ же являются и иные образы—мрачные, унылые, „оссиановскіе“; меланхолія прославляется какъ „сильная царица превыспреннихъ мыслей“; кладбище служить любимымъ мѣстомъ меланхолическихъ мечтаній ¹⁾).

скаго (Пр. и пол. препр. вр., ч. XV, стр. 183—190). „Мечта“ (Иппокрена, ч. II, стр. 82 и сл.) и т. п.

¹⁾ Обь отношеніи этого литературнаго (а вмѣстѣ и культурнаго) движенія въ Москвѣ къ тенденціямъ и стремленіямъ нѣмецкаго Sturm- und Drang'a см. основательныя и важныя замѣчанія и наблюденія въ книгѣ *М. И. Розанова*, „Поэтъ періода „бурныхъ стремленій“ Якобъ Ленцъ, его жизнь и произведенія“ (Уч. Записки Императорскаго Московскаго университета, отд. истор.-филологич., вып. 29. М. 1901), стр. 481—494. Здѣсь авторъ, между прочимъ, коснувшись отношеній Карамзина къ Ленцу и въ частности стихотворенія Карамзина „Поэзія“ сравнительно съ стих. Ленца „О нѣмецкой поэзіи“, замѣчаетъ: „Подъ этимъ стихотвореніемъ Карамзина, имѣющимъ громадное значеніе для опредѣленія литературныхъ вкусовъ молодого русскаго писателя, съ удовольствіемъ подписался бы любой нѣмецкій „бурный гений“. Въдѣ здѣсь Карамзинъ прославляетъ тѣхъ самыхъ поэтовъ, подъ знаменемъ которыхъ группа нѣмецкой молодежи начала 70-хъ годовъ вступила въ борьбу за новые нарождающіеся идеалы „бурн и натиска“! Въдѣ именно подъ обаяніемъ поэзіи Оссиана, Шекспира, Юнга, Томсона и Клопштока воспиталось то поколѣніе Германніи, которое съ такимъ жаромъ принялось за дѣло литературной реформы“ (*Розановъ*, стр. 489). Необходимо имѣть въ виду и влияние французское: въ средѣ французской буржуазіи XVIII вѣка развивается сентиментализмъ, прославленіе чувства, истинности сердца (Руссо, Мерсье и др.); въ связи съ сентиментализмомъ—культъ природы: въ буржуазныхъ романахъ и драмахъ природа—великая наставница, внушающая чело-вѣку любовь къ добродѣтели, дарующая ему счастье; однимъ изъ выражений „чувствительности“ является меланхолія; всѣ поэты того времени прославляютъ меланхолю. Необходимо прибавить, что у большинства французскихъ писателей конца XVIII вѣка сентиментализмъ, культъ сердца и природы носятъ условный, ложный характеръ: это была изящная литературная игра, мода, а не выраженіе дѣйствительно пережитаго и перечувствованнаго; устанавливается кодексъ чувствительности, извлеченный изъ сочиненій Руссо и Дидро: герой и героиня романа, драмы, поэмы, элегин должны обладать даромъ проливать слезы и приходиться въ умиленіе при видѣ гробницъ, урнъ, руинъ; скорбь была чисто условной, искусственной, на самомъ же дѣлѣ жизнь ни самимъ поэтамъ меланхоліи, ни тѣмъ, для кого они писали, вовсе не рисовалась въ мрачныхъ краскахъ. Въ увлеченіи деревенской природой, охватившемъ французское общество въ концѣ XVIII вѣка, было много слѣдовъ галантной пасторали, опереточныхъ восхищеній голубками и пастушками. Во „Временахъ года“ Сень Ламбера изображенъ деревенскій помѣщикъ: онъ—защитникъ вдовъ и сиротъ, миротворецъ, наставникъ, отецъ своихъ крестьянъ; рисуются „трогательныя“ картины: всюду въ деревняхъ царитъ полное спокойствіе и миръ, луга, лѣса и роціи оглашаются звуками свирѣли и пѣснями „невинныхъ“ пейзажъ; Сильвандры и Хлои съ утра до вечера воспѣваютъ свою любовь, присматривая за стадами „бѣлорунныхъ овецъ“; въ замкахъ обитаютъ чувствительные юноши и дѣвы и старцы „убѣленные

На страницахъ этихъ журналовъ попадаются такія изліянія: „Тебѣ предаюсь я нынѣ, священная сладостная меланхолія! Приди и послѣднюю картину мою оттушуй оною столь плѣняющею нѣжныя души твою. Трогай, безбоязненно трогай сердца чувствительныя! Слезы, извлеченныя тобою, столь же сладостны, столь же благотворны для нихъ, какъ роса для цвѣтовъ, какъ капля дождя для нивъ“ ¹⁾ и т. д.

Увлеченіе меланхолическими мечтаніями доходило до такой степени, что на страницахъ тѣхъ же журналовъ мы находимъ и весьма справедливыя выходки *противъ* этого настроенія, стремленіе умѣрить его: „Человѣкъ довольно имѣетъ подлинныхъ несчастій, читается здѣсь ²⁾; но столько жъ или болѣе еще терпитъ онъ мысленно. Меланхолія угрожаетъ ему несчастіями, какихъ онъ никогда не испытаетъ; она умножаетъ тѣ, которыя онъ нѣкогда имѣлъ; извлекаетъ ихъ изъ глубины забвенія и дѣлаетъ столь же чувствительными, какъ бы они недавно случились... Куда человѣкъ (меланхоликъ) ни обращаетъ свои взоры, вездѣ находитъ несчастіе... Сладкая надежда, отрада въ горестяхъ, оставляетъ человѣка, погруженнаго въ меланхолію“... Изобразивъ несчастное состояніе крайняго меланхолика, авторъ заключаетъ: „Таковы суть слѣдствія жестокой меланхоліи; она дѣлаетъ насъ несчастнѣйшими твореніями въ свѣтѣ; однако жъ люди сами добровольно оной предаются. Какъ свойственно всякой страсти, она имѣетъ свои прелести, которыми ослѣпляетъ человѣческій разумъ;

сѣдпнами“; они заботятся о благѣ своихъ крестьянъ, щедраютъ ихъ отъ физическихъ педуговъ, даютъ полезныя совѣты и т. п., всѣ они презираютъ богатство и роскошь, довольствуются „простыми, но здоровыми яствами“; все зло осталось въ „шумныхъ городахъ“, здѣсь же, на лонѣ природы—всюду приволье, всѣ счастливы, сыты, довольны... Развивается моральное теченіе; Руссо, Дидро, Тома и др. прославляютъ „идеаль добродѣтели, простоты и естественности“; раздаются протесты противъ испорченности, развращенности и легкомыслія; повторяются избитыя мѣста античной морали, прославляется бѣдность, воздержность, скромность и выносливость. Риторичная и напыщенная похвала Марку Аврелію Тома, прославлявшаго равнодушіе къ страданію, стала общимъ мѣстомъ, ее повторяютъ на всевозможные лады ревнители „добродѣтели“. (*Гр. Де ла-Вартъ*, Шатобрианъ и поэтика мировой скорби. Введеніе: Сентиментализмъ въ его отношеніяхъ къ общественнымъ и художественнымъ идеаламъ французскаго общества XVIII вѣка. Кіев. Университет. Извѣстія 1905 г. № 8). Срв. объ отношеніи Карамзина къ „вождямъ сентиментализма“ у *Ситовскаго*, Н. М. Карамзинъ, стр. 60—95. См. также превосходную характеристику „эпохи чувствительности“ въ книгѣ академика *А. Н. Веселовскаго* В. А. Жуковский, С.-Пб. 1904, стр. 31—40.

¹⁾ Пр. и пол. препр. врем. XV, 122. Срв. Ипшюкрена, III, 43; IV, 255.

²⁾ Пр. и пол. препр. врем. XI, стр. 101.

ибо въ началѣ своемъ она кажется сладка и тиха, извлекаетъ пріятныя слезы и имѣетъ свои утѣшенія; тогда она есть токмо тихая задумчивость, любящая уединеніе, и сія то пріятность обольщаетъ многихъ. Человѣкъ задумчивый, находя удовольствіе въ слезахъ и уединеніи, и даже пристрастясь къ онымъ, начинаетъ оныя слишкомъ любить и скучать обхожденіемъ, обыкновенными своими упражненіями и забавами. Задумчивость его, получая безпрестанно пищу, мало-помалу усиливается и теряетъ свою пріятность... *Итакъ надлежитъ въ началѣ быть крайне осторожнымъ, и не давать ей усиливаться*“...

Въ VI книжкѣ „Иппокрены“, въ статьѣ „Разговоръ о важнѣйшихъ похвальныхъ свойствахъ молодого человѣка“, противъ увлеченія меланхоліей пускается въ ходъ иронія:

„Признаться вамъ откровенно—разсказываетъ одинъ изъ разговаривающихъ,—года съ два тому назадъ и я было пустился въ эту слезливость; бывало пойду въ поле гулять, возьму съ собой карандашъ, чтобы записывать свои *sentiments*, смотрю тамъ на голубковъ, на луга, на стада и на пастуховъ, сижу возлѣ сребристаго ручейка и слушаю журчаніе его; но какая досада! ни одна слезка не выкатывалась изъ глазъ моихъ, ни одного вздоха не вылетало изъ груди моей. Нарочно, бывало, силюсь задумываться, чтобъ ходить въ священной меланхоліи; но все понапрасну, ничто не шло въ голову, и я возвращался домой, не трогая карандаша. Наконецъ не стало терпѣнія, и я бросилъ все“¹⁾.

Дань модному настроенію заплатилъ и Жуковскій; только настроеніе это, превратившее въ своей крайности, напр., друга Карамзина А. М. Кутузова въ мрачнаго меланхолика, постоянно занятаго мыслью о смерти, которая безвременно его и постигла,—у Жуковского нашло себѣ исходъ въ стихахъ и прозѣ, какіе онъ писалъ. Страницы „Пр. и пол. препровожденія времени“ и „Иппокрены“, служившія дополненіемъ къ тому, что усвоивалось учениками въ классахъ русской словесности у Баккаревича, содѣйствуя усвоенію Жуковскимъ элементовъ „карамзинскаго“ литературнаго направленія, ставили нашего молодого писателя въ ряды дѣятелей этого направленія.

Въ пансіонскихъ сочиненіяхъ Жуковского и встрѣчаемъ черты, присущія тогдашней молодой литературѣ.

Однимъ изъ сохранившихся наиболѣе раннихъ сочиненій Жуковского была статья *Мысли при гробницѣ* (напечатанная въ „Пр. и пол.

¹⁾ Иппокрена, VI, стр. 360.

препр. вр.“, ч. XVI, 1797 г.). Семейное преданіе гласило, что статья эта была написана по поводу кончины сестры нашего поэта, В. А. Юшковой († 16 мая 1797 г.) ¹⁾. Однако, въ статьѣ на это событіе нѣтъ ни малѣйшаго намека; холодная риторика разсужденія, чуждаго всякаго отношенія къ дѣйствительности, производитъ скорѣе впечатлѣніе ученическаго сочиненія на тему, данную преподавателемъ или навѣянную чтеніемъ, которое доставило и матеріалы для такого упражненія. Мысль о вліяніи въ данномъ случаѣ на Жуковскаго его учителя—М. Н. Баккаревича—находитъ подтвержденіе въ томъ обстоятельстве, что въ той же 16-й книжкѣ „Пр. и пол. препровожденія времени“ (стр. 113 и слѣд.) напечатана и статья самого Баккаревича *Надгробный памятникъ* съ такимъ примѣчаніемъ автора: „Прозаическій сей отрывокъ писанъ еще въ 1795 г. въ августѣ. Я рѣшилъ его напечатать“. Баккаревичъ разсказываетъ здѣсь о посѣщеніи имъ кладбища во время поѣздки „съ почтеннымъ NN“ въ Новоспаской монастырь:

„Я пошелъ бродить, куда глаза глядятъ. На лѣвой сторонѣ, подлѣ церкви, представилось мнѣ нѣсколько надгробныхъ памятниковъ. Я люблю трогательные предметы; люблю мѣста, приводящія меня въ задумчивость, и погружающія сердце мое въ томное уныніе... Послѣдую сердечному влеченію, направилъ я шаги свои къ усмотрѣннымъ мною памятникамъ, и—вошедъ въ то безмятежное пристанище, гдѣ утруженный странникъ, по долговременномъ бѣдственномъ путешествіи, наконецъ стираетъ потъ съ лица своего, бросаетъ странническій жезлъ свой, и въ радостномъ упоеніи восклицая: *нынѣ отпускаеши раба твоего съ миромъ!* водворяется въ дому тѣсномъ, и заваливаетъ входъ въ него сырою землею—вдохнуль я, вдохнуль изъ глубины сердца. Но что означаетъ вздохъ сей? Конечно не страданіе, не жалость о вселившихся здѣсь труженикахъ—они блаженны, они почиваютъ въ нѣдрахъ мира и тишины—но стремительное желаніе скорѣе соединиться съ ними... Я ходилъ взадъ и впередъ; глаза мои перебѣгали отъ предмета къ предмету. Много видѣлъ я надгробій, много читалъ эпитафій—были хорошія, но не для меня. Наконецъ пришелъ я къ одному памятнику, который привлекъ все мое вниманіе. Это былъ *крестъ* вышиною футовъ въ пять или шесть, сдѣланный изъ дикаго камня, съ маленькими по мѣстамъ выпуклостями; но

¹⁾ Р. Арх. 1877 г. № 8, стр. 484. Также см. примѣч. Ефремова, Соч. Жуков. изд. 8-ое, т. V, стр. 524.

искусство такъ близко подошло къ натурѣ, что кажется онъ деревяннымъ выросшимъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Нижняя часть его, представляющая древесные корни, утверждена на каменномъ пьедесталѣ, который имѣетъ видъ небольшой горы... Просто, но прекрасно! Внизу на сѣверовосточномъ углу пьедестала находится изъ бѣлаго мрамора урна съ желтою маковкою; а по обѣимъ сторонамъ его, къ востоку и западу, видны двѣ бѣлыя мраморныя дощечки... На одной изъ нихъ начертана слѣдующая надпись... Благословляю прахъ... твой! сказалъ я съ тихимъ вздохомъ... Я не зналъ тебя въ семь мѣрѣ, но узнаю въ томъ—узнаю, когда духъ мой свергнетъ съ себя земныя оковы и возвратится къ своему началу. Но скоро ли наступитъ жаждаемая сія минута?.. Тутъ еще вздохнулъ я, сорвалъ желтый цвѣтокъ бросилъ его на урну, и—пошелъ къ почтенному своему сопутнику“.

Сличеніе статьи Жуковскаго со статьей Баккаревича приводитъ къ мысли, что учитель проработалъ—приблизительно такимъ способомъ, какъ это рекомендуетъ Эрнести въ своихъ „Началахъ риторики“,—съ учениками въ классѣ ту же тему, которою ранѣе самъ занимался,—а затѣмъ лучшее изъ сочиненій пансіонеровъ (Жуковскаго) было напечатано.

„Мысли при гробницѣ“ открываются картиной лѣтней ночи. Нѣкоторыя детали напоминаютъ оду Державина „Видѣніе Мурзы“, другія взяты изъ обширнаго запаса эмблематическихъ фигуръ, какимъ располагалъ тогдашній литературный языкъ: образъ Морфея съ маковой вѣтвью, сонъ съ цѣлебной чашей въ рукахъ.

„Уже ночь раскинула покровъ свой, и серебряная луна явилась въ тихомъ своемъ велелѣніи. Морфей помаваетъ маковою вѣтвю, и сонъ съ цѣлебною чашею ниспускается на землю. Все тихо, все молчать въ пространной области творенія; не слышно работы кузнечика, и трели соловья не раздаются уже по рощѣ. Спитъ ратай, спитъ волъ, вѣрный товарищъ трудовъ, спитъ вся натура“ ¹⁾.

Подъ тѣми же вліяніями, что и Жуковский, и можетъ быть, подъ вліяніемъ самого Жуковскаго, набрасываетъ товарищъ его—С. Родзянка картину ночи, сходную во всѣхъ подробностяхъ съ приведеннымъ отрывкомъ:

„Ночь, несясь на крыльяхъ мрака, покрываетъ ими природу; глу-

¹⁾ Пр. и пол. препр. вр. XVI, стр. 106, соч. Жуковскаго, ред. Архангельскаго, IX. стр. 3.

бокая тишина повсюду воцаряется—все предается сну, ощутивъ Морфея, низлетающаго на землю съ маковою вѣтвію, сопровождаемаго множествомъ грезъ и мечтаній. Уже жаворонокъ не взвивается вверхъ; умолкъ славный пѣвецъ пернатыхъ. Пастухъ возвратился въ свое любезное сельское убѣжище, гласъ свирѣли его не слышится болѣе. Не раздаются по рощамъ веселыя пѣсни орастая; онъ, возвратясь съ плугомъ къ хижинѣ, вкушаетъ послѣ трудовъ пріятность сна среди мирнаго своего семейства“ ¹).

Подобнаго рода описанія примыкають къ группѣ тѣхъ сентиментальныхъ „прогулокъ“, какія мы нерѣдко встрѣчаемъ на страницахъ тогдашнихъ журналовъ. Такъ, статья „Освященная вода“ въ „Пр. и пол. препр. вр.“ начинается такимъ образомъ:

„Въ тихую безмолвную ночь вышелъ я прогуляться!—вышелъ поразмыслить—погрустить о разлукѣ съ другомъ сердца моего!—Блѣдная луна изливала томные лучи свои на землю!—Какая повсюду тишина!—вся природа безмолвствуетъ! — Сладостный *богъ сна*, утѣшитель несчастныхъ, рассыпалъ всюду *маковые цветы* свои.—Онъ, *помавая* легкими крылами своими, навѣвалъ на спящихъ пріятныя мечты“ ²)...

Утвержденіе этой формы произведеній въ нашей литературѣ конца XVIII в. принадлежитъ Карамзину: первою оригинальною прозаическою статьею его была „Прогулка“ ³), сентиментальное стихотвореніе въ прозѣ, переполненное мотивами изъ Юнга, Томсона, Геснера, Бонне — „школьное произведеніе того періода, когда ученикъ лишь повторяетъ сказанное ему учителемъ“... „Въ русской литературѣ это было первое „стихотвореніе въ прозѣ“, написанное художественнымъ языкомъ, будящее чувство, волнуящее читателя... Съ легкой руки Карамзина былъ введенъ этотъ новый видъ лирическаго произведенія, и, въ теченіе многихъ лѣтъ, большинство русскихъ журналовъ печатали подобныя *Прогулки*“ ⁴).

Нѣкоторыя подробности описанія мѣстности, куда направилъ свою

¹) Пр. и пол. препр. вр., XX, 267.

²) Тамъ же, IX, 253. Подчеркнутыя выраженія заставляютъ думать о влияніи этой статьи на Жуковскаго и на Родзянку, у которыхъ они повторяются.

³) Дѣтское чтеніе для сердца и разума, ч. XVIII, стр. 161 и сл.; изданіе 2-ое, Орель, 1819 г., часть XVII, стр. 128 и сл.

⁴) *Сиповскій*, Н. М. Карамзинъ какъ авторъ Писемъ русс. путеш. Сиб. 1899. стр. 134. Срав. *Неустроевъ*, Указатель къ русс. повременнымъ изданіямъ и сборникамъ. Спб. 1898, стр. 535 подъ словомъ *Прогулка*.

прогулку авторъ „Мыслей при гробницѣ“, видимо, навѣяны мотивами Оссіана—Макферсона: озеро, окруженное вѣковыми дубами, полуразвалившаяся гробница, обросшая сѣдымъ мхомъ, и т. д.

Впервые ознакомила съ Оссіаномъ русскую публику изданная въ 1788 г. въ Петербургѣ книжка: „Поэмы древнихъ бардовъ. Изъ Оссіана“. Пер. съ франц. А. Д. ¹⁾. Цѣлый рядъ отрывковъ изъ Оссіана появился на страницахъ „Московского Журнала“, „Лонидъ“, „Чтенія для вкуса“, „Пр. и пол. препровожденія вр.“, „Ишпокрены“ и др. Нерѣдко встрѣчаются и подражанія Оссіану; статьи, въ которыхъ находили „духъ оссіановской горести, нѣжность и глубину меланхолическихъ чувствъ“, пользовались большимъ вниманіемъ ²⁾. Карамзинымъ во II части „Московского Журнала“ помѣщенъ *Картонъ, поэма барда Оссіана*, перев. съ англійскаго, съ „предувѣдомленіемъ“, въ которомъ говорится объ Оссіанѣ, изданіи Макферсона, о томъ, что видѣли читатели въ его поэмахъ и какое впечатлѣніе онѣ на нихъ производили. Поэма *Картонъ* начинается такою картиною:

„Журчаніе струй твоихъ, о Лора (названіе ручья)! приводитъ въ память прошедшее. Шумъ лѣсовъ твоихъ, Гармалларъ, любезенъ моему слуху.

„Не видишь ли, Мальвина, скалы, покрытой кустарникомъ? Три старыя сосны склоняются съ ея вершины; узкая долина у подошвы ея зеленѣеть... Два камня, до половины въ землю вросшіе, показываютъ тамъ мшистыя главы свои... Сильные (герои), о Мальвина, лежатъ въ узкой долинѣ скалы“ ³⁾.

Въ „Пр. и пол. препр. вр.“ напечатаны отрывокъ изъ Оссіана *Морна*, гдѣ читаемъ:

„Потокъ катитъ струи свои съ ревомъ. Престарѣлыя древа стонутъ отъ вѣтра. Озеро мутно предъ тобою, и мрачны облака на небѣ“... ⁴⁾.

¹⁾ Александра Ив. Дмитриева, брата поэта Дмитриева, друга Карамзина; см. Геннади, Словарь, I, 308.

²⁾ Печатавъ *Камингъ* А. Хва—ой, редакторъ дѣластъ такое примѣчаніе: „Мы послѣшаемъ сообщить нашимъ читателямъ сіе прекрасное сочиненіе почтенной и чувствительной Россіянки. Они и безъ нашего замѣчанія увидятъ въ немъ духъ Оссіанской горести, нѣжность и глубину меланхолическихъ чувствъ, правильность выраженій, неизъяснимую во всемъ пріятность“ (Пр. и пол. препр. вр., ч. VI, стр. 68).

³⁾ Моск. Журн., ч. II, стр. 120—121.

⁴⁾ Пр. и п. препр. вр. V, стр. 385.

Картина ночи и надгробныхъ памятниковъ встрѣчается у Жуковского и въ стихотвореніи, относящемся къ слѣдующему, 1798, году, подъ названіемъ *Добродѣтель*:

Подъ звѣзднымъ кровомъ тихой ночи
При свѣтѣ блѣдныя луны.
Въ тѣни вѣтвистыхъ кипарисовъ
Брожу межъ множества гробовъ.
Повсюду зрю сооруженны
Богаты памятники тамъ . . . и т. д. ¹⁾!

Та же картина повторяется и въ отрывкѣ *Мысли на кладбищѣ*, относящемся въ 1800 году:

„Ночь наступаетъ... Луна медленно подьметъ блѣдное чело свое изъ-за отдаленныхъ горъ; слабо озаряетъ она кремнистыя ихъ вершины, и лучъ ея пробирается въ дремлющій лѣсъ... Облокотясь на падшій гробъ, смотрю я вокругъ себя... Все молчитъ въ благоговѣйномъ ужасѣ. Пустынный ручей тихо струится по камнямъ“...²⁾

Всѣ эти меланхолическія картины у Жуковского — разумѣется, продуктъ литературныхъ вліяній; конечно, только въ воображеніи автора существовали описываемыя имъ ночныя прогулки его по кладбищамъ, въ то время, какъ Жуковский и его товарищи-пансіонеры должны были въ 9 часовъ вечера уже укладываться спать подъ наблюденіемъ надзирателей ³⁾; созданіемъ фантазіи подъ впечатлѣніемъ чтенія были и эти кипарисы на кладбищѣ, и кремнистыя вершины горъ, и пустынные ручьи—ничего подобнаго не могъ видѣть Жуковский ни въ Тульской губерніи, ни въ Москвѣ и ея окрестностяхъ; зато всѣ эти мотивы и образы встрѣчалъ онъ на страницахъ читаемыхъ имъ книжекъ, откуда и перенесъ въ свое воображеніе.

Ночь мракомъ землю покрываетъ,
И всѣмъ спойствие даритъ:
Но счастливый его лишь знаетъ.
А отъ меня оно бѣжитъ.
Взойди луна, взойди скорѣ!
Дышу свободнѣй я съ тобой;
И тотъ ручей журчитъ милѣе,
Въ которомъ лучъ играетъ твой!..

¹⁾ Пр. и пол. препр. вр., ч. XVII. стр. 153; соч. Жуковского ред. Архангельскаго, I, стр. 3.

²⁾ Утренняя заря, I, стр. 68; соч. Жуковского, IX, стр. 10.

³⁾ *Сушковъ*, ор. cit., прилож., стр. 40.

Въ лѣсу тѣнистомъ воспѣваетъ
Весны любимецъ соловей...

(Тоска по милой, Пр. и п. пр. вр., V, 28—29).

„Взойди, любезная луна, утѣшительница несчастныхъ!... Я люблю, сопровождаемый блѣднымъ свѣтомъ твоимъ, прогуливаться по зеленому лугу, орошаемому прозрачнымъ ручейкомъ, въ кристаллѣ котораго серебряные лучи твои погружаются... Тутъ гуляя углубляюсь я въ разныя мысли“...

(Къ Лутъ, Пр. и п. пр. вр., VIII, 35).

„Свѣтлый мѣсяцъ возносился на голубое воздушное пространство, и тихо потрясалъ серебрянымъ вѣнцомъ своимъ; звѣзды, подобно брилліантамъ, сыпали искры. Блѣдныя тѣни ночи, минутная тишина, слѣдующая за дневнымъ шумомъ, легкое дыханіе вѣтерка... зеленые берега озера и прекрасныя его окрестности, бляеніе прогоняемаго стада, пѣсни веселыхъ поселянъ, оживляющія воздухъ,—все это привело меня въ какое-то неописанное восхищеніе“...

(Ростовское озеро, Пр. и п. прер. вр., VI, 298).

„Такимъ образомъ бродилъ я около часа, будучи углубленъ въ самого себя, какъ вдругъ ясный свѣтъ мѣсяца пролился на мрачную поверхность воды, и прервалъ нить моихъ пріятныхъ мыслей. Я поднялъ глаза на полную луну, которая съ высоты лазуреваго свода, сквозь черноватый флеръ ночи, посребряла лучами своими темнозеленую картину дремлющей природы — поглядѣлъ вокругъ себя на всѣ ночные предметы, кои образовали нѣчто подобное безмолвной вѣчности, поглощающей жизнь человѣческую—вздыхнулъ разъ, другой, третій—и радостное чувство души моеи перемѣнилось вдругъ въ горестное уныніе... Куда ни обращались взоры мои, и куда ни ступалъ я, повсюду казалось мнѣ, что я заносу ногу въ оную непроницаемую мглу, гдѣ кроются холодные остатки человѣчества; повсюду встрѣчались мнѣ унылыя обиталища мертвыхъ, разсѣдины надгробныхъ камней, могилы сѣдымъ мхомъ обросшія; повсюду представлялся печальный образъ разрушенія—смерти—и вѣчности. Я чувствовалъ въ себѣ необычайный трепетъ“...

(Тамъ же, V, стр. 17. 20).

Уже луна на небеса
Взошла, и гробы освѣщаетъ:
Сомкнули смертныя глаза,
Лишь бдящій пѣсь по стогнамъ лаеъ,

И вѣтеръ воетъ межъ могиль.
Спокойно все, лишь я унылъ;
Блуждаю здѣсь, крушась всечасно...
Ручей вдали едва журчитъ,
Струясь въ безмолвной тамъ долинь...
Печальный гдѣ то вранъ кричить,
Уныло эхо повторяетъ,
И тихо колоколъ звучитъ:
Онъ мнѣ о смерти возвѣщаетъ...

(Сирота на гробъ матери. Тамъ же, VII, стр. 377—378).

„Во внутренности долины такіе жъ кипарисы возносятся вокругъ. По срединѣ ея течетъ ручей, коего живыя, никогда неизсякающія струи орошаютъ и питаютъ свѣжую зелень. Гробы всюду разсыяны: нѣкоторые уже покрыты мхомъ, другіе украшены еще вѣнками: всѣ они заключаютъ смертный остатокъ существа, любившаго кроткую добродѣтель“...

(Галатея. Изъ Флоріана. Тамъ же, XV, стр. 127).

„Размышляя сама съ собою, носила я тоскующее сердце мое по рощамъ и полямъ. Вдругъ шумъ деревъ и быстрый полетъ птицъ, приходомъ моимъ испуганныхъ, прервали мою задумчивость; я опомнилась, я увидѣла себя далеко отъ дому, одну, при наступленіи ночи, посреди множества гробницъ. Деревянные кресты, индѣ дерномъ обложенная могила, индѣ гибкая ветла или густая липа, благочестивою рукою надъ пепломъ отца, брата, мужа—а можетъ быть и милого друга посаженная, представлялись взору моему. — Смерть! Кто нѣжно любилъ, кто былъ любимымъ, тотъ законовъ твоихъ не страшится!... О дѣти мои! Не могла я растворить пепла вашего слезами моими! Тѣни ваши, летая подъ сѣнію растущихъ надъ вами кипарисовъ, не бывали свидѣтелями моего рыданія надъ милыми гробницами“...

(Тамъ же, IV, стр. 100—101, 103).

Я взялъ гебеновую лиру,
Чтобъ долгъ сыновній пзъявить,
Пошелъ на матерью могилу,
Чтобъ пѣснью прахъ ея почтить...
Расторглась туча вдругъ густая,
Проникла свѣтлая луна,
Гробница мраморно-златая
Ея лучомъ освящена.
Десяту осень сохраняетъ
Сія гробница прахъ драгой;

Почто жъ нието не омываетъ
Сей мраморъ теплою слезой.
Близъ сей огромнѣйшей гробницы
Вѣтвистый кипарисъ стоялъ;
На немъ гнѣздились хищны птицы,
И воздухъ въ мраморъ ударялъ...
(Слезы на гробъ матери. Тамъ же, X, стр. 261—262).

Подъ тѣнью темныхъ кипарисовъ
Вблизи текущаго ручья,
Несчастный памятникъ Филлидѣ
Изъ камня высѣченъ стоялъ.
Прозрачныя струи журчали,
И бѣду урну омывали.
На камень облепшисъ рукою,
И къ персямъ голову склоня,
Стоялъ тамъ неутѣшный Дафнисъ,
И въ воду слезы онъ ронялъ...
(Дафнисъ и Горлица. Тамъ же, XI, 362).

О холмъ священный! гдѣ въ печали
Я часто межъ гробовъ блуждалъ.
И дебри стонъ мой повторяли
Въ ночи—когда весь мѣръ молчалъ.
Рѣка! моея свидѣтель скорби,
Стенавшая тогда со мной,
Гдѣ виденъ холмъ, вѣсты и гробы,
Сколь духъ вы усладите мой!...
Могилы духъ мой услаждаютъ;
Люблю надъ ними слезы лить;
Когда всѣ смертны почиваютъ,
Люблю надъ мертвыми грустить...
(Къ моей родинѣ, Тамъ же, IX, 382).

„Сребристое полукружіе луны заступало мѣсто палящаго дневнаго свѣтила... Тихая меланхолія, неразлучная подруга уединенія, вызвала меня въ рошу насладиться вечернимъ воздухомъ... Тяжелый вздохъ, отозвавшійся въ срединѣ рощи, прервалъ мои размышленія... и что же представляется глазамъ моимъ? Простая гробница, отбняемая навислыми вѣтвями старыхъ дубовъ—свидѣтелей нѣсколькихъ столѣтій,— тихо журчащій ручеекъ освѣжалъ зеленый дернъ“...

(Вечерняя прогулка, Иппокрена, III, 273, 277, 278).

„Въ одинъ лѣтній вечеръ Аристонъ, прохаживаясь нѣсколько времени, легъ отдохнуть на копнѣ сѣна, неподалеку отъ города, близъ источника, который тихо протекалъ между кустарниками. Въ сіе время луна съ перемежкой освѣщала поля... Аристонъ съ одной

стороны смотрѣлъ на кедровую рощу, гдѣ царствовала глубокая темнота, и раздавались унылые крики совь и филиновъ; а съ другой взоры его устремлялись на поле, гдѣ сквозь кипарисовъ, которыхъ густую вершину колебалъ небольшой вѣтеръ, видны были помѣщенные въ равномъ разстояніи гробницы изъ бѣлаго мрамора. Сія предметы, окружающіе убѣжище мертвыхъ, произвели въ немъ ужасъ, смѣшанный съ благоговѣніемъ“...

(*Эліана или Гробница Ипокр.*, IV, 177—178).

Сопоставленіе приведенныхъ отрывковъ съ первою частью статьи *Мысли при гробницѣ* обнаруживаетъ, какъ мало былъ здѣсь самостоятеленъ и оригиналенъ Жуковский; вся эта часть статьи обработана по установившемуся для такого рода описаній шаблону: и луна, и звѣзды, и ручеекъ, и гробница, и кипарисы, и хищныя птицы, и „сладкое уныніе“, и „трепеть“, обнимающій сердце, и т. д., — все это типичныя черты цѣлаго потока такихъ сентиментальныхъ „прогулокъ“, описанія которыхъ были такъ распространены въ то время и постоянно появлялись на страницахъ періодическихъ изданій.

Вниманіе Жуковского къ меланхолическимъ картинамъ кладбищъ привлекалъ и Баккаревичъ, который въ своемъ „Надгробномъ памятникѣ“ сознается:

„Я люблю трогательные предметы; люблю мѣста, приводяція меня въ задумчивость, и погружающія сердце мое въ томное уныніе. Мраморы и кипарисы, рощи и вертепы, шумъ буйныхъ вѣтровъ и журчаніе тихаго источника въ дубравѣ пустынной — все сіе плѣняетъ духъ мой и настраиваетъ его къ очаровательнымъ мечтамъ. Тутъ благодѣтельная фантазія покрываетъ меня волшебною своею мантиею, и я предаюся сладостной дремотѣ. Все во мнѣ молчитъ; всѣ силы души засыпаютъ; одно воображеніе дѣйствуетъ, и носясь по неизмѣримому пространству *возможностей*, пишетъ разнообразныя картины, и заставляетъ меня забыть на нѣкоторое время горести, терзающія бѣдныхъ смертныхъ здѣсь—*въ сей ядоли плача и скорби*“...

(Пр. и ц. прещр. врем., ч. XVI, стр. 113).

Въ томъ же направленіи дѣйствовало впрочемъ и чтеніе „Бесѣды съ Богомъ“, гдѣ встрѣчаются, напр., такого рода тирады:

„Хорошо смотрѣть на тюльпаны, хорошо видѣть армію при обученіи; а еще лучше *гробы* и кости въ могилахъ. Цвѣтки не долго я могу видѣть..., а войско можетъ скоро уменьшиться. Но гробы всегда становятся прекраснѣе: всегда почти покрываетъ ихъ пріятная зелень

или мохъ... Всеблагій покрываетъ ихъ цвѣтушею муравою... Гнусная мысль, будто *кладбище* есть мѣсто вони, гнили и отвращенія! Гробъ праведнаго есть софа, на которой онъ отдыхаетъ... Гробы въ такой же худой славѣ, какъ и набожность. Счастливъ, кто не дается въ обманъ! Гробъ есть колыбель къ безсмертію“...

(Размышл. въ вечер. часы, ч. IV, стр. 289—290).

„Покусись, о человекъ, нѣсколько часовъ въ уединеніи прогуливаться среди гробовъ; ты будешь мыслить благоразуміе и благородіе, нежели мыслилъ ты въ самыхъ громкихъ и блистательныхъ обществахъ“.

(Размышл. въ вечер. часы, II, стр. 48).

Жуковскій сдѣлалъ кладбище мѣстомъ своихъ прогулокъ въ своемъ воображеніи, въ своихъ сочиненіяхъ. Впослѣдствіи его мысли обращались къ кладбищу въ силу и иныхъ вліяній.

Средоточіе статьи „Мысли при гробницѣ“ составляетъ изображеніе могущества смерти:

„Смерть, лютая смерть!—восклицаетъ юный авторъ,—когда утомится рука твоя, когда притупится лезвее страшной косы твоей, и когда престанешь ты посѣкать все живущее? Ты неумолима, законъ твой непремѣненъ; ничто не избѣжитъ ударовъ твоихъ; ничто не подвигнетъ тебя на жалость... Отъ хижины до чертоговъ, отъ плуга до скипетра—все гибнетъ подъ сокрушительными ударами косы твоей“...

Тотъ же образъ встрѣчаемъ и въ стихотвореніи Жуковского „Добродѣтель“:

Съ косою острой, кровожадной,
Съ часами быстрыми въ рукахъ,
Съ сѣдой, всклокоченной брадою,
Кидая всюду страшный взоръ,
Сатурнъ несмытый и свирѣпый
Паритъ черезъ вселенну всю;
Паритъ—и груди оставляетъ
Развалинъ слѣдомъ за собой.
Валятся дубы вѣковые,
Трясутся горь предъ нимъ сердца,
Трещать забрала и твердыни,
И мѣдны рушатся врата.
Падутъ и троны и начальства,
Истлѣеть посоль, какъ и снѣптръ,
Вѣнцы лавровые поблекнутъ,
Трофеи гордые сгніютъ...

И этотъ мотивъ у Жуковскаго — литературнаго происхожденія, навѣянь чтеніемъ. Въ „Размышленіяхъ въ утренніе часы“ онъ читалъ:

„Все, что ни заключается въ міръ семъ, такъ же переходитъ, какъ и сей мѣсяцъ, который нынѣ вѣчно протекаетъ. Все спѣшитъ къ опредѣленной цѣли своей; всѣ красоты, толь много прельщающія меня, переходятъ и приближаются всегда къ разрушенію своему. Цѣльные роды погибаютъ; на ихъ мѣста выступаютъ новые, а наконецъ и сіи, такъ какъ и предки ихъ, невидимы бывають на земли... Всѣ блага счастья, сколь бы они велики ни были, спѣшать къ концу своему... Однимъ словомъ: все суета! И мы наконецъ должны въ разсужденіи всѣхъ земныхъ благъ по собственному своему опыту признаться тако: мы видѣли конецъ всякой вещи“... ¹⁾.

Блескъ славы съ пышностью земною
Преобратится въ тлѣнь и прахъ;
Забавы наши съ суетою
Исчезнуть вѣчности въ кругахъ;
И время яко вихрь мгновенно
На вѣтренныхъ крылахъ своихъ
Промчитъ мірское счастье въ мигъ;
И время будетъ умерщвлено ²⁾

„Куда ни обращу взоръ мой на семъ зрѣлищѣ суетности, вездѣ нахожу переменъ, скоротечность и погнбель. Все въ цѣлой натурѣ возвѣщаетъ мнѣ тлѣнность“... ³⁾.

„Все переходитъ, все исчезаетъ, все разрушается предъ очами моими“... ⁴⁾.

Въ „Размышленіяхъ въ вечерніе часы“:

„Скоротечность благъ жизни сея предвозвѣщаетъ намъ всегда лучшія сокровища вѣчности. Все у насъ изъ рукъ валится, все умираетъ“... ⁵⁾ и т. д.

Въ „Размышленіяхъ въ царствѣ природы“:

„Ты видишь, сколь тлѣненъ снѣгъ... Сія переменна не напоминаетъ ли тебѣ о тлѣнности всѣхъ земныхъ вещей. Природа конечно не

¹⁾ Ч. I, стр. 313—314 (подъ 31 марта).

²⁾ Ч. II, стр. 187 (подъ 25 мая).

³⁾ Ч. III, стр. 210 (подъ 3 сентября).

⁴⁾ Ч. IV, стр. 87 (подъ 26 октября).

⁵⁾ Ч. VI, стр. 267 (подъ 16 декабря).

безъ причины представила глазамъ твоимъ толикіе знаки тлѣнности. Она во всякое время года и во всякую перемену его проповѣдуетъ тебѣ о сей истинѣ“... ¹⁾ и т. под.

Державинъ въ извѣстной одѣ своей *На смерть кн. Мещерскаго*, относящейся по времени написанія къ 1779 году, даетъ образное представленіе все разрушающей смерти:

Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей босою блещетъ,
И дни моп, какъ злакъ, сѣчетъ...
Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никакая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и рабъ—есть снѣдъ червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ...
Безъ жалости все смерть разить:
И звѣзды ея сокрушатся...
И всѣмъ мірамъ она грозить...

(Соч. Держ., ред. Грота. I).

Въ одѣ *Смерть*, напеч. въ III части „Покоящагося Трудолюбца“ (М. 1785, стр. 106—108), читаемъ:

Владычица всѣхъ смертныхъ рода,
Царица тварей всѣхъ земныхъ!
О смерть!... Созданная природа
Во узахъ связана твоихъ.
Все цѣпь твою на выѣ носить.
Все смертная сѣбира косить,
Все, что ни есть сотворено!...
Коса въ рукахъ твоихъ являетъ,
Что жизнь передъ тобою вянетъ,
Что ты даешь всему конецъ...

Въ „Дѣтскомъ чтеніи для сердца и разума“, часть XVII, статейка *Тлѣнность* начинается такой тирадой:

„Скоро, скоро летитъ время! Шумятъ его быстрыя крылья, никогда и ничѣмъ не задерживаемыя. Предъ сѣдымъ челомъ его блѣднѣетъ величество солнца. Оно низвергаетъ на землю огромные чертоги Владѣтелей міра и гордые алтари; пирамиды и храмы предъ нимъ въ прахъ распадаются. За нимъ медленно шествуетъ согнувшаяся старость; позади ея, въ грозной рукѣ смерти, страшно бли-

¹⁾ Ч. I, стр. 170 (подъ 13 февраля).

стаесть острая коса, и, подобно косимой травѣ, падаютъ роды и покрываютъ печальныя поля безчисленными трупами“...

Тѣ же образы встрѣчалъ Жуковскій и на страницахъ „Пр. и пол. препровожденія вр.“; въ стихотвореніи *Тлѣнность* читаемъ, напри- мѣръ, такіе стихи, очевидно, ближайшимъ образомъ повліявшіе на нашего поэта:

Кровавой всюду взоръ вращая
Изъ-подъ густыхъ сѣдыхъ бровей,
Чело нахмуренно являя,
Ужасный силою своей
Сатурнъ несмытый и суровый ¹⁾
Въ десницѣ крѣпости громовой
Держа иззубренный булатъ (т. е. серпъ)
И на главѣ часы песчаны,
Парить—предъ нимъ вездѣ туманы,
А по слѣдамъ развалинь рядъ... и проч.

(Пр. и пол. пр. вр., V, стр. 203 и сл.).

Въ другомъ мѣстѣ:

„Куда ни направлю стопы свои, повсюду зрю я гробы; повсюду пропасти и смерть.—Куда ни обращаю я взоры свои, смерть въ глазахъ моихъ... О смерть! кто тебя избѣгнетъ? Кто уйдетъ отъ страшнаго удара всепожирающей косы твоей!“ и т. д.

(*Смерть*, тамъ же, ч. X, стр. 244—245).

„Быстро, быстро летитъ время!—шумятъ легкія крылья его, никогда ничѣмъ не задерживаемыя;—предъ сѣдымъ челомъ его блѣднѣетъ величество солнца—исчезаютъ царства, разрушаются грады;—и самыя пирамиды и памятники въ прахъ распадаются.—Блѣдная смерть шествуетъ за нимъ, острая коса страшно блеститъ въ рукѣ ея—и подобно косимой травѣ, падаютъ роды и покрываютъ печальныя поля безчисленными трупами“.

(*Тлѣнность*, тамъ же, ч. XV, стр. 47).

Въ бѣдахъ весь міръ огромный
Какъ въ безднѣ погружень...
По немъ то смерть стремится;
Ни титла, ни красы,

¹⁾ Стихъ, повторенный Жуковскимъ, съ измѣненіемъ послѣдняго слова, въ стих. „Добродѣтель“:

Сатурнъ несмытый и свирѣпый...

Ни злато не щадится:
Всѣ остреемъ косы
Смерть хищно поѣдаетъ...

(*Послание къ другу И. В. Р. послѣ двухъ лѣтъ его кончины* ¹⁾, тамъ же, XVI, стр. 40).

Въ основѣ всѣхъ этихъ изображеній лежатъ тѣ образы, о которыхъ въ одномъ изъ источниковъ „монументальнаго“ стиля, въ книгѣ „Емвлемы и символы“ ²⁾, въ одной изъ вводныхъ статей, подъ названіемъ: *Иконологическое описаніе емвлематическихъ изображеній* сказано:

„*Сатурнъ*, божокъ времени, изображается крылатымъ старикомъ, поѣдающимъ собственныхъ дѣтей своихъ, то-есть часы, дни мѣсяцы и годы, съ косою въ рукѣ и песочными часами на главѣ. Иногда въ его рукахъ солнечные часы, весло или змѣя, кольцомъ свернувшаяся представляются“ (стр. XXXII).

„*Смерть*, неумолимое божество, дочь ночи и сестра сна; изображается въ видѣ человѣческаго скелета, съ крыльями, съ косою, иногда съ кипарисною вѣтвью и въ черной епанчѣ. Иногда покрытою чернымъ покрываломъ“ (стр. XXXII).

„*Время* вообще представляется въ образѣ старика, отъ древности лѣтъ изсохшаго, съ крыльями, сѣдыми власами и брадою, держащаго въ рукахъ косу“ (стр. XXXVI).

Изображеніе могущества смерти въ „Мысляхъ при гробницѣ“ заключается мыслью о смерти самого автора, предстоящей, можетъ быть, и скоро:

„И я, и я буду нѣкогда жертвою ненасытной твоей (смерти) алчности! И кто знаетъ, какъ скоро? Завтра взойдетъ солнце—и, можетъ быть, глаза мои, сомкнутые холодною твоею рукою, не увидятъ его. Оно взойдетъ еще—и вѣтры прахъ мой развѣетъ“.

Баккаревичъ въ концѣ своего „Надгробнаго памятника“ также обращается къ мысли о собственной смерти. Мысль о неизвѣстности и возможной близости смерти не разъ встрѣчается на страницахъ „Бесѣдъ съ Богомъ“ и „Размышлений въ царствѣ природы“:

„Что бы увѣриться въ краткости сей жизни, надлежитъ только

¹⁾ Стихотвореніе Петра Кайсарова, который въ 1798 г. названъ былъ уже „прежнимъ воспитанникомъ“ Благор. Пансіона. См. Аетъ, бывший въ Ун. Бл. Панс. ноября 14 дня 1798 г. (Москвитининъ, 1847 г., ч. III, стр. 55).

²⁾ Избранные емвлемы и символы на Россійскомъ, лат., и пр. языкахъ, С.-Пб. 1788. Изд. 2-ое 1811. Я пользуюсь вторымъ изданіемъ.

вспомнить о томъ, коль скоро протекля прежнія лѣта мои, и размыслить, коль многіе изъ братій моихъ умрутъ въ нынѣшній день; а можетъ быть, и я, который меньше всего о семъ помышляю, нахожусь въ числѣ тѣхъ, коихъ постигнетъ нынѣ смерть?¹⁾

Срв. еще „Размышл. въ утр. часы“ II, стр. 74; IV, стр. 88—89; „Размышленія въ ц. натуры“ I, стр. 253, 301; IV, стр. 139, и др.

Вліяніе Баккаревича, въ связи съ чтеніемъ такихъ „размышленій“, очевидно, и навѣяло Жуковскому только что приведенныя строки въ его „Мысляхъ при гробницѣ“.

Вслѣдъ за Баккаревичемъ же (см. приведенную выдержку изъ „Надгробнаго памятника“), Жуковскій усвоилъ особенный взглядъ на смерть, и у него мысль о смерти не имѣетъ того тяжелаго, подавляющаго характера, съ какимъ она является иногда у другихъ писателей, между прочимъ и въ нѣкоторыхъ статьяхъ „Пр. и пол. препровожденія времени“:

„Развѣ нѣтъ оплота противъ ужасовъ смерти?—размышляетъ юный авторъ *Мыслей при гробницѣ*. — Взгляни на сей лазоревый сводъ: тамъ обитель мира, тамъ царство истины, тамъ Отецъ любви... *Смерть есть путь въ сію вѣчно-блаженную страну*“ и т. д.

Съ подобнымъ же взглядомъ встрѣчаемся мы и въ стихотвореніи Жуковскаго *Майское утро*, относящемся по времени напечатанія²⁾ къ тому же 1797 году; смерть названа здѣсь „благомъ“. Поэтъ говорить:

Жизнь, другъ мой, — бездна
Слезъ и страданій...
Счастливъ стократъ
Тотъ, кто, достигнувъ
Мирнаго берега,
Вѣчнымъ спитъ сномъ...
Можно ль о *блатъ*
Плавать другого? ³⁾

¹⁾ Размышл. въ утр. часы, I, стр. 272.

²⁾ Пр. и пол. препров. вр., ч. XVI, стр. 286.

³⁾ П. А. Ефремовъ (Соч. Жуковскаго, изд. 8-е, т. I, стр. 502) дѣлаетъ такое примѣчаніе къ этому стихотворенію: „Едва ли не о немъ говорить Жуковскій въ 5 письмѣ къ Дмитріеву, называя *первымъ* своимъ стихотвореніемъ безъ соблюденія стоиць“. Противъ этого предположенія говорить, однако, во 1-хъ, то обстоятельство, что Жуковскій въ письмѣ къ Дмитріеву (соч. Жуков. изд. 7-ое, т. VI, стр. 430) говоритъ о своемъ первомъ стихотвореніи, написанномъ безъ соблюденія стоиць, какъ о подражаніи стихамъ Дмитріева „Размышленія по случаю грома“, что едва ли мо-

Пансіонскій товарищ Жуковскаго Михаилъ Костогоровъ переводитъ (съ нѣмецкаго) стихотвореніе *Къ смерти*, гдѣ говорится: „Усладительница нашихъ страданій, неоцѣненный другъ мой, о смерть! приди, и улыбкою радости озари скорбное чело мое! Единое воззрѣніе въ тѣ блаженныя поля, въ кои ты насъ водишь, осушаетъ навсегда источникъ горестныхъ слезъ нашихъ“, и проч. ¹⁾).

Срв. у Баккаревича въ „Надгробномъ Памятникѣ“: „... здѣсь (на землѣ)—въ своей юдоли плача и скорби... Утруженный странникъ въ радостномъ упоеніи восклицаетъ *нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ...*“; авторъ вздохнулъ, но не отъ жалости: „они (погребенные) блаженны, они почиваютъ въ нѣдрахъ мира и тишины...“

Благомъ смерть является, однако, только для людей добродѣтельныхъ, для тѣхъ, по выраженію Жуковскаго (въ стих. *Добродѣтель*),

Кто правды, честности уставы
Въ теченье дней своихъ блюдетъ.

У такого человѣка —

Когда и смерть къ нему явится,
То духъ его возвеселится,
Къ блаженству спѣшно полетитъ.

Въ Рѣчи на пансіонскомъ актѣ 14-го ноября 1798 г. Жуковскій рисуетъ, между прочимъ, образъ „невишно заключеннаго узника“:

„Мракъ темницу его объемлетъ; но свѣтильникъ добродѣтели ярко сіяетъ во глубинѣ души его... Душа его спокойна, и сердце дремлетъ подъ щитомъ совѣсти. Онъ радуется, что скоро достигнетъ пѣли жизненнаго своего странствія; что скоро душа его, оставивъ брѣнную скинью тѣла, на легкихъ крыліяхъ будетъ протекать небесныя сферы, будетъ плѣняться восхитительною, невѣдомою для смертнаго слуха, гармонією блаженныхъ небожителей... Когда жъ предстанетъ ему смерть и благодѣтельною рукою отверзетъ врата вѣчности; когда расторгнетъ покрывающую глаза его завѣсу...—тогда, съ восторгомъ праведника, въ объятіяхъ ея устремится онъ туда... гдѣ царствуетъ единая присто живая любовь...“ ²⁾).

Позднѣе, въ стихотвореніи *Къ человеку* („Ничтожный человѣкъ!

жетъ относиться къ „Майскому утру“, написанному двухстопнымъ дактило-хореемъ; во 2-хъ, выраженный здѣсь Жуковскимъ взглядъ на жизнь и смерть отражаетъ вліянія, съ которыми столкнулся нашъ поэтъ главнымъ образомъ въ пансіонѣ.

¹⁾ Пр. и пол. препр. врем., ч. XIX, стр. 334—335.

²⁾ Соч. Жуков., ред. проф. Архангельскаго, т. IX, стр. 8.

Что жизнь твоя?—Мгновенье!“ ¹⁾, Жуковский выражает то же воззрѣніе:

Могила—есть вѣчной жизни путь.

Этотъ взглядъ былъ распространенъ въ средѣ, въ сферѣ вліянія которой находился въ это время Жуковский. Одинъ изъ членовъ собранія, которымъ благодарные питомцы университета почтили память умершаго профессора Шварца въ своей рѣчи вспоминая о благочестивой жизни покойнаго, назвалъ его *смертолюбивѣйшимъ* своимъ наставникомъ; на смерть Шварца написана была ода, по свидѣтельству которой онъ благословлялъ наступленіе смертнаго часа, говоря: „Скоро узрю я Бога, освобождусь отъ страданій, скоро увижу я полный свѣтъ“ ²⁾. На страницахъ новиковскихъ изданій—Утренній Свѣтъ, Вечерняя Заря и др. встрѣчаются такія идеи:

О бранный человекъ! познай ты въ жизни сей,
Что ты есть узникъ нужды, поверженный въ неволю;
Оковы сниметъ смерть... ³⁾

Смерть идеализуется ⁴⁾, прославляется, какъ „драгое сокровище“, не умерщвляющее, а „животворящее“ человекѣа ⁵⁾; предлагаются „Душеспасительныя размысленія при воззрѣніи на гробы и прахъ мертвыхъ“ ⁶⁾. Карамзинъ въ стихотвореніи *На смерть двѣтцы*, напечатанномъ въ „Дѣтскомъ Читеніи“ 1789 года ⁷⁾ и, слѣдовательно, по времени относящемся къ тому замѣчательному четырехлѣтію, которое будущій историкъ провелъ въ „Дружескомъ Ученомъ Обществѣ“ ⁸⁾,—говорить:

Любивъ здѣсь въ жизни добродѣтель,
Ты ею красила себя!
Теперь нашъ Богъ и благодѣтель
Осыплетъ благами тебя.
Друзья умершей! Не печальтесь:
Она въ объятіяхъ Отца.

¹⁾ Рѣчь, разговоръ и стихи, чит. на Публ. актѣ въ Благор. Унив. Пис. декабря 21-го дня 1801 г.—Соч. Жуков., ред. Арханг., I, стр. 11—12.

²⁾ Биографич. словарь Москов. унв., т. II, стр. 599.

³⁾ Утр. Свѣтъ, ч. V, Надгробная пѣснь Перуанцевъ; *Незеленовъ*, Н. И. Новиковъ, стр. 240.

⁴⁾ Московское изданіе, ч. II, стр. 91 и слѣд.; *Незеленовъ*, op. cit., 292.

⁵⁾ Покоящ. Трудолюбецъ, ч. III, стр. 106—110; *Незеленовъ*, стр. 409.

⁶⁾ Вечерняя Заря, III, 49, *Незеленовъ*, 321.

⁷⁾ Часть XVIII, стр. 108. *Сиповскій*, Карамзинъ, Прил., стр. 27, 42.

⁸⁾ „Четыре года изъ жизни Карамзина“, Соч. Тихонравова, III, ч. I, стр. 258 и сл.

Отрите слезы, утѣшайтесь!
Ея блаженство безъ конца!

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ посланіи „Филалета къ Мелодору“ Карамзинъ писалъ: „Мелодоръ! Намъ не вѣкъ жить въ семъ мірѣ. Ударить часъ, и все перемѣнится! Съ сею любовью къ добродѣтели, которая была, есть и будетъ вѣчнымъ характеромъ души твоей, падемъ въ могилу и закроемся тихой землею!..

Тамъ, тамъ, за снѣгомъ океаномъ
Вдали въ мерданіи багрянотъ,

тамъ вѣнецъ безсмертія и радости ожидаютъ земныхъ труженниковъ“ ¹⁾,

Подобныя же мысли Жуковский находилъ и въ книгахъ, которыми предписывалъ читать въ Пансіонѣ Антонскій.

Въ „Книгѣ мудрости и добродѣтели“:

„Вѣдай, о сынъ человѣческій! что жизнь добродѣтельная есть единственный путь къ совершенію съ веселіемъ твоего теченія и къ торжественному окончанію дней твоихъ. Приближеніе смерти не устрашить тогда души твоей, ни возрѣніе на стрѣлы ея приведетъ тебя въ трепеть...“ ²⁾.

Въ „Размышленіяхъ въ утренніе часы“:

„Ежели въ сіе утро я еще далекъ отъ Тебя (Бога), то въ вечеръ сего дня да восчувствую счастье моего къ Тебѣ приближенія. Какъ бы ни была тогда близка ко мнѣ смерть, я въ пришествіи ея увижу приближающееси свое блаженство.

О благо! въ Господѣ засну и успокоюсь,
Охотно не робѣвъ онопчу житіе,
И въ свѣтъ я Твоемъ, о Боже! удостоюсь
Всѣхъ веселищес зрѣть въ вѣкъ Лице Твое ³⁾.

„Что можетъ имѣть смерть горькаго, когда я въ приближеніи ея усмотрю спасеніе, приобрѣтенное мнѣ Иисусомъ Христомъ, и еще здѣсь предвкушу оное блаженство, которымъ на небесахъ буду совершенно утѣшаться?“ ⁴⁾.

О коль добро neodѣнно
Благую совѣсть здѣсь имѣть!
Не робко съ ней встрѣчаютъ смерть,

¹⁾ Аглая, кн. II, М. 1796, стр. 94.

²⁾ Кн. прем. и добр., ч. III, стр. 30.

³⁾ Ч. I, стр. 38 (подъ 10 января).

⁴⁾ Ч. I, стр. 119 (подъ 2 февраля).

И тамъ спокойно пребываютъ,
Гдѣ всё отъ страха унывають ¹⁾.

„Иисусе мой!... Сотвори, да будетъ и моя жизнь ознаменована
столь же великими добродѣтелями, каковыми Твоя...

Тогда глаза мои закрою.
Къ желанному перейду покою.
Который по трудахъ спихъ дней
Блаженство дастъ душѣ моей“ ²⁾.

„Нѣкогда одинъ часъ лишитъ меня всего того, что я нынѣ считаю
выгодою своею... Не страшнѣ ли для меня часъ сей? Да, сіе и
необходимо, ежели только я разсматриваю смерть, какъ человѣкъ.
Но я, какъ христіанинъ, получаю совсѣмъ другой родъ мыслей. Какъ
скоро стану разсматривать смерть съ прямой страны ея, трата бу-
детъ приобрѣтеніемъ. Тогда въ сей же самой ужасной перемѣнѣ могу
обрѣсти причину радости и уваженія моего...“ ³⁾.

„О Боже, дай мнѣ тако мыслить и поступать силою дѣйствія Духа
Твоего... Какую радость, какой блаженный покой духа и какое счастье
буду тогда чувствовать въ жизни и смерти!“ ⁴⁾.

Въ „Размышленіяхъ въ вечерніе часы“:

О коль блаженными, коль свѣтлыми вы стали,
Черезъ смерть отшедшіе въ обители святыхъ!
Забвенна вами скорбь, болѣзни и печали;
Но мы въ плѣну страстей живемъ еще здѣсь злыхъ ⁵⁾.
О человѣкъ! во всѣхъ дѣлахъ своихъ старайся
Живѣй изображать неизбѣжну смерть!
Вострещи и въ сей картинѣ поучайся
Мечтанья суеты въ себѣ разрушить, стерть.
Смерть будетъ для тебя утѣхою въ напасти,
Смерть въ счастья тебѣ гордиться воспретить,
Смерть укротитъ въ тебѣ свирѣпость наглои страсти;
Въ ней мудрый Ангела прекраснаго лишь зрѣть ⁶⁾.

Въ „Размышленіяхъ въ царствѣ натуры“:

„О! сколь блаженны вы, благочестивыя души, чрезъ смерть пре-

¹⁾ Ч. I, стр. 123 (подъ 3 февраля).

²⁾ Ч. I, стр. 251 (подъ 11 марта).

³⁾ Ч. II, стр. 187, 189 (подъ 25 мая).

⁴⁾ Ч. III, стр. 18 (подъ 4 іюля).

⁵⁾ Ч. I, стр. 185 (подъ 21 февраля); срв. „Майское утро“ Жуковского.

⁶⁾ Ч. II, стр. 141 (подъ 11 мая).

селившіяся къ Богу! Вы избѣгли всѣхъ нуждъ, кои содержатъ насъ здѣсь плѣнными. Здѣсь и въ лучшемъ счастіи принуждены мы всегда волноваться страхомъ и надеждою... Вы напротивъ покоитесь въ небесныхъ кроватяхъ, безопасны и свободны отъ всѣхъ бѣдствій. Радости вашей не прерываетъ печаль и страданіе“¹⁾.

„Не нужно намъ съ трудностью изыскивать изображеній смерти и тлѣнности въ сей части года (весною); ибо они, соединены будучи почти со всѣми красотами природы, сами по себѣ представляются намъ въ великомъ множествѣ... Весна есть то время, въ кое растенія получаютъ новую жизнь, но въ оное жъ многія изъ нихъ и погибаютъ... Весенніе дни блещутъ своими красотами, но переходятъ прежде, нежели мы довольно ими насладимся. Такимъ образомъ переходитъ и лучшая часть нашей жизни, которую мы часто съ весною природы соравняемъ... Сколь сильно весна проповѣдуетъ тебѣ тлѣнность и кончину жизни твоея! Видишь, сколь далеко теперь красота весны простерлась? Но не слишкомъ тому радуйся; по немногихъ дняхъ весь цвѣтъ обратится въ персть земную, изъ коея произведенъ былъ... Подобнымъ образомъ увядаетъ и наша жизнь; внезапная смерть повергаетъ насъ во гробъ... Въ зеркалѣ весеннихъ цвѣтовъ посмотри и на собственную твою тлѣнность и самъ къ себѣ такъ говори:

Сады, поля и луга украшаются
Прелестнымъ великолѣніемъ,
Но цвѣтъ ихъ скоро увядаетъ.
Сіе да будетъ наукою для меня:
Смерть, которую я въ пѣдрахъ моихъ ношу,
Превращаетъ малое мое счастье.
Розы въ одинъ день исчезаютъ.
А я, можетъ быть, въ одну мунуту.

„Сіи разсужденія да утвердить мысль твою; увеселяйся весною природы и пріятностью твоея жизни: сіе позволено отъ Создателя Твоего. Но при увеселеніяхъ твоихъ имѣй и тѣ разсужденія, каковыя могутъ проистекать изъ природы весны и изъ образа твоея жизни. Помышленіе о смерти увеселеніямъ твоимъ дозволеннымъ не можетъ быть противно: оно тебя не опечалитъ, но паче наставитъ благопріятно радоватися о Господѣ; красота земного свѣта увѣритъ тебя, сколько удовлетворительнѣе суть пріятности небеснаго міра. Придетъ

¹⁾ Ч. I, стр. 216 (подъ 26 февраля).

время, когда жизнь твоя увянетъ, и тогда съ христіанскимъ мужествомъ скажешь:

Пріятный цвѣтъ жизни
Пусть превратится въ прахъ...
Я ожидаю лучшей жизни...
Итакъ къ тебѣ, торжествующая глава!
Спѣшу я на срѣтеніе...
Ты ведешь меня
Къ радости вѣчныя жизни,
О когда бъ я теперь умеръ!
И сколь бы я блаженъ былъ!¹⁾

Съ тою же идеей встрѣчаемся въ главѣ *Изображеніе смерти въ мѣтѣ*:

„Самыя пчелы суть для меня проповѣдниками смерти. Когда я смотрю на трудолюбіе, съ каковымъ онѣ собираютъ и приготавливаютъ свой медъ, сіе живо напоминаетъ мнѣ о должности во время собирать сокровища премудрости и добродѣтели, кои въ старости и въ смерти должны быть моимъ утѣшеніемъ... Когда мы взираемъ на смерть съ прямой ея стороны, тогда теряетъ она видъ непріятеля нашимъ увеселеніямъ: тогда почтемъ ее за споспѣшницу совершеннѣйшей радости“, и пр. ²⁾.

Въ томъ же направленіи шло вліяніе и изъ другого литературнаго источника: Жуковскій обнаруживаетъ знакомство съ сочиненіями Юта. „Ночныя Думы“ (The complaint, or night-thoughts) послѣдняго въ теченіе долгаго времени были любимой книгой всѣхъ образованныхъ людей и не только въ Англіи, но также во Франціи, Германіи и даже въ Италіи ³⁾. На русскій языкъ Юнгъ сталъ переводиться съ 70-хъ годовъ XVIII вѣка; явился цѣлый рядъ извлеченій, переводовъ, передѣлокъ и подражаній ⁴⁾. Въ Новиковскомъ „Утреннемъ Свѣтѣ“, начиная съ IV части, печатались *Ютовы Поэмы*. Переводъ этотъ сдѣлалъ извѣстный Александръ Михайловичъ Кутузовъ, одинъ изъ членовъ „Дружескаго ученаго Общества“. Въ 1785 г. переводъ этотъ былъ пересмотрѣнъ, исправленъ, снабженъ примѣчаніями и выпелъ

¹⁾ Ч. II, стр. 188—191 (подъ 24 мая), въ главѣ: „Изображеніе суеты и смерти весною“, Жуковскій въ стих. „Майское утро“ въ живыхъ образахъ выразилъ именно эту мысль.

²⁾ Ч. III, стр. 197, 198 (подъ 20 августа).

³⁾ Гетнеръ, Ист. всеоб. литер., I, С.-Пб. 1863, стр. 452.

⁴⁾ У Сопикова отмѣчено 31 №; см. указатель Рогожина. стр. 181.

отдѣльной книгой подѣ названіемъ: „Плачь Эдуарда Юнга, или nocturnalныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи, въ девяти ноцахъ помѣщенныхъ, съ присовокупленіемъ двухъ поэмъ: 1) Страшный судъ, 2) Торжество вѣры надъ любовію, творенія сего же знаменитаго писателя“. I—II. Изданіе второе ¹⁾). Издѣвеніемъ Типографической Компаніи въ Москвѣ, въ вольной типографіи у И. Лопухина, съ указаго дозволенія, 1785 года“.

Объ усѣхѣ Юнга въ русскомъ обществѣ, помимо отмѣченныхъ выше переводовъ, передѣлокъ и проч., можно судить по тому, что, напр., извѣстно про Карамзина: послѣдній зачитывался Юнгомъ ²⁾). „Имя Ионгово,—сказалъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—будетъ во вѣки священо для тѣхъ, которые, имѣя вѣжныя сердца, чувствуютъ красоты природы, чувствуютъ достоинство человѣка“ ³⁾). Какъ относился къ Юнгу И. В. Лопухинъ, видно съ одной стороны изъ того, что въ 1799 году онъ самъ переиздалъ „Плачь“ Юнга ⁴⁾, а съ другой стороны должно припомнить извѣстное письмо Жуковскаго, изъ котораго видно, что въ подмосковной усадьбѣ Лопухина, въ селѣ Савинскомъ, нѣкоторыя мѣста носили названія, свидѣтельствовавшія о литературныхъ вкусахъ владѣльца: „Расположеніе сада прекрасно; лучшее въ немъ мѣсто—*Юнговъ островъ*... Берегъ осѣненъ рощею, въ которой мелькаетъ *Руссова хижина*“ ⁵⁾... Такимъ образомъ, въ обращеніи Жуковскаго къ Юнгу сказалось, очевидно, вліяніе кружка И. П. Тургенева. Но и на страницахъ „Пр. и пол. препровожденія вр.“ и „Иппокрены“ Жуковскій часто встрѣчалъ того же Юнга: извлеченія изъ его сочиненій печатались въ рядѣ книжекъ этихъ журналовъ то подѣ общимъ названіемъ „Духъ Юнговъ“ ⁶⁾, то въ видѣ отдѣльныхъ статей, напр. *Средство не страшиться смерти*, изъ *Oeuvres d'Young*, гдѣ читается: „Блаженъ тотъ смертный, который скучась поддѣльными веселостями шумнаго свѣта, охотно удаляется подѣ густую мир-

¹⁾ Первымъ изданіемъ сочтена, повидимому, та редакция перевода, которая появилась на страницахъ „Утренняя Свѣта“; отдѣльнаго *перваго* изданія не показано ни у Сопикова, ни въ „Росписи“ Смирдина.

²⁾ *Ситовскій*, Карамзинъ, стр. 43.

³⁾ „Прогулка“, Дѣтское Чтеніе, Орель, 1819, ч. XVII, стр. 135.

⁴⁾ *Роложинъ*, Указатель къ „Оп. рос. библ.“ Сопикова, стр. 258, подѣ № 8277, со ссылкой на Дѣла Моск. цензуры въ Архивѣ стар. дѣлъ Моск. Губерн. Правленія за 1798 г.

⁵⁾ „Вѣст. Евр.“ 1809 г., № 4, стр. 298—299; Тихонр., 418.

⁶⁾ Пр. и пол. пр. вр. IX, 241, 289; X, 3; XI, 3, 49, 81, 113.

ную тѣнь безмолвныхъ кипарисовъ, посѣщаетъ гробницы, читаетъ эпитафіи, взвѣшиваетъ прахъ—остатки опочившихъ, и съ удовольствіемъ предается размышленіямъ между гробовъ! Сіе мрачное царство *смерти*, распространенное среди развалинъ, представляетъ взору каждаго то тихое покойное мѣстопробываніе, куда душа чувствительнаго должна чаще уклоняться для собесѣдованія съ самой собою и дабы свободнѣе наслаждаться уединенными мыслями“¹⁾.

На страницахъ Юнговыхъ „Ночей“ читатели находили такіа мысли, отраженія которыхъ нельзя не видѣть въ приведенныхъ выше мотивахъ Жуковского и его образцовъ:

„О коль счастливы тѣ, которые не пробуждаются ужъ болѣе!“²⁾.

„О смерть, всѣхъ вещей великій владѣтель! Твоя есть власть истреблять всякое владычество человѣковъ, твоя власть звѣзды угашати; и само солнце по твоему токмо соизволенію насъ освѣщаетъ; но и оное свергнешь ты нѣкогда со сферы его“...³⁾.

„Долина смерти! Она тихая киммерическая долина, гдѣ мрачность, утвердивъ вранія крылія свои, покоится на жребіяхъ еще несвершенныхъ... оный міръ подземный, она область развалинъ! О Лоренцо! се есть полезнѣйшая прогулка для гордаго духа человѣческаго! Да странствуетъ тамъ духъ мой, да испытуетъ онъ здравыя и цѣлительныя мысли, которыя здѣсь нужнѣе всѣхъ и благопріятнѣе. Воистинну, для пользы радостнаго Лоренца, и для собственныя твоя, возри о душа моя! возри на плоды друзей умирающихъ, открой суетность жизни, возвѣси жизнь со смертію, воздай смерти похвалу, ей досто­должную; преодолѣй страхъ твой и исторгни себѣ оную высочайшую побѣду душъ благородныхъ, мужественное презрѣніе ужасающія гробницы... Яви намъ плоды, получаемые нами отъ умирающихъ друзей нашихъ; они приносятъ намъ пользу четверократную: способствуютъ бо прогонять безмысліе, страхъ гордость и грѣхи наши“...⁴⁾.

Меланхолически-сентиментальныя описанія прогулокъ по кладбищамъ и размышленія надъ могилами, многочисленные образчики ко-

¹⁾ Ипнокрена, IV, 389 и сл.

²⁾ Плачь Эд. Юнга, М. 1785, т. I, стр. 2—3.

³⁾ Тамъ же, стр. 20—21. Срв. у Державина („На смерть вн. Мещерскаго“):

Безъ жалости все смерть разить:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся...

⁴⁾ Тамъ же, стр. 124—126.

торыхъ отмѣчены мной, въ значительной степени обязаны своимъ возникновеніемъ вліянію Юнга, которымъ такъ увлекались въ то время. Въ дополненіе къ предыдущей цитатѣ приведу еще слѣдующее мѣсто:

„О! сколь блаженъ человѣкъ, который, утомясь блестящими позорищами... почитаетъ любезнѣйшею прогулкою, когда находится подъ мрачною и тихою сѣнію смерти, которая для мечтательныхъ лучей тщеславія пребываетъ непроницаемою; читаетъ памятники оныя; разсматриваетъ прахъ свой; посѣщаетъ свою могилу и посередѣ гробовъ обитаетъ! О Лоренцо! Прочти со мною надпись, на камнѣ Нарциссы находящуюся; прочтемъ правоучительный камень ея. Мало учителей, такъ прекрасно проповѣдующихъ; весьма мало ораторовъ, въ толкую нѣжность чувствительныхъ сердца приводящихъ!...“¹⁾

У Юнга же встрѣчали читатели и „унылую мрачность кншарисовъ“ надъ могилами²⁾, и такіе дифирамбы смерти, какъ нижеслѣдующій:

„О *смерть!* Неужель размышленіе о тебѣ не причинитъ мнѣ ни малѣйшія радости? *Смерть* есть великій совѣтникъ, всякою благородною мыслию и всякимъ изящнымъ дѣяніемъ человѣка одушевляющій. *Смерть* есть избавитель, спасающій человѣка. *Смерть* награждаетъ, увѣнчавающій спасеннаго!... *Смерть* есть конецъ мученій всѣхъ, а не радостей... *Смерть* есть вѣнецъ жизни: когда бъ не была смерть, во тьмѣ бы жили человѣки бѣдные; есть-либъ не было *смерти*, то бы и жизнь не была жизнью... *Смерть* уязвляетъ, дабы исцѣлить насъ; мы кончаемся, *возстаемъ*, владычествуемъ! Летимъ изъ узъ нашихъ и приедемъ небеса во владѣніе; ежели протвѣтающій едемъ въ очахъ нашихъ увядаетъ, то *смерть* дастъ намъ болѣе, нежели въ едемъ мы потеряли. Сей страха царь есть царь міра. О! когда скончаюсь я для суеты и мученія? Когда умру я? Когда начну жизнь вѣчную?“³⁾

„Жизнь чинитъ душу нашу рабомъ праха, смерть дастъ ей крылія, дабы она воспарила надъ сферами“...⁴⁾

„*Смерть* есть побѣда: она возлагаетъ оковы на свирѣпствующія мученія жизни нашея... О день разрушенія нашего! называй его справедливо: се есть великій день награды нашея!...“⁵⁾

¹⁾ Тамъ же, стр. 263.

²⁾ Тамъ же, стр. 14.

³⁾ Тамъ же, стр. 148—150.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 142.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 146. 147.

Смерть называет Юнгъ „кроткимъ *переходомъ*“, „торжествомъ духа безконечнаго“, „любезнѣйшею“¹⁾).

Подъ влияніемъ идей Юнга, на страницахъ новиковскаго „Покоящагося Трудюлюбца“ находимъ такое обращеніе къ смерти:

Владычица всѣхъ смертныхъ рода,
Царица тварей всѣхъ земныхъ!
О смерть!.. Созданная природа
Во устахъ связана твоихъ.
Все цѣпь твою на выѣ носить,
Все смертная сѣкира косить,
Все, что ни есть сотворено...
Твой скипетръ всюду досязаетъ,
Державствуетъ, преодолагаетъ,
Творить всѣмъ страшенъ твой приходъ,
Какъ будто бѣдствіе какое.—
Но что на свѣтѣ ты такое?
—Отъ жизни къ жизни *переходъ!*
Когда тобою здѣсь мы вянемъ,
Не жить тогда перестаемъ—
Въ другой мы жизни вновь *возстанемъ*,
Отъ тьмы ко свѣту перейдемъ.
Тобой мы, смерть, животворямся,
Не умираемъ, но родимся;
Окончивъ наше житіе.
О смерть! сокровище драгое!
Ты преселяешь насъ въ другое
Непреходяще бытіе.

Подчеркнуто въ этомъ стихотвореніи и значеніе при этомъ того, какъ проводилъ человѣкъ свою земную жизнь:

Добро насъ въ вѣчности возвыситъ,
Зло вѣчно насъ уничтожитъ²⁾).

Подобный же взглядъ встрѣчаемъ и на страницахъ „Пр. и пол. препровожденія времени“:

„Ты (говоритъ авторъ статьи *Къ смерти*) склоняешь жезлъ, и я засыпаю, чтобъ пробудиться съ новыми чувствами къ новой и безконечной жизни. Отдернется темная завѣса, и я увижу немеркающій свѣтъ, увижу преображенныхъ счастливыхъ человѣковъ... Благодаръ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 142, 141.

²⁾ Покоющ. Трудюлюбецъ, III, ода *Смерть*, стр. 106 и слѣд.

тельница моего рода! могу ли я послѣ сего почитать тебя ужасною?“.. 1).

„Приди, желанная!... Приди, и—въ объятіяхъ твоихъ обрѣту спокойствіе, доселѣ отъ меня убѣгавшее!... Гдѣ обрѣтутъ тебя вопли мои, единая благотворительница, на помощь которыя упованіе возлагать нынѣ смѣю?... Гдѣ обрѣту тебя, отраду мою? Услыши стenanія мои! принесись ко мнѣ на легкомъ сизомъ облакѣ, и коснувшись гебенowymъ скиптромъ своимъ померцающихъ, слезящихъ моихъ вѣждъ, смежи ихъ на вѣи, да обрѣту покой благословенный!“ 2).

„Бодрствуй и ожидай ея (смерти) удара, не страшись печальнаго ея прихода и закройся щитомъ невинности. Тогда ничто не можетъ поколебать тебя, и самые громоподобные звуки ангельской трубы покажутся тебѣ тонами небесной мелодіи“ 3).

„Усладительница нашихъ страданій, неоцѣненный другъ мой, о смерть! приди, и улыбкою радости озари скорбное чело мое! единое воззрѣніе въ тѣ блаженныя поля, въ кои ты насъ водишь, осушаетъ навсегда источникъ горестныхъ слезъ нашихъ... Поспѣши, смерть, поспѣши притти, и принеси меня, утружденнаго непрерывными стenanіями, въ лучшій міръ“ 4).

Названный выше Петръ Кайсаровъ, бывшій воспитанникъ Благороднаго Пансіона, въ стихотвореніи своемъ „Посланіе къ другу И. В. Р. послѣ двухъ лѣтъ его кончины“ 5), писалъ:

Ахъ! Міръ сей?—Бездна золь!
Гдѣ жъ счастье процвѣтаетъ?
Лишь тѣнь его—въ надеждѣ—
Земля лишь путь къ нему.—
И тотъ достигнетъ прежде
Къ блаженству своему,
Кто дни въ добрѣ скончаеть,—
Оно въ раю цвѣтеть
Тотъ тамъ его вкушаетъ
И плодъ безсмертья рветъ...

Еще:

Смерти грѣшники страшатся
Смерти праведники ждуть...

1) Пр. и п. препр. вр., IV, стр. 5.

2) *Къ смерти*, тамъ же, ч. XI, стр. 279—280.

3) *Тьминость*, тамъ же, ч. XV, стр. 48.

4) *Къ смерти*, тамъ же, ч. XIX, стр. 334—335.

5) Тамъ же, ч. XVI, стр. 40 и сл.

Что такъ грѣшнымъ смерть ужасна?
Что такъ праведнымъ сладба?
Сихъ бываетъ жизнь прекрасна,
Тѣхъ порочна и горька...
Сихъ блаженствомъ души льстятя,
Тѣмъ ужасны адъ и судъ ¹⁾.
Душѣ невинной вождельна
Та цѣль, что въ вѣчности ведегъ.
Отъ узъ тѣлесныхъ разрѣшенна,
Она увидитъ новый свѣтъ;
Отъ слабостей освободится;
Печаль и горестъ удалится
Уже навѣи отъ нея.
О если бѣ жизни той начало
Сквозъ гробъ сюда намъ просіяло:
Отъ радости бы умеръ я! ²⁾.

Вотъ кругъ литературныхъ вліяній, къ которому, какъ къ источнику восходить то, что писалъ Жуковскій въ своихъ „Мысляхъ при гробницѣ“ и въ сходныхъ по мотивамъ мѣстахъ другихъ его сочиненій пансіонскаго періода.

Простымъ, вѣрнымъ, свѣтлымъ картинамъ русской жизни и дѣйствительности не было еще мѣста въ нашей литературѣ конца XVIII в. Если говорили о народѣ, то рисовали слащаво-идиллическія сцены изъ жизни небывалыхъ аркадскихъ пастушковъ, давали изображенія въ родѣ того, какъ представилъ свою „бѣдную“ Лизу и ея мать Карамзинъ, или какъ въ стих. „Къ пѣночкѣ“ въ карамзинскомъ „Московскомъ Журналѣ“:

Пѣночка! о другъ мой милый!
Кто мнѣ крылья дастъ и силы
Полетѣть въ поля съ тобой,
Гдѣ семью обруженный
Земледѣлецъ нашъ простой
Подъ столѣтнею ветлой,
Въ полдень жаркой утомленный,
Сытны ши покойно ѣсть,
И со хлѣба верхню кромку
Срѣзавъ онъ кладезь въ котомку
Для убогова тѣхъ мѣсть? ³⁾

Жуковскій въ рѣчи своей на пансіонскомъ актѣ 14 ноября 1798 г.

¹⁾ Изъ стих. *Смерть* Д. Колоколова, Иппокрена, III, 47.

²⁾ Изъ стих. *Молитва* В. Жукова, тамъ же. IV, 322.

³⁾ Москов. Журналъ, ч. VII, стр. 116.

говорилъ: „Посмотрите на сего добраго, честнаго поселянина, окруженнаго многочисленнымъ семействомъ. Какъ онъ доволенъ!... Съ пришествіемъ дня выходитъ онъ на дѣланіе свое, и съ бодростью, съ удовольствіемъ, принимается за работу. Когда жъ силы его начнутъ слабѣть, онъ возвращается домой; жена и дѣти встрѣчаютъ его, и съ нѣжностью пріемлютъ въ свои объятія“... ¹⁾).

Обращаясь къ природѣ, наши писатели отыскивали подробности, какія привыкли встрѣчать въ пейзажахъ сентиментальныхъ повѣстей и романовъ, пасторалей и т. под. Такъ, напримѣръ:

„Г. *Одинокое*, наскучивъ городскою жизнью, купилъ себѣ деревеньку, съ тѣмъ чтобы, живучи въ ней тихо и спокойно, дѣлать время свое между ученіемъ и благодѣяніями. Будучи отъ природы склоненъ къ меланхоліи, любилъ онъ уединенныя прогулки... Бродя, куда глаза глядѣли, зашелъ онъ однажды въ маленькую долину, которой видъ весьма сроденъ былъ питать тайное расположеніе души его. Долина окружена была высокими холмами, на скатѣ коихъ представлялись глазамъ, въ пріятномъ разнообразіи, виноградные огороды, хжины, садики и рощицы. Казалось, что сіе уединенное мѣсто было убѣжищемъ сельскаго благополучія. Царствовавшее въ немъ молчаніе прерывалось только глухимъ шумомъ источника, который, свергая воды свои съ кремнистаго утеса, производилъ разноцвѣтные огни въ радужныхъ струяхъ, когда солнце, съ высоты неба, бросало на нихъ пламенные лучи свои. Пѣна его, подобно серебряной скатерти, клубилась вокругъ водоема, ископаннаго его паденіемъ. Онъ раздѣлялся потомъ на нѣсколько излучистыхъ ручейковъ, которые рука человѣческая вывела на зелень, чтобы орошать луга животворною его влагою“ ²⁾).

„Дальность пресѣкаетъ мое зрѣніе, но не препятствуетъ ему плѣняться красотою... Тамъ вдали на пригородѣ видна небольшая деревня, но много спокойствія въ себѣ заключающая. Оно бѣжитъ, сказываютъ, изъ великолѣпныхъ зданій, коими красятся города, и заключается въ предѣлахъ мира и непринужденной свободы.—Здѣсь стоитъ пріятной лѣсокъ, подлѣ котораго плещетъ жемчужными струями веселый источникъ; а тамъ на равнинѣ пасутся разноцвѣтныя

¹⁾ Соч. Жуков., ред. Арханг., IX, стр. 6. Срв. матеріалъ, собранный въ ст. Ю. *Веселовскаго*, Народъ и деревня въ русской поэзіи второй половины XVIII вѣка („Литературные Очерки“, стр. 449 и слѣд.).

²⁾ Пр. и пол. препр. вр., ч. IV, стр. 6—7 (изъ повѣсти *Добрый крестьянинъ*“).

стада, лелѣмая природою, и разнообразными звуковъ смѣшеніями изъясляющія непрестанную радость“¹⁾).

„Я заснулъ. Вдругъ представилось мнѣ, что я лежу на зеленомъ лугу, испещренномъ тысячами различныхъ цвѣтовъ. Прекрасныя бабочки летали и садились на цвѣтки, играя другъ съ другомъ; между тѣмъ какъ трудолюбивая пчелка собирала сладчайшій сокъ ихъ. Смирныя овечки щипали свѣжую травку; невинныя ягнятки рѣзвились при весеннемъ солнцѣ; вѣрная собака стерегла ихъ вмѣсто юнаго пастушка, игравшаго на свирѣли и съ нѣжностью смотрѣвшаго на розовую ленту, продѣтую въ его посошокъ. Ему подарила ее милая его подруга... Онъ пѣлъ съ веселіемъ; онъ воспѣвалъ счастливую любовь... Прозрачный источникъ, протекавшій позади меня, тихимъ и пріятнымъ журчаніемъ паводилъ волшебную задумчивость... Подлѣ меня была рощица. Высокія деревья, казалось, усмѣхались, видя усиліе зефи-ровъ потрясти ихъ вѣтви“...²⁾).

„На высокой и крутой горѣ, подъ сѣнію частаго лѣса, въ виду прекрасныхъ ландшафтовъ, стоялъ низенькой, уединенный, сельскій домикъ. Густая и зеленая трава разстилалась, какъ шелковый коверъ, передъ его маленькими окнами; изъ ея нѣдръ выходили пестрые цвѣты; вокругъ ихъ вились птички... Изъ середины горы билъ ключъ, падалъ съ шумомъ въ промываемой имъ бассейнъ, и представлялъ глазамъ чистое зеркало, гдѣ глядѣлись кудрявыя верхушки деревъ, зеленые луга, розовыя облака и серебряное небо съ огненнымъ шаромъ своимъ. Ключевыя струи, на которыя солнце сыпало миліоны золотыхъ блестокъ, сливались съ струями быстрой рѣчки, и бѣжали по разноцвѣтнымъ камешкамъ, вдоль обширной долины, между изгибистыхъ береговъ. При нихъ паслось пестрое стадо; тамъ молодые быки бѣгали и катались по мягкой муравѣ; тучныя кравы, запекшимся языкомъ, пили холодную воду; кудрявыя овцы, разсѣявшись по зеленому лугу, щипали пушистую травку. Въ нѣсколькихъ шагахъ сидѣлъ пастухъ и игралъ на свирѣли. Рѣзвое эхо, повторяя то блеяніе стада, то перерывистые звуки свирѣли, то вдали раздающіеся женскіе голоса-играло по лѣсу и хохотало съ молодыми крестьянками“³⁾).

„Онъ (герой повѣсти Палемонъ) уклонился въ сѣнь рощи, зеленѣющей при пѣнистыхъ струяхъ водопада, шумно низвергающагося

¹⁾ Тамъ же, ч. IV, стр. 144—145.

²⁾ Тамъ же, ч. IV, стр. 356—358.

³⁾ Тамъ же, часть VI, стр. 84—86.

съ высокихъ скаль, мохомъ покрытыхъ. Стѣсненный двумя гордыми холмами, увѣчанными кустами розъ и юными сенетами... строптивый потокъ сей роется, кипитъ и мчится, прыгая съ утеса на утесъ; чѣмъ далѣе онъ бѣжитъ, тѣмъ болѣе берега его постепенно расширяются и наконецъ составляютъ пространный прудъ; темная тѣнь нависшихъ надъ нимъ многолѣтнихъ деревъ отражается въ незыблемо-зеркальной поверхности его.... Далѣе его величественное зрѣлище моря плѣняетъ взоры; кротко зыблющіяся волны его изображаютъ осклабляющійся зракъ небесъ"... 1).

Увлеченіе подобнаго рода пейзажами привело и Жуковского къ искаженію дѣйствительности въ модномъ духѣ, какъ только онъ принимался рисовать ее: въ нравоучительной по характеру статейкѣ *Жизнь и источникъ*, обрабатывающей ту же тему, которая затронута въ „Пр. и пол. препр. врем.“ (ч. VIII, стр. 32) въ отрывкѣ подъ названіемъ *Жизнь человѣческая въ сравненіи съ водами*,—Жуковский рисуетъ, между прочимъ, сельскую картину: холмъ, зеленый лугъ, пробѣгающій по нему ручей, дубовый лѣсъ; Жуковский мысленно имѣлъ передъ глазами окрестности родного своего тульского села Мишенскаго 2); однако модное направленіе заставило его внести въ свою картину искажившія ее подробности: утесы, водопадъ, море, и заговорить о „флеровой мантии меланхоліи“, покрывшей его чувства, пока онъ созерцалъ этотъ пейзажъ, созданный его фантазіей 3).

Кладбище казалось мѣстомъ, особенно располагающимъ къ чувствительнымъ, меланхолическимъ мечтаніямъ; поэтому описанія кладбищъ нерѣдко попадаютъ на страницахъ тогдашнихъ журналовъ 4);

1) Тамъ же, ч. XIV, стр. 225—228.

2) Ср. *Мартыновъ*, Село Мишенское, родина В. А. Жуковского („Истор. Вѣст.“ 1887 г., т. XXVII, стр. 110 и сл.).

3) Какимъ диссонансомъ звучитъ эта „флеровая мантия меланхоліи“ съ тѣмъ дѣйствительнымъ настроеніемъ, какое, казалось бы, должна была будить въ Жуковскомъ мысль о родномъ Мишенскомъ, откуда онъ получалъ такия, напр., письма, какъ слѣдующая записка жены его отца, Маріи Григорьевны Бунинной: „Другъ мой Василій Андреевичъ! Посылаю деньги за половину пансіона и хочу тебя успокоить... Рѣдко пишешь. Хоть строчку да почаще. Ты знаешь, что я очень тебя люблю и хочу знать о тебѣ. Я только требую отъ тебя, чтобы ты написалъ: я здоровъ. Ну, прости. Люби ту, которая тебя любитъ. Марія Бунина“. (Русск. Арх. 1902 г., II, стр. 128). Были однако и внутренне мотивы „меланхоліи“ въ личномъ настроеніи Жуковского, о чемъ см. *Акад. Веселовскій*, В. А. Жуковский, С.-Пб. 1904, стр. 109—110.

4) См., напр., кромѣ приведенныхъ выше отрывковъ, „Пр. и п. препр. вр.“, X, стр. 11, статью *Кладбище*. „При подпозвѣ той горы, гдѣ мрачныя сосны осѣняютъ

въ той же книжкѣ „Пр. и п. препровожденія вр.“ (ч. XVI), гдѣ Жуковский напечаталъ свои „Мысли при гробницѣ“, его учитель Баккаревичъ, какъ мы уже знаемъ, помѣщаетъ свою статью „Надгробный памятникъ“; много разъ мы встрѣчаемся съ переводами, переделками, сокращеніями и подражаніями извѣстнаго стихотворенія Грея (Gray) „Elegy Written in a Country Church-yard“, которое, очевидно, привлекло къ себѣ большое вниманіе въ русскихъ литературныхъ кругахъ: въ „Бесѣдующемъ Гражданинѣ“ (ч. III, С.-Пб. 1789 г., стр. 138 и сл.) помѣщенъ довольно близкій къ подлиннику прозаическій переводъ элегіи, озаглавленный *Элегія на сельское кладбище, соч. Г. Грея*; въ новиковскомъ „Покоящемся Трудолюбцѣ“¹⁾—прозаическій же, очень близкій къ англійскому тексту переводъ подъ названіемъ: *Кладбище. Элегія Греева*; въ этомъ же изданіи²⁾ ранѣе помѣщена была отдѣльно заключительная часть элегіи—*Эпитафія господина Грея самому себѣ* (переводъ въ стихахъ); въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ находимъ сокращенный переводъ той же элегіи³⁾; въ „Иппокренѣ“⁴⁾ напечатанъ прозаическій переводъ Петра Козловскаго подъ названіемъ *Сынъ меланхолии. Элегія Греева, написанная на деревенскомъ кладбищѣ*; въ томъ же журналѣ явилось и подражаніе П. Львова, перефразировавшаго отчасти элегію Грея въ своей статьѣ *Сельское препровожденіе времени*⁵⁾.

Русскіе литераторы раздѣляли въ этомъ случаѣ вкусъ европейской публики. Элегія Грея была закончена около 1750 г.; на современниковъ она произвела необыкновенно сильное впечатленіе; явилось множество переводовъ и подражаній почти на всѣхъ европей-

мирные домики поселянъ, гдѣ удалившись отъ градскаго шума провождаю я въ тишинѣ счастливые дни свои,—возвышается зданіе, слезамъ посвященное, надежное убѣжище смертныхъ!.. Тутъ тысячи гробницъ томнымъ безмолвіемъ предвѣщаютъ смерть!—Прекрасные камни, памятники гордости, что вы заключаете? Къ чему служить пышныя ваши украшенія? Неужели бранный прахъ, въ васъ заключающійся, гордится вами? Ахъ, нѣтъ! Изъ сихъ мѣстъ изгнаны гордость и тщеславіе; тутъ равно покоятся богатство, бѣдность, чины, невѣжество и свѣдѣніе. Надменные смертные! здѣсь смерть всѣхъ равно ожидаетъ! можетъ быть одна минута“... и т. д.

¹⁾ Часть IV, стр. 187 и сл.

²⁾ Часть I, стр. 81.

³⁾ *Элегія, кн. Ѳ. Сибирскаго*, Пр. и п. преп. врем., часть IX. М. 1796, стр. 248 и сл.

⁴⁾ Часть II, М. 1799, стр. 3—12.

⁵⁾ Иппокрепа, часть IX, М. 1801, стр. 117 и сл.

скихъ языкахъ ¹⁾; Бутервекъ называетъ это стихотвореніе Грея „ein melancholisches Gemälde der höchsten und edelsten Bestrebungen des menschlichen Geistes im Contrast mit den zufälligen Beschränkungen des Genies und der Seelengrösse“ ²⁾.

Жуковский въ теченіе 1801 и 1802 гг. дважды переводитъ Элегію Грея (переводъ въ гексаметрахъ 1839 года—третій). Въ бумагахъ его, находящихся теперь въ Императорской Публичной Библіотекѣ, сохранился первоначальный переводъ, начинающійся такъ:

Вечерній колоколъ печально завываетъ,
Блѣднѣющаго дня послѣдній часъ бьетъ... ³⁾

Проф. Архангельскій извлекъ изъ рукописей текстъ этой первоначальной редакціи „Сельскаго кладбища“ ⁴⁾; здѣсь отсутствуетъ заключительная эпитафія:

Here rests his head upon the lap of Earth
A youth to Fortune and to Fame unknown...

Переводъ довольно близокъ къ подлиннику, хотя кое-что измѣнено, опущено: измѣненія эти совершенно въ духѣ и въ тонѣ тогдашнихъ русскихъ литературныхъ произведеній на подобныя темы. Съ перваго же стиха Жуковский набрасываетъ на картину „мантію меланхоли“; у Грея:

The curfew tolls the knell of parting day,
The lowing herd winds slowly o'er the lea,
The ploughman homeward plods his weary way
And leaves the world to darkness and to me.
Now fades the glimm'ring landscape on the sight,
And all the air a solemm stillness holds,
Save where the beetle wheels his drony flight,
And drowsy tinklings lull the distant folds...

У Жуковского—вечерній колоколъ *печально* завываетъ, земледѣлецъ *задумчиво* идетъ, вдали слышится пастушій рогъ (которымъ переводчикъ замѣнилъ звонъ колокольчиковъ) *унылый*—сентиментально-

¹⁾ Въ Allgem. Literaturzeitung 1819 года № 272, стр. 468, отмѣчено 38 подражаній.

²⁾ *Bouterwek*, Geschichte der Poesie u. Beredsamkeit, B. VIII, Gottingen, 1810, S. 323.

³⁾ *Бычковъ*, Бумаги В. А. Жуковского, стр. 18 (Отчетъ Имп. Публ. Биб. за 1884 г.).

⁴⁾ Соч. Жуковского подъ ред. Арханг., т. I, стр. 13.

меланхолическія краски сгущаются; простое homeward (домой) превратилось въ цѣлую идиллическую картинку:

Усталый земледѣль задумчиво идетъ
Въ шалаашъ спокойный свой.

У Грея:

Perhaps in this neglected spot is laid
Some heart once pregnant with celestial fire

(сердце, исполненное небеснаго огня); Жуковский даетъ слащаво-сентиментальную окраску:

Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таятся
Прахъ сердца пыжлаго, умывшаго любить.

Стихъ Грея: And read their hist'ry in a nation's eyes (и читать свою исторію въ глазахъ народа) Жуковскій передалъ стихомъ:

Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать...

Къ Греевой характеристикѣ погребенныхъ крестьянъ:

Far from the madding crowd's ignoble strife,
Their sober wishes never learn'd to stray:
Along the cool sequestr'd vale of life
They kept the noiseless tenor of their way,

у Жуковского еще прибавлено:

Простыя ихъ сердца умѣли сострадать
Несчастливымъ, злобною судьбою угнетеннымъ.

(Срв. *Сынъ Меланхоли*: „Они не отвращали взоровъ состраданія отъ бѣдныхъ“. Ишюкрена, II, стр. 8).

Стихъ: Implores the passing tribute of a sigh—вызывалъ у Жуковского:

Здѣсь труднымъ шествіемъ прохожій утомленный
Возсѣдетъ и почтять слезою память ихъ.

У Грея:

For thee, who, mindful of th'unhonour'd dead,
Dost in these lines their artless tale relate

У Жуковского:

А ты, природы сынъ, чувствительный душой,
Который спящимъ здѣсь свой голосъ посвящаешь...

Разсказъ о поэтѣ—авторѣ элегій у Грея таковъ:

Ofт have we seen him at the peep of dawn.
Brushing with hasty steps the dews away,
To meet the sun upon the upland lawn:
There at the foot of yonder nodding beech
That wreaths its old fantastic roots so high,
His listless length at noontide would he stretch,
And pore upon the brook that bubbles by
Hard by yon wood, now smiling, as in scorn,
Mutt'ring his wayward fancies, he would rove;
Now drooping, woeful, wan, like oneforlorn,
Or craz'd with care, or cross'd inhopeles love.

У Жуковскаго:

Онъ часто на зарѣ въ долинь мнѣ встрѣчался...
Тамъ въ рошѣ иногда сптался
И горести свои безмолвью повѣрлялъ...
Онъ *часто слезы миль*, какъ будто странникъ бѣдншй,
Отчизны милья, друзей, всего лишенный...

Жуковскій ослабилъ образъ своего оригинала, и у него получилась фигура юнаго чувствительнаго (при чемъ чувствительность, по тогдашнему обычаю, выражалась слезами) ¹⁾ меланхолическаго поэта.

¹⁾ Карамзинъ про своего Людора говоритъ: „Мы скоро примѣтили, что... мрачная меланхолия глубоко въ немъ вкоренилась. Рѣдко румянецъ показывался на щекахъ его. пробиваясь сквозь ихъ блѣдность; часто онъ забывался, складывалъ руки, поднималъ глаза на небо, и нѣчто подобное *слезамъ* блистало въ глазахъ его“... („Людоръ“, Москов. Журналъ 1792 г., ч. V, стр. 318). Нелединскій-Мелецкій въ одѣвнзю Рѣппину воспоминаеть:

Герой *чувствительный!* явился
Ты добродѣтелю великъ.

Воинъ, смертельно раненый въ бою,

. . . тѣмъ конецъ свой убожаетъ,
Что ты *слезой* его почтплъ (Москов. Журн., ч. IV, стр. 87—88).

У Жуковскаго—герой послѣ побѣды „здѣсь, на слхъ развалинахъ, на слхъ дымящихся кровью тѣлахъ, онъ здѣсь, и *проливаетъ слезы*“ (Рѣчь на актѣ 14-го ноября 1798 г., Соч. Жуков., ред. Арханг., т. IX, стр. 8). Въ стих. *Миръ* Жуковскій говорить:

. . . Вѣнецъ лавровый свой
Омой *сердечною чувствительной слезой*,
Тобою падшимъ посвященной (Соч. Жуков., т. I, стр. 9).

Въ статьѣ *Мысли при гробницѣ*: „Другъ ли челоѣчества спить здѣсь сномъ безпробуднымъ, или извергъ естества, притѣснитель себѣ подобныхъ? Скажи: да омочу тѣние сіе *слезою чувствительности*“... (Соч. Жуков., т. IX, стр. 4) и т. под.

Жуковский принесъ свой переводъ къ Карамзину для напечатанія въ „Вѣстникъ Европы“; но Карамзинъ нашель, что переводъ нехорошъ. Тогда Жуковский рѣшилсѣ сдѣлать второй переводъ ¹⁾.

Вторичный переводъ элегіи Грея относится къ 1802 году. Это—извѣстная редакція, начинающая стихами:

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою,
Шумящія стада топятся надъ рѣкой...

Новое стихотвореніе было напечатано въ „Вѣстникъ Европы“ (1802 года, № 24, стр. 319 и сл.) подъ заглавіемъ: *Сельское кладбище, Греева элегія, переведенная съ англійскаго*; переводчикъ посвятилъ его А. И. Тургеневу.

Почти всѣ черты, отличающія первый переводъ отъ англійскаго оригинала, сохранены вторымъ переводомъ ²⁾. Успѣхъ даетъ себя чувствовать только въ техникѣ стиха: Жуковский достигъ большей мягкости, плавности, гармоничности поэтической рѣчи, и даетъ уже почувствовать ту „сладость“ своихъ стиховъ, которую Пушкинъ находилъ „плѣнительною“; въ этомъ отношеніи юный Жуковский сдѣлалъ уже значительный шагъ впередъ сравнительно съ стихотворцами—предшественниками его, и ни въ какое сравненіе не можетъ итти съ стихами Жуковскаго:

Здѣсь пепель юноши въ сырой землѣ сокрыли.
Что слава, счастье, не знать онъ въ мірѣ семъ!
Но музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ... и проч. ³⁾

стихотворный переводъ того же мѣста Элегіи Грея, помѣщенный въ „Покоящемся Трудолюбцѣ“:

Того, кто слава былъ и счастьемъ неизвѣстенъ,
Покоится глава во нѣдрахъ сей земли,

¹⁾ М. А. Дмитриевъ, Мелочи изъ зап. м. памяти. М. 1869, стр. 182.

²⁾ Стихъ Грея: *And drowsy tinklings lull the distant folds* въ первомъ переводѣ Жуковскимъ былъ переданъ такъ: Лишь слышится вдали пастушій рогъ унылый; „рогъ“ этотъ страннымъ образомъ остался и въ третьемъ переводѣ „Сельскаго кладбища“ (1839 года). Но во второмъ переводѣ переведено точно (Лишь слышится вдали рогъ унылый звонъ), но неясно вслѣдствіе того, что слово „рогъ“ можетъ означать и трубу, рожекъ, и рогъ рогатаго животнаго; въ „Вѣстникъ Европы“ неясность эта устранена построчнымъ примѣчаніемъ: *Въ Англійи привязываютъ колокольчикъ къ рогамъ барановъ и коровъ*. При послѣдующихъ перепечаткахъ текста элегіи это примѣчаніе не приводилось. Срв. *Акад. А. Н. Веселовскій*, В. А. Жуковский, С.-Пб. 1904 г., стр. 494.

³⁾ Вѣст. Евр. 1802 г., ч. VI, № 24, стр. 324.

Не морщили предъ нимъ науки видъ прелестенъ,
Задумчивость его причла въ друзья свои.
Велика искренность была въ немъ и пріятство,
Онъ мзду свою за то отъ неба воспріялъ, и проч. ¹⁾.

Х.

Однимъ изъ послѣднихъ стихотвореній Жуковскаго пансіонскаго періода была его ода „Къ человѣку“, декламировавшаяся на пансіонскомъ актѣ 21-го декабря 1801 г. ²⁾. Стихотвореніе это отразило на себѣ всѣ вліянія, испытанныя нашимъ поэтомъ въ пансіонѣ.

Ода представляетъ собой обработку одной изъ излюбленныхъ темъ Антонскаго. Развивается мысль, формулированная въ „Размышленіяхъ въ вечерніе часы“ такимъ образомъ:

Почто на жизнь свою ты ропщешь, воіешь?
Богъ, давъ тебѣ ее, съ ней радость далъ святую;
На каждомъ шагѣ ты веселье обрѣтешь,
Коль волю укротишь развратную и злую ³⁾.

„Земля есть юдоль плачевная, а добродѣтель мученіе. Сіи частыя укорины вѣрно бывають передаваемы изъ рода въ родъ. На учрежденіе и волю Божию любятъ жаловаться, дабы скрытнымъ образомъ говорить самимъ себѣ похвальную рѣчь, показывая, что достойны гораздо лучшей судьбы, и дабы украсить лѣнность свою въ добродѣтели“ ⁴⁾.

Первая часть оды, говорящая о „ничтожествѣ“ человѣка, имѣеть рядъ точекъ соприкосновенія съ мыслями, высказывавшимися на пансіонскомъ актѣ 19-го декабря 1797 года въ „Разговорѣ о томъ, что всякій членъ общества необходимо обязанъ служить ему, отправляя въ немъ какую-нибудь должность“. Разговаривающими выводятся: Праводумъ (Жуковский), Одинокъ (Мятлевъ), Дурвиль (Порошинъ). Одинокъ, рѣшающійся отказаться отъ всякихъ служебныхъ должностей, жить въ сельскомъ уединеніи, восхваляющій прелести сельской жизни, говоритъ между прочимъ:

¹⁾ Покоющ. Трудюбець, ч. I, стр. 81, „Эпитафія господина Грея самому себѣ“

²⁾ Рѣчь, разговоръ и стихи, чит. въ Публ. актѣ въ Благор. Панс. декабря 21-го дня 1801 г. Москва, въ Унив. типогр.

³⁾ Бесѣды съ Богомъ, или размышл. въ вечер. часы, на каждый день года, т. II, стр. 293.

⁴⁾ Тамъ же, т. II, стр. 306.

„Взгляни со мною внимательными глазами на человѣка; жизнь его кратковременна. Она проходит и не оставляет по себѣ слѣда. Жизнь его кратковременна, и большая часть ея протекаетъ въ горести и страданіяхъ. Болѣзни, бѣды и напасти суть неразлучныя почти ея спутники. Рѣдко счастье посѣщаетъ насъ; рѣдко сердечная улыбка показывается на лицѣ нашемъ. А есть ли такъ, есть ли мы осуждены въ подлунномъ мірѣ семъ вздохать; есть ли почти вся жизнь наша проходить въ неизбѣжныхъ мученіяхъ,—въ мученіяхъ, которыхъ мы никакими средствами отворотить не сильны, есть ли это такъ: то скажи мнѣ, Праводумъ, не безразсудно ли бѣ было хотѣть добровольно увеличивать сумму своихъ безпокойствъ, принимая на себя какую-нибудь должность?.. Посмотримъ на людей съ другой стороны, т. е. на людей въ общественномъ состояніи. Не страсти ли суть главнѣйшею пружиною ихъ дѣйствій и поступковъ? Не предразсудки ли ими владычествуютъ? Не вездѣ ли гордость и самолюбіе имѣютъ свои олтари? Не вездѣ ли корысть пишетъ законы? Ласкательство и низость не берутъ ли преимущества надъ праводушіемъ, искренностью, прямымъ благородствомъ духа и истинными достоинствами? Вотъ пышная картина общественной жизни!.. Терпѣть не могутъ правды... зависть преслѣдуетъ достоинства,... истинная заслуга часто не имѣетъ насущнаго хлѣба“... ¹⁾).

У Жуковского:

Ничтожный человѣкъ! что жизнь твоя?—Мгновесть!..
Игралище Судьбы, волнуемый страстями,
Какъ ярмомъ вихремъ литье—ужасный жребій твой
Бороться съ горестью, болѣзнями и собой!.. ²⁾

Эпиграфъ для своей оды (*A Worm, a God.—Young*) Жуковский взялъ изъ того мѣста 1-й пѣсни Юнговыхъ „Ночей“, подъ вліяніемъ

¹⁾ Рѣчь, разговоръ и стихи, чит. въ публ. актѣ, бывш. въ Благор. Унив. Пансіонѣ Декабря 19 дня 1797 года, стр. 7—8. Праводумъ—Жуковский разбиваетъ доводы Одинокова: „Въ природѣ все соединено неразрывнымъ союзомъ, нѣтъ ни одной твари ненужной; всѣ онѣ подаютъ другъ другу руку помощи. и всякая изъ нихъ имѣетъ свое опредѣленное мѣсто, свою пользу, свой кругъ дѣйствія, свой конецъ... И человѣкъ имѣетъ свою цѣль, свое опредѣленіе.—Всякая вещь въ мірѣ должна непременно дѣйствовать такъ, а не иначе. Слѣдовательно и человѣкъ долженъ дѣйствовать не случайно, не такъ, какъ ему вздумается, но сообразно съ тою цѣлью, которая ему предназначена, и въ томъ кругѣ, въ которомъ поставленъ онъ отъ Провидѣнія“, и пр. (Тамъ же, стр. 12—13).

²⁾ Рѣчь, разговоръ и стихи... Декабря 21-го дня 1801 г., стр. 35.

котораго явился Державинскій стихъ: „Я царь—я рабъ, я червь—я Богъ“! ¹⁾).

У того же Юнга, на котораго при перепечаткѣ стихотворенія въ „Утренней Зарѣ“ сослался Жуковскій ²⁾), встрѣчаемъ такія мысли: „Сколь бѣдственна, Боже мой, сія жизнь, кою человѣкъ толико гордится!.. сколь обширны ея горести! Мрачныя печали ее обстоятъ, болѣзни терзаютъ, страсти возмущаютъ и мучатъ, наказанія снѣдаютъ, и смерть въ конецъ истребляетъ... Подъ тѣмъ или инымъ видомъ предается всѣмъ смертнымъ вѣчное наслѣдіе горестей. Какое множество различныхъ золь удручаютъ человѣчество!.. Ахъ! какое многочисленное сонмище опасностей, и непредвидѣнныхъ, неизбѣжныхъ подводныхъ камней окружаютъ бренное наше бытіе!.. Смерть обрѣтается въ воздухѣ, коимъ мы дышемъ; въ пищѣ, кою подрѣпляемъ; въ крови насъ одушевляющей; покой намъ столь же смертоносенъ, какъ и труды; мы также погибаемъ отъ пзобилія, какъ и отъ нужды; повсюду смерть виѣдряется и круговращается въ самыхъ источникахъ жизни“... ³⁾).

Подобныя же мысли повторялись и другими тогдашними писателями:

Игралище всѣхъ здѣсь, плачевный человѣкъ!
 Какимъ не подлежить несчастіямъ твой вѣкъ.
 Какія бѣдствія ты въ жизнь свою претерпишь,
 И чѣмъ стремленія ихъ пагубны удержишь?
 Живешь ли на земли—ты мучишься всегда,
 Все, все грозитъ тебѣ, огонь, воздухъ и вода;
 Въ стenanъ ли уйдешь въ лѣса—скорбѣтъ въ пустыни,
 Вездѣ преслѣдуютъ нещастныя години ⁴⁾).

Съ плачемъ во слезахъ раждаться,
 Чтобъ разомъ нуждъ горькихъ быть...
 Бѣдность, рабство, плѣнь и скука,
 Безпокойство, горькій вѣкъ...
 Жизнь твоя есть вѣчна мука,
 Беззаконный человѣкъ! ⁵⁾

Ахъ, нѣтъ! мы скорби здѣсь осуждены терпѣтъ,
 Въ стenanъ жизнь вести, и съ плачемъ умереть...

¹⁾ Соч. Державина съ примѣч. Грота, I, стр. 201.

²⁾ Утр. Заря, кн. II, стр. 12.

³⁾ Духъ Юнговъ. *Бѣдствія чelовѣчества* (Пріят. и полез. препр. врем., ч. XI, стр. 81, 82, 86—87).

⁴⁾ Елегія *Стнованіе нещастныхъ* (Пр. и п. препр. вр., ч. IX, стр. 411).

⁵⁾ *Человѣческая бѣдность*, стих. Д. Колоколова (Иппокрена, ч. II, стр. 317—318).

Жестовая тоска мнѣ смертію грозить.
Слѣши во мнѣ, слѣши, желанная кончина!
Не страха, радости ты будешь мнѣ причина... ¹⁾
Несчастный, слабый человѣкъ!
Ты жизнь проводишь въ огорченьи,
И кончишь дни свои въ мученьи.
Ахъ! лучше не родиться ввѣкъ,
Чѣмъ въ жизни каждый мигъ терзаться
И смерти каждый мигъ бояться! ²⁾...

Имѣеть ода Жуковскаго точки соприкосновенія и съ произведе-
ніями Державина. Послѣдній, въ одѣ „Успокоенное невѣріе“, го-
ворилъ:

Когда то правда, человѣкъ,
Что цѣль печалей весь твой вѣкъ:
Почто-жъ намъ вѣкомъ долгиѣ льститься?
На толь, чтобъ плакать и крушиться
И, мѣря жизнь свою тоской,
Не знать отрады никакой?
Кончатъ день золь днемъ золь другихъ,
Страшиться радостей своихъ,
На счастья блескъ не полагаться,
И каждый мигъ того бояться:
Вотъ грусть, вотъ скорбь, вотъ смерть придетъ!.. и проч. ³⁾

У Жуковскаго:

Ты нынѣ обольщенъ надеждой, зиждешь стѣны,
Завтра же онѣ, рассыпавшись, падутъ:
И персти твоя подъ ними не найдутъ...

У Державина:

Сегодня льстить надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты, человѣкъ? ⁴⁾

Подчеркивая эту сторону природы человѣка, въ то время писатели
любили прилагать къ нему унижительныя сравненія, называть червемъ,
„чадомъ праха“ и т. под.:

Непостижимый Богъ! мой слабый умъ темнѣеть,
Прости, что я Тебя стремиться пѣть дерзалъ;

¹⁾ Ишюкрена, ч. IV, стр. 234—235.

²⁾ Карамзинъ, *Опытная Соломонова мудрость* (Аонида, кн. II, стр. 167).

³⁾ Соч. Державина, т. I, стр. 69 и сл.

⁴⁾ „На смерть кн. Мещерскаго“, Соч. Державина, I, стр. 93.

Тотъ, коимъ дышетъ все, и Кѣмъ все жизнь имѣеть,
Отъ малаго червя не требуетъ похвалъ ¹⁾.
А ты можешь ли, бывъ червемъ въ жизни сей,
Гордиться, презирать такихъ какъ ты людей?.. ²⁾

„Сколь ты ни слабъ, ни неvědущъ, о человѣкѣ! и сколь ни кро-
токъ быть долженствуешь, о чадо праха“!.. ³⁾.

Державинъ въ одѣ „Успокоенное невѣріе“, послѣ сѣтованій о стра-
даніяхъ и скорбяхъ, окружающихъ жизнь человѣка, восклицаетъ:

Но что? зрю молніи кругомъ!
Въ свирѣпой бурѣ слышу громъ!
Перунъ перуны прерываетъ,
Звучнѣй всѣхъ громовъ гласъ зываетъ:
„Богъ благъ, отецъ Онъ твари всей;
„Ты золь—и адъ въ душѣ твоей“!
Божественный сей крѣпкій гласъ
Кичливый духъ во мнѣ потрясъ;
Вострепетала совѣсть черна,
Исчезла мысль неимовѣрна,
Прошли отчаянья мечты:
Всесильный! помоги мнѣ ты.
Уйми страстей моихъ ты шумъ,
И бурный обуздай мой умъ... ⁴⁾

Академикъ Гротъ предполагалъ, что „на происхожденіе этой пьесы
имѣли вліяніе произведенія тогдашней нѣмецкой литературы, направ-
ленныя противъ вольнодумства“ ⁵⁾.

Жуковский въ разсматриваемомъ стихотвореніи называетъ сѣтую-
щаго на свой удѣлъ человѣка гордымъ слѣпымъ безумцемъ и при-
зываетъ Небо стереть его „кичливый рогъ“; поэтъ нашъ говоритъ:

Въ страданіяхъ своихъ ты небо укоряешь.
Творецъ твой не тиранъ: ты страдаешь отъ себя;
Онъ благъ: для счастья Онъ въ міръ призвалъ тебя..
Твой рай и адъ въ тебѣ!.. Брань, брань твоимъ страстямъ!

Отъ себя Жуковский высказываетъ такой взглядъ на достоинство
человѣка:

¹⁾ *Утреннее размышленіе*, перев. съ нѣмецк. изъ соч. Галлера, стих. Молчанова („Распускающийся Цвѣтокъ“, стр. 3).

²⁾ *Эпистола къ бывшему моему другу* („Полез. Упражненіе Юношества“, стр. 207).

³⁾ Книга премудрости и добродѣтели, часть II, стр. 3.

⁴⁾ Соч. Держав. т. I, стр. 72—73.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 71.

Познай себя, познай!—Коль въ дерзкомъ ослѣплены
Захочешь ты себя за край міровъ вознестъ,
Сравнишь со Творцомъ—ты непримѣтна персть!
Но ты великъ собой; сей міръ твое владѣнье,
Ты духомъ тварей властелинъ.
Тебѣ послушно все—ты смѣлою рукою
На бурный океанъ оковы наложилъ,
Пронзилъ утесовъ грудь, перуны потушилъ;
Подоблачны скалы валятся предъ тобою:
Твое велѣніе—законъ!...
Великимъ, мудрымъ быть—твое опредѣленье...

Быть „великимъ, мудрымъ“ препятствуютъ человѣку „страсти“;
къ борьбѣ съ ними Жуковский и призываетъ:

Брань, брань твоимъ страстямъ,

Такой же призывъ встрѣчаемъ и въ стихотвореніи Жуковского
„Миръ“:

Лишь страсти буйныя, строптивы побѣждай,
И будь во брани только съ ними ¹⁾.

Высокое понятіе о достоинствѣ человѣка, о высокомъ значеніи
самаго слова „человѣкъ“ было выработано на Западѣ особенно XVIII
вѣкомъ; идея эта нашла отраженіе и на русской почвѣ. Новиковскій
„Утренній Свѣтъ“ проводитъ идею, что „между видимыми вещами
ничего презищающаго, величественнаго и благороднаго человѣка и его
отъ Источника благъ происходящихъ свойствъ не находимъ“ (ч. I,
Предувѣдомленіе, стр. IX), что природа человѣка совершенна (ч. VIII,
О противорѣчіяхъ въ человѣческой природѣ) и т. п. ²⁾ „Я тѣломъ въ
прахѣ ислѣваю, умомъ—громамъ повелѣваю“, говорилъ Державинъ.
Жуковский въ „Бесѣдахъ съ Богомъ“ читалъ: „Великъ есть человѣкъ,
но самъ себя не знаетъ... Санъ человѣка всегда выше сана королев-
скаго“... ³⁾. Еще:

Плачевный человѣкъ, что самъ въ себя вникаетъ,
Не знаетъ, что онъ есть, ни то, чѣмъ быть желаешь...
Гигантъ и барла онъ, то гибнетъ, то разить...
Онъ можетъ страшныхъ львовъ своей подвергнуть власти,
А собственны свои смиритъ не въ силахъ страсти... ⁴⁾.

¹⁾ Рѣчь. разговоръ и стихи и проч. Декабря 22 дня 1800 г.

²⁾ Срв. *Неселеновъ*, Н. И. Новиковъ, стр. 238—240.

³⁾ Бесѣды съ Богомъ, или Размышленія въ вечернія часы, часть III, стр. 81, 82.

⁴⁾ *Человѣкъ*, пер. съ франц. Евф. Люсенко (Пр. и пол. препр. врем., ч. XI стр. 396—397).

Призывъ Жуковского „познай себя, познай“ должно поставить въ связь съ идеями, циркулировавшими въ кругѣ, вліявшемъ на нашего поэта и нашедшими себѣ выраженіе и въ „Утреннемъ Свѣтѣ“ Новикова ¹⁾, и въ его „Вечерней Зарѣ“ ²⁾, и въ сдѣланомъ И. П. Тургеневымъ переводѣ мистической книги Іоанна Масона „Познаніе самого себя“ (М. 1783; изд. 2-ое М. 1786; изд. 3-е М. 1800), и на страницахъ, напр., „Иппокрены“, гдѣ читаемъ:

„Но гораздо важнѣе и существеннѣе челоѣку *познаніе самого себя*, своихъ правъ и обязанностей, и высокаго достоинства челоѣческаго характера. Подобно какъ отчасу глубочайшимъ изслѣдованіемъ живыхъ и бездушныхъ тварей онъ болѣе и болѣе дѣлаетъ себя независимымъ отъ случайности окружающихъ его предметовъ Природы: такъ просвѣщеннымъ познаніемъ, а еще сильнѣе живымъ чувствованіемъ своихъ правъ и обязанностей и истиннаго своего достоинства исторгаетъ онъ себя отъ пагубнѣйшаго еще рабства собственнымъ и чужимъ превратнымъ побужденіямъ и глупостямъ, *страстямъ*, заблужденіямъ и порокамъ“... ³⁾.

Повторяемая Жуковскимъ мысль о борьбѣ съ страстями внушена ему цѣлымъ рядомъ вліяній. Въ „Бесѣдахъ съ Богомъ“ онъ читалъ:

„Часто рѣшался (я) твердо побѣждать зло, сражаться со страстями и распинать плоть: но первое нападеніе, слабое сраженіе, и весьма легкій трудъ истощалъ уже силы мои... Укрѣпи убо меня, о Всесильный!... Укрѣпи въ сраженіи со грѣхомъ и въ исполненіи христіанскихъ добродѣтелей“... ⁴⁾.

Спаситель! изжени Ты силою своею
Всѣ страсти злобныя изъ сердца зараженна... ⁵⁾

Въ „Книгѣ Премудрости и Добродѣтели“:

„Бороться со страстями есть ихъ (сыновъ Здравія и Умѣренности) утѣха, побѣждать злыя привычки—ихъ слава“ ⁶⁾. Вся 2-я книга первой части „Книги Премудрости и Добродѣтели“ посвящена вопросу о страстяхъ, о борьбѣ съ ними.

¹⁾ *Незеленовъ*, *Op. cit.*, 238

²⁾ Разсужденіе *О познаніи самого себя*. Вечер. Заря, ч. II, стр. 241—251.

³⁾ Изъ статьи: „Просвѣщеніе націй и челоѣческаго рода“ (Иппокрена, ч. IV, стр. 36—37).

⁴⁾ Бесѣды съ Богомъ или Размышл. въ утрен. часы, ч. III, стр. 20—21.

⁵⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 181.

⁶⁾ Кн. Прем. и Добр., ч. I, стр. 36.

Будь страстей своих владѣтель,
Будь на тронѣ человекъ, и т. под.,

поучаль Державинъ ¹⁾).

Въ „Полезномъ Упражненіи юншества“:

Нѣтъ способовъ иныхъ страстей къ преодолѣнью
Какъ то, что ты готовъ заранѣе къ сраженью ²⁾.
О смертный, ложными мечтами ослѣпленный,
Стремящийся туда, лучи гдѣ правды темны,
Въ напасти силою своихъ страстей влекомъ,
Исправься, трепещи, пока не грянетъ громъ! ³⁾

Въ „Ипшокренъ“:

Чѣмъ меньше кто страстямъ внимаетъ,
Скорѣй найдетъ къ блаженству путь...

. . . . страсти побѣждая,

Къ блаженству путь легко найти ⁴⁾.

Начто, моя ты лира,
Притворный тонъ берешь?

Тщету земного міра

Нерѣдко ты поешь,

И учишь услажденья

Мірскаго не вѣушать,

Искать уединенья

И страсти побѣждать ⁵⁾.

„Время ученія Жуковского въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ составляетъ безспорно важнѣйшую эпоху въ его жизни, до сихъ поръ недостаточно оцѣненную“, — сказала покойный Н. С. Тихо-
нравовъ ⁶⁾, и самъ онъ много сдѣлалъ для выясненія и оцѣнки этого
періода жизни и литературной дѣятельности поэта. Захвативъ и пе-
риодъ предшествовавшій, а затѣмъ идя по дорогѣ, указанной Тихо-
нравовымъ, я ставилъ задачей своихъ разысканій о сочиненіяхъ пан-
сіонскаго періода жизни Жуковского разрѣшеніе вопроса о томъ, какъ
и подъ какими вліяніями окружающей среды начала развиваться пи-

¹⁾ *На рожденіе на сѣверъ порфирород. отрока.* Соч. Державина, т. I, стр. 84.

²⁾ *Золотыя изреченія Платона,* Полз., Упр. юнош., стр. 2.

³⁾ *Эпистола къ бывшему моему другу.* Тамъ же, стр. 207.

⁴⁾ Ипшокрена, ч. IV, стр. 22—23. Срв. *Тихонравовъ,* Сочиненія, т. III, ч. 2, стр. 150—151.

⁵⁾ Ипшокрена, ч. VI, стр. 157.

⁶⁾ Соч. *Тихонр.* III. ч. 1. стр. 396.

сательская дѣятельность нашего поэта, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ онъ къ источникамъ этихъ вліяній и къ нашей тогдашней литературѣ вообще.

Ислѣдованіе приводитъ къ выводу, что Жуковскій, вырастая въ семьѣ, интересовавшейся литературой, театромъ, съ дѣтства обнаруживаетъ сильную склонность къ литературному творчеству; попавъ въ учебное заведеніе съ укоренившимся и преобладавшимъ литературнымъ направленіемъ, выразившимся въ изданіи такихъ сборниковъ, какъ „Распускающійся Цвѣтокъ“, „Полезное Упражненіе Юношества“,—Жуковскій встрѣтилъ здѣсь всякое поощреніе въ занятіяхъ писательствомъ; и на выборъ темъ и на обработку и освѣщеніе, тенденцію сочиненій оказали сильнѣйшее вліяніе взгляды и міросозерцаніе людей, въ средѣ которыхъ вращался будущій писатель. Молодого Жуковского охватила идеалистическая атмосфера семьи Тургеневыхъ, И. В. Лопухина и другихъ членовъ бывшаго новиковскаго „Дружескаго Ученаго Общества“ и „Компаніи Типографической“. Пансіонское начальство съ Прокоповичемъ - Антонскимъ во главѣ установило кругъ обязательнаго поучительнаго чтенія пансіонеровъ, устраивало ученическіе спектакли, ставя на сцену поучительныя пьесы, побуждало своихъ питомцевъ къ литературной дѣятельности; порою прямо ученикамъ задавалось приготовить стихи, рѣчь; организованы были литературныя собранія, сталъ выходить специальный органъ—„Утренняя Заря“.

Писательство Жуковского въ пансіонѣ зависѣло отъ внушавшихся ему школьныхъ правилъ, теоріи, отъ вліянія преподавателей, руководившихъ и направлявшихъ опыты своихъ питомцевъ. Школьники Жуковскій долженъ былъ отдать обильную дань корифеямъ предшествовавшей литературы—Ломоносову, Державину, сочиненія которыхъ продолжали считаться тогда высочайшими образцами, недосягаемымъ идеаломъ поэтического творчества; Жуковскій и его товарищи заимствовали у нихъ образы, выраженія, порою цѣлыя мѣста, стремились усвоить ихъ „монументальный“ стиль.

Начавъ, однако, свое поэтическое поприще въ то время, когда очень моднымъ костюмомъ была „флеровая мантия меланхоли“, порою такъ любили драпироваться тогдашніе сентименталисты, проливавшіе слезы подъ Симоновымъ монастыремъ у Лизина пруда,—Жуковскій рѣшительно сталъ въ ряды литературнаго теченія, представленнаго тогда въ Москвѣ такими журналами, какъ „Приятное и полезное препровожденіе времени“ и „Иппокрена“, съ Подшиваловымъ и Со-

хацкимъ во главѣ; Жуковского увлекъ потокъ этого теченія, онъ подчинился признаваемымъ здѣсь литературнымъ авторитетамъ, русскимъ и иноземнымъ (Юнгъ, Макферсонъ и проч.), усвоилъ и твердилъ уроки этой своей литературной школы; онъ набрасывалъ идиллическія сцены крестьянъ и деревни, рисовалъ меланхолическія картины, копируя страницы названныхъ журналовъ; восхвалялъ, вслѣдъ за своими авторитетами, смерть, представляя ее благомъ, и, гуляя мыслью по кладбищамъ,

Пѣль поблишій жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ восемнадцать лѣтъ.

Онъ опередилъ, однако, другихъ представителей той же школы въ области версификаціи, сообщивъ своему стиху мягкость и благозвучіе, которыя приводили въ восхищеніе современниковъ.

XI.

М. А. Дмитріевъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ:

„До 1812 года и лѣтъ десять послѣ средоточіемъ русской литературы была Москва. И тѣ писатели, которые не жили въ ней постоянно, напримѣръ, Батюшковъ, Воейковъ, Давыдовъ, примыкали къ ней же и печатали свои произведенія больше въ московскихъ изданіяхъ: въ Аонидахъ Карамзина, въ Вѣстникѣ Европы, потомъ въ Амеіонѣ, въ Россійскомъ Музеумѣ и проч... Петербургъ имѣлъ тогда своихъ особенныхъ поэтовъ и писателей, не безъ таланта, но далеко не равнявшихся съ тѣми, которые принадлежали къ школѣ Карамзина и Дмитріева, ни живостью поэтического чувства, ни красивостью языка“ ¹⁾...

Стремленіе къ литературнымъ занятіямъ, какъ единственному, можетъ быть, живому труду, въ которомъ могла проявиться самодѣятельность, было развито въ то время въ учебныхъ заведеніяхъ. Стремленіе это сильно поддерживалось возникавшими литературными кружками, обществами, въ родѣ „Собранія университетскихъ питомцевъ“ при Московскомъ университетѣ ²⁾, „Собранія воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона“ и т. п.; и многіе изъ нашихъ видныхъ впослѣдствіи даровитыхъ общественныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ государственной службы въ молодости увлекались мечтами о славѣ литературной, выступали съ произведеніями въ томъ или

¹⁾ Мелочи изъ запаса моей памяти, М. 1869, стр. 222.

²⁾ О немъ см., напр., *Лопиновъ*, Новиковъ и Москов. Мартинисты, стр. 136.

другомъ журналѣ ¹⁾. Отрицательная сторона этого явленія заключалась въ томъ, что порою и молодые люди, совершенно чуждые какого-либо поэтическаго таланта, не желая отстать отъ болѣе даровитыхъ, вымучивали изъ себя риэмы, втискивали свою совершенно прозаическую рѣчь въ прокрустово ложе хореевъ и ямбовъ—и наводняли печатныя изданія стихами, которые, конечно, не могли содѣйствовать поступательному движенію нашей литературы. Но для литературныхъ талантовъ это была весьма благопріятная атмосфера для развитія.

А. Ѳ. Мерзляковъ, основываясь на личныхъ наблюденіяхъ и воспоминаніяхъ, даетъ такую характеристику литературныхъ кружковъ начала XIX вѣка:

„Съ восшествіемъ на престолъ любознательнаго, мудраго Государя Императора, науки обогащающаго, ученыхъ отличающаго (Александра I)... всѣ устремились съ невѣроятнымъ рвеніемъ къ обработанію Россійскаго слова... Молодые дворяне составили изъ трудовъ словесности свои любезнѣйшія занятія; и всякое состояніе вообще обратило на нее взоръ свой... Въ сіе время блистательно обнаружилась охота и склонность къ словесности во всякомъ званіи... Сей духъ быстрый и благотворительный произвелъ весьма многія частныя ученныя собранія литературныя, въ которыхъ молодые люди, знакомствомъ или дружествомъ соединенные, сочиняли, переводили, разбирали свои переводы и сочиненія, и такимъ образомъ совершенствовали себя на трудномъ пути словесности и вкуса. Въ Петербургѣ и Москвѣ существовали таковыя общества, не думающія ни объ извѣстности своей, ни о выгодахъ, но живущія единственно удовольствіями, внутри самихъ себя заключенными, однимъ словомъ наслажденіями ученія; говорю о собраніяхъ дружескихъ потому особенно, что я самъ во многихъ изъ нихъ участвовалъ, и сіе время жизни моей почитаю и всегда почитать буду самымъ счастливѣйшимъ, золотымъ, невозвратимымъ временемъ моей жизни... Пламенная любовь къ литературѣ, простыя искреннія расположенія другъ къ другу, свобода, сладостная безпечность, любезная мечтательность,

¹⁾ Явленіе это не представляло чего-либо оригинальнаго, исключительнаго: конецъ XVIII и начало XIX вѣка были эпохой, „où la poésie n'était pas le culte solitaire de quelques rêveurs perdus parmi les indifférents, mais un plaisir d'habitude, familier à un grand nombre d'intelligences, ou, si l'on veut, une distraction élégante, presque aussi répandue que l'est aujourd'hui la pratique du piano“. *Gustave Merlet, Tableau de la littérature française 1800 — 1815. Paris, 1883, I — III. 1-re partie, p. 151.*

нительность къ добру, невинная, охотная, безкорыстная, даже изступленная: вотъ что было жизнію нашихъ собраній, нашихъ разговоровъ, нашихъ дѣйствій!.. Мы строго критиковали другъ друга письменно и словесно, разбирали знаменитѣйшихъ писателей, которыхъ почитали образцами своими, разсуждали почти о всѣхъ важнѣйшихъ для человѣка предметахъ, спорили много и шумно за столомъ ученымъ, и расходились добрыми друзьями по домамъ“ ¹⁾.

Въ средѣ одного изъ подобныхъ литературныхъ кружковъ совершалось литературное развитіе молодого Жуковского; изученію дѣятельности членовъ этого кружка я и посвящаю послѣдующія страницы.

Александръ Ивановичъ Тургеневъ, вспоминая время своей юности, рассказываетъ: „Нѣсколько молодыхъ людей, большею частью университетскихъ воспитанниковъ, получали почти все, что въ изящной словесности выходило въ Германіи, переводили повѣсти и драматическія сочиненія Коцебу, пересаживали, какъ умѣли, на русскую почву цвѣты поэзіи Виланда, Шиллера, Гёте, и почти весь тогдашній новѣйшій пѣмедкій театръ былъ переведенъ ими; многое принято было на театрѣ московскомъ. Корифеями сего общества были Мерзляковъ и А. Т. (Андрей Тургеневъ) ²⁾.

Это было „Дружеское литературное общество“, уставъ котораго, подъ названіемъ „Законы дружескаго литературнаго общества“, былъ подписанъ 12-го января 1801 года образовавшими его членами: М. Кайсаровымъ, В. Жуковскимъ, Андреемъ Тургеневымъ, Александромъ Воейковымъ, Александромъ Тургеневымъ, Семеномъ Родзянкой, А. Мерзляковымъ, А. Кайсаровымъ, А. Офросимовымъ.

„Законы дружескаго литературнаго общества“ напечатаны Н. С. Тихонравовымъ ³⁾. Началомъ, соединявшимъ членовъ общества, былъ „духъ благій дружества, сердечная привязанность къ своему брату, взаимное довѣріе, любовь къ человѣчеству, ко всему изящному, стре-

¹⁾ *Мерзляковъ*, Воспоминаніе о Ѳ. Ѳ. Ивановѣ. Труды Общества Любит. Росс. Слов. при Моск. ун-в., М. 1817, часть VII, стр. 101—104.

²⁾ „Отрывокъ изъ записной книжки путешественника“.—Современникъ 1837 г., т. V, стр. 304—305.

³⁾ Сборникъ Общества Любит. Росс. Словесности на 1891 г. М. 1891, стр. 1—14. „Общество, уставъ котораго появляется теперь въ печати, основано было В. А. Жуковскимъ“, сказано здѣсь въ подстрочномъ примѣчаніи, и сдѣлана ссылка между прочимъ на *М. Дмитріева*, Мелочи изъ запаса моей памяти, стр. 180; но у Дмитріева идетъ рѣчь не о „Дружескомъ литературномъ Обществѣ“, а о ранѣе возникшемъ „Собраніи воспитанниковъ университета Благороднаго пансіона“.

нѣжное доброжелательство къ ползкамъ другого“¹⁾. Цѣлью своею члены ставили— „при взаимныхъ пособіяхъ“, служа „Добродѣтели и Истинѣ“, найти и образовать въ себѣ „лестный талантъ трогать и и убѣждать другихъ словесностію“; для достиженія этой цѣли члены общества должны были „особенно заняться теоріею изящныхъ наукъ“, „трудиться надъ собственными своими произведеніями, обрабатывая ихъ со всевозможнымъ раченіемъ“, подвергать разбору и критикѣ сочиненія и переводы на русскій языкъ; „Критика касается до плана піэсы, до словъ, выраженій, оборотовъ, въ прозѣ до гладкости, ясности и пріятности стіля, въ стихахъ до мѣры стиховъ, рѣймъ, гармоніи; опроверженіе же касается до мыслей автора“. Засѣданія общества предполагалось устраивать одинъ разъ въ недѣлю. „Всякой разъ долженъ чередной ораторъ читать рѣчь“; „выборъ матерій“ предоставлено было „дѣлать всякому члену для себя“. Кромѣ рѣчей „чередного“ оратора предметомъ занятій общества были: „философическія и политическія сочиненія“, „философическіе и политическіе переводы“, „беллетрическія сочиненія“, „беллетрическіе переводы“, „критика и опроверженіе философическихъ піэсъ“, „критика и опроверженіе беллетрическихъ піэсъ“, наконецъ „чтеніе лучшихъ иностранныхъ и національныхъ авторовъ“²⁾.

Общество имѣло серьезное вліяніе на членовъ, какъ въ высшей степени благопріятная атмосфера для развитія природныхъ литературныхъ вкусовъ и наклонностей тѣхъ изъ нихъ, кто ими обладалъ. Такъ дѣйствовало это общество на одного изъ „коринеевъ“ его, по приведенному выше выраженію А. П. Тургенева, именно на Мерзлякова. Много лѣтъ спустя, въ 1815 г., въ критической статьѣ своей о Россіадѣ Хераскова, онъ ссылается на „правпла, которыя пріобрѣлъ въ незабвенномъ любознательномъ обществѣ словесности“, вспоминаетъ о тогдашнихъ „безцѣнныхъ бесѣдахъ“, и намѣревается „изобразить тогдашнія наши размышленія о Россіадѣ“, о которой и говорить какъ о „первомъ и важнѣйшемъ предметѣ во множествѣ хорошихъ сочиненій стихотворныхъ“. Въ засѣданіяхъ общества, вспоминаетъ Мерзляковъ, „мы, по истинѣ управляемые благороднѣйшею цѣлью, всѣ въ цвѣтѣ юности, въ жару пылкихъ лѣтъ, одушевленные единымъ благодатнымъ чувствомъ дружества, не отравленнымъ частными выгодами самолюбія, учили и судили другъ друга въ первыхъ

¹⁾ Сборникъ Общ. Люб. Росс. Слов. на 1891 г., стр. 13.

²⁾ Ibid., стр. 1—4.

нашихъ занятіяхъ, и жертвуя повидимому своимъ удовольствіямъ, между тѣмъ нечувствительно и скромно, исполненные патріотизма и любви къ изящному, приготавливали себя на будущее наше служеніе“ ¹⁾.

XII.

Самое раннее изъ сохранившихся стихотвореній А. Ѳ. Мерзлякова, написанное въ 1792 г., было напечатано въ издававшемся Ѳедоромъ Осиповичемъ Туманскимъ журналѣ „Россійскій Магазинъ“ (С.-Пб. 1792—1794), подъ заглавіемъ: *Ода, сочиненная Пермскаго главнаго народнаго училища 13-тилтнимъ ученикомъ А. М. (Алексѣемъ Мерзляковымъ), который кромѣ сего училища нигдѣ индѣ ни воспитанія ни ученія не имѣлъ* ²⁾, съ такимъ примѣчаніемъ издателя ³⁾: „Сія ода сообщена мнѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отъ г. надворнаго совѣтника Михаила Александровича Ковалева. Какъ существованіе оныя должно почестъ плодомъ отъ корене, Преобразителемъ Россіи Петромъ Великимъ въ новосозданномъ градѣ насажденнаго, котораго вѣтви, волею нынѣ счастливо царствующія Императрицы, распространены и въ дальные отечества нашего предѣлы, то я почелъ небезмѣстнымъ сообщить оную здѣсь, тѣмъ паче, что она я есть произведеніе малолѣтнаго и доказательство, что дару естества, которымъ оно снабжаетъ стихотворцевъ, нужно токмо образованіе и случай, и что они вездѣ и во всякомъ народѣ рождаются разныхъ степеней по различной мѣрѣ врожденнаго дара. Ѳ. Т.“ ⁴⁾.

Ода написана на заключеніе мира со Швеціей. Представившій ее въ Петербургъ, въ комиссію объ учрежденіи училищъ, генераль-гу-

¹⁾ „Амфіонъ“, М. 1815, книга I, стр. 59—52.

²⁾ „Росс. Магазинъ“, ч. I (1792—1793), ноябрь, стр. 257—262.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Черезъ директора училищъ Пермской губ. И. И. Панаева, пермскаго и тобольскаго генераль-губернатора А. А. Волкова и наконецъ главнаго начальника народныхъ училищъ графа П. В. Завадовскаго, ода Мерзлякова сдѣлалась извѣстною имп. Екатеринѣ. Въ собственноручной автобиографической запискѣ Мерзлякова, принадлежавшей М. П. Погодину, сказано, что „благотѣльная государыня приказала напечатать се сочиненіе въ издаваемомъ тогда при Академіи журналѣ (?) и сверхъ того нѣсколько экземпляровъ особенно для сочинителя“. Они были присланы въ Пермь, при Высочайшемъ рескриптѣ къ директору съ повелѣніемъ, чтобы по окончаніи курса наукъ въ училищѣ Мерзляковъ былъ отправленъ на казенный счетъ въ Петербургъ или Москву для продолженія наукъ. Стихотворенія А. Ѳ. Мерзлякова, изд. Общ. Люб. Росс. Слов. при Моск. ун-въ., подъ ред. М. П. Полуденскаго, М. 1867, ч. I, примѣч., стр. 4. Здѣсь дѣло представлено не совсемъ точно: срв. *Сухомлиновъ*, А. С. Кайсаровъ и его литер. друзья, Изв. II отд. Ак. Н., т. II, кн. I, стр. 3.

бернаторъ А. А. Волковъ писалъ при этомъ: „Сей сочинитель... нигдѣ кромѣ здѣшняго (Пермскаго) училища не обучался и въ стихотворствѣ ни отъ кого не былъ наставляемъ, да и нѣтъ здѣсь людей такихъ, отъ которыхъ бы можно было кому въ ономъ заимствовать, а читалъ онъ только Ломоносовы сочиненія, и примѣняясь къ нимъ написалъ свою оду“ ¹⁾).

Послѣднее замѣчаніе—о вліяніи сочиненій Ломоносова,—очевидно, повторено Волковымъ со словъ самого юнаго стихотворца, допрошеннаго генераль-губернаторомъ, присутствовавшимъ на экзаменѣ и заинтересовавшимся поднесенною ему при этомъ одою ²⁾). На этой первой одѣ Мерзлякова, дѣйствительно, сказалось сильнѣйшее вліяніе оды Ломоносова.

Ода начинается:

Великая Еватерина
Достойная монарховъ дщерь,
Блаженства нашего причина
Отверзла намъ къ Парнасу дверь;
Вездѣ ея гремяща слава
Благополучная держава,
Ведутъ меня на Геликонъ;
И духъ и сердце возлетаютъ
Туда, гдѣ музы обитаютъ
И гдѣ гремящій Аполлонъ.

Срв. у Ломоносова:

Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина... (о Петрѣ)
(Соч. Ломонос., ред. Сухомл., стр. 148).

Великая Петрова Дщерь
Довольство музъ усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь
(Тамъ же, стр. 149).

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верьхъ горы высокой...
Я слышу чистыхъ сестръ музыку,
Пермессвимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно въ оныхъ ливу...
(Тамъ же, стр. 12).

¹⁾ *Сухомлиновъ*, А. С. Кайсаровъ, Изв. II отд. Ак. Н. П., ч. 1, стр. 3, со ссылкой на Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, картонъ 2, № 36726, Опре- дѣленія комиссіи объ учрежденіи училищъ, 1792 года, августа 27 дня, № 31.

²⁾ Тамъ же, стр. 3.

У Мерзлякова:

Се Петръ себя являетъ свѣту...
Россія посреди утѣхъ,
Науки вводитъ, просвѣщаетъ,
Громъ страшный на враговъ пушаетъ
И видитъ въ радости успѣхъ.

Срв. *Ломоносовъ*, Соч., ред. Сухомл., I, стр. 147—148 (характеристика дѣяній Петра).

У Мерзлякова:

Спокойствомъ мирнымъ наслаждаюсь...
Мать Россовъ посреди утѣхъ
Наукамъ строить вертограды...
Свѣтъ мудрости ея сіяетъ,
Счастливыхъ Россовъ озаряетъ,
Даетъ имъ радость и покой...

У Ломоносова:

Я Россовъ щастьемъ улаждаюсь
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ...
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изводила Елизаветъ...
Великая Петрова дочь
Довольство музъ усугубляетъ
И къ щастью отверзаетъ дверь...

(Тамъ же, стр. 146, 149).

У Мерзлякова:

Внимайте всѣ страны вселенны,
Престань отъ страху океанъ,
Пусть вѣчно музы восхищенны
Поютъ спокойство сихъ временъ...

У Ломоносова:

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ...
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хочетъ лира восхищенна
Гласить велики имена...

(Тамъ же, стр. 146—147).

Въ декабрѣ 1793 г. Мерзляковъ былъ опредѣленъ на казенный счетъ въ Московскую гимназію; въ 1795, 1796 и 1797 г. имя Мерз-

лякова встрѣчается въ спискахъ гимназистовъ, отличившихся и получившихъ награды. Въ 1798 г. Мерзляковъ является первымъ въ числѣ казеннокоштныхъ студентовъ, переведенныхъ въ университетъ. Въ 1799 г. онъ первенствуетъ въ печатномъ спискѣ казеннокоштныхъ студентовъ, отличившихся въ похвальной поведеніи, и получилъ золотую медаль ¹⁾.

Съ Московскимъ университетомъ, по собственному выраженію Мерзлякова, его „породнилъ“ тогдашній директоръ университета И. П. Тургеневъ ²⁾. Мерзляковъ тѣсно сошелся и съ семьей послѣдняго. А. Ив. Тургеневъ въ своемъ дневникѣ ^{9/21} ноября 1803 г., вспоминая о годахъ, проведенныхъ имъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, между прочимъ записываетъ: „Съ Мерзляковымъ познакомилъ меня братъ (Андрей), открылъ мнѣ въ немъ друга и благодѣтеля, я любилъ его для него самого и для того, что братъ его любилъ; онъ меня любилъ для того, что братъ былъ моимъ братомъ... можетъ быть онъ любилъ меня и для меня самого“... ³⁾.

Андрей Тургеневъ и Мерзляковъ затѣваютъ общее литературное предпріятіе: „Наконецъ мы рѣшились съ Мерзляковымъ переводить Вертера и сперва принимаемся за первую часть“, читаемъ въ письмѣ А. Тургенева отъ 19-го августа 1799 г. ⁴⁾.

Будущій официальный поэтъ Московскаго университета, А. О. Мерзляковъ уже въ эту эпоху своихъ *Lehrjahre* становится присяжнымъ стихотворцемъ, печатаетъ свои произведенія въ тогдашнихъ московскихъ изданіяхъ. Развивалась стихотворческая дѣятельность его главнымъ образомъ въ томъ направленіи, къ которому онъ обратился уже въ устроившей всю его судьбу одѣ на мирь со Швеціей. Послѣдователь и подражатель Ломоносова, онъ усвоилъ „монументальный“ стиль торжественной лирики:

Уже хаоса дщерь ужасна
На тяжкихъ крыліяхъ во свѣтъ,
Какъ буря ниспустившись мрачна,

¹⁾ Біографическій словарь Моск. ун-в., II, 53, 55.

²⁾ „Университетъ, пишетъ Мерзляковъ, для меня всегда былъ чужимъ мѣстомъ: одинъ Иванъ Петровичъ могъ породнить меня съ нимъ“... (Письмо Мерзлякова отъ 16-го сентября 1802 г. къ А. И. Тургеневу и А. С. Кайсарову, см. *Сухомлиновъ*, А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья, Изв. II отд. Акад. Н. т. II, кн. 1, стр. 27).

³⁾ Акад. *Веселовскій*, В. А. Жуковскій, С.-Пб. 1904, стр. 51—52.

⁴⁾ *Веселовскій*, Жуковскій, стр. 58.

Простерла въ облакахъ полеть.
Ея одежда—тучи черны,
Усыянныя тмою звѣздъ,
Что сыплютъ искры свѣта блѣдны
Въ пространства безконечны мѣсть.

Летить!—и воздухъ страшно воетъ,
Гнетомый тяжестью подъ ней;
Размахомъ крылъ вселенну кроетъ;
Мракъ сыплетъ изъ своихъ очей;
Отъ персей росу проливаетъ;
На тучи новыхъ горы тучъ
Кладетъ,—и небо помрачасть... ¹⁾

Но кто нисходитъ тамъ съ небесъ,
На мѣсто смотреть страшна бою,
И проливаетъ тоби слезъ,
Въ рукѣ несетъ вѣнцы златые;
Безсмертѣя книгу растворивъ,
Въ ней пишетъ имена святѣя.

Прославленна средь тяжкихъ битвъ,
Се ты любовь, любовь священна
Къ отечеству, къ его сынамъ,
Усердемъ, вѣрою возженна
Отъ горнихъ мѣсть нисходишь къ намъ!
Сошла!—и мраки освѣтились
Блестаніемъ лучей твоихъ... ²⁾

Се, мощный Россѣ одѣянъ славой
Въ броню стальную и шелома,
Опершись на Кавказъ стоголавой,
Стоитъ, въ рукахъ имѣетъ громъ... ³⁾

На мрачныхъ тучахъ возсѣдая
Священна, томна тишина,
Уста громамъ небесъ сжимаю,
Лелѣя бури въ узахъ сна,
Весильнымъ перстомъ прикоснулась
До слуховъ міра... ⁴⁾
Подъ небомъ сумрачнымъ, печальнымъ,
Межъ стѣнъ, стоящихъ средь тѣхъ мѣсть,
Гдѣ тихія струи, кристалльны
Нева стена едва влечетъ,
На мраморномъ помостѣ зрится
Печальный гробъ царицы сей,

¹⁾ „Ночь“ стих.—Пр. и Пол. препров. врем., ч. X (М. 1796), стр. 155.

²⁾ Стих. „Ратное поле“,—тамъ же, ч. XII (М. 1796), стр. 78.

³⁾ Стих. „Россѣ“,—тамъ же, ч. XIII (М. 1797), стр. 143.

⁴⁾ „Великія явленія на сѣверѣ“—тамъ же, ч. XIII, стр. 309.

Предъ нимъ оltарь сердцеъ вурится,
Усердьемъ посвященныхъ ей;

Предъ нимъ, склонившись на колѣна,
Жена отчаянна стоитъ
Въ одежды мрачны облеченна,
На гробъ,—на небо томно зреть.
Орель печальный быстры крыла
Уныло распростеръ надъ ней;
Тьма взоръ его пріосѣнила;
Смоченъ слезами изъ очей,
Погасъ въ когтяхъ его громъ страшный,
У ногъ ея простертъ, лежитъ
Ея бездѣйственъ щитъ ужасный;
Тамъ брошенный булатъ, покрытъ
Печальной мглою, въ прахъ тлѣеть,
Зеленый лавръ ея мертвѣеть... 1)

Это—образъ печальной Россіи у гроба скончавшейся имп. Екатерины.

Група произведеній Мерзлякова, изъ которыхъ взяты приведенныя выдержки, принадлежитъ къ той же ломоносово-державинской школѣ, что и пансіонскія оды Жуковскаго.

Въ 1801 году Мерзляковъ напечаталъ нѣсколько произведеній торжественной лирики.

По случаю вступленія на престолъ императора Александра I онъ пишетъ „Стихи на всерадостнѣйшій день восшествія на всероссійскій прародительскій престолъ Е. И. В. Всеавгустѣйшаго Государа Императора и Самодержца Всероссійскаго Александра Павловича, 1801 года марта 12 дня“ 2).

Живъ Богъ, живъ Богъ и Россъ великій,
И сѣверъ—домъ чудесъ его!
Сберитесь радостные ливи,
И пламя сердца своего
Передъ лицомъ царя излейте,
И вашу вѣрность печатлите
Слезами искренней любви,—

такъ начинается эта ода; въ ней воспѣвается „дней Александровыхъ прекрасное начало,“ и одушевлявшее тогда русское общество настроеніе отразилось въ стихотвореніи тѣмъ, что Мерзляковъ, выдер-

1) Тамъ же, стр. 313.

2) Издана отдѣльной брошюрой, М. 1801 г. См. Соч. Мерзлякова, изд. подъ ред. Полуденскаго, ч. I, стр. 58—64 и примѣч. стр. 04—05.

живая „монументальный“ стиль, высказывается гораздо болѣе самостоятельно, не прибѣгая къ литературному подражанію:

Екатерины вѣкъ родился,
Какъ день предъ Фебовымъ лицомъ!
Ты (Александръ) возсіялъ ея душою,
И міръ процвѣлъ передъ Тобою!
Щедрота, мнлость, правота.
Престоль Твой славный обступили,
И добродѣтели служили,
Тебѣ любезныя всегда.
Заслуга, доблесть посѣдѣлы
Передъ лицомъ Твоимъ стоять...
И се! вѣнцы у нихъ отъяты
На ихъ главахъ оишь блестятъ...
Проникнулъ лучъ живый, любезный
Во мракъ печалей, горькихъ бѣдъ,
Разсыпался врата желѣзны,
И осіялъ темницы свѣтъ...

Стихи были поднесены Государю отъ Московскаго университета, вслѣдствіе чего Императоръ прислалъ два милостивые рескрипта, отъ 4 апрѣля 1801 г.—одинъ на имя куратора князя Ѳ. Н. Голицына, другой на имя директора Павла Петровича Тургенева. Университетъ праздновалъ эту монаршую милость особеннымъ торжествомъ 14 апрѣля 1801 года. Мерзляковъ изготавилъ и произнесъ на торжествѣ новое стихотвореніе ¹⁾:

Настройте, музы восхищенны
Настройте лиру мнѣ мою,
Да въ сонмѣ вашемъ оживленный,
Еще монарха воспую...

Въ стихахъ гораздо больше реторикъ, чѣмъ искренняго настроенія—отсюда и „лира“, и „музы восхищенны“, и вновь отзвуки образцовъ и старыхъ авторитетовъ. Ломоносовъ призывалъ русскихъ юношей:

Держайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,

¹⁾ Напечатано было въ брошюрѣ: „Всерадостный гласъ благодаренія московскихъ музъ Вседержавному Монарху Россовъ, Александру I, торжественно произнесенный апрѣля 14 дня, за изъясненное Его Импер. Величествомъ всемилостивѣйшее къ нимъ благоволеніе въ высочайшихъ къ начальникамъ Московскаго университета рескриптахъ отъ 4-го апрѣля сего 1801 года. М. 1801, стр. 15—19. См. Соч. Мерзляк. подъ ред. Полудев., ч. 1, стр. 219, примѣч. стр. 011.

Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Мерзляковъ, видимо, тоже „ободренный“ рескриптами имп. Александра I, объщаетъ:

Родятся пакъ Магелланы
И новыя моря пройдутъ.
Шуваловы родятся славны,
Россію миромъ вознесутъ,
Возстанутъ быстрые Невтоны
И небу подадутъ законы;
Россіи геній свѣтъ прольетъ
Надъ удивленною вселенной...

Коронаваніе Александра I Московскій университетъ праздновалъ торжественнымъ собраніемъ 25-го сентября 1801 года; былъ произнесенъ рядъ рѣчей, а Мерзляковъ прочиталъ новую сочиненную имъ оду ¹⁾:

Объялъ вселенну свѣтъ безсмертный!
Умогло все! Речъ Царь Царей
Монарху россиныхъ странъ блаженныхъ:
Одѣнся силою моею....

Парадная ода эта представляетъ сплошную реторику; отзвуки Державина, Ломоносова:

Какое зрѣлище препрасно,
Предъ мной открылся времена.
Я зрю вдали Россію ясно;
Обилье, слава, тишина,
Надъ ней, какъ солнца въ небѣ, блещутъ;
Враги завидуютъ, трепещутъ;
Се просвѣщенія плодъ златой!
Какъ Богъ, невидимый для смертныхъ,
Лишь видимъ въ благостяхъ нечетныхъ,
Ты зришь повсюду Царь молодой!
Подъ сѣнью тишины священной,
Съ далекихъ волжскихъ береговъ,
Тамъ трудолюбіе блаженно,
Родитель славы, сплъ, громовъ,
Чрезъ горы руку простираетъ,
И съ именемъ Твоимъ собираетъ

¹⁾ Издана брошюрой. М. 1801. Соч. Мерзл., ред. Полуден., ч. I, стр. 65 -74.

Зерно блаженствъ, отрадь въ браздахъ!..
Въ одеждѣ пламенно-желѣзной
Куеть перуны тамъ Рифей!
Наперсница Авроры нѣжной,
Вѣнчанная ея зарей,
Сибирь, природы дщерь богата,
Сокровища сребра и злата
Тебѣ несеть въ усердной дарь...

Къ 1801 же году относится риторическое стихотвореніе Мерзлякова „Слава“¹⁾. Шевыревъ объ этомъ произведеніи высказался такимъ образомъ: „Оно своею формою напоминаетъ Шиллеровъ гимнъ радости. Здѣсь замѣтно зрѣеть поэтическое дарованіе Мерзлякова. Мысль о славѣ взята не отъ одной земной славы, но почерпнута глубже, изъ религіознаго источника. Нѣкоторыя строфы вылились превосходно изъ души, исполненной восторга неподдѣльнаго. Но просодія Державинская еще преобладаетъ въ недостаткѣ благозвучной риемы“²⁾.

Державину же, именно его знаменитой одѣ „Богъ“ подражалъ Мерзляковъ и въ своемъ гимнѣ „Непостижимому“:

Къ Тебѣ я духомъ возвышаюсь,
Первоначальная вина!
Источникъ вѣчной жизни, свѣта... и проч.

Дружба съ семьей и кружкомъ Тургеневыхъ сблизила Мерзлякова съ юными литераторами Университетскаго Благороднаго Пансіона, и гимнъ „Непостижимому“ явился среди трудовъ послѣднихъ—во II книжкѣ *Утренней Зари* (М. 1803, стр. 1—8). Въ это время Мерзляковъ былъ уже преподавателемъ въ Пансіонѣ.

Близость Мерзлякова къ тургеневскому кружку даетъ себя чувствовать. Въ стихотвореніяхъ Мерзлякова встрѣчаемъ тѣ же темы, тѣ же идеи, какія господствовали въ сферѣ кружка Тургеневыхъ и нашли себѣ выраженіе, между прочимъ, и у Жуковскаго:

Жизнь нашу эта ночь являетъ:
Сокрыты пропасти отъ глазъ...
Пусть *добродѣтель* провождаетъ
Всегда во мглѣ идущихъ насъ³⁾...

¹⁾ Издано отдѣльною брошюрой, М. 1801; см. Соч. Мерзл. ред. Похуден., ч. 1, стр. 207—218.

²⁾ Біографич. словарь Москов. университета, т. II, стр. 56—57.

³⁾ Стих. „Ночь“—Пр. и под. препр. врем., ч. X, стр. 160.

Теперь напой грудь чисту, духъ невинный
Струями мудрости!... Съ душою мирной
Предай себя всему, что *доблестю* чтуть ¹⁾.

Что здѣсь вѣчно? Все пройдетъ!
Часъ ударилъ! Солнце красно,
Какъ увядшій цвѣтъ, падеть!
Гласъ твореній умираетъ
Въ разрушительныхъ громахъ.
Смерть триумфъ уготовляетъ.
Стой, исчезни, ада страхъ!
Ободритесь, славы чада!
Благость! Доблестъ! Правота!
Не умереть для васъ награда,
Слава съ вами навсегда! ²⁾.

Ср. у Жуковского стих. „Добродѣтель“, предисловіе къ пов. „Вадимъ Новгородскій“ и т. п.

Герой, кто отечества славу любя,
Въ опасности бодро ввергаетъ себя..
И слезы несчастныхъ сиротъ отираетъ ³⁾.

Срв. у Жуковского обработку той же темы объ истинномъ героизмѣ.

Что наша жизнь?—болѣзни, бѣдства;
Что человекъ?—минутный червь..
Одинъ ли только ты несчастенъ?
Всѣ люди—жертвы всѣ злыхъ бѣдъ ⁴⁾...

Срв. у Жуковского стих. „Человекъ“ и наши замѣчанія по поводу этого произведенія въ главѣ X.

Нашло отзвукъ въ стихотвореніяхъ Мерзлякова и меланхолическое настроеніе:

Въ часъ полночной, тихой, скромной
Пробуждаетъ *скорбь* меня,
Хладной мышцей къ груди томной
Прикоснувшись: „Встань отъ сна!..“

¹⁾ Посланіе къ Лоллію (тамъ же, ч. XVIII, стр. 297)—переводъ изъ Горация (Epistol., I, № 2); въ латинскомъ подлинникѣ:

. . . Nunc adhibe puro
Pectore verba, puer, nunc te melioribus offer.

²⁾ Стих. „Слава“—соч. Мерзлякова изд. подъ ред. Полузенскаго, т. I, стр. 210.

³⁾ Стих. „Истинный герой“—Пр. и пол. пресп. врем., ч. X, стр. 256.

⁴⁾ „Вольному другу I. A. Л—у“—тамъ же, ч. XVIII, стр. 171.

Пало счастья зданье стройно,
И мечтаній рои пропалъ...
Бурямъ грому обнажился
Ты внезапно злой судьбой...
Жизнь твоя—кипуще море;
Ты одинъ, одинъ средь волнъ
Предаешь пучинѣ чолнъ... ¹⁾

Въ письмѣ Г. П. Каменева отъ 21-го ноября 1800 г. читаемъ:

„Отобѣдавши съ Иваномъ Володимировичемъ (Лопухинимъ) на прошедшей недѣлѣ у Тургенева, я читалъ стихи и рѣчь, сочиненные въ университетѣ на день учрежденія сего училища въ честь Шувалову, первые *Мерзлюковымъ*, вторая—Сахацкимъ. Стиховъ подобныхъ имъ давно не читалъ я на русскомъ языкѣ. Тургеневъ спросилъ меня, которыя мѣста мнѣ болѣе нравятся. Я сказалъ, что начало:

Въ печальной тишинѣ, въ одеждѣ гробовой,
Стопою медленной къ намъ день тотъ возвратился,
Что общей радости, блаженства былъ виной
И счастью росскаго Парнаса веселился.

И призываніе:

О ты, что у гробницъ бесѣдуешь съ вѣками,
Подруга и сестра полунощи сѣдой,
Приди, о скорбь, приди и пр.

Я попалъ на его вкусъ, давши замѣтить, что послѣдніе стихи взяты изъ Юнга. Но онъ сказалъ мнѣ, что Мерзлюковъ никогда не читалъ его“ ²⁾...

¹⁾ „Утѣшеніе въ печали“—Пр. и пол. препр. врем., ч. XVIII, стр. 138, 139.

²⁾ *Боброевъ*, Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в.; т. III, стр. 149—150: Письма Г. П. Каменева къ С. А. Москотильшикову.—Стихотворенія этого въ собраніи стихотвореній Мерзлякова. изд. Общ. Люб. Росс. Слов. подъ ред. Полуденскаго, нѣтъ; оно напечатано въ книгѣ: „Рѣчи и стихи, читанныя въ разные времена на частныхъ актахъ Московскаго университета, въ воспоминаніе кончины основателя онаго И. И. Шувалова“. М. 1800. Здѣсь напечатаны рѣчи профессоровъ Чеботарева и Сохацкаго, стихи Сохацкаго подъ названіемъ „Памятникъ другу просвѣщенія отечества“ и стихи Мерзлякова: стр. 26—31. Стихотвореніе Мерзлякова—собственно ода, восхваляющая заслуги И. И. Шувалова; она имѣетъ такое вступленіе:

Въ печальной тишинѣ, въ одеждѣ гробовой—
Стопою медленной къ намъ день сей возвратился,
Который нѣкогда былъ радостей виной,
И счастью Росскаго Парнасса веселился;—

Если Юнга Мерзляковъ не читалъ, то онъ вмѣстѣ съ пріятелями увлекался Оссіаномъ. Въ письмѣ отъ 17-го сентября 1802 г. къ А. И. Тургеневу и А. С. Кайсарову, вспоминая осень 1801 года, Мерзляковъ вставилъ стихи, любопытно характеризующіе дружескій кружокъ:

Гдѣ, гдѣ часы сіи прекрасны,
Когда мы въ Кочкахъ подъ шатромъ,
Въ сентябрьскіи вечера ненастны,
Съ любезной трубкой и виномъ,
Родные пѣсенки пѣвали
И съ бурей голосъ соглашали? —
Когда предъ нами съ тьмой ночной
Огонь сражался *Оссіана*,
Древа шумѣли надъ головой...
Съ улыбкой мирной на челѣ
Вокругъ огня мы всѣ сидѣли,
И съ удовольствіемъ смотрѣли,
Какъ гретое рукой твоей,
Любезной милой мой Андрей,
Готовилось на общу радость...

Какъ все перемѣнилось, братцы?—Прошедшая осень живо и навсегда впечатлѣлась въ моей памяти. Думалъ ли я, что нынѣшняя будетъ столько для меня печальна.

Какъ грозна смерти тѣнь, приближась, онъ воззрѣлъ,
И съ томной, кажется, улыбкою вѣщаетъ:
„Какъ вы, и я на вѣкъ уже осиротѣлъ!
„На холодномъ камнѣ блескъ мой нынѣ умираетъ,
„Къ вамъ прежде благостью сиялъ въ *Его* очахъ!“
Унылой, страшной гласъ, раздавшійся въ сердцахъ!
О ты, что близъ гробницъ бесѣдуешь съ вѣками
Подъ блѣдно-горестной лампадою лупы—
Сестра полунощи, подруга тишины!—
Приди, о Скорбы! приди, теперь бесѣдуй съ нами!
Отъ Храма, гдѣ нашъ Другъ, Отецъ нашъ тѣломъ спитъ,
Приди въ святилище, гдѣ духомъ обитаетъ,
Гдѣ славой онъ живетъ и вѣчно будетъ жить!—
Соборъ печальныхъ Музъ тебѣ одной внимаетъ!
Приди, и холодной, дрожащею рукой
Сбери цвѣты сіи, слезами ихъ омыты,
И отнеси на гробъ, на ихъ олтарь и твой и пр.

(Рѣчи и стихи, чит. на приват. актахъ университет. въ воспомин. кончины И. И. Шувалова, М. 1800, стр. 26).

Съ вѣмъ нынѣ буду я внимать
Осенней бури шумъ ужасной?...
Съ вѣмъ буду *цетое* я пить?
Съ вѣмъ пѣсню затыну унылу?...
И *Оссіанъ* уже забытъ! ¹⁾

Кромѣ упоминаній объ Оссіанѣ, здѣсь останавливаетъ на себѣ вниманіе вскользь оброненный Мерзляковымъ стихъ: *Родныя пѣсенки тѣвали*, свидѣтельствующій о томъ, что въ кружкѣ были извѣстны русскія пѣсни. Что это были за пѣсни? Мерзляковъ зналъ подлинныя народныя пѣсни, судя по слѣдующему его замѣчанію въ его рѣчи *О духѣ, отличительныхъ свойствахъ поэзіи первобытной и о вліяніи, какое имѣла она на нравы и на благосостояніе народовъ* ²⁾: „О какихъ сокровищъ мы себя лишаем!—Собирая древности чуждыя, не хотимъ заняться тѣми памятниками, которые оставили знаменитые предки наши! Въ русскихъ пѣсняхъ мы бы увидѣли русскіе нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть. Въ нихъ бы полюбили себя снова и не постыдились бы такъ называемаго первобытнаго своего варварства. Но пѣсни наши время отъ времени теряются, смѣшиваются, искажаются“ ³⁾...

Еще ярче обнаруживаютъ знакомство Мерзлякова съ народными пѣснями его подражанія этимъ пѣснямъ. Начались эти его подражанія рано:

Въ XII книжкѣ „Чтенія для вкуса, разума и чувствованій“ (1793 г.) напечатана ставшая очень популярною пѣсня *Взвейся выше, понесися, сизокрылой голубокъ* ⁴⁾, за подписью А. О. М.—Мерзлякова, по разысканіямъ А. Н. Неустроева ⁵⁾; если такъ, то Мерзляковъ или привезъ эту пѣсню уже изъ Перми, или сочинилъ ее немедленно по пріѣздѣ въ Москву. Мерзлякову же принадлежащую считаетъ Неустроевъ пѣсню *Красное солнышко за лѣсъ спустилось*, напечатанную въ 1795 г. въ

¹⁾ *Сухомлиновъ*, Кайсаровъ и его лит. друзья—Изв. II отд. Ак. Н., т. II, кн. 1, стр. 25—26.

²⁾ Произнесена на актѣ Московскаго университета 30-го іюня 1808 г., издана: Москва, въ университет. типогр., тогда же.

³⁾ Названное соч., стр. 14.

⁴⁾ „Чтеше для вкуса“... ч. XII, стр. 279; перепечатки: Новѣйшій отборный російскій пѣсенникъ, собранный П. Ильинимъ М. 1817, стр. 12—14 и др.; изъ позднѣйшихъ: *Вильбоа*, 25 русскихъ пѣсень и романсовъ, № 1 (Дозв. ценз. 12-го сент. 1879 г.).

⁵⁾ Историч. размысканіе о русс. поврем. изданіяяхъ, С.-Пб. 1874, стр. 698.

„Пріят. и пол. препров. времени“¹⁾. Пѣсня *Я не думала ни о чемъ въ свѣтъ тужить*, внесенная самимъ Мерзляковымъ въ собраніе его „Пѣсенъ и Романсовъ“, изд. въ 1830 г.²⁾, — написана имъ еще въ бытность его бакалавромъ³⁾, т. е. между 1798 и 1802 годами⁴⁾.

Внимательный анализъ и сравнительное съ народною лирикой изученіе открываетъ отчасти уже и въ названныхъ пѣсняхъ Мерзлякова, въ особенности же въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ подобнаго рода гораздо болѣе народно-поэтическихъ элементовъ, чѣмъ, какъ кажется, это принято думать: у Мерзлякова встрѣчаемъ рядъ мотивовъ народныхъ пѣсенъ (бракъ по волѣ родителей, „злые люди“, разлука съ милымъ или милой, измѣна)⁵⁾, изъ богатаго народнопѣсеннаго источника взято имъ множество словъ, выраженій, эпитетовъ, положительныхъ и отрицательныхъ сравненій и тому под., — хотя, конечно, рядомъ стоятъ у него и выраженія слащавыя, сентиментальныя. Послѣднее объясняется общей его точкой зрѣнія на пѣсни: „Пѣсня есть собственно плодъ унынія, сладкаго сѣтованія, страсти тихой и нѣжной. Таковъ характеръ нашихъ народныхъ пѣсней“, говоритъ Мерзляковъ⁶⁾. Таковъ характеръ мерзляковскихъ подражаній народнымъ пѣснямъ, скажемъ мы.

Извѣстны были народныя пѣсни и другому члену Дружескаго литературнаго общества — выросшему въ деревнѣ Жуковскому, который въ ранніе годы сочинилъ, по свидѣтельству кн. П. А. Вяземскаго,

¹⁾ Часть VІІІ, стр. 255; *Неустровъ*, Истор. разыск., стр. 767.

²⁾ „Когда въ 1830 г. онъ вздумалъ издавать ихъ, или лучше сказать, рѣшился ихъ издать по просьбѣ книгопродавца Салаева, многихъ пьесъ у него не было; инныя онъ позабылъ, инныя растерялъ“ (*Дмитр.*, Мелочи изъ зап. м. памяти, стр. 163).

³⁾ См. Письмо (безъ даты) Мерзлякова къ А. И. Тургеневу, въ которомъ онъ сообщаетъ текстъ этой пѣсни, положенной уже на музыку Кашинымъ и исполнявшейся на концертѣ Сандуновой. (Русск. Арх. 1866 г., стр. 648—649).

⁴⁾ Биограф. словарь Москов. унив. ч. II, стр. 55, 60.

⁵⁾ „Пѣсни Мерзлякова „Ахъ что жъ ты, голубчикъ, не веселъ сидишь“, „Я не думала ни о чемъ въ свѣтъ тужить“, „Вылетала бѣдна пшавка на долину“, „Чернобровый, черноглазый“, „Не личочка кудрявая колыхнется вѣтромъ“, „Что не дѣвица во теремѣ своемъ“, „Что мнѣ дѣлать въ тяжелой участи своей“, „Ахъ дѣвица, красавица,“ и др.—срв. *Соболевскій*, Великорусскія народныя пѣсни, т. II, №№ 181—183, 285, 286, 287, 288, 290, 309, 384, 411, т. III, №№ 6—18, 341, 348, 382, 383; т. IV, №№ 36, 37, 359—362 и др.

⁶⁾ Разсужденіе о Драмѣ вообще. Труды общ. любит. рос. слов. 1820 г., ч. 17, стр. 74.

драматическое представлѣніе *Окачетъ груздочекъ по сльничку—изъ старинной русской пѣсни* ¹⁾).

Тѣмъ не менѣе, въ виду извѣстнаго тогдашняго отношенія къ произведеніямъ народной поэзіи, которыя находили грубыми, нуждающимися въ исправленіяхъ соотвѣтственно „хорошему вкусу“ свѣтскаго образованнаго общества,—трудно думать, чтобы тѣ „родныя пѣсенки“, которыя „пѣвали“ Мерзляковъ и его товарищи, были подлинныя народныя пѣсни; скорѣе всего это были тѣ, о которыхъ находимъ въ воспоминаніяхъ М. А. Дмитріева слѣдующее замѣчаніе:

„Встарину всѣ²⁾ писали оды и пѣсни... И всѣ эти пѣсни пѣлись и въ обществѣ свѣтскомъ и въ народѣ. *Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ—Богдановича; Выду я на рѣченьку—Нелединскаго; Стонетъ сизый голубочекъ—Дмитріева; Кто могъ любить такъ страстно—Карамзина. Кто не зналъ этихъ пѣсень?.. И чувства ихъ, и слова, и голоса—были просты и всѣмъ доступны... Пѣсень было множество*“ ³⁾).

Въ ряду авторовъ такихъ пѣсень-романсовъ стоитъ и Мерзляковъ; встрѣтимъ мы ихъ и у Жуковскаго.

Необходимо остановиться еще на двухъ молодыхъ произведеніяхъ Мерзлякова: на стихотвореніяхъ „Милонъ“ ⁴⁾ и „Лаура и Сельмаръ“ ⁴⁾).

Милонъ отъ свѣта удаленной
Блаженный, тихій вѣкъ веушалъ;
Природы въ нѣдрахъ вождѣленной
Несчастій свѣта онъ не зналъ...

Однажды онъ

Зашель во глубину лѣсовъ...
Вдали пещера показалаь,
Куда свѣтъ солнца не входилъ,
Тремя дубами осѣнялась,
Гдѣ входъ въ нее пространнй былъ...
Вступилъ!—Подъ сводомъ зрѣть времнистымъ
Стоящи гробы по угламъ;
Тамъ мечъ, тамъ булавы сталисты,
Тамъ латы видны по стѣнамъ.

¹⁾ Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива (Русс. Арх. 1866 г., стр. 876).

²⁾ Мелочи изъ запаса моей памяти, стр. 45—46.

³⁾ Прият. и полез. препр. врем. XIV, 219—223.

⁴⁾ Тамъ же, XVIII, 141—143.

Через ущелины пустыя
Ужасный съ воємъ вѣтръ шумить;
Трясутся доски гробовыя,
И хладный мраморъ тамъ гремитъ...

На одной изъ мраморныхъ гробницъ трепещущій Милонъ видитъ „свертокъ бумаги“, беретъ его и читаетъ:

„Милонъ
„Возьми доспѣхи здѣсь висящи,
„Иди отцовъ ты по слѣдамъ,
„Во браняхъ мужествомъ гремящихъ:
„Тебя ждетъ щастье, слава тамъ!“

И вотъ —

Ему вручая мечъ и латы,
Гремяща *Слава* праотцовъ
Рекла: „Возьми сіи булаты;
Иди и жди моихъ вѣнцовъ“.
Ему и *Щастіе* предстало,
И роковой своей рукою
Въ броню неволей облекало:
„Я буду завсегда съ тобой!“..

Оставлена Темира, „супруга нѣжная злосчастлива“—Милонъ полетѣлъ въ бой. Врагъ „разсѣянъ, посрамленъ“, заключенъ „миръ дражайшій“.

Уже Темира ожидала
Свиданья скорого съ драгимъ;
Съ собою раздѣлить желала
Приобрѣтенны лавры имъ...

Но летить вѣсть —

Ударъ судьбины разъяренной:
„Скончался милый твой супругъ“..
Кто можетъ, томная Темира,
Тебя въ то время описать?..
Гонима грустью удалилась
Изъ мѣстъ блаженныхъ навсегда..
Темира сохнетъ и крушится,
Ужъ смерть надъ ней стоитъ съ мечемъ.

Содержаніе „Лауры и Сельмара“ сводится къ слѣдующему:

Сурова бездна въ мглѣ кибла:
На скалѣ въ горести, въ слезахъ

Лаура блѣдная сидѣла,—
И вѣтръ игралъ въ ея власахъ.
Съ желаньемъ пламеннымъ и нѣжнымъ
По морю взоръ ея блуждалъ...
Надъ ней колебался стеблемъ слезнымъ
Ее тростникъ тамъ осѣнялъ.

Лаураждала своего „милаго“, Сельмара, отправившагося за море
„двѣнадцать лунъ“ назадъ.

Она тоскуеть:

„Почто, почто жестокий, милый
Ввѣрлся ярости валовъ?“...

Вдругъ она видитъ:

О Боже!—волны страшны
Вновь съ ревомъ воютъ въ берегахъ,
И въ мразѣ нѣкій трупъ несчастный
Несутъ чуть видень на хребтахъ...

То былъ трупъ Сельмара. Лаура съ воплемъ стремится внизъ со
скалы, —

На трупъ упала, обняла;
Согрѣвши хладны члены, вялы
Лобзаньемъ—духъ свой излила.

Оба эти стихотворенія Мерзлякова принадлежать, видимо, къ тому
типу, за которымъ утвердилось съ конца XVIII вѣка наименованіе
баллады.

Терминъ „баллада“ не былъ новостью для русскихъ писателей
конца XVIII—начала XIX вѣка. Тредьяковскій сочиняетъ „*Балладъ* о
томъ, что любовь безъ заплата не бываетъ отъ женска пола“, по
французски:

Tout le beau sexe (et c'est partout constant)
Pay les feux des coeurs de cent manieres и проч. ¹⁾

Это—баллада, какою она существовала во французской поэтикѣ
XVII—XVIII в.: „Ballade: piéce de poésie, distribuée en trois stro-
phes ou couplets, et un envoi ou adresse. Voici à quoi se réduisent les
régles qu'on doit observer dans la ballade: 1°—les vers de chaque cou-
plet doivent être de même mesure... 2°—le dernier vers de chaque
couplet et de l'envoi doit former un refrain, c'est-à-dire que l'envoi et

¹⁾ Соч. Тредьяковского, С.-Пб. 1849, т. III, стр. 747—748.

les couplets doivent finir par un même vers; 3°—le sujet en est arbitraire (sérieux, badin)... 4°—le nombre des vers de chaque couplet n'est point limité: ou peut en faire des quatrains, ou des sixains, ou des huitains... mais si l'on fait un sixain du premier couplet, il faut que les autres couplets soient aussi des sixains. 5°—L'envoi doit être de quatre ou cinq, ou six ou sept vers tout au plus¹⁾. Такія „баллады“ стояли въ одномъ ряду съ сонетами, рондо, триолетами и проч. такъ называемыми poésies fugitives²⁾; писали ихъ La Fontaine, m-me Deshoulières, Marot, J. J. Rousseau и др. „Le genre était tombé dans le mépris qui s'attache aux ouvrages dont le principale mérite est la difficulté vaincue“, замѣчаетъ G. Vapereau³⁾.

„На русскомъ языкѣ нѣтъ примѣровъ, согласующихся съ показаннымъ правиломъ“, говоритъ Остолоповъ⁴⁾, сообщивъ понятіе о балладѣ во французскихъ поэтикахъ, и приведя въ качествѣ образца „Ballade à une vieille“ J. J. Rousseau, предлагасть балладу русскую, „сочиненную нарочно по ея расположенію“⁵⁾.

Среди произведеній XVIII вѣка есть однако нѣсколько образчиковъ баллады, какъ одного изъ видовъ poésies fugitives, во французскомъ смыслѣ, хотя эти образчики и не вполне соотвѣтствуютъ правиламъ баллады, установленнымъ французскими теоретиками: въ академическомъ изданіи „Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служація“ Сумароковъ напечаталъ „Балладъ“:

Смертельнаго наполненъ яда,
Въ бѣдахъ молодой мой вѣкъ течеть⁶⁾ и проч.

Сумарокову же принадлежитъ „Баллада Его Императорскому Вы-

¹⁾ Sabatier de Castres, Dictionnaire de littérature. Paris, 1770, tome I, p. 103
То же въ Elémens de littérature par Marmontel, nouvelle édition, P. 1822, tome I, p. 345—346. Буало (L'Art poétique, chant II) говоритъ:

La ballade, asservie à ses vieilles maximes,
Souvent doit tout son lustre au caprice des rimes.

²⁾ Domairon, Poétique française, adoptée par la commission des livres classiques pour l'usage des lycées et des écoles secondaires, P. 1804, pp. 58 et suiv.; срв. Волеау, L'Art poétique, chant II.

³⁾ Dictionnaire universel de littérature. Paris, 1876, p. 187.

⁴⁾ Н. Остолоповъ, Словарь древней и новой поэзіи, часть I (С.-Пб. 1821), sub voce Баллада, стр. 59.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 61—62.

⁶⁾ Ежемѣс. соч., июль 1755 года, стр. 149—150. То же—соч. Сумарокова. М. 1787 г., ч. IX, стр. 168.

сочеству В. Кн. Павлу Петровичу на день его рожденія 1768 года, сентября 20 дня“:

Дай Боже, чтобы мы встрѣчали,
Твоей содержаннъ рувой,
Вседневно щастье и покой...¹⁾ и проч.

Объ эти „баллады“—пѣски лирическаго типа по три строфы изъ шести стиховъ каждая. Совершенно такого же характера „балладъ“, напечатанный въ „Покоящемся Трудолюбцѣ“:

Въ несчастїи вѣкъ свой провождая
Всечастно мучу я себя и проч. ²⁾.

Съ иного типа стихотворенїями, начавшими появляться на русской почвѣ, стали у насъ связываться терминъ „баллада“ въ послѣднее десятилѣтїе XVIII вѣка. Въ IV книжкѣ „Московского Журнала“ явилось стихотворенїе Карамзина *Раиса, древняя баллада*.

Во тьмѣ ночной ярилась буря;
Сверкала на небѣ грозный лучь;
Гремѣли громы въ черныхъ тучахъ,
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ...

Среди лѣса

Раиса, бѣдная Раиса,
Скиталась въ темнотѣ одна.
Нося отчаянїе въ сердцѣ.
Она не чувствуетъ грозы.

Она приближается къ морскому берегу;

Надъ моремъ гордо возвышался
Хребетъ гранитныя горы:
Между стремнинъ, по камнямъ острымъ
Раиса всходитъ на него—

и изливаетъ свою душу въ горестномъ сѣтованїи:

„Кронидъ, Кронидъ, жестокой, милой!
„Куда ушелъ ты отъ меня?...
„Почто тебя узнала я?...
„Душа моя въ твою вселилась,
„Въ тебѣ жила, дышала я;
„Въ твоихъ глазахъ свѣтъ солнца зрѣла,

¹⁾ Соч. Сумарокова, ч. IX, стр. 206.

²⁾ Пок. Трудолюбецъ, ч. II, М. 1784 г., стр. 218.

„Ты былъ мнѣ образъ Божества...
„Но рокъ судилъ, чтобъ ты другую
„Раисѣ вѣрной предпочелъ,
„Чтобъ ты меня навѣкъ оставилъ...
„Съ сея ужасныя минуты
„Крушусь, тоскую день и ночь;
„Ищу вездѣ, зову Кронида—
„Но ты не хочешь мнѣ внимать“....

Въ отчаяніи она рѣшается умереть;

Сказавъ сіи слова, Раиса
Низверглась въ море. Грянулъ громъ
Симъ небо возвѣстило гибель
Тому, кто погубилъ ее ¹⁾.

Возникновеніе этого стихотворенія—фактъ, обусловленный иными вѣяніями въ русской литературѣ: „Раиса“—пьеса того типа, который господствовалъ на нѣмецкой почвѣ подъ именемъ *романсовъ* или *балладъ*, развившихся подъ вліяніемъ испанскихъ *romance*, а въ особенности англійскихъ и шотландскихъ *ballads*; это—„ein lyrisch-episches Gedicht, das eine einfache Handlung erzählt, gleich den alt-epischen Liedern, das aber nicht wie diese bloss den äusserlichen thatsächlichen Verlauf objectiviert, sondern zugleich auch die innern Zustände, welche in der Seele, der Handelnden mit den äussern Thatsachen verbunden sind“ ²⁾).

Въ 1765 году епископъ Th. Percy издалъ „Reliques of ancient English poetry, consisting of old heroic ballads, songs and other pieces of our earlier poets“—трехтомный сборникъ старыхъ пѣсенъ и балладъ. Вліяніе этого сборника въ Германіи было громадное ³⁾.

Появились нѣмецкіе сборники: *Ursinus* „Balladen und Lieder alt-englischer und altschottischer Dichtart“ (1777), *Bodmer* „Alteuglische Balladen“ (1780) и др.; рядъ англійскихъ и шотландскихъ балладъ Гердеръ внесъ въ свои „Stimmen der Völker in Liedern“ (II-te Abtheilung).

Первымъ оригинальнымъ блестящимъ представителемъ этого течения въ нѣмецкой литературѣ былъ Бюргеръ: „Der alte Geist der

¹⁾ Москов. Журналь; 1791 г., часть IV, стр. 118—122.

²⁾ *W. Wackernagel*, Poetik, Rhetorik und Stilistik, akademische Vorlesungen, Halle, 1873, S. 100.

³⁾ См. *Wagener*, Das Eindringen von Percys Reliques in Deutschland. Heidelberg. 1897.

volkstümlichen Ballade war wie mit einem Zauberschlag durch die „Lenore“ von 1773 wiedererweckt“ ¹⁾).

Отраженіе увлеченія поэзією баллады наблюдается и на русской почвѣ. Въ 1791 году Карамзинъ печатаетъ свою „Раису“; это—не что иное какъ свободная передѣлка баллады „Margaret’s ghost“ изъ Reliques Перси ²⁾. Эту послѣднюю Эшенбургъ перевелъ на нѣмецкій языкъ еще въ 1772 году, и помѣстилъ подъ заглавіемъ „Lykas und Myrtha“ въ гёттингенскомъ Musen-Almanach (1772 года, стр. 161), а затѣмъ эта баллада была съ поправками перепечатана въ сборникѣ Balladen und Lieder altenglischer und altschottischer Dichtart, von A. Fr. Ursinus, съ англійскимъ текстомъ en regard ³⁾.

Эта же баллада въ русскомъ переводѣ въ 1800 году явилась на страницахъ „Иппокрены“ подъ заглавіемъ *Вильямъ и Маргарита. Баллада* ⁴⁾: „Когда все было покрыто полунощнымъ мракомъ, все находилось въ глубокомъ снѣ,—тогда духъ Маргариты, въ огорченномъ образѣ явившись, остановился у ногъ Вильяма. Ея лице, подобно утру Апрѣля, облечено было въ зимнее облако“ и пр. Она осыпаетъ упреками вѣроломнаго любовника, доведшаго ее до гроба. Вильямъ идетъ на могилу Маргариты и здѣсь умираетъ.

Переводъ былъ сдѣланъ съ англійскаго подлинника, хотя быть можетъ и по изданію Ursinus’a, гдѣ эта баллада носитъ заглавіе William and Margaret, которое и удержано въ русскомъ переводѣ ⁵⁾.

William and Margaret.

’T was at the silent solemn hour,
When night and morning meet;
In glided Margaret’s grimly ghost,
And stood at William’s feet.

Lykas und Myrtha.

Es war schon tiefe Mitternacht,
Zur Zeit, da festen Schlummers Macht
Die Augenlieder band,
Als Myrtha’s grauser Schatten sich

¹⁾ *Burgers Gedichte*, herausgegeben von Arn. E. Berger, Lpz. u. Wien (Bibliographisches Institut), S. 25.

²⁾ *Reliques of anc. engl. poetry*, vol. III, 311—313.

³⁾ *Balladen und Lieder etc.*, herausgegeben von A. Fr. Ursinus, Berl. 1777, SS. 102—111, Anmerkungen SS. 318—319. Срв. P. Fr. Wagener, *Das Eindringen von Percys Reliques in Deutschland*. Heidelberg, 1897, S. 23.

⁴⁾ Иппокрена, часть VI (М. 1800), стр. 426—429.

⁵⁾ Въ Соч. Тихонова, т. III, ч. 1, Примѣчанія, стр. 67, примѣч. 141, оригиналомъ русскаго перевода названа баллада Sweet William’s Ghost; это неправильно: это совсѣмъ другая баллада, въ которой развивается тема о посѣщеніи невѣсты женихомъ—мертвецомъ (см. *Percy, Reliques*, III, 122—131, herausgeb. v. Schroer Berl. 1893, стр. 643—645; *Ursinus, Balladen u. Lieder*, стр. 94—101).

Her face was like an April morn,
Clad in a wintry cloud...

Ans Lager ihres Lykas schlich,
Und ihm zu Fussen stand.
Blass, eines Wintermorgens Bild,
War itzt ihr Antlitz, rings umhüllt
Mit Ernst und Dunkelheit.

Устанавливается такимъ образомъ фактъ вліянія въ русской литературѣ сборниковъ балладъ уже въ концѣ XVIII вѣка.

Вслѣдъ за „Райсой“ въ слѣдующей (V) книжкѣ Московскаго Журнала Карамзинъ печатаетъ полученное имъ отъ И. И. Дмитріева стихотвореніе, въ позднѣйшихъ изданіяхъ сочиненій Дмитріева озаглавливаемое *Каррикатура*.

Сними съ себя платочникъ,
Съдая старина!
Да возвѣщу я внукамъ,
Что ты откроешь мнѣ.
Я вижу чисто поле;
Вдали жь передо мной
Чернѣть колокольня
И вьется дымъ изъ трубъ.
Но кто вдоль по дорогѣ
На голомъ рыжакѣ
Трюхъ, трюхъ, а индѣ рысью
Подъ шляпой въ кашпакѣ,
Въ замасленомъ колетѣ,
Съ котомкой въ торокахъ?...
Не древній ли крыжатики?...
Нѣтъ, это бывший Вахмистръ,
Шешминскаго полку,
Отставку получившій
Черезъ двадцать службы лѣтъ.

Пріѣхавъ въ свою усадьбу, онъ узнаетъ отъ стараго слуги, лысаго Терентьича, что его „хозяйюшка“

„Жива иль нѣтъ, Богъ знаетъ,
„Да здѣсь ее ужъ нѣтъ.
„Она держала пристань
„Недобрымъ молодцамъ;
„Одинъ изъ нихъ пойманъ
„И на нее донесъ.
„Тотчасъ ее схватили
„И въ городъ увезли;
„Что съ нею учинили,
„Узнать мы не могли“...

Это случилось около пяти лѣтъ назадъ.

Несчастный мужъ поплакалъ;
Потомъ вздохнувъ пошелъ
Къ Терентьичу въ избушву,
И съ горести легъ спать.

Заключение:

Сей витязь и понынѣ,
Друзья! еще живетъ;
Три года, какъ въ округѣ
Онъ земскимъ былъ судьей ¹⁾.

Въ Московскомъ Журналѣ стихотвореніе это названо: *Отставной вахмистръ, баллада*.

М. А. Дмитріевъ рассказываетъ ²⁾, что его дядя, И. И. Дмитріевъ, посылая къ Карамзину изъ Сызрани, вмѣстѣ съ другими стихами, эту „стихотворную шутку“, писалъ Карамзину, что „посылаетъ ее только для него, а не для журнала. Но Карамзинъ тотчасъ понялъ достоинство этой бездѣлки, заключающееся въ вѣрности картины, въ свѣжести легкихъ красокъ и въ естественной простотѣ разсказа. Онъ отвѣчалъ автору, что эта пѣска изъ всѣхъ лучшая, и что ее то онъ и напечатаетъ“. Балладю же назвалъ Карамзинъ это стихотвореніе Дмитріева, слѣдуя нѣмецкимъ писателямъ, у которыхъ тогда назывались еще балладами лирико-эпическія стихотворенія комическаго сатирическаго направленія (*die burlesken Balladen*),—этотъ тонъ изъ области баллады вытѣснило уже, и вскорѣ окончательно устранило, влияніе сборника Перси *Reliques of ancient English poetry* ³⁾.

Въ форму баллады облекъ И. И. Дмитріевъ свой разсказъ о трагическомъ случаѣ, какъ юноша, отправляясь на войну и прощаясь съ родными, нечаянно застрѣлилъ при этомъ изъ ружья сестру; стихотвореніе это названо *Быль* и было напечатано въ Московскомъ Журналѣ:

Уже опять орды російски
На дерзостныхъ своихъ врылахъ

¹⁾ Москов. Журналъ, часть V, стр. 295—301. По свидѣтельству М. А. Дмитріева (Мелочи изъ зап. м. памяти, стр. 124—125) въ стихотвореніи описано истинное происшествіе.

²⁾ Мелочи изъ зап. м. памяти, стр. 59.

³⁾ *Wagner*, Das Eindringen von Percys Reliques in Deutschland, S.S. 7—8 u. a.

Несутъ въ предѣлы ввзантійски
Съ отчаяніемъ стыдъ и страхъ и проч. ²).

Балладю уже самъ Дмитріевъ назвалъ свое стихотвореніе *Старинная любовь*, напечатанное имъ въ изданіи своихъ сочиненій 1803—1805 г. ²):

Жилъ, былъ когда-то вождь великой
Съ своею дочкой Милоликой
Во бѣлокаменной Москвѣ.
Бояры, витязи, князья
Веругъ Милолики увивались!.

Но Милолика полюбила „пѣвца младова“, скромнаго незнатнаго юношу, который

только по ночамъ
Подъ старой липой близъ свѣтлицы
Пѣлъ прелести своей царицы,
Брякая лиры по струнамъ...
Онъ пѣлъ, а Милолика мѣла
И воздыхала у окна.

О взаимной ихъ страсти узналъ гордый отецъ Милолики:

„Позоръ ты мой, не дочь мнѣ стала!
„О стыдъ! кто миль тебѣ?.. пѣвецъ!“

И онъ запираетъ дочь въ теремъ, подъ стражу.

А пѣвецъ
И день и ночь на томной лирѣ
Брякаетъ: „Нѣтъ мнѣ счастья въ мірѣ!
„Насталъ отрадамъ всѣмъ конецъ!
„Увижусь ли еще я съ милой?
„Внемли, о небо, вопль унылой:
„Отдай ее иль смерть пошли!“

И онъ умираетъ отъ тоски. А Милолика, которую отецъ вывелъ подъ собственной своей охраной изъ терема,

Она... едва на трущъ взглянула,
Увы!.. въ послѣдній разъ вздохнула.

И. И. Дмитріевъ обработалъ здѣсь тотъ же балладный мотивъ,

¹) Моск. Журн. 1791 г., часть III, стр. 6—9. Соч. Дмитріева, подъ ред. Флоридова, С.-Пб. 1893, томъ I, стр. 105—107.

²) Соч. И. И. Дмитріева, ред. Флоридова, т. I, стр. 232—233.

который лежит въ основѣ извѣстной баллады Бюргера „Lepardo und Blondine“.

Въ VII книжкѣ Московскаго журнала является въ прозѣ *Шотландская баллада*, переведенная, какъ здѣсь же отмѣчено, изъ *Etrepnes Sentimentales* ¹⁾: „Когда овцы и корова наша отдыхаютъ дома, когда все люди наслаждаются покоемъ... тогда я сижу подгорюнившись, тоскую и плачу, тихонько отъ моего мужа... Нѣжно любилъ меня молодой Джемми. Онъ хотѣлъ на мнѣ жениться; но у него была одна крона. Джемми поѣхалъ на корабль, думая нажить гинею“... Родители заставили дѣвушку выйти за стараго Робина-Грея. Когда Джемми возвратился,—„Ахъ! свиданіе наше было и сладко и горестно!.. Я поцѣловала его только одинъ разъ и велѣла ему идти домой. Мнѣ хотѣлось бы умереть... Не смѣю думать о Джемми—это грѣхъ,—но буду стараться угождать Робинъ-Грею, потому что Робинъ-Грей очень добръ ко мнѣ“.

Въ формѣ же баллады обработалъ Карамзинъ вставленный имъ въ Письма русскаго путешественника—„печальный лонскій анекдотъ“, будто бы рассказанный ему одной дамой въ Парижѣ: это стихотвореніе *Алина*, въ которомъ героиня, вслѣдствіе измѣны ея Милона, умираетъ отъ яда ²⁾.

¹⁾ Моск. журналъ, ч. VII, стр. 99. Перевелъ Карамзинъ (*Неустройство*, Истор. розыск., стр. 707). О сборникѣ „*Etrepnes Sentimentales*“ мнѣ доселѣ не удалось собрать свидѣній.

²⁾ Письма русск. путеш., Письмо изъ Парижа отъ іюня... 1790. О стих. „Алина“ см. у *Ситовскаго*, Къ литератур. исторіи Писемъ русск. путеш., Изв. II отд. Ак. Н., т. III, кн. 4, стр. 977—978: за стихотвореніемъ признается автобіографическое значеніе.

Стихотвореніе Карамзина *Графъ Гваринось, древняя испанская историческая пѣсня* (Москов. журналъ, ч. VI, стр. 219 и сл.)—близкій переводъ испанскаго романа, начинающагося въ подлинникѣ („*Cancionero de Romances*“, Anvers 1555) стихами:

Mala la visteis, Franceses,
La casa de Roncevalles...

У Карамзина:

Худо, худо, ахъ французы!
Въ Ронцевалъ было вамъ...

Не имѣя подъ рукой оригинала, я слычилъ стихотвореніе Карамзина съ прозаическимъ французскимъ переводомъ: *Romancero général, ou Recueil des chants populaires de l'Espagne. Romances historiques, chevaleresques et moresques. Traduction complète par M. Damas Hinard, Paris, 1844, t. II, p. p. 323—326.*

Пѣсня о Леонардѣ и Блондинѣ, вставленная въ сцену „Ночеходецъ или луна-

На страницахъ „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени“ появилось нѣсколько балладъ:

Эдвинъ и Малли, изъ Ленардовыхъ мечтаній: «Черень, какъ крыліе врана, кровь полуночи. Густыя облака затмѣвають лунное сіяніе, и ни одна сверкающая звѣзда не блеститъ на горизонтѣ. Страшно свирѣпствуетъ буря среди кремнистыхъ утесовъ, какъ будто бы желая потрясти ихъ въ основаніи, и съ пѣною хлещутъ волны о каменный берегъ. Но тихо раздаются жалобы вдали; глухо и томно стонетъ голосъ въ безмолвіи ночи, подобно гласу скитающейся тѣни... То Эдвинъ, юный Эдвинъ съ кроткою душою!.. Разбивайтесь тише, яряя волны!.. Дуй нѣжнѣе, завывающій вѣтеръ! да услышу гласъ стенящаго. „Гдѣ ты, о дѣва любви моей?“—такъ раздается на скатѣ утеса.—„Гдѣ обрѣту тебя, прекрасная, черноокая Малли?“» Малли, дочь лорда, полюбила выросшаго съ ней вмѣстѣ сироту-приемыша Эдвина. Когда это открылось, лордъ выгналъ Эдвина изъ своего замка. „Но Малли часто изъ дремлющаго замка ходила украдкой къ Эдвину, который ожидалъ ее въ гротѣ на берегу морскомъ. Какъ быстро пролетали часы въ сладкихъ разговорахъ; какъ нѣжны были потаенныя объятія! Однако, глазъ измѣнника проникнулъ темноту ночи, и языкъ его извѣстилъ обо всемъ безпечнаго отца. Въ гнѣвѣ проклиналъ онъ единую дочь свою, и удалилъ ее отъ очей своихъ до того времени, пока наступитъ день принужденнаго замужества“... И день этотъ наступилъ. Но Малли „клялась быть ничьею, кромѣ Эдвина или смерти. Тихо ушла съ веселаго пиру, и изъ окна бросилась на каменный помостъ. Пурпуровая кровь отцвѣтила утесъ и бѣлоснѣжную брачную одежду“... Эдвинъ бродилъ въ это время у замка и въ отчаяніи хотѣлъ броситься съ утеса въ море. Услышавъ стонъ, онъ приблизился, и—„принялъ послѣднее дыханіе мертвѣющихъ устъ“ Малли. „Не утекай такъ скоро, невѣста души моей! Помедли, помедли, пока мы сочетаемся!“ воскликнулъ онъ, и вонзилъ кинжалъ въ трепещущую грудь свою. Тогда вздохнула природа о смерти своихъ любимцевъ, и луна съ сожалѣніемъ проглянула на нихъ“... Старый лордъ умеръ съ горя. „По прошествіи трехъ дней совершенно погребеніе. Эдвинъ и Малли покоятся вмѣстѣ. Еще и теперь горные жители показываютъ двойной гробъ“ ¹⁾...

тихъ“ (Ипнокрена, ч. IV, стр. 275—279)—обработка тоже испанскаго мотива: Леонардъ и Блондина гибнутъ на аренѣ цирка во время боя быковъ въ Гренадѣ.

¹⁾ Пр. и пол. препров. времени, ч. VIII (М. 1795), стр. 23—31. Это—исполнен-

Алвинъ и Рена:

Спросишь ты: надъ сей могилой
Лавръ и миртъ зачѣмъ цвѣтеть?
Въ ней герой съ своею милой...
Ахъ! пролей слезу на гробъ!

Алвинъ долженъ отправиться на войну. Рена старается сдержать свою скорбь:

„Милый мой! ступай къ сраженью...
Поспѣшай, и межъ врагами
Быстрой молніей носись,
Храбро ихъ рози мечемъ симъ,
И съ побѣдой возвратись“.

Герой полетѣлъ въ битвы. По прошествіи четырехъ мѣсяцевъ Рена однажды вдругъ

Въ рощицѣ она любимой
Видитъ—друга своего.
Лавръ зеленый, знакъ побѣды,
На главѣ его лежитъ;
Но, увы! нѣтъ знаковъ жизни!
(Мертвый принесенъ туда).

Въ отчаяніи Рена хотѣла броситься съ утеса въ море, чтобы „жизнь несносну окончить“. Но

Вдругъ представъ, святая Вѣра
Ей шепнула:—удержись!

Рена удержалась отъ самоубійства, однако

Изъ томныхъ, пѣжныхъ глазъ
Токи слезъ лились, доколѣ—
Сердце высохло совсѣмъ.
Вотъ зачѣмъ надъ сей могилой
Вмѣстѣ лавръ и миртъ цвѣтуть—
Въ ней герой съ своею милой...
Ахъ! пролей слезу на гробъ ²⁾!

Сопоставляя эту балладу съ приведенною выше балладою Мерзля-

ный Подшиваловымъ (*Неустроевъ*, Ист. розыск., 766) переводъ разсказа Edwin und Mally, который стоитъ на первомъ мѣстѣ въ книгѣ Фридриха Кинда „Lenardos Schwätgereien“, Pr. 1793, стр. 3 и слѣд. Киндъ въ разсказѣ Edwin und Mally далъ свою обработку сюжета баллады Бюргера Lenardo und Blondine.

²⁾ Пр. и под. препр. времени, ч. XV (М. 1797), стр. 285—288.

кова *Милонъ*, которая явилась въ предыдущей книжкѣ того же журнала ¹⁾, приходится думать, что стихотвореніе Мерзлякова, во второй своей половинѣ обрабатывающее тотъ же мотивъ, что и „Алвинъ и Рена“, восходить къ тому же источнику, изъ котораго возникла и эта послѣдняя баллада.

Что же касается напечатанной въ XVIII книжкѣ „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени“ баллады Мерзлякова *Лаура и Сельмаръ*, то источникъ ея—баллада изъ сборника Ramsay'я Tea-Table miscellany (Edinburg, 1775, vol. II, p. 25), озаглавленная здѣсь просто „Song“ и перепечатанная въ Balladen und Lieder Ursinus'омъ (стр. 120—122) подъ заглавіемъ The damsel deploring съ переводомъ en regard:

Das klagende Mädchen.

'Twas when the seas were roaring
With hollow blasts of wind,
A damsel lay deploring
All on a rook reclin'd;
Wide o'er the roaring billows
She cast a wishful look,
Her head was crown'd with willows,
That trembled o'er the brook.
„Twelve months were gone and over,
And nine long tedious days,
Why didst thou, vent' rous lover,
Why didst thou trust the seas etc.

Jüngst hausst' der Sturm im Meere
Und sausst' und brausste drin,
Da kam und sturtz' ein Mädchen
Sich lang ans Ufer hin;
Warf über Flut und Wellen
Weit, weit ihr Aug' hinaus,
Und bebt' dabey, und bebte
Als wie ihr Busenstrauss.
„Bald ist ein Jahr verflossen—
Und weh mir armen Braut!—
Ein Jahr, dass sich mein Bräutigam
Den Wogen anvertraut!.. u. s. w.

Послѣдняя строфа:

All melancholy lying,
Thus wail'd she for her dear,
Repay'd each blast with sighing,
Each billow with a tear;
When, o'er the white waves stooping,
His floating corpse she spy'd;
Then, like a lily drooping,
She bow'd her head—and dy'd.

So lag sie da, und seufzte
In jeden Wind ein Ach!
Und weint' in jede Welle
Fast einen Thränenbach;
Bis, da der Sturm den Bräutigam
Schnell todt ans Ufer trieb,
Sie, gleich der welken Lilie,
Sich neigt'—und liegen blieb.

Гердеръ въ Stimmen der Völker in Liedern (II Abtheilung, 3-es Buch, № 31) далъ свой переводъ этой баллады, назвавъ ее Das Mädchen am Ufer:

Die See war wild im Heulen.
Der Sturm, er stöhnt mit Muh,

¹⁾ Пр. и пол. препр. времени, ч. XIV, стр. 219—223.

Da sass das Mädchen weinend,
Am harten Fels sass sie,
Weit über Meeres Brullen
Warf Seufzer sie und Blick,
Nicht konnt's ihr Seufzer stillen
Der matt ihr kam zuruck.
„Ein Jahr nun hin und drüber!
Ein Jahr voll bitterm Weh!
O warum gingst du, Lieber,
Und trauest dich der See?.

Послѣдняя строфа:

So seufzend, weinend lag sie,
Erharrend ihn zu sehn.
In jeden Sturm floss Seufzen,
In jede Wog' eine Thrän';
Als schnell auf weissen Wellen
Ein blasser Leichnam schwamm,
Todt sank auf ihn das Mädchen,
Er war—ihr Bräutigam ¹⁾.

Переводъ Мерзлякова—свободный; но, повидимому, онъ въ болѣе-шей зависимости находится отъ англійскаго оригинала, нежели отъ нѣмецкихъ, тоже свободныхъ, переводовъ.

Такимъ образомъ, Мерзляковъ, примыкая, съ одной стороны, къ школѣ Ломоносова и Державина, съ другой,—былъ, въ эпоху возникновенія Дружескаго Литературнаго Общества, однимъ изъ представителей того новаго теченія въ русской литературѣ, которое обнаружилось въ Московскомъ Журналѣ и, вообще, въ произведеніяхъ Карамзина и его послѣдователей, въ Приятномъ и полезномъ препровожденіи времени, Иппокренѣ и т. д. Мерзляковъ—авторъ балладъ „Милонъ“, „Лаура и Сельмаръ“—держался иныхъ литературныхъ воззрѣній, нежели тѣ, которыя были усвоены имъ въ послѣдствіи и заставили его выступить противъ балладъ Жуковскаго съ чтеніемъ, о которомъ вспоминаетъ М. А. Дмитріевъ, въ Московскомъ обществѣ любителей россійской словесности ²⁾.

Въ эпоху образованія Дружескаго Литературнаго Общества Мер-

¹⁾ Herder's, Sammtliche Werke. Zur schonen Literatur u. Kunst, VIII Theil, Stuttg. u. Tubing., 1828, Ss. 81—82.

²⁾ Мелочи изъ запаса моей памяти, стр. 167—169. Это чтеніе Мерзлякова, подъ названіемъ „Письмо изъ Сибири“, напечат. въ Трудахъ общ. люб. росс. слов., ч. XI. М. 1818.

зляковъ переживалъ свой періодъ Sturm und Drang, какъ можно думать, судя по недавно сдѣланному извѣстному письму его отъ 7-го сентября 1800 года: „Когда кончится это шальное для меня время? Когда попаду я на путь истинный?“—пишетъ здѣсь Мерзляковъ. „Какъ бы ты назвалъ это состояніе, въ которомъ я теперь хочу дѣлать и не дѣлаю; хожу задумавшись изъ одного угла въ другой; бѣгаю, какъ бѣшеный, по улицамъ, ругаюсь со всѣми?— Сумасшествіемъ, не такъ ли? По крайней мѣрѣ, я чувствую, что это *кризисъ, кризисъ для всего меня; рѣшительная лихорадка для моихъ музъ...* Вспомни свои наставительныя слова: *что бы была твоя жизнь безъ этого непостоянства, безъ этой безумной пылкости, безъ этой втрещенности?*—*Степью, въ коей глаза наши ничего не видятъ, ничего не встрѣчаютъ, кроме неба отдаленнаго, безмолвнаго, которое сливается съ горизонтомъ!*—То правда!“¹⁾...

XIII.

Рядомъ съ Мерзляковымъ во главѣ Дружескаго Литературнаго Общества стоялъ Андрей Тургеневъ. Академикъ А. Н. Веселовскій говорить: „Андрей Тургеневъ былъ предназначенъ стать центромъ дружескаго кружка. Онъ всѣхъ заражалъ энтузіазмомъ идеалиста, спѣшившаго исчерпать, испытать на себѣ, кружковую программу чувствительности, ея утопію жизни въ тѣсной семьѣ друзей для воспитанія „человѣчности“, для любви, для поэзіи... Онъ страстно любилъ литературу, поэзію“²⁾... Въ другомъ мѣстѣ: „Съ живостью литературныхъ интересовъ соединялась у Андрея Тургенева чисто юношеская страстность, съ которою онъ спѣшилъ осуществить ихъ, привести въ дѣло. Онъ переводитъ, затѣваетъ переводы (Архенгольца, Монтескье, Оссіана и др.), побуждая другихъ къ сотрудничеству, къ изданіямъ,... пишетъ стихи“³⁾...

Первымъ печатнымъ переводомъ А. И. Тургенева была: Библейская нравоучительная книжка для взрослыхъ дѣтей, въ которой предлагаются наставленія, изъ книгъ Соломоновыхъ почерпнутыя; соч. Іакова *Феддерсена*, перев. съ нѣмецкаго, Москва, 1795, въ университет. типографіи.

Авторъ этого сочиненія Iakob Friedrich Feddersen (род. 1736 г.) былъ священникъ, ревностный учитель вѣры и нравственности, авторъ

¹⁾ Русская Старина, 1904 г., май, стр. 445—446.

²⁾ *Веселовскій*. Жуковскій, стр. 52.

³⁾ Тамъ же, стр. 60—61.

нѣсколькихъ духовно-религіозныхъ сочиненій для дѣтей и простаго народа; въ нихъ, по отзыву критиковъ, онъ умѣлъ найти вѣрный тонъ, какимъ разсказывать дѣтямъ библейскую исторію, умѣлъ такъ искусно выбрать матеріалъ, такъ удачно освѣтить его, излагая при этомъ всегда практически, соотвѣтственно дѣтскому кругозору, совершенно оставляя въ сторонѣ схоластическую теологію, „dass es ihm jeder vernünftige Vater und Lehrer Dank wissen musste“. Въ сочиненіяхъ своихъ Феддерсенъ старался подчеркнуть проявленія благочестія, добродѣтели, чтобы прививать эти качества своимъ читателямъ; въ свое время эти сочиненія пользовались величайшимъ уваженіемъ ¹⁾). Такимъ образомъ книги Феддерсена соотвѣтствовали тѣмъ тенденціямъ, какія мы наблюдали въ кружкѣ, во главѣ котораго стояли И. П. Тургеневъ и И. В. Лопухинъ, авторъ книги о внутренней церкви. Произведенія Феддерсена были уже извѣстны на русской почвѣ: *Leben Iesu für Kinder* (1775) вышло подъ заглавіемъ:

Житіе и дѣла Иисуса Христа, сочиненное для дѣтей г. Феддерсеномъ, перев. съ нѣм. Петръ Колязинъ. Сиб. 1785.

Lehrreiche Erzählungen aus der biblischen Geschichte (издававшіяся много разъ) были переведены на русскій языкъ дважды:

Нравоучительныя повѣствованія изъ библейскихъ дѣяній. Соч. Якова Феддерсена, перевелъ съ нѣмецкаго П. Колязинъ. С.-Пб. 1785.

Поучительныя повѣствованія изъ библейскихъ исторій, для дѣтей, соч. Як. Феддерсена, перев. съ нѣмец. Москва, 1787.

Beispiele der Weisheit und Tugend aus der Geschichte (1777—1780) появились въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ:

Примѣры мудрости и добродѣтели, выбранные изъ исторіи, съ наставленіями для дѣтей; соч. Я. Феддерсена, I—II, перев. съ нѣм. Москва, 1787.

„Поучительныя повѣствованія“ и „Примѣры мудрости и добродѣтели“ изданы были типографическою компанією; несомнѣнно указанія старыхъ членовъ этой компаніи—Лопухина и И. П. Тургенева, давшаго сыну въ руки высоко цѣнимое имъ произведеніе,—обусловили сдѣланный Андреемъ Тургеневымъ выборъ для своего перваго перевода книги Феддерсена *Christliches Sittenbuch für den Bürger und Landmann* (1783), который вышелъ подъ приведеннымъ выше заглавіемъ („Библейская правоучит. книжка“ и проч.).

¹⁾ *I. Frank*, I. Fr. Feddersen—Allgemeine Deutsche Biographie, B. 6 (Lpz. 1877), Ss. 594—595.

Рука заботливаго педагога чувствуется въ выборѣ другого сочиненія для перевода, исполненнаго Андреемъ Тургеневымъ; это была книга *Хр. Мейнера* (Christoph. M. Meiners—1747—1810), геттингенскаго профессора психологіи, эстетики и философіи, послѣдователя Локковскаго эмпиризма ¹⁾, подъ названіемъ „Anweisung für Junglinge zu eigenem Arbeiten“ (1789), гдѣ профессоръ трактуетъ о методѣ чтенія, excerпирования и комбинирования матеріала. Русскій переводъ носить заглавіе: „Способъ читать, замѣчать и сочинять, въ пользу молодыхъ людей предложенный г. Мейнеромъ, переводъ съ нѣмецкаго. М. 1798, въ университет. типографіи“. Переводъ сдѣланъ не И. Леонтовичемъ, какъ отмѣчено почему-то у Смирдина (Роспись, № 6022), а Андреемъ Тургеневымъ и изданъ анонимно ²⁾.

Затѣмъ Андрей Ив. Тургеневъ обратился къ исторіи и теоріи искусствъ. Въ Приятномъ и пол. препр. вр. онъ печатаетъ отрывки: „Исторія вкуса въ изящныхъ искусствахъ“ ³⁾, „Что есть хорошій вкусъ“ ⁴⁾, „Объясненіе, раздѣленіе и начало изящныхъ искусствъ и наукъ вообще“ ⁵⁾. Всѣ три отрывка переведены съ нѣмецкаго перевода книги *Cours de belles-lettres, ou Principes de la littérature*, аббата Batteux, именно: первый отрывокъ—переводъ изъ I тома, 2-de section, параграфа подъ заглавіемъ: *Preuves tirées de l'histoire même du Goût* ⁶⁾; второй отрывокъ—того же тома, 2-de section, изъ § 1, подъ заглавіемъ: *Ce que c'est que le Goût* ⁷⁾; третій отрывокъ—изъ того же тома, 1-re section, параграфы подъ заглавіями: *Où l'on établit la nature des arts par celle du Génie qui les produit, и Division et Origines des Arts* ⁸⁾. Такимъ образомъ въ это время Андрей Тургеневъ знакомился съ французскою ложноклассическою теоріей основательно—по сочиненіямъ французскихъ корифеевъ ея и ихъ нѣмецкихъ послѣдователей. Это и понятно: студентомъ Московскаго университета онъ слушалъ проф. П. А. Сохацкаго, который отстаивалъ ловко и сильно классическое направленіе противъ возникавшей

¹⁾ *Allgem. Deutsche Biographie*, В. XXI, Iprz. 1885, SS. 224—225.

²⁾ В. Н. Рогожинъ, Матеріалы для русской библіографіи XVIII и первой четверти XIX столѣтій. Т. I. Дѣла московской цензуры. С.-Пб. 1902 (Сбор. II отд. Ак. Н., т. 72), стр. 72—73.

³⁾ Пр. и пол. препр. вр., ч. XVII (М. 1798), стр. 40—48.

⁴⁾ Тамъ же, ч. XIX, (М. 1798), стр. 103—107.

⁵⁾ Тамъ же, ч. XIX, стр. 97—103.

⁶⁾ Batteux, t. I, Paris, 1755, pp. 50—57.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 41—45.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 6—9.

романтической моды, будучи достойнымъ предшественникомъ Мерзлякова въ исторіи нашей эстетической критики и, вѣроятно, однимъ изъ первыхъ поборниковъ противъ романтизма ¹⁾). Переводы Андрея Тургенева изъ книги Баттё Сохакій, редактировавшій (вмѣстѣ съ Подшиваловымъ) Приятное и полезное прешровожденіе времени, долженъ былъ принять очень охотно на страницы своего изданія.

Въ то же время Андрей Тургеневъ увлекается современною нѣмецкою литературою, заражая и пріятелей. Въ 1799 г. онъ и Мерзляковъ рѣшаются переводить Вертера ²⁾; Жуковский тоже переводитъ изъ Вертера ³⁾; самъ Андрей Тургеневъ началъ переводить изъ Вертера гораздо раньше: въ 1798 г., въ XIX книжкѣ Пр. и пол. прешровожденія времени (стр. 107—109) онъ напечаталъ *Письмо къ другу*: „По всей душѣ моей разлилась необыкновенная веселость, подобная пріятнымъ весеннимъ утрамъ, которыми я наслаждаюсь. Жизнь меня радуетъ и это мѣсто кажется нарочно для меня сотворено. Я такъ счастливъ“... и проч. Письмо почему-то помѣчено: Мая 2. Срв. Die Leiden des jungen Werthers, von Goethe, am 10. Mai (1-я книга, второе письмо): Eine wunderbare Heiterkeit hat meine ganze Seele eingenommen, gleich den süßen Frühlingmorgen, die ich mit ganzem Herzen genieße. Ich bin allein und freue mich meines Lebens in dieser Gegend, die für solche Seelen geschaffen ist, wie die meine. Ich bin so glücklich... etc.

Уже на 16-тилѣтнемъ возрастѣ, по свидѣтельству Александра Тургенева, Андрей Тургеневъ написалъ четверостишіе къ портрету Гете:

Свободнымъ геніемъ природы вдохновенный,
Онъ въ пламенныхъ чертахъ ее изображать,
И въ чувствѣ сердца лишь законы почерпалъ,
Законамъ ниважнымъ другимъ не покоренный.

Эти стихи Андрей Тургеневъ написалъ на экземплярѣ „Вертера“, подаренномъ имъ своему другу Жуковскому ⁴⁾.

¹⁾ Биографич. словарь Москов. университета, т. II, стр. 438—439 (статья о П. А. Сохаккомъ, написанная Буслаевымъ).

²⁾ Письмо А. Тургенева отъ 19-го августа 1799 г.—см. *Веселовскій*, Жуковский, стр. 58.

³⁾ Въ письмѣ отъ 22-го генваря 1802 г. Андрей Тургеневъ пишетъ Жуковскому: „Мое состояніе походить на то, которое описано въ Вертерѣ, въ томъ письмѣ, которое ты переводилъ“ (*Веселовскій*, Op. cit., 58).

⁴⁾ *Веселовскій*, Жуковский, стр. 58, 59.

Въ томъ же 1798 году Андрей Тургеневъ исполнилъ переводъ драмы Коцебу „Клеветники“ ¹⁾ (*Kotzebue, Die Verleumder, ein Schauspiel in 5 Aufzügen. Lpz. 1795*); изданъ переводъ этотъ много позднѣе: Москва 1803.

Въ сентябрѣ 1800 года онъ читаетъ прїѣхавшему въ Москву Гаврилѣ Каменеву другую переведенную имъ драму Коцебу—„Негры въ неволѣ“ ²⁾ (*Die Negersclaven, ein historisch-dramatisches Gemälde in 3 Aufzügen. Lpz. 1795*); издана—Москва 1803.

О Коцебу на русской почвѣ будетъ сказано ниже.

А. Тургеневъ читалъ Шекспира въ англійскомъ оригиналѣ, — и не только читалъ, но прямо изучалъ Шекспира, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя его пьесы: онъ приходитъ въ отчаяніе, сравнивъ подлинникъ Макбета съ русскимъ переводомъ, и находитъ, что переводъ Шиллера—очищенный, но не ослабившій оригиналъ ³⁾; чѣмъ больше онъ „вникаетъ“ въ Шекспира, тѣмъ онъ становится для него „священнѣе“ ⁴⁾; онъ стремится знакомиться съ критическою литературою о Шекспирѣ ⁵⁾. Недовольный русскимъ переводомъ Макбета, онъ пытается самъ переводить эту трагедію и доводитъ дѣло до конца ⁶⁾. Напечатанъ этотъ переводъ не былъ,—по причинамъ понятнымъ: съ одной стороны Тургеневъ самъ былъ не совсѣмъ удовлетворенъ своимъ переводомъ; онъ хотѣлъ отложить его „до выправки“ ⁷⁾, которая, можетъ быть, и не состоялась за безвременною смертію переводчика; съ другой стороны интересъ къ Шекспиру былъ слишкомъ слабъ въ русскомъ обществѣ того времени. Въ октябрѣ 1786 г. Карамзинъ писалъ предисловіе къ издаваемому имъ переводу „Юлія Цезаря“; онъ начинаетъ такимъ образомъ: „При изданіи сего Шекеспирова творенія

¹⁾ *Рогожинъ*, Указатель къ „Опыту росс. библіограф.“ Солякова, стр. 220, примѣчаніе къ № 3373 со ссылкой на дѣла московской цензуры въ Архивѣ старыхъ дѣлъ Москов. губерн. правленія за 1798 годъ.

²⁾ Г. П. Каменевъ пишетъ 27-го сентября 1800 года: „Въ 8 часовъ утра я былъ у старшаго сына г. Тургенева. Онъ читалъ мнѣ нѣкоторые изъ своихъ переводовъ, въ томъ числѣ и *Негровъ-невольниковъ* славнаго Коцебу“ (*Е. Бобровъ*, Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Томъ III. Письма Г. П. Каменева къ С. А. Москотильникову. стр. 122).

³⁾ Письмо Тургенева 1802 г. весной (*Веселовскій*, Жуковскій. стр. 59).

⁴⁾ Письмо послѣ 1-го апрѣля 1802 г.—*Веселовскій*, *op. cit.*, стр. 60.

⁵⁾ „Кто-то написалъ цѣлое разсужденіе о Макбетѣ, но я не читалъ еще его, но только видѣлъ въ книжной лавкѣ“, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ. *Веселовскій*, стр. 60.

⁶⁾ *Веселовскій*, тамъ же, стр. 59.

⁷⁾ *Веселовскій*, тамъ же, стр. 59.

почитаю почти за необходимость писать предисловіе. До сего времени еще ни одно изъ сочиненій знаменитаго сего автора не было переведено на языкъ нашъ; слѣдственно и не одинъ изъ соотичей моихъ, не читавшій Шекспира на другихъ языкахъ, не могъ имѣть достаточнаго о немъ понятія. Вообще сказать можно, что мы весьма незнакомы съ аглинскою литературою“¹⁾... Карамзинъ былъ правъ. Не говоря о „Гамлетѣ“ Сумарокова и подражаніяхъ Шекспиру имп. Екатерины II²⁾, извѣстно только три русскихъ перевода изъ великаго англійскаго драматурга, исполненныхъ въ XVIII вѣкѣ; изъ нихъ только „Юлій Цезарь“ переведенъ Карамзинимъ съ англійскаго подлинника, остальные съ французскихъ переводовъ-передѣлокъ:

Жизнь и смерть Ричарда III короля англійскаго, въ 5 д. г. Шекспира. Перев. съ франц., прозою. С.-Пб. 1787 (Сопиковъ, Опытъ р. библиогр., № 11898).

Ромео и Юлія, взятая изъ Шекспировыхъ сочиненій Г. Мерсье, въ 5 д., переводъ съ француз. Москва 1795 (Сопиковъ, № 3440).

Небольшой отрывокъ изъ этой трагедіи явился въ I части журнала „Вечера“ (С.-Пб. 1772; 2-е изд. Москва 1788, въ типогр. компаніи типографической): „Ромео и Юлія, перев. съ англін., изъ Шекспира“ (стр. 14—16).

Съ французскаго же продолжали переводить Шекспира и позднѣе, при чемъ все еще не умѣли даже правильно выговорить имени драматурга, названія пьесы и писали „Шакеспиръ“, „Шекеспиръ“, „Леаръ“ (Лиръ)³⁾...

Переводъ Макбета, о которомъ говоритъ А. Тургеневъ, нашимъ библиографамъ не былъ извѣстенъ. Незвѣстна и судьба перевода этой трагедіи, исполненнаго А. Тургеневымъ, обнаружившимъ такую высокую степень литературнаго пониманія и вкуса.

Андрею Ив. Тургеневу принадлежатъ еще слѣдующіе переводы:

Совѣты молодой женщины; перев. съ франц. А(ндрей) Т(ургеневъ). М. 1799⁴⁾. Подстрочное примѣчаніе на первой страницѣ текста гла-

¹⁾ Юлій Цезарь, трагедія, сочиненіе Вилліама Шекспира. Москва 1787.

²⁾ О нихъ см. ст. *Лебедева*, Шекспиръ въ передѣлкахъ Екатерины II (Русск. Вѣст. 1878 г. № 3).

³⁾ Леаръ въ 5 д., изъ сочиненій г. Шекеспира. Перев. съ франц. прозою Николай Гнѣдичъ. С.-Пб. 1808. (Сопиковъ, № 11919).

⁴⁾ *Рогожинъ*, Указатель къ „Опыту“ Сопикова, примѣч. къ № 11064 (стр. 271), съ ссылкой на дѣла московской цензуры въ Архивѣ старыхъ дѣлъ Москов. Губ. Правленія за 1798 годъ

ситъ: „Взято изъ записокъ славной французской актрисы г-жи Клеронъ (Memoires d'Hyppolite Clairon et Reflexions sur l'Art dramatique publiés par elle même, Paris 1798).“ Начало: „Твердо будучи увѣрена въ бытіи верховнаго Существа, въ Его правосудіи и благодсти, съ чувствомъ живѣйшей благодарности я возвращу ему жизнь, мнѣ имъ дарованную; а тебѣ, любезная Паулина! посвящу мои послѣднія минуты. Твоя ко мнѣ довѣренность и дружба открыли предо мною твою душу—она сотворена для добродѣтели“... (стр. 3—4). И затѣмъ говорится о томъ, какъ необходимо женщинѣ быть добродѣтельною, какъ воспитывать дѣтей; здѣсь, между прочимъ, давая совѣтъ руководить чтеніемъ дѣтей, авторъ высказываетъ: „Помогай имъ (дѣтямъ) разбирать впечатлѣнія, которыя они при чтеніи получили, не пропускай безъ похвалы никакой добродѣтельной, героической, человѣколюбивой черты; изображай при всякомъ случаѣ опасность порока и ужасъ, которой онъ собою вселяетъ“ (стр. 30). Ниже: „Тебѣ не можно скрыть отъ себя самой, что съ каждымъ днемъ ты теряешь какую-нибудь прелесть; но душа твоя, наставленная временемъ и опытомъ, вѣрно вознаградитъ сіи потери добродѣтелями; онѣ доставляютъ тебѣ такое владычество, которое будетъ гораздо сладостнѣе, гораздо продолжительнѣе владычества красоты“ (стр. 40—41).

Тонъ и направленіе отрывка, характеризуемые приведенными выписками, объясняютъ сдѣланный А. Тургеневымъ выборъ этой статьи для перевода.

Отрывокъ этотъ, представляющій собою послѣднюю главу изъ Записокъ Клэронъ и озаглавленный здѣсь *Conseils à ma jeune amie* (стр. 325 и слѣд.), былъ перепечатанъ въ журналѣ *Le Spectateur du Nord, journal politique, littéraire et moral*, t. VIII (1798 г.), послѣ критическаго отзыва о Запискахъ; сущность этого отзыва сводится къ слѣдующему: Si nous n'avions trouvé dans les Memoires que des anecdotes de coulisse ou des aventures galantes, nous n'aurions pu en tirer aucun parti; nous nous serions abstenus d'en faire mention. Nous y avons trouvé les fruits les plus heureux de l'expérience pour l'art dramatique et pour les moeurs; sur l'art, des réflexions pleines de sagacité et de finesse; sur les moeurs des maximes pleines de sagesse, des préceptes qui acquièrent un grand prix dans la bouche d'une femme telle que M-lle Clairon; des *Conseils à une jeune amie*, dignes d'être lus et médités par toutes les femmes ¹⁾. И затѣмъ слѣдуетъ перепе-

¹⁾ Spectateur du Nord, 1798, t. VIII (octobre, novembre et décembre), pp. 169—170.

чатка этой послѣдней части Записокъ, озаглавленная *Conseils à une jeune Femme* ¹⁾).

Spectateur du Nord читался, а можетъ быть и выписывался въ въ семьѣ Тургеневыхъ ²⁾); программа и направленіе этого журнала, прекрасно характеризующая только что приведеннымъ отрывкомъ изъ отзыва о Мемуарахъ Клэронъ, какъ разъ подходили къ духу тургеневскаго кружка. Со страницъ *Spectateur du Nord* и былъ сдѣланъ А. Тургеневымъ переводъ *Совѣтовъ молодой женщины*.

Въ *Spectateur du Nord* (1798 № 5, t. VI, pp. 151 — 167) былъ напечатанъ и *Fragment des Mémoires de Franklin*, въ переводѣ вошедшій въ книжку—

Отрывокъ изъ записокъ Франклиновыхъ, съ присовокупленіемъ краткаго описанія его жизни и нѣкоторыхъ сочиненій; перев. съ франц. А. Т.; М. 1799. Переводъ этотъ Андрей Ив. Тургеневъ исполнилъ по желанію отца и И. В. Лопухина; онъ писалъ къ Жуковскому: „Франклинову жизнь кончилъ, только все совсѣмъ не такъ, какъ должно быть... *Если бы не батюшка и не Иванъ Владиміровичъ хотѣли того*, то право бы все бросилъ“... ³⁾). Желаніе Тургенева-отца и И. В. Лопухина объясняется нравоучительнымъ характеромъ записокъ: „Franklin's Tagebuch — ein sicheres Mittel durch moralische Vollkommenheit thätig, verständig, beliebt, tugendhaft und glücklich zu werden“, говоритъ Н. Döring ⁴⁾). Въ книжкѣ семь статей:

1. *Жизнь Франклина* (стр. 3—15)—краткій біографическій очеркъ, въ которомъ между прочимъ приводится (стр. 9—11) выписка изъ записокъ Франклина: „Съ глубочайшимъ смиреніемъ чувствую и признаю, что единому Божескому промыслу обязанъ я всѣмъ моимъ щастіемъ. Его всемогущая рука научила меня средствамъ, мною употребленнымъ, и увѣнчала ихъ добрымъ успѣхомъ; я надѣюсь, что Его благость и теперъ не оставитъ меня“ и проч.

2. *Отрывокъ изъ записокъ Франклиновыхъ* (стр. 16—55); начало:

¹⁾ Ibidem, pp. 178—198.

²⁾ См. Письма Г. П. Каменева къ Москотильникову (*Е. Гобровъ*, Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в., т. III, стр. 123), письмо отъ 28 сентября 1800 г.: „Иванъ Петровичъ Тургеневъ — рассказываетъ здѣсь Каменевъ — далъ мнѣ читать *Spectateur du Nord*, журналъ совершенно въ моемъ вкусѣ“...

³⁾ *Роложинъ*, Указатель къ „Оп.“ Соп., примѣч. къ № 6015 (стр. 256); *Веселовскій*, Жуковскій, стр. 60.

⁴⁾ Allgem. Encyclopädie v. Ersch u. Gruber, I Sektion, 47 Theil, Lpz. 1848, S. 285.

„Въ это время (сія пьеса относится къ 1730 или 1731 году) принялъ я смѣлое и трудное намѣреніе *достичь нравственнаго совершенства*. Я желалъ не дѣлать никакого проступка во всѣ минуты жизни моей; хотѣлъ взять верхъ надъ всѣмъ, что могло подать къ тому поводъ: надъ природною склонностью, надъ обществомъ, надъ обычаями. Зная, или по крайней мѣрѣ думая знать добро и зло, мнѣ казалось возможнымъ всегда слѣдовать первому и избѣгать другаго“ и проч. Франклинъ—разсказывается далѣе—завелъ записную книжку, вписалъ въ нее добродѣтели, „которыя почиталъ нужными или желательными, и къ каждой прибавилъ краткое правило“ (стр. 20), рѣшась „привыкнуть ко всѣмъ симъ добродѣтелямъ“ (стр. 22). Эти добродѣтели: воздержаніе, молчаливость, порядокъ, рѣшимость, бережливость и проч. И затѣмъ разсказывается, какимъ образомъ Франклинъ старался развить въ себѣ эти добродѣтели.

3. *Письмо къ миссъ Годбардъ* (на смерть брата своего Джона Франклина)—стр. 55—59; въ основѣ мысль: „Человѣкъ не прежде рождается, какъ только въ эту минуту, въ которую умираетъ. И почто же скорбѣть о томъ, что между безсмертными есть новорожденной, о томъ, что блаженное общество ихъ умножилось новымъ членомъ?“ (стр. 56). Идея очень близкая Тургеневскому кружку.

4. *Мораль извлеченная изъ шахматной игры* (стр. 60—74): „Хорошій игрокъ пріобрѣтаетъ чрезъ сію игру многіе весьма полезныя навыки... Жизнь наша подобна партіи въ шахматы... Итакъ, играя въ шахматы, можно пріобрѣсть: предусмотрительность, осторожность“...

5. *Средство, какъ у всякаго могутъ быть въ карманѣ деньги* (стр. 75—78): „Во-первыхъ—будь всегда прямодушенъ и трудолюбивъ. Во-вторыхъ—истрачивай всегда копѣйкой меньше, нежели сколько ты получаешь“ и т. д.

6. *Письмо къ госпожѣ Гельвеніусъ* (стр. 79—85)—на тему о томъ, что жена по смерти мужа можетъ выйти вторично замужъ.

7. *Разговоръ Франклина съ подаgroю* (стр. 85—111)—разсужденіе въ діалогической формѣ о томъ, что сидячая жизнь вредна для здоровья, что необходимо ежедневно прогуливаться и жить воздержно.

Г. П. Каменевъ, сообщая своему корреспонденту о своемъ визитѣ къ Карамзину вмѣстѣ съ Андреемъ Тургеневымъ, между прочимъ разсказываетъ: „Карамзинъ спросилъ Тургенева, перевелъ ли переписку Юнга съ Фонтенеллемъ“ ¹⁾. Самъ А. Тургеневъ въ письмѣ къ

¹⁾ *Боброевъ*. Литер. и просв. въ Россіи, т. III, Письма Каменева къ Москотильникову, стр. 129, письмо отъ 10 октября 1800 года.

Жуковскому (вѣроятно 1801 г.) говорить: „Мои письма Юнга и Фонтенеля будутъ напечатаны“ ¹⁾. Однако, повидимому, переводъ этотъ изданъ не былъ,—по крайней мѣрѣ библиографамъ неизвѣстенъ; въ 1801 году, въ Москвѣ, вышли *Письма Фонтенеля и Юнга*, перев. съ франц. Вышеславцева (Сопиковъ, „Опытъ“, № 8193).

Собственныхъ сочиненій Андрея Ивановича Тургенева было немного:

Въ Приятномъ и полезномъ препровожденіи времени (1798 года, ч. XIX, стр. 160), анонимно, было напечатано стихотвореніе подъ заглавіемъ „Утѣшеніе“:

Надежда кроткими лучами освѣщаетъ
Нашъ мрачный путь въ печальной жизни сей.
Тебя несчастье удручаетъ,
Томишься, страдаешь ты, и въ горести своей
Ты слезы льешь, несчастный!—Ободрись!
Зри духомъ вѣчность; что твой взоръ встрѣчаетъ?
Тамъ лучший міръ, тамъ Богъ.. Страдалецъ! улыбнись!

Это стихотвореніе сохранилось въ письмахъ Андрея Тургенева ²⁾; принадлежность его послѣднему засвидѣтельствована Александромъ Ивановичемъ Тургеновымъ: приведя два послѣдніе стиха („зри духомъ вѣчность“...) въ письмѣ къ брату Николаю, онъ говоритъ: „Это сказалъ братъ нашъ Андрей для насъ съ тобой“ ³⁾.

Стихотвореніе это выразило одно изъ настроеній, господствовавшихъ въ кружкѣ Тургеновыхъ. То же самое высказываетъ Жуковский въ своей статьѣ 1800 года „Къ надеждѣ“: О надежда, усладительница нашихъ горестей! Сопутствуй мнѣ на мрачномъ пути сея жизни; сопутствуй до того времени, когда ангелъ смерти, отворивъ таинственныя врата вѣчности, приметъ меня изъ объятій твоихъ, и на крыльяхъ безсмертія понесетъ въ лучший, блаженный міръ ⁴⁾.

То же настроеніе выражается въ позднѣйшемъ стихотвореніи Андрея Тургенева (въ письмѣ его къ Жуковскому отъ 13-го февр. 1802 г.):

Забудемъ здѣсь искать блаженства
Въ юдоли горести и слезъ,

¹⁾ *Веселовскій*, Жуковский, стр. 84, примѣч. 3.

²⁾ *Веселовскій*, Жуковский, стр. 93, примѣчаніе 3-е.

³⁾ Письма Ал. И. Тургенева къ Н. И. Тургенову. Лейпцигъ, 1872, стр. 147 (письмо изъ Женевы отъ 13 октября 1827 г.).

⁴⁾ Полн. собр. соч. Жуковского подъ ред. *Архангельскаго*, т. IX, стр. 10.

Тамъ, тамъ оно, среди небесъ,
Въ жилищѣ блага, совершенства!
Тамъ бѣдный труженникъ земной,
Достигнувъ вѣчнаго покою,
Узнаеть, что есть Богъ благой, и проч. ¹⁾

Въ IV части издававашагося Карамзинимъ Вѣстника Европы (М. 1802, стр. 52—56) явилась „Элегія“ Андрея Тургенева: Угрюмой осени мертвящая рука...

Это было главное его произведеніе, которое и удерживало за нимъ долгое время поэтическую славу ²⁾. Карамзинъ снабдилъ Элегію подстрочнымъ примѣчаніемъ, гдѣ между прочимъ говоритъ: „Это сочиненіе молодого человѣка съ удовольствіемъ помѣщаю въ Вѣстникѣ. Онъ имѣетъ вкусъ, и знаетъ, что такое пѣтическое слога. Нѣкоторые стихи прекрасны... Со временемъ любезный сочинитель будетъ конечно оригинальнѣе въ мысляхъ и въ оборотахъ; со временемъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ онъ найдетъ способъ говорить по-своему“ ³⁾.

Въ послѣднихъ словахъ Карамзина заключается нѣкоторый упрекъ: онъ отмѣчаетъ, что авторъ элегіи поддался литературнымъ вліяніямъ болѣе, чѣмъ желалъ бы Карамзинъ.

Послѣ меланхолическаго эпиграфа изъ Ж. Ж. Руссо: „Ainsi s'éteint tout ce qui brille un moment sur la terre!...“, который характеризуетъ основной тонъ всего стихотворенія, элегія открывается суровымъ, мрачнымъ пейзажемъ:

Угрюмой осени мертвящая рука
Уныніе и мракъ повсюду разливаешь;
Холодной, бурной вѣтръ поля опустошаетъ,
И грозно пѣнится ревущая рѣка...
Поблекшіе лѣса въ безмолвіи стоятъ;
Туманы стелются надъ доломъ, надъ холмами...
Гдѣ сосны древнія задумчиво шумятъ
Усопшихъ поселянъ надъ мирными гробами...

Пейзажъ, навѣянный картинами природы Макферсоновскаго Осси-

¹⁾ *Веселовскій*, Жуковский, стр. 54.

²⁾ См., напр. Дневникъ В. К. Кюхельбекера, 2 іюля 1832 г.: „Съ удовольствіемъ я встрѣтилъ въ „Вѣстникѣ“ извѣстную элегію покойнаго Андрея Тургенева. Еще въ лицѣ я любилъ это стихотвореніе, и тогда даже больше „Сельскаго кладбища“, хотя и былъ въ то время энтузіастомъ Жуковскаго. Окончаніе элегіи Тургенева безподобно“... (Русс. Старина 1875 г., т. XIII, стр. 520).

³⁾ Вѣст. Евр. 1802 г., ч. IV, стр. 52

ана ¹⁾, которымъ увлекались А. Тургеневъ и его друзья. Особенно близкую параллель даетъ одно мѣсто поэмы *Каррикъ-Тура*: „Уллинъ взялъ нѣжно-дрожащую арфу; пѣснь его была мила, но печальна, и молчаніе было въ Каррикъ-Турѣ: «Осень мрачна на горахъ; сѣрый туманъ садится на вершины, вихрь слышится въ верескѣ. Мрачно катится рѣка черезъ узкую долину. Дерево стояло одиноко на холму... вѣтеръ кружилъ листья и покрывалъ ими могилу»... И затѣмъ бардъ поетъ о смерти юнаго воина, котораго оплакавъ любившая его дѣва умираетъ отъ горя ²⁾).

¹⁾ *Балобанова*, Поэмы Оссиана. С.-Пб. 1890: „Мрачныя тѣни осени проносятся надъ холмами, покрытыми травой“ (стр. 62)... „Вѣтры шумятъ въ лѣсахъ, потоки несутся со скаль, дождь собирается надъ вершиною кромлы. Красныя звѣзды блистаютъ среди несущихся облаковъ“ (стр. 66)... „Потокъ тѣны стремится изъ мрачной тѣнистой глубины кромлы, когда громъ гремитъ въ небѣ и черная ночь закрываетъ холмы. Изъ-за разорванныхъ тучъ бури смотрятъ тусклые облики тѣней“ (стр. 53—54)... Книжка *Поэмы древнихъ бардовъ* (С.-Пб. 1788), оказавшая такое вліяніе на Державина (см. Соч. Держав. подъ ред. Грота. 2-ое акад. изд., т. I, стр. 338 и сл.), начинается такъ: „Ночь пасмурна и печальна. Тучи простираютъ темную завѣсу надъ холмами. Луны на небесахъ не видно. Ни единая звѣзда не блещетъ. Слухъ мой поражается невнятнымъ и смѣшаннымъ шумомъ вѣтровъ, раздающихся въ отдаленной роцѣ. Источникъ печально журчитъ въ долині. Сова, предвозвѣстница несчастій, произноситъ пронзительный крикъ, сидя на вершинѣ древа, возросшаго близъ гробовъ усопшихъ“...

²⁾ *Балобанова*, Поэмы Оссиана. стр. 198. Подъ такими вліяніями начинаетъ исчезать колоритъ псевдоклассической мѣлологіи, какимъ отличались описанія Державина, въ родѣ, напримѣръ, начала „Осени во время осады Очакова“:

Спустилъ сѣдой *Эоль Борей*
 Съ дѣпей чугуныхъ изъ пещеръ;
 Ужасныя крылѣ расширя,
 Махнулъ по свѣту богатырь;
 Погналъ стадами воздухъ синий,
 Спустилъ туманы въ облака,
 Давнулъ—и облака разсѣлись,
 Пустился дождь и вошумѣлъ,—

(Соч. Держав., ред. Грота, т. I, № 41),

или въ родѣ написаннаго подъ видимымъ державинскимъ вліяніемъ стих. *А. Максимовича* „Осень“:

Шумить уныло желтый листъ
 Шумить, летить съ деревъ вѣтвистыхъ;
 Подходить ближе ярый свистъ,
 Къ дубамъ возвышеннымъ, сѣнистымъ.
 Достигъ *борей*,—они трещать,
 Разить врыломъ—грядой лежать;

Далѣ Тургеневъ рисуетъ картину сельскаго кладбища:

Сосны древнія задумчиво шумятъ
Усопшихъ поселянъ надъ мирными гробами;
Гдѣ все вокругъ меня глубокой сонъ тягчить,
Лишь колоколь пощной одинъ вдали звучитъ,
И медленныхъ часовъ при томномъ удареньи
Въ пустыхъ развалинахъ я слышу стонъ глухой —
На камнѣ гробовомъ печальный, тихій Геній
Сидитъ въ молчаніи, съ понижею главой...

Набросокъ, очевидно возникшій въ стилѣ и подѣ вліяніемъ тѣхъ описаній кладбищъ, какія разсматривалъ я выше (въ IX главѣ моихъ „Разысканій“),—включительно до элегіи Грея „In a country Churchyard“, надъ переводомъ которой трудился въ это время другъ А. Тургенева Жуковский.

„Прискорбная улыбка“ печальнаго Генія, сидящаго на камнѣ гробовъ, какъ бы говорить:

„Смотри, бабъ сохнетъ все, хладѣетъ, истлѣваетъ;
„Смотри, какъ грозная, безжалостная смерть
„Всѣ ваши радости навѣки поглощаетъ!
„Все жило, все цвѣло, чтобъ послѣ умереть!“

Параллельныя обработки того же мотива сведены мною выше (въ IX главѣ); особенно нужно думать о вліяніи Юнга, его мысли о царящей въ мирѣ смерти въ „Ночныхъ думахъ“.

Поэтъ приглашаетъ прійти на кладбище „въ свободѣ размышлять“.

Дрожить природа—цѣпенѣтъ,
Влѣднѣтъ холмъ, луга, лѣса;
Покрылись мглой небеса;
Для слуха, взора все мертвѣтъ.
И вдругъ сестра зимы уныла
Въ шумящей мантии своей,
Отъ *Норда* скиптръ свой наклонила,
На мѣръ подстланный передъ ней;
Взмахнула черными крылами,
Погнала тучи съ горъ стадами,
Метели, бури, вихрь со мглой,
Излился океанъ небесной
Рѣками съ ярою грозой,
Сокрылся *Фебъ*—съ нимъ дни прелестны.
Природа въ рубищѣ тоски.
Отъ грозной осени руки...

(Пр. и пол. прер. врем., ч. XX, стр. 284—285).

Андрей Тургеневъ стоитъ однако на иной точкѣ зрѣнія, нежели тѣ авторы прогулокъ на кладбища, которые, стремясь „ходить въ священной меланхоліи“¹⁾, любя „трогательные предметы“, „мѣста, приводящія въ задумчивость и погружающія сердце въ томное уныніе“²⁾, избирали кладбище, какъ мѣсто, особенно располагающее къ чувствительнымъ, меланхолическимъ мечтаніямъ; размышленія на кладбищѣ, по взгляду Тургенева, могутъ дать отраду несчастнымъ, кого смерть лишила дорогого имъ существа:

О ты, кого еще надежда обольщаетъ —
Бѣги, бѣги сихъ мѣсть, щастливый человекъ!
Но вы, несчастные, гонимые судьбою —
Вы, кои въ мнрѣ семъ простилися навѣкъ
Блаженства съ милою, предестною мечтою,
Въ чьихъ горестныхъ сердцахъ умолокъ веселья гласъ!
Придите: здѣсь еще блаженство есть для васъ!
Съ любезною навѣкъ, иль съ другомъ разлученный!
Приди сюда о нихъ въ свободѣ размышлять.
*И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать
Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ!*

И затѣмъ поэтъ обращается къ дѣвушкѣ, потерявшей любимого человека:

Пускай счастливаца мнръ къ веселію зоветъ:
Но ты, во цвѣтѣхъ лѣтъ сраженная Судьбою,
Приди, приди сюда бесѣдовать съ тоскою!

Принципъ, формулированный въ этихъ двухъ строчкахъ: „И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ“, прочно укоренился въ міросозерцаніи близкихъ къ Андрею Тургеневу лицъ. Эти двѣ строчки элегіи воспоминаетъ Александръ Ив. Тургеневъ въ письмѣ къ брату Николаю изъ Женевы отъ 13-го октября 1827 г., прибавляя при этомъ: „Это сказалъ братъ нашъ Андрей для насъ съ тобою“³⁾. Особенное значеніе имѣло глубокое усвоеніе этого принципа для Жуковского, помощи ему перенести утрату дорогихъ лицъ, и освѣщая особеннымъ колоритомъ его настроеніе. „Пепель протекшихъ радостей оживится моими слезами сладкими, посвященными воспоминанію“, говоритъ онъ, и обращается къ воспоминаніямъ о „незабвенномъ“, „увядшемъ во цвѣтѣхъ лѣтъ“,

¹⁾ Иппокрена, VI, стр. 360.

²⁾ Пр. и п. препров. врем., XVI, стр. 113.

³⁾ Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу. Лейпцигъ. 1872, стр. 147.

Андрей Тургеневъ ¹⁾. Послѣ кончины Маріи Андреевны Мойеръ, его дорогой „Маши“, Жуковский писалъ А. П. Елагиной 28-го марта 1823 года: „Съ ея святымъ переселеніемъ въ неизмѣняемость, прошедшее какъ будто ожило и пристало къ сердцу съ новой силой... Не будемъ говорить: ея нѣтъ! C'est un blasphème... *Ея могила будетъ для насъ мѣстомъ молитвы. Горе о ней тамъ, гдѣ мы; но на этомъ мѣстѣ (на могилѣ)—одна только мысль о ея чистой ангельской жизни, о томъ, что она была для насъ живая, и о томъ, что она нынѣ есть для насъ небесная... Мысль о ней, полная ободренія для будущаго, полная благодарности за прошедшее“* ²⁾... Тотъ же мотивъ повторяется Жуковскимъ и въ 1850 году; собираясь пріѣхать изъ-за границы въ Дерптъ, онъ пишетъ Зейдлицу: „Того, что тамъ (въ Дерптѣ) нѣкогда было *наше*, мы не найдемъ,—почти все исчезло не только въ Дерптѣ, но и на землѣ: тамъ остался одинъ представитель этого прошедшаго—могила съ надписью: «Да не смущается сердце ваше» (т. е. могила Маріи Андреевны). Но...—

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ присутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!
Но съ благодарностію: были!“ ³⁾.

„Милое воспоминаніе о томъ, чего ужъ въ жизни нѣтъ“—любимый мотивъ въ лирикѣ Жуковского ⁴⁾.

Обращаясь къ дѣвушкѣ, утратившей любимаго человѣка, и призывая ее на кладбище „бесѣдовать съ тоскою“, А. Тургеневъ такъ говорить объ отрадѣ этой бесѣды:

Здѣсь бурной осенью природа обнажена
Раздѣлится съ нѣжностью грусть сердца твоего...
Здѣсь съ нимъ тебя ничто, ничто не раздѣлитъ:
Здѣсь все тебѣ о немъ лишь будетъ говорить.
Съ улыбкой томною отцвѣтшія природы
Его послѣднюю улыбку вспомнишь ты...
И время быстрое блаженства твоего,
И тѣнь священная, и образъ вѣчно милой,

¹⁾ Введеніе къ повѣсти „Вадимъ Новгородскій“ (1803 года)—Соч. Жуков., ред. Архангельскаго, т. IX, стр. 14.

²⁾ *Зейдлицъ*, Жизнь и поэзія Жуковского, стр. 130—133; срв., *Веселовскій*, Жуковский, стр. 236—237.

³⁾ *Зейдлицъ*, Ор. cit., стр. 230—231.

⁴⁾ Срв. *Веселовскій*, стр. 249 и слѣд.

Воскреснуть, оживуть въ душѣ твоей унылой.
Ты вспомнишь, какъ сама цвѣла въ глазахъ его!
Какъ нѣжная рука тебя образовала,
И прелестью добра тебя къ добру влекла;
Какъ ты всѣ радости въ его любви вмѣщала,
И радостей иныхъ постигнуть не могла;
Какъ раемъ для тебя казалась вся вселенна...

Въ этихъ словахъ находить свое полное отраженіе время господства сентиментализма, „гипертрофіи чувства“, какъ выразился академикъ А. Н. Веселовскій въ своей превосходной характеристикѣ „эпохи чувствительности“,—когда „мирные энтузіасты чувствительности, ублаживающіе себя до тихихъ восторговъ и слезъ анализомъ своихъ ощущений“, доводили „самонаблюденіе до болѣзненной щепетильности“, когда „къ могиламъ паломничали неудачно влюбенныя барышни“, когда „слезы и мысли о смерти, безотчетное уныніе стали литературной манерой, въ меланхолію играли“¹⁾—когда такъ правилась элегически-сентиментальная поэзія Маттиссона.

Элегія заключается мыслью, что „щастья въ мірѣ нѣтъ, и кто живетъ, страдаетъ“, что „доброму отрада лишь въ слезахъ, спокойствіе въ землѣ, а щастье въ небесахъ“—мысль, которую мы встрѣтили уже у Жуковскаго въ стихотвореніи „Человѣкъ“, съ ссылкой на Юнга²⁾,—и потому нужно мысль свою направить исключительно къ загробной жизни:

Не вѣчно и тебѣ, не вѣчно здѣсь томиться!
Утѣшься; и туда твой взоръ да устремится,
Гдѣ твой смущенный духъ найдетъ себѣ покой,
И позабудетъ все, чѣмъ онъ терзался прежде;
Гдѣ вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждъ,
Гдѣ царство вѣчное одной любви святой!

Такое свѣтлое отношеніе къ смерти было усвоено въ средѣ лицъ, окружавшихъ А. Тургенева. Рядъ отраженій этихъ идей въ литературѣ подобранъ мной въ IX главѣ моихъ „Разысканій“; вліяніе „Ночныхъ думъ“ Юнга, кажется, необходимо должно быть предположено.

Въ стихотвореніи, относящемся къ концу 1803 года и обращенномъ

¹⁾ *Веселовскій*, Жуковскій, стр. 33, 34, 37.

²⁾ Такъ—въ гробѣ лишь твое спокойство и отрада;
Могила—тихий сонъ, а жизнь—съ бѣдами брань.

Утр. Заря, кн. II, стр. 12.—Соч. Жуков., ред. Арханг. I, стр. 11.

къ Екатеринѣ Михайловнѣ Соковниной, которая питала сентиментальную страсть къ взаимно увлекавшемуся ею Андрею Тургеневу, Жуковский пишетъ въ утѣшеніе и ей и самому себѣ послѣ утраты скончавшагося Тургенева, повторяя мысли элегіи послѣдняго:

Протекшихъ радостей уже не возвратитъ:
Но въ самой скорби есть для сердца наслажденье.
.... Мой милый другъ, не будемъ безнадежны:
Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный;
Тамъ все погибшее предъ нами оживеть...
Блаженство наша цѣль; когда мы къ ней придемъ,
Намъ Провидѣніе сей тайны не открыло;
Но рано ль, поздно ли, мы радостно вздохнемъ:
Надеждой не вотще насъ Небо одарило ¹⁾.

И Жуковский и братья Тургеневы увлекались поэзіей Маттиссона ²⁾. Точки соприкосновенія, наблюдаемая между элегіей Андрея Тургенева и нѣкоторыми стихотвореніями Маттиссона, заставляютъ думать, что увлеченіе послѣднимъ вліяло на литературные труды нашихъ друзей, наряду съ другими факторами, о которыхъ мною уже упомянуто.

Маттиссонъ, выросшій и воспитавшійся среди вліяній религіозной морали Тиде и Штурма („Unterhaltungen mit Gott“), поэзіи Грея (особенно его „Элегіи на сельскомъ кладбищѣ“ въ нѣмецкомъ переводѣ Готтера), Оссіана, „Вертера“ Гёте и т. под. ³⁾,—уже 16-тилѣтнимъ юношей испытываетъ „wehmüthiger Schwermuth“, что настроиваетъ его къ „пріятнымъ и серьезнымъ чувствованіямъ“ и т. л. ⁴⁾; яркимъ выраженіемъ его сентиментально-меланхолическаго настроенія является его стихотвореніе „Melancholie“:

Die Nachtigall klagt bang'im Bluthenschatten
Wie um den Liebling die verlassne Braut;
Der Abendstern blickt auf die Veilchenmatten,
Blass wie der Schmerz auf Sarkofage schaut;
Ein Trauerflor ⁵⁾ scheint längs dem See zu wallen;
Der Felsen Hörner bleicht ein falles Licht,
Wie Vollmondglanz in dunkle Klosterhallen
Durch trübe Scheiben bricht.

¹⁾ Соч. Жуковскаго, ред. Арханг., т. I, стр. 18.

²⁾ Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, стр. 86, 147; *Веселовскій*, Жуковский, стр. 38.

³⁾ *H. Döring*, Fr. v. Matthisson's Leben. Zürich, 1833.

⁴⁾ *Holm*, Ein Tagebuch aus Matthisson's Jugend. Neue Heidelberger Jahrbücher Jahrg. X, Heft 1, стр. 81 и слѣд.

⁵⁾ Срв. „Флёровую мантию меланхолиі“ у Жуковскаго („Жизнь и источникъ“)

Ihr Birkenhohn, ihr Wiesengründe, lachtet
Einst holder mir, als Gessners Hirtenwelt!
Da gluh't am See, den Schwermut öd'umnachtet,
Der Zauberschein wie Lethes Blumen hellt.
Gebirge, Thäler, Aun, ihr bleibt dieselben.
Doch dem Verirrten von der Hoffnung Spur
Wird jeder Stern zur Lamp'in Sorggewölben,
Zum Grabthal jede Flur ¹⁾.

Стихотвореніе характерно вообще для эпохи сентиментализма.

У Маттиссона встрѣчаемъ рядъ мотивовъ, повторенныхъ въ Элегіи
Андрея Тургенева.

Кладбище, гробницы привлекали вниманіе Маттиссона:

Ich seh'des Kirchhofs Bäume,
Der Gräber hohes Gras,
Wo ich so oft die Reime
Der Leichensteine las u. s. w. ²⁾.

„Das Grab“, „Grablied“, „Todtenkranz für ein Kind“, „Der Grab-
stein“, „Das Grabmal“—названія ряда его стихотвореній ³⁾.

На кладбищахъ рисуются такія картины:

Wo Rustern dort ein heilig Dunkel streu'n,
Und um des Doms Portal sich Epheu dehnt,
Weilt die Melancholie im Vollmondschein,
An Grabmaltrümmer sinnend hingelehnt ⁴⁾.

Развалины навѣваютъ поэту думы о бренности всего земного:

So vergehn des Lebens Herrlichkeiten,
So entfleucht das Traumbild eitler Nacht!
So versinkt, im schnellen Lauf der Zeiten
Was die Erde trägt, in öde Nacht!
Lorbern die des Siegers Stirn umkränzen,
Thaten die in Erz und Marmor glänzen,
Urnen, der Erinnerung geweiht,
Und Gesänge der Unsterblichkeit!
Alles was mit Sehnsucht und Entzucken
Hier am Staub' ein edles Herz erfüllt,
Schwindet gleich des Herbstes Sonnenblicken,
Wann ein Sturm den Horizont umhüllt...

¹⁾ Gedichte von Matthisson. Zürich, 1802, S. 199.

²⁾ „Die Kinderjahre“ Gedichte v. Matthisson, crp. 19.

³⁾ Ged. v. Matth., crp. 183, 194, 195, 196, 198.

⁴⁾ „Das Kloster“. Ged. v. Matth., crp. 88.

Hoheit, Ehre, Macht und Ruhm sind eitel!
Eines Weltgebieters stolzen Scheitel
Und ein zitternd Haupt am Pilgerstab
Deckt mit Einer Dunkelheit das Grab! ¹⁾

Мысль о смерти пробуждаетъ у Маттиссона предчувствіе свѣтлаго
загробнаго бытія:

Mit den Tönen des Triumphgesanges
Trank ich Vorgefuhl des Ueberganges
Von der Grabnacht zum Verklärungsglanz!
Als vernähm'ich mir, o Erde, zu entfliehen,
Sah'schon unter mir der Sterne Tanz!
Schon umathmete mich Himmelsmilde,
Schon begrüsst'ich jauchzend die Gefilde
Wo des Lebens Strom durch Palmen fleusst;
Glänzend von der'nähern Gottheit Strale
Wandelte durch Paradiesesthale
Wonneshauernd mein entschwebter Geist ²⁾.

Въ утѣшеніе скорбящей любящей, потерявшей своего возлюбленнаго, Маттиссонъ говорить:

Lehnst du deine bleichgehärmte Wange
Immer noch an diesen Aschenkrug?
Weinend um den Todten, den schon lange
Zu der Seraphim Triumphgesange
Der Vollendung Flügel trug?
Siehst du Gottes Sterneschrift dort flimmern,
Die der bangen Schwermuth Trost verheisst.
Heller wird der Glaube nun dir schimmern,
Dass hoch über seiner Hülle Trümmern
Walle des Geliebten Geist!
Wohl, o wohl dem liebenden Gefährten
Deiner Sehnsucht, er ist ewig dein!
Wiedersehn, im Lande der Verklärten
Wirst du, Dulderin, den Langentbehrten,
Und wie er unsterblich seyn! ³⁾

Мотивъ о вѣчной любви за гробомъ:

In heiliger Mitternachtstunde durchkreist
Des Aethers Gefilde mein ahnender Geist.

¹⁾ „Elegie in den Ruinen eines alten Bergschlosses geschrieben“. Ged. v. Matth., стр. 42—43.

²⁾ „An Laura, als sie Klopstocks Auferstehungslied sang.“ Ged. v. Matth., 189.

³⁾ „Troost, an Elisa“. Ged. v. Matth., 200.

Geliebte! Dort winkt uns ein Land, wo der Freund
Auf ewig der Freundin sich wieder vereint.
Die Freude sie schwindet, es dauert kein Leid:
Die Jahre verrauschen im Strome der Zeit;
Die Sonne wird sterben, die Erde vergehn:
Doch Liebe muss ewig und ewig bestehn ¹⁾.

Объ отраженіи поэзіи Маттиссона у Жуковского скажу въ своемъ мѣстѣ.

Въ VII части Вѣстника Европы (1803 г., стр. 277) было напечатано небольшое патріотическое стихотвореніе Андрея Тургенева *Къ отечеству* ²⁾, гдѣ между прочимъ читается:

Тебя, Отечество святое,
Тебя любить, тебѣ служить:
Вотъ наше званіе прямое!
Мы жизньнюю своей купить
Твое готовы благоденство:
Погибель за тебя—блаженство
И смерть—безсмертіе для насъ!

О происхожденіи патріотическихъ мотивовъ въ литературныхъ опытахъ питомцевъ Университетскаго Благороднаго Пансіона я говорилъ въ V главѣ своихъ „Разысканій“; стих. „Къ отечеству“ Андрея Тургенева заставляеть расширить сферу вліяній (Пр. Антонскаго), подъ какими обрабатывались эти мотивы. Патріотическое настроеніе молодежи отразилось и въ другомъ небольшомъ стихотвореніи Андрея Тургенева: *Къ ветхому Поддѣвическому дому А. Θ. В(оейко)ва*:

Сей ветхій домъ, сей дикій садъ глухой,
Убѣжище друзей, соединенныхъ Фебомъ,
Гдѣ въ радости сердце влялися передъ небомъ,
Клялися своей душой.

¹⁾ „Lied der Liebe“. God. v. Matth., 212.

²⁾ Ал. И. Тургеневъ въ письмѣ къ П. А. Осиповой отъ 10 февраля 1837 г. говорить: „Къ отечеству“—его же (брата Андрея) стихи, кои нѣсколько лѣтъ по его кончинѣ читаны были въ таврическомъ дворцѣ, въ собраніи дворянства, когда Россія воспламенялась и ополчалась противъ Наполеона (Пушкинъ и его современники, С.-Пб. 1903, вып. I, стр. 55—56). Видимо, для этой именно дѣли и была сдѣлана на отдѣльныхъ листкахъ перепечатка этого небольшого стихотворенія подъ заглавіемъ. *Къ отечеству*, съ подписью: Андрей Тургеневъ; и съ помѣтой: Въ театральной типографіи. 1806 года. Еще разъ стихотвореніе было перепечатано А. Θ. Воейковымъ въ его „военно-литературномъ“ журналѣ Славянникъ (С.-Пб., 1830, ч. XIII, стр. 364—365) съ помѣтой у подписи: 1800 года.

Запечатлѣвъ обѣтъ слезами:
Любитъ Отечество и вѣчно быть друзьями ¹⁾).

Въ самое послѣднее время стало извѣстно еще одно маленькое стихотвореніе А. Тургенева, обращенное къ его другу Жуковскому:

Смирненной жизни путь цвѣтами устилал,
Живи, мой милый другъ, судьбу благословляя,
И вѣкъ любимцемъ будь ея;
Блаженство вольности, любви, уединенья
И музъ святыхъ вдохновенья
Проникнуть сладостью все бытіе твое;
А мнѣ судьба велитъ за счастьемъ гонаться,
Искать его, не находить.
Но я не буду съ нимъ считаться,
Коль будешь ты меня любить ²⁾).

XIV.

Столь извѣстный впослѣдствіи Александръ Ивановичъ Тургеневъ ³⁾, пансіонскій товарищъ Жуковскаго, заявилъ себя въ литературѣ нѣсколькими трудами, главнымъ образомъ переводными, которые и печатались въ изданіяхъ, къ которымъ близко стоялъ кружокъ его друзей:

Въ Пріят. и пол. препров. врем. (ч. XX, стр. 257—259)—*Върная собака*, съ франц.: собака невинно осужденнаго раздѣляла съ нимъ тюрьму, а послѣ его казни издохла отъ печали „на томъ мѣстѣ, гдѣ она видѣла погребеніе своего хозяина“. Заключение: „Для чего собаки сострадательнѣе людей? Всякой, кто обвиняетъ, арестуетъ, приговариваетъ къ смерти и казнить, ошибкою природы получили сердце тигрово, для чего она не дала имъ сердца *Фишаро* (этой собаки)?“

Въ Иппокренѣ (ч. II, стр. 332—333)—*Честность*, съ нѣм. ⁴⁾,— басня (въ прозѣ) на тему: „Иной потому только и почитается честнымъ человѣкомъ, что не въ силахъ быть мѣшеникомъ“ (собака съѣла кусокъ пирога, который ей было поручено охранять отъ покушеній кошки и сороки).

¹⁾ Славянинъ, 1830 г., ч. XIII, стр. 147.

²⁾ *Веселовскій*, Жуковскій, стр. 55: изъ письма къ Жуковскому изъ Вѣны, наканунѣ 1803 года.

³⁾ Соч. Батюшкова, подъ ред. Майкова, т. I, примѣчанія, стр. 355—372, биографическій очеркъ Ал. Ив. Тургенева, составленный В. И. Саитовымъ.

⁴⁾ Die Ehrlichkeit, изъ сборника Die jüngsten Kinder meiner Laune von Kotzebue. Lpz. 1794, В. II, SS. 243—244.

Тамъ же, ч. II, стр. 390—392: *Смерть К. П.*, изъ Коцебу ¹⁾: смерть человѣка оставила дамъ, игравшихъ въ пикетъ, равнодушными, а свалившаяся со стула и переломившая себѣ ногу собаченка Мими вызвала цѣлый переполохъ, сожалѣнія.

Тамъ же, ч. IV, стр. 76—78: *Анекдотъ*, съ франц.: бѣдный честный человѣкъ, угостивъ въ трактирѣ четырехъ воровъ, приобрѣлъ ихъ дружбу.

Тамъ же, ч. IV, стр. 241—243: *О возрастахъ человеческихъ*: условія благополучія каждаго возраста: счастливъ младенецъ, имѣющій добраго наставника... Счастливъ юноша, если исполняетъ законы добродѣтели... Неразвращенный человѣкъ находитъ счастье въ кругу семьи...

О произведеніяхъ Ал. Тургенева, помѣщенныхъ въ I книжкѣ „Утренней зари“: *Письмо на случай открытія синагоги, сочиненная Бинкомъ, 17-лѣтнимъ Евреемъ* (стр. 10—15), *Опрокинутой дубъ* (басня изъ Мейснера, стр. 82) и *Мальчикъ, луна и солнце* (также изъ Мейснера, стр. 88—90),—было сказано мною выше (см. главу VIII).

22-го декабря 1800 года Ал. Тургеневъ на актѣ Университетскаго Благороднаго Пансіона говорилъ *Рѣчь о томъ, что простыщеніе безъ религіи и добродѣтели болѣе вредно нежели полезно* ²⁾. О ней см. въ V главѣ моихъ „Разысканій“.

Въ 1801 г. Ал. Тургеневъ напечаталъ *Нѣкоторыя разсужденія, начертанныя изъ натуральной исторіи, соч. г. Blumenbach, пер. съ нѣм. Ал. Тургенева. М. 1801.*

Изъ дневника (неизданнаго) Ал. И. Тургенева за ¹¹/₂₃-го апрѣля 1803 г. и письма (также неизданнаго) его къ Мерзлякову и Жуковскому отъ ¹³/₂₅-го того же апрѣля 1803 года ³⁾ узнаемъ, что Ал. Тургеневъ перевелъ комедію Коцебу *Несчастные* („Die Unglücklichen“, ein Lustspiel in einem Aufzuge. Leipzig 1798). Въ Москвѣ въ 1803 г. былъ изданъ переводъ этой комедіи Коцебу; по наведенной В. Н. Рогожинымъ въ архивѣ Московскаго губернскаго правленія справкѣ оказалось, что переводъ этотъ былъ сдѣланъ Алексѣемъ Ѳед. Малиновскимъ ⁴⁾. А. Ѳ. Малиновскій былъ въ это время секретаремъ архива

¹⁾ Der Tod des Fürsten P**, изъ того же сборника Die jüng. Kinder, В. II. SS. 79—81.

²⁾ Напечатана въ брошюрѣ: „Рѣчь, разговоръ и стихи, чит. на публ. актѣ, бывш. въ Благород. унив. пансіонѣ декабря 22-го дня 1800 года“, стр. V—XIII.

³⁾ См. *Веселовскій*, Жуковскій, стр. 57, примѣч. 2-е.

⁴⁾ *Сопиковъ*, Опытъ Росс. библиогр., изд. 2-е подъ ред. Рогожина, ч. III, при-

иностранный коллегіи, куда въ число „архивныхъ юношей“ поступилъ по окончаніи благороднаго пансіона Ал. И. Тургеневъ. М. А. Дмитріевъ въ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾ рассказываетъ: „Августъ Коцебу былъ у насъ переведенъ почти весь. Было время, когда только его пьесы и игрались на нашихъ театрахъ: это было въ восьмисотыхъ годахъ. Ихъ ставилъ и въ театръ и книгопродавцамъ Алексѣй Федоровичъ Малиновскій, который былъ тогда еще секретаремъ въ архивѣ иностранной коллегіи. Онъ самъ не зналъ ни слова по нѣмецки. Ихъ переводили, большею частію, чиновники архива; онъ исправлялъ слогъ и печаталъ или отдавалъ за деньги Медоку, содержателю тогдашняго театра“. Съ именемъ Малиновскаго вышло дѣйствительно довольно много пьесъ, переведенныхъ и съ французскаго и съ нѣмецкаго ²⁾.

Сопоставляя эти данныя съ сообщеніемъ самого А. И. Тургенева, которому нѣтъ основанія не довѣрять, приходится думать, что изданный въ Москвѣ въ 1803 году переводъ комедіи „Несчастные“ былъ выполненъ Тургеневымъ, а Малиновскій, которому былъ недоступенъ нѣмецкій оригиналъ, ограничился, въ качествѣ редактора, можетъ быть, нѣкоторымъ „исправленіемъ слога“.

Такимъ образомъ, въ своей литературной дѣятельности Александръ Тургеневъ, видимо, шелъ вслѣдъ за старшимъ братомъ: нравоучительная окраска, переводы изъ Коцебу.

Обращаюсь къ Кайсаровымъ.

мѣчаніе къ № 5503 со ссылкой на дѣла Москов. цензуры въ Архивѣ стар. дѣлъ Москов. губерн. правленія за 1799 годъ.

¹⁾ Мелочи изъ запаса моей памяти, стр. 50—51.

²⁾ *Зоа*, драма въ 3 д. соч. Г. Мерсье, пер. съ французскаго Г. Малиновскій. М. 1789.—*Елементина и Дезормъ*, драма въ 5 д., пер. съ франц. А. Малиновскій. М. 1789.—*Популай*, др. въ 3 д. соч. Коцебу. М. 1796 (изд. 2-е, М. 1801). Перевелъ А. Ф. Малиновскій (Рогожинъ. Опытъ рос. библ. Солякова, примѣч. къ № 3430).—*Сынъ любви*, др. въ 5 д. соч. Коцебу М. 1803 (Рогожинъ, *ibid.*, подъ № 3458).—*Бѣдность и благородство души*, ком. въ 3 д. г. Коцебу. Съ нѣмец. М. 1798 (Рогожинъ, *ib.*, № 5305).—*Нещастные*, ком. въ 1 д. Коцебу М. 1803. (Рогожинъ, *ib.* № 5503).—*Независть къ людямъ и раскаяніе*, въ 5 д. съ нѣм. М. 1796. (Рогожинъ, № 5485).—*Раздраженный мужъ или пріязніе изъ Украйны*, ком. въ 3 д. М. 1799. (Рогожинъ, № 5584).—*Святскіе друзья*, въ 1 д., соч. Вонцара, съ франц. М. (Рогожинъ, № 5599).—*Сельской мудрецъ*, въ 5 д. съ хорами и аріями, пер. съ франц. А. Малиновскимъ. Москва (Соляковъ, № 5606).—*Ясная война или хитрость противъ хитрости*, ком. въ 3 д. Дюманьяна, съ франц. М. 1788 (Рогожинъ, № 5704).—*Эйлалия Мейнау, или слѣдствія примиренія*, трагедія въ 5 д. г. Циллера, пер. съ нѣм. М. 1798 (Рогожинъ, Указатель къ „Опыту“ Солякова, примѣч. къ № 11980, стр. 276).

Кайсаровыхъ было нѣсколько братьевъ. Кромѣ Михаила и Андрея Сергѣевичей, подписавшихъ уставъ „Дружескаго литературнаго общества“, въ литературѣ извѣстенъ еще Петръ Сергѣевичъ, старшій изъ трехъ братьевъ.

Питомецъ того же Университетскаго Благороднаго Пансіона, въ которомъ пробылъ съ 1792 по 1797 годъ, Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ примкнулъ въ молодости, пока не ступилъ еще твердою ногою на поприщѣ государственной службы ¹⁾, къ группѣ московскихъ литераторовъ направленія Подшивалова и Сохацкаго. Въ виду близости его къ членамъ Дружескаго литературнаго общества, скажу и о писательской дѣятельности Петра Кайсарова.

П. С. Кайсаровъ началъ печататься въ Подшиваловскомъ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“. Въ XII книгѣ этого журнала (стр. 143—144) явилось его сентиментально-меланхолическое стихотвореніе *Скука*:

Куда простру смущенны взоры?
Встрѣчаютъ всюду ихъ тоска!
Взглянулъ на рощи, иль на горы,
Осення тяжкая рука
Покрыла смертной ихъ одеждой,
Въ уныньи дремлетъ блѣдный лугъ...
Взойду на холмъ?—Мой взоръ унылый
Съ натурой согласяся, скорбитъ;
Ревущій вихрь простерши брылы
Съ свирѣпостью вокругъ шумить;
Туманны облака сгустившись
Висятъ надъ лономъ мутныхъ водъ...
Пойду ли въ рощу повидаться
Съ весельями?—Ихъ нѣтъ и тутъ.
Умерши листья съ дровъ валяются...

¹⁾ Русск. Биографич. Словарь, изд. Импер. Русск. историч. обществомъ, томъ Ибакъ—Ключаревъ, стр. 389, со ссылкой на „С.-Пб. Вѣдомости“ 1854 г. № 123. П. С. Кайсаровъ, родившійся 7-го апрѣля 1777 г. и умершій въ Петербургѣ 27-го февраля 1854 г. въ чинѣ дѣйстви. тайнаго совѣтника и въ званіи сенатора, въ службу вступилъ въ лейбъ-гвардію Преображенскій полкъ сержантомъ 28-го іюня 1787 г.; выпущенъ въ Нотебургскій мушкатерскій полкъ прапорщикомъ 22-го генваря 1797 г., откуда перешелъ въ С.-Петербургскій почтамтъ 21-го августа 1801 г.; опредѣленъ въ канцелярію главнаго директора почтъ дѣйств. тайн. сов. Троцинскаго 16-го апрѣля 1802 г. и тогда же при учрежденіи министерствъ поступилъ къ министру внутрен. дѣлъ графу Кочубею и проч. (изъ формулярнаго списка, выписка изъ котораго любезно сообщена была мнѣ преподавателемъ смоленской гимназіи М. В. Аксеновымъ).

Заключение:

Ах! странникъ, не горюй смущенный!
Не осень все—весна придетъ.
*А ты, ты сердце отягченно,
Твоя весна не разцвѣтетъ!
Злой скорби, черный змѣй ужасный,
Вращаясь въ ранахъ у тебя,
Доживши ядъ чортанью страшной,
Пожралъ цвѣтъ счастья навсегда!*

Мрачный, безотрадный тонъ стихотворенія—не болѣе, какъ дань господствующей литературной модѣ изливать въ лирическихъ стихотвореніяхъ скорбныя чувства, какихъ авторъ вовсе не испытываетъ.

Тѣмъ же меланхолическимъ настроеніемъ проникнуто *Посланіе къ другу И. В. Р. послѣ двухъ лѣтъ его кончины* ¹⁾:

Тишина ночи вызываетъ грустныя размышленія—

Небесна дщерь спустилась
Сребристая луна;
Звѣздами твердь покрылась;
Простерлась тишина;
Вѣтръ ярость забываетъ,
И нѣжить зефиръ слухъ,
*Но грусть въ него вливаетъ,
И клонитъ къ скорби духъ...*

Вспоминается умершій другъ—

Ужъ два года промчалось!
Нѣтъ слѣду!—гдѣ они?—
Веселій нить прервалась,
Померзли ясны дни.
Лучъ радости затмился,
Наполненъ скорбью духъ,
Съ тѣхъ поръ какъ ты сокрылся,
Дражайшій, нѣжный другъ...

И затѣмъ развивается мысль, что „міръ сей—бездна золь“, а счастье—только въ будущемъ, „въ надеждѣ“:

И тотъ достигнетъ прежде
Къ блаженству своему,
Кто дни въ добрѣ скончаетъ ²⁾.

¹⁾ Пр. и пол. препр. врем., ч. XVI, стр. 40—45.

²⁾ Срв. выше, въ гл. IX, о подобныхъ мотивахъ.

Земное же существование характеризуется безотрадными чертами:

. томно льются
На здѣшнемъ свѣтъ дни!
По тернію влекутся,
Ихъ горести одни
Течение окружаютъ;
Бѣды имъ вслѣдъ летать,
Летать и угрожаютъ
Печальный токъ прервать...
Въ бѣдахъ весь міръ огромный,
Какъ въ безднѣ погружень;
Повсюду мглою темной
Несчастій окружень;
Терновый пролегаетъ
И мрачный путь по немъ...

При такой пессимистической точкѣ зрѣнія естественнымъ и послѣдовательнымъ представляется такое обращеніе автора къ другу:

Ты лучше, другъ мой, сдѣлай,
Что въ гробъ отсель сошелъ...
Я зрю и воздыхаю:
Завидна часть твоя...

И для себя онъ ожидаетъ и желаетъ того же:

...Близко, ощущаю,
Ужъ близко смерть моя!
Какъ утрожь исчезаетъ
По малу сонъ очей:
Струя такъ протекаетъ
Моихъ смущенныхъ дней,
И скоро пресѣчется!..
Я чувствую, и мравъ
И хладъ по мнѣ лѣтся...
Земля! Сокрой мой прахъ!—

То же самое настроеніе и въ стихотвореніи П. Кайсарова—*На смерть моей сестры* ¹⁾:

Всечасно умираю;
Скорбь врѣзалась мнѣ въ грудь;
Куда я ни взираю,
Вездѣ встрѣчаю грусть...

¹⁾ Пр. и пол. препр. врем., ч. XVI, стр. 271—272.

Чего же здѣсь осталось,
Какихъ утѣхъ мнѣ ждать?
Веселіе промчалось,
Пора жить жизньъ скончать.

Въ стихотвореніи *Цветокъ* звучитъ та же нотка:

Вчера ты, роза, распѣвала
И прелестью плѣннала взглядъ;
Но гдѣ твоя краса?—увяла,
Исчезъ твой сладкій ароматъ...
Такъ счастье мое увяло!
Померкъ въ глазахъ надежды свѣтъ!
Кѣмъ сердце жило, воздыхало,
Того теперь со мною нѣтъ!—
Терзайся сердце! слезы лейтесь,
И окропляйте хладный прахъ! ¹⁾

Стихотвореніе П. Кайсарова—*Къ лунѣ, отрывокъ изъ Оссіана* ²⁾, указываетъ на одинъ изъ источниковъ литературныхъ вліяній, подъ которыми развивалось сентиментально-меланхолическое теченіе въ русской литературѣ: Кайсаровъ перевелъ начало поэмы Оссіана „Дартула“ (Darthula):

Небесна дщерь! Коль ты прекрасна!
Пріятель твой безмолвный зракъ,
Когда изъ синя океана
Ты, разогнавъ вечерній мракъ,
Идешь къ звѣздамъ нетерпѣливымъ;
Багровы ребра облаковъ
Тобой посребрены блистаютъ.
Дерзну ли я когда сравнить
Бого-нибудь со дщерью ночи?..
.....
Луна! Куда ты путь селоняешь?
Ужели скорбь есть часть твоя?
.....
Иль тѣ упали, что съ тобой
Порой ночью забавлялись?—
Конечно такъ, прелестный свѣтъ!
И съ неба часто удаляясь,
Ты ихъ оплакиваешь смерть.

¹⁾ Аониды, часть I, стр. 210—211.

²⁾ Аониды, или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній, изд. Н. Карамзинъ, М. 1796—1799, часть II, стр. 279—280.

И ты, дорогу голубую
Забывши, нѣкогда падешь!
Померяши звѣзды возблистаютъ—
Восторжествуютъ надъ тобой ¹⁾).

Что меланхолія, пессимизмъ, отразившіеся въ разсмотрѣнныхъ стихахъ П. Кайсарова, были не болѣе, какъ литературнаго происхожденія, яснымъ становится изъ того, что параллельно съ сентиментально-меланхолическими стихотвореніями изъ-подъ пера его выходятъ пьески совсѣмъ иного рода—любовныя, анакреонтическія. Таковы: *Пронавшій Амуръ* ²⁾ (оказавшійся „у дѣвушекъ межъ лилейными грудями—тамъ, тамъ сидитъ,—но какъ сыскать?“), *На отъѣздъ М... въ деревню* ³⁾:

Дни весенни! вы летите,
Вы скрываетесь отъ глазъ!
Подождите, не спѣшите,
Дайте хоть въ послѣдній разъ
Взоромъ съ милою проститься,
Дайте взглядѣться мнѣ, и т. д.

Мечта ⁴⁾:

Среди рошницы тѣнистой
Размѣтавшись на цвѣтахъ,
На постелѣ розъ душистой,
Въ сладострастнѣйшихъ мечтахъ
Мила Маша почивала...
Подъ кустомъ Эротъ съ стрѣлой
Притаясь сидѣлъ безмолвно...
Въ это время не нарочно,
Какъ на сладкій шумъ ручья,
Сердце завело меня...
Подошель—и мнѣ явился

¹⁾ Поэма „Дартула“ начинается такъ (привожу въ переводѣ Е. Кострова—1792 г.,—который, повидимому, судя по нѣкоторымъ сходнымъ выраженіямъ, былъ извѣстенъ Кайсарову и отразился на его стихахъ): „О луна, возлюбленная *дщерь небесъ! Коль ты прекрасна!* Коль много улаждаютъ меня спокойствіе и кротость лица твоего! Ты шествуешь исполнена прелестей, по лазоревымъ слѣдамъ стопъ твоихъ текутъ къ востоку звѣзды. Облаки при тебѣ веселятся, мрачныя *ребра ихъ посребрены* твоими лучами...“ и т. д. (Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, пер. съ франц. *Е. Костровымъ*, часть II.—Цитую по 2-му изданію: С.-Пб. 1818, стр. 40).

²⁾ Пр. и пол. препр. врем., ч. XV, стр. 223—224.

³⁾ Тамъ же, ч. XVI, стр. 158—159.

⁴⁾ Тамъ же, ч. XVI, стр. 159—160.

Райскихъ престелей соборь...
Тутъ лишился половины
Сердца—и въ огнѣ упалъ
Я въ ногамъ...

Но это оказалось только мечтой, любовной галлюцинаціей.
Къ М... 1):

Съ вѣмъ тебя я, съ вѣмъ сравняю,
Машинька! милей ты всѣхъ и т. д.

Анакреонтическая ода 2):

Не богиня ль молодая.
Взора смертныхъ убѣгая,
Кто тамъ по дугу бѣжить?
Плате съ вѣтеркомъ играетъ,
Зефиръ кудри развиваетъ,
Лебедина грудь блеститъ.
И блѣднѣя, и краснѣя,
Погладѣть,дохнуть не смѣя,
Машинька! куда бѣжишь?
„День томлюся, ночь страдаю,
„Все Амура убѣгаю“.
Не уйдешь—онъ все съ тобой, и пр.

Сюда же относятся: *Къ розѣ 3)*, *Къ невѣрной 4)*, и др. Амуръ, Эроть, Зефиръ, Аврора, Флора, Морфей, Питерея, Марсъ, Гебея и др. элементы псевдоклассической мифологіи, фигурирующіе въ этихъ стихотвореніяхъ П. Кайсарова, роднятъ эти послѣднія со старымъ литературнымъ направлениемъ, продолжавшимъ существовать въ качествѣ переживанія.

Несравненно ближе къ дѣйствительному настроенію юнаго автора, нежели меланхолическія стихотворенія, были по своему тону такія произведенія П. Кайсарова, какъ басня *Несчастный и смерть 5)*:

Подъ игомъ горестей, въ злой участи плачевной
Не преставаешь къ себѣ Ш... смерть въ гости звать;

1) Тамъ же, ч. XVI, стр. 175—176.

2) Тамъ же, ч. XVI, стр. 303.

3) Тамъ же, ч. XVI, стр. 352.

4) Тамъ же, ч. XVI, стр. 368.

5) Тамъ же, ч. XVI, стр. 304. Свободный переводъ басни Лафонтена *La Mort et le Malheureux*.

Когда же смерть явилась, онъ кричитьъ:

Прочь, прочь! пожалуй, ты уйди отсель скорѣе.

Заключеніе:

О смерти! и скучна жизнь сто кратъ тебя милѣе.

Привязанность къ жизни, а не ожиданіе и жажда смерти, искренно звучитъ въ другомъ стихотвореніи—*Приношеніе природѣ по выздоровленіи моемъ* ¹⁾):

Уже совсѣмъ склонялось
На западъ средь полдней,
Печалью одѣвалось
Моихъ свѣтло дней;
Простершись надъ главою,
Смерть хладною рукою
Мертвящей темнотою
Взоръ покрывала мой.
Но, жизнь и услажденье,
Вѣнчанная въ цвѣтахъ,
Всѣхъ смертныхъ утѣшенье,
Съ веселіемъ въ устахъ—
Природа! ты сказала:
„Будь живъ и будь здоровъ!“
Болезнь мою прервала,
Одушевила кровь...
Я началъ вновь цвѣсти.—
Но что жъ тебѣ въ награду,
Природа! принести?
Смоченные слезою
Прими сіи цвѣты:
Плѣнненнаго тобою
Сладчайшіе плоды,
Прими!—судьбой моею,
Богиня, управляй,
И прелестью своею
Всегда во мнѣ сіяй.

Переводы, исполненные П. Кайсаровымъ:

1) *О Щастіи дураковъ*. М. 1799 (Соч. Неккера) ²⁾. Маленькая

¹⁾ Иппокрена, ч. VIII (М. 1801), стр. 284—285.

²⁾ Перевелъ Петръ Кайсаровъ: *Рогожинъ*, указатель къ „Опыту“ Солякова, примѣч., стр. 279, подъ № 12668, со ссылкой на дѣла московской цензуры въ Архивѣ стар. дѣлъ москв. губерн. правленія за 1799 г. Sur le bonheur des sots, par Necker, Paris 1782 (перепечат. въ Opuscules philosoph. et littér. la plupart posthu-

брошюрка въ 45 страничекъ. Эпиграфъ (на оборотѣ выходного листа):

Друзья! Шастливцы міра! вамъ
Я переводъ сей посвящаю;
И искреннимъ моимъ трудамъ
Подпоры твердой ожидаю. К съ.

Начало: „Будь дуракъ—будешь шастливъ; изъ моральныхъ древнѣйшая истина въ свѣтѣ“. Затѣмъ дается ироническая характеристика глупцовъ сравнительно съ людьми мыслящими: самодовольство глупцовъ, ихъ непониманіе окружающаго и т. д.—источникъ ихъ блаженства.

2) Рядъ рассказовъ Коцебу изъ его сборника *Die jüngsten Kinder meiner Laune* (Lpz. 1793—1797), которые, появившись и отдѣльно, вошли въ сборникъ „Младшіе дѣти моего веселаго духа“. Смоленскъ, 1802:

— И малѣйшая ложь опасна, справедливое приключеніе. Смоленскъ, 1802 ¹⁾. Въ текстѣ вслѣдъ за этой повѣстью идутъ еще: Браминъ (стр. 44—50), Письмо пустынника къ своему пріятелю (стр. 51—68) и Честность (69—71).

— Кто бы этому повѣрилъ? Несчастное съ однимъ мужемъ случившееся приключеніе. Пер. съ нѣм. Петръ Кайсаровъ. Смоленскъ, 1802. Здѣсь же: Бабы ссоры (стр. 15—21) ²⁾, Упорный закладъ (стр. 22—25), Нѣсколько отрывковъ изъ старыхъ вѣдомостей (25—31), Прибавленіе къ Книгову сочиненію объ обращеніи съ людьми (31—48), Еще нѣкоторыя изрѣченія, касающіяся общественной жизни (48—51), Генеалогическая задача (51—54), Смерть, отрывокъ изъ письма Вкекина (54—64, опечатка; должно быть: Сенекина—срв. Младшія дѣти моего вес. духа, часть VI, стр. 118—128), Свѣтлякъ, или Ивановъ червячокъ (64—69), Горлица и бабочка (69—71).

— Излеченная мечтательница, справедливая повѣсть. Смоленскъ, 1802 ³⁾.

mes et inédits. Paris 1796) было нѣсколько разъ переведено на русскій языкъ: О блаженствѣ дураковъ, соч. Неккера, пер. съ франц. С.-Пб. 1784.—О частіи глупцовъ, соч. Неккера, пер. съ франц. Д. Г. С.-Пб. 1811.

¹⁾ Срв. *Гелнади*, Словарь, т. II, стр. 92; *Смирдинъ*, Роспись, № 8865; *Плавильщиковъ*, № 4349.

²⁾ Другой переводъ рассказа „*Weiberzwist*“, помѣщеннаго въ „Младшихъ дѣтяхъ“ (II ч., стр. 114 и сл.) подъ названіемъ: Женскій раздоръ.

³⁾ *Смирдинъ*, № 10640; *Гелнади*, Слов., II, стр. 92. Имѣть въ рукахъ это изданіе мнѣ не удалось.

— Письма двухъ любовниковъ, рыбака Петра Окунькова и прачки Доротеи Мыльниковой. Смоленскъ, 1802 ¹⁾). Здѣсь же: Что грубо и что учтиво (стр. 46—51), Какого должно быть цвѣта, чтобы быть учтивымъ (52—56), Надгробное слово на могилѣ летучей мыши (56—59).

3) *Коцебу*, Женской Якобинской клубъ. Комедія съ нѣм. Смоленскъ, 1802 ²⁾).

Братъ Петра, Михайль Сергѣевичъ Кайсаровъ родился въ 1780 г., умеръ 9-го марта 1825 г., занимая постъ директора департамента мануфактуръ и внутренней торговли. Воспитывался онъ также въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Въ 1795 г. поступилъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ; въ 1797 году уволенъ отъ службы и занялся продолженіемъ своего образованія. Въ теченіе 1800—1801 гг. снова былъ въ военной службѣ; въ 1802 г. перешелъ въ штатскую службу, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ 1803 г. былъ назначенъ сопровождать въ путешествіи по Россіи ученаго англичанина Артура Юнга, и обратилъ на себя вниманіе представленнымъ имъ описаніемъ промышленности въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Въ 1808 г. перешелъ въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ и проч. ³⁾).

По предположенію В. С. Иконникова ⁴⁾), М. С. Кайсарову принадлежитъ также составленная имъ около того же времени на основаніи официальныхъ (архивныхъ и пр.) данныхъ „Записка о духоборцахъ въ Россіи и правительственныхъ распоряженіяхъ относительно сектантовъ съ 1765 по 1805 гг.“, о которой упоминаетъ М. М. Сперанскій. Однако, въ то время, къ которому послѣдній приурочиваетъ составленіе этой записки, именно, во время служенія М. М. Сперанскаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (1802—1807 г.г.), М. С. Кайсаровъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше данныхъ, еще не служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Какъ разъ въ это время здѣсь находился старшій братъ—Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ, который въ 1802 г. при учрежденіи министерствъ поступилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею, съ 21-го августа 1803 года былъ на-

¹⁾ *Геннади*, Слов., т. II, стр. 394 и 410.

²⁾ *Смирдинъ*, № 7103; *Геннади*, Слов., II, стр. 92.

³⁾ Русск. біографич. словарь, изд. Императ. Русск. историч. обществомъ, томъ Ибакъ—Ключаревъ, стр. 389, со ссылкой на „Сѣверную Пчелу“ 1825 г., № 99.

⁴⁾ В. *Иконниковъ*, Замятка о Кайсаровыхъ. Русск. Арх. 1902 г., кн. I, стр. 366—367.

чальникомъ стола 3-го отдѣленія экспедиціи государственнаго хозяйства министерства внутреннихъ дѣлъ, а съ 23-го февраля 1804 г. прикомандированъ къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ графу Строганову, при коемъ находился какъ по дѣламъ министра внутреннихъ дѣлъ, такъ и по всѣмъ частямъ на него возложеннымъ,—какъ сказано въ формулярномъ спискѣ П. С. Кайсарова; поэтому, вопреки предположенію В. С. Иконникова, приходится думать, что историческая записка о духоборцахъ, которую „поручено было составить г. Кайсарову“, какъ упомянулъ М. М. Сперанскій въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ О. П. Козадавлеву, въ 1817 г., и текстъ которой хранится теперь въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки („Отчетъ“ Библіотеки за 1896 г., С.-Пб., 1900, стр. 168),—составлялась именно Петромъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ.

Въ молодости М. С. Кайсаровъ увлекался стихотворствомъ. Онъ перевелъ басню Лафонтена *Le Lion devenu vieux* ¹⁾, написалъ цѣлый рядъ небольшихъ лирическихъ стихотвореній легкаго содержанія. Таковы:

Желанія—

Почто не тотъ цвѣтокъ я нѣжной,
 Что поутру Аглая рветъ;
 Которой на груди прелестной
 Лишь день живетъ, а тамъ умретъ?
 Почто не зефиръ легкокрылый, и проч.
 Почто я не ручей тотъ свѣтлой,
 Которой въ самой дѣтній зной
 Зритъ прелести моей любезной
 И ихъ свѣжитъ своей волной?
 Ахъ! самъ ручьемъ я быть желаю, и проч. ²⁾.

Ошибка Эртова: Эроть, увидѣвъ „мою Лизу“, сперва принялъ ее за свою мать Венеру, а затѣмъ—ради Лизы, забылъ „Душеньку“ (Психею) ³⁾.

Къ Лизетѣ—

Лизета! тайну я давно твою узналъ,
 Которую въ душѣ своей ты сокрывала:

¹⁾ *Престарѣлый левъ*, басня:

Левъ ужасъ всѣхъ гѣсовъ,
 Обремененный ужъ гѣтами, и проч.

Пріят. и полез. препр. вр., ч. XVI, стр. 127.

²⁾ Тамъ же, ч. XVI, стр. 126.

³⁾ Тамъ же, XVI, 127—128.

Всегда искусство ты прельщать предпочитала
Прятности любить.
Я мщеніе всегда готовилъ для тебя, и проч.

Окончаніе—

Лизета! ужъ пора, пора намъ перестать.
Я выберу себѣ прелестную Аглаю;
Тебѣ же я любить Аминта позволяю.
Довольный будемъ мы ¹⁾.

Къ А. А. П.—

Подобна розѣ ты прелестной, и проч.

Заключеніе—

Тебѣ такъ рано полюбилися
Сердца къ себѣ всѣхъ привлекать,
Ахъ! есть ли бѣ такъ ты научилась
Любовь въ душѣ своей питать ²⁾.

Сила любви—

Что такое, что волнуешь,
Что палить всю въ жилахъ кровь?
Сердце отъ чего тоскуешь?
Что палить меня?—Любовь.
Отъ очей сонъ убѣгаетъ, и т. д. ³⁾.

Побѣда Амурова—

Нѣтъ, полно, ужъ пора тѣ дѣши разорвать,
Которыми меня Аглая оковала,—

начинаетъ поэтъ; но ни Аполлонъ, ни Марсъ не могли отвлечь его мысли отъ Аглаи;

Никто изъ нихъ тебя не могъ собой прельстить,
Сказалъ Амуръ: возьми жѣ опять свои оковы... ⁴⁾.

Къ Лунѣ—

Луна! ты видѣла мою жестоку страсть...
Теперь измѣну зришь Аглаи ты моей...
Несчастну знаешь ты, Луна, любовь мою,
Ты видѣла мои несносныя мученья;

¹⁾ Тамъ же, XVI, 144.

²⁾ Тамъ же, XVI, 256.

³⁾ Тамъ же, XVIII, 158.

⁴⁾ Тамъ же, XVIII, 175.

Въ печали ты всегда несчастнымъ утѣшенье;
Къ тебѣ прибѣгнувъ, я забуду страсть свою ¹⁾.

Любовь и дружба—

Любовь! Живи въ душѣ моей
Въ союзѣ съ дружбою священной, и проч. ²⁾.

Куплетъ при посылкѣ цвѣтовъ прекрасной дѣвушкѣ, „философическое“ четверостишіе; конецъ—

Увянешь, какъ они (цвѣты), со временемъ и ты ³⁾.

Всѣ эти стихотворенія относятся къ тѣмъ произведеніямъ старой нашей лирики, которыя назывались тогда анакреонтическими ⁴⁾; этой стороной своей дѣятельности М. С. Кайсаровъ примыкалъ, подобно своему брату Петру, къ группѣ такихъ писателей, какъ В. В. Капнистъ, Н. А. Львовъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій и др., во главѣ съ Державинымъ—авторомъ „Анакреонтическихъ Пѣсень“.

М. С. Кайсаровъ былъ одинъ изъ очень немногихъ въ это время переводчиковъ Петрарки:

Въ XIX же части Пр. и пол. препров. времени (стр. 92) М. С. Кайсаровъ напечаталъ *Сонетъ, подражаніе Петрарку*:

Одинъ въ задумчивости мрачной
Брожу уныло я въ поляхъ,
Страшусь людскихъ слѣдовъ несчастной,
Бѣгу, узрѣвъ ихъ на пескахъ...
Ужъ горы, рощи, рѣки знаютъ
Любовь, томящую меня;
А отъ людей ее срываю,
Терзаюсь, мучуся стеля,

Переводъ довольно близокъ къ подлиннику ⁵⁾; свободнѣе другой

¹⁾ Тамъ же, 207.

²⁾ Тамъ же, 224.

³⁾ Тамъ же, XIX, 32.

⁴⁾ „Краткость, пріятность и нѣкоторая небрежность суть правила анакреонтической поэзіи; а содержаніемъ ея должны быть любовь и веселость, иногда и правочленіе, но прикрываемое любовью или веселостью“ и проч. *Н. Остолоповъ*, Словарь древней и новой поэзіи, ч. I, стр. 23 и сл.

⁵⁾ Срв. Rime di Francesco Petrarca, Milano, 1871, стр. 37, Sonetto XXII:

Solo e penso i più deserti campi
Vo misurando a passi tardi e lenti;
E gli occhi porto, per fuggir, intenti
Dove vestigio uman l'arena stampi...

переводъ: *Сонетъ, вольный переводъ съ итальянскаго изъ Петрарка:*

И небо, и земля, и вѣтры ужь уснули,
И звѣри дикіе, и птички,—все молчить,
И море въ берегахъ крутыхъ ужь не шумить,
Угрюмы надъ землей ночь крылья размахнула.
Одинъ лишь я не сплю и слезы проливаю;
Любовь и горести терзаютъ грудь мою.
Повсюду милой я Лизетты образъ зрю,
И думая о ней, спокойнѣе бываю, и проч. ¹⁾.

М. С. Кайсаровъ переводилъ и съ нѣмецкаго и съ англійскаго:

Честъ, вольный переводъ съ нѣмецкаго изъ Рамлера:

Чести блескъ, что всѣхъ прельщаетъ,
Не прельщаетъ лишь меня.
Пусть меня цари не знаютъ,
Знайте вы меня, друзья!
Съ вами все мое блаженство,
Щастіе у насъ одно;
Хоть и нѣтъ у насъ богатства,
Ну—есть доброе вино ²⁾.

Оригиналъ этой бойкой пѣсенки въ честь дружбы и вина,—стих.
Рамлера „Die Ehre“ ³⁾.

Si ch'io mi credo omai che monti e piagge
E fiumi e selve sappian di che tempore
Sia la mia vita, ch'è celata altrui...

¹⁾ Ипнокрена, ч. VIII, стр. 287—288. Срв. Rime di Petrarca, Sonetto CXIII,
стр. 116:

Or che'l ciel e la terra e 'l vento tace,
E le fero e gli angelli il sonno affrena,
Notte 'l corro stellato in giro mena,
E nel suo letto il mar senz'onda giace,
Veggio, penso, ardo, piango; e chi mi sface
Sempre m'è innanzi per mia dolce pena:
Guerra è'l mio stato, d'ira e di duol piena;
E sol di lei pensando ho qualche pace...

²⁾ Ипнокрена, VIII, стр. 286—287.

³⁾ Der Ehre stolzer Glanz, den alle Welt beneidet,
Ist mir nur lächerlich.

Ich acht'es nicht, wenn auch kein Fürst mich um sich leidet;
Ihr, Freunde, leidet mich.

Euch such ich täglich auf, mit euch theil'ich mein Leben,
Wir dürfen uns erfreuen.

Пѣсня, подражаніе старинной Аллинской пѣсни You meaner beauties of the night.

Свѣтло мѣсяцъ ночью свѣтитъ,
Свѣтель, зарокъ звѣздъ соборъ;
Но какъ скоро Фебовъ взоръ
Землю мрачную освѣтитъ,
Въ тужъ минуту лунный свѣтъ
Вмѣстѣ съ свѣтомъ робкихъ звѣздъ
Потухаетъ,
Исчезаетъ... — —
Много дѣвушекъ прелестныхъ
Въ хороводѣ тамъ поетъ;
Но лишь Машинъ взоръ блеснетъ,
Свѣтъ очей ея небесныхъ
Освѣщаетъ все, живитъ,
И красавицъ прочихъ тмѣтъ,
Помрачаетъ,
Ослѣпляетъ ¹⁾.

Свободная обработка сонета, написаннаго сэромъ Henry Wotton принцессѣ Елисаветѣ, дочери Іакова I, и внесеннаго въ сборникъ Перси Reliques of anc. engl. poetry ²⁾.

Позднѣе М. С. Кайсаровъ оставилъ стихотворство и обратился къ прозѣ. Въ пансіонскомъ сборникѣ, носящемъ характерное заглавіе: „И отдыхъ въ пользу“ ³⁾, онъ напечаталъ статьи:

Der Himmel, der uns liebt, hat uns nicht Gold gegeben,
Er giebt uns aber Wein, u. s. w.

К. W. Ramlers Lyrische Blumenlese, VI — IX Buch, Carlsruhe, 1780, S. 56 (Sammlung der besten deutschen prosaischen Schriftsteller und Dichter, 103 Theil, Carlsruhe 1780).

¹⁾ Иппокрена, VIII, 319—320.

²⁾ Reliques, book III, № 7:

You meaner beauties of the night,
Tha'at poorly satisfie our eies
More by your number, than your light;
You common people of the skies,
What are you when the moon shall rise?..
So when my mistris shall be seene
In sweetnesse of her looks and minde
By virtue first, then choyce a queen;
Tell me, if she was non design'd
Th' eclipse and glory of her kind.

³⁾ И отдыхъ въ пользу, или собраніе сочиненій и переводовъ въ стихахъ и

Религія, — письмо отъ отца къ сыну, съ французскаго (стр. 1—37):

„Сколь безуменъ тотъ, кто минутныя удовольствія безвѣрія предпочитаетъ надеждѣ, почерпаемой въ религіи! О любезный сынъ! Рѣшись оставить невѣріе и рѣшись съ твердостью; да восторжествуетъ надъ твоимъ умомъ и сердцемъ превосходство христіанской религіи. Какъ величественна и свята сія религія, достойная Бога, намъ дарующаго

прозѣ. Труды воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. М. 1804. Оставляя стѣны Пансіона, питомцы его не порывали связи съ воспитавшимъ ихъ учебнымъ заведемемъ: поддерживали сношенія съ Провоповичемъ - Антонскимъ, участвовали въ пансіонскихъ литературныхъ предпріятіяхъ. Оттого въ сборникѣ „И отдыхъ въ пользу“ встрѣчаемъ произведенія Жуковскаго и его сверстниковъ рядомъ съ пѣсами пансіонеровъ младшаго поколѣнія. Составъ Сборника такой: I. Религія (1—37), съ фр., М(их.) К(айсарова), II. Добродѣтель (38—42) В. Жуковскаго. III. Нравоучительныя мысли (43—46), съ фр., Ив. Петина, IV. Благотворительность (47—51), съ фр., Н. Ислельева, V. Удовольствіе (52—61), съ фр., Я. Лизогуба, VI. Греція (62—64), съ фр., М. К(айсарова), VII. Любовь къ отечеству (65—69), С. Р(одзянки), VIII. Чертежъ римской исторіи (70—77), съ фр., П. Сомова. IX. Разсужденіе о поэзін (78—89), С. Р(одзянки), X. О поэтѣ, отрывокъ изъ Мармонтеля (90—91), Н. Лушина, XI. Къ времени (92—93), съ англ., стихотвор. Н. Грамматина, XII. Языки (94—96), съ французск., С. Соковнина, XIII. Науки, художества, Литература, ученые и художники во Франціи (стр. 97—106), съ французск., Гр. Алучина, XIV. Науки, искусства, ученые, художники и университеты въ Германіи (107—128), съ фр., Д. Дашкова, XV. Объ обхожденіи съ людьми (129—145), изъ Коцебу, М. Кайсарова, XVI. Два друга и медвѣдь, басня (146—148), И. Петина, XVII. Какъ должно писать исторію (149—155), изъ Расина, С. Вольховскаго, XVIII. Старость (156—165), изъ Коцебу, М. К(айсарова), XIX. Старой и молодой ракъ, басня (166), А. Петрова, XX. Адемъ, восточная повесть (167—178), съ фр., Якова Лизогуба, XXI. Анекдоты (179—182), съ фр., С. Соковнина, XXII. Притча (183—187) И. Т. XXIII. Водная капля, индѣйская басня (188—190), съ фр., И. Петина, XXIV. Жребій царей, восточная повесть (191—194), съ фр., И. Лизогуба, XXV. Заключенный въ темницѣ (195—198), изъ Стерна, XXVI. Надгробная пѣснь юному герою, убитому въ сраженіи (199—201), М. К. К(айсарова), XXVII. Эпиграфія Б*, (202). С. Даргомыжскаго, XXVIII. Басни: Ласточка и антъ, Езопъ и осель, Корова и колпакъ, Летучій огонь и путешественникъ, Избраніе, Попугай и сурокъ, Хрусталь и Алмазь, Ручей и рѣка (203—208), съ фр., С. Соковнина, XXIX. Зяблыкъ (209—211), съ фр., И. Петина, XXX. Васильвова гирлянда (212—215), съ фр., С. Соковнина, XXXI. Дѣтя на окнѣ (216), стих. Даргомыжскаго, XXXII. Эпиграмма (217), Даргомыжскаго, XXXIII. Казимиръ и Алгора (218—221), съ франц., И. Петина, XXXIV. Материнская любовь (222—225), съ франц., С. Соковнина XXXV. Видѣніе Кошала, изъ Оссіана (226—229), Н. Грамматина (стих.), XXXVI. Отрывокъ изъ путешествія въ Константинополь, въ Италію и на Архипелажскіе острова черезъ Германію и Венгрію въ 1790 и 1791 годахъ (230—235), О. О. XXXVII. Гимнь нещастію (236—238), Гр. Алучина (въ прозѣ), XXXIII. Гимнь Богу (239—240), С. Порошина (въ прозѣ), XXXIX. Зима (241), стих. С. Соковнина.

ее, и спасительная человѣку, ее приѣмлющему! Коль прекрасны ея понятія о Божествѣ! Коль возвышенно служеніе, которое воздастъ она Ему! Коль святы, коль превосходны ея правила побужденія, ободренія и пособія, подаваемые ею человѣку для преуспѣянія въ добродѣтели и для достиженія къ совершенству и щастію“ и т. д.—статья по направленію своему вполне въ духѣ главы Университетскаго Благороднаго Пансіона, А. А. Прокоповича-Антонскаго, восклицавшаго въ своей рѣчи *О воспитаніи*: „Мудрости, добродѣтели! но что онѣ, если религія не озаритъ ихъ... религія, преобразующая, обновляющая человѣка, возносящая его надъ всѣмъ браннымъ, отверзающая предъ нимъ врата на небо! Ею да напаяется жаждающее сердце юноши; да увидетъ въ душу его тотъ священный страхъ, который есть начало премудрости, основаніе и утвержденіе всякія добродѣтели“ и т. д.

Греція, съ франц. (стр. 62—64)—небольшой отрывокъ, въ которомъ характеризуются древніе греки, какъ „ревностнѣйшіе искатели славы“, народъ характера „энтузіастическаго и чувствительнаго“, граждане, которые „видѣли, чувствовали и дышали вездѣ удовольствіемъ славы и безсмертія“.

О обхожденіи съ людьми, изъ Коцебу (стр. 129 — 145), — замѣтки и бѣглыя разсужденія въ родѣ слѣдующихъ:

„Общественная жизнь есть вѣчная мѣна взаимныхъ одолженій. Честный человѣкъ даетъ болѣе, нежели получаетъ; хитрецъ, желающій обмануть другихъ, или поживиться отъ нихъ, поступаетъ такимъ же образомъ. Всякой, говорятъ обыкновенно, своего щастія кузнецъ, и это относится больше къ общественной жизни. Ты щастливъ отъ другихъ, когда другіе щастливы отъ тебя.... Добрые не могутъ любить злыхъ; злые не могутъ также любить злыхъ. Одни только добрые любятъ добрыхъ.... Искусство снискивать друзей часто не такъ нужно, какъ искусство не имѣть враговъ.... Больше всего берегись быть другомъ ученой женщины.... Чѣмъ больше кто имѣетъ достоинствъ, тѣмъ строже того судятъ“, и т. п. ¹⁾

Старость изъ Коцебу (стр. 156—165): „Хотя Формей и написалъ цѣлую книгу о выгодахъ старости, однако я не переѣмлю своего мнѣнія, что молодымъ быть лучше. То не есть выгода, что мѣшаешь наслаждаться всѣми другими выгодами. Старостью даритъ насъ природа съ жестокими условіями, и рѣдкой благодаритъ ее за такой по-

¹⁾ Изъ второго тома сборника Коцебу *Die jungsten Kinder meiner Laune* статья: *Ein Beytrag zu Knigges Buch über den Umgang mit Menschen.*

дарокъ“, и т. д.—разсужденіе изъ того же сборника Коцебу Die jüngsten Kinder meiner Laune; заглавіе въ подлинникѣ: Das Alter (томикъ II).

Надгробная пѣснь юному герою убитому на сраженіи (стр. 199—201). Попеременно поютъ юноша, дѣва и хоръ юношей и дѣвъ:

Юноша. Здѣсь палъ младый воинъ, другъ и герой нашъ! Здѣсь поражалъ онъ враговъ своихъ, побѣдилъ ихъ и умеръ.... За Государя, за Отечество пролилъ онъ кровь свою и пожертвовалъ жизнію.

Дѣва. За насъ, за матерей нашихъ пролилъ онъ кровь свою.

Хоръ. Пойдемъ! воздадимъ ему долгъ благодарности: обсадимъ могилу его печальными кипарисами; воспоемъ его въ пѣсняхъ; соорудимъ олтари ему, и прольемъ въ память слезы чувствительности... Достопамятны услуги и велики подвиги младаго воина! Увѣнчаемъ гробъ его трофеями; прославимъ его въ пѣсняхъ, и наречемъ его Героемъ и другомъ челоѣчества! и проч. ¹⁾.

Позднѣе М. С. Кайсаровъ занялся переводомъ Стерна; напечаталъ:

Жизнь и мнѣнія Тристрама Шанди, переводъ съ англій. Михайла Кайсарова. 6 частей. С.-Пб. 1804—1807.

Въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1804 г. (XVIII, стр. 158—171) явилось „Извѣстіе о Лаврентіи Стернѣ и его сочиненіяхъ. Изъ Французскаго Меркурія 11 іюня 1803 года“. Взглядъ автора этой статьи таковъ: „Стернъ былъ челоѣкъ весьма умный; но принятый имъ родъ сочиненій тѣмъ болѣе дурень, что чрезвычайно своей легкостью произвелъ множество подражателей; ибо гораздо легче производить безъ выбора шутки смѣлаго и необузданнаго воображенія, нежели писать пріятно подъ руководствомъ строгаго и правдиваго разсужденія, которое пріемлетъ украшенія разума такъ, какъ красота принимаетъ услуги грацій. Стернъ довольно откровенно въ томъ признается; онъ даже судить себя весьма строго“ и проч. ²⁾ „Стернъ, подобно доктору Свифту и Рабеле, которому онъ много подражалъ, есть одинъ изъ тѣхъ, коимъ можно удивляться, но не должно брать себѣ въ примѣръ“ ³⁾. Въ подстрочномъ примѣчаніи издателемъ данъ довольно лестный отзывъ о русскомъ переводѣ „Тристрама Шанди“ ⁴⁾.

¹⁾ Изъ *Chr. F. Weisse*, *Amazonenlieder*, 1761. Срв. *II. Львовъ*, *Славянскія пѣсни*, Иппокрена, VIII, 230, X, 356—359,—передѣлки изъ того же сборника.

²⁾ Сѣв. Вѣстн. 1804 г., № VIII, стр. 162—163.

³⁾ *Ив.*, стр. 171.

⁴⁾ *Ив.*, стр. 165.

Въ отвѣтъ на эту статью Кайсаровъ написалъ *Письмо къ приятелю, содерж. въ себѣ примѣчанія на критику Стерновыхъ сочиненій, напечатанную въ № VIII 1804 г. Сѣвернаго Вѣстника, соч. переводчикомъ Тристрама Шанди*. С.-Пб. Безъ года ¹⁾. „Письмо“ это было бы крайне любопытно подвергнуть анализу для опредѣленія литературныхъ взглядовъ М. Кайсарова; къ сожалѣнiю, я не могъ разыскать этого изданія ни въ московскихъ, ни въ петербургскихъ книгохранилищахъ.

Андрей Сергѣевичъ Кайсаровъ, младшій изъ трехъ братьевъ (родился въ 1728 г.) былъ впослѣдствіи, съ 1810 по 1813 г., профессоромъ Дерптскаго университета ²⁾. Записанный, по обычаю того времени, малолѣтнимъ въ военную службу, онъ долженъ былъ прервать свое образованіе и, въ силу высочайшаго повелѣнія 1796 года, явиться въ полкъ.

Въ концѣ 1799 г. онъ, получивъ чинъ штабсъ-капитана, оставляетъ военную службу „um sich ganz den Studien zu widmen“, какъ сказано въ хроникѣ Дерптскаго университета ³⁾.

Учился А. С. Кайсаровъ, подобно братьямъ, въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ; Александръ Ив. Тургеневъ называетъ его „милый, ранній, незабвенный другъ“ ⁴⁾; въ 1802 г. они вмѣстѣ отправились за границу, въ Геттингенскій университетъ.

Жуковскій въ одномъ письмѣ къ А. И. Тургеневу говоритъ о дружбѣ, соединявшей его, Тургенева, Мерзлякова и Кайсарова ⁵⁾.

О раннемъ періодѣ литературной дѣятельности А. С. Кайсарова, къ сожалѣнiю, извѣстно очень мало.

Онъ писалъ стихотворенія, и современники цѣнили его и какъ писателя, подававшего большія надежды, и какъ человѣка. Но въ печати сталъ извѣстенъ только единственный романсъ—*Моя надежда*, помѣщенный въ Трудахъ общества любителей россійской словесности 1818 года:

¹⁾ Сопиковъ (ред. Рогожина), № 8239.

²⁾ См. *М. И. Сухомлиновъ*, А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья (Извѣстія II отд. Акад. Н., т. II, кн. 1); *В. Е. Пытуховъ*, Каедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ, Юрьевъ 1900, стр. 33—42.

³⁾ Dörptische Beyträge für Freunde der Philosophie, Litteratur u. Kunst. Jahrgang 1813. Erste Hälfte, S. 375 (*Сухомлиновъ*, оп. cit., стр. 9).

⁴⁾ Хроника русскаго въ Германіи, Современникъ 1841 г., т. XXI, стр. 51.

⁵⁾ Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 6—7 (Русск. Арх. 1895 г., приложение; письмо отъ 31 августа 1805 года).

Надежда! ты моей богиней
Была, когда и я мечталъ, и проч.

Въ примѣчаніи редакціи сказано: „Романсъ сей не былъ еще напечатанъ, равно какъ и другія стихотворенія сего почтеннаго любителя словесности“... ¹⁾).

Стихотвореніе проникнуто меланхолическимъ настроеніемъ. Авторъ изображаетъ рядъ разочарованій, постигшихъ его въ жизни:

Надеждой сладкой наслаждался,
Когда Росслава я нашель;
Но онъ увяль,—а я остался—
И сладкій сонъ опять прошелъ!..

Долженъ былъ разочароваться онъ и въ любви...

Я строилъ замки—разрушались;
Я снова строить начиналъ:
Мои мечтанья миновались,
Я тѣломъ и душой увяль!
Теперь въ развалинахъ стою!

Остается одна надежда—на могилу:

А мой челнокъ куда несется?
Гдѣ будетъ пристань для него?
Еще надежда остается
Насчастному пловцу его—
И для меня могила есть!

Время написанія этого стихотворенія не указано. Едва ли, однако, можетъ оно относиться ко времени позже отъѣзда А. С. Кайсарова и Ал. И. Тургенева за границу: меланхолическій тонъ, мечты о смерти, о могилѣ, ставятъ романсъ Кайсарова въ одну группу съ ранними произведеніями Жуковского, Андрея Тургенева и др., о которыхъ говорилось выше. Научныя занятія за границей, плодомъ которыхъ явились сочиненіе по славянской мифологіи ²⁾, диссертация объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи ³⁾, поѣздки по Европѣ (Англія, Шотландія, славянскія земли) и т. под., а затѣмъ профессура въ

¹⁾ Труды вольнаго Общества любителей Россійск. Словесн. 1818 годъ ч. IV, стр. 223—224. *Сухомлиновъ*, *op. cit.*, стр. 23—24.

²⁾ *Versuch einer Slavischen Mythologie*, Gottingen 1804 (русскій переводъ изд. въ Москвѣ въ 1807 и 1810 гг.).

³⁾ *Dissertatio inauguralis philosophico-politica de manumittendis per Russiam servis...* Subiecit Andreas de Kaisarow. Gottingae 1806 (докторская диссертация).

Дертѣ едва ли оставляли мѣсто для сочиненія меланхолическихъ романсовъ; напротивъ, это какъ разъ подходило къ эпохѣ образованія Дружескаго Литературнаго Общества, когда юный штабсъ-капитанъ дѣйствительно не зналъ еще, куда несется его „челнокъ“ и „гдѣ будетъ пристань для него“, и повторялъ пока мотивы модной меланхолии, не отставая отъ своихъ друзей.

А. Ѳ. Воейковъ, собиравшій членовъ Дружескаго Литературнаго Общества на дружескихъ вечеринкахъ въ своемъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ,—это и было „убѣжище друзей, соединенныхъ Фебомъ“, о которомъ говоритъ Андрей Тургеневъ ¹⁾,—былъ тоже воспитанникъ Университетскаго Благороднаго Пансіона (1791—1795 г.); имя его стояло здѣсь на золотой доскѣ на ряду съ именемъ Жуковскаго ²⁾. Здѣсь же, нужно думать, зародились и развились въ немъ писательскія склонности. Писать онъ началъ, какъ сообщаетъ М. А. Дмитріевъ, „въ одно время съ Жуковскимъ и Батюшковымъ, нѣкоторое время раздѣлялъ съ ними и славу“ ³⁾. „Я помню, говоритъ Дмитріевъ, когда приводили имена лучшихъ литераторовъ того времени, ихъ троицхъ не раздѣляли; говорили: Жуковскій, Батюшковъ и Воейковъ, какъ послѣ стали говорить: Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ, какъ еще позже: Пушкинъ, Баратынскій и Дельвигъ“ ⁴⁾. Мерзляковъ и Воейковъ были пріятели; у послѣдняго Мерзляковъ гостилъ въ Рязани; вмѣстѣ они собирались пріѣхать къ другу-Жуковскому въ Бѣлевъ; вмѣстѣ они затѣвали въ 1802 г. издавать литературный журналъ, и Мерзляковъ приглашалъ Жуковскаго къ участию въ редакціи и сотрудничеству ⁵⁾. Раннею извѣстностью Воейковъ былъ обязанъ своему *Посланію къ Сперанскому объ истинномъ благородствѣ* ⁶⁾. Это — сатира въ стилѣ Буало; сатирическое направленіе рано сказалось въ Воейковѣ. О болѣе раннихъ произведеніяхъ Воейкова мнѣ неизвѣстно ничего.

¹⁾ „Къ ветхому Поддѣвическому дому А. Ѳ. В—ва“—Славянинъ, изд. Воейковымъ, ч. XIII (1830), стр. 147; *Акад. Весселовскій*, Жуковскій, стр. 137.

²⁾ *Сушковъ*, Московскій Университ. Благор. Пансіонъ, приложение XIV, стр. 89: Имена отличныхъ воспитанниковъ Пансіона, получившихъ золотыя медали и одобрительныя листы, 10.

³⁾ Мелочи изъ зап. моей памяти, стр. 201.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 201.

⁵⁾ Письма Мерзлякова къ Жуковскому: Русс. Архивъ 1871 г., стр. 0136 — 0137, 0147.

⁶⁾ Напечат. впервые въ Вѣстникѣ Европы 1806 г., № 19, стр. 195 и слѣд.

XV.

Семень Родзянка—пансіонскій товарищ Жуковскаго; вмѣстѣ они выбыли изъ пансіона въ 1800 году ¹⁾, рядомъ имена ихъ были написаны на доскѣ, на которой записывались имена отличныхъ пансіонеровъ ²⁾. Волею А. А. Прокоповича - Антонскаго Родзянка состоялъ въ должности лѣтописца пансіонскихъ развлеченій: въ прочитанномъ Антонскимъ на актѣ 14-го ноября 1798 г. „наставленіи“, пунктъ IX, говорилось, что Семень Родзянка назначается секретаремъ при забавахъ воспитанниковъ; онъ былъ обязанъ „вести журналъ всему тому, что примѣчательнаго произойдетъ“ въ увеселительныхъ собраніяхъ пансіонеровъ; онъ долженъ былъ записывать въ нарочно сдѣланной для того книгѣ, „кто говорилъ рѣчь или читалъ другое какое сочиненіе и о чемъ, кто произносилъ стихи, подѣ какимъ заглавіемъ и чьего сочиненія, какой читанъ былъ разговоръ, какая представлена театральная пьеса и кто были дѣйствующія лица; кто игралъ концертъ, и т. под., также имена знатнѣйшихъ посѣтителей“ ³⁾.

На этомъ же актѣ (14-го ноября 1798 г.) С. Родзянко выступилъ въ качествѣ официальнаго поэта: въ новой пансіонской залѣ были поставлены портреты кураторовъ университета И. И. Шувалова, И. И. Мелиссино и М. М. Хераскова, тутъ же были продекламированы и розданы присутствующимъ стихи къ этимъ портретамъ, сочиненные С. Родзянкой ⁴⁾. Стилемъ Ломоносова и Державина юный стихотворецъ восхваляетъ заслуги этихъ лицъ:

Шуваловъ! Нѣтъ тебя: ты въ вѣчность преселился;
 Но пламень въ насъ любви къ тебѣ не погасился,
 Отрадой страждущихъ, покровомъ Музъ ты былъ,
 И храмъ въ Россіи имъ воздвигнулъ, утвердилъ.
 Твой духъ живетъ въ дѣлахъ—и вѣки отдаленны
 Сплетутъ за доблести тебѣ вѣнецъ негнѣнный.
 Увы! я зрю, Сатурнъ съ ужасною косою
 Стремится памятникъ разрушить твердый твой...
 Но чтожь!—взмахнулъ косою, ударилъ, сокрушилась,
 И мышца крѣпкая впервые утомилась.

¹⁾ Москов. Вѣдомости 1800 года, дек. 26, № 103, стр. 2245; *Тихонравовъ*, Соч., т. III, ч. 1, стр. 407.

²⁾ *Сушковъ*, Москов. Универс. Благор. Пансіонъ, приложение XIV, стр. 89.

³⁾ Актъ, бывший въ Унив. Благор. Пансіонѣ ноября 14-го дня 1798 г.—*Москвитянинъ* 1847 г., часть III, стр. 61.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 55, 58.

О Кроны! ты въ свѣтѣ семь все можешь истребить;
Лишь блеску дѣлъ благихъ не силенъ помрачить.

Надпись, сочиненная по всѣмъ правиламъ піитики ¹⁾.

Про И. П. Мелиссино Родзянка говорить:

Ты былъ рачительный начальникъ, попечитель,
И другъ нашъ, и отецъ, и геній нашъ хранитель.

Передъ портретомъ М. М. Хераскова, не стѣсняясь присутствіемъ его самого въ актовомъ залѣ, произносилось:

Парнасъ Московскій двухъ предстателей лишился;
Но тяжкій сей уронъ Гомеръ нашъ замѣнилъ:
Херасковъ! ты въ себѣ ихъ обоихъ вмѣстилъ;
Въ твоей къ намъ нѣжности, въ твоемъ о насъ раченіи,
Живутъ Мелиссино, Шуваловъ незабвенны;
Въ тебѣ присутствуетъ и духъ и сила ихъ.
Фебъ дивныхъ таинствъ ключъ тебѣ вручилъ своихъ;
Ты Россіядою стяжалъ вѣнецъ нетлѣнный,
Владиміромъ во вѣкъ пребудешь незабвенный.

На актѣ 22-го декабря 1798 года С. Родзянка читаетъ стихи своего сочиненія подъ названіемъ *Любовь къ отечеству* ²⁾. Вліяніе Ломоносовскихъ одъ обнаруживается здѣсь довольно явственно:

Любовь къ отечеству священна,
Твердыня царствъ, оплотъ градовъ!

начинаетъ Родзянка, очевидно подражая стихамъ Ломоносова:

Царей и царствъ земныхъ ограда,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сель, градовъ ограда...

Свое пониманіе любви къ родинѣ Родзянка формулируетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Не въ браняхъ лишь однихъ возможно
Отечеству полезнымъ быть:

¹⁾ Срв. *Остопоновъ*, Словарь древней и новой поэзіи, Спб. 1821, часть II, стр. 204 и слѣд.: „Надпись есть краткое чего-либо замѣчательнаго описаніе, какъ то вещи, дѣянія, особы; иногда же заключается въ ней одно только выраженіе чувствій сочинителя. Надлежитъ наблюдать, чтобы въ надписи помѣщены были такіа описуемаго предмета принадлежности, коими онъ наиболѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе“ и проч.

²⁾ Рѣчь. разговоръ и стихи, чит. на публич. актѣ въ Благ. Унив. Панс. 22-го екабря 1798 г.

Кто въ немъ науки насаждаетъ,
 Несчастливыхъ кто благотворить;
 Всѣ въ рукахъ своихъ вращая,
 Всю мысль свою къ тому стремить,
 Невинность чтобъ не пригѣснялась,
 Чтобъ благо общее цвѣло:
 И тотъ достоинъ патриотомъ
 И тотъ достоинъ нарецись.
 Щастливъ, кто имя толь священо
 Себѣ отъ гражданъ получилъ.

Идея о высокомъ значеніи мирнаго культурнаго труда прививалась, повидимому, вообще Антонскимъ и его сотрудниками питомцамъ Университетскаго Пансіона: на актѣ 21-го декабря слѣдующаго 1799 года однимъ изъ воспитанниковъ читалась *Речь о любви къ отечеству*, и здѣсь встрѣчаемся съ тою же идеей. „Итакъ, что есть сія любовь къ отечеству?“—ставитъ вопросъ юный ораторъ, и рѣшаетъ: „Она есть любовь къ порядку, къ устройству, къ законамъ, къ добродѣтели, къ общему и собственному благу... Когда человѣкъ-гражданинъ, достигнувъ зрѣлости нравственнаго и тѣлеснаго своего возраста, начинаетъ чувствовать себя во всей полнотѣ, — — — тогда Отечество приѣмлетъ его, и вознеся гласъ свой, вѣщаетъ: „Сынъ мой!... Чѣмъ ты будешь мнѣ полезенъ?“... Призванный въ храмъ Ѧемидинъ, да судить при людей, внявъ гласу отечества, говоритъ: „Зерцало истины будетъ озарять всѣ мысли и дѣла мои. Злодѣйство не восторжествуетъ; невинность не постраждетъ“. Безъ трепета садится онъ на мѣсто свое, и... судилище его есть храмъ, гдѣ не приѣмлется другого всесожженія, кромѣ приносимаго невинностію, и гдѣ внятенъ гласъ только правоты. Такъ исполняетъ обязанности свои сынъ Отечества, коему ввѣряетъ оно всѣсы правды! Такъ свидѣтельствуетъ онъ любовь свою къ нему, приверженность къ законамъ и общему благу!... Вступившій на поприще наукъ отвѣтствуетъ Отечеству: Я посвящу жизнь свою изслѣдованію истинны; я дерзну тебѣ говорить ее“ и проч. ¹⁾).

Къ 1798 же году относятся еще три произведенія Родзянки: *Ночное размышленіе о Боги* ²⁾ и *Величество Божіе* ³⁾—гимны въ прозѣ, о которыхъ я уже имѣлъ случай говорить (въ гл. VII)—и стихотвореніе *Истинна*:

¹⁾ Утр. Заря, кн. I, стр. 193 и слѣд.

²⁾ Прият. и полез. препр. врем. ч. XX, стр. 267 и сл.

³⁾ Тамъ же, XX, 273 и сл.

Уже въ янтарной колесницѣ
На прагъ востока Фебъ притекъ,
И вскрывъ завѣсу мрачну нощи,
Явилъ свой лучезарный ликъ...

Солнечные лучи уничтожаютъ росу —

Такъ ложное все исчезаетъ,
Какъ тонка утрення роса!
Одна лишь истинна—дщерь неба,
Пребудетъ вѣчно въ родъ и родъ ¹⁾.

Въ январѣ 1799 г. С. Родзянка вмѣстѣ съ Жуковскимъ отправляетъ Державину сдѣланный ими вдвоемъ французскій переводъ оды „Богъ“. Державинъ отвѣтилъ имъ четверостишіемъ:

Не мнѣ, друзья! идите вслѣдъ;
Ищите лучшаго примѣру:
Пиндару русскому, Гомеру
Послѣдуйте,—вотъ мой совѣтъ ²⁾.

С. Родзянка былъ секретаремъ литературнаго „Собранія воспитанниковъ Унив. Благ. Пансіона“ (предсѣдателемъ котораго былъ Жуковскій); въ засѣданіи 18-го мая 1799 года онъ читаетъ свое стихотвореніе *Ручеекъ*, а Жуковскій сообщаетъ свои критическія замѣчанія на сочиненіе Родзянки *Ничто о души* ³⁾; оба эти произведенія остаются неизвѣстными.

На пансіонскомъ актѣ 21-го декабря 1799 года Родзянка декламировалъ свое стихотвореніе *Слава* ⁴⁾, напечатанное потомъ въ „Утренней Зарѣ“ ⁵⁾:

Душа дѣяній знаменитыхъ,
Вѣнецъ героевъ, мудрецовъ,
О слава, всюду обоженна!
Надъ смертью торжествуешь ты.
Вотще она въ гробницы мрачны
Дѣла великія ввергаетъ;—
Ты ихъ исторгнувши оттоль,
Въ ихъ полномъ блескѣ, лучезарномъ,
Являешь всѣмъ вѣкамъ, народамъ...

¹⁾ Пріят. и пох. препр. вр., XX, 336.

²⁾ Соч. Державина, т. III, № 82.

³⁾ Загаринъ, Жуковскій, стр. 16—17.

⁴⁾ Москов. Вѣдомости 1799 г. № 103, стр. 2139—2140.

⁵⁾ Книга I, стр. 163 и слѣд.

Славою истинною авторъ признаеть только такую извѣстность, которая основана на содѣланномъ добрѣ:

Ты (слава) лишь едину *добродѣтель*
Во всѣ концы земли гласишь.
Пускай не мнятъ рабы пороковъ,
Злодѣйства громомъ мѣрь трясущи,
Достойны быть твоихъ похвалъ.
Хоть леств имъ олтари возносить,
Проклятiя въ потомствѣ грянуть,
И прахъ ихъ въ гробѣ потрясутъ.

Родзянка, конечно, зналъ иной взглядъ на славу, высказанный на страницахъ Приятнаго и полезнаго препровожденiя времени:

„Не одни токмо добродѣтельные дѣянiя превозносимы славою: она соединяеть трусость съ храбростью, порокъ съ добродѣтелью; и никогда на вѣсахъ ея цѣны истинной славы видѣть не можно. Удачная измѣна виновника ея увѣряеть въ безсмертiи, и слава украшаетъ имя измѣнника“ ¹⁾.

Но, подобно тому какъ Жуковскiй выясняль свое пониманiе *истиннаго* геройства ²⁾, Родзянка, въ силу тѣхъ же побужденiй, выразиль свой взглядъ на *истинную* славу. Въ „лучезарный храмъ Славы“, по его понятiю, войдутъ

Царь мудрый, подданныхъ любящiй,
Печущiйся о благѣ ихъ,
Чья жизнь есть цѣпь благихъ дѣянiй,
Народа къ счастью устремленныхъ...
Воинъ, духомъ возвышенный,
Въ груди носящiй огонь добра,—
Кто, низложивъ противны силы,
На горахъ надшихъ слезы льеть,
Кто не былъ людямъ бичъ ужасный,
Но былъ ихъ твердый щитъ, надежный,
Кто былъ герой—и человекъ ³⁾...

¹⁾ *Слава*, Посланiе къ Гиллеру, изъ творений Галлера, переводъ Ивана Карамылева. Пр. и пол. прерр. вр. ч. XIX, стр. 54. Переводъ стихотворенiя „Ueber die Ehre, als Herr D. Giller den Doctor-Nut annahm“. Versuch schweizerischer Gedichte von Albr. v. Haller, I Theil. Wien 1793, SS. 9—20.

²⁾ „Герой“ (соч. Жуков., ред. Арханг., т. I, стр. 10), „Истинный герой“ (тамъ же, т. IX, стр. 10)—статейка, помѣщенная въ Утренней Зарѣ непосредственно передъ „Славою“ Родзянки.

³⁾ Срв. У Жуковскаго:

Героюжь тотъ лишь назовется,
Кто добродѣтель красну чтить („Герой“).

Мудрецъ, что строго добродѣтель
Во всѣхъ дѣяньяхъ сохраняетъ...
Ораторъ, что витійства громомъ
Блѣднѣтъ коварство заставляеть...
Поэтъ, что лирою волшебной
Плѣняетъ...

При такой точкѣ зрѣнія естественно заключительное обращеніе Родзянки къ товарищамъ:

Ученья чистыми струями
Умъ юный, жаждущій питайте,
Добро питайте вы въ сердцахъ;
Вамъ Слава путь въ свой храмъ укажетъ... ¹⁾.

Въ слѣдующемъ (1801) году напечатавъ свою „Славу“ Мерзляковъ. Какъ ни различны стихотворенія Родзянки и Мерзлякова, едва ли однако случайно, что оба произведенія имѣютъ точки соприкосновенія. Родзянка начинаетъ: „Душа дѣяній знаменитыхъ, о слава“ и проч. Начало у Мерзлякова ²⁾:

Славу, мать лирь священныхъ,
Душу подвиговъ безсмертныхъ,
Славу, Россы, призовемъ!
Пѣснь всемогущей воспоемъ!

У Родзянки:

Друзья любезные! въ Россіи,
Въ странѣ вы славы рождены!...

У Мерзлякова:

Подъ ея (славы) благой звѣздой
Россъ родился, возрасталъ;
Россъ-младенецъ царствъ судьбою
У груди ея играть;

. Будь героемъ,
. вѣнецъ лавровый свой
Омой сердечною, чувствительной слезой,
Тобю падшимъ посвященной („Мирь“).

¹⁾ Иное освѣщеніе въ цитированномъ посланіи Галлера *Слава*: „Блаженъ, кто не стремясь за славою и блистательнымъ щастіемъ, презираетъ то, что толико обожаетъ свѣтъ, и свободенъ будучи отъ ига буйныхъ сихъ заботъ, посвящаетъ добродѣтели всѣ душевныя и тѣлесныя свои силы“ (Пр. и пол. прерр. вр., XIX, 56).

²⁾ См. стих. Мерзлякова, ред. Полуденскаго. М. 1867, ч. I, стр. 207 и слѣд.

Россъ-герой ея знамена
Черезъ темно поле бѣдъ
Перенесъ, и проч.

У Родзянки герой— „на горахъ падшихъ слезы леть“; у Мерзлякова:

Дѣти славы, веселитесь,
Здѣсь на лаврахъ преклонитесь...
Нѣтъ! Мы славы недостойны;
Не горитъ ли кровь на насъ?
Не бѣгутъ ли вслѣдъ намъ стоны,
Побѣжденныхъ жалкій гласъ?...
Чада славы! слезъ ркою
Сможемъ кровь съ своихъ мечей!

Въ Утренней Зарѣ Родзянка напечаталъ цѣлый рядъ своихъ произведеній:

Надиробная Г. С. (книжка I, стр. 54) — четверостишіе, оканчивающееся—

Дѣлами жъ кто себя великими прославилъ,
О томъ не мраморы—безсмертье возвѣстятъ.

Бесѣда Марка Аврелія съ самимъ собою (I, 22—53) — отрывокъ изъ Томаса, о которомъ уже говорилось выше, въ главѣ VIII.

Катонъвъ монологъ изъ Аддисоновой трагедіи „Катонъ“ (I, 65—67),—именно V дѣйствія, сцена 1:

Ты правъ, Платонъ! ты правъ: нашъ духъ не умираетъ,
Самъ Богъ, живущій въ немъ, въ сей правдѣ увѣряетъ...
Я буду въ вѣчности, я буду въ небесахъ.
О вѣчность!—трепещу—хладѣю—утѣпшаюсь...
Жизнь наша—сонъ! Мечта!—а пробужденье смерть!

Такого рода мысли, популярныя въ средѣ, окружавшей Родзянку, и привлекли, очевидно, вниманіе послѣдняго къ монологу Катона ¹⁾.

Страшный судъ (I, стр. 141—144):

Покройтесь прежней тьмой, земля и небеса!
Насталъ послѣдній часъ, вселенна гибнетъ вся.

¹⁾ Вскорѣ явился и полный переводъ этой трагедіи: *Смерть Катона, или рожденіе римскаго единоначалія*, трагедія сочиненная славнымъ Аддисономъ, перев. съ англійск. Докт. Гартъ. Иппокрена, ч. VIII (М. 1801), стр. 90 и слѣд. Позднѣе вышелъ и другой переводъ: *Катонъ*, траг. въ 5 д. г. Адиссона, перев. съ англ. прозою А. Колмаковъ. С.-Пб. 1804.

Се время свой полетъ внезапно прекращаетъ,
И вѣчность грозная чело свое являетъ.
Трепещуть небеса—затмился солнца зракъ,
Земля колеблется—повсюду ужасъ, мракъ;
Расторглась цѣпь существъ и проч.

рисуется картина свѣтопредставленія, затѣмъ — второе пришествіе, воскресеніе мертвыхъ:

Се грозный Судія землѣ судить грядетъ!...
По манію Его токъ молнійный полился...
Ужасный трубный гласъ раздался въ небесахъ...
Возстаньте изъ гробовъ, вы спящи смертнымъ сномъ!
Вѣнцы ждутьъ праведныхъ, а злобныхъ казни громъ.

Страшный судъ:

Сынъ Человѣческій на радугѣ грядетъ,
Одѣянъ славою, оковы смерти рветъ—
Ему предъдетъ крестъ, залогъ землѣ священный!
Исчезните, какъ сонъ земныя блага тлѣнны!
Величье, сила, власть!...
Священный день насталь Небесныя державы!
Во славу Возсѣдай быстрѣ молній взоръ
Простеръ на предстоящъ племень земныхъ соборъ.
Изрекъ небесный судъ—народы отдѣлились:
Врата Едемскія для Добрыхъ открылись;
Но злоба, ада дочь, въ геенну низошла,
Наслѣдіе свое, награду тамъ нашла!...

Окончаніе:

Мгновенно лучший міръ Предвѣчный сотворяетъ!...
Ливуютъ Ангели, гремятъ святыя пѣсни;
Трисвятъ! Трисвятъ Единъ! гласятъ Полеи небесны.

С. Родзянка представилъ свою обработку сюжета, который въ это время привлекалъ вниманіе многихъ. Воспитанникъ того же Университетскаго Благороднаго Пансіона М. Л. Магницкій въ 1796 г. напечаталъ оду *Страшный судъ* ⁴⁾, которая несомнѣнно была извѣстна Родзянкѣ:

Лицо багровое скрываетъ
Печально солнце въ мракъ густой.
Сѣвозъ мглу валеный лучъ сверкаетъ,
Кровавой стелется дугой.

⁴⁾ Прият. и полез. препр. вр., IX, стр. 150—156.

Туманомъ ночи помраченны,
Нѣмбуютъ сферы въ вышинѣ;
Насталь послѣдній часъ вселенны...
И се огнистыми ручьями
Изъ черныхъ молнии тучъ текутъ;
Быстрогорящими рядами
Небесны своды съ трескомъ рвутъ.
Се ангель съ страшною трубою
Летить на пламенныхъ крилахъ;
Труба пылающа зарею
Лежить на облачныхъ хребтахъ.
Какъ Понтъ въ брегахъ своихъ кипящій
Подъ бурей мрачною реветъ...,
Какъ громъ вселенной центръ трясущій,
Такъ грозная труба гремитъ!
Ударилъ звукъ сей въ круги звѣздны,
Дрожать—разсыпались какъ прахъ!...
Отверзлися со страхомъ гробы,
Исходятъ мертвые на судъ,
Изъ мрачныя земли утробы
Дрожа преступниии грядуть! и проч.

Поэма Эд. Юнга „Страшный Судъ“ явилась въ русскомъ переводѣ въ 1777 г. и послѣ этого была нѣсколько разъ перепечатана отдѣльно и при „Плачѣ“ ¹⁾; замѣчаются нѣкоторыя точки соприкосновения оды Магницкаго съ поэмой Юнга.

Вышли изданія:

Страшный судъ, духовная пѣснь на двѣ половины раздѣленная. Рѣчи сочиненія *Сергѣя Глинки*, а музыка Д. Н. Капина. Москва, 1799 ²⁾.

¹⁾ *Страшный судъ*, въ 3 пѣсняхъ, соч. Юнга. С.-Пб. 1777. Изданіе 2-ое. М. 1787 (въ типогр. Кампаніи Типографич.). *Плачъ Эд. Юнга*, или ночныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи, съ присовокупленіемъ двухъ поэмъ: 1) *Страшный судъ*, 2) Торжество вѣры надъ любовью. М. 1785. Изданіе 3-е. М. 1797 г. Другой переводъ—С.-Пб. 1799.

²⁾

Хоръ врѣшниковъ.

Какой громъ страшный здѣсь—
Внезапно ударяетъ?..
Не самъ ли царь небесъ—
Вселенну потрясаетъ?..
Затмился солнца свѣтъ;
Съ превыспренняго свода
Стремятся сонмы звѣздъ:

Страшный судъ, ода *Гр. С. Салтыкова*. С.-Пб. (безъ года. Сопиковъ, 7228; имѣтъ въ рукахъ мнѣ не удалось).

Въ „Свободныхъ Часахъ“ М. М. Хераскова, а отсюда—въ „Писмовникѣ“ Курганова, въ отдѣлѣ „Соборъ разныхъ стиходѣйствъ“, была напечатана *Ода на страшный судъ* В. Майкова ¹⁾; между „Духовными стихотвореніями“ Сумарокова имѣются также стихи *О страшномъ судѣ* ²⁾; Кириакъ Кондратовичъ поднесъ еще императрицѣ Ели-

Не въ сей ли день природа
Въ ничтожество падеть?
(Звуки трубъ).

Два голоса.

Раздался трубный гласъ!..
Разверзлись гробницы!..
Съ гремящей колесницы
Разить Мессія насъ...
Ангель, воззвающий мертвыхъ.
Возстаньте, мертвые! Оставьте мрачны гробы!..
Спѣшите изъ земной утробы!..

Хоръ грѣшниковъ.

Грядеть Творецъ вселепной—
Перуномъ оруженъ!
Сонмъ ангеловъ блаженной
За Нимъ вслѣдъ устремленъ...
Гласъ Мессіи вдали слышимый.
Грядите, добрые! принять вѣнецъ награды!
Обѣщанныя вамъ вкусите днесь отрады...
А вы, жестокия и злобныя сердца!
Во тьму кромѣшнюю низвергнетесь во вѣкъ.

¹⁾ „Свободные Часы“ 1763 г., стр. 148—152—„Книга Писмовникъ“ и проч., изд. 1788 г., стр. 348—351:

Ужасный слухъ мой умъ мятеть,
Престрашны громы заревѣли,
Моря и рѣки закипѣли,
Нигдѣ уже спасенья нѣтъ.
Въ теченьѣ солнце становится,
Луну объемлетъ темнота,
Земля отъ спадшихъ звѣздъ дымится,
Объялъ всѣ пламень вдругъ мѣста.
Уже и гласъ трубы шумить, и проч.

²⁾ „Стихотворенія духовныя“ (С.-Пб. 1769 г., изд. Россійской Академіи), стр. 220—222—Полное собр. соч. Сумарокова. М. 1787, часть I, стр. 239—241:

саветѣ Петровнѣ оду *О страшномъ судѣ* ¹⁾); въ новиковской „Вечерней Зарѣ“ есть *Ода Страшный Судъ* ²⁾, а въ ярославскомъ „Уединенномъ Пошехонцѣ“—ода *Послѣдній судъ* ³⁾.

Когда придетъ кончина мира,
Послѣдній день и страшный судъ,
Вострубятъ ангели, восплещетъ море,
Лѣса и горы вострепещутъ,
И спящи во гробахъ возстанутъ изъ гробовъ, и проч.

¹⁾ „Три священныя оды парафрастическія самолично мною поднесенныя... Ими. Елисаветѣ Петровнѣ... которыя оды и печатаны въ Академіи Наукъ“ (перепечат. у Венерова, Русск. поэзіи, т. I, примѣч. и дополн., стр. 235):

Труба вострубитъ, мертвы встанутъ,
Услышать кости сухи гласъ, и проч.

²⁾ Веч. Заря, ч. III, стр. 309—312:

Какое зрѣлище явилось
Внезапно взору моему?
Я вижу, небо растворилось,
И превратился свѣтъ во тьму!..
Свѣтило дневно померкаетъ...
Что вижу я передъ собою?
Се ангель съ небеси летитъ,
И громогласною трубою
О Божіемъ судѣ гласить, и проч.

³⁾ Уед. Пошехонецъ, Ярославль 1786, ч. I, мартъ, стр. 141—149:

Се въ вѣчность, духъ мой, воспаряешь,
И видишь тутъ пресвѣтлый тронъ!
И только взоръ тамъ простираешь;
Предъ очи представляеть онъ
Имѣющій быть судъ ужасный... (стр. 141).
О Боже! что я это зрю?
Природа видъ свой премѣняетъ...
Се звѣзды съ неба упадаютъ
И меркнетъ ихъ блистающъ свѣтъ!..
Весь міръ престашна тьма объяла,
Се огненна рѣка течеть... (стр. 142).
Се ангели летать съ небесъ!
Все трубнымъ гласомъ колебають... (стр. 144).
Гремящій трубный гласъ внимаю,
Все мечеть изъ себя земля;
Всѣ части мертвымъ отдавая,
О чудныя отъ вѣкъ дѣла!
Имъ живость прежно возвращаетъ...

Чувствуется связь стихотворения С. Родзянки съ нѣкоторыми изъ этихъ произведеній, хотя указать болѣе опредѣленно эту связь я затрудняюсь.

Почему мотивъ о страшномъ судѣ привлекалъ вниманіе, объясняетъ любопытное (переводное?) разсужденіе, помѣщенное въ томъ же ярославскомъ журналѣ „Уединенный Пошехонецъ“, подъ заглавіемъ: *Послѣдній Судъ*. „Картина послѣдняго суда — говорится здѣсь — есть наизнаменитѣйшая изъ всѣхъ, каковыя когда-либо были начертываемы рукою человѣческою: она только величественна, великолѣпна и важна, что долженствуетъ входить въ повсемственную распрѣдѣлимость міра... Какія понятія представиться могутъ важнѣе, величественнѣе, утѣшительнѣе и удобнѣе сихъ ко *ободренію добродѣтели*, ко *устрашенію порока* и къ приведенію человѣка къ вѣчности, о которой онъ забываетъ“ и проч. ¹⁾.

Въ I книжкѣ Утренней Зари Родзянка помѣстилъ три небольшихъ переводныхъ отрывка: изъ *Esprit d'Anacharsis — О воображеніи* (стр. 167—170) и *Объ астрономіи* (стр. 171—173) и изъ *Questions sur l'Encyclopédie* ²⁾—*Разговоръ между философомъ и натурою* (стр. 182—188).

Во II книжкѣ Утренней Зари ³⁾ Родзянка помѣстилъ два стихо-

Всѣ вдругъ въ порядокъ стройный стали... (стр. 145).

И се сѣдять Онъ на престолѣ

Въ своей десницѣ крестъ держа... (стр. 146).

Но что? Ужъ грозный взоръ выдаетъ

На грѣшныхъ страшный Судя... и пр. (стр. 147).

¹⁾ Уединенный Пошехонецъ 1786 г., ч. II, стр. 558—561.

²⁾ Questions sur l'Encyclopédie, par des amateurs (par Voltaire). S. I. 1770—72, 9 parties, in 8; nouvelle édition, augmentée 1773 (A. A. Barbier, Dictionnaire des ouvrages anonymes, t. II (P. 1875), p. 1159, со ссылкой на *Quérard*, France littéraire, X, 289 и Bibliographie Voltairienne, n° 38).

³⁾ Утр. Заря и проч., книжка II, М. 1803. Содержаніе: I. Непостижимому, М(ерзляко)ва (стр. 1—8), II. Человѣкъ, В. Жуковскаго (9—18), III. Рѣчь о неразрывной связи Просвѣщенія, Религіи и Добродѣтели (чит. на Актѣ въ Бл. Пансіонѣ 22 дек. 1801 г.; авторъ не указанъ (19—31), IV. Сократъ передъ смертію, съ франц. П. Свинына (34—44), V. Отрывокъ о вѣчности, изъ Галлера, С. Родзянки (45—52), VI. Смерть Сократова, съ франц. (авторъ не указанъ. 53—66), VII. Волкъ и ягненокъ, И. Петина (басня Лафонтена, 67—69), VIII. Молодой быкъ лгунъ, П. Воскобойникова (басня, 70—72), IX. Леонидъ подъ Термопилами, отрывокъ (73—80), X. Къ смерти, С. Родзянки (81—83), XI. Миръ (В. Жуковскаго, 84—91), XII. Шмидеро въведеніе въ исторію: Богъ, міръ, земля и люди, съ нѣм., Гр. Анучина (92—102), XIII. Сельское кладбище, В. Жуковскаго (103—114), XIV. Сонъ Марка Аврегія, съ

творенія: *Отрывокъ о вѣчности, изъ Галлера* (стр. 45—52) и *Къ смерти* (стр. 81—83). Первое изъ этихъ стихотвореній — свободный переводъ Галлера *Unvollkommenes Gedicht über die Ewigkeit* ¹⁾. Галлеръ былъ довольно популяренъ у насъ въ концѣ XVIII вѣка: молодой Карамзинъ переводитъ (прозой) его поэму *Ueber den Ursprung des Uebels* ²⁾, цитируетъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“ стихъ Галлера *Die Alpen* ³⁾; позднѣе появился и стихотворный переводъ поэмы „О происхожденіи зла“ ⁴⁾; явилось нѣсколько переводовъ прозаическихъ произведеній Галлера ⁵⁾.

франц. М. К(айсарова) (115—133), XV. Дубъ (134—136), XVI. Къ Фортунѣ, П. Свинына (137—138), XVII. Два букета, съ франц. С. Соковнина (139—142), XVIII. Сова и кузнечикъ, И. Петина (143—144), XIX. Пережѣна времени, И. Петина (145—146), XX. Исторія должна быть училищемъ нравственности и политики, отрыв. изъ соч. Г. Мабли (147—168), XXI. Стихи, соч. на день моего рожденія. Къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ, В. Жуковскаго (169—171), XXII. Успокоеніе злаго (172), XXIII. Воспитаніе принца (173—175), XXIV. Деревня, стихъ. С. Соковнина (176—177), XXV. Къ Сержѣ (стихъ. прислано изъ Лондона, 178), Къ тому же. Соловей (стихъ., 179), XXVI. Геро и Леандръ (Флоріана, 180—193), XXVII. Рыбачій сынъ (194), XXVIII. Дарованія, басня (195—200), XXIX. Треска и рыбаць, П. Свинына (201), XXX. Алеша, И. Петина (стихъ., 204—205), XXXI. Идилліи: Аристъ, или дѣтское щастіе, съ франц., И. Петина (204—207), Слѣды золотого вѣка, съ франц. Д. Дашкова (207—211), Стованія, съ франц. И. Петина (211—213), XXXII. Государь, Мужикъ и Пустынникъ, П. Свинына (214—217), XXXIII. Къ Соловью, П. Свинына (стихъ., 217), XXXIV. Нравоучительныя мысли (219—229), XXXV. Левъ, Медвѣдъ и Волкъ, А. Офросимова (230—232), XXXVI. Рыбаць, Щука и Угорь, И. Петина (233—234), XXXVII. Рѣчь о томъ, каковъ долженъ быть прямо благородный воспитанникъ (чит. на пуб. актѣ пансіона 22 дек. 1798 г., 235—250).

¹⁾ *Versuch schweizerischer Gedichte von Albr. v. Haller*, Wien, 1793, II. Theil Ss. 58—66.

²⁾ О происхожденіи зла, поэма великаго Галлера, перев. съ нѣм. Н. Карамзинъ. М. 1786.

³⁾ Письмо, помѣченное „Долина Гасли, въ 11 час. ночи“. Соч. Карамзина. С.-Пб. 1834, т. III, стр. 120.

⁴⁾ О происхожденіи зла, въ 3 пѣсняхъ, переложенное Петромъ Богдановымъ. М. 1798.

⁵⁾ Свойства забавъ и увеселеній человѣческихъ, соч. Галлера. С.-Пб. 1781.

Плоды трудовъ прозаическихъ и проч., соч. Барона Галлера. 2 части. С.-Пб. 1783—1784.

Достопамятныя и любопытныя приключенія Альфреда короля англо-саксонскаго, соч. Барона Галлера, перев. съ франц. Ефимъ Руничъ. М. 1788.

Фабій и Катонъ, повѣсть изъ Римской жизни, соч. Галлера, перев. съ франц. Павель Полонскій, 2 ч. С.-Пб. 1793.

Письма барона Галлера о важнѣйшихъ истинахъ премудраго Божественнаго Промысла, перев. съ нѣм. М. 1799.

На страницахъ тогдашнихъ журналовъ встрѣчаемъ много разъ произведенія этого автора ¹⁾). Русскіе читатели знакомились съ ними и въ оригиналѣ и въ французскихъ переводахъ.

Стихотвореніе Ueber die Ewigkeit, какъ видно изъ приведеннаго списка переводовъ изъ Галлера, не разъ привлекало къ себѣ вниманіе русскихъ переводчиковъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ; Родзянка, встрѣтивъ въ Иппокренѣ (ч. II, стр. 102 и сл.) прозаическій переводъ этого произведенія, очевидно, понравившагося ему своимъ элегическимъ колоритомъ, проникнутыми благочестивымъ одушевленіемъ разсужденіями о Богѣ, о человѣкѣ и т. под.—въ духѣ и направленіи среды, окружавшей его,—рѣшился дать стихотворный его пересказъ, имѣя, повидимому, передъ глазами нѣмецкій подлинникъ:

Дубравы! гдѣ лучи дневные потухаютъ;
Гдѣ тѣни блѣдныя печально въ тьмѣ блуждаютъ;
Гдѣ вѣчно царствуетъ уныніе, покой;
Гдѣ только иногда птицъ вѣщихъ слышенъ вой:
Вы рѣки! что въ брегахъ бесплодныхъ токѣ влачите,
И въ нѣдра мутныхъ блать низвергнуться спѣшите;
Пустыни мрачныя! увядшія поля!
Къ вамъ, въ вамъ смущенная летитъ душа моя!

¹⁾ Вѣчность, стих. Галлера, пер. Гр. Брайко, С.-Пб. Вѣстникъ 1778 г., ч. II, стр. 413—418. Рѣчь Марка Порція Катона, консула римскаго, противъ роскоши, пер. изъ соч. г. Галлера, Новыя Ежемѣс. Сочиненія, 1786 г., ч. VI, стр. 46. Утреннее размышленіе, пер. изъ Галлера, тамъ же, ч. XII, стр. 57; то же стих. тамъ же, ч. III, стр. 84; то же стих.—Распускающ. цвѣтокъ, стр. 1; Утреннія мысли—Пр. и пол. пренр. вр., ч. XII, стр. 185; то же—Иппокрена, ч. VIII, стр. 332 (прозой) и ч. X, стр. 14 (стихами). Утро—С.-Пб. Журналъ 1798 г., ч. I, стр. 126. (Оригиналъ: Morgen-Gedanken. Versuch Schweiz. Ged. v. Haller, I Th., SS. 1—4). О разумѣ, суетвѣрїи и невѣрїи, пер. А. Лубкина (Gedanken uber Vernunft, Aberglauben und Unglauben. Versuch, I, 66)—Новыя Ежемѣс. Соч. 1794 г., ч. XCI, стр. 49. Описаніе вѣчности, пер. А. Лубкина. тамъ же, ч. CVI, стр. 34. Ода на вѣчность (прозаич. пер.). С.-Пб. Журналъ 1798, ч. I, 46—53. Отрывокъ о вѣчности (прозаич. переводъ съ франц. перевода)—Иппокрена, ч. II, 102—109. Разсужденіе о невѣрїи и пагубныхъ онаго слѣдствїяхъ, Новый С.-Пб. Вѣстникъ 1786 г., ч. I, стр. 66. Тоска по отечеству (Sehnsucht nach dem Vaterlande, Versuch, I, 5)—Пр. и пол. пр. врем., XII, 185. Другой переводъ: Желаніе возвращенія въ свое отечество С.-Пб. Журн. 1798 г., ч. I, стр. 129—131. Плачъ Галлера о смерти своей супруги (Trauer—Ode bey dem Absterben Seiner geliebten Mariane, Versuch, II, 71; Ueber eben Dieselbe, ib. II, 78), Пр. и пол. пр. врем., XII, 338—344; 345—358. Слава, посланіе къ Галлеру (Ueber die Ehre, Versuch, I, 9—20), тамъ же, XIX, 49—57. Альпійскія горы (Die Alpen, Versuch, I, 21—65) С.-Пб. Журналъ 1798 г., ч. I, стр. 6—41. Дориса (Doris—Versuch, I, 133 и сл.)—тамъ же, I, 118—125 и др.

Вы ужасомъ ее и мрачностью питайте,
Эмблему вѣчности вы мнѣ изображайте.

Нѣтъ друга моего!

Еще передо мной тѣнь носится его;
Ко мнѣ съ улыбкой взоръ и руки простираетъ;—
Но вѣчность грозная добычь не возвращаетъ! ¹).

Авторъ обращается къ мысли о собственной смерти:

Und ich? bin ich von höhern Orden?
Nein, ich bin, was er war, und werde, was er worden,
Mein Morgen ist vorbei, mein Mittag rückt mit Macht,
Und eh der Abend kömmt: kann eine frühe Nacht
Die keine Hoffnung mehr zum Morgen wird versüssen,
Auf ewig mir die Augen schliessen.

Родзянка переводить:

Но что я говорю? Я тотъ же человѣкъ.
Заря моя прошла,—мой полдень пролетаетъ;—
Быть можетъ, ранняя ночь мой вечеръ упредить,—

и прибавляетъ, чего нѣтъ у нѣмецкаго поэта:

Умру для міра я—для друга (умершаго) буду жить!

¹) У Галлера:

Ihr Wälder! wo kein Licht durch finstre Tannen strahlt,
Und sich in jedem Busch die Nacht des Grabes malt;
Ihr hohen Felsen dort! wo, im Gesträuch verirret,
Ein trauriges Geschwärm einsamer Vögel schwirret;
Ihr Bäche! die ihr matt in dürren Angern fließt,
Und den verlohrenen Strom in öde Sümpfe giesst;
Erstorbenes Gefild' und Grausen volle Gründe!
O dass ich doch bey euch des Todes Farben funde!
O nährt mit kaltem Schau'r und schwarzem Gram mein Leid!
Seyd mir ein Bild der Ewigkeit!

Mein Freund ist hin!

Sein Schatten schwebt mir noch vor dem verwirrten Sinn;
Mich dünkt, ich seh' sein Bild, und höre seine Worte;
Ihn aber hält, am ernsten Orte,
Der nichts zu uns zurücke lässt,
Die Ewigkeit mit starken Armen fest...

Въ Иппокренѣ: Мрачные лѣса, куда дневной лучъ никогда не проникаетъ сквозь чащи густыхъ и черныхъ елей, гдѣ каждая дубрава изображаетъ намъ мрачность гроба, вершины и утесы, окрестъ которыхъ между колючихъ терній раздаются одни унылые крики уединенныхъ птицъ, и проч. ...напитайте печаль мою ледными ужасами мрачной меланхоліи, явите мнѣ ужасной образъ вѣчности!.. и проч.

Взглядъ на смерть, раздѣлявшійся Родзянкой съ его друзьями.
Слѣдуютъ размышленія о вѣчности:

О вѣчность, гробъ міровъ, время невообразимый, и проч.—

и ставится вопросъ:

Возможноль смертному постичь тебя, объять?

Отвѣтъ:

...Умъ, воль въ вѣчность устремится;
Тераясь въ ней, своихъ онъ крыльевъ лишится...

Отъ вѣчности мысль обращается къ Богу:

О Боже! Ты единъ все движешь, сохраняешь;
Безмѣрны времена Ты взоромъ обтекаешь;
Ты, Солнце вѣчное! и проч.,

а затѣмъ къ человѣку:

Что, что, о Боже! я въ сравненіи съ Тобой:
Я въ мірѣ червь, а міръ есть точка предъ Тобой.
Едва съ ничтожествомъ составъ мой разлученный,
Безсмертной силою на мигъ одушевленный,
Быть можетъ нынѣ же разрушится, падеть, и проч.

Съ мыслью о смерти Родзянка не соединяетъ, однако, ничего тягостнаго: на смерть онъ взираетъ тѣмъ же взглядомъ, какой мы встрѣчали у Жуковскаго и о какомъ говорилось мной выше, въ гл. IX; взглядъ этотъ Родзянка высказалъ въ своей одѣ *Къ смерти*, помѣщенной въ той же книжкѣ Утренней Зари ¹⁾:

Духъ грозный, Духъ неумолимый,
Разящій безъ пощады всѣхъ,
Летающій въ громахъ надъ нами,
Трясущій тяготу земли,
Дымящійся въ Этнійскихъ жерлахъ,
Подъ чьей губительной рукою
Падутъ земныя племена,—

начинаетъ Родзянка, а затѣмъ, изобразивъ безграничное могущество смерти, продолжаетъ:

О какъ ты, Смерть, люта, ужасна!—
Но, нѣтъ! ты благотворный Духъ;
Отъ жизни къ вѣчности вѣдущій,
Благихъ небесъ посланникъ ты!..

¹⁾ Утр. Заря, кн. II, стр. 81—83.

Кто всяких чуждъ предрасуждений,
Кому всё братья, всё друзья;
Кто добродетель чтитъ священну,
Блаженъ лишь щастіемъ другихъ—
Смотрите, какъ онъ въ гробъ нисходитъ!..
Такъ, такъ, друзья! Смерть вѣстникъ мирный,
Котораго Отецъ благій
Къ сынамъ своимъ ниспосылаетъ
Кончину странствій возвѣстять!
Друзья! поидемъ добра стезю;
Тогда безтрепетной ногою
Во жракъ мы ступимъ гробовой;
Взоръ ясный, тихій, безмятежный,
На долный міръ впослѣднѣ бросимъ—
Въ блаженну вѣчность воспаримъ.

Отдѣльно были изданы стихи С. Родзянки *На случай вождемъ-наго прибытія въ Москву Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Павловича*. М. 1801. Вотъ это стихотвореніе:

Съ чѣмъ, съ чѣмъ сравнить Тебя?—какъ солнце многодарно,
Повсюду льюще жизнь, сіянье лучезарно,
На необъятный Нордъ Ты милости излил!—
Но солнце бѣгъ когда въ другую гемисферу
Склоняеть—тѣнь падеть на здѣшнюю полсферу:
Ты жъ, нашъ Монархъ благій! Ты граше всѣхъ свѣтиль:
Ты днесъ прителъ въ Москву—Твой блескъ не угасаетъ
И тамъ, гдѣ нѣтъ Тебя—вездѣ равно сіяеть.—

Подобно какъ шары въ безмѣрности небесъ
Вкругъ центра движутся, облечся въ свѣтъ стремятся:
Такъ милліоны, Царь! обрестъ Тебя струятся,
Чтобъ жизнедательный лить свѣтъ Твоихъ очесъ.

Небесна благодать летитъ передъ Тобою:
Она въ Твоихъ устахъ намъ щастіе речеть,
И милости на насъ Твоею льеть рукою—
И злоба мрачная Твой ощущаетъ свѣтъ!

Драконы строгіе! Воскресните, взирайте:
Вы мнили смертію пороки обуздаты:
Но Александръ благій ждетъ—медлитъ поражать.
Драконы! плачьте... кровь законовъ вы смывайте!

Кто доброга Царя блаженнѣй можетъ быть?
Онъ Богъ земный: въ Его веленьѣ солнца, грома:
Онъ можетъ истреблять зловредныя Содомы,
И свѣтомъ щастія вселенну озарить!

Подпись: *Всеподданнѣйше подноситъ Семень Родзянка*. Стихотво-

рение это, написанное „старымъ“ славяно-русскимъ слогомъ, всецѣло отразило на себѣ учение Ломоносова о трехъ „штиляхъ“ русскаго языка—„высокомъ“, „посредственномъ“ и „низкомъ“,—развитое и доведенное до крайности его послѣдователями въ родѣ адмирала Шишкова и его единомышленниковъ. По содержанію и характеру стихотвореніе Родзянки примыкаетъ къ группѣ произведеній торжественной лирики Мерзлякова; но Родзянка, стремясь „парить“, видимо, стараясь выразаться какъ можно болѣе „высокимъ“ слогомъ, уснастилъ свою рѣчь гораздо большимъ количествомъ церковно-славянскихъ словечекъ, чѣмъ это наблюдается у Мерзлякова.

Также отдѣльнымъ изданіемъ вышелъ *Бѣлый быкъ, истинная повесть, соч. Волтера, пер. съ фр. С. Родзянка*. С.-Пб. 1802.

Въ переводѣ опущены намеки на библейскіе эпизоды, какіе дѣлаетъ Вольтеръ въ своемъ *Le Taureau blanc*; библейскія имена, употребляемыя Вольтеромъ, измѣнены: быкъ оказался *Бифеосирасомъ*, а не Навуходносоромъ; въ VI главѣ у Родзянки обѣдаютъ волхвы Мердаманзаръ, Фаметрапассаръ и Амикольвъ; у Вольтера—пророки Данииль, Езекииль и Иеремія; вольтеровская персефляція Библии превратилась въ русскомъ переводѣ въ фантастическую сказку. Сдѣланный Родзянкою выборъ матеріала для перевода едва ли не былъ простою случайностью.

Литературная дѣятельность Родзянки рано была прервана умопомѣшательствомъ: онъ „былъ остановленъ на пути развитія своего болѣзнью духа... и изнемогъ подъ тяжестью ужаснаго недуга“, сообщаетъ Сушковъ ¹⁾.

Подписавшій послѣднимъ уставъ Дружескаго литературнаго общества Андрей Офросимовъ былъ однимъ изъ питомцевъ Университетскаго Благороднаго Пансіона ²⁾. Увлеченный примѣромъ товарищей—литераторовъ, онъ также пытался пойти по пути музъ. Мнѣ удалось однако найти только единственное принадлежащее его перу произведение—басню *Левъ, Медвѣдь и Волкъ*; напечатана въ Утренней Зарѣ (кн. 2, стр. 230—232):

Левъ нѣкогда съ медвѣдемъ подружился и побожился
 Всегда съ нимъ мирно жить,
 На промыслъ вѣстѣ съ нимъ ходить,
 Добычу всякую съ нимъ пополамъ дѣлить.

¹⁾ *Сушковъ*, Университет. Благор. Пансіонъ, стр. 76. Срв. Письма Жуковского къ А. И. Тургеневу. М. 1895, стр. 43 (Русск. Арх. 1895 г., приложение къ № 2).

²⁾ Москвитянинъ 1847 г., ч. III, стр. 57.

Поймавъ однако осла, они при дѣлежѣ поссорились, подрались, начали

Другъ друга рвать, кусать—ихъ кровь ручьемъ лила.

Побѣдилъ левъ, но опрокинувъ противника, онъ

Самъ подлѣ него безъ памяти упалъ,

Едва, едва дышалъ!

А волкъ, случайно забредшій сюда, утащилъ осла. Мораль:

Коли не хочеть это добромъ дѣлиться,

То можетъ и всего лишиться.

Писаніе басенъ, какъ извѣстно, было въ то время распространено въ нашей литературѣ. Въ Университетскомъ Пансіонѣ былъ завязанъ баснописцемъ Иванъ Александровичъ Петинъ, младшій товарищъ Жуковскаго, впоследствии другъ Батюшкова¹⁾. Писали, переводили басни и другіе пансіонеры; съ переводами басенъ Лафонтена, Флоріана выступить и Жуковский.

Такова была группа молодыхъ любителей и дѣятелей русской литературы, которые были въ это время ближайшими друзьями Жуковскаго, его сочленами въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ.

Къ этой же группѣ юныхъ московскихъ литераторовъ-дилетантовъ примыкалъ Сергѣй Михайловичъ Соковнинъ, младшій товарищъ Жуковскаго. Питомецъ Университетскаго Пансіона, „произведенный студентомъ за тѣ быстрые успѣхи, которые во всемъ (во всѣхъ предметахъ обученія) сдѣлалъ“²⁾, Соковнинъ самъ замѣчалъ въ себѣ „немножко того, чего такъ много“ было, по его взгляду, въ Александрѣ Тургеневѣ и Жуковскомъ³⁾, чѣмъ конечно и объясняется ихъ дружба⁴⁾.

Литературная дѣятельность С. М. Соковнина выразилась, на сколько мнѣ удалось разыскать, главнымъ образомъ въ рядѣ небольшихъ переводовъ съ французскаго:

Мысли Томаса (Ишпокрена, ч. IX, стр. 3—6, 135—142); это рядъ

¹⁾ О Петинѣ см. соч. Батюшкова, ред. Л. Н. Майковымъ. С.-Пб. 1885 г., т. II, стр. 190 и слѣд., 476—478.

²⁾ Русс. Стар., т. 106, 1901 г., апрѣль, стр. 126.

³⁾ Тамъ же, стр. 126: изъ письма С. М. Соковнина къ Ал. Ив. Тургеневу отъ 2 декабря 1809 года.

⁴⁾ Соч. Жуков., 7 изд. Ефремова, т. VI, стр. 547 (письмо отъ 20 июня 1837 г.). О Соковнинѣ см. соч. Батюшкова, т. III, стр. 735—736; Остафьевскій архивъ, т. I, стр. 444—445; акад. *Веселовскій*, Жуковский, стр. 70, 71. *Руммель*, Родословный сборникъ. С.-Пб. 1883, II, 407.

замѣтокъ: Дружба, Добро, Роскошь, Богатство и т. под.,—между прочимъ Чувствительность („Примѣчайте со вниманіемъ всѣхъ тѣхъ, которые по системѣ хотятъ казаться чувствительными. Вы увидите столько же въ свѣтѣ лицемѣровъ чувствительности, какъ и лицемѣровъ добродѣтели... Въ сочиненіяхъ играютъ также роль чувствительности, какъ и въ обращеніи въ свѣтѣ. Но кому природа отказала въ ней, тотъ тщетно будетъ силиться подражать ей; тщетно казаться будетъ чувствительнымъ“) ¹⁾ и Меланхолія („Сколь много люблю я ту пріятную и нѣжную меланхолію, которая сопровождаетъ иногда душу нашу...“) ²⁾. Томасъ былъ очень популярнымъ писателемъ въ Университетскомъ Пансіонѣ. Причины ясны: Томасъ (Antoine-Leonard Thomas, 1732—1785) былъ человѣкъ безупречной жизни, рѣдкихъ качествъ ума и души; эти особенности его личности отразились на его сочиненіяхъ; въ своей одѣ *Au temps*, увѣнчанной французской академіей, Томасъ высказываетъ такое profession de foi:

Si je devais un jour, pour de viles richesses,
Vendre ma liberté, descendre à des bassesses;
Si mon coeur, par mes sens, devait être amolli,
O temps! je te dirais, hâte ma dernière heure,
Hâte-toi, que je meure:
J'aime mieux n'être plus, que de vivre avili.
Mais si de la vertu les généreuses flammes
Peuvent de mes écrits passer dans quelques âmes,
Si je puis d'un ami soulager les douleurs;
S'il est des malheureux dont l'obscur innocence
Languisse sans défense,
Et dont ma faible main puisse essayer les pleurs:
O temps! suspends ton vol, respecte ma jeunesse,
Que ma mère, long-temps témoin de ma tendresse,
Reçoive mes tributs de respect et d'amour;
Et vous, gloire, vertu, déesses immortelles,
Que vos brillantes ailes
Sur mes cheveux blanchis se reposent un jour ³⁾.

Мысли Боленброкка (Иппокрена, ч. X, стр. 113—121, ч. XI, стр. 202 и слѣд.)—также бѣглыя замѣтки, только еще меньшаго объема: „Гораздо легче разрушить и возстановить гору остріемъ иглы, нежели

¹⁾ Иппокрена, IX, 140—141.

²⁾ Тамъ же, 141—142.

³⁾ *Villemain*, Cours de littérature française, Tableau du XVIII-ème siècle, tome III. Bruxelles 1834, pp. 63—88.

истребить гордость и суетное мечтаніе о себѣ человѣческаго сердца“ (стр. 113); „Просвѣщенный умъ хранить сердце отъ желаній, страстей и отъ худой склонности, а душу отъ сомнѣній“ (стр. 114) и т. под.

Древнихъ философовъ ученіе о Богѣ. Изъ Анахарзиса (Ишпокрена, ч. X, стр. 360—367). „Voyage du jeune Anacharsis en Grèce“, аббата Бартелеми, вскорѣ послѣ своего появленія (въ 1789 г.) получило значеніе прекраснаго общедоступнаго пособія для ознакомленія съ древне-греческимъ міромъ; отсюда, именно изъ LXXIX главы (въ VII томѣ) Соковнинъ и перевелъ отрывокъ, заключающій въ себѣ разговоръ между Филокломъ и Лизисомъ ¹⁾).

Ручей дружбы (Новости русской литературы на 1802 годъ ²⁾), часть III, М. 1802, стр. 156—160), — небольшой сентиментально-моральный рассказъ на тему объ истинной дружбѣ (съ французскаго).

Два букета (Утренняя Заря, ч. II, стр. 139—142), — сентиментальный рассказецъ на тему: сердце, чувствительность предпочтительнѣе ума (съ французскаго).

Верховное благо есть мечта (Утр. Заря, ч. III, стр. 95—96): отрывокъ, заключающій въ себѣ мысль, что выше всего — добродѣтель (съ франц.).

„Восточныя басни“: *Исправившійся* (Утр. Заря, III, 116—117) и *Благотвореніе* (тамъ же, 118), нравоучительные апологи (съ франц.).

Завѣщаніе, найденное въ бумагахъ одного умершаго (тамъ же, стр. 154—157): исповѣдь добродѣтельнаго человѣка, дающая образецъ, какъ надобно жить („Сколько можно въ нынѣшнемъ развращенномъ вѣкѣ, я старался быть справедливымъ, честнымъ и вѣрнымъ. Къ друзьямъ я былъ искрененъ и внимателенъ. Обиды прощалъ и не мстил за нихъ, стараясь побѣдить враговъ своихъ благодѣянiami“ и т. д.). Съ франц.

Исторія Александра (тамъ же, стр. 218—236). Тема: добродѣтель и мужество дѣлали Александра Македонскаго героемъ; счастье уничижаетъ его: гордость дѣлаетъ его жестокимъ, гнѣвъ — убійцею друга, развращеніе — невольникомъ и вскорѣ жертвою страстей своихъ.

О вкусѣ (тамъ же, 248—265) — параграфъ изъ французской псевдоклассической поэтики: „Вкусъ, относительно къ чтенію авторовъ

¹⁾ Отдѣльное изданіе: Избранныя мысли Томаса и Боленброкка и ученіе древнихъ философовъ о Богѣ, пер. съ фр. Сергій Соковнинъ, М. 1802.

²⁾ Журналъ, служившій продолженіемъ Ишпокрены: *Неустраошь*, Историч. разысканіе, стр. 850.

и ихъ сочиненіямъ, есть скорая, ясная и вѣрная разборчивость красоты, истины и точности въ мысляхъ и выраженіяхъ... Сія щастливая способность... есть болѣе плодъ разсужденія, нежели природныхъ дарованій, это есть умъ, образованной ученіемъ... Есть *правила* по которымъ можно учиться этой разборчивости“, и проч.

Анекдоты: Торгъ мудростію, Мандаринъ, Карлъ V, Сократъ („И отдыхъ въ пользу“, стр. 179—182)—нравоучительные рассказы (съ франц.).

Басни (въ прозѣ): *Ласточка и Аистъ, Езопъ и Осель, Корона и Колпакъ, Летучій огонь и Путешественникъ, Избраніе, Потугай и Сурокъ, Хрусталь и Алмазъ, Ручей и Рыка* (тамъ же, стр. 203—208). Съ франц.

Васильковая Гирланда (тамъ же, 212 — 215) — маленькій рассказъ (съ франц.).

Материнская любовь (тамъ же, 222—225),—лирическій рассказецъ на тему: для женщины высшее утѣшеніе, счастье — ея дитя (съ франц.).

Языки (тамъ же, 94—96): исчисленіе языковъ, какими говорятъ въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ (съ франц.).

Образецъ для дѣтей, или жизнь маленькаго графа Платона Зубова. Съ франц. М. 1801. Сочинила княгиня Анна Сергѣевна Голицына, перевелъ Сергѣй Соковнинъ ¹⁾.

Хвастунъ и Избалованное дитя, двѣ пьесы для дѣтей. Пер. съ фр. Сергѣй Соковнинъ. М. 1802.

С. М. Соковнину прнадлежатъ слѣдующія оригинальныя пьесы:

Деревня (Утр. Заря, ч. II, стр. 176—177), идиллически-сентиментальное стихотвореніе:

Въ деревнѣ все прелестно,
Въ деревнѣ все цвѣтеть;
Все просто и любезно:
Въ ней щастіе живетъ!
Тамъ ручейки сребристы
Среди цвѣтовъ журчатъ,
И рощицы тѣнисты
Подъ тѣнь свою манятъ.
Овечки тамъ пестрѣютъ
На бархатныхъ лугахъ, и т. под.

¹⁾ Modèle des enfans ou vie du petit comte Platon Zouboff. М. 1801. Геннади, Словарь, т. I, стр. 234.

Въ концѣ выступаетъ меланхолическій образъ:

А ты, страдалецъ бѣдный,
Забытый отъ людей!
Престань сердца ахъ мѣдны
Смягчать слезой своей!
Къ Природѣ обратися:
Она не измѣнитъ:
Къ ней въ лоно превлонися...
И слезы осушить.

На кончину П. Д. Еропкина, 1805 года, февраля 7 дня (Утр. Заря, III, 133 — 134) — ода на смерть московскаго генераль-губернатора П. Д. Еропкина. Въ основу стихотворенія положены мысли, не разъ встрѣчающіяся въ произведеніяхъ разсматриваемой группы нашихъ молодыхъ литераторовъ, — могущество смерти, значеніе добродѣтели:

Ни Крезъ, ни Царь не защитятся
Отъ смерти силою своей:
И пирамиды сокрушатся—
И горды замыслы людей ²⁾.
Одна лишь доблесть не подвластна
Законамъ строгимъ смерти злой;
Для ней могила не ужасна,
Она тверда сама собой...

Еропкинь „какъ герой—великъ дѣлами“:

Онъ добродѣтелей посѣялъ
Плоды небесны на земли;
Онъ бунты страшные развѣялъ,
И дни блаженства процвѣли...

Отсюда заключеніе:

О Россы! лавры соплетайте
Еропкину; онъ былъ герой;
Ему въ дѣяньяхъ подражайте,—
Безсмертье будетъ вашей мздой.

Зима („И отдыхъ въ пользу“, стр. 241):

Лице Природы унываетъ,
Увяла красота полей...

²⁾ Отзвукъ Державинской оды на смерть кн. Мещерскаго.

Пчелки, набравъ лѣтомъ меду, „вкушаютъ плодъ своихъ трудовъ“,—

Ахъ! надобно и намъ весною
Сей краткой жизни собирать,
Чтобъ послѣ было чѣмъ зимою
Себя на старости питать.

Обычная морализація.

XVI.

Въ 1800 году Жуковскій оставилъ благородный университетскій пансіонъ. Онъ поступилъ въ Московскую соляную контору ¹⁾. Служба эта не была обременительна и оставляла достаточно досуга для литературныхъ занятій. „Ты, кажется,—пишетъ ему въ это время Андрей Тургеневъ,—не можешь не быть доволенъ своею участью: уединеніе, зависимость, *легкая должность*“ и проч. ²⁾.

Въ составленной въ 1806 году Жуковскимъ программѣ своей автобіографіи отъ ранняго дѣтства по конецъ 1805 г., которую онъ намѣревался писать, читается: Служба. Вступленіе въ соляную контору. *Мальчикъ у ручья*. Греева элегія. Литературное собраніе. Знакомство съ Соковнинными. Знакомство съ Дмитріевымъ. Козлятевъ. Съ Карамзиннымъ. Смерть Государя. Воейковъ. Кайсаровы. Рахмановъ.

¹⁾ Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 26 декабря 1800 года, № 103, стр. 2245—2246, въ официальномъ описаніи обычнаго пансіонскаго акта, происходившаго 22-го декабря, между прочимъ сказано: „Выбывшихъ *нѣтъ* года Василья Жуковскаго и Семена Родзянки имена будутъ написаны на доскѣ, на которой остаются обыкновенно имена отличныхъ пансіонеровъ“ (Тихонравовъ, соч., т. III, ч. 1, стр. 407). Плетневъ (О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго.—соч. Плетнева, т. III. С.-Пб. 1885, стр. 69) говоритъ, что Жуковскій вышелъ изъ пансіона въ *октябрь* 1800 года. Въ официальномъ формулярномъ спискѣ Жуковскаго, составленномъ въ 1850 году (изданъ въ Русс. Архивѣ 1902 г., кн. 2, стр. 85—87), отмѣчено, повидимому, не совсѣмъ точно: „Опредѣленъ въ Главную Соляную контору съ переименованіемъ въ городовые секретари 1800 года февраля 15-го“. Самъ Жуковскій относилъ свое поступленіе въ Соляную контору къ 1800 году. (Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 186—Русс. Архивъ 1895 года, приложеніе). Зейдиць (Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 22) пишетъ: „По окончаніи студентскаго экзамена, Жуковскій опредѣлился въ Московскую контору соляныхъ дѣлъ“. Публичный экзаменъ въ Пансіонѣ въ 1800 г. происходилъ съ 20-го по 22-е декабря (Москов. Вѣд. за 26-е дек. 1800 г. № 103).

²⁾ *Акад. Веселовскій*, Жуковскій, стр. 54—55.

Комиссія. Блудовъ. Коронація. Отъѣздъ Тургеневыхъ. Выходъ изъ соляной конторы. Отъѣздъ въ деревню ¹⁾).

Такимъ образомъ, первымъ литературнымъ предпріятіемъ Жуковскаго по выходѣ изъ учебнаго заведенія было изданіе: *Мальчикъ у ручья, или Постоянная любовь, повѣсть Г. Коцебу. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1801* (въ четырехъ книжкахъ).

Начать этотъ переводъ былъ, повидимому, еще на школьной скамьѣ. Зейдлицъ сообщаетъ ²⁾): „Въ Пансіонѣ содержали Жуковскаго М. Г. Бунина и П. Н. Юшковъ, но карманныхъ денегъ ему давали мало. Онъ долженъ былъ умножать ихъ своими литературными трудами. Очень кстати пришлось ему требованія книгопродавцевъ на легко сходящіе съ рукъ товары, а именно на переводы съ нѣмецкаго, съ французскаго. Книгопродавцы платили за переводъ по тогдашнему очень дорого: они давали Жуковскому и деньги и иностранныя книги. Въ 1801 г. онъ перевелъ романъ Коцебу: „Die jüngsten Kinder meiner Laune“, который онъ назвалъ, неизвѣстно почему,—«Мальчикъ у ручья». Книгопродавецъ Зеленниковъ заплатилъ ему за четыре части 75 рублей“.

Зейдлицъ прибавляетъ: „Вслѣдъ затѣмъ онъ (Жуковскій) удачно перевелъ еще многіе романы Шписа и весь театръ Коцебу“,—сообщеніе, источникомъ котораго былъ, вѣроятно, бѣглый разговоръ о прошломъ,—неточное. О переводѣ Жуковскимъ *многихъ* романовъ Шписа нельзя говорить уже потому, что и всего-то библиографамъ извѣстно только *три* перевода Шписовскихъ произведеній этого рода, относящихся къ первымъ годамъ XIX столѣтія ³⁾; одинъ изъ нихъ—Каменева, на принадлежность двухъ другихъ Жуковскому не имѣю пока въ виду никакого намека. Зато является основаніе приписать Жуковскому переводъ еще одной повѣсти того же Коцебу: *Королева Ильдегерда, героическая повѣсть; 2 части. Москва. 1801.* (Pdegerte, Königin von Norwegen.—Historische Novelle. Reval, 1788). Мерзляковъ,

¹⁾ *Бычковъ*, Дневники Жуковскаго, С.-Пб. 1901, стр. 38—39.

²⁾ Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 21.

³⁾ Горные духи или Анетта и Фридерикъ, соч. *Шписа* пер. съ фр. М. 1803. (Смирдинъ, Роспись № 8667; Сопиновъ, № 2857). Софья или сумашедшая отъ любви, истинная повѣсть изъ соч. *Шписа*, пер. съ нѣм. *Каменевъ*. М. 1801. (Смирдинъ № 9425; Сопиновъ, № 11138). Таинства древнихъ Египтянъ, истинная повѣсть о волшебствѣ и духахъ осьмагонадесять столѣтія. Соч. *Шписа*, пер. съ нѣм., 3 части; М. 1802—1803 (Смирд. № 9464; Сопиновъ, № 11682).

въ запискѣ безъ помѣты мѣсяца и года, но относящейся къ этому именно времени, когда Жуковский не уѣзжалъ еще въ деревню, написать ему: „Вотъ *Ильдигерда*. Дни четыре какъ она у меня,— но съ кѣмъ послать къ тебѣ? Ты знаешь, что у меня нѣтъ челяди. Я уже за тебя условился съ Зеленниковымъ о деньгахъ по 5 р. за листъ: больше не дасть. Это придется 80 р.“¹⁾... Въ другой запискѣ того же времени (тоже безъ помѣты): „Переводи, переводи скорѣе и будь увѣренъ, что все съ рукъ сойдетъ... Завтра увижусь я съ Зеленниковымъ и скажу ему послѣднее слово“²⁾...

Къ этому же времени, повидимому, относится исполненный Жуковскимъ переводъ комедіи Коцебу *Ложный стыдъ* (*Falsche Scham.— Ein Schauspiel in 4 Aufzügen. Wien, 1798*). На заглавномъ листѣ рукописи перевода стоитъ: „Переводилъ съ нѣмецкаго губернской секретарь Василій Жуковский“. Жуковский состоялъ въ этомъ чинѣ въ 1800—1801 гг.³⁾ Сколько извѣстно, это была единственная пьеса Коцебу, переведенная Жуковскимъ. Напечатанъ въ свое время этотъ переводъ не былъ, и рукопись была сто лѣтъ спустя открыта въ центральной библиотекѣ Императорскихъ театровъ (отд. I, № 7483) и издана проф. А. С. Архангельскимъ въ 1902 г.⁴⁾

Объ интересѣ Жуковского, какъ и его друзей, къ сочиненіямъ Коцебу свидѣтельствуетъ записка Мерзлякова къ Жуковскому, относящаяся къ этому времени: „Коцебу!—писать здѣсь между прочимъ Мерзляковъ.—Охъ этотъ Коцебу! Что мнѣ съ нимъ дѣлать. Только три книжки дома, прочія Ал. Ив.⁵⁾ роздалъ и не знаю, гдѣ ихъ

¹⁾ Письма А. Θ. Мерзлякова къ Жуковскому, Русск. Архивъ 1871 г., кн. 2, стр. 0139.

²⁾ Тамъ же, стр. 0140.

³⁾ См. формулярный списокъ о службѣ ординарнаго академика Императорской академіи наукъ, тайнаго совѣтника В. А. Жуковскаго, составленный іюля 1850 г.: Определенъ въ главную Соляную контору съ переименованіемъ въ *городовые секретари* 1800 г. февраля 15-го. Произведенъ въ *губернскіе секретари* 1800 г. октября 18-го. По именному высочайшему указу произведенъ въ *титularные совѣтники* 1801 г. октября 14-го. (Русск. Архивъ 1902 г., книга II, стр. 85).

⁴⁾ Полн. собр. соч. Жуковскаго, изд. Маркса, подъ ред. Арханг., т. XI, стр. 71—112; примѣчанія—ib., стр. 141. Изданный переводъ этой пьесы: *Ложный стыдъ, комедія въ 4 д. г. Коцебу, Москва 1803*, принадлежитъ Петру Шварцу (Рогожинъ, указатель къ „Опыту р. библиогр.“ Сопикова, стр. 237 подъ № 5433, со ссылкой на дѣла Московской цензуры въ архивѣ стар. дѣлъ Москов. губерн. правленія за 1802 годъ).

⁵⁾ Конечно, Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

взять. Это три Schauspiele. Итакъ подожди, мой любезный; какъ скоро возьму, то и доставлю“¹⁾.

Интересъ, какой питалъ къ Коцебу Жуковскій, опредѣлялся и былъ обусловленъ тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ вообще относились современники къ произведеніямъ этого нѣмецкаго писателя.

Прославившійся своими пасквилями, своими романами и въ особенности своими драмами, прибрѣтшими почти всемірную извѣстность, Августъ Коцебу (August Kotzebue, 1761—1819), посредственный и крайне мало оригинальный писатель, стоялъ однако весьма высоко въ глазахъ своихъ современниковъ. Во всей всемірной литературѣ искалъ онъ своей добычи; Вольтеръ, Мольеръ и всѣ французскіе комики, Гольдони, Готци, поэты Sturm-und-Drang'a, Гете и Шиллеръ, Шрёдеръ и его англійскіе образцы—были имъ использованы; въ біографіяхъ, характеристикахъ, романахъ, новеллахъ, умѣлъ онъ находить черты, которыми и надѣлялъ своихъ героев²⁾. Въ своихъ первыхъ разсказахъ (1782) онъ опирается на Музеуса, въ Menschenhass und Reue (1784) и въ Leiden der Ortenbergischen Familie (1785)—на модную чувствительность эпохи и геніевъ Sturm-und-Drang'a, въ комедіяхъ перваго періода своей дѣятельности (Sonnenjungfrau, Rolla, Indianer in England и др.)—на Райналя и французовъ, въ историческихъ драмахъ позднѣйшаго времени—на Шиллера; творчество Коцебу всегда было обусловлено его чтеніемъ, и въ его воспріимчивой натурѣ при малѣйшемъ постороннемъ воздѣйствіи измѣнялись литературный вкусъ и краски; то онъ любитъ необычное: на сцену выступаетъ разбойничество изъ любви къ дѣтямъ, бракъ между братомъ и сестрой, двоеженство; то онъ обращается къ мирнымъ картинамъ самой обыденной жизни; Шрёдеръ, Иффландъ, Лессингъ, Гольбергъ и всѣхъ родовъ иноземные драматурги—со всѣми онъ вступаетъ въ состязаніе³⁾. Тѣмъ не менѣе, современники ставили Коцебу рядомъ съ Шиллеромъ и Гете въ качествѣ якобы нѣмецкаго Еврипида; театральнѣе міръ считалъ его и Шредера Антониюмъ и Цезаремъ въ триумвиратѣ, пользовавшемся привилегіей напол-

¹⁾ Русс. Архивъ, 1871 г. № 2, стр. 0135.

²⁾ А. Eloesser, Das Bürgerliche Drama. Seine Geschichte im 18, und 19. Jahrhundert. Berl. 1898, S.s. 179—180.

³⁾ G. G. Gervinus, Geschichte der deutschen Dichtung, B. V, Lpz. 1842 Cap. XVII, S. 551. Срв. Ch. Rabany, Kotzebue, sa vie et son temps, ses oeuvres dramatiques. Paris—Nancy, 1893, pp. 148—149.

нять собой сцену, при чемъ Иффланду давалось мѣсто только Лепида; Энгель высоко цѣнили Коцебу; даже Виландъ, въ письмѣ къ Бёттингеру, называетъ Коцебу „извѣженнымъ любимцемъ музъ (verzärtelter Günstling der Musen)“, считаетъ его способнымъ соперничать съ Ариостомъ въ эпопеѣ и высказываетъ, что своими „Гусситами подъ Наумбургомъ“ (Hussiten vor Naumburg) Коцебу производитъ на душу зрителей будто бы высшее впечатлѣнiе, какое только возможно для драматической музы (das non plus ultra dessen, was die dramatische Muse über die Gemüther vermöge)¹⁾.

Творенiя Коцебу переводились на всѣ европейскiе языки²⁾. Пьесы его ставились на всѣхъ театрахъ. Начиная съ 1789 года, когда была впервые поставлена самая популярная изъ пьесъ Коцебу—*Menschenhass und Reue*, Коцебу въ теченiе тридцати лѣтъ царилъ на нѣмецкой сценѣ; публика упивалась, театральная дирекцiя была преисполнена благодарнаго удивленiя. Дирекцiя Théâtre Français почтила Коцебу открытiемъ ему всегда свободнаго входа въ театръ въ силу основанiя, формулированнаго такимъ образомъ: *Vos ouvrages ont orné la scène chez toutes les nations d'Europe*³⁾.

Причина успѣха Коцебу коренилась въ томъ, что онъ въ своей писательской дѣятельности умѣлъ попасть въ тонъ настроенiю массы публики того времени, умѣлъ дать то, что эта масса хотѣла читать и видѣть на сценѣ въ театрѣ. Никакой родъ стиля, никакой видъ произведенiй не былъ ему чуждъ, говорить Элѣссеръ; онъ началъ съ мѣщанскихъ жалостныхъ, „слезныхъ“ пьесъ, сочинялъ затѣмъ пьесы аристократическiя, комедiи, оперетки, фарсы, политическiя и литературныя сатиры; когда начинали надоѣдать картины будничной мѣщанской жизни, Коцебу ничто же сумняся пускался вслѣдъ за Шиллеромъ въ область исторической трагедiи; а когда публикѣ берлинскаго театра особенно пришлась по вкусу мистика „Вернера“ Цахарiя, Коцебу сталъ писать романтическiя трагедiи, пуская въ ходъ сенсацiонные и декоративные элементы новаго движенiя⁴⁾.

Лучшiе люди Германiи того времени отъ развитiя театра ждали

¹⁾ *Gevinus*, Op. cit., S. 552.

²⁾ См. *Ch. Rabany*, *Kotzebue, sa vie et son temps*, стр. 455 и слѣд.: *Essai d'une bibliographie chronologique des oeuvres de Kotzebue et des principales traductions ou imitations*.

³⁾ *Eloesser*, Op. cit., 174, 178.

⁴⁾ *Eloesser*, Op. cit., 179.

мощной поддержки и содѣйствія просвѣщенію, распространенію идей терпимости, сближенію сословій, видѣли въ театрѣ одно изъ средствъ національнаго возрожденія, нравственнаго развитія ¹⁾. Коцебу взглянулъ на театральныя подмостки тоже какъ на нѣчто въ родѣ каюды оратора-проповѣдника и сталъ рѣчисто высказываться по всѣмъ современнымъ вопросамъ, отзываясь въ своихъ пьесахъ на всѣ теченія и стремленія, выступавшія на поверхность жизни того времени. Онъ сенсационно пускалъ въ оборотъ все, что волновало современниковъ, такъ что, не будучи оригинальнымъ, всегда представлялся новымъ. Онъ умѣлъ о всякомъ предметѣ трактовать такъ общедоступно (чтобы не сказать—пошло), что самый заурядный человѣкъ могъ понимать его и чувствовать себя, вмѣстѣ съ авторомъ, образованнымъ, остроумнымъ, чувствительнымъ. Эта способность поддѣлаться подъ общій вкусъ и мнѣніе сдѣлала его въ глазахъ толпы якобы ея господиномъ: онъ шелъ туда, куда вела толпа, и тѣмъ казался ведущимъ се ²⁾.

Первая же имѣвшая успѣхъ драма Коцебу—*Menschenhass und Reue*—показываетъ, какъ онъ умѣлъ воспользоваться тѣмъ, что занимало современниковъ. Тогдашнія философскія теченія выдвинули фигуру мизантропа. На театрѣ уже въ *Fähndrich's* Шредера фигура эта играетъ въ высшей степени благодарную роль. Ненависть къ людямъ фигурировала въ произведеніяхъ штурмеровъ; Шиллеръ хотѣлъ обработать для нѣмецкой сцены Шекспировскаго „Тимона“; затѣмъ онъ задался цѣлью разрѣшить ту же проблему въ оригинальной драмѣ, обработавъ предметъ соотвѣтственно своему времени—получился фрагментъ *Der Menschenfeind*, который соотвѣтственнѣе было бы назвать *Der bekehrte Menschenfeind* („Обращенный человѣконенавистникъ“): по замыслу поэта, мрачное, полное отвращенія къ міру настроеніе должно было быть здѣсь побѣждено дружбой и любовью.

Шиллеръ не окончилъ начатой имъ пьесы: обращеніе не считалъ онъ мотивомъ, подходящимъ для настоящаго драматическаго дѣйствія. Коцебу весьма находчиво овладѣлъ интереснымъ предметомъ, воспользовался уже готовымъ матеріаломъ, пропиталъ его модною чувствительностью—и драма *Menschenhass und Reue* заставила растроганныхъ зрителей проливать слезы. Всѣ мотивы этой ненависти къ людямъ были старые, но у Коцебу они представились зрителямъ новыми и

¹⁾ См. напр. *Schiller*, *Die Schaubühne als eine moralische Anstalt betrachtet*.

²⁾ *Eloesser*, *Op. cit.*, 180—181; *Rabany*, *Kotzebue*, стр. 68.

полными прелести; его спекуляція насчетъ слабостей публики показалась наивною пріятною естественностью, пріятно волнующею сердце ¹⁾). Ненависть барона Мейнау (главное дѣйствующее лицо въ драмѣ Menschenhass und Reue) къ людямъ—не болѣе какъ театральная маска; при первомъ же своемъ появленіи на сценѣ онъ спасаетъ жизнь какому-то графу и съ враждебной гримасой бросаетъ его деньги, какъ благодѣтельный незнакомецъ, которому тягостна благодарность. Онъ читаетъ книгу Циммермана „Ueber die Einsamkeit“ съ тирадами à la Rousseau противъ культуры, звучащими въ его устахъ пародіей: „О вы, мирные островитяне южнаго океана! къ вамъ влечетъ меня; вы еще не испорчены. Единственная ваша слабость—воровство... Или къ вамъ, честные обитатели Биснапора, обольстительный образъ жизни которыхъ неподражаемо описалъ Райналь... Или—ну, куда Богу угодно! Прочь, прочь изъ этого цивилизованнаго нравственнаго лазарета! Пусть не будутъ испорчены его дѣти пансіономъ и филантропіей, лучше пусть добываютъ себѣ пропитаніе лукомъ и стрѣлой, или какъ готтентоты на корточкахъ смотрятъ на кончикъ своего носа, чѣмъ живутъ въ этомъ скверномъ мірѣ цивилизаціи!“ Публика принимала эти тирады за чистую монету.

То же самое и относительно культа сердца. Иффланцъ хотѣлъ сдѣлать болѣе человѣческими существующія людскія отношенія путемъ болѣе сильнаго участія чувства; Коцебу—поставилъ сердце выше всего человѣческаго: это—святыня, которую никто не смѣетъ осквернить, это высшая сила, противъ которой обычай и нравственность—ничто. Евлалія (жена барона Мейнау) измѣнила мужу, впала въ грѣхъ прелюбодѣянія; но—это было кошмаромъ, опьяненіемъ, заблужденіемъ чувствъ; ея сердце не знало объ этомъ ничего, оно и во грѣхѣ осталось невиннымъ. Прекрасныя души („Schöne Seelen“) остаются добродѣтельны и въ своихъ заблужденіяхъ; быть человѣкомъ значить быть слабымъ,—чѣмъ слабѣе, тѣмъ болѣе по-человѣчески! Падшему подобаетъ не наказаніе и мщеніе, а состраданіе и прощеніе. Моральный оптимизмъ Коцебу доводитъ до послѣдняго предѣла ²⁾).

Рядомъ съ присущими эпохѣ Sturm-und-Drang мотивами, своеобразно освѣщенными (чтобы не сказать прямо опошленными), у Коцебу выступаютъ и обычные ингредиенты мѣщанской драмы: раздаются тирады противъ неравенства сословій, противъ „придворной сволочи“,

¹⁾ *Eloesser*, Op. cit., S. 184.

²⁾ *Eloesser*, Op. cit., S. 185.

которая таскается по странѣ, звучать суровыя рѣчи въ похвалу добрыхъ нѣмецкихъ нравовъ, превозносится нѣмецкая женщина. Прежде всего однако эти критикующія личности, эти нѣмецкіе характеры должны были быть графами и баронами, чтобы болѣе импонировать мѣщанской публикѣ. Сцены дѣтей, примиряющихъ порвавшихъ между собой супруговъ—последнее средство растрогать зрителей ¹⁾).

Въ драмѣ *Menschenhass und Reue* Коцебу первый въ новой литературѣ обрабатываетъ мотивъ о невѣрной женѣ, освѣщая дѣйствіе съ чисто сентиментальной точки зрѣнія. Это было сенсационной новинкой. Сюжету своей пьесы онъ придалъ привлекательность романа, написалъ исторію сердца,—и у толпы публики онъ нашель къ своей Евлаіи такое же трогательное участіе, какъ Руссо—къ своей Юліи (Новая Элоиза), Гете—къ Лоттѣ (Вертеръ) ²⁾.

Романическіе элементы отличаютъ вообще драмы Коцебу; онъ умѣетъ сообщить своимъ пьесамъ напряженность романа. Выступаютъ незнакомцы, открывающіе себя только впоследствии; Коцебу сводитъ отца съ сыномъ, брата съ сестрой, любовницу съ кающимся обольстителемъ; завязкой часто служитъ долгая разлука, а развязкой—трогательная встрѣча узнающихъ другъ друга любящихся. Въ *Menschenhass und Reue* разставшіеся супруги живутъ подъ чужими именами въ одномъ и томъ же мѣстѣ, не зная другъ о другѣ, пока наконецъ рядъ случайностей не сводитъ ихъ вмѣстѣ и дѣлаетъ возможнымъ примиреніе ³⁾.

Коцебу сумѣлъ придать мѣщанской драмѣ новую привлекательность, сдѣлать ее пикантною, сенсационною. Иффландъ изображалъ предпочтительно міръ среднихъ классовъ общества; фантазія Коцебу любила совѣмъ инныя области, приключенія, искусственныя положенія, дававшія рѣчистому автору случай развивать до послѣднихъ предѣловъ тенденціи своей эпохи. И легковѣрная публика выслушивала такія ходячія сентенціи изъ устъ людей, отъ которыхъ всего меньше можно было ихъ ждать; *bon bourgeois*, слабыя стороны котораго Коцебу такъ хорошо зналъ, бываль растроганъ и польщенъ, если аристократы на сценѣ думали какъ разъ такъ, какъ онъ самъ ⁴⁾.

¹⁾ Ibid., S. 185—186.

²⁾ Ibid., 186.

³⁾ Ibid., 186—187.

⁴⁾ Ibidem, 188.

Въ сочиненіи романовъ, повѣстей, рассказовъ Коцебу былъ тоже плодовитъ ¹⁾. Онъ написалъ также рядъ автобіографическихъ очерковъ: *Flucht nach Paris* (1790), *Ueber meinen Aufenthalt in Wien* (1799) и др. Исторію своей юности онъ рассказывалъ въ одномъ изъ очерковъ своей книги „*Die jüngsten Kinder meiner Laune*“ (Leipzig, 1793—1796).

Августъ Коцебу родился въ 1761 г. въ Веймарѣ; его отецъ былъ совѣтникомъ посольства. Студентомъ Коцебу былъ въ Іенѣ и Дуизбургѣ. Съ дѣтства пробудилась въ немъ страсть къ писательству: еще мальчикомъ онъ сочинилъ фантастическую поэму, гдѣ описывались пиры и убійства, призраки и дьяволы, уносившіе грѣшниковъ. Рано почувствовалъ Коцебу и страсть къ театру ²⁾.

Въ 1781 г. онъ появился въ Петербургѣ, принявъ русское подданство и поступилъ на службу секретаремъ петербургскаго генералъ-губернатора Бауера. Бауеръ покровительствовалъ петербургскому нѣмецкому театру; Коцебу пишетъ для этого театра трагедію *Demetrius Zaar von Moscou*, которая и имѣла большой успѣхъ на сценѣ въ 1782 г. ³⁾.

Въ 1785 г. Коцебу былъ назначенъ императрицей Екатериной предсѣдателемъ Эстляндскаго губернскаго магистрата и поселился въ Ревель. За это время былъ имъ написанъ рядъ пьесъ:

Der Eremit auf Formentera (Reval 1787), *Adelheid von Wulfingen* (Lpz. 1788), *Menschenhass und Reue* (Berl. 1789—1790), *Die Indianer in England* (Frankf. u. Lpz. 1790), *Die Sonnenjungfrau* (Lpz. 1891), *Das Kind der Liebe* (Lpz. 1791), *Bruder Moritz der Sonderling* (Lpz. 1791), *Die Spanier in Peru oder Rolla's Tod* (Lpz. 1795) и др. Тогда же написанъ былъ Коцебу его сентиментальный романъ *Die Leiden der Ortenbergischen Familie* (Пбгъ 1785; Lpz. 1787—1788), историческая новелла *Zaide oder Die Enthronung Mahomeds IV* (Lpz. 1786), повѣсть *Die gefährliche Wette* (Lpz. 1790).

Въ 1798 г. Коцебу принялъ мѣсто театральнаго рецензента въ Вѣнѣ, писалъ для вѣнскаго театра драмы историческія, мѣщанскія, комедіи, фарсы и фактически превратился въ директора театра. Въ Вѣнѣ однако онъ пробылъ недолго.

¹⁾ См. *Rabany*, *Kotzebue*, *Essai d'une bibliographie*, p. 504—509.

²⁾ *Rabany*, *Kotzebue*, *sa vie et son temps...*, стр. 13.

³⁾ Напечатана въ Пбгѣ, 1782; въ собраніе соч. Коцебу не вошла. *Rabany*, стр. 25, 455.

Въ началѣ 1800 года Коцебу отправился обратно въ Россію. Здѣсь онъ былъ неожиданно арестованъ и сосланъ въ Сибирь, въ Тобольскую губернію ¹⁾. Ссылка однако длилась очень недолго: 7-го іюля 1800 г. онъ былъ уже свободенъ; объ этомъ онъ рассказываетъ въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ *Das merkwürdigste Jahr meines Lebens* (2 Bände. Berl. 1801), произведеніи полномъ самохвальства, кокетничанія своими чувствами, подчеркиваній своихъ политическихъ воззрѣній, съ примѣсю въ то же время мистическихъ исторій.

Императоръ Павелъ I, помиловавшій Коцебу послѣ того, какъ ему стала извѣстна въ русскомъ переводѣ пьеса его *Der alte Leibkutscher Peter des Dritten* ²⁾ (Lpz. 1799. Русскій переводъ Краснопольскаго С.-Пб. 1800; пьеса шла въ Петербургѣ на русскомъ языкѣ 26-го августа и 2-го сентября 1800 г.) ³⁾, по возвращеніи его изъ Сибири подарилъ ему украшенную брилліантами табакерку и назначилъ (20-го августа 1800 г.) директоромъ нѣмецкаго театра въ Петербургѣ ⁴⁾.

По смерти императора Павла Коцебу уѣхалъ въ Веймаръ, затѣмъ переѣхалъ въ Берлинъ. Это была эпоха напряженнѣйшей литературной дѣятельности Коцебу, эпоха борьбы съ романтиками ⁵⁾.

Послѣ іенской битвы (1806) Коцебу спасается бѣгствомъ въ Россію и основываетъ въ Лифлянді сатирической листокъ *Die Biene* для борьбы противъ Наполеона ⁶⁾. Во время наполеоновскихъ войнъ онъ становится писателемъ политическимъ, получаетъ отъ императора Александра чинъ статскаго совѣтника, а затѣмъ порученіе издавать полуофіціальнй журналъ *Russisch-deutsches Volksblatt und Ergänzungsblatt* ⁷⁾. Въ 1816 г. Коцебу былъ назначенъ на постъ русскаго консула въ Кенигсбергъ; затѣмъ ему было поручено наблюдать по газетамъ настроеніе умовъ въ Германіи и Франціи и дѣлать о томъ сообщенія

¹⁾ *Арановъ* (Лѣтопись русск. театра, С.-Пб. 1861 стр. 141) сообщаетъ, что эта кара постигла Коцебу за сочиненіе имъ драмы „Графъ Бенъевскій“ (*Graf Benjowsky oder Die Verschwörung auf Kamtschatka*, Lpz. 1795), которая была признана „вредною въ отношеніи политическомъ“.

²⁾ *Арановъ*, Лѣтопись русск. театра, 141—142.

³⁾ Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ. Вып. I, отд. 3, С.-Пб. 1892, стр. 159.

⁴⁾ *Арановъ*, *Op. cit.*, стр. 142. Архивъ дир. Имп. театр. Вып. I, отд. 3, стр. 625, 628; *Rabany*, *op. cit.*, стр. 61.

⁵⁾ *Rabany*, *op. cit.*, стр. 90, 91.

⁶⁾ *Rabany*, стр. 97.

⁷⁾ *Rabany*, стр. 105.

въ Петербургъ; поселился Коцебу въ Веймарѣ. Его стали подозрѣвать и обвинять въ шпіонствѣ,—и дѣло окончилось тѣмъ, что 23-го марта 1819 г. онъ былъ убитъ іенскимъ студентомъ Зандомъ, патриотомъ-фанатикомъ, видѣвшимъ въ Коцебу измѣнника ¹⁾).

Русскіе стали знакомиться съ произведеніями Коцебу довольно рано. Въ 1789 г. Карамзинъ въ Берлинѣ видѣлъ его на сценѣ; въ письмахъ русскаго путешественника, въ письмѣ отъ 2-го іюня читаемъ:

„Въ 10 часовъ ночи. Давно уже не былъ я такъ пріятно растроганъ, какъ нынѣ въ театрѣ. Представляли драму Menschenhass und Reue, *Человѣконенавидѣніе и раскаяніе*, сочиненную господиномъ Коцебу, ревелскимъ жителемъ.“ Изложивъ содержаніе пьесы, Карамзинъ продолжаетъ: „Никакая пьеса не оставляла во мнѣ такихъ сладкихъ впечатлѣній, какъ сія. Не скажу, чтобы въ ней нельзя было ничего покритиковать,—однакожь въ ней такъ много трогательнаго и прекраснаго, что зритель забываетъ критику... Вышедши изъ театра, оберъ я на крыльцѣ послѣднюю сладкую слезу. Повѣрите ли, друзья мои, что нынѣшній вечеръ причисляю я къ счастливѣйшимъ вечерамъ моей жизни?“ ²⁾).

Въ позднѣйшей редакціи писемъ русскаго путешественника приведенное мѣсто измѣнено и читается такъ: „Авторъ осмѣлился вывести на сцену невѣрную жену, которая, забывъ мужа и дѣтей, ушла съ любовникомъ; но она мила, несчастлива—и я плакалъ какъ ребенокъ, не думая осуждать сочинителя. Сколько бываетъ въ свѣтѣ подобныхъ исторій!.. *Коцебу знаетъ сердце*. Жаль только, что онъ въ одно время заставляетъ зрителей и плакать и смѣяться... Послѣдняя сцена въ пьесѣ несравненна“ ³⁾).

Карамзинъ вообще высоко ставилъ Коцебу. Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 14-го іюня 1792 года онъ между прочимъ пишетъ:

„Увѣдомъ въ Петербургъ ли Коцебу? Гаврило Романовичъ ⁴⁾ можетъ поздравить себя съ такимъ хорошимъ переводчикомъ. *Онъ имѣетъ жени* ⁵⁾), *духъ и силу*. Я хотѣлъ бы знать его лично“ ⁶⁾).

¹⁾ Ibid., стр. 108—132.

²⁾ Московскій журналъ 1791 г., ч. 2-я, стр. 15—23.

³⁾ Соч. Карамзина, изд. Смирдина, С.-Пб. 1848, т. II, стр. 72—73.

⁴⁾ Державинъ.

⁵⁾ Genie.

⁶⁾ Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву, издали Гротъ и Пекарскій. С.-Пб. 1866, стр. 26.

Въ рецензіи на переводъ Коцебу оды Державина „Видѣніе Мурзы“ на нѣмецкій языкъ Карамзинъ замѣчаетъ: „Переводчикъ есть *одинъ изъ истинныхъ поэтовъ Германіи*; переводъ его близокъ къ подлиннику, гладокъ и пріятенъ“... 1).

Естественно, что Карамзинъ и въ сочиненіяхъ своихъ далъ откликъ на впечатлѣніе, производимое на него Коцебу: „Софія“, драматическая пьеска въ одиннадцати сценахъ, представляетъ собой—повидимому, въ подражаніе драмъ *Menschenhass und Reue*—обработку того же мотива о невѣрной женѣ 2).

Русской публикѣ драмы Коцебу пришлось весьма по вкусу: *Ненависть и раскаяніе* (*Menschenhass und Reue*) шло въ Петербургѣ 30-го октября, 4, 18 и 21-го ноября 1790 г., 21-го января, 13-го февраля 1791 г. 3); повторенія свидѣтельствуютъ объ успѣхѣ пьесы 4). Въ печати русской переводъ „Ненависти къ людямъ“ появился въ Петербургѣ въ 1792 г. (переводъ Ивана Репьева), а въ Москвѣ—въ 1796 году; въ 1801 году понадобилось выпустить второе изданіе.

Особенно сталъ входить въ моду Коцебу въ послѣдніе годы XVIII столѣтія. Въ архивѣ императорскихъ театровъ сохранились извѣстія о слѣдующихъ представленіяхъ пьесы Коцебу въ этотъ періодъ времени:

Попуай, драма въ 3 дѣйствіяхъ (*Der Paragei*. Lpz. 1702) „въ первый разъ представлена на московскомъ публичномъ театрѣ 30-го апрѣля 1796 г.“; въ Петербургѣ шла въ 1798 г. 26-го января, 3-го февраля, 5-го апрѣля и 1-го ноября; въ 1799 г. 29-го мая; въ 1800 году 25-го апрѣля 5).

1) Московск. журналъ 1792 г., часть VII, стр. 254—255.

2) Сюжетъ пьески Карамзина слѣдующій: молоденькая жена почтеннаго престарѣлаго дворянина Доброва, Софія, увлекается французомъ, объявляетъ о томъ мужу и уѣзжаетъ съ любовникомъ „въ тѣмъ брянскихъ лѣсовъ“; но французъ скоро измѣняетъ Софію, предпочтя ей ея горничную, и хочетъ уѣхать; Софія закалываетъ его ножомъ, сходитъ съ ума и бросается въ рѣку. Московск. журн. 1791 г., часть II, стр. 253—276; ч. III, стр. 13—31. На обработкѣ этого сюжета сказались отчасти и вліяніе Шекспира, которымъ также увлекался Карамзинъ (*Сиповскій*, Н. М. Карамзинъ, С.-Пб. 1899, стр. 98), и вліяніе Ленца (*Розановъ*, Поэтъ періода „бурныхъ стремленій“ Якобъ Ленцъ. М. 1901, стр. 491—492).

3) Архивъ дирекціи Импер. театровъ. Вып. I, отд. 3, стр. 211.

4) Сохранились извѣстія еще о представленіяхъ этой драмы въ Петербургѣ 16-го сентября и 6-го октября 1797 г., 19-го и 17-го іюня 1798 г., 6-го іюля, 30-го сентября и 14-го ноября 1799 г., 26-го августа и 22-го ноября 1800 г. (Арх. дирекціи Импер. театровъ. Вып. I, отд. 3, стр. 163), въ Гатчинѣ на придворной сценѣ—8-го сентября 1797 г. (*Араповъ*, Лѣтоп. русск. театра, стр. 135).

5) Архивъ дирекціи Императ. театровъ. Вып. I, отд. 3, стр. 166.

Сынъ любви, драма въ 5 д. (Das Kind der Liebe. Lpz. 1791; франц. переводъ—Le Fils naturel, 1794); исполнялась въ Петербургѣ въ 1796 году 29-го іюня, 4 и 6-го іюля, 3-го октября; въ 1797 г. 24-го сентября; въ 1798 г. 29-го апрѣля, 8-го сентября, 18-го октября; въ 1799 г. 19-го мая и 4-го декабря; въ 1800 г. 25-го ноября, 11 и 17-го декабря ¹⁾).

Жертва смерти, драма въ 3 д. (Der Opfertod. Lpz. 1798); исполнена въ Петербургѣ въ 1798 г. 1 и 6-го октября и 9-го ноября; въ 1799 г. 20-го ноября; въ 1800 г. 16-го января, 11-го октября, 30-го ноября ²⁾).

Вертопрахъ, комедія въ 3 д. (Der Wildfang. Lpz. 1798); шла въ Петербургѣ въ 1799 г. 22-го февраля, 15-го мая, 6-го ноября ³⁾).

Добрый Морицъ, или своеобразный, ком. въ 3 д. (Bruder Moritz der Sonderling oder die Colonie für die Pelew-Inseln. Lpz. 1791); исполнена въ Петербургѣ въ 1799 г. 27-го апрѣля и 10-го мая ⁴⁾).

Ла Перузъ, комед. въ 2 д. (La Peugrouse. Lpz. 1797); исполнена въ Петербургѣ въ 1799 г. 18 и 20-го сентября и въ 1800 г. 5-го февраля ⁵⁾).

Лейбъ-кучеръ, драматическій анекдотъ въ 1 д. (Der alte Leibkutscher Peter des Dritten, eine wahre Anekdote. Lpz. 1799); исп. 1880 г. 26-го августа и 2-го сентября ⁶⁾).

Въ 1797 г. въ Петербургѣ и въ Гатчинѣ (на придворной сценѣ) шли *Индѣйцы въ Англии* (Die Indianer in England, ein Lustspiel in 3 Aufz., Frankf. u. Lpz. 1790) ⁷⁾).

Не имѣется изданія, откуда можно было бы почерпнуть свѣдѣнія о пьесахъ, шедшихъ на московскихъ сценахъ, подобно тому, какъ для петербургскихъ театровъ эти свѣдѣнія собраны въ цитированномъ выше „Архивѣ дирекціи императорскихъ театровъ“. Однако, что и въ Москвѣ Коцебу пользовался не меньшимъ успѣхомъ, доказываютъ такія случайно оброненныя замѣчанія, какъ приведенное выше мѣсто изъ записокъ М. А. Дмитриева, гдѣ онъ говоритъ, что тогда только пьесы Коцебу и игрались на нашихъ театрахъ, что поставщикомъ перево-

¹⁾ Тамъ же, стр. 173.

²⁾ Тамъ же, стр. 157.

³⁾ Тамъ же, стр. 152.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 156.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 159.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 159.

⁷⁾ *Араповъ*, Лѣтопись русск. театра, стр. 135.

довъ былъ А. Ѳ. Малиновскій, что любимыя пьесы публики были „Сынъ любви“ и „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“¹⁾. Въ письмахъ Г. П. Каменева изъ Москвы сохранилось указаніе, что въ февраль 1799 г. въ московскомъ театрѣ шли „Несчастные“ Коцебу (Die Unglücklichen. Lpz. 1798) и его „Сынъ любви“²⁾, а въ сентябрѣ 1800 г. „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“³⁾.

Кромѣ того, доказательствомъ вниманія московской публики къ твореніямъ Коцебу служитъ то обстоятельство, что главная масса переводовъ его произведеній появилась именно въ Москвѣ.

Временемъ появленія этихъ переводовъ были главнымъ образомъ первые годы XIX вѣка. Послѣ „Ненависти къ людямъ и раскаянія“ вышли:

Великодушная ложь (Die edle Lüge, Lpz. 1792), ком. въ 1 д. (служить продолженіемъ Menschenhass und Reue). М. 1795.

Сынъ любви (Das Kind der Liebe, Lpz. 1791), ком. въ 5 д. М. 1795), другой переводъ—М. 1801, 2-ое изд.—М. 1803.

Попуай (Der Paragei, Lpz. 1792), ком. въ 3 д. М. 1796 (2-ое изд. М. 1801. (Перевелъ А. Ѳ. Малиновскій, см. *Сопиковъ*, Опытъ росс. библ., ред. *Рогожина*, примѣч. къ № 3430).

Сцена изъ трагедіи г. Коцебу *Adelheid von Wulfingen* (Lpz. 1788)—Пріят. и пол. препр. врем., ч. XIX (М. 1798), стр. 161—174.

Бѣдность и благородство души (Armuth und Edelsinn, Lpz. 1795), ком. въ 3. д. М. 1798. (Перевелъ А. Ѳ. Малиновскій: *Сопиковъ*, ред. *Рогожина*, примѣч. къ № 5305).

Добрый Морицъ или своеобразный (Bruder Moritz der Sonderling, Lpz. 1791), ком. въ 3 д. С.-Пб. 1799.

Ла Перузъ (La Peugrouse, Lpz. 1799) С.-Пб. 1799.

Индійцы въ Англии (Die Indianer in England, Frankf. u. Lpz. 1790), ком. въ 5 д. Смоленскъ 1800. Перевелъ Янковичъ (*Сопиковъ*, ред. *Рогожинъ*, № 5406). Въ Москвѣ былъ сдѣланъ другой переводъ: *Индійцы въ Англии*, переводъ актера Панова подъ надзираніемъ Николая Одоевскаго. Не напечатанъ, хотя разрѣшеніе цензуры было дано 15-го декабря 1797 года (*Рогожинъ*, Матеріалы для русс. бібліографіи, т. I, стр. 65, № 91).

¹⁾ Мелочи изъ запаса моей памяти, стр. 51.

²⁾ Письмо отъ 22-го февраля 1799 г.—*Боброеъ*, Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в., томъ III, стр. 117.

³⁾ Письмо отъ 1-го октября 1880 г.—Тамъ же, стр. 124.

Лейбъ кучеръ (Der alte Leibkutscher Peter des Dritten, Lpz. 1799), драматическій анекдотъ въ 1 д. С.-Пб. 1800; 2-ое изд. Смоленскъ 1802.

Жертва смерти (Der Opfertod, Lpz. 1798), драма въ 3 д., переводъ Титова С.-Пб. 1801; другой переводъ—М. 1803.

Гиперборейскій оселъ, или нынѣшній образъ воспитанія (Der hyperboräische Esel oder Die heutige Bildung, Lpz. 1799). М. 1801.

Человѣкъ въ 40 лѣтъ (Der Mann von vierzig Jahren, Lpz. 1795). С.-Пб. 1801.

Вдова и верховая лошадь (Die Wittwe und das Reitpferd, Lpz. 1796), драматическая бездѣлка въ 1 д. С.-Пб. 1801. (Сопиковъ-Рогожинъ № 3320).

Графъ Бургонскій (Der Graf von Burgund, Lpz. 1798), др. въ 5 д. С.-Пб. 1801. Другой переводъ—М. 1803.

Новое столѣтiе (Das neue Jahrhundert, Lpz. 1800), въ 1 д., перевелъ Н. Краснопольскій, Смоленскъ 1801. Другой переводъ—М. 1802. Еще переводъ той же пьесы: *Новый вѣкъ*, М. 1801.

Корсиканцы (Die Körsern, Lpz. 1799), драма въ 4 д. Смоленскъ 1801.

Несчастные мужья. М. 1801 (Сопиковъ-Рогожинъ № 3410). По-видимому, псевдепиграфъ: пьесы съ соответствующимъ заглавiемъ не показано въ библиографическомъ спискѣ драмъ Коцебу, составленномъ Rabanu ¹⁾).

Слѣдствiя невинной лжи. Смоленскъ 1801 (Сопиковъ-Рогожинъ, № 3454). Соответствующаго заглавiя также нѣтъ въ спискѣ Rabanu.

Прекрасная незнакомка (Die schöne Unbekannte, eine dramatisirte Erzählung. Kleine gesammelte Schriften von Kotzebue, I B.), переводъ Иринарха Нелидова, С.-Пб. 1801 (2-е изд. Смоленскъ 1803).

Щастiе все обманъ, горе тому, кто оно у насъ похититъ желаетъ (Alles Glück ist Täuschung, wehe dem, der sie uns raubt, Dramatische Anekdote.—Kl. ges. Schriften, I B.), переводъ Иринарха Нелидова. С.-Пб. 1801.

Бланка фронтъ-Монфоконъ (въ спискѣ Rabanu показана Johanna von Monfauson, Lpz. 1800), драма въ 5 д. М. 1802.

Вертопрахъ (Der Wildfang, Lpz. 1798), ком. въ 3 д., переводъ Петра Зубкова, М. 1802; другой переводъ—Смоленскъ 1803. Еще ранѣе, по заказу правленiя С.-Пб. Императ. театра, перевелъ эту

¹⁾ Rabanu, Kotzebue, 455 и слѣд.

пьесу Иванъ Делаacroa ¹⁾; въ этомъ переводѣ она и исполнялась въ 1799 г. на петербургской сценѣ.

Испанцы въ Перу или смерть Роллы (Die Spanier in Peru oder Rolla's Tod, Lpz. 1795), траг. въ 5 д., перевелъ Аркадiй Степановъ, С.-Пб. 1802. Другой переводъ—студента Немирова (*Рогожинъ*, Указатель къ Опыту р. библ. Сопикова, примѣч., стр. 275, къ № 11907 со ссылкой на дѣла москов. цензуры въ архивѣ стар. дѣлъ Москов. губ. правленiя за 1802 г.) М. 1803. Еще переводъ той же трагедiи, подъ заглавiемъ *Смерть Роллы* вышелъ въ Москвѣ, 1802.

Октавiя или рыдкiй примѣръ супружеской вѣрности и геройскаго патриотизма въ одной римлянкѣ (Octavia, ein Trauerspiel in 5 Aufz. Lpz. 1801), трагедiя въ 5 д. М. 1802.

Женскiй Якобинскiй клубъ (Der weibliche Jakobiner-Klubb, Lpz. 1791), въ 1 д. пер. Петръ Кайсаровъ. Смоленскъ 1802. Другой переводъ—Зандмарка—М. 1803. (Сопиковъ-Рогожинъ, № 5381).

Клейнсберги (Die beiden Klingsberg, Lpz. 1801), ком. въ 4 д. М. 1802.

Посещенiе, или страсть блистать въ обществѣ (Der Besuch oder die Sucht zu glänzen, Lpz. 1801), ком. въ 4 д. М. 1802.

Примиренiе двухъ братьевъ (Die Versöhnung oder Bruderzwist, Lpz. 1798), ком., М. 1802.

Хитрая вдова (Die schlaue Wittwe oder die Temperamente, eine Posse), ком. въ 1 д. М. 1802.

Контровка для письма, или опасности молодыхъ людей (Das Schreiberpult oder die Gefahren der Jugend, Lpz. 1800). Смоленскъ 1802. Другой переводъ: *Бюро или опасность молодости*, ком. въ 4 д. М. 1803. (перевелъ студентъ Немировъ: Сопиковъ-Рогожинъ, № 3319).

Награжденiе справедливости (Lohn der Wahrheit, Lpz. 1801), др. въ 5 д. М. 1802; 2-ое изд. М. 1803. Другой переводъ: *Награда истинны*, М. 1803.

Негры — невольники (Die Negersklaven, Lpz. 1795), др. въ 3 д., Смоленскъ 1802 (перевелъ Павелъ Ивановъ). Другой переводъ: *Негры въ неволь*, М. 1803 (перевелъ Андрей Тургеневъ. Сопиковъ-Рогожинъ, № 3405, 3406).

Недовольные мужья (Die klagenden Ehemänner—въ сборникѣ Die

¹⁾ Ему 2-го марта 1799 г. было уплачено за переводъ этой комедiи 95 рублей. Архивъ Дирекцiи Имп. Театровъ, вып. I, отд. 3, стр. 152, со ссылкой на распорядительныя книги дирекцiи.

üngsten Kinder meiner Laune, В. III), Смоленскъ 1802, Москва, 1803. Въ спискѣ Rabanu не отмѣчено.

Пожертвованіе собою. Смоленскъ 1802, М. 1803 (въ спискѣ Rabanu нѣтъ).

Эпиграмма (Das Epigramm, Lpz. 1801), ком. въ 4 д. М. 1803.

Ложный стыдъ (Falsche Scham, Wien 1798), ком. въ 4 д., М. 1803 (перевелъ Петръ Шварцъ. Сошниковъ-Рогожинъ, № 5433).

Нашъ Фрицъ (Unser Fritz — въ Almanach dramatischer Spiele zur geselligen Unterhaltung auf dem Lande, Berl. 1803), ком. въ 1 д. М. 1803.

Пажескія шутки (Pagenstreiche, Lpz. 1804), ком. въ 5 д. М. 1803. (? Sic: Сошниковъ-Рогожинъ, № 5542).

Родственники (Die Verwandtschaften, Lpz. 1798), ком. въ 5 д. М. 1803.

Серебряная свадьба (Die silberne Hochzeit, Lpz. 1799), ком. въ 5 д. М. 1803.

Суматоха или своевольный (Der Wirwarr oder der Muthwillige, Lpz. 1803), ком. въ 5 д. М. 1803.

Дѣва солнца (Die Sonnenjungfrau, Lpz. 1791), др. въ 5 д. М. 1803.

Возращеніе отца (Die Zurückkunft des Vaters, ein Vorspiel, Lpz. 1802), др. въ 1 д. М. 1803. Было еще изд.—Смоленскъ 1803.

Глухо-нѣмой, или Аббатъ л'Ене (Der Taubstumme oder der Abbé de l'Érêe, Lpz. 1800), др. въ 5 д. М. 1803.

Графъ Вальтронъ (въ спискѣ Rabanu нѣтъ), др. въ 5 д. М. 1803.

Густавъ Ваза (Gustav Wasa, Lpz. 1801), др. въ 5 д. М. 1803.

Игра въ пѣтухи (Der Hahnenschlag — въ Almanach dramatischer Spiele, Berl. 1803), драматич. бездѣлка въ 1 д. М. 1803.

Клеветники (Die Verleumder, Lpz. 1795), др. въ 5 д. М. 1803 (перевелъ Андрей Тургеневъ).

Милосердные братья (Die barmherzigen Brüder, въ Almanach dram. Spiele, Berl. 1803), драматич. бездѣлка. М. 1803.

Мудрая женщина въ лѣсу, или нѣмой Рыцарь (Die kluge Frau im Walde oder der stumme Ritter, Lpz. 1801), др. въ 5 д. М. 1803.

Рыцари крестовыхъ походовъ (Die Kreuzfahrer, Lpz. 1803), др. въ 5 д. М. 1803.

Съ Коцебу, какъ авторомъ повѣствовательныхъ произведеній, русскую публику началъ знакомить Карамзинъ. Въ Московскомъ Журналѣ 1791 г., часть IV, стр. 13 — 32, напечатанъ разсказъ: *Марія*

Сальмонъ или Торжество добродѣтели, переводъ съ нѣмецкаго. Въ концѣ поставлена подпись: *Конецу*, и сдѣлана выноска: „Сочинитель Ненависти къ людямъ и раскаянія“.

„Марія Сальмонъ“¹⁾—чувствительная повѣсть на моральную тему. Въ подлинникѣ заглавіе ея: *Maria Francisca Victoria Salmon, oder der Triumph der Unschuld*; помѣщена въ I томѣ сборника *Kleine gesammelte Schriften von Kotzebue* (1-е изд. Лpz. 1787—1791).

Изъ того же сборника взятъ рассказъ *Прогулка арабскаго философа Ал-Рашида*²⁾ (*Spaziergang des arabischen Philosophen Al-Raschid—Kl. ges. Schr., B. I*), помѣщ. въ VI части Московскаго Журнала (1792 г., стр. 17—22).

Въ журналѣ „Муза“, 1796 г., часть II, стр. 78—87, Карамзинъ напечаталъ рассказъ подъ названіемъ *Кто бы сему повѣрилъ*; въ подстрочномъ примѣчаніи (стр. 78) отмѣчено: „Переведено изъ книги *Die jüngsten Kinder meiner Laune von A. v. Kotzebue*“. (II томикъ, стр. 315—325: *Wer hätte das geglaubt? Eine unglückliche Begebenheit, welche einem Ehemanne wiederfuhr*).

Рассказъ этотъ—сатирическая выходка по адресу великосвѣтскихъ мужей, подчиняющихся предрасудку, что любить жену, показываться съ ней въ обществѣ—съ свѣтскими уставами не согласно³⁾.

¹⁾ Содержаніе: Марія Сальмонъ, „любезная двадцати-лѣтняя дѣвушка, въ глазахъ которой видна была добрая невинная душа“, живя въ качествѣ служанки въ одномъ домѣ, была обвинена въ отравленіи одного изъ жильцовъ — 80-лѣтняго старика — и приговорена къ смертной казни; Ле Кошуа, „адвокатъ Руанскаго парламента, молодой человекъ съ великими дарованіями“, будучи увѣренъ въ невинности Маріи, добивается пересмотра ея дѣла и оправданія подсудимой. Добродѣтельная Марія реабилитирована; Кошуа признается ей въ любви, — и она „посвятивъ слезу“ своему пражнему жениху, Шарлю, отдаетъ и сердце и руку своему благодѣтелю.

²⁾ Арабскій мудрецъ, понимавшій языкъ всѣхъ тварей, подслушиваетъ во время прогулки поразившую его рѣчь насѣкомаго о томъ, что заботы живого существа, его труды, подвиги, слава—ни къ чему собственно не ведутъ въ виду неизбѣжности гибели, уничтоженія всего существующаго.

³⁾ Содержаніе рассказа таково: Въ Вѣлѣ нѣкій баронъ, женившись, продолжалъ, согласно свѣтскимъ правиламъ, вести жизнь молодого повѣсы; жена его должна была вести также свѣтскую жизнь. „Иногда она встрѣчалась съ своимъ мужемъ, они не избѣгали другъ друга, однакожь и не искали. Съ самаго бракосочетанія она рѣдко видалась, а послѣ не имѣла уже для сего и времени“... Однажды вечеромъ баронъ „вдругъ вспомнилъ, что онъ женатъ“. Онъ послалъ слугу спросить баронессу, можетъ ли онъ „имѣть удовольствіе ее видѣть“. Баронесса, „прелюбезная дочь одного деревенскаго помѣщика,—цвѣтокъ, которой отъ придворнаго воздуха нѣсколько склонилъ головку, но не совсѣмъ увялъ“, —теперь превратившаяся въ свѣтскую даму,—любезно

Нѣсколько лѣтъ спустя отрывокъ этотъ вновь былъ переведенъ— уже безъ сокращеній, вызванныхъ у Карамзина, повидимому, прет-увеличенной стыдливостью, — В. Поляковымъ въ журналъ „Иппокрена“ (1801 г., часть XI, стр. 324—334), подъ заглавіемъ: *Кто бы это думалъ* ¹⁾. Разказъ, видимо, правился: явился новый переводъ, на этотъ разъ отдѣльнымъ изданіемъ: *Кто бы этому повѣрилъ*, пер. съ нѣм. Петръ Кайсаровъ. Смоленскъ, 1802.

Учитель Московской главной школы Матвѣй Алексѣевъ перевелъ романъ Коцебу *Die Geschichte meines Vaters oder Wie es zugeing dass ich geboren wurde* (Ein kleiner Roman in zwölf Kapiteln. Reval und Lpz. 1788), который и вышелъ подъ заглавіемъ: *Жизнь моего отца или какъ случилось, что я родился. Повесть въ одиннадцати (sic!) главахъ, представляющая въ весьма пріятномъ, забавномъ и привлекательномъ видѣ различные непредвидимые случаи, встречающіеся*

приняла барона какъ гостя; онъ остался ужинать. „Они кушали и были веселы безъ дальняго шума. Это тихое удовольствіе было для нихъ привлекательною новостью. Они совсѣмъ вновь познакомились другъ съ другомъ“... Послѣ ужина они разстались какъ чужіе. Но на слѣдующій день барона опять повлекло провести вечеръ у жены, которую онъ находилъ очень перемѣнившуюся и „несравненно прелестнѣе“, нежели въ то время, когда женился. Онъ просилъ позволенія пить утромъ у нея шоколадъ. Во время утренняго визита онъ признался, что любить ее, и они условились провести вмѣстѣ и третій вечеръ. На этотъ разъ они уже не разстались послѣ ужина; ледяная стѣна свѣтскихъ уставовъ растаяла. „Ахъ, кто бы это подумалъ? Амалія очень примѣтила, что уже было поздно, но больше не смотрѣла на часы. Мужъ ея ни малѣйшаго не дѣлалъ вида, что хочетъ оставить“... Вмѣстѣ уѣхали они въ деревню; незамѣтно пролетѣло лѣто; осенью возвратились въ городъ. „Въ тотъ же еще самый день посѣтила она театръ, и герой нашъ имѣлъ столько духу, что показался съ своей женою въ одной ложѣ.—Кто бы это думалъ? Вотъ какъ далеко могутъ увлечь шагъ безразсудности! *Spiegelt auf, ihr Gemanner der grossen Welt. an diesem traurigen Beyspiele!*“!

¹⁾ *Муза* 1796 г. II, 79:

Съ сими дарованіями могъ онъ безъ сомнѣнія сдѣлать свое счастье. Онъ испыталъ все, наслаждался всѣмъ, и все наконецъ ему наскучило.

Иппокрена, XI, 324—325:

Съ такими свойствами ему ничего не стоило составить себѣ счастье. Одна изъ его любовницъ сдѣлала его камеръ-юнкеромъ, другая полковникомъ, третья камергеромъ, четвертая гофмаршаломъ. Онъ все испыталъ, всѣмъ наслаждался, и все наконецъ ему наскучило. Съ нимъ то же случилось, что съ премудрымъ Соломономъ, который дошелъ до того, что имѣлъ триста наложницъ, послѣ однакожь утверждалъ, что все на свѣтѣ суета.

человѣку въ жизни; какъ управляемъ бываетъ оный непонятнымъ степенемъ обстоятельствъ, разрушающихъ и уничтожающихъ часто всю его нампренія; — непостижимость судьбы, подвергающей насъ непремьному своему закону. Сочиненіе Г. Коцебу. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, въ Университетской типографіи. 1798 ¹⁾. 2-ое изд. — М. 1803. Приведенное заглавіе русскаго перевода въ достаточной степени характеризуетъ это произведеніе Коцебу.

Явился и другой переводъ: *Жизнь моего отца, или какъ произошло мое рожденіе*, переводъ съ нѣмецкаго В. Ш. С.-Пб. 1806.

Другой романъ Коцебу: *Die gefährliche Wette* (Ein kleiner Roman in zwölf Kapiteln, Lpz. 1790) также вышелъ въ двухъ переводахъ: *Опасный закладъ, или сколько женщины могутъ полагаться на вѣрность своихъ мужей*, перев. Н. Краснопольскій, — и *Опасный споръ или* и проч., перев. Алексѣевъ (С.-Пб. 1799, 1800).

Повѣсть Коцебу *Zaide oder Die Enthronung Muhameds des Vierten* (Historische Novelle, Lpz. 1786) была переведена Кондратомъ Кудрявцевымъ ²⁾ и издана подъ заглавіемъ:

Заида, прекрасная россиянка, или низверженіе съ трона Магомета IV, историческій отрывокъ. Владиміръ 1800.

Нѣсколько позднѣе вышелъ переводъ романа *Die Leiden der Ortenbergischen Familie, erzählt von Kotzebue* (Lpz. 1787 — 1788), подъ заглавіемъ: *Страданіе Ортенберговой фамилии*, М. 1802. Другой переводъ: *Все щастіе здѣсь одна лишь мечта или страданія Ортенбергской фамилии*, Смоленскъ 1802.

Die jüngsten Kinder meiner Laune Коцебу привлекли особое вниманіе русской публики. Изданіе это представляетъ собой сборникъ повѣстей, небольшихъ романовъ, рассказовъ, драмъ, стихотвореній и т. д.; въ пятомъ томѣ помѣщенъ автобіографическій очеркъ *Mein literärischer Lebenslauf*. Всего вышло шесть томиковъ (Leipzig, 1793—1797). Первый томикъ содержитъ: 1) небольшой романъ *Der unterirdische Gang*; eine Ehstländische Volks-Sage aus Chroniken und mündlichen Traditionen gesammelt; 2) *Die Geschichte unserer Unwissenheit, in Briefen an eine Dame*, и 3) начало комическаго романа, направленнаго противъ французской революціи: *Der lange Hans oder die Rechte des Menschen, ein Freyheits-Roman, I Buch* (продолженія не было).

¹⁾ *Рогожинъ*, Матеріалы для русской библіографіи, томъ 1, стр. 17—18.

²⁾ *Сопиковъ*, Опытъ русской библіографіи, редакція *Рогожина*, примѣчаніе къ № 5771.

Содержаніе второго тома составляет рядъ небольшихъ повѣстей и разсказовъ: Die geheilte Schwärmerin—eine Scene aus der grossen Welt; Briefe zweyer Liebenden Peter Lachs eines Fischers und Dorothea Seifenschaum einer Wäscherin; Die kleinste Lüge ist gefährlich — eine wahre Begebenheit; Meide den Schein — eine Erzählung; Wer hätte das geglaubt—eine unglückliche Begebenheit, welche einem Ehemanne wiederfuhr; затѣмъ слѣдуетъ довольно большое стихотвореніе Ausbruch der Verzweiflung и нѣсколько стихотвореній меньшаго размѣра, а кромѣ того—цѣлый рядъ небольшихъ (въ нѣсколько страничекъ) разсказцевъ, анекдотовъ и т. п.: Ein paar alte Zeitungsnachrichten, Welche Farbe muss man haben, um lebenswürdig zu seyn? Standrede am Grabe einer Fledermaus, Der Tod des Fürsten P**, Die hartnäckige Wette, Brief eines Einsiedlers an seinen Freund, Weiberrizist, Wischiwaschi, Was ist grob, und was ist höflich? Ein Beytrag zu Knigges Buch über den Umgang mit Menschen, Einige Denkprüche für das gesellige Leben, Eine genealogische Aufgabe, Der Tod, Das Iohanniswürmchen, Die Ehrlichkeit, Der Bramine, Der Unterschied und die Vereinigung der Stände, Die Maus, Der von Zahnschmerzen geplagte Löwe, Der Schmetterling und die Turteltaube, Das Alter, Apulejus, и др.

Содержаніе третьяго тома: Die Taube — eine Erzählung; Die klagenden Ehemänner—ein rührendes Drama; Das stolze Bewusstseyn—eine persische Erzählung; Ninons Ketzereyen in der Liebe; So liebt kein Mann!—eine wahre Geschichte; Die neue Atalanta—eine Begebenheit, die sich im Jahr 1757 bey Dinau in Bretagne zutrug; Der Zauberreiz der Sittsamkeit — eine griechische Erzählung, рядъ другихъ разсказцевъ (Eine Jugendgeschichte des Verfassers, Hingeworfene Gedanken welche durch das vom Herrn Grafen von Soden projectirte deutsche Pantheon, und die in Girtanners Journal darüber enthaltenen Aufsätze entstanden sind, Das Schaaf und der Bullenbeisser, Das Wasserbecken und die Quelle, Der schöne Minnesinger, Der Schlüssel zum Geheimniss der klugen Welt, August, Christel und Amor, ein Dialog am Geburtstage meines lieben Weibes) и нѣсколько стихотвореній.

Содержаніе четвертаго тома: 1) Geprüfte Liebe—eine Erzählung, I Theil, 2) Diderots Gespräch mit Madame D** von ihm selbst erzählt, 3) Abelard und Heloise.

Содержаніе пятаго тома: Die Flucht (повѣсть), Mein literärischer Lebenslauf (автобіографическій очеркъ) и Die Wittve und das Reitpferd—eine dramatische Kleinigkeit.

Весь шестой томъ занимаетъ вторая часть повѣсти Geprüfte Liebe.

Почти всё болѣе или менѣе значительныя повѣсти этого сборника появились въ русскомъ переводѣ; кромѣ указанныхъ выше смоленскихъ изданій переводовъ П. С. Кайсарова, должно отмѣтить:

Подземный ходъ, эстлянская повѣсть, Москва, 1802,

Исторія нашего невѣжества, Смоленскъ, 1802.

Домій Иванъ или права чловѣка; романъ вольности. Смоленскъ, 1802.

Удалый блеску. Смоленскъ, 1802.

Голубокъ, повѣсть. М. 1802.

Самодовольство или мнимое щастіе, персидская повѣсть, Смоленскъ, 1802.

Впрная Амалия, или мужчина не можетъ такъ любить, справедливая повѣсть. Смоленскъ, 1802. Другой переводъ подъ заглавіемъ: *Впрная Лиза* и проч. М. 1802 (перевелъ В. С-нъ).

Абельярдъ и Элоиза, съ присовокупленіемъ двухъ повѣстей: 1) *Новая Аталанта* и 2) *Очаровательная прелесть скромности*. Смоленскъ, 1802.

Постоянная любовь, или мальчикъ у ручья, повѣсть, перевелъ съ нѣмецкаго Андрей Версиловъ. Смоленскъ, 1802.

Моя ученая жизнь. Смоленскъ, 1802.

Побѣгъ. Смоленскъ, 1802.

Переводы драматическихъ пьесъ *Недовольные мужья* (Смоленскъ, 1802) и *Вдова и верховая лошадь* (С.-Пб., 1801) уже отмѣчены выше.

Въ Смоленскѣ же, въ томъ же 1802 году, вышелъ цѣлый сборникъ *Младшіе дѣти моего веселаго духа, сочиненіе Г. Коцебу*, въ шести частяхъ. Смоленскъ, 1802. Названіе сборника взято у Коцебу, но въ составъ его вошли не только повѣсти изъ *Die jüngsten Kinder meiner Laune*: напротивъ, многіе изъ этихъ послѣднихъ отсутствуютъ и наоборотъ въ III и IV части внесены рядъ повѣстей и рассказовъ, которые Коцебу издалъ ранѣе ¹⁾.

„Младшіе дѣти“ открываются такимъ „предувѣдомленіемъ“:

Почтенная публика съ удовольствіемъ читаетъ сочиненія господина Коцебу, изъясняющаго чувствованія свои, смотря по различію предметовъ, имъ описуемыхъ, забавнымъ, пріятнымъ, нѣжнымъ, трогательнымъ образомъ.—Симъ понужденъ будучи, рѣшился я *собрать* *всѣ мелкія его прозаическія сочиненія*, перевести съ нѣмецкаго, и

¹⁾ Нѣмецкія заглавія этихъ послѣднихъ сообщены ниже въ подстрочныхъ выносахъ.

издать ихъ на Россійскомъ языкѣ, которыя нынѣ въ VI частяхъ подь названіемъ „Младшіе дѣти моего веселаго духа“ издаю, ласкаюсь несомнѣнною надеждою, что онѣ столько же благосклоннаго удостоены будутъ принятія вмѣстѣ, какъ и порознь принимаемы были. Издатель.

Содержаніе I части:

Вѣрная Амалія или мущина не можетъ такъ любить, справедливая повѣсть (стр. 1—67).

Любовное лжеученіе Ниноны (стр. 68—129).

Опроверженныя мысли, которыя произошли по случаю прожектированнаго графомъ Соденъ нѣмецкаго Пантсона и содержащихся объ ономъ въ Гиртаннеровомъ журналѣ начертаній (стр. 130—154).

Прекрасный любовный пѣвецъ, истинная повѣсть (стр. 155—168).

Содержаніе II части:

Голубокъ, повѣсть (стр. 1—46).

Августъ, Кристель и Амуръ, разговоръ въ день рожденія моей любезной супруги (стр. 47—50).

Самодовольство или мнимое щастіе, персидская повѣсть (стр. 51—113; имѣетъ особую пагинацію: 1—65).

Женской раздоръ (стр. 114—120).

Апулей. Сія статья сочинена на образецъ Белевой, находящейся въ его критическомъ словарѣ подь симъ же именемъ (стр. 121—142).

Анфигури (стр. 143—148) ¹⁾.

Старость (стр. 149—161).

Упорный закладъ (стр. 162 — 164; это — перепечатка перевода П. С. Кайсарова).

Овца и меделянская собака (стр. 165—166).

Водопадъ и источникъ (стр. 167—168).

Содержаніе III части:

Абелардъ и Элоиза (стр. 1—31).

Новая Аталанта, приключеніе, бывшее въ Бретани въ 1757 г. при Динанѣ (стр. 32—39).

Очаровательная прелесть скромности, греческая повѣсть (стр. 40—49).

Геній покровитель (стр. 50—123) ²⁾.

¹⁾ Wischiwachi—Die jüng. Kinder., B. II, S. 109.

²⁾ Der Schutzgeist (перепечатано въ сборникѣ „Kleine Romane, Erzählungen, Anekdoten und Miscellen“ von A. v. Kotzebue, Lpz. 1805, II Bändchen, SS. 8—70).

Гробница на холмѣ (стр. 124—164) ¹⁾.

Отрывокъ изъ журнала одного заслуженнаго русскаго офицера (стр. 165—168) ²⁾.

Содержаніе IV части:

Ужасы фанатизма въ Торунѣ въ 1724 году (стр. 1—32) ³⁾.

Воздушные шары (стр. 39—40) ⁴⁾.

Наружность обманчива (стр. 41—65) ⁵⁾.

Марія Франциска Викторія Салмонъ, или торжество невинности (стр. 66—87) ⁶⁾.

Прогулки арапскаго философа Аль-Рашида (стр. 88—92) ⁷⁾.

Нѣкоторыя черты изъ жизни добраго Музея, написанныя рукою ученика его (стр. 93—118) ⁸⁾.

Индіанки на берегахъ Ороноко (стр. 119—124) ⁹⁾.

Анекдоты (стр. 125—129) ¹⁰⁾.

Нѣчто изъ исторіи о мученикахъ (стр. 130—133) ¹¹⁾.

Браминъ (стр. 134 — 140; переводъ П. С. Кайсарова, мѣстами немного передѣланнѣй).

Письмо пустытника къ пріятелю (стр. 141 — 156; переводъ П. С. Кайсарова).

Кто бы этому повѣрилъ (стр. 157—168; переводъ П. С. Кайсарова).

Содержаніе V части:

Излѣченная мечтательница, сцена изъ большого свѣта (стр. 1—53).

Удаляйся блеску, повѣсть (стр. 54—99).

¹⁾ Das Grab auf dem Hügel (перепечатано въ томъ же сборникѣ, I B. Ss. 275—307).

²⁾ Fragment aus dem Tagebuche eines sehr verdienten Russischen Officiers (Kleine gesammelte Schriften, III B.).

³⁾ Gräuel des Fanatismus zu Thorn, im Jahre 1724 (ibidem, B. I),

⁴⁾ Die Luftballe (перепеч. въ сборникѣ „Kleine Romane, Erzählungen“ etc., II, 1—8).

⁵⁾ Der Schein trägt, ein altes Sprüchwort durch ein neues Beyspiel bestätigt (Kl. ges. Schriften, B. I).

⁶⁾ M. F. V. Salmon oder Triumph der Unschuld (Kl. Ges. Schriften, B. I).

⁷⁾ Spaziergang des arabischen Philosophen Al-Raschid (Kl. Ges. Schr., B. I).

⁸⁾ Eine Züge aus dem Leben des guten Musäus von Hand seines Schülers entworfen (ibid., B. IV).

⁹⁾ Die Weiber der Indianer an den Ufern des Oronoko (ibid., B. III).

¹⁰⁾ Anekdoten (ib., B. III).

¹¹⁾ Etwas aus der Geschichte der Martyrer (ibid., B. III).

Письма двухъ любовниковъ рыбака Петра Окунькова и прачки Дарьи Мыльниковой (стр. 100—140; переводъ П. С. Кайсарова).

Нѣсколько отрывковъ изъ старыхъ вѣдомостей (стр. 141—146; переводъ П. С. Кайсарова).

Свѣтлякъ или Ивановъ червячекъ (стр. 147—151; переводъ П. С. Кайсарова).

Надгробное слово на могилѣ летучей мыши (стр. 152—155; переводъ П. С. Кайсарова).

Мышь (стр. 156—158).

Нѣкоторыя изреченія, касающіяся общественной жизни (стр. 159—161; переводъ П. С. Кайсарова).

Генеалогическая задача (стр. 162—164; переводъ П. С. Кайсарова).

Анекдотъ дѣтства сочинителя (стр. 165—168).

Содержаніе VI части:

Краткая исторія о Флибустирахъ, описанная по Райналю (стр. 1—59 ¹).

И малѣйшая ложь опасна, справедливое приключеніе (стр. 60—99; переводъ П. С. Кайсарова).

Прибавленіе къ Книггесову сочиненію о обращеніи съ людьми (стр. 100—117; переводъ П. С. Кайсарова).

Смерть, отрывокъ изъ письма Сенеки (стр. 118—128; переводъ П. С. Кайсарова).

Что грубо и что учтиво (стр. 129—135; переводъ П. С. Кайсарова).

Ключъ къ секрету умнаго свѣта (стр. 136—142).

Какого должно быть цвѣта, чтобы быть любезнымъ (стр. 143—147; переводъ П. С. Кайсарова).

Терзаемый зубною болѣзнию Левъ (стр. 148—152).

Честность (стр. 153—155).

Смерть князя П. (стр. 156—158).

Горлица и бабочка (стр. 159—160; переводъ П. С. Кайсарова) ²).

¹) Kurze Geschichte der Flibustier, erzahlt nach Raynal (Kl. Ges. Schriften, V. Ш).

²) При перепечаткѣ переведенныхъ П. С. Кайсаровымъ и изданныхъ отдѣльно рассказовъ Коцебу, въ текстѣ переводовъ Кайсарова мѣстами, изрѣдка, измѣнено то или другое слово и выраженіе: переводы подверглись пересмотру со стороны самого Кайсарова или, можетъ быть, редактора сборника „Младшія дѣти моего веселаго духа“.

Различіе и соединеніе состояній (стр. 161—162).

Вотъ теченіе въ русской переводной беллетристикѣ, къ которому примкнулъ Жуковскій. Въ статьѣ „О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи“ Карамзинъ писалъ въ 1802 г.: Теперь въ страшной модѣ Коцебу; и какъ нѣкогда парижскіе книгопродавцы требовали „Персидскихъ Писемъ“ отъ всякаго сочинителя, такъ наши книгопродавцы требуютъ отъ переводчиковъ и самихъ авторовъ—Коцебу, одного Коцебу!! Романъ, сказка, хорошее или дурное — все одно, если на титулѣ имя славнаго Коцебу! ¹⁾

Не удивительно, поэтому, что въ русскихъ переводахъ явилось подъ именемъ Коцебу нѣсколько такихъ произведеній, которыя ему и не принадлежали: славное имя было надписано съ чисто коммерческимъ расчетомъ на болѣе удачный сбытъ товара. (То же самое было позднѣе и съ именемъ г-жи Жанлисъ: см. Сопиковъ - Рогожинъ, примѣч. къ № 6290).

XVII.

Самая обширная повѣсть въ сборникѣ Коцебу *Die jüngsten Kinder meiner Laune*—это *Geprüfte Liebe, eine Erzählung*; она занимаетъ большую часть IV тома (Lpz. 1795, стр. 7 — 274) и весь VI т. (Lpz. 1797, стр. 1—290).

Повѣсть увлекла читателей: въ 1799 г. въ Лондонѣ вышелъ англійскій ея переводъ ²⁾, въ 1802 г. въ Парижѣ—французскій переводъ ³⁾. Московскій книгопродавецъ Зеленниковъ въ 1801 г. издалъ русскій переводъ, исполненный Жуковскимъ: *Мальчикъ у ручья или постоянная любовь, повѣсть г. Коцебу* (въ четырехъ частяхъ). Въ слѣдующемъ году явился другой переводъ, сдѣланный въ Петербургѣ и напечатанный въ Смоленскѣ: *Постоянная любовь или мальчикъ у ручья. Повѣсть. Сочиненіе г. Коцебу. Перевелъ съ нѣмецкаго Андрей Версильовъ* ⁴⁾. Смоленскъ. 1802 (въ четырехъ частяхъ).

¹⁾ *Вѣстникъ Европы* 1802 г., часть III, стр. 60—61.

²⁾ *The constant lover or William and Jeannette, a tale from the german of A. von Kotzebue. Londres, 1799 (2 vol.)*.

³⁾ *Jeannette et Guillaume ou L'amour éprouvé, traduit de l'allemand par le citoyen D (uper) che. Paris, 1802*.

⁴⁾ Изъ брошюры: „Краткое извѣстіе о жизни Андрея Павловича Версильова, имъ самимъ написанное и собственною его рукою“. С.-Пб. 1895 г. (за указаніе этой брошюры приношу благодарность М. В. Аксенову),—узнаемъ, что Версильовъ род. въ

Gepfufte Liebe представляет собой своего рода roman d'aventures, но съ дѣйствующими лицами изъ бюргерской среды и съ соответственными такой средѣ подвигами и приключеніями, изображеніе и освѣщеніе которыхъ окрашено сентиментализмомъ второй половины XVIII вѣка.

Заглавіе „Мальчикъ у ручья“ Жуковский взялъ отъ картинки, которою открывается первая глава повѣсти: заглавіе ея—*Мальчикъ*; начало: Вильгельмъ *сидѣлъ у ручья* подъ березою (курсивъ самого Жуковского; курсивъ этотъ, повидимому, и объясняетъ происхождение заглавія) ¹⁾. Изъ коры молодого ракитнаго сучка вырѣзаль онъ для себя свирѣль и наигрываль на ней печальныя, однозвучныя пѣсни; онъ часто останавливался, неподвижно устремлялъ глаза свои *въ ручей* (курсивъ Жуковского) и плакалъ горькими слезами;—шага на два отъ берегу лежала его шляпа, а въ шляпѣ—кусочъ чернаго хлѣба. Ласточки и коноплянки порхали около него съ вѣтки на вѣтку; потомъ, спустясь ниже-ниже, усѣлись безъ всякой церемоніи на шляпу, и начали клевать хлѣбныя крошки.—Вильгельмъ видѣлъ это, улыбался сквозь слезы и принуждалъ себя рыдать тише, чтобъ не помѣшать маленькимъ гостямъ своимъ ²⁾.

Сентиментальныя тенденціи обнаруживаются съ первыхъ же страницъ повѣсти. Къ Вильгельму подходятъ „толстый пожилой человекъ“ и „миловидная одиннадцати-лѣтняя дѣвочка“, его дочка; они спрашиваютъ, о чемъ онъ плачетъ. „Вильгельмъ испугался и покраснѣлъ, какъ будто бы его застали въ дурномъ дѣлѣ. Люди стыдятся *благороднѣйшаго своего отличія*, стыдятся *слезъ* (Die Menschen schämen sich einer Gabe, die doch von ihrer edlen Abkunft zeugt. Sie schämen sich der Thränen). Никто не хочетъ, чтобъ видѣли, какъ онъ плачетъ; всякой старается скрыть свои слезы—скрыть послѣдній признакъ чело-вѣчества (die letzte Spur der Menschheit“ ³⁾. Вильгельмъ, 13-ти-лѣтній

Смоленской губ. въ 1772 г., учился въ Смоленской духовной семинари, въ 1794 г. былъ отправленъ на казенный счетъ въ С.-Пб. учительскую гимназію, по окончаніи курса преподавалъ въ частныхъ пансіонахъ и занимался литературой, въ 1797 г. поступилъ преподавателемъ языковъ въ Горное училище, въ 1799 г. перемѣщенъ былъ въ Бергъ-Коллегію, позднѣе служилъ при соляныхъ промыслахъ, въ тамошнѣ. Автобіографія доведена до 1840 года.

¹⁾ Прибавку къ заглавію „или мальчикъ у ручья“ въ переводѣ А. Версикова могу объяснить только вліяніемъ напечатаннаго уже перевода Жуковского.

²⁾ Мальчикъ у ручья, книжка первая, стр. 1—2.

³⁾ Gepfufte Liebe, I, 8; Мальчикъ у ручья, I, 3.

сынъ носильщика Ганза Визе, плакаль о томъ, что отецъ его не въ состояніи болѣе платить за него въ школу, и ему приходится бросить ученіе. По просьбѣ дѣвочки, толстый господинъ обѣщаль самъ платить за Вильгельма въ училище; тогда— „Вильгельмъ схватилъ правую его руку и обливаль ее слезами; маленькая дѣвочка пѣловала лѣвую; старикъ былъ очень растроганъ. Вильгельмъ подарилъ малюткѣ свою пастушью свирѣль; она приняла ее съ радостью, кивнула головой, и отдала ему въ замѣну свой букетъ полевыхъ колокольчиковъ. Они не говорили ни слова, но дѣвочка съ удовольствіемъ посматривала на свою флейту, а Вильгельмъ прижималь колокольчики къ сердцу“ ¹⁾.

Толстый господинъ былъ французскій эмигрантъ Жеромъ, его дочь называлась Лизой. Вильгельмъ выросъ, выучился; онъ и Лиза полюбили другъ друга. Одинъ разъ, чтобы достать Лизѣ яблоко, Вильгельмъ полѣзъ на дерево, упалъ и сломаль ногу; Лиза ухаживала за больнымъ. Въ другой разъ въ погонѣ за улетѣвшею любимой канарейкой Лизы Вильгельмъ переплыль рѣку, простудился и заболѣлъ лихорадкой; Лиза опять ходила за нимъ. Выздоровливая, Вильгельмъ, какъ бы въ бреду, признался ей въ своей любви.

Вильгельмъ получилъ мѣсто школьнаго учителя. Онъ посватался за Лизу; но Жеромъ отказаль, желая себѣ богатаго зятя. Вильгельмъ въ отчаяніи пошелъ въ солдаты. Здѣсь онъ встрѣтился и подружился съ Фрицемъ Перльстатомъ. Послѣдній во время ссоры убилъ одного изъ товарищей. Вильгельмъ взялъ вину на себя и бѣжалъ.

На пути онъ былъ ласково принятъ въ домъ благодушнымъ по наружности богатымъ толстякомъ-хозяиномъ; отъ него онъ получилъ рекомендательное письмо къ знакомому, который долженъ былъ благополучно препроводить Вильгельма дальше. Ночью жившая у толстяка дѣвушка разрѣшилась отъ бремени; толстякъ умертвилъ ребенка и зарылъ его въ саду; Вильгельмъ черезъ щель двери заглянулъ въ комнату и въ родильницѣ узналъ свою Лизу! Въ ужасѣ онъ бѣжалъ прочь изъ пріютившаго его дома.

Полученное рекомендательное письмо Вильгельмъ все-таки снесъ по адресу, но оказалось, что толстякъ предалъ его въ руки полиціи, и Вильгельмъ оказался къ тюрьмѣ. Онъ однако успѣлъ открыть злодѣяніе своего хозяина, и толстякъ попалъ въ тюрьму; пронырливость однако спасла его отъ казни, и онъ бѣжалъ. Лиза долго была больна, а когда выздоровѣла, ее также заключили въ тюрьму—ту самую, гдѣ

¹⁾ Мальчикъ у ручья, I, 9—10; Geogr. Liebe, I, 12.

томился Вильгельмъ: такъ встрѣтились влюбленные. Лиза рассказала, какъ умеръ ея отецъ, оставивъ ее нищей, какъ она нашла сначала пріютъ у тетки, а затѣмъ поступила въ экономки къ тому толстяку, который оболыстилъ ее, и у котораго нашелъ ее Вильгельмъ во время родовъ. Во время этого разсказа Лизы Вильгельмово сердце раздиралось, слезы его катились градомъ и мѣшались со слезами Лизы.—„Я люблю тебя и буду любить по самую смерть свою! вскричалъ онъ рыдая“ (ч. I, стр. 189—190). Черезъ часъ влюбленные опять разлучились: Вильгельма увели на судъ. Невинность Вильгельма обнаружилась: Фрицъ признался, что убійство совершилъ онъ, Вильгельмъ отрицалъ это, бралъ вину на себя, слѣдствіе однако обнаружило истину; Вильгельмъ былъ освобожденъ, а Фрицъ наказанъ—нисходительно, благодаря обнаруженному благородству.

Таково содержаніе первой части повѣсти.

Началась война съ Франціей. Вильгельмъ и Фрицъ бились съ необыкновеннымъ мужествомъ, совершали чудеса храбрости. Вильгельмъ былъ произведенъ въ офицеры, совершилъ еще военный подвигъ на глазахъ самого короля. Король обласкалъ его, и онъ испросилъ помилованіе Лизѣ, томившейся въ тюрьмѣ. Вѣсть объ ея освобожденіи повезъ, по повелѣнію короля, самъ Вильгельмъ. Произошло нѣжное свиданіе. Вильгельмъ настаивалъ, чтобы Лиза вышла за него замужъ, но она, считая себя недостойною его послѣ своего паденія и боясь сдѣлать его несчастіе, тайно ночью бѣжала, оставивъ ему письмо, въ которомъ излагала благородныя причины, побудившія ее изъ любви къ нему отказаться отъ счастья быть его женою. Она заблудилась въ лѣсу и попала въ жилище эмигранта-голландца, ставшаго чудачкомъ-мизантропомъ. Она осталась въ его домѣ, и мизантропъ мало-по-малу смягчился, полюбилъ Лизу и предложилъ ей быть его женою. Лиза, разумѣется, не могла согласиться. Голландецъ, въ которомъ Лиза пробудила серьезное, глубокое чувство, жестоко страдалъ, не найдя на него отвѣта, и заболѣлъ; приближалась смерть; чтобы спасти его, Лиза согласилась выйти за него; они повѣнчались, но больной не выздоровѣлъ—и Лиза осталась богатою вдовой Ванъ Випперъ. Она поселилась въ ближайшемъ городѣ.

На этотъ городокъ напали и взяли штурмомъ непріатели—прусаки; жители подверглись насиліямъ солдатъ. Лизу отъ такихъ насилій спасъ молодой офицеръ, оказавшійся Фрицемъ Перльстатомъ, а затѣмъ въ ея домъ былъ принесенъ раненый при штурмѣ Вильгельмъ. Вновь увидѣлись влюбленные, не измѣнившіеся въ своемъ постоянствѣ

при всѣхъ превратностяхъ своей судьбы. Лиза стала женою Вильгельма.

Такова вторая часть.

Война продолжалась. Вильгельмъ и Фрицъ были взяты въ плѣнь и отправлены въ Францію. Слѣдуетъ новый рядъ приключеній. Друзья встрѣчаются съ молодой дѣвушкой (у Коцебу—Бабе, у Жуковского—Полиной), потерявшей отца и брата; Фрицъ влюбляется въ нее, а она—въ Вильгельма. Во время пожара Вильгельмъ спасаетъ изъ горѣвшаго дома, съ опасностью собственной жизни, двухъ дѣтей-малютокъ.

Это рассказывается въ третьей части. Содержаніе четвертой, послѣдней, части таково:

Лиза родила сына. Узнавъ о плѣнѣ мужа, она поѣхала къ нему во Францію, кипѣвшую революціей. Здѣсь она попала, укрываясь отъ буйствовавшей черни, въ домъ городского мера, который сталь усиленно добиваться ея любви. Оказалось однако, что Лиза—его двоюродная сестра.

Полина-Бабе была похищена тѣмъ самымъ толстякомъ, который обольстил Лизу и который жилъ теперь во Франціи подъ чужимъ именемъ. Вильгельмъ, сбившись съ дороги, во время прогулки попалъ къ дому развратнаго толстяка, услышалъ женскій крикъ о помощи, ворвался въ домъ и убилъ толстяка, спасая отъ насилія Полину. За убійство Вильгельмъ былъ осужденъ на смерть. Но его освобождаютъ изъ тюрьмы служившіе въ солдатахъ мужъ и братъ той женщины, дѣтей которой Вильгельмъ спасъ на пожарѣ. Лиза и Вильгельмъ опять соединяются; съ ними же и Полина. Всѣ ѣдутъ въ Швейцарію.

Но Вильгельмъ не могъ оставить Фрица въ плѣну и явиться бѣглецомъ на родину. Онъ возвращается во Францію. Лиза и Полина продолжаютъ путь на родину. Въ лѣсу ихъ захватываютъ разбойники. На разбойниковъ нападаетъ отрядъ гренадеръ, но разбойниковъ было больше, они побѣдили, начальствовавшій офицеръ былъ раненъ. Вдругъ явился другой отрядъ солдатъ, и разбойники были побѣждены. Во главѣ отряда стоялъ Вильгельмъ, а раненый разбойниками офицеръ былъ Фрицъ. Всѣ четверо такимъ образомъ соединяются: Вильгельмъ, Фрицъ, Лиза и Полина. Они возвратились на родину, Полина стала женою Фрица. „Оба друга повѣсили оружія свои на стѣну, поливали свою капусту и вмѣстѣ съ Волтеромъ говорили:

Ah! Cachons-nous, passons avec les sages,
Le soir serain d'un jour, melé d'orages.“

Переводъ Жуковскаго въ общемъ довольно близокъ къ подлиннику, хотя и не вездѣ точенъ. Подобно Карамзину въ переводѣ разсказа Коцебу „Кто бы сему повѣрилъ“ ¹⁾ Жуковскій также смягчалъ и выпускалъ то, что у Коцебу казалось рѣзкимъ, противорѣчащимъ сентиментальному настроенію его переводчика.

Толстякъ, погубившій невинность героини (у Жуковскаго она называется Лизой, у Коцебу—Jeannete, Hannchen), въ подлинникѣ—сластолюбивый католическій попъ (Pfaff) патеръ Иеронимъ, въ переводѣ Жуковскаго—откупщикъ Бертрамъ (часть I, глава XI).

Язвительныя выходки Коцебу по адресу католическаго духовенства вообще устраниаются Жуковскимъ:

Kotz. I, 34:

Jeder hat sein Stuckchen nach der Leyer gelernt, das er nicht länger singt als er muss. *Der Pfaff* gurgelt es von der Kanzel, und überlässt sich daheim seiner Pfaffenatur, indem er Beichtpfennige zählt.

Kotz. I, 53:

Stolzer als ein Kardinal, der vom sichtbaren Oberhaupt der Kirche das Recht empfangen, eine Purpurfarbene Maskenkleidung zu tragen, und ein weisses Pferd am guldenen Zügel zu lenken....

Kotz. I, 81:

Sie (braven Stiefmutter) sind eben so selten, *wie die braven Theologen.*

Жуков. I, 43—44;

Каждый изъ насъ выучиваетъ что-нибудь съ органомъ и поетъ столько времени, сколько ему должно. *Офицеръ* вытягивается во фронтъ и не смѣетъ сойти съ мѣста во время строя; но ученье кончилось, и онъ—танцуетъ въ маскарадѣ.

Жуковскій (I, 70) это сравненіе выпустилъ вовсе.

У Жуковскаго (I, 113) сравненіе выпущено.

Выпускались нашимъ переводчикомъ мѣста, отзывавшіяся религіознымъ вольнодумствомъ: Religion und Kleiderschnitt, Glaube und Haarlockenform sind dem allgewaltigen Scepter der Mode unterworfen u. s. w. (*Kotz. I, 15; срв. Жук. I, 14*). Der Unterschied ihrer Religion schreckte sie nicht, Liebende haben nur *eine* Religion (*Kotz. I, 51; срв. Жуков., I, 68*).

Не переводилъ Жуковскій и выходокъ Коцебу противъ своихъ литературныхъ недруговъ: Ганхенъ читаетъ больному Вильгельму

¹⁾ „Муза“ 1796 г., ч. II, стр. 78 и сл.—срв. Wer hätte das geglaubt! (Die jüngsten Kinder meiner Laune, II, 315...), о чемъ см. выше.

„den berühmten *Reineke Fuchs*, den Herr von Goethe mit einem neuem Pelz verzeihen hat“,—Коцебу называетъ эту книгу „das Buch gähnend“ (I, 44); у Жуковскаго—Лиза „читала книгу, не знаю какую, только очень скучную, ибо она зѣвала изо всей мочи“ (I, 58). Коцебу (I, 89): Hatte er vollends ein Glas Branntwein im Kopfe, so rieb er sich an Freund und Feind, *wie der Recenseat Huber*; у Жуковскаго сравненіе вышущено, какъ слишкомъ мало понятное для русскаго читателя.

Жуковскій смягчилъ такія рѣзкости, какъ Kotz. I, 83: пасынокъ кладетъ на праздничное платье злой мачехи „einen alten schmutzigen Kater, der die üble Gewohnheit hatte, die kostbarsten Dinge für Nachtgeschirre anzusehn“; у Жуковскаго, I, 116: „старога большого кота, который имѣлъ худую привычку и самыя дорогія вещи ставить за бездѣлку“.

Повидимому, рѣзкимъ, подлежащимъ смягченію, показалось Жуковскому даже такое мѣсто: Es giebt vier Gattungen glücklicher Menschen auf der Welt... Die drey Ersteren heissen: *der Trunkene—der Verliebte—das Kind* (Kotz., I, 50). Жуковскій перевелъ: „Только четыре человѣка могутъ назваться щастливыми въ свѣтѣ... Первые три называются: *осмѣленный—влюбленный—дитя*“ (I, 66—67).

Жуковскій стремился къ простотѣ стиля:

Kotz. I, 56:

Wenige Tage nach dieser frohen Begebenheit, holte der Tod ein halbes Dutzend Fursten und Grafen aus der Welt, und nahm bey dieser Gelegenheit auch den alten Packträger Hans Wiese mit, um sie dort von einem schärferen Examinator, als der General-Superintendent Horristopsilius war, betragen zu lassen: wie schwer eines jeden Packen gewogen? und ob sie ihn, ohne zu straucheln, von der Wiege bis an's Grab geschleppt?

Жуков. I, 75:

Черезъ нѣсколько дней послѣ радостнаго сего происшествія, носильщикъ Ганцъ Визе, сбросивъ свою жизненную ношу, отправился къ своимъ предкамъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Жуковскій своими перемѣнами въ переводѣ нарушаетъ нѣмецкій колоритъ повѣсти: вмѣсто wackere Gretgen (Kotz. I, 79) у Жуковскаго „милая Груша“ (I, 109), вмѣсто Gerichtshalter (Kotz. I, 112)—„исправникъ“ (Мальчикъ у ручья, I, 164) и т. под. руссификаціи.

Переведенная Жуковскимъ пьеса Коцебу *Falsche Scham*, ein Schauspiel in vier Aufzügen (Ложный стыдъ, комедія въ 4-хъ дѣй-

ствіяхъ) ¹⁾ представляет собой сентиментальную драму на тему о томъ, что неумѣстная скрытность, застѣнчивость, недомолвки, обусловленные ложнымъ стыдомъ, порождая недоразумѣнія, удаляютъ людей отъ собственнаго благополучія. Выступаетъ рядъ симпатичныхъ лицъ, въ уста которыхъ влагаются благородныя рѣчи; въ переводѣ Жуковскаго нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей переданы такъ, что затрогиваютъ тѣ же мотивы, съ какими встрѣчаемся и въ собственныхъ сочиненіяхъ Жуковскаго этой поры:

— Что красота тѣлесная безъ красоты душевной! Пусть будетъ лицо его безобразнымъ, *его сердце добродѣтельно, и этого довольно!*.. Что такое любовь, какъ не привязанность къ добру?—высказываетъ Эмма въ 6-мъ явленіи I-го дѣйствія ²⁾.

— Красота немного значить — умные люди *почитаютъ добродѣтель*,—говоритъ Эрлахъ въ 7-мъ явленіи II-го дѣйствія ³⁾.

Историческая новелла Коцебу „Ildegerde, Königin von Norwegen“, переводъ которой, какъ выше было указано, повидимому, судя по выраженіямъ въ письмѣ Мерзлякова, принадлежитъ также перу Жуковскаго (Королева Ильдегерда, повѣсть г-на Коцебу, М. 1801), представляет собой свободное подражаніе Коцебу разсказу Ле Нобля (Le Noble, 1643 — 1711): „Ildegerde, reine de Norvège ou L'amour magnanime“, Paris, 1693 ⁴⁾.

Повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Начало:

„Кто ты, героиня одаренная духомъ *Одина* и красотой *Фрей*? Кто ты, которой образъ съ такимъ сіяніемъ проникаетъ сквозь туманъ, скрывающій чудеса вѣковъ прошедшихъ? Явился мнѣ великій духъ *Ильдегерды*, оставь блаженныя жилища *Винольфа* — колѣна мои преклоняются предъ тобою, какъ предъ героинею, какъ предъ супругою, какъ предъ матерью“.

Королева норвежская Тора имѣла сына Свенда. „Онъ выросъ, на лицѣ его разцвѣтала надежда наступающаго утра, и сѣдые воины,

¹⁾ Полное собраніе сочиненій Жуковскаго, подъ редакціей Архангельскаго, т. XI, стр. 71—112.

²⁾ У Коцебу: Und wäre er so hässlich als jener schlummernde Dichter, den eine Königin im Vorbeigehen küsste. Iener *sagte* nur viel Schönes, Erlach *thut* es. (Theater von Aug. v. Kotzebue, VI, Lpz. u. Wien, 1840, S. 250).

³⁾ У Коцебу: Auch gibt die Geburt die Schönheit wie den Erbadel; kluge Leute bilden sich nichts darauf ein (ibid., S. 282).

⁴⁾ *Rabany*, Kotzebue, p. 508.

взирая на молодого государя, съ удовольствіемъ поглаживали долгія свои бороды“ (стр. 2).

При дворѣ Торы и дѣвицы забавлялись военными играми; особенно отличалась въ этомъ Ильдегерда, молодая героиня, „послѣдняя отрасль одной знатной фамиліи“. Въ сердцѣ Свенда она зародила „нѣкоторое неизяснимое чувство“.

Молодой шведскій государь Раифридь посѣтилъ Тору. Въ честь его устроили турниръ. Ильдегерда тоже вступила съ нимъ въ единоборство, едва не выбила его изъ сѣдла. Раифридь влюбился въ Ильдегерду; будучи женатъ, онъ предлагалъ ей быть его любовницей и, разумѣется, былъ отвергнутъ. Онъ „удалился въ свое отечество и унесъ черный ядъ мщенія съ собою“.

Тора умерла. Свендъ сталъ королемъ. пылая страстью къ Ильдегердѣ, онъ рѣшается взять ее въ супруги. Раифридь съ войскомъ вторгается въ Норвегію и требуетъ, чтобы Ильдегерду отдали ему. Свендъ посылаетъ Ильдегердѣ письмо, открывая ей любовь свою и заканчивая его словами: „Есть ли же восторжествуетъ врагъ мой, то пусть слеза твоя упадетъ на преждевременный гробъ мой, пусть вздохнетъ Ильдегерда о потерѣ своего брата, своего супруга“. Въ кровопролитномъ сраженіи Свендъ палъ, норвежцы побѣждены. Ужасная вѣсть приходитъ въ замокъ Ильдегерды и повергаетъ ее въ безграничную скорбь. Но Ильдегерда — героиня; она рѣшается отомстить Раифриду. „Сюда, барды! восклицаетъ она:—настройте военные звуки! за супруга своего хочу я сражаться; — братъ мой! супругъ мой! Алымъ румянцемъ покрылись Ильдегердины щеки, глаза ея пылали, рука ее трепетала, и то было не содраганіе женской робости, но трепеть мужественнаго мщенія. Она покрыла шелковыя волосы свои пернатымъ шлемомъ, который нѣкогда рука Торы украсила тремя змѣиными головами—одѣла высокую грудь свою стальнымъ панциремъ, повѣсила мечъ у бедра, схватила щитъ, копьѣ“... Старый рыцарь приноситъ Свендовъ окровавленный шлемъ съ голубымъ перомъ; Ильдегерда показываетъ ему письмо къ ней Свенда; рыцарь признаетъ ее королевой, и Ильдегерда на мечѣ произноситъ клятву мщенія. Старый рыцарь посвящаетъ Ильдегерду въ мстители и надѣваетъ шлемъ Свенда на голову ея. Вокругъ Ильдегерды собирается войско норвежскихъ женщинъ; къ нимъ присоединяются бѣглецы — остатки разбитаго Раифридомъ войска. Ильдегерда обращается за помощью къ Теодорику, королю датскому, сыну сестры Торы. Тео-

дорикъ является съ войскомъ, и въ новомъ сраженіи Ильдегерда въ единоборствѣ убиваетъ Раифрида.

Увидѣвъ Ильдегерду, въ нее влюбилась и Теодорикъ и его спутникъ принцъ Гаральдъ, человекъ скрытный, пронирыливый, честолюбивый и сладострастный. Теодорикъ приходитъ въ палатку Ильдегерды, открываетъ ей свою любовь; она предлагаетъ ему свою дружбу.

Ильдегерда однако не могла противиться силѣ любви Теодорика и стала его супругой. „Сѣдовласый жрецъ благословилъ соединяющихся... Ночь покрыла мракомъ любящихся и юноша Теодорикъ вкусилъ блаженство и небо въ объятіяхъ Ильдегерды“... „Но ахъ! наши горести, наши радости, все, все мечта, и Ильдегердѣ послѣ блаженнаго сна предстояло ужасное пробужденіе“. Таково содержаніе I-ой части.

Часть II-ая повѣствуетъ слѣдующее: Ильдегерда, ставъ датскою королевою заслужила, общую любовь. Она родила сына, Гальдана. Но бѣшеная страсть не давала покоя Гаральду. Надѣясь овладѣть Ильдегердой, онъ поднимаетъ на Данію шведскаго короля Гермаифрида, брата погибшаго Раифрида, запугиваетъ Теодорика предстоящею войной и предлагаетъ для избѣжанія войны отпустить Ильдегерду и вступить въ бракъ съ сестрой Гермаифрида Лютгардисъ. Слабый Теодорикъ рѣшается послѣдовать совѣту Гаральда, и все готовится къ приему шведской принцессы. Ильдегерда тайно покупаетъ корабль, чтобы бѣжать въ Норвегію и тамъ скрыть свое оскорбленіе. На пути отъ дворца къ морскому берегу, изнемогши отъ непогоды и трудной дороги, Ильдегерда съ малюткой сыномъ—Гальданомъ и ея спутница, вѣрная Ельга, нашли убѣжище у столѣтней предсказательницы Сванилды, которая предрекла, что Ильдегерда скоро явится съ войскомъ обратно, чтобы спасти Данію отъ враговъ. Ильдегерда возвратилась въ свой прежній норвежскій замокъ.

Лютгардисъ прибыла въ Данію и стала супругой Теодорика.

Побѣгъ Ильдегерды разрушилъ коварныя намѣренія Гаральда. Но онъ не оставилъ строить ковы. Совѣсть упрекала Теодорика. Поступокъ его съ Ильдегердой лишилъ его любви народной; этимъ воспользовался Гаральдъ. Для развлеченія онъ убѣдилъ Теодорика предпринять путешествіе по своему государству; воспользовавшись отсутствіемъ короля, онъ овладѣлъ престоломъ — и отправилъ къ Ильдегердѣ посольство, приглашая ее раздѣлить съ нимъ тронъ. Отвѣтомъ Ильдегерды былъ походъ ея во главѣ мужского и женскаго норвеж-

скаго войска на помощь Теодорику, который собралъ небольшую дружину въ одной оставшейся ему вѣрною области. Войско Гаральда, узнавъ о приближеніи любимой ихъ королевы Ильдегерды, перешло на ея сторону, Гаральдъ остался одинъ, бѣжалъ, его никто не преслѣдовалъ, и онъ скончалъ дни свои въ неизвѣстности.

Ильдегерда, возвративъ тронъ Теодорику, сама однако не пожелала раздѣлять его съ нимъ. Свою соперницу Люитгардисъ она назвала сестрой и въ общемъ народномъ собраніи потребовала только, чтобы ея сынъ Гальданъ былъ провозглашенъ наслѣднымъ принцемъ норвежскимъ. Чины же государства опредѣлили: „Ильдегерда должна всю жизнь свою носить имя норвежской королевы и избавительницы Даніи, она должна неограниченно правительствовать во время юности своего сына, и мѣдныйobeliskъ, въ честь ея сооруженный, возвѣститъ потомству героическіе, славные ея подвиги“.

XVIII.

М. А. Дмитріевъ, коснувшись вопроса о чтеніи книгъ, такъ рассказываетъ про увлеченіе русскихъ читателей романами: „Вся семья по вечерамъ садилась въ кружокъ, кто-нибудь читалъ, другіе слушали; особенно дамы и дѣвѣцы. Какой ужасъ распространяла славная г-жа Радклифъ... Какое участіе принимали въ чувствительныхъ героиняхъ г-жи Жанлисъ ¹⁾. *Страданія Ортенберговой фамилии* и *Мальчикъ у ручья* Коцебу—рѣшительно извлекали слезы! Дѣло въ томъ, что при этомъ чтеніи, въ эти минуты вся семья жила сердцемъ или воображеніемъ, и переносилась въ другой міръ, который на эти минуты казался дѣйствительнымъ; а главное—чувствовалось живѣе, чѣмъ въ своей однообразной жизни“ ²⁾.

Романъ, повѣсть—самый популярный жанръ въ средѣ читающей публики XVIII-го, а затѣмъ и XIX вѣка; историки отмѣчаютъ значеніе его, какъ „серьезной культурной силы, облагораживавшей чувства и возбуждавшей умственные интересы“ ³⁾. Любопытныя разыска-

¹⁾ Эпоха водаренія романовъ Радклифъ и Жанлисъ въ русской беллетристикѣ—первое десятилѣтіе XIX вѣка, когда и появилась главная масса этихъ романовъ въ русскомъ переводѣ.

²⁾ Мелочи изъ запаса моей памяти. стр. 48—49.

³⁾ *Миллюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, ч. III, вып. 2-й. стр. 230. Срв. *Сиповскій*, Изъ исторіи русской литературы XVIII в. (опытъ статистическихъ наблюденій),—Извѣстія II отдѣленія Академіи наукъ, т. VI. кн. 1-я, стр. 138 и слѣд.—

нія В. В. Сиповскаго и подобранные имъ матеріалы ¹⁾, примыкающіе къ работамъ покойнаго академика А. Н. Пыпина ²⁾, начинаютъ освѣщать процессъ, совершавшійся въ области романа на русской почвѣ.

Русскій переводный *рукописный* романъ конца XVII — начала XVIII в. примкнулъ къ обломкамъ романа средневѣковаго рыцарскаго и особенно псевдо-классическаго французскаго (придворно-авантюрнаго); русскій *печатный* романъ XVIII в. тѣсно примкнулъ къ той группѣ, въ которой на первомъ планѣ поставлены были цѣли нравоучительныя, а содержаніе бралось изъ жизни, болѣе или менѣе, дѣйствительной, обыденной ³⁾; во второй половинѣ XVIII вѣка романисты имѣютъ въ виду возбужденіе чувствительности читателя сценами трогательными, подымающими душу ⁴⁾. „Вамъ, чувствительныя и нѣжныя сердца, пишу“,—говоритъ одинъ изъ нихъ: „Да есть-ли, полно, оныя? Конечно! необузданная и несправедливая любовь не повсюду еще силу свою распространила. Есть дѣйствительныя страсти, есть нѣжная и добродѣтельная любовь. Повѣсть сія подтвердить оное... Для тебя, чувствительный читатель, издалъ я сію повѣсть. Она подвигнетъ твое сердце, какъ скоро оную развернешь. Читай ее съ нѣжнымъ вниманіемъ, а я не сомнѣваюсь о твоёмъ мнѣніи“ ⁵⁾.

„Какіе романы болѣе всѣхъ нравятся?“—спрашиваетъ Карамзинъ—и даетъ отвѣтъ: „обыкновенно чувствительные“ ⁶⁾, т. е. съ страдающими добродѣтельными героями и героинями.

Главная масса романовъ и повѣстей на русской почвѣ были переводные (съ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго): по статистическому подсчету В. В. Сиповскаго оригинальныхъ русскихъ романовъ за

и его же статью „Онѣгинъ, Татьяна, Ленскій“—*Русская Старина* 1899 г., томъ 98, стр. 314 и слѣд.

¹⁾ „Изъ исторіи русской литературы XVIII вѣка“ и „Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти (матеріалы по библиографіи, исторіи и теоріи русскаго романа)“, С.-Пб. 1903 г.; названныя работы В. В. Сиповскаго—подготовительныя для имѣющагося имъ въ виду построения цѣлой картины историческаго развитія русскаго романа.

²⁾ Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ. С.-Пб. 1857 г. Для любителей книжной старины. М. 1888 г. и др.

³⁾ *Сиповскій*, Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти. ч. I, стр. II.

⁴⁾ Тамъ же, стр. IV.

⁵⁾ Изъ предисловія автора „Повѣсти о приключеніяхъ кавалера Р*... во время осады Брабантскаго города Дорника“, пер. съ нѣм. Гуромъ Ивановымъ. С.-Пб. 1766 г. *Сиповскій*, Ор. cit., стр. 171.

⁶⁾ *Карамзинъ*, О книжной торговлѣ и о любви къ чтенію въ Россіи—*Вѣстникъ Европы* 1802 г. ч. III, стр. 63.

100 лѣтъ—1700—1800 гг.—было сочинено 104, тогда какъ число переводныхъ романовъ за XVIII вѣкъ—1016 ¹⁾.

Англійскимъ романамъ (Ричардсона, Фильдинга, Гольдсмита) суждено было стать въ концѣ XVIII в. во главѣ этого жанра въ Европѣ, создать цѣлую школу. Въ Россіи и англійскіе романисты и ихъ французскіе и нѣмецкіе послѣдователи нашли усердныхъ переводчиковъ и горячихъ поклонниковъ—читателей, подражателей. „Памела“ Ричардсона вышла въ русскомъ переводѣ въ 1787 г. въ Петербургѣ ²⁾, а въ 1796 г. понадобилось издать переводъ этого романа въ Смоленскѣ ³⁾; „Кларисса“ явилась въ самомъ началѣ 1790-хъ годовъ ⁴⁾, а „Грандисонъ“—вслѣдъ за нею ⁵⁾; переводили Ричардсона съ французскихъ переводовъ. Фильдингъ сталъ выходить въ русскомъ переводѣ съ самаго начала 1770-хъ годовъ ⁶⁾, а Гольдсмита—съ половины 1780-хъ гг. ⁷⁾.

„Желали-бы мы, чтобы преимущественно переводимы были на нашъ языкъ больше хорошіе и полезныя романы, сочиненія Ричардсона, Фильдинга, Гольдсмита и симъ подобныя“... пишетъ рецензентъ „С.-Петербургскаго Вѣстника“ ⁸⁾.

Къ числу такихъ „хорошихъ и полезныхъ произведеній“ были отнесены раннія повѣсти м-те Жанлисъ, переводами которыхъ Карамзинъ снабжалъ въ теченіе 1787 и 1788 годовъ Новиковское „Дѣтское чтеніе для сердца и разума“ ⁹⁾.

¹⁾ *Ситовскій*, Изъ исторіи русской литературы XVIII в.—Извѣстія II отдѣленія Академіи наукъ т. VI, кн. 1, стр. 151.

²⁾ Памела или награжденная добродѣтель англійская правоучительная повѣсть, соч. г. Ричардсономъ, пер. съ франц. (г. Черткова), 4 части. С.-Пб. 1787 г.

³⁾ Памела или награжденная добродѣтель; англ. твор. г. Ричардсона. 4 части. Смоленскъ 1796 г.

⁴⁾ Достопамятная жизнь дѣвицы Клариссы Гарловъ, истинная повѣсть; англійское соч. г. Ричардсона пер. съ франц., 6 частей. С. Пб. 1791—1792 г.

⁵⁾ Англійскія письма, или исторія кавалера Грандиссона, твореніе г. Ричардсона... пер. съ франц., 8 частей. С.-Пб. 1793—1794 г.

⁶⁾ Повѣсть о Томасѣ Юнесѣ или найденышѣ, соч. г. Фильдинга, пер. съ франц., 4 части, 1770—1771 г. 2-е изд. М. 1787 г.

⁷⁾ Вакефильдскій священникъ, исторія; англійское соч. г. Гольдсмита; пер. съ франц., 2 части. М. 1786 г.

⁸⁾ С.-Петербургскій Вѣстникъ, ч. I, 1778 г., стр. 319 (Разборъ персидскихъ сказокъ „Тысяча и одинъ день“).

⁹⁾ *Ситовскій*, Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти: №№ 836 (Альфонсъ и Далинда), 840 (Великодушное дружбы), 848 (Дельфина), 850 (Евгенія и Леонсъ), 856 (Исправленная лѣность), 867 (Мѣдникъ или взаимная благодарность), 922 (Дафнисъ и Пандрога), 938 (Исторія герцогини Ч.), 955 (Невольники или сила благодѣ-

Вліяніе этихъ повѣстей Жанлисъ сказалося на одномъ изъ первыхъ же оригинальныхъ прозаическихъ произведеній Карамзина—на помѣщенной въ XVIII книжкѣ того же Дѣтскаго Чтенія (1789 года) „истинной русской повѣсти *Евгеній и Юлія*“¹⁾.

Мармонтель, этотъ прямой ученикъ Вольтера, желавшій „rendre la vertu aimable“, рисуя „les mœurs de la société ou les sentiments de la nature“, высоко цѣнимый современниками—читателями его *Contes moraux* (1761), *Bélisaire* (1767) и проч.²⁾,—переводится на русскій языкъ уже въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка³⁾. Судя по числу изданій⁴⁾, повѣствованія Мармонтеля пришлись по вкусу русской публикѣ. Переводомъ ихъ занимается Карамзинъ въ 1790-хъ годахъ, издаетъ сборникъ ихъ въ двухъ частяхъ⁵⁾; въ 1800 г. вышло продолженіе этого сборника⁶⁾.

Съ конца 70-хъ годовъ XVIII вѣка выходятъ переводы изъ Мейснера⁷⁾ (*Aug. Gottl. Meisner*, 1753—1807), который, обладая искусствомъ „angenehm zu erzählen“, долгое время былъ любимымъ писателемъ своихъ современниковъ, которымъ своими повѣстями и романами умѣлъ дать и наставленіе и эстетическое развлеченіе (*Belehrung und ästhetische Unterhaltung*)⁸⁾. Въ качествѣ переводчика Мейснера приобрѣлъ извѣстность В. С. Подшиваловъ⁹⁾.

ня), 971 (*Олимпія и Теофилъ*), 972 (*Памела*), 990 (*Пустынники въ Нормандіи*), 991 (*Пустынникъ*). Характеристику этихъ повѣстей см. у *Сиповскаго*, Карамзинъ, стр. 123—130.

¹⁾ *Сиповскій*, Карамзинъ, стр. 136: „Болѣ внимательное сравненіе произведеній обояхъ авторовъ (Жанлисъ и Карамзина) заставляетъ насъ признать, что разница между ними только и заключается въ чисто внѣшней планировкѣ дѣйствій и въ разныхъ степеняхъ опытности авторовъ“...

²⁾ *P. Morillot*, *Le Roman en France*, pp. 275—277.

³⁾ „Лаузусъ и Лидія“—Свободные часы 1763 г. № 6; „Нравоучительныя сказки г. Мармонтеля“, пер. съ франц. Павелъ фонъ-Визинъ, 2 части, М. 1764 г.; 2-е изд. 1787—1788 г.; „Велизеръ“ соч. г. Мармонтеля, переведенъ на Волгѣ разными знатными особами. М. 1768 г. и проч.

⁴⁾ *Сиповскій*, Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти, *passim* (см. указатель, стр. 329); отмѣчено 35 №№.

⁶⁾ Новыя Мармонтелевы повѣсти, пер. съ фр., 2 ч. М. 1794—1798 г.

⁶⁾ Новыя г. Мармонтелевы повѣсти, въ дополненіе изданнымъ г. Карамзинымъ, пер. съ фр. А. Татариновъ. С.-Пб. 1800 г.

⁷⁾ Карлъ Винекъ или угнетенная невинность, соч. Авг. Готл. Мейснера, пер. съ нѣм. М. 1780 г.

⁸⁾ *Bouterwek*, *Geschichte der Poesie u. Beredsamkeit*, В. XI, S. 479.

⁹⁾ Избранныя повѣсти и басни Мейснеровы, пер. Василіемъ Подшиваловымъ

Въ это же время переводятъ Коцебу и Флоріана.

Жуковскій принялъ свою долю участія въ усвоеніи русской литературы и Коцебу и Флоріана, котораго самъ читалъ еще въ дѣтствѣ, до переѣзда въ Тулу и поступленія въ училище, къ О. Г. Покровскому, какъ отмѣчаетъ въ программѣ своей автобіографіи ¹⁾).

Въ 1822 году о Флоріанѣ во Франціи писали: „*Ses oeuvres complètes ont été réimprimées souvent dans tous les formats, et chacun de ses ouvrages séparément a eu un nombre presque incalculable d'éditions. Peu d'auteurs sont aussi répandus*“ ²⁾).

Въ 1850 г. Sainte-Beuve назвалъ Флоріана „un écrivain aimable, populaire, cher à l'adolescence et à l'enfance, et dont le nom ne s'offre plus guère ensuite à nous que pour faire sourire d'un sourire de demi-dédain notre maturité“, и признавалъ за нимъ талантъ, „qui ne fut ni très-élevé, ni très-énergique, ni très-étendu, mais qui fut modeste, naturel, sincère, et qui se montra gai, vif, fertile, agréable et fin, lorsqu'il osa être tout entier lui-même, et qu'il ne sortit pas de ses justes emplois“ ³⁾).

Новѣйшіе французскіе критики признаютъ у Флоріана „un talent d'autant moins robuste qu'il est plus gracieux et plus aimable“ ⁴⁾); „un talent pacifique entre tous, aimable parfois jusqu'à la fadeur, tendre jusqu'à l'afféterie, calme jusqu'à l'indolence; et pourtant ayant aussi ses aspirations libérales et philanthropiques, sa pointe de malice et de gaieté fraîche et souriante“ ⁵⁾). Флоріанъ былъ великій почитатель испанскихъ романовъ; въ дѣтствѣ онъ восхищался Иліадою, которую читалъ въ переводѣ ⁶⁾); отсюда—его увлеченіе великими героическими дѣяніями и героическими повѣствованіями: впоследствии онъ въ своихъ романахъ, какъ „Gonzalve“, „Numa“, изображалъ гомерическія битвы, описаніе которыхъ отражало на себѣ и увлеченіе автора рыцарскими романами ⁷⁾).

10 частей. Владиміръ, 1800—1807 г. Рядъ повѣстей Мейснера былъ напечатанъ въ журналахъ Подшивалова „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій“ и „Пріятное и полезное препровожденіе времени“.

¹⁾ Дневники Жуковскаго, съ примѣч. И. А. Бычкова, стр. 37.

²⁾ Biographie nouvelle des contemporains de *Jay, Arnault, Jouy, Norvins* etc... 1822 (à l'article „Florian“).

³⁾ *Causeries du Lundi*, t. III-me, p. 229.

⁴⁾ *Léo Claretie*, Florian, P. 1890, Avant-propos, p. VIII,

⁵⁾ *Lenient*, La comédie en France au XVIII siècle. P. 1888, t. II, p. 309.

⁶⁾ *Claretie*, p. 13.

⁷⁾ *Ibidem*, p. 14—15.

Съ дѣтства Флоріанъ „acquit un vif sentiment de la nature et du pittoresque au cours de ses promenades solitaires à travers champs... Il s'imprégnait de l'air pur des prairies, des senteurs champêtres et du grand calme des campagnes“ ¹⁾). Отсюда—его умѣніе „si joliment décrire“ живописныя мѣстности.

Флоріанъ былъ родственникъ Вольтера (который прозвалъ его *Florianet*—„nom qui était tout un horoscope“, замѣчаетъ St-Beuve) ²⁾; онъ проживалъ отъ времени до времени въ Фернеѣ.

Большое значеніе имѣла для Флоріана его близость съ герцогомъ Пентіеврскимъ, у котораго онъ служилъ, и который имѣлъ рѣшительное вліяніе на его міросозерцаніе ³⁾). Вліяніе герцога Пентіеврскаго, человѣка строгихъ правилъ, большого филантропа, парализовало склонность Флоріана къ вольнодумству, пробудившуюся подъ вліяніемъ Вольтера и вообще духа того времени ⁴⁾). Вліяніе герцога-покровителя, которому Флоріанъ былъ обязанъ счастливымъ, свѣтлымъ, беззаботнымъ существованіемъ (*l'existence la plus heureuse et la plus sereine*), сказалося и на литературной дѣятельности Флоріана.

Флоріанъ выступилъ въ литературѣ съ 1779 года; произведенія, относящіяся къ этому времени, были наиболѣе оригинальныя и заключавшія въ себѣ наиболѣе правды: его театральныя пьесы, отличавшіяся чувствомъ, веселостью, свѣжестью ⁵⁾). Въ нихъ онъ выводитъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Арлекина,—но своеобразно передѣлываетъ этотъ типъ: у Флоріана Арлекинъ—честный, прямодушный, дѣтски-наивный, добродушный, легковѣрный буржуа. Флоріанъ писалъ послѣ Дидро, Нивель-де-ля-Шоссе, послѣ Сорена и Седэна—и герой у него является чувствительнымъ, проливающимъ слезы, сентиментальнымъ; также часто и охотно плачутъ и другія лица пьесъ Флоріана.

Про свои пьесы Флоріанъ выразился: „Je voulus surtout présenter le tableau de ces vertus familières, de ces vertus de tous les jours, les plus utiles peut-être, les plus nécessaires au bonheur“ ⁶⁾); отсюда—нравоучительный характеръ пьесъ Флоріана, стремящихся трогательно

¹⁾ Ibidem, p. 14.

²⁾ Causeries de Lundi, III, 230.

³⁾ *Claretie*. Op. cit., 26; *St.-Beuve*, ib. 232.

⁴⁾ *St.-Beuve*, ib., 232—233; *Claretie*, 26—32.

⁵⁾ Causeries du Lundi, III, 233; *C. Lenient*, La comédie en France au XVIIIe siècle, t. II, p. 310.

⁶⁾ *Claretie*, 47—48.

изобразить интимную жизнь буржуа и мѣщанскія семейныя добродѣтели. Всѣ члены семейства выступаютъ одинъ за другимъ въ этихъ пьесахъ, и всѣ они добры, чувствительны и т. под.: *Le bon Ménage*, *Le bon Père*, *La bonne Mère*, *Le bon Fils*.

Флоріанъ писалъ романы, новеллы.

Романы Флоріана представляютъ собой или рыцарскія повѣсти, какъ *Numa Pompilius* (1786), *Gonzalve de Cordoue* (1791), или пасторали, какъ *Galatée* (1783), *Estelle* (1788). „Нума Помпиль“, по выраженію проф. Морилло,—не болѣе какъ холодное подражаніе Теллемаку Фенелона (но „*sans le goût de l'antiquité, sans la saveur philosophique ni le mérite de style*“) и Велизарію Мармонтеля ¹⁾. „Гонзалвъ Кордуанскій“ стоитъ на рубежѣ между романомъ историческимъ и рыцарскимъ ²⁾. „Галатей“—передѣлка одноименной повѣсти Сервантеса ³⁾, исполненная во вкусъ Гесснера, котораго Флоріанъ называлъ своимъ другомъ и учителемъ ⁴⁾, и подъ влияніемъ котораго дѣйствительно находился ⁵⁾. Въ средѣ читателей „Галатей“ имѣла большой успѣхъ: всѣ влюбленные, всѣ молодыя дамы были безъ ума отъ романа ⁶⁾. Перерабатывая текстъ Сервантеса, Флоріанъ одно сократилъ, другое распространилъ, вставилъ совершенно новую пѣсню ⁷⁾.

Граціозный романъ „Эстелла“—болѣе оригинальное произведеніе ⁸⁾; Флоріанъ описываетъ здѣсь югъ Франціи со стороны ея живописности, красоты мѣстности, рисуешь красивые пейзажи въ родѣ деревенскихъ видовъ, встрѣчающихся въ *orega-comique*: группы деревьевъ, зеленые луга, залитые лучами солнца и т. д.

Подражая испанскимъ писателямъ и французскимъ пастораліямъ XVII вѣка, Флоріанъ обыкновенно украшалъ свои пасторали вставляемыми въ текстъ романсами ⁹⁾.

Въ своихъ романахъ Флоріанъ уводитъ читателя въ невѣдомыя страны. Вымышленные герои дѣйствуютъ въ царствѣ чистой фантазіи;

¹⁾ *Morillot, Le Roman—Petit de Julleville, Hist. de la langue et de la littérature franç., t. VI, p. 496.*

²⁾ *Heinr. Döring, Florian—Ersch u. Gruber, Allgemeine Encyclopädie, 45, стр. 338.*

³⁾ *Claretie, 79; St.-Beuve, l. cit., 236.*

⁴⁾ *St.-Beuve, l. cit., 240.*

⁵⁾ *Morillot—Petit de Julleville, op. cit., VI, 497.*

⁶⁾ *St.-Beuve, 236.*

⁷⁾ *H. Döring—Ersch u. Gruber, 45, стр. 386.*

⁸⁾ *Claretie, 80.*

⁹⁾ *Ibid., 88.*

эти герои—скорѣе воплощенныя чувствованія, чѣмъ живые люди: они вздыхаютъ, стонутъ, любятъ сочинять стихи, разговариваютъ—дѣлаютъ все это такъ, какъ и подобаетъ лицамъ, начитавшимся Сервантеса, Гесснера, Оноре д'Юрфе ¹⁾. Флоріанъ не видитъ надобности въ точныхъ описаніяхъ. „Эстелла—говоритъ онъ—походила на своихъ землячекъ—пастушекъ“,—и по этому поводу описываетъ пастушекъ; но оригиналы, съ которыхъ писаны эти нарядныя кокетливыя пастушки, могутъ встрѣтиться не въ полѣ, а развѣ на костюмированномъ вечерѣ ²⁾.

Всѣ дѣйствующія лица у Флоріана—или ангелы или демоны, при чемъ послѣдніе у него лишь большая рѣдкость ³⁾.

Чувствительность, порою доходящая прямо до болѣзненности—одно изъ главнѣйшихъ свойствъ дѣйствующихъ лицъ романовъ Флоріана: герои проливаютъ потоки слезъ; не счесть, сколько разъ встрѣчаются на каждой страницѣ слова *sensible, tendre, attendre* ⁴⁾.

Великій недостатокъ романовъ Флоріана, въ которомъ упрекали его уже современники,—это отсутствіе реальной жизни, истины: слишкомъ ужъ выдуманними и слишкомъ слащавыми являются фигуры его пастуховъ и героев ⁵⁾.

Какъ смотрѣла русская публика на современную иностранную беллетристику, судить объ этомъ можно по любопытной статьѣ въ журналѣ В. В. Измайлова „Патріотъ“ 1804 г., въ которой, между прочимъ, говорится:

„Славный Мармонтель въ угожденіе одному пріятелю, который требовалъ отъ него пьесы для издаваемаго имъ *Французскаго Меркурія*, написалъ сказку, можетъ быть, для того только, что она не требовала многого труда и времени, и что онъ не хотѣлъ заняться ничѣмъ важнѣйшимъ, но творить и украшать есть иѣчто свойственное великимъ дарованіямъ. Легкія черты, набросанныя на полотно съ небреженіемъ, выходятъ подъ кистью мастера живою и плѣнительною картиною. Такъ и Мармонтель написалъ прекрасную бездѣлку; блестящій успѣхъ ея въ свѣтѣ заманилъ его далѣе, и творецъ сказокъ рождалъ однѣ за другими, не позволяя уже симъ счастливымъ дѣтямъ минутной фантазіи удаляться отъ ихъ перваго происхожденія,

¹⁾ Ibid., 97—98.

²⁾ Ibid., 101.

³⁾ Ibid., 107.

⁴⁾ Ibid., 109.

⁵⁾ Ibid., 116; срв. St.-Beuve, 239.

но сохранилъ имъ навсегда характеръ любезной легкости и красиваго небреженія, которыя впослѣдствіи времени сдѣлались, такъ сказать, условіемъ ихъ счастья въ свѣтѣ. Во Франціи—*одинъ щастливый соперникъ Мармонтеля въ семь родѣ былъ Флоріанъ, авторъ многихъ прекрасныхъ сказокъ*¹⁾

Макаровъ, сравнивая романъ Августа Лафонтена „Аристомень и Горгъ, или челоѡколюбіе и мщеніе“ (М. 1803) съ „Гонзалвомъ Кордуанскимъ“ Флоріана, выразился такъ: „Флоріанъ—образецъ, а Лафонтенъ—подражатель. *Флоріанъ принадлежитъ къ малому числу авторовъ перваго класса, а Лафонтенъ—къ великому числу авторовъ втораго класса. Библіотека романовъ легко можетъ обойтись безъ Лафонтена, и никогда не бываетъ безъ Флоріана*“²⁾.

Русскіе читатели знакомились съ Флоріаномъ, какъ и съ другими беллетристическими авторами, въ подлинникѣ и въ переводахъ. Московскіе книгопродавцы получали изъ-за границы, хотя и съ нѣкоторымъ опозданіемъ, литературныя новинки³⁾, они же старались вербовать и переводчиковъ, заказывать имъ и затѣмъ издавать переводы приходившихся публикѣ по вкусу произведеній; періодическія изданія, журналы, сборники не менѣе охотно давали на своихъ страницахъ мѣсто переводамъ.

Первымъ романомъ Флоріана, вышедшимъ въ русскомъ переводѣ, былъ „Нума Помпилій“: въ 1788 году, т. е. два года спустя послѣ появленія французскаго оригинала, одновременно было сдѣлано и издано даже два русскихъ перевода⁴⁾. Въ томъ же году сдѣлалась доступна всей русской читающей публикѣ группа шести первыхъ новеллъ Флоріана (*Six Nouvelles, Paris, 1784*); разомъ явилось два изданія: одно въ Москвѣ, другое въ Петербургѣ⁵⁾. Въ слѣ-

¹⁾ Патриотъ 1804 г., т. II, стр. 206—207 въ статьѣ „Взглядъ на повѣсти или сказки“.

²⁾ Московскій Меркурій, 1803 г., № 9.

³⁾ См. Московскій Журналь 1792 г., ч. VII, стр. 104.

⁴⁾ Нума Помпилій, второй царь римскій, пер. съ фр. Петромъ Вельямновымъ, 2 части. С.-Пб. 1788.

Нума Помпилій, второй царь римскій, пер. съ ф. Григорій Шиповскій), 2 части. С.-Пб. 1788. 2-е изд. 1792, 3-е изд. 1799.

⁵⁾ Шесть новостей; соч. г. Флоріана, сочинителя Нумы Помпилія. Съ фр. С.-Пб. 1788. (Въ сборникъ вошли новеллы: Блюмберисъ, Петръ, Софронимъ, Санчо, Балменди, Целестина).

Рѣдкія, удивительныя и чувствительныя повѣсти Флоріана; пер. съ фр. А. Свящовъ. М. 1788.

дующемъ году въ Москвѣ вышло еще два перевода тѣхъ же новелль ¹⁾).

Въ 1789 же году въ обоихъ столицахъ явилось по переводу „Эстеллы“ ²⁾, а въ слѣдующемъ—переводъ ранней пасторали Флоріана—„Галатеи“ ³⁾.

Вторая группа новелль Флоріана, вышедшая подъ названіемъ „Nouvelles nouvelles“, Р. 1792, была переведена Павломъ Христ. Бзакъ и издана въ Петербургѣ въ томъ же 1792 г. ⁴⁾. Нѣсколько лѣтъ спустя въ Москвѣ вышелъ новый сборникъ новелль Флоріана ⁵⁾.

Въ 1793 и 1794 гг. появились два перевода „Гонзалва“ ⁶⁾.

Отрывки изъ Флоріана, его новеллы часто помѣщались въ журналахъ 90-хъ годовъ XVIII вѣка ⁷⁾.

Въ Москвѣ же явилась и отдѣльно: Батменди, или картина человѣческой суеты, персид. повѣсть, пер. съ франц. Ник. Ивановъ. М. 1788.

¹⁾ Новости: греческая, испанская, португальская, французская и нѣмецкая, пер. съ фр. Ник. Яценковъ; 2 части. М. 1789 (новеллы: Софронимъ, Селестина, Саншь, Блюмберисъ, Петръ).

Магазинъ чтенія для всякаго возраста и пола людей, собранный изъ разныхъ повѣстей, сказокъ, басенъ, анекдотовъ... 4 части. М. 1789. (Въ 3-й части новеллы Флоріана: Петръ, Селестина, Сантъ, Батменди).

²⁾ Эстелла, новой пастушеской романъ, соч. Флоріана, пер. съ фр. М. К. Москва. 1789.

То жъ, перевелъ Александръ Козловъ. С.-Пб. 1789.

³⁾ Галатея, пастушеская повѣсть, соч. Флоріаномъ въ подраженіе Сервантовой, пер. съ фр. Алексѣй Печенеговъ. М. 1790.

Позднѣе вышло и еще два перевода:

Галатея, пастушеская повѣсть, соч. Флоріана съ присовокупленіемъ описанія жизни Серванта, сочинителя гишпанской Галатеи, Донъ-Кихота и другихъ, перев. А. Ханенко. С.-Пб. 1799.

Галатея, пастушескій романъ, изд. г. Флоріаномъ, пер. съ фр. Александръ Кандорскій. М. 1800.

⁴⁾ Новыя новости Флоріана, пер. съ ф. П. Безака. С.-Пб. 1792. (Новеллы: Сельмурсъ, Селико, Клавдина, Зулбяръ, Камиръ, Валерія). 2-е изд.—С.-Пб. 1793.

⁵⁾ Флоріановы повѣсти, 2 части, пер. Вышеславцовъ. М. 1798—1800. (Новеллы: Клодина, Петръ, Валерія, Софронимъ, Селико, Зюль-Баръ, Камирей, Баменди).

⁶⁾ Гонзальвъ Кордуанскій или возвращенная Гренада; твор. Флоріана, перев. (Гр.) Ш(иповскій) 3 части. Спб. 1793.

То жъ, пер. съ фр. Н. Осиповъ, 2 части. Спб. 1794.

⁷⁾ Гишпанская вечеринка, съ франц., изъ Флоріана.—Чтеніе для вкуса, 1791 г., ч. III, стр. 142.

Милонъ, греч. повѣсть, изъ соч. Флоріана, пер. съ фр. Мих. Вышеславцевъ—*ibid.*, 1793 г. ч. XI, стр. 86.

Въ началѣ XIX столѣтія особенное вниманіе привлекъ театръ Флоріана ¹⁾. Продолжали однако интересоваться и повѣствовательными его произведеніями ²⁾.

Въ 1799 г. вышло посмертное изданіе неизвѣстныхъ еще сочиненій Флоріана: *Oeuvres posthumes de Mr. de Florian, conten. Rosalba, nouvelle sicilienne, plusieurs fables inédites et le poëme de Guillaume Tell, avec la vie de l'auteur, par L. F. Jauffret. Paris, 1799.*

Книжка эта попала въ Москвѣ въ руки Жуковскаго, и онъ перевелъ и „Розальбу“ и „Вильгельма Телля“; переводъ вышелъ въ печати въ 1802 г. подъ заглавіемъ: *Вильгельмъ Телль, или освобожденная Швейцарія. Сочиненіе г. Флоріана. Съ историческою картинкою* ³⁾ и съ присовокупленіемъ новѣйшаго сочиненія сего автора, подъ

Геро и Леандръ, лирич. монологъ, изъ Флоріана, пер. М. Вышеславцева, *ib.* 1793 г. ч. XII, стр. 35.

Клодина, савойская повѣсть, пер. М. Вышеславцова, *ibid.*, ч. XII, стр. 50.

Валерія, итальян. пов., Москов. Журн. 1792, ч. VII стр. 282.

Леокадія, пов. Флоріана, пер. Павла Львова—Пр. и пол. препров. врем. ч. II (1794 г.), стр. 279.

Два отрывка изъ Галатеи Флоріановой, К. Гр. Хованскаго—*ibid.*, ч. VI (1795), 61; ч. VII, 25.

Камирей, американ. пов., изъ Флоріана, пер. Вышеславцова,—*ibid.*, ч. VII (1795), стр. 33.

Два отрывка изъ Эстеллы Флоріана, К. Гр. Хованскаго—*ibid.*, VII, 113, 179.

Меланхолія, изъ Флоріана, К. Гр. Хованскаго, *ib.*, IX, (1796), 202.

Отрывки изъ Флоріана, К. Гр. Хованскаго, *ib.* IX, 251, 350.

Галатея, пастуш. пов. Флоріана, пер. А. Ханенко,—*ibid.* X (1796), 49.

Пѣсня изъ Эстеллы Флоріановой, пер. В. Пушкина,—Аониды, 3-я книжка (1798—1799), стр. 317. (*Adieu bergère chérie...—Прости, мой другъ, навѣки...*).

¹⁾ Добрый сынъ, ком. въ 3 д. г. Флоріана, пер. съ фр. Павелъ Ивановъ. Спб. 1800.

Добрая мать, ком. въ 1 д. Флоріана, пер. съ фр. Кн. И. В. М. 1801.

Обманутый плутъ, или награжденное простодушіе, ком. г. Флоріана, съ франц. М. 1802.

Геро и Леандръ (сцены)—Утрен. Заря, кн. II, (1803) стр. 180 и сл.

Театръ г. Флоріана, пер. съ фр. Козьма Барановъ, 2 части. М. 1821.

²⁾ Санкъ, португал. повѣсть, изъ соч. Флоріана, пер. съ фр. М. 1801.

Елизеръ и Нефтали, соч. Флоріана, пер. съ франц. М. 1805.

Елизеръ и Нефеалимъ, поэма въ 4 пѣсняхъ, пер. съ фр. А. и Я. Бабиковы; Спб. 1808.

Батменди, изъ соч. Флоріана, пер. съ фр. Н. Мамонтовъ. Спб. 1819.

Валерія, пов. изъ соч. Флоріана, пер. съ фр. С. Мамонтовъ. Спб. 1819.

³⁾ Представляющую сцену выстрѣла В. Телля въ яблоко на головѣ сына, съ подписью: „Прозшествіе, случившееся 30-го октября 1307 года“.

названіемъ: *Розальба, сицилійская повѣсть. Перев. съ франц. М. 1802.* (2-ое изданіе—М. 1817).

Многое должно было привлечь вниманіе Жуковскаго къ книжкѣ Флоріана: и популярность Флоріана въ средѣ читающей публики вообще, и охота, съ какой помѣщались его произведенія въ близкихъ Жуковскому журналахъ, какъ „Чтеніе для вкуса“, „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, и наконецъ извѣстная тенденція, близкая къ направленію кружка, гдѣ вращался Жуковский, и которую послѣдній въ своемъ переводѣ даетъ почувствовать еще болѣе:

„*Друзья добродѣтели!* — начинаетъ Жуковский, — великодушные смертные, всегда готовые умереть за свою независимость, *дышащіе для блага человечества*, склоните слухъ къ моимъ пѣснямъ!“ ¹⁾ Герою же этихъ пѣсень авторъ предполагаетъ вывести „сына природы“, который „возвѣстилъ громогласно законы своей матери, ополчился на поддержаніе ихъ“ и „въ вѣкѣ дикомъ и непросвѣщенномъ, посреди утесовъ необитаемыхъ, соорудилъ святую обитель Разсудку и Добродѣтели, симъ чадамъ неба, утѣшительницамъ смертныхъ“ ²⁾. Окружающая его среда характеризуется такими чертами: „Въ древней Гельвеціи... три области, которыхъ малое пространство было отвсюду ограждено дикими утесами, сохранили драгоценную чистоту нравовъ... Трудолюбіе, воздержаніе, довѣренность, стыдливость, всѣ оныя добродѣтели, священныя для смертныхъ, нашли убѣжище свое посреди сихъ горъ неприступныхъ... Обитатели сихъ трехъ областей (Ури, Швица и Унтервальдена), безпрестанно занимались сельскими трудами, въ теченіи многихъ вѣковъ не знали ни преступленій, ни бѣдствій раждающихся отъ тщеславія, отъ раздора... Они сохранили древніе свои законы, обычаи и суровые нравы. Спокойно владычествова въ сельскихъ кущахъ своихъ, отцы семействъ старѣлись въ мирѣ, окруженные любовію и почтеніемъ; чада ихъ, не зная зла, страшась Бога и любя своихъ родителей, не имѣли другого блаженства, другого желанія, другой надежды, кромѣ того, чтобы уподобиться добродѣтельнымъ смертнымъ, отъ которыхъ они получили жизнь... Народъ сей простой и неспорченный, почти неизвѣстный въ

¹⁾ Вильгельмъ Тейль, стр. 5. У Флоріана: *Amis de la liberté, coeurs magnanimes, âmes tendres, vous qui savez mourir pour votre indépendance, et qui ne voulez vivre que pour vos frères, prêtez l'oreille à mes accens.*

²⁾ *Ibid.*, стр. 6. У Флоріана: *Dans un siècle barbare, dans des rochers presque inhabitables sut fonder une retraite à ces deux filles du ciel, consolatrices de la terre, à la raison, à la vertu.*

мірѣ, оставшійся одинъ съ натурою, защищаемый нищетою своею, *продолжалъ быть добродѣтельнымъ* и не былъ еще за то наказанъ“¹⁾).

Отецъ Вильгельма „шестьдесятъ зимъ“ провель въ своемъ „мирномъ убѣжищѣ, и ни разу порокъ не дерзнулъ осквернить его хижины“; умирая, онъ даетъ завѣщаніе сыну: „Трудись, подобно мнѣ, сынъ мой; подобно мнѣ избери добрую супругу, которой бы любовь, довѣренность, нѣжная и терпѣливая дружба услаждали невинныя твои удовольствія, раздѣляли съ тобою твои горести... Прости, укроти горесть свою; *смерть ничто для непорочнаго...* Будь счастливъ, сынъ мой, будь счастливъ, покуда ты свободенъ; но если какой-нибудь тиранъ дерзнетъ возстать на поражение твоихъ согражданъ, умри, Вильгельмъ, *умри за твою отчизну*; смерть будетъ твоею славою“²⁾).

Самъ Вильгельмъ выступаетъ въ такомъ освѣщеніи: слова отца „остались въ душѣ *чувствительнаго* Телля,—говоритъ Флоріанъ; онъ далъ клятву—каждый вечеръ „удиняясь къ священной гробницѣ“ отца, „вспоминать на ней дѣла и мысли свои въ теченіи дня и вопрошать отца своего, доволенъ ли онъ своимъ сыномъ! О сколькими добродѣтелями былъ онъ обязанъ священному сему обѣту! Страшась устыдиться при воззваніи къ тѣни родительской, приучилъ онъ огненную душу свою *побѣждать, обуздывать страсти...* Трудолюбіе и *благодѣтельность* вмѣстѣ и занимали и успокоивали его... Природа, надѣливъ Вильгельма такою *ннжною прелестною душою*, даровала ему и гибкость и силу тѣлесную“... Но, „не гордясь такими преимуществами“, онъ предпочиталъ „блистательнѣйшимъ успѣхомъ *скрытое доброе дѣло*“³⁾).

¹⁾ Ibid., стр. 7—10. У Флоріана: Trois cantons... avaient conservé ces moeurs simples que le createur du monde donna d'abord à tous les humains pour les défendre contre le vice. Le travail, la frugalité, la bonne foi, la pudeur, toutes les vertus poursuivies par les conquérants, vinrent se cacher derrière ces montagnes... Ce peuple simple et vertueux, presque ignoré de l'univers, resté seul avec la nature, protégé par sa pauvreté, continuait d'être bon, et pourtant n'était point puni.

²⁾ Ibid., стр. 11—13. У Флоріана: La mort est facile pour l'homme de bien... Mais si jamais un tyran osait porter la moindre atteinte à notre antique liberté, Guillaume, meurs pour ton pays, tu verras que la mort est douce.

³⁾ Ibid., стр. 13—17. У Флоріана: Ces paroles restèrent gravées dans l'âme sensible de Tell... O combien il dut de vertus à cette obligation pieuse! Combien la crainte de rougir, en interrogeant l'ombre paternelle, acoutuma son âme de feu à vaincre, à dompter ses passions!. Travailier et faire du bien l'occupait et le reposait... La nature, en douant Guillaume d'une âme si pure et si belle, avait voulu lui

Вильгельмъ женился. Жена его, Эдме, „была самая скромная, самая прелестная красавица въ Ури. Вѣтерокъ, который передъ зарею волнуетъ листы и деревья; ручеекъ, стремящійся изъ утеса, и котораго каждая капля блеститъ отъ утренняго солнца, были не только чисты, какъ сердце милой Эдме. Спокойствіе, кротость, умъ избрали его своимъ святилищемъ. Добродѣтели, которыми она обладала, не знавши даже и ихъ имени, такъ слиты были съ существомъ ея, что она не могла бы понять, какъ можно ей, не переставши жить, перестать быть добродѣтельною“ ¹⁾).

Благополучіе В. Телля дополнялось совершенно въ настроеніи Жуковскаго: „Телль имѣлъ друга. Другъ сей, одинакихъ почти лѣтъ съ нимъ, обиталъ на скалахъ, раздѣлявшихъ Ури съ Унтервальдомъ. Сходство сердецъ ихъ, а не характеровъ, соединяло ихъ съ младенчества. Мелькталь столь же добрый, столь же неустрашимый и великодушный, какъ Телль подобно ему любилъ страстно добродѣтель, свободу и отечество“ ²⁾).

Поэма Флоріана раздѣлена на четыре книги, въ которыхъ и разсказывается борьба Вильгельма съ намѣстникомъ Геслеромъ, который былъ „самый жестокий, самый малодушный изъ льстецовъ юнаго императора“ ³⁾. Колоритъ повѣствованія — сентиментально-героическій. „Картина ужасныхъ бѣдствій, которыя неволя приготовляла“ его сыну, „повергли чувствительнаго Телля въ мрачную задумчивость, и въ первый разъ въ жизни слезы потекли изъ глазъ его“... ⁴⁾. Яв-

donner encore l'adressé, la force du corps... Sans s'enorgueillir de tant d'avantages, préférant aux plus éclatans succès la plus obscure des bonnes actions, Tell...

¹⁾ Ibid., стр. 17—18. У Флоріана: L'air qui vient avant la lumière agiter les feuilles des arbrisseaux, la source qui filtre du roc, et dont chaque goutte brillante réfléchit les premiers rayons, étaient moins purs que le coeur d'Edmée. La paix, la douceur, la raison, l'avaient choisie pour leur sanctuaire. La vertu, qu'elle possédait sans en connaître même le nom, était pour elle l'existence. Son âme n'aurait pas compris que l'on pût cesser d'être sage autrement qu'en cessant de vivre.

²⁾ Ibid., стр. 26—27. У Флоріана: Tell joignait à tant de biens, le bien le plus nécessaire dans le bonheur et dans le malheur, Tell possédait un ami. Cet ami, presque de son âge, habitait parmi les rochers qui séparent Uri d'Unterwald. La ressemblance de leurs coeurs, et non de leurs caractères, les avait unis dès l'enfance. Melctal, aussi pur, aussi brave, aussi généreux que Tell, aimait autant que lui la vertu, la liberté, la patrie...

³⁾ Ibid., стр. 34.

⁴⁾ Ibid., стр. 38. У Флоріана: La vue de cet enfant, l'idée des malheurs affreux que l'esclavage lui préparait, firent tomber le sensible Telle dans une pro-

ляется старый Мелькталь, отец друга Вильгельма, ослѣпленный Геслеромъ, и рассказываетъ о совершенномъ надъ нимъ злодѣяніи. „Когда окончилъ престарѣлый Мелькталь свое повѣствованіе, то Эдме, Клера и Жемми (дочь молодого Мелькталя и сынъ Телля), рыдая, бросились на грудь его и оросили ее своими слезами. Телль, сохраняя ужасное молчаніе, склонивъ голову на одну руку, смотрѣлъ въ землю, крупныя слезы по каплямъ выкатывались изъ полузакрытыхъ очей его; грудь его, отягченная ужаснымъ бременемъ, едва дышала и воздымалась медленно, и рука, подпиравшая его голову, трепетала въ судорожныхъ движеніяхъ. По долгомъ и мрачномъ безмолвіи, онъ вдругъ подымается съ мѣста, обнимаетъ дряхлаго слѣпца, дважды прижимаетъ его къ волнующейся груди своей, силится говорить, и только потухающимъ голосомъ произноситъ слова сіи: отецъ мой, я отмщу за тебя“¹⁾).

Въ чувствительномъ, добродѣтельномъ поселениѣ пробудился блестящій герой, борецъ за свободу родины.

Вильгельмъ въ одну сторону посылаетъ сына Джемми (съ нимъ вмѣстѣ отправляется Клера; дорогой дѣти трогательно заботятся другъ о другѣ, исполняютъ порученіе, но затѣмъ попадаютъ во власть Геслера и оказываются въ „мрачной темницѣ“), въ другую идетъ самъ, созываетъ и вооружаетъ сообщниковъ. Онъ является въ Альторфъ, резиденцію Геслера, „посѣтитъ друзей своихъ и возвѣститъ имъ свои предпріятія“, отказывается преклониться предъ шляпою намѣстника, повѣшенною на длинномъ копьѣ, знаменитымъ выстрѣломъ изъ лукашибаетъ стрѣлою яблоко съ головы сына; встрѣча его съ Геслеромъ описана такъ: „Спокойный посреди стражей, не внимая грубымъ ихъ угрозамъ, сложивъ руки на грудь, Вильгельмъ является къ тирану. Онъ взираетъ на него окомъ неустрашимымъ... и въ грозномъ молчаніи ожидаетъ вопросовъ Геслера. Его видъ, его чело, его неустрашимое спокойствіе, удивляютъ, возмущаютъ губернатора. Невольный ужасъ, тайное предчувствіе, кажется, говорятъ ему, что предъ нимъ мститель Швейцаріи. Онъ боится поднять на него взоры, онъ колеблется вопрошать его... Телль смотритъ на него съ гордою улыбкою“²⁾), и произноситъ грозную рѣчь, грозя мщеніемъ.

fonde rêverie, et, pour la première fois de sa vie, ses yeux laissèrent échapper des larmes.

¹⁾ Ibid., стр. 55—56.

²⁾ Ibid., 110—111.

Вильгельмъ схваченъ и въ оковахъ въ крѣпости; но возстаніе уже было подготовлено, ждали только условнаго знака—костра на вершинѣ горы, гдѣ жилъ Телль. Эдме, знавшая объ этомъ условномъ сигналѣ, въ отчаяніи при принесенномъ Клерой пзвѣстія о заключеніи Вильгельма въ крѣпость, зажигаетъ собственную хижину, чтобы дать знакъ возстанія,—и швейцарскія дружины направляются въ Альторфъ, резиденцію намѣстника.

Между тѣмъ Геслеръ везетъ скованнаго Вильгельма въ лодкѣ черезъ озеро въ сосѣднюю крѣпость. Буря заставляеть прибѣгнуть къ искусству Телля, какъ кормчаго. Замѣтивъ огонь зажженной Эдме хижины, и зная что по этому знаку заговорщики должны двинуться въ путь, Телль незамѣтно направляетъ лодку обратно къ Альторфу; когда же Геслеръ это разсмотрѣлъ, Вильгельмъ „устремляетъ судно прямо къ утесу, нѣсколько отдаленному отъ береговъ, поспѣшною рукою выхватываетъ стрѣлу и лукъ у одного стрѣльда и какъ молнія бросается изъ ладьи на утесъ... перепрыгиваетъ на другой утесъ, съ котораго летитъ на берегъ; взбирается немедленно на крутую скалу и является на ея вершинѣ, подобный мощному альпійскому орлу, когда онъ успокоивается подъ облаками и быстрыми взорами озираетъ стада на долинахъ“ ¹⁾. Геслеръ приказываетъ причалить къ берегу; воины окружаютъ скалу. Вильгельмъ, подпустивъ своихъ враговъ на выстрѣлъ, „примѣчаетъ Геслера, кладетъ стрѣлу на тетиву, направляетъ ее прямо въ сердце тирана и пускаетъ по воздуху; стрѣла летитъ, свиститъ, и пронзаетъ сердце Геслера. Тиранъ упадаетъ; черная кровь клубится изъ рта его; онъ стонетъ въ бѣшенствѣ, и злобная душа его излетаетъ съ проклятіями“ ²⁾.

Вильгельмъ стремится въ Альторфъ и находитъ тамъ всѣхъ своихъ сообщниковъ. Крѣпость берутъ приступомъ,—и „знамя Ури вѣетъ и блеститъ на ужасной твердынѣ“. Вильгельмъ обращается къ народу съ рѣчью: „Граждане! вы свободны; но драгоцѣнную свободу сію, можетъ быть, труднѣе сохранить, нежели пріобрѣсть: для одного нужно только мужество; для другого добродѣтели, твердыя, неизблемыя, неизмѣняемыя... Покоритесь законамъ: безъ нихъ вы ничто! Свобода есть только повиновеніе мудрымъ законамъ. Сохраните чистоту нравовъ своихъ: *безъ добродѣтелей нтъ свободы*“ ³⁾... Самъ

¹⁾ Ib., стр. 154—155.

²⁾ Ib., стр. 156.

³⁾ Ibid., 163—165. У Флоріана: ...Pour l'un, le courage suffit; pour l'autre, il

же Телль, а равно и его сообщники опять вступают „въ санъ простыхъ гражданъ“, отказавшись отъ всякой власти.

Вмѣстѣ съ „В. Теллемъ“ была издана въ переводѣ Жуковскаго и „сицилійская повѣсть Розальба“.

Иронія, направленная противъ вѣры въ силу чаръ, колдовства— основной тонъ этой послѣдней новеллы любимца Вольтера Florianet.

„Съ тѣхъ поръ, какъ начали во Франціи философствовать, умствовать, вѣрить только истинному, волшебство потеряло совсѣмъ свою силу“,—такъ начинается повѣсть.—„Теперь не вѣрятъ уже ни колдовствамъ, ни любовнымъ питьямъ, ни ворожамъ... Теперь смѣются надъ тѣми, кои предсказываютъ будущее, ворожатъ...—всѣ надъ этимъ смѣются, но я не смѣюсь“,—говоритъ Флоріанъ:—„Не приводя въ примѣръ многихъ приключеній, утвержденныхъ достовѣрными свидѣтелями, я вижу всякой день такія происшествія, которыя увѣряютъ меня въ истинѣ колдовства“. Происшествія же эти таковы: „Когда безутѣшная вдова, умирающая почти отъ горести на гробѣ супруга и заставляющая всѣхъ друзей своихъ опасаться, что отчаяніе лишитъ ее разума, приходитъ опять въ себя при видѣ молодого прекраснаго мушкетера и отирая слезы, орошающія лице ея, отдаетъ своему утѣшителю драгоцѣнности, которыя милѣе ему всего, счастье свое, о которомъ онъ мало заботится: то не очевидно ли, что причиною тому какое-нибудь любовное питье? Конечно,—и я основываю свое утвержденіе на многихъ подобныхъ сему приключеніяхъ“. Разсказъ о Розальбѣ—„истинный анекдотъ“, слышанный „отъ очевидныхъ свидѣтелей“—одно изъ подобныхъ приключеній.

Юная красавица графиня Розальба вышла по любви за молодого прекраснаго герцога Каstellамара. Но черезъ полгода герцогъ сталъ измѣнять женѣ „для недостойныхъ любовницъ“. Розальба была въ отчаяніи. Сама она продолжала горячо любить мужа: „Потребность любить, пріятное удовольствіе согласить должность съ страстью, невольная благодарность, которую чувствуетъ невинная дѣвушка къ тому, кто научилъ ее любить,—все, все воспламеняло сердце Розальбы“. „Вѣрнѣйшая служанка“ Розальбы Лаура посовѣтовала прибѣгнуть къ искусству колдуньи-жидовки; въ доказательство могущества послѣдней Лаура рассказываетъ случай съ своей знакомой, молодой торговкой Лизетой: „Одинъ молодой господинъ увидѣлъ ее

faut des vertus austères, constantes, inébranlables... Faites des lois: sans lois, que deviendrez-vous? La liberté n'est que l'esclavage des lois sages. Gardez vos mœurs; qu'elles deviennent même plus austères: sans vertus, point de liberté.

въ церкви и осмѣлился говорить ей о любви. Лизета не слушала его, не читала его писемъ и избѣгала встрѣчи съ нимъ“. Тогда онъ „прибѣгнувъ къ старой жидовкѣ, открывъ ей свою горестъ и принесъ богатый подарокъ. Колдунья дала ему небольшую зеленую восковую свѣчу“—и вотъ съ того времени „Лизета ходитъ, одна, каждую ночь, къ своему любовнику и возвращается отъ него уже на разсвѣтъ“. Розальба „будучи чувствительна, сдѣлалась легковѣрною и впала въ суевѣріе, которое есть порокъ, свойственный всѣмъ сициліянкамъ“; она призываетъ къ себѣ колдунью. Описывается комически-театральная наружность колдуньи: герцогиня увидѣла передъ собою „маленькую женщину, опершуюся на клюку изъ чернаго терновника и одѣтую въ красное платье съ желтымъ поясомъ; старый капоръ на головѣ, которая тряслась безпрестанно, скрывавъ остатки сѣдыхъ волосъ ея; остроконечная кость, покрытая сухою кожею, которая служила ей нѣкогда носомъ, соединялась съ другою такою же костью, которая была подбородкомъ“ и т. д. Колдунья затрудняется пособить Розальбѣ: „Почти всѣ женщины нелюбимы своими мужьями,—говоритъ она. —Мое колдовство недостаточно, чтобъ сдѣлать ихъ всѣхъ счастливыми“. Однако она совѣтуетъ одно средство, какъ „ужасную тайну“: „За полмили отъ Палермы, на Корліанской дорогѣ, находится небольшая часовня, окруженная глубокимъ ровомъ; деревянный мостъ ведетъ къ часовнѣ, вокругъ которой сдѣланъ изъ камней подмостокъ, шириною въ полфута. Надъ нимъ висятъ на стѣнѣ тѣла преступниковъ, судимыхъ въ Палермѣ. Они остаются тамъ до тѣхъ поръ, пока не упадутъ въ ровъ, который служить имъ гробомъ. Если вы (герцогиня Розальба) имѣете столько мужества или любви, чтобъ итти къ часовнѣ одной, ночью, стать на подмостокъ и отрѣзать лѣвою рукою волосы у перваго трупа, который вамъ попадется, то я отвѣчаю за прочее. Но непременно должны вы итти однѣ и въ самую полночь“.

Розальба пускается въ это дикое приключеніе; подходит къ часовнѣ, „обертываетъ фонарь и бросаетъ взоръ на глубокую пропасть, наполненную костями человѣческими“; потомъ „ободрается, становится одной ногой на узкій подмостокъ, становится потомъ и другою, старается схватиться рукою за что-нибудь... Находить ногу одного изъ висящихъ труповъ; схватываетъ, держится за нее, беретъ фонарь изъ лѣвой руки въ правую, вынимаетъ ножницы, становится на носки дрожащихъ своихъ ногъ и силится достать голову преступника, чтобъ отрѣзать волосы, которые ей нужны“.

Въ это время по дорогѣ проѣзжаетъ герцогъ Каstellамаръ, „который везъ двухъ пѣвицъ въ загородный свой домъ“. Принявъ Розальбу „за колдунью, которая имѣла въ виду что нибудь худое“, онъ останавливается, хочетъ схватить и предать инквизиціи нарушительницу покоя мертвыхъ,—и пораженъ, узнавъ собственную жену. Оставивъ пѣвицъ на дорогѣ, онъ везетъ Розальбу домой, узнаетъ, на что рѣшилась она изъ любви къ нему—и съ этихъ поръ становится вѣрнымъ и добродѣтельнымъ мужемъ. „Жидовка послѣ признавалась, что предлагая Розальбѣ идти къ часовнѣ, она знала, что герцогъ каждый вечеръ ѣздитъ мимо ее; она предугадала слѣдствія этого приключенія“.

Такимъ образомъ, дѣло разрѣшается очень просто. Флоріанъ, продолжая вронпзировать, замѣчаетъ: „Но это не умаляетъ славы ея (колдуньи-жидовки) и не заставитъ насъ не вѣрить ворожеямъ и колдуньямъ“.

Тихонравовъ, остановивъ особое вниманіе на разсказѣ о „страшномъ путешествіи“ Розальбы къ часовнѣ, въ которомъ видѣлъ средоточіе интереса новеллы, замѣчаетъ: Будущему „балладнику“ рано начали нравиться подобныя разсказы ¹⁾. Но Жуковский не могъ не почувствовать ироническаго отношенія автора къ разсказываемому, въ силу чего похождение Розальбы производитъ едва не комическое впечатлѣніе. Позднѣе и самъ „балладникъ“ обнаружилъ стремленіе освѣщать балладныя страхи такимъ образомъ, что тягостное впечатлѣніе мгновенно исчезаетъ: въ первой же непереводной балладѣ Жуковскаго—„Свѣтланѣ“—все такіе страхи оказываются не болѣе, какъ „лживый сонъ“.

Мотивомъ, который, можетъ быть, еще болѣе долженъ былъ привлечь къ себѣ въ это время вниманіе Жуковскаго, была сентиментальная развязка новеллы, изображающая торжество добродѣтели: „Герцогъ бросается къ ногамъ своей супруги, проливаетъ слезы удивленія, любви, раскаянія; клянется загладить вѣчнымъ постоянствомъ заблужденія свои, которыми теперь гнушается; проситъ у нее въ нихъ прощенія и признается, что недостоинъ его. Чувствительная Розальба поднимаетъ его съ горестною улыбкою, прижимаетъ къ своему сердцу и орошаетъ лицо его радостными слезами... Съ сей минуты молодой Каstellамаръ, оставивъ ложныхъ друзей, которые не могли совсѣмъ развратить его, *сталъ наслаждаться счастьемъ,*

¹⁾ Соч. Тихонр., т. III, ч. 1, стр. 441.

которое ему прежде было неизвестно, и которое доставляет добродетель, чистѣйшая любовь и душевное спокойствіе... Жизнь его текла въ радостяхъ и удовольствіяхъ посреди добродѣтельной супруги, посреди милыхъ дѣтей и стараго графа Скандзано (отца Розальбы)".

XIX.

Также уже послѣ смерти Флоріана былъ изданъ и сдѣланный имъ переводъ Донъ-Кихота: Don Quichotte de la Manche, trad. de l'espagnol de Mch. de Cervantes, par Florian. Ouvrage posthume, T. I—VI. Paris. An VII (1798). Это, впрочемъ, болѣе передѣлка Сервантеса, чѣмъ переводъ. Сентъ-Бёвъ говоритъ: Флоріанъ сократилъ Донъ-Кихота „sous prétexte d'en affaiblir les taches; mais ce sont souvent les beautés et les gaités qu'il abrège" ¹⁾. Мари-Жозефъ Шепье, современникъ Флоріана, выражается еще рѣшительнѣе: „C'est le génie qu'il (Florian) supprime: il attiédit la verve de Cervantes; un comique large et franc devient partout mince et discret" ²⁾. Жуберъ пользуется такимъ образнымъ выраженіемъ для характеристики отношенія Флоріана къ испанскому писателю: „Il a appliqué aux épanchements d'une veine abondante et riche les sautillements et les murmures d'un ruisseau: petits bruits, petits mouvements, très-agréables sans doute quand il s'agit d'un filet d'eau reserré qui roule sur des cailloux, mais allure insupportable et fausse quand on l'attribue à une eau large, qui coule à plein canal sur un sable très-fin" ³⁾. Сентъ-Бёвъ справедливо видитъ въ этомъ большое заблужденіе, прямо преступное оскорбленіе генія (le crime de *lése-génie*); объясняетъ онъ это самою натурою Флоріана, который все *флоріанизируетъ*: какъ Арлекина онъ сдѣлалъ чувствительнымъ, такъ и Санчо онъ лишилъ веселости, безграничнаго благодушія (Celui qui ôte de sa gaité et de la large bonhomie à Sancho n'est pas autre que celui qui a preté de la sensibilité à Arlequin. Il *florianise* tant soit peu toutes choses) ⁴⁾. Флоріанъ „a expurgé, aminci, extenué l'enorme génie de Cervantes", пишетъ Кларети ⁵⁾.

Въ противоположность, однако, этимъ суровымъ приговорамъ,

¹⁾ Causeries de Lundi, t. III, 235—236.

²⁾ Ibidem, 236; *M. J. Chénier*, Tableau historique de l'état et des progrès de la littérature française depuis 1789. Paris, 1835, p. 212.

³⁾ Caus. de Lundi, III, 236.

⁴⁾ Ibid., 236.

⁵⁾ *Claretie*, Florian, 103.

среди современниковъ появленія перевода Флоріана циркулировало иное мнѣніе объ этомъ переводѣ; въ рецензіи, явившейся въ журналѣ *Spectateur du Nord*, говорилось:

Quel que soit le mérite de Don Quichotte (et il en a un très-grand, puisqu'il doit être incontestablement placé à la tête de tous les romans comiques), il est permis de croire qu'il a dû une partie de sa brillante réputation au temps où il parus. C'est la satire la plus fine, non seulement des romans de chevalerie, mais de la chevalerie elle-même... Романъ Сервантеса, по мнѣнію рецензента, не чуждъ однако же нѣкоторыхъ отрицательныхъ качествъ: Les discours de Don Quichotte, pleins de philosophie, et certes d'une philosophie excellente, me rendent infiniment pénibles les extravagances auxquelles va se livrer l'orateur, un moment après. Ce mélange de sagesse et de déraison a quelque chose qui m'attriste... Un reproche qu'on peut faire encore à Cervantes, et *qui n'est pas nouveau*, c'est d'avoir laissé descendre un peu trop bas. Les plus grands admirateurs de l'Auteur espagnol ne peuvent le défendre de beaucoup de fautes de goût: ils sont fondés à en rejeter un grand nombre sur son siècle. Въ старыхъ переводахъ недостатки „Донъ-Кихота“ удерживались; иначе отнесся къ своей задачѣ Флоріанъ, когда его, какъ своего корреспондента, пригласила заняться переводомъ мадридская академія: Florian avoit tout ce qu'il falloit pour faire une bonne traduction de Don Quichotte, une connaissance parfaite de l'Espagnol, de la souplesse, de la grâce, de la gaieté, et ce grain de philosophie, sans lequel il n'est rien de bon. On auroit pu lui désirer de plus d'être aussi familiarisé avec l'épigramme, qu'avec le madrigal. Всѣ ошибки Сервантеса Флоріанъ „a toutes corrigées avec scrupule“, и благодаря этому Донъ-Кихотъ *n'a plus que des charmes pour la délicatesse-même*, et l'on pourra à tout âge renouveler conoissance avec cet ami des premiers ans, avec ce camarade de collège; Флоріанъ переводилъ такимъ образомъ: Il ne s'est pas seulement attaché à rendre l'esprit de Cervantes, mais il a abrégé les digressions, supprimé les images peu gracieuses, retranché ou adouci tous les traits hasardés, omis même les aventures peu dignes des autres, serré souvent le récit, et fait disparaître quelques contradictions qui s'étoient glissées sous la plume de l'écrivain espagnol, tout à la fois trop rapide et trop abondante. Il a, en un mot, *effacé toutes les taches qui pouvoient ternir le chef-d'oeuvres de Cervantes*, en lui restituant toute la grâce que lui avoient enlevée ses traducteurs. Il a surtout rendu tout le charme de l'original aux différents morceaux de poésie qui sont épars dans le roman et qu'il étoit impos-

sible de lire dans l'ancienne traduction. Ce sont, pour la plupart, de jolies romances, dont la musique s'est sans doute déjà emparée; elles seront chantées et retenues comme celles d'Estelle ¹⁾.

Русская читающая публика интересовалась Сервантесомъ. Съ французскихъ переводовъ переводили на русскій языкъ и его повѣсти ²⁾, и Донъ-Кихота. Послѣдній появился уже въ 1769 г.: *Исторія о славномъ рыцарѣ Ламанхскомъ Донъ-Кихотъ, сочиненіе Г. Серванта Сааведры; переводъ съ французскаго*. 2 тома. С.-Пб. 1769. Судя по этому заглавію, знаменитый романъ Сервантеса стоялъ въ глазахъ переводчика на одной доскѣ съ такими произведеніями, какъ „Исторія о славномъ рыцарѣ Златыхъ Ключей Петрѣ Прованскомъ и о прекрасной Магелонѣ (перев. съ франц., М. 1780)“, или какъ „Исторія о славномъ рыцарѣ Полиционѣ и о прекрасной королевнѣ Милитинѣ (М. 1787)“ и т. п. Переводъ не обнималъ однако и четвертой части оригинала: въ вышедшихъ двухъ томахъ находится только 27 первыхъ главъ „Донъ-Кихота“. Съ еще болѣе заманчивымъ лубочнымъ заглавіемъ вышла другой переводъ Донъ-Кихота двадцать лѣтъ спустя: *Неслыханный чудодѣй, или удивительныя и необычныя приключенія храбраго и знаменитаго странствующаго рыцаря Донъ-Кихота*. Соч. славнаго Михайла Серванта Сааведры; перевелъ съ французскаго Н. О(сиповъ). 2 части. С.-Пб. 1791 ³⁾. Изданіе 2-ое. М. 1812.

Въ журналѣ И. А. Крылова „С.-Петербургскій Меркурій“ (1793 г. II стр. 225—246) была помѣщена „Жизнь славнаго Серванта“, перев. съ французскаго И—ъ Мил—ъ. Приятное и полезное препро-

¹⁾ Le Spectateur du Nord, journal politique, littéraire et moral. 1799. Novembre, pp. 202—209.

²⁾ Двѣ любовницы, гишпанская повѣсть. соч. Михайла Сервантеса Сааведры, перев. съ франц. М. 1769.

Прекрасная цыганка Неоцѣна, испанская повѣсть, соч. М. Серванта, перев. съ франц. Смоленскъ 1795.

Повѣсти Михайла Сервантеса, перев. съ франц. М. Кобринъ. 3 части. М. 1805.

³⁾ Въ предисловіи читаемъ: „Въ гишпанскомъ оригиналѣ состоитъ она въ шести большихъ томахъ. изъ которыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. нѣто изъ французскихъ писателей собралъ самыя забавнѣйшія остроумнѣйшія и шутивѣйшія приключенія и составилъ изъ всего сочиненія двѣ части, которыя теперь и предлагаются на нашею языкъ въ пользу и удовольствіе любителей російскихъ романовъ“. Такого французскаго сокращенія „Донъ-Кихота“ не отмѣчено однако ни у *Graesse*, Trésor de livres rares et précieux,—ни у *Nisard*, Histoire des livres populaires ou de la littérature du colportage.

вожденіе времени (1795 г., ч. VI, стр. 206, въ статьѣ „Нѣчто о романахъ“) упоминаетъ „неподражаемаго Донъ-Кихота Цервантесова“, который прежде всѣхъ представилъ въ смѣшномъ видѣ двухъ скитающихся рыцарей“. Къ изданію „Галатеи“ Флоріана въ переводѣ Хаенко (С.-Пб. 1799) присоединено флоріаново же „Описаніе жизни Серванта, сочинителя гишпанской Галатеи, Донъ-Кихота и др.“.

Здѣсь читатели находили такой отзывъ о знаменитомъ испанскомъ романѣ: „Умъ, острога и веселость, которыя находимъ въ Донъ-Кихотѣ; вѣрность портретовъ, чистый и натуральный слогъ сдѣлали сей романъ безсмертнымъ... Эта книга такъ хороша сама по себѣ, приключенія въ ней такъ забавны, эпизоды такъ интересны, что рѣдкій не знаетъ ее и по нѣскольку разъ не перечитываетъ! На картинахъ, обояхъ, эстампахъ, сервизахъ видимъ Донъ-Кихота; всякій ребенокъ смѣется узнавши Санхо Пансу“.

Тутъ же Флоріанъ замѣчаетъ: „Знаю, что не всѣ французы читаютъ его (Донъ-Кихота) съ одинаковымъ удовольствіемъ—причина тому одинъ весьма посредственный переводъ на языкъ нашъ, въ которомъ потеряна вся красота подлинника. Мнѣ кажется, переводчикъ почиталъ Донъ-Кихота обыкновеннымъ романомъ, который только что забавенъ. Онъ переводилъ каждое испанское слово французскимъ, первымъ попадавшимъ въ лексиконъ безъ выбора и сравненія“¹⁾.

Съ этого стараго французскаго перевода и былъ сдѣланъ русскій переводъ 1769 года („Исторія о славномъ рыцарѣ Ламанхскомъ...“), который къ тому же былъ и не оконченъ. Появленіе новаго французскаго перевода, вышедшаго изъ подъ пера популярнаго писателя, какимъ былъ Флоріанъ, должно было обратить на себя вниманіе. Въ добавокъ, уже на основаніи предисловія переводчика читатель долженъ былъ ожидать *болше*, чѣмъ простаго перевода:

„Трудъ мой имѣетъ свою особенную цѣль, писалъ въ этомъ предисловіи Флоріанъ: раскрытіе истинны рѣдкимъ извѣстной. Всѣ читаютъ Донъ-Кихота какъ романъ забавный и пріятный; не всѣ находятъ въ немъ сію *натуральную философію, которая смѣется надъ предразсудками, свято храня чистоту морали*. Все, что герой гово-

¹⁾ Galatée, pastoral, imitée de Cervantes. Paris, an IX, pp. 25—28. Изданія „Галатеи“ въ переводѣ Хаенко не имѣются въ книгохранилищахъ Петербурга и Москвы; цитирую по переводу Жуковскаго, приложившему „для удовольствія читателя“ къ I тому „Донъ-Кихота“ (стр. 36—39) флоріановъ очеркъ жизни Сервантеса.

рять не о рыцарствѣ, какъ будто *внушено мудростью и дышетъ любовью къ добродѣтели*; самое безумство его есть, въ испорченномъ смыслѣ, *сія же любовь къ добродѣтели*. Донъ-Кихотъ—сумасшедшій дѣлами, *мудрецъ мыслями*. Онъ добръ; его любятъ“... 1).

Освѣщаемый Флоріаномъ съ такой точки зрѣнія, ламанчскій рыцарь, естественно, остановилъ на себѣ вниманіе Жуковскаго, только что переведшаго „Вильгельма Теля“; рецензія флоріановскаго перевода, которую онъ долженъ былъ прочитать въ получавшемся И. П. Тургеневымъ *Spectateur du Nord*, рѣшила выборъ, — и нашъ поэтъ занялся переводомъ „Донъ-Кихота“. Въ 1804—1806 годахъ вышло шесть маленькихъ томиковъ подъ заглавіемъ: *Донъ Кихотъ Ла Манчскій. Сочиненіе Серванта. Переведено съ французскаго Флоріанова перевода В. Жуковскимъ*. Москва. 1804—1806 гг. (2-е изданіе— М. 1815 г.).

Нѣсколько сопоставленій дадутъ понятіе о характерѣ перевода:

Desocupado lector: sin juramento me podrás creer que quisiera que este libro, como hijo del entendimiento, fuera el mas hermoso, el mas gallardo y mas discreto que pudiera imaginarse; pero no he podido yo contravenir la órden de naturaleza, que en ella cada cosa engendra su semejante. J así! qué podia engendrar el estéril y mal cultivado ingenio mio, sino la historia de un hijo seco, avellanado, antojadizo, y lleno de pensamientos varios y nunca imaginados de otro alguno? bien como quien se engendró en una cárcel, donde toda incomodidad tiene su asiento, y donde todo triste ruido hace su habitacion. El sosiego, el lugar apacible, la amenidad de los campos, la serenidad de los cielos, el murmurar de las fuentes, la quietud del espíritu son grande parte para que las musas mas estériles se muestren fecundas y ofrezcan partos al mundo, que le colmen de maravilla y de contento 2) (*El ingenioso*

1) Донъ Кихотъ, перев. В. Жуковскимъ, т. I, предисловіе. стр. 1—2. Don Quichotte, trad. par Florian, t. I, Avertissement du traducteur, pp. I—II: Le principal but de mon travail a été l'espoir de faire sentir une vérité qui ne me semble pas assez connue; c'est que Don Quichotte, indépendamment de sa gaité, de son comique, est rempli de cette philosophie naturelle qui, en livrant au ridicule de vains préjugés, n'en respecte que plus la saine morale. Tout ce que dit le héros, lorsqu'il ne parle pas de chevalerie, semble dicté par la sagesse pour faire aimer la vertu; son délire même n'est qu'un amour mal entendu de cette vertu. Don Quichotte est fou dès qu'il agit, il est sage dès qu'il raisonne; et comme il est toujours bon, on ne cesse point de l'aimer...

2) Досужій читатель, ты мнѣ и безъ влятвы повѣришь, конечно, если я тебѣ скажу, что я желалъ бы, что бы эта книга, дитя моего ума, была прекраснѣйшей

hidalgo Don Quixote de la Mancha, compuesto por M. de Cervantes Saavedra, en Burdeos, 1815, tomo I, p. XXVII, prologo).

Lecteur oisif, ai-je besoin de te jurer que je voudrais que cet ouvrage fût le plus beau, le plus parfait, le plus agréable des livres? Malheureusement tu sais bien qu'à l'oeuvre on reconnoît l'ouvrier. Que pourroit produire un esprit aussi peu cultivé que le mien, sinon un sujet bizarre, extravagant, sans suite, sans ordre, rempli d'imaginations qui ne sont jamais venues à personne? D'ailleurs, je travaille en prison (Cervantes commença don Quichotte en prison. Voyez sa vie.), et le lieu n'inspire pas. Le spectacle des beautés champêtres, la sérénité des cieus, le murmure des ruisseaux, la tranquillité de l'âme, suffisent pour rendre fécondes les muses les plus stériles. Heureux ceux qui en jouissent! (Don Quichotte de la Manche. trad. par Florian (Paris. 1799) t. I, Prologue de Michel de Cervantes, p. IX—X).

Праздний читатель! желаю, что бы моя книга показалаь тебѣ лучше, пріятнѣе и совершеннѣе всѣхъ книгъ на свѣтѣ; но... не все то дѣлается, чего желаемъ! Къ несчастію, ты самъ не хуже меня знаешь, что въ твореніяхъ виденъ творецъ. Чего ожидать отъ непросвѣщеннаго ума моего? чего, кромѣ страннаго, несвязнаго и наполненнаго бреднями, не приходившими до сихъ поръ никому въ голову? При томъ же я пишу въ тюрьмѣ (Сервантъ началъ писать Донъ Кихота въ тюрьмѣ, примѣчаніе переводчика); а это мѣсто не воспламеняетъ воображенія. Картина природы, свѣтлое небо, шумящія ручьи, спокойная душа могутъ разгорячить самую холодную Музу — какъ счастливъ тотъ, кто не лишень сихъ наслажденій ¹⁾!

De todos (libros) ningunos le parecian tan bien, como los que compuso el famoso Feliciano de Silva: porque la claridad de su prosa, y aquellas enricadas razones suyas le parecian de perlas; y mas quando llegaba à leer aquellos requiebros y cartas de desafios, donde en mu-

и остроумнѣйшей изъ книгъ, какія только можно себѣ представить. Но увы! для меня оказалось невозможнымъ избѣгать закона природы, требующаго, чтобы всякое существо рождало себѣ только подобное существо. Что же иное могъ произвести такой бесплодный и плохо образованный умъ, каковъ мой, кромѣ исторіи героя сухого, тощаго, сумасброднаго, полнаго причудливыхъ мыслей, никогда не встрѣчающихся ни у кого другого, — такого однимъ словомъ, какимъ онъ и долженъ быть, будучи произведенъ въ тюрьмѣ, гдѣ присутствуютъ всякія непріятности и гнѣздятся всѣ зловѣщія слухи. Сладкій досугъ, пріятный образъ жизни, красота полей, ясность небесъ, журчаніе ручьевъ, спокойствіе духа — вотъ что обыкновенно дѣлаетъ плодотворными самыя бесплодныя музы и позволяетъ имъ дарить міру произведенія, которыя его чаруютъ и восхищаютъ. (Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій, новый полный переводъ С. М. Москва 1895 г., предисловіе, стр. 1).

¹⁾ Донъ Кихотъ, перев. В. Жуковскимъ, т. I, „Отъ сочинителя“, стр. 49 — 50 (цитирую по 2-му изданію. М. 1815 г.).

chas partes hallaba escrito: „la razon de la sinrazon que à mi razon se hace, de tal manera mi razon enflaquece, que con razon me quejo de la vuestra fermosura“. Y tambien quando leía: „los altos cielos que de vuestra divinidad divinamente con las estrellas os fortifican, y os hacen merécedora del merecimiento que merece la vuestra grandeza“ ¹⁾. (Don Quixote, I, 2—3).

...une nombreuse bibliothèque de ces livres, parmi lesquels il préférait surtout les ouvrages du célèbre Félician de Silva. Cette prose claire et facile, qui presque jamais n'a de sens, lui paroissoit admirable, surtout dans ces lettres si tendres où les amants s'expriment ainsi: „La raison de la déraison que vous faites à ma raison affoiblit tant ma raison que ce n'est pas sans raison que je me plains de votre beauté“. Cette manière si naturelle de parler enchantait notre gentilhomme (D. Quichotte, trad. par Florian, I, 3).

...Составилъ огромную библиотечку изъ любимыхъ книгъ своихъ, между которыми отлично нравились ему творенія славнаго Фелиціана де Сильвы. Сія чистая и легкая проза, въ которой почти никогда не было толку, приво-дила въ изумленіе и восхищала нашего героя. (Донъ-Кихотъ, пер. Жуковский, I, 63).

Hechas pues estas preventiones, no quiso aguardar mas tiempo à poner en efeto su pensamiento, apretàndole à ello la falta que él pensaba que hacia en el mundo su tardanza, segun *eran los agravios que pensaba deshacer, tuerdos que enderezar, sinrazones que enmendar, y abusos que mejorar, y deudas que satisfacer*; y así sin dar parte à persona alguna de su intencion, y sin que nadie le viese, una mañana àntes del dia (que era uno de los calurosos del mes de Julio) se armò de todas sus armas... ²⁾ (Don Quixote, I, 9).

¹⁾ Изъ всѣхъ книгъ ни одна не казалась ему (Донъ-Кихоту) такъ интересна, какъ сочиненія знаменитаго Фелиціана-де-Сильва; такъ какъ ясность его прозы его восхищала, а запутанные періоды были для него настоящими драгоценностями, въ особенности, когда ему приходилось читать объясненія въ любви, или вызовы въ письмахъ, гдѣ онъ довольно часто находилъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „безразсудное сужденіе о моемъ разсужденіи въ такой степени колеблетъ мое сужденіе, что я не безъ разсужденія сожалею о вашей граціи и красотѣ“; или онъ читалъ: „высокія небеса, которыя помощію звѣздъ вашу божественность божественно укрѣпляютъ и дѣлаютъ васъ заслуживающими тѣхъ заслугъ, которыхъ заслуживаетъ ваше величіе“ (Донъ-Кихотъ, перев. С. М., стр. 10).

²⁾ Окончивъ эти приготовленія, онъ не хотѣлъ далѣе откладывать исполненія своего плана; потому что его и такъ уже угнетала мысль, что это дальнѣйшее откладываніе явилось бы большимъ зломъ для міра, въ которомъ, по его мнѣнію, на-

Notre héros, étant pourvu de tout ce qu'il falloit, ne voulut pas différer plus long-temps l'exécution de son projet sublime. Il se croyoit responsable de tout le mal que son inaction laissoit commettre sur la terre. Un matin donc, avant le jour, dans le plus chaud du mois de juillet, sans être vu, sans en rien dire, il se couvre de ses armes... (D. Quichotte, tr. p. Florian, I, 10).

Нашъ Дворянинъ, снабдивъ себя необходимыми, не хотѣлъ откладывать исполненія великаго своего предпріятія. Всякую минуту бездѣйствія почиталъ онъ похищеніемъ у славы и горѣлъ желаніемъ вступить въ свое подприще. Въ одно утро, до разсвѣту, въ самую жаркую пору іюля, не показавшись никому, не сказавъ ни слова домашнимъ, онъ надѣваетъ на себя латы... (Донъ-Кихотъ, перев. Жуковскій, т. I, стр. 71).

Estaban acaso à la puerta dos mugeres mozas, destas que llaman del partido, las quales iban à Sevilla con unos arrieros, que en la venta aquella noche acertaron à hacer jornada... (Don Quixote) se llevo à la puerta de la venta y viò à las dos destraidas mozas que allí estaban, que à él le pariciéron dos hermosas doncellas, ó dos graciosas damas, que delante de la puerta del castillo se estaban solazando... Como (las mozas) se oyéron llamar doncellas, cosa tan fuera de su profesion, no pudéron tener la risa... (Don Quixote, I, 12—14 ¹).

Le hasard fit que deux jeunes filles, de celles qui ne sont pas sévères, étoient alors sur la porte de l'auberge, où elles s'étoient arrêtés avec des muletiers de Seville... Notre héros s'avança jusqu'à la porte où étoient les deux jeunes filles. Elles lui parurent deux demoiselles de haut parage prenant le

Случилось, что двѣ молодыя дѣвушки были тогда у воротъ постоялаго двора, въ которомъ остановились съ севильскими погонщиками муловъ... Герой нашъ безъ церемоніи подѣхалъ къ воротамъ, у которыхъ стояли двѣ дѣвушки. Онъ принялъ ихъ за дѣвицъ знатнаго рода, гулявшихъ въ чистомъ

копилось слишкомъ много оскорбленій, жаждущихъ удовлетворенія, зла и несправедливостей, требующихъ возмездія, злоупотребленій, ждущихъ исправленія, и долговъ, подлежащихъ уплатѣ. Вотъ почему, не повѣривъ ни одной живой душѣ своего намѣренія и никѣмъ незамѣченный, онъ утромъ одного изъ самыхъ жаркихъ дней іюля вооружился всеми доспѣхами... (Д.-Кихотъ, перев. С. М., стр. 14).

¹) У воротъ случайно были двѣ довольно молодыя женщины изъ тѣхъ, которыхъ называютъ продажными; онѣ шли въ Севилью вмѣстѣ съ погонщиками муловъ, рѣшившими на эту ночь остановиться на постояломъ дворѣ.... Онъ (Донъ-Кихотъ) приблизился къ воротамъ и увидѣлъ стоявшихъ тамъ двухъ погибшихъ женщинъ, которыя показались ему прекрасными благородными дѣвицами или дамами, развлекавшимися передъ воротами дома... Но когда онѣ услышали, что онъ ихъ называетъ „дѣвицами“ — именемъ не подходящимъ къ ихъ положенію, то онѣ не могли удержаться отъ смѣха... (Д.-Кихотъ, перев. С. М., стр. 16).

frais devant leur château... Rassurez-vous, leur dit-il... les lois de la chevalerie... me prescrivent sur-tout d'être aux ordres des demoiselles aussi respectables que vous. Les jeunes filles étonnés le considéroient avec de grands yeux. Le mot de respect les fit rire... (D. Quichotte, I, 14—16).

воздухъ передъ своимъ замкомъ... (Обратившись въ нимъ, онъ назвалъ ихъ „почтенныя красавицы“). Дѣвушки въ удивленіи таращили на него глаза; слово *почтенныя красавицы* показалося имъ страннымъ, — онѣ засмѣялись.. (Донъ-Кихотъ, перев. Жуковскій, т. I, стр. 75—77).

En esto sucedió acaso que un porquero, que andaba recogiendo de unos rastros una manada de puercos, (que sin perdon asi se llaman) tocó un cuerno, à cuya señal ellos se recogen, y al instante se le representò à Don Quixote lo que deseaba, que era que algun enano hacia señal de su venida... (Don Quixote, I, 13 ¹).

Dans le même instant un porcher, pour rassembler son troupeau, se mit à sonner d'un mauvais cornet. Don Quichotte ne douta plus que ce ne fût le nain qui l'annonçoit...(D. Quichotte, I, 15).

Въ ту минуту зазвучалъ рожокъ пастуха, собиравшаго свое стадо; нашъ рыцарь не сомнѣвался, что бы то не былъ карло... (Донъ-Кихотъ, перев. Жуковскій, т. I, стр. 76).

Y al desarmarle (como él se imaginaba que aquellas traídas y llevadas, que le desarmaban, eran algunas principales señoras y damas de aquel castillo) *les dixo con mucho donayre...* (Don Quixote, I, 16 ²).

Tandis qu'on le désarmoit, *vivement touché* des soins de ces demoiselles, il leur dit avec *beaucoup de grace*. (D. Quichotte, I, 18).

Между тѣмъ какъ его раздѣвали, онъ, *тронутый* услугами красавицъ, *сказалъ имъ нѣжнымъ голосомъ*. (Перев. Жуков., I, 80).

У Жуковскаго сказывается здѣсь литературное теченіе, которое подъ перомъ Карамзина превратило и Илью Муромца въ витязя, которъй

Игъя сердце *нѣжное*,
Любовался красотою дня,
И въ душѣ своей чувствительной

¹ Въ этотъ моментъ, по милости случая, одинъ свинопасъ, собиравшій въ поляхъ стадо свиней (не моя вина, онѣ такъ называются), загудѣлъ въ рожокъ, на звукъ котораго собираются эти животныя; и тотчасъ же Донъ-Кихотъ вообразилъ, какъ ему это хотѣлось, что карликъ возвѣщаетъ его прибытіе... (Донъ-Кихотъ, перев. С. М., стр. 16).

² Вполнѣ убѣжденный, что веселыя дѣвицы, разоблачившія его, были знатными дамами замка, онъ, съ *неподражаемой любезностью*, говорилъ имъ... (Переводъ С. М., стр. 18).

Жертву утреннюю чистую
Принесить Царю небесному,—

который „*тронуть* душою“ при видѣ спящей красавицы, смотреть на нее „*взоромъ княжнмъ*“ ¹⁾).

Сервантесъ влгаетъ въ только что приведенномъ мѣствъ въ уста своему герою отрывокъ изъ стараго романа: о Ланселотѣ, замѣнивъ имя послѣдняго именемъ Донъ-Кихота:

Nunca fuera caballero
De damas tan bien servido,
Como fuera Don Quixote
Quando de su aldea vino:
Doncellas curaban dél,
Princesas de su rocino
(Don Quixote, I, 16) ²⁾.

Флоріанъ передаетъ это такъ:

Ons il ne fut de chevalier
Plus en faveur auprès des belles:
Don Quichotte est servi par elles;
Princesses pansent son coursier...

Жуковскій передалъ этотъ отрывокъ стихомъ Карамзинскаго „Илья Муромца“:

Кто счастливѣе въ подсолнечной
Донъ Кихота и коня его!—
Позавидуйте мнѣ, рыцари!
Здѣсь прелестнымъ я красавицамъ
Отдаю свои оружія!
Здѣсь прелестныя красавицы
О конѣ моемъ заботятся!—
(Донъ Ких., пер. Жуков., I, 80).

Этотъ стихотворный размѣръ, такъ называемый „русскій складъ“,

¹⁾ Карамзинъ Илья Муромецъ, богатырская сказка (1794).

²⁾ Никто изъ рыцарей не видѣлъ,
Что бы ему такъ служили дамы,
Какъ это пришлось видѣть Донъ-Кихоту,
Когда онъ уѣхалъ изъ своей деревни:
Благородныя дѣвицы заботились о немъ,
И принцессы о его конѣ.

(Переводъ С. М., стр. 18).

увлекалъ въ первые годы XIX столѣтія многихъ, въ томъ числѣ и Батюшкова; появленіе этого увлеченія приписываютъ Радищеву („Бова“, теоретическія разсужденія) и Карамзину („Илья Муромецъ“), за которыми пошли Н. Львовъ („Добрыня“), А. Х. Востоковъ („Пѣвнсладъ и Зора“), Н. И. Гнѣдичъ (переводы изъ Оссіана) ¹⁾.

Сентиментализмъ даетъ себя чувствовать и въ другихъ мѣстахъ у Жуковского, и особенно ярко выступаетъ въ стихотворныхъ вставкахъ. Такъ, любовный сонетъ Сервантеса „O le falta la amor coposimiento“ ²⁾ Жуковскій, пересказывая Флоріана, превратилъ въ чувствительный стишокъ, гдѣ говорить:

Ахъ, нѣтъ! Любви твоей желать
Твой плѣнникъ, Хлоя, не дерзаетъ;
Любитъ и слезы проливать,
Жестокая, и то блаженствомъ онъ считаетъ! ³⁾

Вмѣсто пѣсни и сонета, которые слушаютъ священникъ и цирюльникъ въ 27-й главѣ I части у Сервантеса ⁴⁾, Флоріанъ ставитъ одну пѣсенку:

Triste gamier de la montagne,
Quel malheur a pu te ravir
Ta douce et fidèle compagne?
Tu ne l'a plus, tu veux mourir etc. ⁵⁾

Жуковскій передаетъ это сентиментально-меланхолическимъ романсомъ „Голубокъ уединенный, что такъ невесель и уныль?“ ⁶⁾, въ одѣ „Стонетъ сизый голубочекъ“ И. И. Дмитріева.

У Сервантеса, въ главѣ 18-й II части, Донъ-Кихоть, при видѣ тобовскихъ кувшиновъ, вздыхаетъ и выражаетъ свое настроеніе стихами десятаго сонета Гарсилазо де ла-Вега:

O dulces prendas, por mi mal halladas!
Dulces y alegres quando Dios queria ⁷⁾.

¹⁾ Л. Н. Майковъ, О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, стр. 40—42. (Соч. К. Н. Батюшкова, т. I, С.-Пб. 1887).

²⁾ Don Quixote, I, 216; въ переводѣ С. М., I, 156:

Иль справедливою любовь быть не умѣеть...

³⁾ Донъ Кихоть, II, 94.

⁴⁾ Don Quixote, II, 10, 11; въ перев. С. М. I, 195, 196.

⁵⁾ Don Quichotte, I, 313—314.

⁶⁾ Донъ Кихоть, II, 158—159.

⁷⁾ Don Quixote, III, 185. Въ переводѣ С. М., II, 107: „О милое сокровище, найденное мною къ моему несчастью! милое и веселое, когда Богу то угодно“.

У Флоріана:

O gages chers et douloureux
D'une amour si belle et si pure,
Pourquoi rallumez-vous me feux,
Et déchirez-vous ma blessure? ¹⁾

У Жуковскаго Донъ-Кихоть „остановился, вздохнулъ, и поглядѣвъ со слезами на кувшины, сказалъ:

Залогѣ нѣжности моеѣ,
Смотрю на васъ и вспоминаю
О щастіи протекшихъ дней;
Смотрю, и слезы проливаю!“ ²⁾

Стихи Сервантеса уже Флоріанъ замѣнялъ и измѣнялъ весьма безцеремоннымъ образомъ; Жуковскій пошелъ еще дальше, внося свои, хотя въ общемъ и не весьма значительныя, перемѣны въ стихи Флоріана. Такъ, XIV глава перваго тома у Сервантеса начинается *Письмо отчаянія*:

Ya que quieres, cruel, que se publique
De lengua en lengua y de una en otra gente,
Del áspero rigor tuyo la fuerza.

Haré que el mesmo infierno comunique
Al triste pecho mio un son doliente,
Con que el uso comun de mi voz tuerza.

Y al par de mi deseo que se esfuerza
A decir mi dolor y tus hazañas,
De la espantable voz irá el acento,
Y en él mezclados por mayor tormento
Pedazos de las miseras entrañas.

Escucha pues, y presta atento oido
No al concertado son, sino al ruido
Que de lo hondo de mi amargo pecho,
Llevado de un forzoso desvarío,
Por gusto mio sale y tu despecho.

El rugir del leon, del lobo fiero
El temeroso aullido, el silbo horrendo
De escamosa serpiente, el espantable

Baladro de algun monstruo, el agorero
Graznar de la corneja, y el estruendo
Del viento contrastado en mar instable:

¹⁾ Don Quichotte, II, 386 (часть II, гл. 16).

²⁾ Донъ Кихоть, IV, 183.

Del ya vencido toro el implacable
Bramido, y de la vinda tortolilla
El sentible arrullar, el triste canto
De enviudado buho, con el llanto
De toda la infernal negra quadrilla,

Salgan con la doliente ánima fuera,
Mezclados en un son de tal manera
Que se confundan los sentidos todos,
Pues la pena cruel que en mi se halla
Para contalla pide nuevos modos...

Tú, que con tantas sinrazones muestras
La razon que me fuerza á que la haga
A la cansada vida que aborrezco:

Pues ya ves que te da notorias muestras
Esta del corazon profunda llaga,
De como alegre á tu rigor me ofrezco... etc. ¹⁾.

¹⁾ Don Quixote, I, 124—127. Въ переводѣ С. М., I, 79—81:

Когда, жестокая, ты хочешь, чтобъ о дикой
Суровости твоей переходила
Молва изъ усть въ уста и въ родъ изъ рода,
То пусть самъ адъ груди моей печальной
Звукъ жалобный внушитъ и звукомъ этимъ
Замѣнитъ мой обычный голосъ.
И, моему желанью повинуюсь
Все разсказать: и о моемъ страданьи
И о твоихъ поступкахъ злобы полныхъ,
Пусть страшный крикъ изъ усть моихъ раздается
И къ моему жестокому страданью
Прибавятся минутъ послѣднихъ муки.
Внемлижь не пѣсни гармоничнымъ звукамъ,
Но гулу смутному, который рвется
Изъ глубины груди моей скорбящей
На зло тебѣ, а мнѣ на утѣшенье.
Пусть льва рыканье, волка вой свирѣпый,
Ужасное въ лѣсу змѣи шипѣнье,
Невѣдомыхъ чудовищъ крикъ ужасный,
Пророческое вороновъ вѣщанье,
Свистъ бурю подымающаго вѣтра,
Была предсмертное мигчанье въ циркѣ,
Стояъ жалобный покинутой голубки,
Совы въ ночи таинственные крики
И вопль всей черной рати преисподней—
Пусть жалобѣ души моей все вторить
И все сольется въ звукъ единый съ звукомъ,
Который чувства возмутить всѣ долженъ.

Эту суровую Пѣснь отчаянія Флоріанъ замѣнилъ изящными стихами:

Heureux qui voit chaque matin,
Dans son humble et champêtre asyle,
Briller un jour pur et serein,
Que doit suivre une nuit tranquille!
 Sans regret comme sans desir,
 Il cultive en paix la sagesse;
 Le travail, père du plaisir,
 L'occupe et le distrait sans cesse.
Pour lui les oiseaux chantent mieux,
Les forêts ont plus de verdure;
Son esprit, son coeur et ses yeux
Ne perdent rien de la nature.
 De ce destin j'aurois joui:
 La fortune pour mon partage
 Me donna tous les biens du sage;
 J'avois plus, j'avois un ami.
De l'amour j'ai senti la flamme;
Et les tourments et les douleurs
Ont aussitôt rempli mon âme:
J'étois heureux; j'aimai; je meurs ^т.

У Жуковского же явились идиллически-сентиментальные куплеты:

Какъ счастливъ тотъ, кто въ бурномъ свѣтѣ,
Найдя спокойный уголокъ,
Имѣетъ тишину въ предметъ;
Кому не страшень грозный рокъ!
 Онъ солнце радостно встрѣчаетъ;
Не видитъ ночью страшныхъ сновъ,
Заботъ и горя не впускаетъ
Подъ свой уединенный кровъ!...
 И я симъ раемъ наслаждался,
Безпечно вѣкъ свой провождалъ,

Чтобъ рассказать правдиво о мученьи,
Что сердце мнѣ на части разрываетъ,
Нуждаюсь въ новыхъ я и сильныхъ средствахъ...
О, ты, которая жестокосердьемъ
Принудила меня разстаться съ жизнью,
Кого я ненавижу и боюсь!
Взгляни на это раненное сердце;
Взгляни, какъ радостно оно трепещетъ,
Испытывая всѣ твои удары... и проч.

^т) D. Quichotte, I, 127—128.

Природой, тишиной пльнялся,
И друга къ сердцу прижималъ.
Но ахъ! я съ счастьемъ простился!
Узнать любовь съ ея тоской,—
И съ миромъ сердца разлучился!
Люблю—и гробъ передо мной! ¹⁾

У Сервантеса влюбленная въ Донъ-Кихота камеристка Альтисидора поетъ ему романсъ:

O tui, que estás en tu lecho
Entre sábanas de olanda,
Durmiendo á pierna tendida
De la noche á la mañana:
Caballero el mas valiente
Que ha producido la Mancha,
Mas honesto y mas bendito
Que el oro fino de Arabia:
Oye á una triste doncella,
Bien crecida y mal lograda,
Que en la luz de tus dos soles
Se siente abrasar el alma...
Muy bien puede Dulcinea,
Doncella rolliza y Sana,
Preciarse de que ha rendido
A' una tigre fiera y brava...
Trocárame yo por ella,
Y diera encima una saya,
De las mas gayadas mias,
Que de oro la adornan franjas,
O quién se viera en tus brazos,
O' si no junto á tu cama,
Rascándote la cabeza
Y matándote la caspa!
Mucho pido, y no soy digna
De merced tan señalada:
Los pies quisiera traerte,
Que á una humilde esto le basta.
No mires de tu Tarpeya
Este incendio que me abrasa,
Neron Manchego del mundo,
Ni le avives con tu saña.
Niña soy, pulcela tierna,
Mi edad de quince no pasa...

¹⁾ Донъ Кихотъ, т. I. стр. 204—205.

Estas y otras gracias mias,
Son despojos de tu aljaba... ¹⁾

Смѣлый до наглости, вызывающій романсъ, вложенный Серванте-
сомъ въ уста влюбленной Альтисидоры, Флоріанъ замѣнилъ пѣсенкой:

Dans le printemps de mes années
Je meurs victime de l'amour,

¹⁾ Don Quixote, IV, 103—105. Въ переводѣ С. М. т. II, стр. 276—278:

О, лежащій на кровати,
Въ простыняхъ голландскихъ тонкихъ,
Спящій, ноги протанувши,
Отъ заката до разсвѣта;
 Рыцарь болѣе отважный,
Чѣмъ всѣ рыцари Ламанчи;
Благороднѣй, кто и чище
Золотыхъ песковъ Аравьи!

 Слушай голосъ дѣвы скорбной,
Безъ взаимности влюбленной;
Отъ твоихъ двухъ солнцъ въ которой
Сердце пламенемъ объято...

 Славься вѣчно, Дульцинея,
Дѣва полная здоровья,
Потому что приручила
Звѣря ты люте тигра...

 Помѣнялась бы я съ нею;
Плате ей дала бь въ придачу
Я одно изъ самыхъ пестрыхъ,
Съ золотою бахромою.

 Кто бы спалъ въ твоихъ объятыхъ!
Иль стоялъ бы у постели,
Глядя голову рукою,
Чиста волосы отъ грязи!

 Но я многого желаю,—
Чести этой я не стою;
Щекотать однѣ лишь ноги
Для меня бь блаженствомъ было...

 Не взирай съ скалы Тарпейской
На огонь меня палащій;
Гнѣвомъ, о Неронъ Ламанчскій
Не усиливай пожара!

 Молода я и нѣжна я,
И пятнадцати нѣтъ лѣтъ мнѣ...

 Эти чары и другія
Для тебя добычей стануть...

Semblable à ces roses d'un jour
Que le même jour voit fanées.
Ah! gardez-vous de me guérir;
J'aime mon mal, j'en veux mourir.
Douce amitié, raison, sagesse,
Vous seuls pour qui je vivois,
Reprenez-moi tous vos bienfaits,
Ils ne valent pas ma tristesse.
Ah! gardez-vous etc.

O vous à qui tout est facile,
Dont le bras domte l'univers,
Hélas! pour me donner des fers
Votre valeur fut inutile.
Ah! gardez-vous etc.

N'exigez pas que le silence
Vous dérobe mes tendres feux;
Les derniers biens des malheureux
Son la plainte avec l'esperance.
Ah! gardez-vous etc. ¹⁾.

У Жуковского „приятный голосъ загълъ слѣдующее“:

Лишь только роза разцвѣла,
Уже поблекла, опадаетъ!
Лишь только жить я начала,
Ужъ горе дни мои снѣдаетъ!
О дружба, миръ души моей,
Часы отрадные, прелестны,
Безпечность, рай протекшихъ дней,
Ужъ мнѣ вы болѣ неизвѣстны!
Онъ здѣсь, сей витязь, сей герой;
Но ахъ! не рыцарская сила
Могла разрушить мой покой,
Меня души моей лишила!
Прелестный мужественный взоръ,
Ума, души образованье,
Приятность, нѣжный разговоръ,
Вотъ все его очарованье!
Могу ль, о лучшей изъ людей!
Молчать, таить свое мученье?
Одной отрадою моей
Твое осталось сожалѣнье! ²⁾

Изъ подъ пера Жуковского вылилась сентиментальная пѣсня-

¹⁾ D. Quichotte, III, 223—224 (часть II, гл. 37).

²⁾ Донъ Кихотъ, т. V, стр. 222—223.

романсъ въ родѣ пѣсень Богдановича, Нелединскаго, Дмитриева, Карамзина, Мерзлякова, о которыхъ говорилось выше.

Донъ-Кихоть уѣзжаетъ; прощальная пѣснь Альтисидоры у Сервантеса такова:

Escucha, mal caballero,
Deten un poco las riendas,
No fatigues las hijadas
De tu mal regida bestia
Mira, falso, que no huyes
De alguna serpiente fiera:
Sino de una corderilla,
Que está muy léjos de oveja.
Tu has burlado, monstruo horrendo,
La mas hermosa doncella
Que Diana vió en sus montes,
Que Vénus miró en sus selvas...
Tu llevas—llevar impio!
En las garras de tus cerrras
Las entrañas de una humilde,
Como enamorada tierna etc. ¹⁾.

И затѣмъ, въ этой же пѣснѣ, Альтисидора возводитъ на Донъ-Кихота клевету, будто онъ унесъ у нея три ночныхъ платка и подвязки съ ногъ, и осыпаетъ его довольно комическими проклятіями. Грубый задоръ пѣсни служанки, конечно, не могъ имѣть мѣста у Флоріана; у него въ пѣснѣ Альтисидоры выражается изящный упрекъ

¹⁾ Don Quixote, IV, 248—249. Переводъ С. М. (томъ II, стр. 358—359):

Слушай ты, негодный рыцарь!
Придержи узду немного;
Не терзай такъ сильно бедеръ
Плохо выѣзженной клячи.
Посмотри, ты убѣгаешь
Не отъ жала змѣя злого,
А отъ нѣжнаго ягненка,
Что овцой не скоро станетъ.
Надсмѣялся ты, о извергъ,
Надъ прекраснѣйшею дѣвой;
Ей подобной не видали
Ни Діана, ни Венера...
Ты въ когтяхъ своихъ уносишь,
О, безбожное созданье!
Сердце дѣвы стольже скромной,
Сколько пылкой въ страсти нѣжной.

въ томъ, что Донъ-Кихоть остался холоденъ къ любви, высказываются ему „les adieux de l'amitié“:

Tu fuis, cruel, et j'expire;
Pardonne à ma foible voix
D'oser encor te redire
Ce qu'elle a dit tant de fois.
Rassure ton ame émue,
Regarde-moi sans frémir:
On doit supporter la vue
De ceux que l'on fait mourir.
Je t'aimai sans être aimée,
Jamais je n'en eus l'espoir;
Mais à mon ame charmée
Il suffisoit de te voir.
Helas! ta seule présence
Suspendoit tous mes tourments;
Je ne comptois d'existence
Que ces rapides moments.
Reçois du moins sans colère
Les adieux de l'amitié;
Tremble-tu que ma misère
T'inspire de la pitié?
Non, non, tu n'a rien à craindre
En m'accordant un regard:
Va, je ne sois point à plaindre,
Je meurs avant ton départ.

У Жуковского „молодая Альтисидора является у окна съ растрепанными волосами, съ блѣднымъ лицомъ, устремляетъ на рыцаря нѣжные страстные взоры и (передъ тѣмъ какъ упасть безъ чувствъ) начинаетъ пѣть слѣдующее“:

Прости, герой! прости, любезной!
Бѣги, оставь сія края!
О страшный часъ разлуки слезной!—
Съ тобою жизнь теряю я!..
Покинь меня, покинь, жестокой!
Погибели моей творецъ!
Мое спокойство не далеко!
Увы, страданьямъ смерть конецъ! и проч. ¹⁾

Типичный „жестокій романсъ“ во вкусъ того времени, въ стилѣ тѣхъ, какіе помѣщались въ „Пѣсенникахъ“, напр.:

¹⁾ Д. Кашовъ, VI, 116—117.

Ты погибель мою строя,
Ты доволенъ ли тиранъ;
Что лишивъ меня покоя,
Совершилъ свой злой обманъ и проч. ¹⁾

Или:

Сладко было спознаваться
Мнѣ, любезная! съ тобой;
Горько, горько разставаться;
Горько, будто бы съ душой.
Сердце ноетъ, духъ томится,
Кровь то стынетъ, то кипитъ:
За слезой слеза катится,
Стонъ за стономъ вслѣдъ летитъ и пр. ²⁾.

Въ другихъ случаяхъ Жуковский близко пересказываетъ Флоріановскія стихотворныя партіи: Красавица, я умираю ³⁾ = *Je meurs, o beauté cruelle* ⁴⁾; Что пользы, Ниса, притворяться ⁵⁾ = *Enfin ton âme est trahie* ⁶⁾; Ладью легкой управляя ⁷⁾ = *Dans une barque légère* ⁸⁾. О ночь, какъ ты была прекрасна ⁹⁾ = *O nuit, que me seblois belle* ¹⁰⁾, и другія.

Въ 18 главѣ II тома Сервантесъ даетъ образчикъ „стиховъ на тему“ (*los versos glosados*); тема—

Si mi fué tornase á es,
Sin esperar mas será,
O' viniese el tiempo ya
De lo que será despues,—

и затѣмъ слѣдуетъ стихотвореніе въ четырехъ строфахъ, изъ которыхъ первая заканчивается первымъ стихомъ темы, вторая—вторымъ, и т. д. ¹¹⁾. У Флоріана:

¹⁾ Новѣйшій отборный россійскій пѣсенникъ, собранный Петромъ Ильичемъ М. 1817, стр. 69.

²⁾ Тамъ же, стр. 80.

³⁾ *Донъ Кихотъ*, I, 109.

⁴⁾ *Don Quichotte*, I, 43.

⁵⁾ *Донъ К.*, I, 177.

⁶⁾ *Don Q.*, I, 103.

⁷⁾ *Донъ К.* III, 161.

⁸⁾ *Don Q.* II, 145—146.

⁹⁾ *Донъ К.*, IV, 106.

¹⁰⁾ *Don Q.*, II, 316—317.

¹¹⁾ *Don Quixote*, III, 193—194. Въ переводѣ С. М., II, 112—113:

Еслибъ прошлое вернуть,
Какъ тогда я-бъ счастливъ былъ,

*Grandeurs, trésors que l'on envie,
Pour moi vous n'avez point d'attrait;
Hélas! que faut il à ma vie?
Le vertu, l'amour et la paix,
Tandis que la foule éblouie
Ose croire à vos vains plaisirs,
Je vous préfère mes soupirs,
Grandeurs, trésors que l'on envie etc. 1).*

Жуковский успешно соперничает съ Флоріаномъ:

Богатство, слава, честь безумцамъ драгоценны!
Страхуясь ихъ прелестей блистающихъ оковъ!
Вотъ всѣ сокровища душѣ моей священные:
Любовь, сердечный миръ и безмятежный бровь!
Толпы исцелителей, мечтами ослѣпленны,
За щастіемъ бѣгутъ, но щастья нѣтъ для нихъ!
Блаженнѣе стобратъ я въ горестяхъ моихъ:
„Богатство, слава, честь безумцамъ драгоценны!“ и проч. 2).

При передачѣ нѣкоторыхъ выраженій, Жуковский набрасываетъ на своего „Донъ-Кихота“ нѣсколько русскій колоритъ: его герою за ужиномъ подаютъ *окрошку* 3), по буднямъ онъ ходитъ въ *байковомъ* кафтанѣ 4), конь его, знаменитый Россинантъ, называется у Жуковского *Рыжакомъ* 5), напоминающимъ того рыжака, на которомъ у И. И. Дмитріева ѣхалъ „трюхъ-трюхъ, а индѣ и рысью“ бывший

Иль того бы часъ пробилъ,
Что вдали мрачить мой путь.

С. М. дѣлаетъ примѣчаніе, что стихотвореніе на тему (*glosa*) было, по словамъ Лопе де Вега, очень древней формой стихосложенія, свойственной Испаніи и незнакомою другимъ народамъ. Дѣйствительно, такихъ стихотвореній очень много встрѣчается въ *Cancionero general*, относящемся къ XV столѣтію.

1) Don Quichotte, II, 392—393 (часть II, гл. 16).

2) Донъ Кихоть, IV, 194—196.

3) Донъ Кихоть, I, 61. Въ подлинникѣ (*Don Quixote*, I, 1): *Salpicon las mas posches* (соусъ съ приправами почти каждый вечеръ—переводъ С. М., I, 9); у Флоріана—*une vinaigrette le soir* (*Don Quichotte*, I, 2).

4) Донъ Кихоть, I, 62. Въ оригиналѣ: *Los dias de entre semana se honraba con su vellori de lo mas fino* (*Don Quixote*, I, 2; въ переводѣ С. М., I, 9: въ будни носилъ платье изъ прочнаго, однако не особенно толстаго сукна); у Флоріана: *l'habit de gros drap pour les jours ouvriers* (*Don Quichotte*, I, 2).

5) Донъ Кихоть, I, 68. У Флоріана—*Rossinante* (I, 68). Рыжакомъ называется конь Донъ Кихота и въ обихѣ названныхъ выше русскіхъ переводахъ „Донъ-Кихота“ 1769 г. и 1791 г.

„вахмистръ Шемшинскаго полку“ (*Карриатура, или Отставной вахмистръ*).

Въ концѣ своего романа Сервантесъ приводитъ эпитафію, написанную на надгробномъ памятникѣ Донъ-Кихота:

Yace aqui el hidalgo fuerte,
Que á tanto extremo llegó
De valiente, que se advierte
Que la muerte no triunfó
De su vida con su muerte.
Tuvo á todo el mundo en poco;
Qué el espantajo y el coco
Del mundo en tal coyuntura,
Rue acreditó su ventura
Morir cuerdo, y vivir loco ¹⁾.

Флоріанъ передѣлываетъ эпитафію такимъ образомъ:

Passant, ici repose un héros fier et doux
Dont les nobles vertus égalaiient le courage:
Hélas! S'il n'eût été le plus charmant des fous,
On eût trouvé dans lui des humains le plus sage.

У Жуковскаго:

Здѣсь тотъ покоится, кто цѣлый вѣкъ скитался,
Былъ добрый человекъ, и свято чтилъ законъ!
Когда бъ забавнѣйшимъ безумцемъ не былъ онъ,
Тогда бъ изъ мудрецовъ мудрѣйшимъ почитался.

Каждый изъ переводчиковъ высказалъ, что онъ хотѣлъ видѣть въ типѣ безсмертнаго Сервантесовскаго героя.

Флоріанъ въ предисловіи къ своему переводу-передѣлкѣ повѣсти Сервантеса *Галатея* говорилъ о старомъ французскомъ переводѣ

¹⁾ Don Quixote, IV, 428. Въ переводѣ С. М. П., 459:

Здѣсь отважнаго могила
Съ твердой волей и рукою,
Предъ которымъ смерти сила,
Какъ доносится молвою,
Власть свою остановила.
Съ міромъ всю жизнь сражался
И за пугало считался.
Небеса ему судили,
Дни кого безумствомъ были,
Чтобъ разумнымъ онъ скончался.

Донъ-Кихота: „...Traducteur pouvait, en conservant les pensées de Cervantes, affaiblir quelques comparaisons, adoucir quelques images, et surtout donner de la douceur et de l'harmonie à ses vers. Il paraît n'avoir songé qu'à être littéral, et c'est encore un défaut pour des Français. Presque tous les livres étrangers nous paraissent trop prolixes: Don Quichotte même a des longueurs et des traits de mauvais goût qu'il fallait retrancher sans craindre le reproche de n'être pas exact. Quand on traduit un ouvrage d'agrément, la traduction la plus agréable est à coup sûr la plus fidèle“ ¹⁾).

Жуковскій присоединилъ „для удовольствія читателя“ къ своему переводу Донъ-Кихота и переводъ этого флоріановскаго предисловія къ Галатеѣ. Переводчикъ Донъ-Кихота, говоритъ вслѣдъ за своимъ оригиналомъ Жуковскій, „долженъ былъ, сохраняя мысли автора, ослаблять нѣкоторыя выраженія, иное смягчать, и пуше всего писать плавнымъ и чистымъ языкомъ... *Рабская вѣрность есть порокъ*. Въ Донъ-Кихотѣ встрѣчаются излишки, черты худаго вкуса— для чего ихъ не выбросить?.. Когда переводишь романъ и тому подобное, то самой пріятной переводъ есть, конечно, и самой вѣрной“ ²⁾).

Этому взгляду Флоріана на достоинства перевода, на обязанности переводчика рано подчинился Жуковскій и оставался ему вѣренъ долгое время,—говоритъ Тихонравовъ ³⁾). Взглядъ этотъ тѣмъ легче усваивался, что принадлежалъ отнюдь не одному Флоріану, а былъ общераспространеннымъ: французскіе переводчики производили какъ бы туалетъ оригиналу, прежде чѣмъ представить его своимъ читателямъ ⁴⁾). Слѣдующее признаніе Дидро служитъ характернымъ показателемъ того, какъ понимались тогда задачи переводчика: „Мнѣ теперь остается только сказать о томъ, какъ я отнесся къ книгѣ г-на Schafesbury: я прочелъ ее разъ и другой, проникся ея духомъ; затѣмъ я закрылъ книгу и приступилъ къ переводу“ ⁵⁾). Переводчики безцеремонно выбрасывали то, что оскорбляло ихъ „утонченный вкусъ“.

¹⁾ Galatée, pastorale, imitée de Cervantes, par P. J. Florian, Paris, p. 21.

²⁾ Донъ Кихотъ, перев. В. Жуковскимъ, т. I, стр. 38.

³⁾ Соч. Тихонравова, т. III, ч. 1, стр. 443.

⁴⁾ Bertrand, La Fin du Classicisme et le retour à l'antique. Paris, 1897, p. 21. Цитирую по книгѣ гр. Де-ла-Барта Шатобрианъ и поэтика міровой скорби. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка во Франціи, стр. 66 (Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1905 года № 8).

⁵⁾ Diderot, Essai sur le merite et la vertu. Discours préliminaire. Gr. De-la-Barthe, назв. сочин. 66—67.

Въ предисловіи къ „Клариссъ“ Ричардсона Прево настаиваетъ на томъ, что переводчикъ имѣетъ право прилагать всѣ свои усилія къ тому, чтобы „понравиться“ своимъ читателямъ. Выпустивъ эпизодъ смерти Sinclair, Прево оправдывается тѣмъ, что „это картина въ англійскомъ стилѣ, ея краски столь рѣзки и, къ сожалѣнію, столь противны вкусамъ нашей націи, что никакія измѣненія не могутъ сдѣлать ее сносною для французовъ, такъ какъ въ этой сценѣ ужасное чередуется съ „отталкивающимъ“ ¹⁾). Письма слуги Лемана выпущены потому, что они написаны въ „низкомъ стилѣ“. Описаніе смерти Бельтона выпущено потому, что оно „тривіально“. Въ „Грандиссонѣ“ Прево произвольно измѣняетъ развязку. Въ предисловіи къ этому роману онъ гордится тѣмъ, что придалъ характеръ общеевропейскій тѣмъ нравамъ и обычаямъ, которые слишкомъ отзываются Англіей и могли бы шокировать французовъ. Переводчикъ Стерна Фрэнэ заявляетъ въ своемъ предисловіи, что, находя шутки и остроты англійскаго писателя неудачными, онъ счелъ нужнымъ замѣнить ихъ своими. Еще болѣе безцеремонно поступаютъ переводчики со стихотворными произведеніями: когда переводятъ поэта, то стараются „превзойти“ оригиналь, „исправить“, „прикрасить“ его; г-жа Бонтавъ, переводшая „Времена года“ Томсона, извиняется въ томъ, что она сохранила „образы утрированные и порою отталкивающіе“, которые встрѣчаются въ подлинникѣ ²⁾).

Подобный взглядъ на обязанности и задачи переводчика былъ уже принятъ и въ Россіи: имъ руководился, напримѣръ, Карамзинъ, переводя рассказъ Коцебу „Wer hätte das geglaubt“, а для своего „Пантеона иностранной словесности“ онъ беретъ эпитафію слѣдующіе стихи Лебрѣна:

Gardez-vous bien du mot à mot:
Horace et le Gout le renie;
Tout pédant traduit comme un sot
C'est la grace, c'est l'harmonie
Que doit rendre un libre génie.
Le plus fidèle traducteur

¹⁾ Срв. Флоріана, который въ оправданіе своего отношенія къ тексту испанскаго подлинника Донъ-Кихота указываетъ на то, что Сервантесъ „писалъ для своей націи, которой вкусъ не сходенъ съ нашимъ“ (Донъ Кихотъ, перев. Жуковскимъ, I, 37).

²⁾ *Де-ла-Бартъ*, назв. соч., 67—68, со. ссылками на капитальный трудъ *Жозефа Текста* Jean Jacques Rousseau et les origines de cosmopolitisme littéraire. Etude sur les relations littéraires de la France et de l'Angleterre au XVIII siècle. Paris 1895.

Est celui qui semble moins l'être:
Qui suit pas à pas son auteur
N'est qu'un valet qui suit son maître ¹⁾.

Жуковский въ статьѣ „О переводахъ вообще и о переводахъ стиховъ въ особенности“, переведенной имъ съ французскаго и напечатанной въ *Вѣстникъ Европы* ²⁾, даетъ и теоретическое обоснованіе усвоенному взгляду на задачи переводчика: „Излишнюю вѣрность почитаю излишнею невѣрностью. Напримѣръ: это выраженіе въ оригиналѣ благородно — выраженіе, соответствующее ему въ вашемъ языкѣ, низко; будучи слишкомъ точнымъ, вы унижаете благородство подлинника и замѣняете его низостью. Далѣе: это выраженіе смѣло въ подлинникѣ, но оно слишкомъ рѣзко на языкѣ переводчика — и вмѣсто смѣлости я нахожу въ васъ одну грубость. Въ подлинникѣ отъ соединенія нѣкоторыхъ словъ происходитъ гармонія; но тѣ же самыя слова, соединенныя въ переводѣ, оскорбляютъ нѣжный слухъ, и вы своею точностью необходимо должны уничтожить гармонію. Въ подлинникѣ вашемъ это выраженіе, этотъ оборотъ новы; напротивъ, въ вашемъ языкѣ они уже потеряли отъ употребленія свою новостъ, и вы необыкновенное замѣняете обыкновеннымъ. Какая-нибудь географическая подробность или отношеніе къ нравамъ могли быть въ переводимомъ вами стихотворцѣ пріятны для того народа, для котораго писалъ онъ свою поэму: но вы будете только странны, если непремѣнно захотите сохранить всѣ сіи отношенія и подробности въ своемъ переводѣ“ ³⁾.

Вл. Рѣзановъ.

¹⁾ Цитирую, не имѣя подъ руками Пантеона иностр. слов., по соч. Тихонравова, III, ч. 1, стр. 444.

²⁾ *Вѣстникъ Европы* 1810 г. № 3, стр. 190—198.

³⁾ *Вѣстникъ Европы* 1810 г. № 3, стр. 194—195.

УКАЗАТЕЛЬ.

- „Аглая“ Карамзина. 127, 128.
Аддисонъ. 112, 258.
Аксаковъ, С. Т. 8, 78, 101.
Аксаковъ, К. 4.
Алексѣевъ, Матвѣй, его переводы изъ Коцебу. 293, 294.
Амоионъ. 176, 180.
Антонскій, Михайль Антоновичъ. 15, 18.
Анучинъ, Гр. 246, 263.
„Аониды“ Карамзина. 93, 135, 176, 235.
Архенгольдъ. 209.
- Бабиковы, А. и Я.,** ихъ переводы изъ Флоріана. 320,
Баббаревичъ, М. Н. 73, 74, 75, 98, 101, 121, 127, 131, 146. Его печатныя работы. 73. „Нѣчто о Ломоносовѣ“. 73, 78. Отвѣтъ рецензенту. 79, 83, 97. „Надробный памятникъ“. 73, 127, 132, 133, 140, 147, 162.
Баллада. 196—208.
Барановъ, Д. 119.
Барановъ, Козьма, его переводъ Театра Флоріана. 320.
Баратынскій. 251.
Барсовъ, А. А., проф. 74, 75, 77, 101.
Batteux, Cours de belles—lettres. 211, 212.
- Батюшковъ. 176, 229, 251, 270.
Бауеръ. 283.
Безакъ, П., его переводы изъ Флоріана. 319.
Бѣмъ. 17.
„Бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ вечерніе часы“. 24, 27, 30, 59, 61, 62, 63, 93, 140—142, 145, 150, 167, 172.
„Бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ утренніе часы“. 24, 27—30, 59, 61, 142, 145, 146, 149, 171, 173.
Бѣттингеръ. 279.
Блудовъ. 276.
Блуменбахъ. 230.
Богдановичъ. И. Ѳ. 194, 346.
Богдановъ, Петръ. 264.
Bodmer. 199.
Бонне. 134.
Г-жа Бонтанъ, перевод. Времена года Томсона. 352.
Брайко, Гр. 265.
Voileau. 79, 197, 251.
Бувина, Марья Григорьевна. 161, 276.
Бувина, Е. А. 9.
Бунины. 50.
Бутервекъ. 163.
Бюргеръ. 199, 200, 203, 206.

- Вейссе, Хр. Ф. 248.
 Вельяминовъ, Петръ, его перев. изъ
 Флоріана. 318.
 Версиловъ, Андрей. 296, 300, 301. Его
 переводъ пов. Коцебу „Постоянная
 любовь“ 300.
 „Вечера“, журналъ. 214.
 Виладъ. 178, 279.
 Воейковъ, Александръ Ѡ. 176, 178,
 228, 251, 275.
 Волковъ, А. А. 180, 181.
 Вольтеръ. 263, 269, 278, 315, 326.
 Вольховскій, С. 246.
 Воскобойниковъ, П. 263.
 Востоковъ, А. Х., его „Пѣвнладъ и
 Зора“. 339.
 „Время, Праздное въ пользу употре-
 бленное“. 112.
 „Въ удовольствіе и пользу“. 127.
 Выродовъ, И. 119.
 Вышеславцевъ. 218.
 Вышеславцевъ, М., его переводы изъ
 Флоріана. 319, 320.
 Вѣдомости, Московскія. 15, 252, 255,
 275.
 Вѣстникъ Европы. 166, 176, 219, 220,
 353.
 Вѣстникъ, С.-Петербургскій. 265, 312.
 Вѣстникъ, Новый С.-Петербургскій.
 265.
 Вѣстникъ, Сѣверный. 248, 249.
 Вяземскій, вк. П. А. 3, 193.
 Гагаринъ, вк. Гр. 124.
 Галлеръ. 256, 257, 263—266.
 Гальеръ, его „Риторика въ пользу моло-
 дыхъ дѣвиць“. 77.
 Геллертъ. 126.
 Гердеръ. 199, 207.
 Герценъ. 4.
 Гесснеръ. 134, 316, 317.
 Гете. 178, 212, 225, 278, 282.
 Глинка, Сергій. 260.
 Гнѣдичъ, Н. И. 214. Его переводы изъ
 Оссіана. 339.
 Голицына, А. С. 273.
 Голицынъ, Ѡ. Н. 186.
 Гольбергъ. 278.
 Гольдони. 278.
 Гольдсмитъ. 312.
 Горацій. 189.
 Готтеръ. 225.
 Гощи. 278.
 Грамматинъ, Н. 246.
 Грей (Gray). 162 — 166, 221, 225. Его
 Элегія „Сельское владбище“, 275.
 „Гражданинъ, Бесѣдующій“. 113, 162.
 Гречъ, его Чтенія о русскомъ языкѣ.
 12.
 Давыдовъ. 176.
 Данилевскій, А. 119.
 Даргомыжскій, С. 246.
 Дашковъ, Д. В. 24, 246, 264.
 Д-въ, Л-а. 126.
 Делакроа, Ив., перев. изъ Коцебу. 290.
 Дельвигъ. 251.
 Державинъ. 11, 50, 75, 78, 83, 84, 86—
 89, 91 — 93, 96 — 102, 106, 109—111'
 127, 133, 143, 154. 169, 170, 174, 175,
 187, 188, 208, 220, 243, 252, 255, 274.
 285, 286. Его Разсужденіе о лирич.
 поэзии или объ одѣ. 79—84.
 Desoulières, m-me. 197.
 Дидро. 129, 130, 315, 351.
 Дмитріевъ, Александръ Ив. 135.
 Дмитріевъ, И. И. 5, 10—12, 26, 56—58,
 128, 146, 147, 194, 201—203, 275, 285,
 339, 346, 349. И мои бездѣлки. 12.
 Разговоръ прохожаго съ горлицей.
 12. Сказка Картина. 87.
 Дмитріевъ, М. А. 13, 58, 121, 166, 176,
 178, 193, 194, 202, 208, 231, 251, 287,
 310.
 Додсли, Робертъ, его книга The Eco-
 nomy of human life. 34, 36.
 Domairon, Poétique française. 80, 81,
 197.
 Д'Юрфе, Оноре. 317.
 Екатерина, Имп. 214, 283.
 Елагина, А. П. 3, 4, 223.
 Etrennes Sentimentales. 204.
 Жанлисъ. 9, 310, 312, 313.

- Жихаревъ, С. П.**, его Записки. 48, 49.
- Жуковский, В. А.**, его произведения:
 Ал. И. Тургеневу. 52. Благоденствіе Россіи, ода, 14, 69, 84, 85, 89, 92, 98 — 102. Богъ, ода Державина въ переводѣ на франц. языкъ. 50, 75, 76, 255. Вадимъ Новгородскій. 53, 223. Вильгельмъ Тель, или освобожденная Швейцарія. 320 — 326, 333. Герой. 14, 63, 84, 89, 256. Г-жа де-ла-Туръ. 9. Добродѣтель. 14, 49, 65, 101, 136, 141, 147, 189. Донъ-Кихотъ. 332 — 352. Жизнь и источникъ. 14, 65, 161, 225. Истинный герой. 14, 63, 126, 189, 256. Камилль или освобожденный Римъ. 6—9. Коловратно-куръезная сцена между г. Леандрою Пальясомъ и важнымъ г. докторомъ. 10. Королева Ильдегерда, Коцебу. 276, 277, 303 — 310. Къ И. И. Дмитриеву. 11. Къ надеждъ. 14, 72, 123. Къ Тибулду. 14, 122, 123. Къ чело-вѣку. 147, 167—174, 189, 224. Ложный стыдъ, Коцебу. 277, 306—307. М. М. Хераскову. 14. Майское утро. 11, 12, 14, 146, 147. Мальчикъ у ручья. 275, 276, 300—306. Миръ, ода. 14, 85, 108, 172. Миръ и война. 14. Могущество, слава и благоденствіе Россіи, ода. 14, 69, 90, 98, 102 — 108, 122, 127. Мысли на кладбищѣ. 14, 124. Мысли при гробницѣ. 14, 131—158, 162. О добродѣтели, рѣчь. 14, 49, 60 — 68, 147, 158. О началѣ общества, распро-страненія просвѣщенія и объ обязан-ностяхъ каждаго чело-вѣка относи-тельно къ обществу, рѣчь. 121. О переводахъ вообще и о переводахъ стиховъ въ особенности. 353. Пла-тону. 14. Розальба, Флоріана. 326—329. Свѣтлана. 328. Сельское клад-бище. 163—167. Скачетъ груздочекъ по ельничку. 10. Стихи на новый 1800 годъ. 14.
- Жуковъ, В.** 158.
- „**Журналъ, Московскій**“, изд. Карамзи-нымъ. 6, 12, 127, 128, 135, 158, 165, 198, 199, 201, 202, 204, 208, 291, 292, 318.
- „**Журналъ, С.-Петербургскій**“. 265.
- Завадовскій, П. В.** 180.
- Зандъ.** 285.
- „**Заря, Вечерняя**“, изд. Н. И. Новикова, 17, 18, 148, 173, 262.
- „**Заря, Утренняя**“. 121—127, 136, 169, 175, 188, 230, 254, 255, 258, 263, 267, 269, 272.
- Зонтагъ, А. П.** 3—7, 9, 10.
- Зубовъ, Петръ.** Перев. изъ Коцебу. 289.
- Ибрагимовъ, Н. М.** 78.
- Ивановъ, Гуръ,** перев. „Повѣсть о при-ключеніяхъ кавалера Р.“ 311.
- Ивановъ, Никита,** перев. изъ Флоріана. 319.
- Ивановъ, Павелъ,** перев. изъ Коцебу. 290. Изъ Флоріана. 320.
- „**Издание, Московское ежемѣсячное**“ Н. И. Новикова. 17, 148.
- Измайловъ, В. В.** 317.
- Ильинъ, Петръ,** „Новѣйшій отборный россійскій пѣсенникъ“. 192, 348.
- Инзовъ, И.** 117.
- „**И отдыхъ въ пользу**“. 127, 245, 246, 273.
- „**Иппокрена**“. 128, 131, 135, 140, 153, 154, 158, 162, 169, 173—175, 200, 205, 208, 222, 229, 230, 244, 248, 265, 266, 270—272, 293.
- Исленьевъ, Н.** 246.
- Исторія о Петрѣ и Магелонѣ.** 331.
- Исторія о Полиционѣ и Милитинѣ.** 331.
- Иффландъ.** 278, 279, 281, 282.
- Кайсаровъ, Андрей Сергѣевичъ.** 178, 180, 181, 183, 191, 249, 250.
- Кайсаровъ, Михаилъ Сергѣевичъ.** 126, 178, 240—249, 264.
- Кайсаровъ, Петръ Сергѣевичъ.** 157, 232—240, 241, 243, 290, 293, 296—299.
- Кайсаровы.** 231, 232, 240, 275.
- Каменевъ, Гавр. П.** 190, 213, 216, 217, 276, 288.

- Кандорскій, Александръ, перев. изъ Флоріана. 319.
- Капнясть, В. В. 243.
- Капорскій, И. 117.
- Карамзинъ, Н. М. 5, 26, 51, 56 — 58, 127—131, 134, 148, 149, 153, 158, 165, 166, 170, 194, 198, 200—202, 204, 208, 213, 214, 217, 219, 264, 275, 285, 286, 291 — 293, 311 — 313, 337, 338, 346, 352.
- Карамышевъ, Иванъ. 256,
- Кашинъ, Д. П. 260.
- Квинтъ, А. 118.
- Киндъ, Фридрихъ. 206.
- Кирѣевскіе. 4.
- Clairon, Nuprolite. 215.
- Клопштокъ. 129.
- „Книга Премудрости и Добродѣтели“. 34—38, 59, 61, 62, 66, 95, 149, 171, 173.
- „Книжка, Карманная для Вольныхъ Каменщиковъ“. 36.
- Ковалевъ, М. А. 180.
- Козадавлевъ, О. П. 241.
- Козловскій, Петръ. 162.
- Козловъ, Александръ, перев. изъ Флоріана. 319.
- Козлятевъ. 275.
- Колмаковъ, А. 258.
- Колоколовъ, Д. 158, 169.
- Колязинъ, Петръ, переводчикъ Федерсена. 210.
- Компанія Типографическая. 27, 54, 175.
- Compionero de Romances. 204.
- Кондратовичъ, Киріакъ. 261.
- Контора, Московская Главная Соляная. 275.
- Корпусъ, Шляхетный Кадетскій. 112.
- Костогоровъ, Мих. 124, 125, 147.
- Костомаровъ, товарищъ Жуковскаго. 14.
- Коцебу. 178, 213, 229 — 231, 239, 240, 246—248, 276 — 301, 305 — 307, 310, 314, 352.
- Кочубей, графъ. 232, 240.
- Кошанскій, его Риторика. 72, 73.
- Краснопольскій, переводы его изъ Коцебу. 284, 289, 294.
- Крыловъ, И. А., его „С.-Петербургскій Меркурій“. 331.
- Кудрявцевъ, Конрадъ, перев. изъ Коцебу. 294.
- Кургановъ, его Письмовникъ. 261.
- Кутузовъ, Александръ Мих. 131, 152.
- Кюхельбекеръ, В. К. 219.
- Лафонтенъ, Августъ. 318.
- Лафонтенъ, Жанъ. 197, 237, 241, 263, 270.
- Лебрень, 352.
- Л-въ, П-рь. 125.
- Ленцъ, Яв. 129, 286.
- Леонтовичъ, И. 211.
- „Леонардъ и Блондина“. 204, 206.
- Лессингъ. 278.
- Лизогубъ, И. 246.
- Лизогубъ, Я. 246.
- Ломоносовъ. 11, 73, 74, 78, 79, 83—85, 87, 90, 97 — 99, 101, 102, 104 — 110, 125, 127, 175, 181—183, 186, 187, 208, 252, 253, 269.
- Лопухинъ, И. В. 25 — 27, 50, 51, 54, 55, 59—61, 94, 96, 153, 175, 190, 210, 216. Его Записки. 51, 54, 59—61, 65.
- Изображеніе мечты равенства и буйной свободы съ пагубными ихъ послѣдствіями. 93—95. Нравоучительный катихизисъ истинныхъ Франкъ-Масоновъ. 51, 93. Примѣры истиннаго геройства. 64. О внутренней церкви. 54. Торжество правосудія и добродѣтели, или добрый судья. 55.
- Лубкинъ, А. 265.
- Лубяновскій, Ѳ. П., его воспоминанія. 55, 60.
- Лунинь, Н. 246.
- Львовъ, Н. А. 243, 339.
- Львовъ, П. 162, 248, 320.
- Люценко, Евф. 172.
- Мабли. 264.
- „Магазинъ, Россійскій“. 180.
- Магницкій, М. Л. 259.
- Майковъ, В. 261.
- Макаровъ, его журналъ „Московскій Меркурій“ 318.

- Мамонтовы, Н. и С., перев. изъ Флоріана. 320.
- Маиновскій, А. О. 230, 231, 288.
- Мармонтель. 197, 246, 313, 316—318.
- Maгот. 197.
- Мартыновъ, И. И., издатель журнала „Муза“. 12, 13.
- Маттиссонъ. 224—228.
- Мейнерсъ, Хр. 210.
- Мейснеръ, А. Г. 8, 125, 230, 313, 314.
- Меланхолия. 129—131.
- Мелиссино, И. И. 252, 253.
- Мерзляковъ, А. О. 177—196, 206—209, 249, 251, 257, 263, 269, 276, 277, 346.
- „Меркурій, Московскій“, изд. Макаровымъ. 318.
- Мерсье. 48, 129, 214.
- Мишенское. 4.
- Мойеръ, Марія Андреевна. 223.
- Мольеръ. 278.
- Монтескье, 209.
- „Москвитянинъ“. 3, 4, 10, 14, 269.
- „Мудрецъ, Китайскій“. 35, 36.
- „Муза“, журналъ, изд. Мартыновымъ. 12, 13, 292, 305.
- Musen-Almanach. 200.
- „Музеумъ, Россійскій“. 176.
- Музеусъ. 278.
- Наказъ имп. Екатерины, аллегорич. гравюра по поводу его изданія. 88.
- Невзоровъ, М. И. 15, 50, 55, 94.
- Неккеръ, 238.
- Нелединскій-Мелецкій. 165, 194, 243, 346.
- Нелидовъ, Иринархъ, перев. изъ Коцебу. 289.
- Немировъ, перев. изъ Коцебу. 290.
- Нивель-де-ля-Шоссе. 315.
- Новиковъ, Н. И. 15, 17, 25—27, 36, 50, 56, 58, 94.
- Общество, Дружеское Литературное. 120, 178, 208, 209, 232, 251, 269.
- Общество, Дружеское Ученое. 15, 16, 25, 26, 50, 54, 58, 14 152, 175.
- Общество Любителей Россійской Словесности, Московское. 208.
- Общество Университетскихъ Питомцевъ. 120.
- Ода, теоретическіе взгляды на нее. 79—83.
- Одоевскій, Николай. 288.
- Озеровъ, С. 117.
- Осыпова, П. А. 228.
- Оссіанъ-Мафферсонъ. 129, 135, 176, 191, 192, 209, 219, 220, 225, 235, 236, 246, 339.
- Офросимовъ, А. 178, 264, 269.
- Павель I, имп. 84, 93, 94, 96, 98, 107, 284.
- Панаевъ, И. И. 180.
- Пановъ, актеръ, перев. изъ Коцебу. 288.
- Пансіонъ, Московскій Университетскій Благородный. 13, 111, 120, 121, 246, 249, 251, 259, 269—271, 275. Постановленіе Благор. Пансіона при Имп. Моск. Университетѣ учрежденнаго. 23. Рѣчи, разговоры и стихи, читан. на публич. актахъ Унив. Благ. Пансіона. 49, 50, 66, 70, 75, 148, 167, 168, 230, 253.
- „Пантеонъ иностранной словесности“, Карамзина. 352.
- „Патріотъ“, журналъ В. В. Измайлова. 317.
- Percy, Th., Reliques of anc. engl. poetry. 199, 200, 202, 245.
- Петинъ, И. А. 124, 125, 246, 263, 264, 270.
- Петрарка. 243, 244.
- Петровъ. 87, 90, 246.
- Печенѣговъ, Ал., перев. изъ Флоріана. 319.
- Плещевы. 10.
- П-л-в-ъ, В. 125.
- Погодинъ, М. П., редакторъ „Москвитянина“. 3, 4, 180.
- Подшиваловъ, В. С. 18, 36, 112, 113, 128, 175, 206, 212, 232, 313, 314.
- Поздѣевъ, О. А. 55, 94.

- Покровский, Ф. Г. 5, 128, 129, 314.
 Полторацкий, С. Д. 13.
 Поляковъ, В., перев. изъ Коцебу. 293.
 Порошинъ, Ст. 125, 246.
 „Помехонецъ, Уединенный“. 262, 263.
 Прево, перев. Ричардсона. 352.
 „Препровождение времени, Приятное и полезное“. 8, 9, 14, 73, 120, 127, 128, 130 — 140, 144 — 147, 153, 156, 157, 159—162, 169, 172, 175, 184, 188, 190, 193, 205—208, 211, 212, 218, 221, 222, 229, 232 — 234, 236, 237, 241 — 243, 254—256, 265, 314, 321, 331—332.
 „Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ“, Новикова. 23.
 Прокоповичъ-Антонскій, А. А. 15—24, 27, 36, 37, 48 — 50, 59, 68, 120, 121, 149, 167, 175, 228, 246, 247, 252, 254.
 Его рѣчь „О воспитаніи“. 19—22, 23, 68, 120.
 Пушкинъ, А. С. 7, 102, 228, 251.
 Пушкинъ, В. Л., перев. изъ Флоріана. 320.
 Радищевъ, „Бова“. 331.
 Радклифъ. 310.
 „Разговоръ о томъ, что всякій членъ общества необходимо обязанъ служить ему“. 49, 167.
 „Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ Натуры и Провидѣнія.“ 24, 30—34, 59, 65, 142, 143, 145, 146, 150, 151.
 Райналь. 278, 281, 299.
 Рамлеръ. 244, 245.
 Ramsay. 207.
 Расинъ. 8, 246.
 Рахмановъ. 275.
 Рельевъ, Ив., перев. Коцебу. 286.
 Рижскій, его Наука стихотворства. 80.
 Ричардсонъ. 312, 352.
 Родзянка, С. 50, 69, 75, 76, 110, 111, 122 — 126, 133, 178, 246, 252 — 269, 275.
 „Романсы, Жестокіе“. 347, 348.
 Романъ, Переводный на русской почвѣ. 310—314.
 Руданъ. 109.
 Руссо, Ж. Ж. 9, 129, 130, 197, 219, 281, 282.
 Рѣчь о любви къ отечеству. 70, 127.
 Рѣчь о неразрывной связи проевѣщенія, религіи и добродѣтели. 49, 67, 71.
 Рѣчь о томъ, каковъ долженъ быть прямо благородный воспитанникъ. 49.
 Салтыковъ, Гр. С. 261.
 Сандуковъ, Н. Н. 48, 49.
 Сафоновичъ, его воспоминанія. 24.
 Свинынь, П. 263, 264.
 Свищовъ, А., перев. изъ Флоріана. 318.
 „Свѣтъ, Утренній“, изд. Новикова. 148, 152, 172, 173.
 Седанъ. 315.
 Сень-Ламберъ. 129.
 Сень-Пьеръ, Берн. де. 9, 10.
 Сервантесъ. 316, 317, 329 — 344, 346, 348, 350, 352.
 Сипягинъ, Ив. 119.
 „Славянинъ“, журналъ Воейкова. 228, 229, 251.
 Собраніе воспитанниковъ Унив. Благород. Пансіона. 120 — 122, 176, 178, 255.
 Собраніе Университетскихъ Питомцевъ. 16, 17, 176.
 Соковнина, Ек. Мих. 225.
 Соковнинъ, С. М. 246, 264, 270 — 275.
 Сомовъ, П. 246.
 Сорень. 315.
 Сохацкій, П. А. 18, 128, 175, 176, 190, 211, 212, 232.
 „Сочиненія, Ежемѣсячныя, къ пользѣ и увеселенію служащія“. 112.
 „Сочиненія, Новыя ежемѣсячныя“. 265.
 „Spectateur du Nord“. 215, 216, 330, 331, 333.
 Сперанскій, М. М. 240, 241.
 Степановъ, Арк., перев. Коцебу. 290.
 Стернь. 246, 248, 352.
 Стефани Младшій. 48.
 Стиль. 112.

- Стихи, на случай рожденія Е. И. В.
вел. кн. Николая Павловича. 12, 13.
- Строгановъ, Гр. 241.
- Сумароковъ. 192, 197, 214, 261.
- Символы и эмблемата. 96, 145.
- Татариновъ, А., перев. изъ Мармон-
теля. 313.
- Театръ, Дѣтской, или собраніе піесъ,
представленныхъ воспитанниками въ
универс. Благородномъ Пансіонѣ.
38—49.
- Тиде, его *Unterhaltungen*. 25, 225.
- Титовъ, перев. Коцебу. 289.
- Толмачевъ, Як., его Правила словесно-
сти. 78.
- Томасъ. 123, 130, 258, 270, 271.
- Томсонъ. 129, 134, 352.
- Трагедіи, Псевдоклассическія, на рус-
ской сценѣ. 8.
- Тредьяковскій. 196.
- Трохимовскій, М. 119,
- Трощинскій. 232.
- „Трудолюбецъ, Покоящійся“. 17, 18,
58, 143, 148, 156, 162, 166, 167, 198.
- Туманскій, Ѳ. О. 180.
- Тургеневъ, Александръ Ив. 49, 50, 53,
55, 58, 64, 66, 71, 122, 125, 178, 179,
183, 191, 193, 212, 218, 222, 225 228—
231, 249, 250, 269, 270, 275, 277.
- Тургеневъ, Андрей Ив. 50, 52, 53, 166,
178, 183, 209—229, 251, 275, 290.
- Тургеневъ, И. П. 26, 27, 50—52, 54,
57, 58, 59, 94, 126, 153, 173, 183, 186,
190, 210.
- Тургеневы. 175, 188, 216, 218, 225, 276.
- „Увеселеніе, Полезное“, изд. Хера-
скова. 34, 56, 112.
- „Упражненіе Юношества, Полезное“.
114—120, 171, 174, 175.
- Ursinus. 199, 200, 207.
- Феддерсенъ, Іаковъ. 209, 210.
- Фенелонъ. 316.
- Фильдингъ. 312.
- Флоріанъ. 138, 264, 270, 314—329, 330,
332, 333—345, 347—352.
- Фонтенель. 217, 218.
- Фонъ-Визинъ, Павелъ, перев. Мармон-
теля. 313.
- Фонъ-Визинъ, С. 124.
- Фравелинъ. 216, 217.
- Фране, перев. Стерна. 352.
- Жераскова, Е. В. 56.
- Херасковъ, М. М. 34, 51, 55—58, 112,
179, 252, 253, 261.
- Хлюстинъ, Н. 117.
- Хованскій, Кн. Гр., перев. изъ Фло-
ріана. 320.
- Цахаріэ. 279.
- „Цвѣтокъ, Распускающійся“. 112—114
175, 265.
- Циммерманъ. 281.
- Чарнышъ, О. 118.
- Чарнышъ, П. 120.
- „Часы. Свободныя“, изд. Хераскова
112, 261.
- „Часы, Утренніе“. 112—113.
- Чеботаревъ, Х. А., проф. 74, 190.
- Чертковъ, перев. Ричардсона. 312.
- „Чтеніе для вкуса, разума и чувство-
ваній“, Подшивалова. 128, 135, 192,
314, 321,
- „Чтеніе, Дѣтское, для сердца и разума“,
Новикова. 143, 148, 312, 313.
- Щатобріанъ. 76.
- Шварцъ, И. Г., проф. 15—18, 21, 22,
24, 26, 27, 50, 56, 58, 59, 148.
- Шварцъ, Петръ, перев. Коцебу. 291.
- Шекспиръ. 129, 213, 214, 286.
- Шенье, Мари-Жозефъ. 329.
- Шиллеръ. 178, 188, 213, 278—280.
- Шиповскій, Григорій, перев. Флоріана.
318, 319.
- Шипшовъ. 269.
- Шписъ. 276.
- Шрёдеръ. 278, 280.
- Штурмъ, Хр: Хр., его *Betrachtungen*
и *Unterhaltungen*. 25, 225.
- Шуваловъ, И. И. 190, 191. 252.
- „Экономія жизни человѣческой“. 34.

Энгель, I. Лк. 48.

Эрнести, *Initia rhetorica*. 74, 75, 77.

Эшенбургъ. 200.

Юшкова, В. А. 5, 6, 8, 9, 132.

Юшковъ, П. Н. 6, 276.

Юшковы. 50, 128.

Юнгъ. 129, 134, 152 — 156, 168, 169,

176, 190, 191, 217, 218, 221, 224, 260.

Шковичъ, перев. Коцебу. 288.

Яценковъ, Ник. перев. Флоріана. 319.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе.	I
Дѣтскіе годы.	3
I. Воспоминанія А. П. Зонтагъ о дѣтствѣ Жуковскаго (3—5).—Домъ Юшковыхъ (5—6).—Трагедія „Камилль“ (6—9).—Пьеса „Г—жа де-ла-Туръ“ (9—10).—Жуковский и И. И. Дмитріевъ (10—12).—Четверостишіе „Грозамъ ли древо всколебать“ (12—13).	
Пансіонскій періодъ	13
II. Жуковский въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ (13—14).—А. А. Прокоповичъ-Антонский и Дружеское ученое общество (15—18).—Рѣчь Пр.-Антонскаго „О воспитаніи“ (19—23).—Пр.-Антонскій, какъ педагогъ (20, 23—24).—„Размышленія“ Штурма и Тиде; „Книга премудрости и добродѣтели“ (24—38).—„Дѣтской театр“ (38—49).—Излюбленныя литературныя темы Пр.-Антонскаго (49—50).	
III. Сближеніе Жуковскаго съ бружомъ И. П. Тургенева (50 и сл.).—Андрей Тургеневъ (52—53).—И. В. Лопухинъ (54—55).—Херасковъ (55—57).—Карамзинъ (57—58).	
IV. Пансіонскія сочиненія Жуковскаго. Тема о добродѣтели (59—68).	
V. Патріотическіе мотивы въ сочиненіяхъ воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона (68—72).	

VI. Преподаваніе словесности въ пансіонѣ. М. Н. Баккаревичъ (73 и сл.).—Его литературные авторитеты (74—75).—Его методъ преподаванія (76—78).—Панегирики и оды въ XVIII вѣкѣ (78—83).

VII. Пансіонскія оды Жуковскаго, ихъ стиль; заимствованія и подражанія Ломоносову, Державину (84—111).

VIII. Литературное направленіе университетскаго благороднаго пансіона. *Распускающийся цвѣтокъ* (111—114).—*Полезное упражненіе юности* (114—120).—„Собраніе воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона“ и *Утренняя заря* (120—127).

IX. Жуковскій и „барамзинское“ литературное направленіе (127—131).—*Мысли при гробницѣ Жуковскаго* и *Надгробный памятникъ Баккаревича* (131—133).—Параллели изъ журналовъ, изъ Оссіана (133—141).—Мотивъ о смерти (141—152).—Вліяніе Юнга (152—158).—Описанія природы (158—161).—Элегія Грея *In a country Churchyard* и ея русскіе переводы (161—167).

X. Ода Жуковскаго *Къ челоѣку* (167—174).—Выводъ о первомъ періодѣ писательской дѣятельности Жуковскаго (174—176).

Дружеское литературное общество 176

XI. Литературные кружки конца XVIII—начала XIX вѣковъ (176—178).—Дружеское литературное общество, его направленіе и характеръ (178—180).

XII. Члены Дружескаго литературнаго общества: А. Ѳ. Мерзляковъ; начало его литературной дѣятельности (180—182); торжественная лирика (181—188); сближеніе съ тургеневскимъ кружкомъ (183, 188—192); пѣсни и романсы (192—194).—Первыя баллады на русской почвѣ (194—209).

XIII. Андрей Тургеневъ; его переводы (209—218).—Его оригинальныя стихотворенія; вліяніе Маттиссона (218—229).

XIV. Литературная дѣятельность Александра Тургенева (229—231).—Братья Кайсаровы: Петръ Сергѣевичъ (232—240), Михайлъ Сергѣевичъ (240—249) и Андрей Сергѣевичъ (249—251).—А. Ѳ. Воейковъ (251).

XV. Семенъ Родзянко, его сочиненія и переводы (252—269).—Андрей Офросимовъ (269—270).—Сергѣй Михайловичъ Соковнинъ (270—275).

Первые переводы Жуковского въ прозѣ 275

XVI. Переводы Жуковского изъ Коцебу (275—278).—Характеръ писательской дѣятельности Коцебу (278—283).—Его отношенія къ Россіи (283—285).—Сочиненія Коцебу на русской почвѣ, переводы, подражанія (285—300).

XVII. Gergrüfte Liebe Коцебу и „Мальчиѣ у ручья“ Жуковского (300—306).—Комедія „Ложный стыдъ“ (306—307).—„Королева Ильдегерда“ (307—310).

XVIII. Переводные романы въ Россіи (310—313).—Флоріанъ, русскіе переводы его сочиненій (314—320).—„Вильгельмъ Тель“ и „Розальба“ въ переводѣ Жуковского (320—329).

XIX. „Донъ-Кихотъ“ въ переводѣ Флоріана (329—331).—Сервантесъ на русскомъ языкѣ (331—332).—Переводъ „Донъ-Кихота“, сдѣланный Жуковскимъ (332—350).—Взглядъ Жуковского на задачи и обязанности переводчика (350—353).

Указатель 355

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Должно быть:

страница.	строка.	Напечатано:	Должно быть:
18.	9 св.	училіями	успліями
18.	13 св.	питомцы	птенцы
22.	19 св.	познаніяхъ	познапіяхъ*
48.	17 св.	kindlicher* Liebe	kindlicher Liebe*.
50.	14 св.	сближанія	сближенія
52.	3 св.	194	294
56.	1 св.	учебнаго	ученаго
56.	1 св.	<i>Милюкоръ</i>	<i>Милюковъ</i>
80.	22 св.	object	objets
84.	2 св.	справка.	справка:
87.	10 св.	двѣтамъ.	двѣтамъ,
101.	2 св.	приподаеть	преподаеть
114.	17 св.	кончалнсь	кончились
128.	3 св.	1709	1799
145.	2 св.	Всѣ	Все
156.	10 св.	уничтожить	уничжить
157.	18 св.	принеси	пренеси
164.	16 св.	fhe	the
164.	17 св.	wisches	wishes
164.	5 св.	dead.	dead,
165.	8 св.	bubbles	babbles
165.	11 св.	oneforlorn	one forlorn
165.	12 св.	inhopeles	in hopeles
165.	7 св.	<i>Миръ</i>	<i>Миръ</i>
166.	5 св.	построчнымъ	подстрочнымъ
171.	11 св.	счастія	счастія
172.	14 св.	страстямъ,	страстямъ!
178.	11 св.	Строка 11-я снизу (взаимное доверіе и проч.) должна быть первою строкою сверху на этой страницѣ.	
180.	16 св.	59	50
182.	10 св.	А.	Александръ,
184.	18 св.	святыя.	святыи.
184.	19 св.	Прославленна средь тяжкихъ битвъ.	Прославленны средь тяжкихъ битвъ.
197.	3 св.	ou peut	on peut
202.	16 св.	комическаго	комическаго,
206.	11 св.	розп	рази
207.	13 св.	'Twas	't was
207.	15 св.	stürzt'	stürzt'
207.	16 св.	lang	bang
207.	23 св.	vent' rous	ventrous
215.	18 св.	доставляють	доставятъ

Напечатано:

Должно быть:

страница.	строка.		
217.	17 св.	эту	ту
225.	15 сн.	bang'im	bang' im
225.	10 сн.	falles	falbes
226.	3 св.	glüht'am	glüht' am
226.	3 св.	öd'umnachtet	öd' umnachtet
226.	7 св.	Lamp'in	Lamp' in
226.	13 св.	seh'des	seh' des
226.	7 сн.	Staub'ein	Staub' ein
226.	5 сн.	Wann	Wenn
227.	10 св.	Als vernähm'ich mir, o Erde, zu entfliehen	Als vernähm' ich Engel- melodien, Wähnt' ich mir, o Erde, zu entfliehen,
227.	11 св.	Sah'schon	Sah' schon
227.	13 св.	begrüsst'ich	begrüsst' ich
227.	15 св.	Strale	Strahle
244.	14 сн.	E le fero e gli angelli	E le fere e gli augelli
266.	3 сн.	вершины	вертепы
288.	16 св.	1795)	1795;
288.	18 св.	(перевель	перевель
289.	18 св.	Körsen	Korsen
295.	10 сн.	Schlüssel	Schlüssel
303.	6 сн.	городъ	городкъ
305.	12 св.	Stiefmutter	Stiefmütter
306.	2 св.	verzehen	versehen
306.	6 св.	<i>Recenseat</i>	<i>Recensent</i>
306.	11 сн.	betragen	befragen
316.	11 св.	de style	du style
331.	6 св.	1769 г.	1769 г.:
332.	3 св.	духъ	духъ
333.	20 св.	I asi!	У asi!
334.	18 сн.	libroos	libräs
335.	18 сн.	tuerdos	tuerros
336.	17 св.	paricieron	parecieron
336.	20 св.	puderon	pudheron
339.	8 св.	la amor	añ amor
339.	8 сн.	216	261
340.	4 св.	me feux	mes feux
341.	2 св.	vinda	viuda
343.	9 св.	tui	tú
343.	21 св.	puode	puede
343.	24 св.	a' una	á una
343.	14 сн.	o' si	ó si
346.	10 св.	Serbiente	Serpiente
348.	24 св.	O' viniese	ó viniese
349.	4 св.	Le vertu	La vertu
350.	11 св.	Qué el	Fué el
350.	13 св.	Rue	Que